ОСНОВЫ МАРКСИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Учебник

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ОСНОВЫ МАРКСИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ

УЧЕБНИК

Издание второе

МОСКВА
Государственное Издательство
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1962

УЧЕБНИК ПОДГОТОВЛЕН
АВТОРСКИМ КОЛЛЕКТИВОМ В СОСТАВЕ:

Ф. В. Константинов, член-корреспондент АН СССР (руководитель); *В. Ф. Берестнев*, доктор философских наук; *Г. Е. Глезерман*, доктор философских наук; *М. А. Дынник*, член-корреспондент АН СССР; *М. Д. Каммари*, член-корреспондент АН СССР; *И. В. Кузнецов*, доктор философских наук; *П. В. Копнин*, доктор философских наук; *М. М. Розенталь*, доктор философских наук; *А. Ф. Шишкин*, доктор философских наук; *П. Н. Федосеев*, академик АН СССР; *Ю. П. Францев*, член-корреспондент АН СССР.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Выпускаемая ныне вторым изданием книга «Основы марксистской философии» дает систематическое изложение диалектического и исторического материализма. Она предназначена для студентов высших учебных заведений, слушателей системы партийного просвещения и для самообразования.

В нашу эпоху нельзя быть передовым образованным человеком, сознательно разбирающимся в событиях современности, не изучая высшее достижение философской мысли — диалектический и исторический материализм. Программа Коммунистической партии Советского Союза, принятая ее XXII съездом, ставит задачу формирования научного мировоззрения у всех строителей коммунизма, воспитания всего населения в духе научного коммунизма. Партия добивается, чтобы трудящиеся глубоко понимали ход и перспективы мирового развития, правильно разбирались в событиях внутри страны и на международной арене, сознательно строили жизнь по-коммунистически. Для этого необходимо вооружать их передовым, научным мировоззрением. «В условиях социализма и строительства коммунистического общества,— говорится в Программе КПСС,— когда стихийное экономическое развитие уступило место сознательной организации производства и всей общественной жизни, когда теория повседневно претворяется в практику, первостепенное значение приобретает формирование научного мировоззрения у всех тружеников советского общества на основе марксизма-ленинизма, как цельной и стройной системы философских, экономических и социально-политических взглядов».

Марксизм как мировоззрение, как идеология революционного рабочего класса возник больше ста лет назад. За эти годы, заполненные великими историческими событиями, появлялись и сходили со сцены многие буржуазные общественные и философские теории. Не выдержав испытания временем и общественно-исторической практикой, они терпели и терпят банкротство.

Только марксизм с честью прошел проверку временем и всемирно-исторической практикой. Яростные атаки целого сонма реакционных противников не смогли пробить брешь в стройном и величественном здании марксистско-ленинского мировоззрения. Весь ход мировой истории за это столетие неопровержимо доказал истинность принципов марксизма-ленинизма, открытых им законов.

Диалектический и исторический материализм представляет собою составную часть марксизма-ленинизма, его философскую основу. Философия диалектического материализма является марксистско-ленинской философией. В своих философских трудах В. И. Ленин, обобщая новейшие данные естествознания и общественно-исторической практики, развил дальше все коренные положения марксистской философии, поднял ее на новую, высшую ступень. Как живое, творческое учение, марксистско-ленинская философия постоянно развивается и обогащается на основе нового исторического опыта. Решая коренные практические вопросы строительства коммунизма в СССР, Коммунистическая партия Советского Союза, ее Центральный Комитет развивают дальше и теорию марксизма-ленинизма. Марксистско-ленинская теория обогащается также опытом борьбы коммунистических и рабочих партий братских стран социализма, опытом всего международного коммунистического и рабочего движения. Этот опыт нашел свое воплощение в важнейших документах международного коммунистического движения, в новой Программе КПСС, которую справедливо называют Коммунистическим манифестом современной эпохи.

Творческому развитию марксистско-ленинской теории противостоят ревизионизм и догматизм. Если ревизионисты под видом «развития» марксистской теории пытаются отбросить ее коренные принципы, сползая на идеологические позиции буржуазии, то догматики, отворачиваясь от нового исторического опыта, цепляются за старые формулы, омертвляют теорию.

Ревизионисты с конца прошлого века и до наших дней пытаются пересмотреть основные принципы марксистской теории, в том числе ее философские основы. Повторяя буржуазные реакционные пошлости насчет «устарелости» марксизма и «примитивности» деления философии на материализм и идеализм, ревизионисты наших дней пытаются стереть грань между революционным, подлинно научным мировоззрением рабочего класса и идеалистическим, реакционным мировоззрением буржуазии. Ревизионисты предлагают дополнить диалектический и исторический материализм выводами современной буржуазной философии и социологии. Но современная буржуазная идеалистическая философия и социология антинаучны и бесплодны. Главное, что характеризует современную буржуазную философию и социологию,— это борьба против научного мировоззре-

ния — диалектического и исторического материализма, против марксизма-ленинизма, против коммунизма. А все это неизбежно приводит буржуазных философов и социологов к противоречию с действительностью, с данными науки.

Эта книга, дающая освещение основных вопросов марксистско-ленинской философии, направлена против идеализма и метафизики. Авторы ставили своей задачей вести борьбу как против ревизионизма, остающегося в наше время главной опасностью внутри рабочего и коммунистического движения, так и против догматизма и сектантства, которые находятся в непримиримом противоречии с творческим развитием революционной теории.

* *
*

Первое издание этой книги вышло в свет в мае 1958 года. Выпущенная более чем миллионным тиражом, она полностью разошлась. Книга «Основы марксистской философии» переведена на немецкий, чешский, болгарский, польский, румынский, венгерский, вьетнамский, испанский, японский и другие языки. Это показывает, насколько назрела потребность в подобном издании.

Выпускаемое ныне второе издание сохраняет основные черты предыдущего. Однако в книге необходимо было учесть исторические события последних лет, а главное, новые задачи, вставшие перед страной в связи с вступлением в период развернутого строительства коммунизма. Исторические XXI и XXII съезды партии внесли огромный вклад в развитие марксистско-ленинской теории во всех ее составных частях, который должен быть использован в полной мере при изучении диалектического и исторического материализма. Авторы книги стремились всемерно учесть теоретические и практические выводы новой Программы КПСС, которая знаменует новый этап в развитии революционной теории Маркса, Энгельса, Ленина.

При подготовке второго издания учтены также опыт использования книги в качестве учебного пособия в высших учебных заведениях и многочисленные отзывы на книгу в печати и письмах читателей, наиболее ценные критические замечания, высказанные при обсуждении книги на философских кафедрах ряда вузов и др.

В соответствии с пожеланиями читателей в книгу включены новые параграфы о национально-освободительных революциях и их роли в свержении империализма и о войнах как социальном явлении, о борьбе против войн, за всеобщий мир; эти параграфы вошли в главу XV. Кроме того, в главах XIV и XV сделаны дополнения об армии как орудии государственной власти. Все эти вопросы излагаются под углом зрения изучаемого предмета — исторического материализма и с учетом того, что в выс-

ших учебных заведениях будут изучаться как особый предмет основы научного коммунизма.

В целях сохранения прежнего объема книги авторский коллектив счел целесообразным снять из книги главу II — «Борьба материализма и идеализма в истории философии домарксистской эпохи». Краткие сведения по этой теме включены в другие главы, а читатели, желающие получить более подробный историко-философский материал, имеют возможность обратиться к существующим пособиям по истории философии. Наконец, не исключена возможность использования в случае необходимости и второй главы предыдущего издания «Основ марксистской философии».

В подготовке общефилософской части XVIII главы (критика современной буржуазной философии) приняли участие кандидаты философских наук *В. В. Мшвениерадзе, М. Л. Чалин* и *Я. В. Минкявичус*.

Авторы книги выражают благодарность всем читателям, приславшим отзывы и пожелания, и надеются на их помощь в дальнейшей работе над учебником.

Авторы

20.IV. 1962 г.

ВВЕДЕНИЕ

ГЛАВА I

ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФИИ

Марксизм представляет собой целостное стройное учение, включающее в себя три составные части: философию, политическую экономию и теорию научного коммунизма. Эти составные части марксизма внутренне, неразрывно связаны друг с другом. Диалектический и исторический материализм является общетеоретической философской основой марксизма, его политической экономии, научного коммунизма, стратегии и тактики марксистских партий. Нельзя глубоко понять марксизм-ленинизм, не усвоив марксистской философии. Признаваемые даже противниками учения Маркса внутренняя стройность, целостность, железная логика, последовательность марксизма есть результат применения во всех его составных частях единого метода, единого мировоззрения. Диалектический и исторический материализм — философское мировоззрение революционного рабочего класса и его марксистских партий.

Что же изучает марксистская философия, каков ее предмет? В каком отношении находится марксистская философия к другим наукам и к различным формам общественного сознания? На эти вопросы легче дать ответ, подойдя к ним исторически. Марксистская философия — это закономерный результат всего предшествующего развития передовой философской и научной мысли человечества; она опирается на их достижения и вместе с тем представляет собой качественно новую, высшую ступень в развитии философии. Поэтому следует прежде всего выяснить, какие вопросы и как решала предшествовавшая марксизму философия. После этого нам станет ясно, чем отличается марксистская философия от всех других философских течений, почему возникновение диалектического и исторического материализма означало революционный переворот в области философии.

1. Основной вопрос философии. Материализм и идеализм как главные направления в философии

Название «философия» происходит от греческих слов «филео» — люблю и «софиа» — мудрость, что означает любовь к мудрости (или, как говорили раньше на Руси, любомудрие). Однако буквальный смысл слова «философия» еще не определяет предмета, содержания и задач философии. Правильное определение философии может быть дано лишь при учете ее особенностей по сравнению с другими науками и другими формами общественного сознания, во взаимодействии с которыми она развивалась.

Главная особенность философии состоит в том, что с самого своего возникновения она представляла собой более или менее цельное *мировоззрение,* т. е. систему общих взглядов на мир: на природу, общество, человека.

У всякого человека складывается то или иное мировоззрение, но оно может быть не продуманным, а стихийно сложившимся под влиянием условий его жизни и нередко состоит из обрывков различных противоречивых взглядов и представлений о мире. Философия же представляет собой не просто сумму, а систему взглядов и представлений о мире, она является результатом сознательного проведения определенной точки зрения на окружающую действительность, совокупностью определенных принципов. Эти принципы всегда выражали идеологию того или иного общественного класса, условия его жизни и его интересы.

На разных ступенях своего развития философия занималась изучением различных вопросов. На первых порах она включала в себя множество таких проблем, которые затем отошли к специальным наукам. Но как бы ни изменялось понимание предмета философии, ее главными вопросами всегда являлись коренные вопросы мировоззрения, она отвечала на вопросы о том, что собой представляет окружающий нас мир, существует ли он вечно или возник тем или иным способом, какое место занимает в мире человек, что собой представляет наше сознание, как оно относится к окружающему нас миру и т. д.

Основным вопросом мировоззрения является вопрос об отношении мышления, сознания к бытию, духа к природе. Что является первичным, изначальным: природа (бытие, материя) или дух (разум, сознание, идея)? Иными словами, что чему предшествует: материя сознанию или, наоборот, сознание материи? Бытие, материя определяет мышление, сознание или наоборот?

Все явления, с которыми нам приходится иметь дело, относятся либо к материальным, т. е. существующим вне нашего сознания (таковы предметы и процессы внешнего мира), либо к духовным, идеальным, т. е. таким, которые существуют лишь

в нашем сознании (таковы наши чувства, мысли, идеи и т. д.). Материальное и духовное — это предельно широкие понятия, охватывающие все, что существует в мире. Поэтому, каково бы ни было мировоззрение, оно обязательно исходит из того или иного ответа на вопрос об отношении между материальным и духовным. Этот вопрос всегда был и остается главным при выработке философского мировоззрения. И именно тот или иной ответ на этот вопрос прежде всего и характеризует философское мировоззрение.

В зависимости от решения основного вопроса философские учения делятся на два основных направления: *материализм* и *идеализм*. Те философы, которые признают первичной материю, называются *материалистами* (от латинского слова materialis — вещественный); они считают, что окружающий нас мир никто не сотворил, что природа существует вечно. Материалисты объясняют мир исходя из него самого, не прибегая к ссылкам на какие-то сверхъестественные силы, якобы находящиеся вне мира. Именно так смотрели на мир древнегреческие философы Демокрит и Эпикур, французские материалисты XVIII в. Ламетри, Гольбах, Дидро, немецкий материалист, предшественник К. Маркса и Ф. Энгельса Людвиг Фейербах и др. В противовес материалистам *идеалисты* считали и считают первоосновой всего мышление, или «дух». Они утверждают, что дух, сознание существовали прежде природы и независимо от нее. Такого взгляда на мир придерживались древнегреческий философ Платон, английский философ XVIII в. Беркли, немецкий философ первой четверти XIX в. Гегель и др.

Всякое более или менее последовательное мировоззрение обязательно исходит из признания первичности одного начала — либо материи, либо духа. Такое мировоззрение называется *монистическим* (от греческого «монос» — один). Правда, были в истории такие философы, которые признавали оба эти начала первичными и независимыми друг от друга. Эти философы называются *дуалистами* (от латинского duo — два). Признавая материю и дух самостоятельными субстанциями, дуализм не может установить связи между ними. Поэтому при объяснении явлений мира дуалист неизбежно запутывается в неразрешимых для его системы противоречиях и становится либо на позиции материализма, либо на позиции идеализма. Дуализм — это не какое-то принципиально новое по сравнению с материализмом и идеализмом решение основного вопроса философии, а выражение философской непоследовательности.

Вопрос об отношении мышления к бытию является основным вопросом всякого философского мировоззрения потому, что от решения его зависит ответ на другие вопросы, которыми занимается философия. Так, в зависимости от решения вопроса о том, что первично: дух или природа, философы по-разному отвечали на вопросы о том, существует ли мир вечно или он имеет свое начало во времени, является ли он бесконечным или ограниченным в пространстве и т. д.

С признанием первичности материи или сознания связано и решение вопроса о существовании и характере *закономерности* явлений мира. Материалисты считают, что мир существует независимо от сознания человека. А если так, то и связи между различными явлениями мира не устанавливаются мышлением человека, а существуют объективно, т. е. независимо от сознания. Поэтому материалисты признают объективные законы, которым подчинены все явления и процессы в окружающем нас мире.

Иначе решают этот вопрос идеалисты. Одни из них (так называемые *субъективные идеалисты*) считают первичным человеческое сознание. Они утверждают, что человек непосредственно имеет дело лишь с явлениями собственного сознания — ощущениями, представлениями, понятиями и т. д. и не вправе допускать существование чего-либо находящегося вне сознания. Отрицая существование объективного мира и считая предметы совокупностями ощущений и идей, субъективный идеализм отрицает и объективную закономерность явлений. С точки зрения субъективных идеалистов, законы природы и общества, причины явлений и процессов, открываемые наукой, выражают только привычно наблюдаемую нами последовательность явлений, но эта последовательность якобы не имеет никакой необходимой силы.

Другое направление идеализма — *объективный идеализм* — считает первичным дух, идею, якобы существующие вне человека и независимо от человека. Объективные идеалисты признают в природе определенный порядок, законосообразность явлений, но источник этой законосообразности они ищут не в самой природе, не в естественной связи причин и следствий, а во «всемирном разуме», в «абсолютной идее», в «мировой воле». Нетрудно видеть, что абсолютная идея, мировой разум или воля — это лишь другие названия для бога, якобы сотворившего мир и поставившего перед ним определенные цели.

Какой бы вопрос философии мы ни взяли — о вечности мира и о его единстве, о закономерности явлений и т. д., подход к этим вопросам зависит так или иначе от решения основного вопроса философии. Здесь проходит водораздел между двумя главными направлениями в философии — материализмом и идеализмом.

На первый взгляд может показаться, что основной вопрос философии в силу своей общности стоит далеко от жизни, от практической деятельности людей. Но такое представление ошибочно. Из решения этого вопроса вытекают определенные социальные выводы: то или иное отношение человека к действительности, понимание общественной жизни, исторических задач, нравственных принципов и т. д.

Если, например, вместе с идеалистами признать первичным сознание, дух, то источник социальных бедствий, от которых жестоко страдают трудящиеся в классовых обществах, а особенно при капитализме (порабощение и нищета трудящихся масс, разрушительные войны и т. д.), придется искать не в условиях материальной жизни людей, не в экономическом строе общества, не в его классовой структуре, а в условиях духовной жизни, в заблуждениях людей, в их нравственных пороках. Такой взгляд не дает возможности определить действительные пути изменения общественной жизни. Он не может указать трудящимся пути решения коренных проблем современности: обеспечения мира, предотвращения и исключения из жизни общества мировых войн, окончательного уничтожения колониализма, национального и классового гнета.

Идеалистический взгляд на мир так или иначе, прямо или косвенно, поддерживает религию, связан с мистикой. А религия в классовом обществе играет вполне определенную социальную роль: она служит духовным орудием порабощения масс, представляет собой, по образному выражению К. Маркса, опиум народа. Религия, проповедуя веру в бога и в загробную жизнь, внушает трудящимся мысль о бренности земной жизни и о тщетности борьбы за свое освобождение от классового гнета, прививает им дух пассивности, покорности, примирения с социальной несправедливостью на земле, обещая воздаяние на небе.

Идеализм и религия сходны между собой в главном, в решении основного вопроса мировоззрения. Всякая религия основана на вере в сверхъестественные силы, которые будто бы управляют миром. Тому же учит и идеализм, согласно которому нематериальная, духовная сила лежит в основе всех вещей и творит мир. Правда, в отличие от религии философы-идеалисты не всегда называют богом духовное начало, творящее, по их мнению, мир, но дело от этого нисколько не меняется. Даже в тех случаях, когда они отвергают примитивную, наивную веру в бога как всемогущее личное существо, их учения неизбежно ведут в конечном счете к поповщине, к поддержке религии.

Конечно, это не значит, что можно просто отождествлять идеалистическую философию с религией. Религия не является формой познания действительности. Она заменяет знание слепой верой, уводит от познания в область фантастических вымыслов и дает превратное объяснение действительности. Идеалистическая философия также является ложным учением, но некоторые идеалистические системы содержали в себе рациональные зерна знания о мире. Выдающиеся философы-идеалисты двигали вперед познание некоторых сторон действительности, хотя в целом понимали мир идеалистически, односторонне, превратно. Например, Гегель в своей философии разработал идею диалектического развития, но, будучи идеалистом, представил это

развитие извращенно, как проявление саморазвития вымышленной «абсолютной идеи».

Идеалистическая философия имеет социальные и гносеологические корни. Если прогрессивные классы, как правило, защищали философский материализм, то реакционные классы, как правило, защищали различные формы идеализма.

Гносеологические, теоретико-познавательные корни идеализма состоят в одностороннем подходе к познанию, в преувеличении или даже абсолютизировании какой-либо одной из сторон, граней сложного, многостороннего процесса познания. Например, в процессе познания действительности люди создают обобщения, общие понятия, скажем — понятие «дом». Понятие «дом» вырабатывается путем абстрагирования, отвлечения известных общих признаков от реально существующих домов. В процессе абстрагирования содержится возможность отрыва мысли от действительности. Стоит забыть о происхождении общего понятия и принять его за нечто самостоятельно существующее, не зависящее от реальных предметов, как мы соскользнем на позиции идеализма.

Идеалистическая философия представляет собой, по выражению В. И. Ленина, пустоцвет, но пустоцвет, растущий на живом дереве живого, плодотворного, могучего, всесильного человеческого познания. Ленин сравнивал процесс познания с движением не по прямой линии, а по сложной кривой, по спирали. При одностороннем, субъективном подходе любой отрезок спирали может быть превращен в прямую, и тогда он уведет человека в сторону от магистрального пути познания, к искажению истины. А отход от истины часто соответствует интересам реакционных общественных классов, закрепляется ими, и отдельные идеалистические ошибки превращаются в идеалистические философские системы. Ленин отмечал, что прямолинейность и односторонность, окостенелость мысли, субъективизм и субъективная слепота представляют собой гносеологические корни идеализма.

Возникшее в классовом обществе отделение умственного труда от физического, а затем и противоположность между ними создают иллюзию, будто мысли, идеи независимы от практики и даже определяют практику. Этот идеалистический взгляд на мир искажает действительность, превратно истолковывает мир и используется эксплуататорскими классами для оправдания и утверждения своего господства. Так идеалистическое мировоззрение складывается и распространяется под влиянием определенных классовых отношений и классовых интересов.

Не случайно современная буржуазная философия стоит на позициях идеализма, тогда как двумя столетиями раньше, например во Франции, философы, выражавшие идеологию буржуазии, отстаивали материализм. Это изменение философских

взглядов объясняется изменением положения того класса, идеологию которого они выражают: буржуазия из прогрессивного, революционного, восходящего класса превратилась в реакционный, умирающий класс.

В противоположность идеализму материалистическое мировоззрение, как правило, выражало интересы передовых, прогрессивных сил общества, заинтересованных в развитии общественного производства, а следовательно, и в развитии науки.

После того как возникли науки о природе, материализм как философское мировоззрение развивался в тесной связи с естествознанием. Всякое научное объяснение в сущности является материалистическим, ибо наука дает естественное истолкование явлений, способное вооружать человека для преобразования мира. Наука исходит из того, что изучаемые ею предметы и весь окружающий мир, его закономерные связи и отношения существуют объективно, независимо от нашего сознания. Наука в корне отвергает существование сверхприродных сил. Все развитие естествознания доказывает несотворимость природы, вечность материи и ее движения. Материя и ее движение постоянно превращаются из одних форм в другие, но никогда не возникают и не уничтожаются.

В многовековой борьбе между наукой и религией идеализм, как правило, выступал на стороне религии, а материализм — на стороне науки. Материализм по своему существу враждебен религии. Поэтому защитниками материализма обычно выступали в истории те социальные силы, которые боролись против религии и суеверий, за распространение просвещения. В. И. Ленин отмечал, что в течение всей новейшей истории «материализм оказался единственной последовательной философией, верной всем учениям естественных наук, враждебной суевериям, ханжеству и т. п.» [1].

Основной вопрос философии, кроме вопроса о том, что является первичным — мышление или бытие, заключает в себе еще и вторую сторону: как наши идеи, мысли, знание о мире относятся к этому миру? В состоянии ли наше мышление познать действительный мир?

Почти с самого начала существования философии одной из важнейших ее задач было исследование процесса, метода и средств познания действительности. Она пыталась выяснить, что является источником нашего познания, можно ли рассматривать наши ощущения, представления, понятия как отражение мира и способны ли они правильно отобразить мир.

При решении этих вопросов также обнаруживается противоположность материализма и идеализма.

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 4, т. 19, стр. 4. В дальнейшем все ссылки даны по 4-му изданию Сочинений В. И. Ленина.

Материализм утверждает, что мир существует объективно, независимо от сознания, а люди представляют собой часть природы и отражают ее в своем сознании. Отсюда, естественно, вытекает признание возможности познания мира и его закономерностей.

Многие идеалисты также не отрицали возможности познания мира, но все они отвергают взгляд на познание как на отражение объективной реальности. Одни идеалисты (например, древнегреческий философ Платон) утверждали, что источник познания лежит в «потустороннем, идеальном мире», поэтому человек, желающий знать истину, должен отрешиться от окружающего мира, закрыть глаза и уши, вспомнить то, что его «бессмертная душа» якобы ранее наблюдала в мире идей. Другие идеалисты (например, Гегель) рассматривали познание как самопознание абсолютной идеи, которая творит мир и в лице человека познает самое себя. При всем разнообразии идеалистических школ и различии их взглядов на познание все они отказываются видеть в ощущениях, понятиях, идеях человека отражение вещей, отказываются считать источником познания объективный мир.

Наряду с философами, признающими возможность познания мира, были и есть философы, подвергающие сомнению такую возможность (*скептицизм*) или даже пытающиеся обосновать невозможность познания мира. Философское направление, отрицающее возможность достижения достоверного знания, получило название *агностицизм* (от греческого «а» — не, «гносис» — знание).

Агностицизм нередко выступает как попытка уклониться от решения основного вопроса философии, объявить неразрешимым вопрос о первичности материи или сознания и даже о самом существовании объективного мира. Однако, претендуя на какую-то «среднюю» линию между материализмом и идеализмом, агностицизм в большинстве случаев на деле примыкает к идеализму[1].

Весьма характерно, что современная буржуазная философия почти сплошь стоит на позициях агностицизма: отрицает способность человеческого разума познать мир, сущность явлений, твердит о бессилии логического мышления. Это одно из проявлений упадка капитализма и буржуазии, давно утратившей гордую веру в творческую силу разума человека и в общественный прогресс.

Отрицание познаваемости мира принижает науку. Утверждая невозможность познания мира, агностицизм открывает дорогу

[1] Агностицизм в прошлом иногда выступал и как стыдливая форма материализма. Так, некоторые естествоиспытатели XIX в. в Англии (Т. Гексли и др.), не решаясь под влиянием буржуазных предубеждений открыто признать себя материалистами, облачались в одежду агностицизма.

религиозной вере, примирению науки и религии. Если считать невозможным достоверное знание о мире, то остается признать, что человек должен основывать свою практическую деятельность не на данных науки, а на догматах веры. В современных буржуазных странах агностицизм стремится подорвать уверенность рабочего класса в возможности познать условия своего освобождения от капиталистического рабства, а стало быть, и практически порвать цепи этого рабства.

Социальный смысл такой проповеди ярко раскрыл М. Горький в следующей записи из дневника:

«В мире живут две мысли: одна, смело глядя во тьму загадок жизни, стремится разгадать их, другая признает тайны необъяснимыми и, в страхе пред ними, обоготворяет их.

Для одной — нет непознаваемого, существует только непознанное, другая — верит, что мир непознаваем навсегда.

Первая идет сквозь хаос явлений бытия, бесстрашно касаясь всего на трудном пути своем и все оживляя энергией своею, даже немые камни заставляет она красноречиво рассказывать о начале жизни; вторая — пугливо бросается из стороны в сторону, безуспешно пытаясь найти оправдание своего бытия.

— Существую ли я? — спрашивает она сама себя, тогда как первая говорит:

— Я — действую!

Первая нередко сама отдает себя мукам сомнений в силе своей, но холод скептицизма только оздоровляет ее, и, еще более сильная, она снова видит цель бытия в деянии; вторая — всегда живет в страхе пред собою, ей кажется, что кроме нее есть нечто высшее — начало, родственное ей, но — враждебное и грозно охраняющее тайну своего бытия.

Цель первой — бесконечное движение от одной истины к следующей и сквозь все — к последней, какова бы она ни была; цель второй — найти в мире вечного движения, вечных колебаний мертвую точку и утвердить на ней непререкаемый догмат, сковать дух исследования и критики железными оковами внушения.

Одна — философствует из любви к мудрости, будучи мужественно уверена в силе своей; другая — размышляет со страха, в чаянии победить страх.

Они обе свободны, одна — как свободна энергия, другая — как бездомная собака, она визжит пред каждой дверью, за которой чувствуется тепло, покой и дешевенький уют.

Чаще всего эта вторая мысль пресмыкается на папертях храмов, умоляя о милостыне внимания к ней — силу, созданную ее же страхом.

Это она, разлагаясь, отравляет землю ядами... мистики, первая же мысль на пути своем украшает мир дарами искусства и науки» [1].

История философии с древности до наших дней есть история борьбы материализма и идеализма. Борьба между ними велась и ведется крайне страстно, что само по себе свидетельствует, как близко философия затрагивает жизненные интересы людей. В книге «Материализм и эмпириокритицизм», посвященной защите материалистического мировоззрения и непримиримой борьбе против реакционной, идеалистической философии, В. И. Ленин охарактеризовал материализм и идеализм как две партии в философии. Новейшая философия, подчеркивал Ленин, также

[1] *М. Горький.* Собрание сочинений, т. 14. 1951, стр. 207—208.

партийна, как и две тысячи лет назад. Борющимися партиями по сути дела являются материализм и идеализм; их борьба в последнем счете выражает тенденции и идеологию враждующих между собой общественных классов.

Не всегда борьба материализма и идеализма ведется открыто, а философы прямо заявляют о своей принадлежности к тому или иному лагерю. В истории философии было и существует в нашу эпоху немало попыток трусливо обойти противоположность материализма и идеализма, создать какое-то третье направление в философии, которое не было бы ни материалистическим, ни идеалистическим. Но эти попытки бесплодны. Они ведут к эклектизму[1] или завуалированному идеализму, выраженному в новых терминах. Это особенно характерно для современной буржуазной философии. Есть в современной буржуазной философии направления, которые более или менее открыто защищают идеализм и религию (такова, например, философия неотомистов — новейших защитников учения Фомы Аквинского, идеолога католицизма). Но еще больше таких философов, которые заявляют, что они не причастны ни к материализму, ни к идеализму.

Позитивисты, например, на словах вообще отрицают философию, декларируя, будто они признают только положительное, позитивное знание. Многие буржуазные философы утверждают, что дух и материя — лишь слова, лишенные смысла, и что поэтому философия вообще не должна заниматься вопросом об их взаимоотношениях. По их мнению, вопрос об отношении бытия и сознания не только не является основным вопросом философии, но и вообще недостоин внимания философов, беспредметен.

К чему в таком случае эти философы сводят предмет философии? Один из основателей так называемого логического позитивизма, или неопозитивизма, известный английский философ *Б. Рассел* заявляет, что философия не может дать никакого нового знания о мире, ее задача состоит только в том, чтобы дать логический анализ научного познания; поэтому логика, рассматриваемая как формальная наука, есть сущность философии. Эта позиция означает попытку уйти от основного вопроса мировоззрения.

Другой представитель современного позитивизма — *Р. Карнап* считает, что логический анализ — это в своей основе анализ языка, что «логика есть синтаксис», а задача философии сводится к логическому анализу слов, предложений и т. д. Философ должен понять раз навсегда, что у него нет средств для ответа на вопросы, относящиеся к миру. «...Проблемы философии,— за-

[1] Эклектизмом (от греческого «эклего» — выбираю) называется механическое, беспринципное соединение разнородных взглядов, идейных направлений, течений.

являет Карнап,— относятся не к конечной природе бытия, а к семиотической (смысловой) структуре языка науки, включая теоретическую часть повседневного языка»[1]. Итак, неопозитивисты считают единственной целью философии логический анализ понятий, общих терминов; философия в отличие от науки не утверждает истины, а только учит, как ее выражать.

Такая точка зрения означает попытку лишить философию ее действительного предмета изучения. Ведь философия всегда так или иначе рассматривала вопросы о сущности мира, об отношении между мыслью и объективной действительностью как свои основные проблемы. Однако, пытаясь уйти от решения этих коренных вопросов мировоззрения, трусливо увертываясь от борьбы материализма и идеализма, разного рода позитивисты на самом деле не могут остаться в стороне от них. Они отрицают возможность познания объективного мира, отбрасывают самое понятие объективного бытия и тем самым становятся на позиции субъективного идеализма.

С позитивистами сходится в этом отношении другое направление современной буржуазной философии — *экзистенциализм*[2]. Объективное бытие не признается экзистенциалистами ни основой, ни предметом философии. Вопрос об отношении мышления к бытию есть, по заявлению французского философа-экзистенциалиста А. Камю, такой же «глубоко безразличный» и «пустой» вопрос, каким он считает любой научный вопрос, например вопрос о том, вращается ли Земля вокруг Солнца или наоборот. Единственное, что имеет смысл,— это «существование», под которым понимается личное, индивидуальное существование моего «я», «то, чем я являюсь для себя». При таком крайнем субъективизме философия целиком сводится к индивидуальной морали, к психологии субъекта, последняя же трактуется в духе эгоцентризма. Западногерманский экзистенциалист Ясперс называл свою философию «мировоззренческой психологией»[3]. Подрывая доверие к силам человеческого разума и логическому мышлению, он призывал своих последователей «наблюдать психопатологически, спрашивать психопатологически, психопатологически анализировать и учиться думать психопатологически».

Но что значит отказаться от признания объективного бытия и от возможности его познания, от объективной истины? Это значит защищать линию идеализма.

Как бы ни стремились современные буржуазные философы уйти от решения основного вопроса философии и встать вне материализма и идеализма, над ними, это невозможно: так или иначе они вынуждены, хотя и не всегда прямо, отвечать на вопрос о том, существует ли объективный мир независимо от нашего сознания и как относится наше мышление к окружающему нас миру. Все многообразные философские направления и

---

[1] *R. Carnap.* Introduction to Semantics. USA, 1946, p. 250.

[2] Подробнее о сущности позитивизма и экзистенциализма см. в главе XVIII.

[3] *K. Jaspers.* Psychologie der Weltanschauungen. Berlin, 1954, S. 6.

течения в конечном счете примыкают либо к лагерю материализма, либо к лагерю идеализма.

Современная эпоха — это эпоха острой борьбы между силами растущего социализма и отживающего капитализма. Это борьба не только экономическая и политическая, но и идеологическая, которая находит свое отражение и в вопросах мировоззрения. Если реакционные силы берут себе в качестве идейного оружия идеалистическую философию и религию, то идейным оружием рабочего класса и его коммунистического авангарда является диалектический материализм. Нет и не может быть философии надклассовой, беспартийной в классовом обществе. Об этом особенно следует помнить тогда, когда обостряется идейная борьба между силами прогресса и реакции.

В странах капитализма многочисленные реакционеры, в том числе и некоторые государственные деятели, ведут яростный поход против марксизма, атеизма и коммунизма, не брезгуя при этом прямой клеветой на коммунизм и на материализм. И сколько здесь проявляется высокомерного невежества! Желая во что бы то ни стало опорочить материализм, они объявляют коммунистов грубыми людьми, предпочитающими материальные блага духовным.

Эти невежественные и нелепые представления о коммунизме и материализме не новы. Их высмеял еще Ф. Энгельс в книге «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии». Немецкий буржуа-обыватель под материализмом «понимает обжорство, пьянство, тщеславие и плотские наслаждения, жадность к деньгам, скупость, алчность, погоню за барышом и биржевые плутни, короче — все те грязные пороки, которым он сам предается втайне. Идеализм же означает у него веру в добродетель, любовь ко всему человечеству и вообще веру в «лучший мир», о котором он кричит перед другими, но в который он сам начинает веровать разве только тогда, когда у него голова болит с похмелья или когда он обанкротился...» [1]

Излюбленным приемом, который применяют идеологи буржуазии в целях опровержения марксистского материализма, служит также отождествление его с *вульгарным материализмом* середины XIX в. или с *механистическим материализмом* XVII—XVIII вв. Между тем марксистская философия представляет собой *современный* материализм, который весьма отличается от всех форм домарксового материализма.

Слабость старых материалистических школ состояла в том, что их способ мышления был преимущественно метафизическим; они не были вооружены правильным, диалектическим методом познания.

---

[1] *Ф. Энгельс.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. 1955, стр. 25.

Метафизическим[1] методом называется такой подход к изучению, при котором вещи, явления природы рассматриваются вне их органической взаимосвязи, как неизменные в своей сущности и лишенные внутренних противоречий. Этот метод односторонне отражает некоторые черты действительности: замечает относительную устойчивость вещей, игнорируя их развитие; выделяет отдельные элементы, забывая целое, которое они составляют.

Противоположный метафизическому метод познания называется *диалектическим*[2]. Он рассматривает вещи, явления и их умственные отражения, понятия, во взаимной связи, в движении — в возникновении, противоречивом развитии и исчезновении. Незнание диалектики составляло серьезную слабость многих материалистических школ прошлого[3]. Оно мешало им последовательно провести свой материалистический взгляд. Особенно это сказывалось на понимании явлений общественной жизни, которые истолковывались ими идеалистически.

Маркс преодолел ограниченность старого материализма. Он обогатил материализм диалектикой — наиболее всесторонним и глубоким учением о развитии.

Научный диалектический метод познания является революционным, ибо признание того, что все изменяется, развивается, ведет к выводам о необходимости уничтожения всего отжившего, мешающего историческому прогрессу. Именно поэтому марксистская диалектика ненавистна идеологам буржуазии. В послесловии ко второму изданию «Капитала» Маркс, характеризуя свой метод, заметил: «В своём рациональном виде диалектика внушает буржуазии и её доктринёрам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего

[1] Слово «метафизика» имело в истории философии различное значение. Первоначально этот термин (от греческого «мета та физика» — буквально: после физики) возник как обозначение тех сочинений Аристотеля, которые следуют после его трудов по физике. А так как в этой части своих сочинений Аристотель рассматривал вопросы об «умозрительно постигаемых началах бытия», то термином «метафизика» обозначали всякое философское учение о «недоступных органам чувств началах всего сущего»; эти «начала» философы обычно рассматривали как неизменные. В дальнейшем (со времени Гегеля) метафизикой стали называть антидиалектический метод познания, рассматривающий мир, предметы и явления как нечто неизменное, неразвивающееся.

[2] Слово «диалектика» — от греческого «диалегомай», что значит: веду беседу. В древности диалектика понималась как искусство добиться истины путем столкновения противоположных мнений.

[3] В прошлом были и такие материалисты, у которых материалистический взгляд на мир сочетался с антидиалектическим подходом к познанию мира или с элементами диалектики (в древности к числу таких философов относился Гераклит из Эфеса (V в. до н. э.), в новое время — Дидро и др.). Но встречающиеся у них яркие образцы диалектики еще не были научно разработанным диалектическим методом. Диалектико-материалистический метод был создан лишь Марксом и Энгельсом.

она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществлённую форму она рассматривает в движении, следовательно также и с её преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна»[1].

Благодаря выработке научного диалектического метода материализм был поднят на более высокую ступень. Основоположники марксизма Карл Маркс и Фридрих Энгельс продолжили многовековое развитие материалистической лиинии в философии и вместе с тем создали совершенно новое мировоззрение — диалектический материализм, в котором диалектический метод познания органически слит с материалистическим объяснением явлеиий не только природы, но и общества.

2. Отношение философии к другим наукам. Предмет марксистской философии

Диалектический материализм представляет собой единственную философию, опирающуюся на прочный фундамент всей современной науки.

Многие современные буржуазные философы не ставят философию в общий ряд с другими науками. Некоторые даже рассматривают ее как соединительное звено между религией и наукой, утверждают, что она призвана «объединить результаты конкретных наук с принципами морали и религии», или считают, что она является чем-то средним между наукой и теологией (богословием). «Философия, в моем понимании,— пишет Рассел в «Истории западной философии»,— является чем-то промежуточным между теологией и наукой. С одной стороны, подобно теологии, она размышляет о вопросах, в отношении которых до настоящего времени не было достигнуто точиого знания; но, с другой стороны, подобно науке, она взывает к человеческому разуму больше, чем к авторитету, имеющему свои корни в традиции или же в откровении. Всякое *точное* знание, в чем я совершенно уверен, принадлежит науке; все *догмы* относительно того, что выходит за пределы точного знания, относятся к теологии. Но между теологией и наукой существует ничейная земля, на которую покушаются обе стороны. Эта ничейная земля является философией»[2]. Эта характеристика действительно применима к современной буржуазной идеалистической философии, которая по своему содержанию мало чем отличается от религии, а у науки берет только форму

[1] *К. Маркс*. Капитал, т. I. 1955, стр. 20.

[2] *B. Russell*. A History of Western Philosophy. N. Y., 1945, p. XIII. (См. русский перевод: *Б. Рассел*. История западиой философии. Изд-во иностранной литературы, 1959, стр. 7.)

рассуждения. Здесь Рассел прав. Но он глубоко заблуждается, относя эту характеристику ко всякой философии. Есть подлинно научная философия, выводы и методы познания которой так же научны и так же несовместимы с религией, как данные физики, химии, биологии и т. д. Этой философией является диалектический материализм, мировоззрение рабочего класса.

Диалектический материализм возник в результате исторического развития философии и конкретных наук. В процессе развития философии изменялось понимание самого предмета и задач философии, ее места среди других наук.

Философия возникла в древнем мире как всеобъемлющий свод знаний. Люди уже обладали тогда некоторыми математическими, астрономическими, физическими и другими знаниями, но эти знания еще не оформились в особые, специальные науки и входили в состав философии. Трактаты древних философов нередко так и назывались: «О природе», «О вселенной» и т. д. В них рассматривались не только собственно философские, но и многие специальные вопросы, например о происхождении растений, животных, человека, о возникновении языка, о формах государственной жизни и т. д. В этих сочинениях высказано немало гениальных догадок, предвосхитивших дальнейшее развитие науки. Так, например, мысль о том, что тела состоят из атомов, была выдвинута в древней философии за два с лишним тысячелетия до того, как естествознание экспериментально подтвердило атомистическую теорию строения тел. Уже древней материалистической философией было провозглашено положение о том, что материя вечна, что она не возникает и не уничтожается; это положение позже нашло естественнонаучное подтверждение.

В начале развития философии наряду с первоначальным, *наивным* и *стихийным материалистическим* взглядом на мир так же стихийно сложился и диалектический подход к познанию мира. Мысль о том, что все движется («все течет, все изменяется») и находится во взаимной связи друг с другом, возникла в результате наблюдения над явлениями природы и общества. Но это было знание или, вернее, догадка об общем, которая еще не основывалась на детальном изучении частного, т. е. отдельных предметов и явлений. В этом состояла историческая ограниченность стихийного материализма античного мира.

От первоначального общего взгляда на мир, содержавшегося в передовых философских учениях древности, необходимо было перейти к научному исследованию отдельных вещей и процессов природы. Это стало особенно необходимо тогда, когда развитие производства потребовало применения к технологическим процессам данных науки. С этим и было связано возникновение отдельных наук, обслуживавших потребности общественной практики. Естественные науки одна за другой стали отделяться

от философии: уже в древности началось выделение в самостоятельные науки астрономии, математики, механики. Этот процесс ускорился с эпохи Возрождения и особенно с XVII в. Развитие производства уже не могло обходиться без естествознания. Потребности производства дали толчок возникновению таких самостоятельных наук, основанных на опытном исследовании природы, как физика, химия, позднее — биология и другие.

Науки в тот период занимались по преимуществу собиранием фактов и их систематизацией, классификацией, т. е. изучением частного. Связь же между различными областями знания пыталась установить философия. Характеризуя состояние научных знаний той эпохи, Энгельс отмечал: «Для восемнадцатого века характерной была идея энциклопедии; она покоилась на сознании, что все эти науки связаны между собой, но она не была ещё в состоянии совершать переходы от одной науки к другой, а могла лишь просто ставить их рядом»[1]. Философия и пыталась объединить все науки, связать их в единую систему. Отдельные науки нередко рассматривались как части философии, а философия выступала как своего рода энциклопедия человеческих знаний и претендовала на роль «науки наук». Французский философ XVII в. Декарт в предисловии к своей книге «Начала философии» писал: «Вся философия подобна как бы дереву, корни которого — метафизика[2], ствол — физика, а ветви, исходящие от этого ствола,— все прочие науки, сводящиеся к трём главным: медицине, механике и этике»[3].

Претензии философии на роль «науки наук» имели известные оправдания до тех пор, пока основанное на опыте познание природы было слабо развито. В человеческом знании оставалось множество пробелов, и их должна была заполнить философия. Те общие вопросы ряда наук, для решения которых не хватало экспериментальных данных, решались умозрительным путем, т. е. путем логических рассуждений. Однако это порождало наряду с гениальными догадками и множество вымыслов, тормозивших развитие естествознания.

По мере того как отдельные науки становились на твердую почву опытного познания, они отделялись от философии, обретали самостоятельность. И это было прогрессом не только для конкретных наук, но и для самой философии, так как побуждало ее отказаться от неосуществимой задачи — подменить собой все другие науки.

В XIX в. благодаря открытиям естествознания продвинулось далеко вперед познание взаимных связей процессов, совершающихся в природе, и притом не только связей, которые сущест-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1. 1955, стр. 599.

[2] Метафизикой Декарт называет учение о началах бытия и познания.

[3] *Р. Декарт.* Избранные произведения. Госполитиздат, 1950, стр. 421.

вуют между процессами природы в отдельных ее областях, но и связей между различными областями, изучаемыми разными науками. С помощью данных естествознания оказалось возможным дать общую картину природы как связного целого. И поскольку теперь каждая отдельная наука могла сама выяснить свое место в общей системе знаний, то оказалась излишней так называемая натурфилософия (философия природы), которая пыталась умозрительно создать общую картину природы. Подобно этому развитие общественных наук и особенно создание Марксом и Энгельсом научной теории развития общества — исторического материализма сделали излишней прежнюю философию истории, пытавшуюся столь же умозрительно дать связное изображение истории человечества и подменявшую действительную связь явлений в истории вымышленной связью.

Возникновение марксистской философии в 40-х годах XIX в. означало конец старой философии, претендовавшей на роль «науки наук». Марксистская философия открыто признала, что такая философия, пытающаяся стать над науками, не нужна. Как подчеркивал Энгельс, задача состоит не в том, чтобы из головы придумывать связи между явлениями, а в том, чтобы открывать связи, законы в самой действительности. Марксистская философия — это, по словам Энгельса, «мировоззрение, которое должно найти себе подтверждение и проявить себя не в некоей особой науке наук, а в реальных науках» [1].

Современные науки представляют собой чрезвычайно разветвленную систему знаний. Какую бы область явлений окружающего нас мира мы ни взяли, она изучается какой-либо специальной наукой. Что же остается в таком случае на долю философии? Не напоминает ли ее положение среди наук печальную участь шекспировского короля Лира, который разделил свое царство между дочерьми, а сам остался без владений?

Нет, такой вывод был бы неправилен. С упразднением старой философии как «науки наук» философия не утратила своего собственного предмета. Философия изучает тот же мир, который исследуют частные науки. Но она познает более общие связи и отношения, чем частные, специальные науки, изучающие те или иные отдельные области явлений. Развитие частных наук не устранило необходимости в решении коренных вопросов мировоззрения, которыми всегда занималась философия. В книге «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин не раз подчеркивал, что коренной философский вопрос — это вопрос о том, что первично — материя или сознание, что является источником нашего познания. Этот основной вопрос всякого мировоззрения нельзя смешивать с теми конкретными вопросами, которые решают физика, химия и другие науки. Ленин решительно возражал

[1] *Ф. Энгельс.* Анти-Дюринг. 1957, стр. 130.

против попыток махистов смешивать «...учение о том или ином строении материи с гносеологической категорией,— смешивать вопрос о новых свойствах новых видов материи (например, электронов) с старым вопросом теории познания, вопросом об источниках нашего знания, о существовании объективной истины и т. п.»[1]

Вопрос о признании существования материи как объективного источника наших ощущений есть именно гносеологический, а не физический или химический вопрос, отмечал Ленин[2]. К числу гносеологических относятся вопросы: об отношении сознания к материи — что из них первично и что вторично; являются ли наши ощущения, представления, понятия отражением объективного мира; при каких условиях это отражение представляет объективную истину; в чем состоит критерий истины; что такое материя, каковы формы ее существования и т. д.

Развитие наук о природе и обществе освободило философию от задачи изучения частных законов. Каждая специальная наука исследует законы тех или иных форм движения: механика — законы механического движения, перемещения тел; химия — движение и соединение атомов и т. д.; биология — законы развития живых организмов; общественные науки — законы развития тех или иных процессов и явлений общественной жизни.

Если специальные науки изучают те или иные области, стороны явлений мира, то диалектический материализм раскрывает то общее, что лежит в основе *всех* явлений и процессов. Он дает знание тех общих законов, которым подчинено всякое движение и развитие, в какой бы области явлений оно ни происходило: в природе, в обществе или в человеческом мышлении.

Мир един, потому что все явления в нем представляют собой различные формы движущейся материи. В нем действуют не только частные, но и всеобщие законы развития. Общие законы столь же реальны, как и частные законы.

Диалектический материализм изучает наиболее общие законы, действующие во всем мире, а также их отражение в познании человека. Общие закономерности развития познания не изучаются какой-либо из частных наук, а входят в предмет изучения философии.

В каком же отношении друг к другу стоят общие законы развития объективного мира и законы развития познания?

Как уже говорилось выше, познание человека отражает объективный мир. Поэтому оно не может развиваться по законам, совершенно отличным от законов развития самого мира. Когда человек мыслит по законам логики, исходя при этом из правильных посылок, то он приходит к таким выводам, которые согласуются с действительностью. Это показывает, что мышле-

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 14, стр. 116.
[2] См. там же, стр. 258.

ние и действительность подчинены в сущности одним и тем же общим законам.

Диалектический материализм рассматривает мир так, как он существует, т. е. в постоянном изменении и развитии. А если все предметы находятся в развитии, то это относится и к категориям (понятиям), отражающим их.

Всякая наука пользуется общими понятиями, *категориями*, которые находятся в логической связи друг с другом. При этом логическая связь и последовательность категорий в науке выступает как обобщенное отражение исторического развития самой действительности и развития познания.

Например, в «Капитале» Маркс начинает анализ капитализма с изучения категории товара, вскрывает внутренние противоречия товара и их развитие, показывает, как диалектическое развитие этих противоречий приводит к образованию денег и как деньги превращаются в капитал. Эта логическая связь категорий *(товар — деньги — капитал)* — не просто конструкция мышления, а обобщенное отражение исторического процесса развития капитализма. Известно, что товар не только логически, но и исторически предшествует капиталу, капиталистическое производство рождается из товарного производства.

В отличие от категорий частных наук, например политической экономии (товар, деньги, капитал и др.), *философские категории* — это наиболее общие понятия, которые применяются в любой науке. Ни один ученый, будь то естествоиспытатель, историк, экономист, литературовед и т. д., не может обойтись без таких наиболее общих понятий, как *закон, закономерность, противоречие, сущность и явление, причина и следствие, необходимость и случайность, содержание и форма, возможность и действительность* и т. д. Философские или логические категории выражают наиболее общие связи между явлениями действительности и вместе с тем представляют собой ступени познания мира, служат орудиями мышления, обобщают исторический опыт изучения мира человеком.

Разумеется, изучением логических категорий нельзя заменить изучение конкретных процессов. Философия марксизма-ленинизма служит руководством к познанию самых различных областей действительности, но она не подменяет частные науки. Она не дает готовых решений тех вопросов, которыми занимаются частные науки, а вооружает все науки правильной теорией мышления и *методом* для нахождения этих решений.

Правильный метод имеет огромное значение для познания действительности. Знаменитый английский материалист XVII в. Ф. Бэкон сравнивал метод с фонарем, который освещает путнику дорогу. Ученого, не вооруженного правильным методом, он уподобил путнику, бредущему в темноте и ощупью отыскивающему себе дорогу.

Но какой же метод познания следует считать правильным? Не есть ли выбор того или иного метода дело вкуса ученого,

подобно тому как собирающийся в дорогу путник может выбрать по своему усмотрению тот или иной фонарь?

Нет, правильный метод познания не может быть результатом субъективного усмотрения. Метод познания не сводится к простой совокупности технических приемов и навыков исследования: он должен представлять собой аналог действительности, т. е. отражение законов объективного мира.

Чтобы метод был подлинно научным, т. е. служил бы орудием получения правильных знаний, он должен вести мысль человека как бы параллельно тому пути, по которому идет развитие самой изучаемой действительности. Метод должен отражать те связи между явлениями, которые есть между ними на самом деле, выражать те изменения объекта, которые он реально претерпевает.

Научный метод познания опирается, следовательно, на применение к познанию наиболее общих законов развития природы, общества и мышления. А знание этих законов дает диалектический материализм. «...Именно диалектика,— писал Энгельс,— является для современного естествознания наиболее важной формой мышления, ибо только она представляет аналог и тем самым метод объяснения для происходящих в природе процессов развития, для всеобщих связей природы, для переходов от одной области исследования к другой» [1].

Диалектический материализм есть мировоззрение, метод познания и действия. Он вооружает ученых всех отраслей знания цельной и последовательной научной теорией мышления, всеобщим методом исследования. Отделять науку от философии — это значит обрекать ученых на то, чтобы они совершали великую работу познания действительности вслепую, ощупью, без направляющих мировоззренческих методологических идей. Это значит заставлять их вновь решать давно решенные проблемы, причем решать на ограниченном и неполном материале, без учета опыта всей истории человеческого мышления. Поступать так — это значит тормозить науку и толкать ее в тупик.

В такой тупик толкают науку, например, различные разновидности *позитивизма* — течения, распространившегося в буржуазной философии с середины XIX в. Позитивисты утверждают, что наука не нуждается ни в какой философии; их лозунг — «наука — сама себе философия».

Однако позитивисты лишь на словах отвергают философию, призывая ученых придерживаться положительного, опытного знания. На деле они тоже проповедуют философию, но только ненаучную, которая сводит опыт к совокупности чувственных восприятий, отказываясь от решения вопроса о том, чем порождены эти чувственные восприятия. В результате позитивисты

[1] *Ф. Энгельс.* Диалектика природы. 1955, стр. 22.

приходят к отрицанию возможности познания объективного мира, к агностицизму и идеализму.

Между тем очевидно, что никакая наука не может плодотворно развиваться без глубокого убеждения в способности человека познать закономерности действительности и использовать знания в практической деятельности. Отрицание этого обрекает науку на бесплодие, ибо, как правильно заметил К. А. Тимирязев, «приступая к объяснению какого-либо явления, нельзя отправляться от того положения, что оно необъяснимо»[1].

Многие естествоиспытатели под влиянием позитивизма заявляли, что отказываются от всякой философии. Но такой отказ в действительности невозможен. В науке нельзя быть «наедине с фактами», оставив теорию за порогом лаборатории и принудив ее молчать, ожидая, что скажут факты в их «чистом виде», факты «сами по себе». Без теоретического мышления наука не может существовать, ибо она призвана не просто описывать явления, а объяснять их.

Там, где наука от собирания и описания фактов, процессов переходит к установлению законов, к теоретическим выводам, любой широко мыслящий физик, химик, биолог, социолог вступает на такую почву, где он не может обойтись без философии, без мировоззрения, без теории познания. Весь вопрос только в том, *какой философией* он пользуется — научной, материалистической или ненаучной, идеалистической, или, что часто бывает, эклектической, представляющей собой смесь идеализма и материализма; пользуется ли он модными продуктами господствующей в буржуазном мире поверхностной и эклектической философской мысли или научной философией диалектического материализма, являющейся высшим результатом многовекового развития философии и естествознания.

В статье «Естествознание в мире духов» Энгельс пишет, что философия мстит за себя тем естествоиспытателям, которые покинули ее. На примере биолога А. Уоллеса, физика У. Крукса и других, которые поверили в существование духов и стали жертвой дикого суеверия — спиритизма, Энгельс показал, что плоская эмпирия, презирающая теорию, ведет от естествознания к мистицизму.

Давая единый взгляд на мир, образуя цельное мировоззрение, научная философия позволяет исследователю взглянуть на каждую изучаемую им проблему с более широкой точки зрения. Это открывает возможность преодолеть ту односторонность в подходе к предмету исследования, которая неизбежно возникает при специализации наук.

---

[1] *К. А. Тимирязев.* Витализм и наука. Соч., т. V. 1938, стр. 188.

Какое бы высокое развитие ни получили отдельные науки, как бы ни дифференцировалось, разветвлялось древо науки, философия никогда не потеряет права на существование. Развитие науки, с одной стороны, ограничило и как бы сузило, но вместе с тем в известном смысле расширило круг вопросов, требующих философского обобщения. Прогресс науки ставит перед самими частными науками такие вопросы, с которыми не могут справиться ученые-специалисты, если они не владеют научным мировоззрением.

В обстановке острой идеологической борьбы ученый-специалист той или иной отрасли знания, не вооруженный правильной материалистической философией, часто оказывается не в состоянии устоять перед натиском реакционной идеологии и попадает в плен к ненаучной, идеалистической философии, мешающей развитию науки. «Чтобы выдержать эту борьбу и провести ее до конца с полным успехом,— подчеркивал Ленин,— естественник должен быть современным материалистом, сознательным сторонником того материализма, который представлен Марксом, то есть должен быть диалектическим материалистом» [1].

Успехи современной науки, открывающие возможности не только теоретического познания, но и практического освоения космоса, овладения ядерной энергией, не уменьшают, а увеличивают значение философского обобщения проблем естествознания. «В век бурного развития науки,— говорится в Программе КПСС,— еще большую актуальность приобретает разработка философских проблем современного естествознания на основе диалектического материализма, как единственного научного метода познания» [2].

Марксистская философия является руководящим методом и для общественных наук. Она вооружает их пониманием закономерностей исторического развития человечества. Общие законы всякого движения и развития, изучение которых составляет предмет диалектического материализма, находят свое применение и в познании общественной жизни. Маркс и Энгельс распространили материализм и диалектику на познание явлений общественной жизни, выработали научное понимание общественной жизни — исторический материализм.

Исторический материализм составляет неотъемлемую часть философского мировоззрения, созданного Марксом и Энгельсом. Без правильного понимания наиболее общих законов развития общества не может быть цельного научного мировоззрения. Материализм как философское мировоззрение не был законченным,

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 33, стр. 207.

[2] «Программа Коммунистической партии Советского Союза». Госполитиздат, 1961, стр. 127.

не мог охватить единым истолкованием весь мир, пока не был распространен на понимание человеческого общества. Основной вопрос философии — вопрос об отношении мышления к бытию — надо было материалистически решить и в применении к общественной жизни. «Если материализм вообще объясняет сознание из бытия, а не обратно, то в применении к общественной жизни человечества материализм требовал объяснения *общественного* сознания из *общественного* бытия»[1]. Решив эту задачу, Маркс и Энгельс достроили материализм доверху. Таким образом, с открытием исторического материализма впервые было создано цельное, последовательное и всесторонне развитое материалистическое мировоззрение, охватывающее как природу, так и общественную жизнь.

Только на базе материалистического понимания истории, раскрывшего значение общественно-исторической деятельности людей, мог быть преодолен один из главных недостатков прежнего материализма — созерцательный подход к действительности и к ее познанию. Выясняя принципиальное отличие своей философии от всей предшествующей, Маркс указывал, что философы до сих пор только объясняли мир, задача же состоит в том, чтобы его изменить. Эту действенную роль и выполняет марксистская философия, служащая орудием революционного преобразования мира.

3. Диалектический и исторический материализм — идейное оружие борьбы за коммунизм

Все переломные эпохи истории характеризуются обострением борьбы не только в области политики и экономики, но и в области идеологии. В такие эпохи особенно настоятельна потребность в философском осмыслении глубоких перемен, происходящих в общественной жизни, и наглядно выступает столкновение различных мировоззрений. Достаточно напомнить для примера эпоху Возрождения, когда начался упадок феодализма и его духовной опоры — церкви. В ту эпоху в открытой или скрытой за религиозной оболочкой форме происходила борьба прогрессивных и реакционных сил, и это находило свое выражение в борьбе философских мировоззрений. В творениях Коперника, Джордано Бруно, Галилея, Томаса Мора и других мыслителей того времени были противопоставлены духовной диктатуре церкви передовые философские идеи, идеи гуманизма. Подобно этому в XVIII в. во Франции штурму Бастилии предшествовала атака на реакционные духовные устои старого строя. Произведе-

[1] *В. И. Ленин*. Соч., т. 21, стр. 38—39.

ния французских просветителей, подвергших критике идеологию и учреждения феодализма, произвели революцию в умах, послужившую введением к социальной революции.

Современная эпоха — это эпоха самого глубокого в истории социального переворота, призванного всюду положить конец классовому обществу, основанному на эксплуатации человека человеком, и создать новое, коммунистическое общество, свободное от всех форм классового и национального гнета. Это вместе с тем и эпоха острейшей борьбы между мировоззрением буржуазии, стремящейся всеми силами отстоять отживший капиталистический строй, и мировоззрением революционного пролетариата.

Марксистская философия возникла как идеология пролетариата, наиболее революционного класса в истории, который возглавляет народные массы в борьбе за ниспровержение капитализма и построение коммунизма. Правильное, научное мировоззрение имеет огромное значение для освободительной борьбы трудящихся. Как отметил Ленин, философский материализм Маркса указал пролетариату выход из духовного рабства, в котором прозябали до тех пор все угнетенные классы. Марксистская философия дала возможность передовым рабочим освободиться от духовного гнета религии, от наивной веры в добрые намерения правителей и хозяев капиталистического мира, осознать, что избавиться от эксплуатации рабочий класс может только своей собственной активной борьбой.

Благодаря созданию диалектического и исторического материализма, а также своего экономического учения Маркс и Энгельс смогли превратить социализм из утопии, из мечты о лучшем будущем в науку, указывающую партии пролетариата правильный путь борьбы за построение нового общества.

Марксизм впервые дал последовательно научную базу для практики революционного преобразования мира.

В истории социальных учений было множество примеров, когда люди, объявлявшие свои теории крайне революционными, но стоявшие на позиции идеализма, сводили задачи освобождения трудящихся лишь к избавлению их от ложных идей, от иллюзий. Еще в начале своей деятельности Маркс и Энгельс подвергли уничтожающей критике левых гегельянцев[1], которые видели причину угнетенного положения рабочих в их мышлении и уверяли их, будто те упраздняют капитал, преодолевая в мысли *категорию* капитала. Рабочие знают, подчеркивали Маркс и Энгельс, что частная собственность, капитал, наемный труд, эксплуатация рабочих капиталистами представляют собой да-

[1] Левыми гегельянцами (или младогегельянцами) называли идеологов немецкого буржуазного либерализма 30—40-х годов XIX в. (Бруно Бауэр, Д. Штраус и др.).

леко не призраки воображения, а реальные отношения и что поэтому они должны быть упразднены практическим образом.

Нетрудно видеть, что в этом споре выступает та же противоположность материализма и идеализма, которую мы видели при рассмотрении основного вопроса философии. Маркс и Энгельс и здесь выступают как последовательные материалисты, которые видят причину угнетенного положения рабочего класса в капиталистических условиях его общественного бытия, а поэтому считают необходимым практически преобразовать это бытие, революционным путем уничтожить капиталистический строй. Напротив, критикуемые ими левые гегельянцы целиком стояли на позициях идеалистического понимания истории, которое приписывает определяющую роль в общественной жизни идеям, взглядам людей.

С точки зрения этого идеалистического взгляда рабочие «перестают быть в действительности наёмными рабочими, лишь только они в мысли упраздняют мысль о наёмном труде, лишь только они в мысли перестают считать себя наёмными рабочими и, сообразно с этим сумасбродным воображением, уже не допускают, чтобы их оплачивали как отдельных лиц. Как абсолютные идеалисты, как эфирные существа, они, естественно, могут затем жить эфиром чистого мышления» [1].

На таких же идеалистических позициях стоят и те современные правые социалисты, которые, подобно умершему лидеру французских правых социалистов Л. Блюму, пытаются подменить задачу революционного преобразования капиталистического общества проповедью нравственного самоусовершенствования людей. «Мы должны сделать жизнь лучше, совершенствуя самих себя»,— лицемерно взывают они. Источник социальной несправедливости они усматривают в нравственных недостатках людей, а путь к их устранению — в самосовершенствовании.

А в действительности, наоборот, нравственные пороки имеют своим источником бесчеловечные условия жизни в капиталистическом мире, основанном на частной собственности и эксплуатации человека человеком. Поэтому в противоположность идеалистам сторонники исторического материализма считают необходимым условием уничтожения социального зла коренное изменение общественного бытия, осуществляемое социалистической революцией пролетариата. Материалистический подход к явлениям общественной жизни приводит, таким образом, к признанию необходимости социальной революции.

Идея социальной революции, порождаемая капиталистической действительностью, своей теоретической основой имеет диалектико-материалистический взгляд на развитие природы и общества. Если все изменяется, как этому учит диалектика, то

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 2. 1955, стр. 58.

не может быть неизменным и общественный строй; каждая форма общественной жизни, порожденная в свое время потребностями исторического развития, в дальнейшем отживает и должна быть заменена новой, высшей формой. А эта замена в классовом обществе, развивающемся через столкновения классов, осуществляется социальной революцией.

Конечно, сказанное было бы неправильно понимать в том смысле, будто идея социалистической революции, диктатуры пролетариата и весь научный коммунизм Маркса представляют собой чисто логический вывод из марксистского материализма и диалектики. Научный коммунизм есть результат глубокого анализа капитализма, законов его развития. Марксистская политическая экономия показывает противоречия капитализма, неизбежно ведущие к обострению классовой борьбы и к социалистической революции. Но, подчеркивая значение экономической теории марксизма для обоснования научного коммунизма, нельзя не видеть вместе с тем внутренней связи между материалистической диалектикой Маркса и его учением о классовой борьбе, социалистической революции и диктатуре пролетариата.

Экономическая теория Маркса также имеет своей методологической, философской основой диалектический и исторический материализм. Ленин писал, что в «Капитале» Маркса «применена к одной науке логика, диалектика и теория познания материализма», что «диалектика буржуазного общества у Маркса есть лишь частный случай диалектики»[1]. Поэтому нельзя вполне понять «Капитал» Маркса, особенно его I главу, без изучения диалектики.

Философский материализм и диалектический метод Маркса пронизывают собой все составные части его учения, объединяя их единым стройным мировоззрением.

Оппортунисты из II Интернационала, а также современные ревизионисты сплошь и рядом утверждали и утверждают, будто марксизм не имеет своей философии; они пытались свести учение Маркса к исторической и экономической теории, которая якобы может быть соединена с любой философской системой[2].

---

[1] *В. И. Ленин.* Философские тетради. 1947, стр. 215, 328.

[2] В 1898 г. в письме к Плеханову, написанном в тот период, когда ревизионисты пытались соединить марксизм с неокантианством, Карл Каутский, бывший в свое время виднейшим теоретиком II Интернационала, писал: «Во всяком случае, я должен открыто заявить, что неокантианство меня смущает меньше всего. Я никогда не был силен в философии, и, хотя я и стою целиком на точке зрения диалектического материализма, все-таки я думаю, что экономическая и историческая точка зрения Маркса и Энгельса в крайнем случае совместима с неокантианством». Десятилетием позже, когда ревизионисты стали соединять марксизм с идеалистической философией Маха, Каутский заявил, что он рассматривает марксизм не как философское учение, а как эмпирическую науку, как особое понимание общества. Это воззрение, говорил он, правда, несовместимо с идеалистической философией, но оно не противоречит теории познания Маха.

Эклектики, пытавшиеся соединить марксистское учение об обществе с немарксистскими философскими системами, неизменно терпели крах. Их попытки свидетельствуют о том, что они не понимали и не желали по-настоящему понять ни марксистскую философию, ни политическую экономию, ни научный социализм. Отказаться от философии марксизма — диалектического и исторического материализма — значит выхолостить революционную душу марксистской теории, лишить научно-философской основы и учение Маркса об обществе, и его теорию социализма.

Столь же враждебны марксизму и попытки современных ревизионистов объявить «устаревшим» деление философских направлений на материализм и идеализм. Эти утверждения на деле означают сползание ревизионистов на позиции буржуазной философии, отказ от диалектического материализма, повторение того, с чего начали свою измену марксизму Бернштейн, а затем Богданов, Каутский, Макс Адлер и другие ревизионисты марксизма.

Стратегия и тактика марксистской партии неразрывно связаны с основными посылками ее мировоззрения — диалектического и исторического материализма. Ленин не раз указывал, что политика Коммунистической партии основывается не на субъективных пожеланиях, а на строгом материалистическом учете объективных условий, в особенности соотношения классовых сил. Вырабатывая свою стратегию и тактику, партия рассматривает классы и взаимоотношения между ними не в статике, а в движении, и притом не только с точки зрения прошлого, но и с точки зрения будущего, как этого требует революционная диалектика.

В периоды быстрой смены событий, резко изменяющейся обстановки, соотношения борющихся в них сил требуется особенно тщательный конкретно-исторический подход к оценке событий и к вопросам классовой борьбы. Абстрактно-догматический же подход в этих условиях может быть весьма опасным.

Для Коммунистической партии вопросы мировоззрения никогда не были и не могут быть «частным делом» отдельных ее членов. Оппортунисты твердят, что философские взгляды и религиозные верования являются частным делом каждого социал-демократа, что партия не связывает себя никакой философией. Такая проповедь широко открывает двери для проникновения в рабочую партию буржуазных взглядов, для ревизии марксизма и подмены его идеалистической буржуазной философией и социологией. В противоположность стремлениям оппортунистов Коммунистическая партия выросла и закалилась как монолитная организация, объединенная общностью идейных, политических, тактических и организационных принципов. Защиту теоретических, философских основ марксизма Коммунистическая партия рассматривает как свое партийное дело, ибо в маркси-

стской философии она видит духовное оружие рабочего класса.

Не противоречит ли пролетарская, коммунистическая партийность теории ее научности? Идеологи буржуазии, а вслед за ними и ревизионисты обычно превозносят беспартийность в теории как синоним объективности, беспристрастности, научности. Но в действительности всякая философская, социологическая и экономическая теория, пытающаяся объяснить животрепещущие вопросы общественной жизни, выражает интересы того или иного класса и в этом смысле является партийной. Все дело в том, каков этот класс, в каком отношении к общественному прогрессу находятся его интересы. Интересы реакционной буржуазии требуют увековечения эксплуатации и угнетения человека человеком. Эти интересы толкают идеологов буржуазии к искажению истины во имя узкоэгоистических интересов класса, к превратному изображению действительности. Чтобы сохранить капиталистический строй и господство своего класса, идеологи современной буржуазии стараются представить капитализм в лучшем свете, прикрывают его противоречия и всячески охаивают социализм.

Реакционные классы не могут принять революционную, материалистическую диалектику. Напротив, пролетариат, как последовательно революционный класс, заинтересован в коренной переделке общества, в уничтожении всяческого угнетения. Он берет власть не для того, чтобы заменить одну форму эксплуатации другой, а для того, чтобы уничтожить всякую эксплуатацию и всякие классы. А осуществить эту задачу, преобразовать мир можно лишь тогда, когда знаешь его закономерности. Поэтому пролетариат и его марксистская партия заинтересованы в познании мира таким, каков он есть, без всяких искажений. Они заинтересованы в раскрытии тех тенденций развития, которые возникают в самой действительности. Только научное мировоззрение может быть правильным руководством для революционного действия. Вот почему пролетарская, коммунистическая партийность в науке, в частности в философии, не противоречит объективности, а требует объективного познания мира, совпадает со строгой научностью, с объективностью.

Признавая партийность теории, заявляют современные ревизионисты, марксисты скатываются к упрощенному делению философов на два лагеря — на материалистов и идеалистов, отталкивают от себя значительную часть философов и представителей других общественных наук, отказываются от всего ценного, что имеется в немарксистской философии, социологии, экономической теории, историографии и т. д.

Марксистам незачем разделять философов на два лагеря, это деление существует в жизни независимо от чьих бы то ни было оценок. Отрицать этот факт так же бессмысленно, как отрицать

существование классов и их борьбы в современном капиталистическом обществе. Но признание этого факта отнюдь не тождественно нигилистическому отношению к положительным результатам исследований буржуазных ученых. Марксисты умеют проводить грань между ценнейшими фактическими исследованиями, которые нередко дают буржуазные ученые, добросовестно изучающие действительность, и их ложными теоретическими, философскими обобщениями и выводами. Отбрасывая то, что несет на себе печать буржуазной ограниченности и предрассудков, марксисты используют все достижения буржуазных исследователей в области конкретных наук. Игнорировать эти достижения — значит скатываться на позиции сектантства, а воспринять вместе с ними философские выводы их авторов — значит сдать свои идейные позиции, попасть в плен к враждебной идеологии.

Далее, реакционность современного идеализма как философского учения не означает, будто все его сторонники являются лично политическими реакционерами, врагами мира и демократии. Идеалистические заблуждения буржуазных ученых не обязательно имеют своим источником личную корыстную заинтересованность в защите капитализма, как утверждают вульгаризаторы марксизма. Эти заблуждения часто являются результатом влияния буржуазных предрассудков, ограниченности общественного кругозора и т. д. Не допуская никаких компромиссов с буржуазной идеологией, с философским идеализмом, марксистские партии не отталкивают от себя проникнутые этой идеологией слои буржуазной интеллигенции, а, наоборот, стремятся привлечь их к общей борьбе за мир, демократию и социализм.

Чем глубже становится кризис капитализма, тем очевиднее выступает его неспособность обеспечить дальнейший экономический, политический и умственный прогресс человеческого общества.

Ныне даже противники марксизма вынуждены, к своему огорчению, признать растущее влияние марксистской философии на массы трудящихся во всем мире. Иные из них называют учение марксизма самой значительной и в то же время самой тревожащей идейной силой в современном мире. В 1961 году в американской газете «Вашингтон пост энд Таймс геральд» было опубликовано характерное в этом смысле письмо Джеймса Б. Ходжсона, заслуженного профессора философии. «Блестящий немецкий философ,— пишет автор письма,— сидя в Британском музее, разработал могучую социальную философию. Мы, конечно, имеем в виду Карла Маркса.

У него не было ни единого танка, ни единого реактивного самолета или ракеты. И тем не менее его обширные научные труды являются основной силой, угрожающей в настоящее время

Западу. Мне кажется, что глубокое убеждение г-на Хрущева в окончательной победе коммунизма вытекает из трудов блестящего мастера идей.

Насколько я понимаю, среди западных философов в настоящее время нет подобного движения с целью выработать какой-то ответ Марксу, который можно было бы эффективно использовать в этом нарастающем кризисе. Насколько мне известно, в окружении президента Кеннеди нет ни одного философа.

Маркс ждет ответа от Запада».

Тревога защитников капитализма не напрасна. Разумеется, дело не в количестве философов, окружающих президента, а в том, что идеологи буржуазного строя смотрят в прошлое, защищают отживающий мир. Поэтому они неспособны выработать такие идеи, которые смогли бы зажечь сердца миллионов. А коммунизм несет миру вдохновляющие и благородные идеи, утверждая на земле Мир, Труд, Свободу, Равенство, Братство и Счастье всех народов.

Великие исторические перемены, происшедшие в мире за последние десятилетия,— полная и окончательная победа социализма в СССР и его успешное движение к коммунизму, образование и рост мировой системы социализма, превращение ее в решающий фактор развития общества, крах колониальной системы империализма — подтверждают истинность марксизма-ленинизма. Трудящиеся всего мира видят, что сбывается предсказанное Марксом крушение капитализма, что наступает предсказанный Лениным новый период всемирной истории, когда народы Востока сами решают свою судьбу и становятся мощным фактором международных отношений.

Только идеи марксизма-ленинизма оказались способными указать народам путь их действительного освобождения, дать ответ на вопросы, поставленные современной эпохой всемирной истории.

В такие переломные эпохи, какую переживает ныне человечество, особенно возрастает значение правильного, научного мировоззрения, открывающего ясные перспективы, вселяющего в массы трудящихся уверенность в торжестве их правого дела. Вот почему Программа КПСС указывает: «Необходимо и дальше стойко защищать и разрабатывать диалектический и исторический материализм, как науку о наиболее общих законах развития природы, общества и человеческого мышления»[1].

Процессу возникновения и развития научного мировоззрения — диалектического и исторического материализма, раскрытию его основного содержания посвящены последующие главы этой книги.

---

[1] «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 128.

ГЛАВА II

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ МАРКСИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ

1. Исторические условия возникновения марксистской философии. Маркс и Энгельс — великие творцы диалектического и исторического материализма

В 40-х годах XIX в. в развитии философской мысли произошел великий революционный перелом: возникла марксистская философия — диалектический и исторический материализм. Марксистская философия, которую мы с полным правом считаем истинным и единственно научным мировоззрением современности, является, как и всякое философское учение, продуктом конкретной исторической эпохи. Если раньше философы не дали и не могли дать такого учения, то это объясняется не их слабостью, а прежде всего историческими условиями, в которых они выступали.

Середина прошлого столетия стала временем рождения диалектического и исторического материализма по той причине, что весь ход общественного развития, а также накопление знаний о природе и все предыдущее развитие философии закономерно, необходимо подвели к этому поворотному моменту. Марксизм в целом и марксистская философия как его составная часть возникли в силу назревшей исторической потребности как ответ на те запросы, которые выдвинуты были объективным развитием общества и развитием человеческих знаний.

«История философии и история социальной науки,— писал Ленин,— показывают с полной ясностью, что в марксизме нет ничего похожего на «сектантство» в смысле какого-то замкнутого, закостенелого учения, возникшего *в стороне* от столбовой дороги развития мировой цивилизации. Напротив, вся гениальность Маркса состоит именно в том, что он дал ответы на вопросы, которые передовая мысль человечества уже поставила. Его учение возникло как прямое и непосредственное *продолжение* учения величайших представителей философии, политической экономии и социализма» [1].

Эти прекрасные ленинские слова характеризуют как внутреннюю связь, преемственность, существующую между марксизмом,

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 19, стр. 3.

марксистской философией и всем предшествующим развитием человеческой мысли, так и то новое, что делает возникновение марксизма рубежом, революционным переворотом в духовной истории человечества. Без критического освоения и переработки того, что дала передовая философская мысль прошлых лет, невозможно было возникновение диалектического и исторического материализма. Марксистская философия является итогом и завершением длительного развития философской мысли, законной преемницей всего лучшего, созданного на сложном и полном противоречий пути выработки научного мировоззрения.

Как было сказано в первой главе, с самого зарождения философской мысли началась и в дальнейшем все более обострялась борьба между двумя основными направлениями в философии — материализмом и идеализмом. Историческое развитие философии имело определенную закономерность, заключавшуюся в том, что в этой борьбе, в противовес идеализму и религии, несмотря на известные зигзаги в духовном развитии народов, формировалось и развивалось единственно правильное — *материалистическое* мировоззрение. Материализм возник уже в глубокой древности. Он соответствовал правильному и вместе с тем здравому человеческому взгляду на природу как на объективную, независимо от сознания существующую, реальность.

Уже древнегреческие материалисты VI в. до н. э. *Фалес, Анаксимандр* и *Анаксимен* признавали материальную сущность природных явлений, видели их основу в едином «начале». Фалес материальным «началом» считал воду, Анаксимандр — беспредельную, неопределенную материю (апейрон), Анаксимен — воздух. Все космические изменения, по учению этих философов, объясняются вечным движением материальных «начал», их бесконечным превращением.

Дальнейшее развитие материалистическая философия получила в учении *Гераклита Эфесского,* жившего в конце VI — начале V в. до н. э. Согласно учению древнегреческого материалиста и диалектика Гераклита, мир не создан богом, но всегда существовал и вечно будет существовать. Единство всех явлений мира объясняется тем, что в основе их лежит единое «начало», материальный процесс — огонь. Все в мире, космосе закономерно развивается благодаря загоранию и угасанию огня. «Этот космос, один и тот же для всего существующего, не создал никакой бог и никакой человек, но всегда он был, есть и будет вечно живым огнем, мерами загорающимся и мерами потухающим»[1]. Это высказывание Гераклита В. И. Ленин характеризует как очень хорошее первоначальное изложение диалектического понимания природы[2].

В учении Гераклита выступает органическая связь материализма древних с диалектическим подходом к действительности. Первое, что бросается в глаза при рассмотрении природы и общественной жизни,— это картина всеобщего изменения, смены одних явлений другими, их возникновения и исчезновения. Древние философы-материалисты, бравшие мир таким, каков он есть и каким он представляется первоначальному наблюдению, отразили в своих учениях этот процесс всеобщего изменения, движения и развития.

Древнегреческие философы *Левкипп* и *Демокрит* (V в. до н. э.) высказали замечательную мысль об атомистическом строении материи и причинной связи всех явлений природы. Левкипп заложил основы древнегреческой атомистики, а Демокрит развил целую систему атомистического материализма.

---

[1] «Материалисты древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура». М., 1955, стр. 44.

[2] См. *В. И. Ленин.* Философские тетради, стр. 294.

Согласно взглядам Демокрита, вселенная бесконечна и вечна; она состоит из бесчисленных миров, вечно возникающих, развивающихся и погибающих. В мире нет ничего, кроме атомов и пустоты. Мысль Демокрита о том, что движение атомов, составляющих все вещи, вечно существовало и вечно будет существовать, сыграла большую роль в развитии категорий (понятий) материи и движения.

Материалистическое учение широко развивалось и в странах Древнего Востока (Китай, Индия и др.).

Эпоха средневековья была эпохой господства религии, религиозной философии. В это время научная, материалистическая философия преследовалась, и она, естественно, не могла получить своего развития. Новый подъем материалистической философии начался примерно с XVI—XVII вв. Это было связано с разложением феодального общества, началом развития капиталистического способа производства и выходом на историческую арену новых, передовых общественных сил.

Потребности развития зарождающегося капиталистического производства, новой техники, развития торговли и мореплавания обусловили развитие естествознания, в первую очередь механики, математики, астрономии. А вместе с развитием естествознания развивалась и материалистическая философия. Она не только обобщала данные естествознания, но и давала ему могучий толчок разработкой материалистического взгляда на мир, материалистической теории познания и метода подхода к действительности.

В этот период материалистическая философия выдвинула целое созвездие славных имен, таких, как Ф. Бэкон (1561—1626), Т. Гоббс (1588—1679), Д. Локк (1632—1704) в Англии, Б. Спиноза (1632—1677) в Голландии, а позже, в XVIII в., накануне великой французской революции таких мыслителей, как Ж. Ламетри (1709—1751), П. Гольбах (1723—1789), А. Гельвеций (1715—1771), Д. Дидро (1713—1784) и др.

Особенно боевым материалистическим мировоззрением был *французский материализм* XVIII в., идеологически подготовивший французскую буржуазную революцию. Французские материалисты решительно выступили против религиозного мировоззрения и господствовавшей католической церкви, против основ феодального строя и абсолютизма.

«Великие люди, которые во Франции просвещали головы для приближавшейся революции,— писал Энгельс,— сами выступали крайне революционно. Никаких внешних авторитетов какого бы то ни было рода они не признавали. Религия, понимание природы, общество, государственный порядок — все было подвергнуто самой беспощадной критике; все должно было предстать пред судом разума и либо оправдать свое существование, либо отказаться от него» [1].

Французские философы XVIII в. сделали значительный шаг вперед по сравнению с материалистами XVII в. прежде всего в самом понимании материального мира, природы. Материя для них — это бесконечная совокупность реальных вещей, находящихся в состоянии движения, это весь материальный мир в его многообразии.

Однако французский материализм XVIII в., как и английский материализм XVII в., носил по преимуществу механический и

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные произведения, т. II. 1955, стр. 107.

метафизический характер. Ограниченность материализма XVIII в. состояла также в неспособности подняться до материалистического понимания общественной жизни. В своей теории общества философы XVIII в. придерживались идеалистического взгляда: «мнения правят миром».

Незадолго до возникновения марксизма особенно острая борьба между материализмом и идеализмом развернулась в Германии. Идеалистическая философия здесь была представлена такими философами, как И. Кант (1724—1804), Г. Гегель (1770—1831) и др., а материалистическая философия — Л. Фейербахом (1804—1872). Гегель был объективным идеалистом. Исходным пунктом его философии было признание существования некоей «абсолютной идеи», которая существует до природы и независимо от нее. «Абсолютная идея» Гегеля есть не что иное, как мистифицированное и обожествленное человеческое сознание, которое он оторвал от материи, природы и противопоставил им в качестве высшей творческой силы всего существующего. Гегель был, однако, не только идеалистом, но и диалектиком. По его учению, так называемая «абсолютная идея» находится в постоянном развитии и изменении, и в процессе своего диалектического развития она порождает природу, человека, человеческое общество, которые выступают у него в роли «инобытия» этой мистической «абсолютной идеи». Великая заслуга Гегеля была в том, что он, хотя и на ложной, идеалистической основе, разработал диалектический метод. Как отметил Ленин, Гегель в диалектике идей, понятий гениально угадал (но не больше!) диалектику самих вещей, самой реальной действительности. На идеалистической основе Гегель дал первую формулировку таких основных законов диалектики, как переход количества в качество, о противоречии, борьбе противоположностей как источнике развития, закон отрицания отрицания. И хотя эти принципы развития были сформулированы Гегелем еще в идеалистической форме и не последовательно, однако это был огромный шаг в развитии философской мысли, в подготовке диалектической теории развития. Своим исследованием диалектического развития Гегель нанес сильный удар по господствовавшему в то время метафизическому методу.

Но Гегель не смог нанести окончательного поражения метафизическому мировоззрению, поскольку его идеалистическая система находилась в противоречии с диалектикой, сковывала ее, не позволяла ей проявиться со всей силой. Более того, она толкала его философию к метафизическим выводам о какой-то последней ступени развития общества и т. п. Это особенно сказалось на его социально-политических взглядах (боязнь решительной революционной ломки феодального строя в Германии, примирение с существующей действительностью и т. п.).

Идеалистическую философию Гегеля подверг резкой и беспощадной критике Л. Фейербах. Вначале он сам был учеником Гегеля, но вскоре понял порочность идеализма и развернул смелую борьбу за материализм. Фейербах показал всю фантастичность гегелевской «абсолютной идеи» и твердо отстаивал принцип первичности материи и вторичности сознания. Его материализм был антропологическим (от греческого «антропос» — человек), ибо в центр своей философии он ставил человека. Человек как материальное, физиологическое существо, обладающее чувствами и мышлением, познает объективно существующую природу. Ничего другого, сверхъестественного нет и не может быть. Однако антропологизм Фейербаха имел и свою отрицательную сторону: человек понимается Фейербахом только как биологическое существо. Между тем реальный человек не может рассматриваться вне общества, вне общественных отношений. Поэтому, как только Фейербах подходит к вопросам общественной жизни, обнаруживаются идеализм в понимании общества и абстрактность его человека.

Во взглядах на природу Фейербах был последовательным материалистом. Его философское учение не только было направлено против идеализма и религии, не только защищало материалистические традиции XVII—XVIII вв., но и преодолевало некоторые черты ограниченности механической формы материализма. Фейербах отказался от абстрактного механистического понимания материи как чего-то однородного. Природа, по Фейербаху, обладает качественным многообразием, воспринимаемым всеми чувствами человека.

Много плодотворных и новых идей высказал Фейербах и по теоретико-познавательным вопросам. Немецкий материалист развивал учение о познании как отражении объективных свойств вещей. Если Гегель принижал всячески роль чувственного познания, то Фейербах подчеркивал большое значение чувств, ощущений для правильного отражения природы в человеческом мышлении.

Однако Фейербах совершенно не понял диалектики Гегеля и остался в основном на метафизических позициях в объяснении природы. Это был крупнейший недостаток его философии. По своим социальным воззрениям он был значительно прогрессивнее Гегеля, выступая в качестве идеолога демократической буржуазии в период подготовки революции 1848 г. в Германии.

С яркой и страстной критикой философского, в частности гегелевского, идеализма в середине XIX в. выступили также выдающиеся русские материалисты и революционные демократы — А. И. Герцен (1812—1870), Н. Г. Чернышевский (1828—1889) и др. Их материалистические воззрения были шагом вперед по сравнению с Фейербахом, так как они поняли значение диалектики и перерабатывали ее в материалистическом духе.

Таким образом, многовековое развитие философской мысли и борьба материализма против идеализма подготовили почву для окончательной победы единственно правильного материалистического мировоззрения.

Но только Маркс и Энгельс — идеологи пролетариата — сумели создать последовательно научную материалистическую философию — *диалектический материализм*. Будучи прямым продолжением лучших традиций предшествующего философского развития, марксизм глубоко отличается от всех предыдущих учений тем, что он сумел дать ответы на вопросы, которые были поставлены, но не решены прежней философией в силу ее исторической и классовой ограниченности. Марксизм сумел это сделать потому, что он явился теоретическим выражением новых исторических условий, новых общественных сил, выступивших на социальной арене в первые десятилетия XIX в.

В конце XVIII и начале XIX столетия произошло крушение старого, феодального строя и победил новый, капиталистический строй в ряде стран, прежде всего в Англии и Франции. Капитализм развивался и в других странах. Буржуазная революция назревала в Германии. Капитализм принес с собой невиданное ранее развитие производительных сил общества, на основе которых началось быстрое развитие естествознания. Но новое, буржуазное общество принесло с собой и новые, небывалые по своей силе и остроте социальные противоречия. Эти противоречия нашли свое самое глубокое выражение в борьбе между буржуазией и пролетариатом.

Классовые противоречия имели место и в феодальном обществе. Но эти противоречия и их разрешение не таили еще в себе возможностей создания общества без эксплуатации человека человеком. Капиталистический способ производства впервые в истории действием собственных экономических законов создает объективные предпосылки для уничтожения всякой эксплуатации, всякой формы социального рабства. Он создал и пролетариат — ту общественную силу, которая способна осуществить глубочайший революционный переворот в жизни человечества и построить новое общество, основанное на сотрудничестве и взаимопомощи свободных от эксплуатации людей. Классовая борьба пролетариата в отличие от классовой борьбы в прежних формациях имеет своей целью не смену одной формы эксплуатации другой, а уничтожение эксплуатации вообще, социальное освобождение человека и человечества.

С первых шагов существования буржуазного общества начинается борьба пролетариата против буржуазии. В 30-х и 40-х годах XIX в. она развертывается очень интенсивно. Одно за другим в разных странах вспыхивают крупные выступления пролетариата. Лионские восстания французских рабочих, мощное чартистское движение английского пролетариата, восстание си-

лезских ткачей в Германии — эти и другие события явились первыми серьезными предвестниками нараставшей освободительной борьбы рабочего класса против буржуазии.

Но в этой борьбе рабочие еще не имели ясной программы. Они боролись за свое существование, за право на жизнь, за смягчение жестокой и бесчеловечной эксплуатации, но еще не видели и не понимали всемирно-исторического смысла рабочего движения, не имели своей организации, которая возглавила бы их борьбу и направила ее по правильному пути. Их выступления еще не были освещены научной революционной теорией, без которой не может быть успешного революционного движения.

Как отражение кричащих противоречий буржуазного общества, противоположности между нищетой трудящихся масс и богатством господствующих классов возникали системы утопического социализма. Наиболее яркими представителями *утопического* социализма в начале XIX в. были Анри Сен-Симон, Шарль Фурье и Роберт Оуэн. Их социалистические взгляды стали одним из теоретических источников марксизма. Сильными сторонами утопического социализма были критика буржуазного строя, глубокое изображение противоречий и пороков капитализма. Социалисты-утописты непоколебимо верили в лучшее будущее человечества, они гениально уловили некоторые черты грядущего общества, самоотверженно пропагандировали идеи социализма. Но это был еще не научный социализм. Они не поняли социальной природы пролетариата, не сумели увидеть в нем ту историческую силу, которая осуществит социалистическое преобразование общества. Социалисты-утописты совершенно не знали путей и средств уничтожения капиталистического строя и создания социалистического общества. Своими проповедями они обращались не к народу, не к трудящимся массам, а ко всем классам, к политическим деятелям, к буржуазии, к «просвещенным монархам», надеясь с их помощью осуществить свои планы. Понятно, что при всех своих положительных качествах утопический социализм не мог помочь пролетариату в его борьбе против буржуазии. Более того, поскольку утописты не понимали, что без классовой борьбы пролетариата социализм остается недостижимой мечтой, их теории стали со временем тормозить разрешение насущных вопросов революционного движения рабочего класса.

Создание *научного* социализма, или, что одно и то же, *научного* коммунизма, стало исторически назревшей задачей новой эпохи, наступившей с победой капитализма и развертыванием классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией. Всем ходом истории эта задача была выдвинута, и она была решена идеологами пролетариата — Марксом и Энгельсом.

Создание научного социализма было делом величайшей сложности и трудности. «Чтобы превратить социализм в науку,—

отмечал впоследствии Энгельс,— необходимо было прежде всего поставить его на реальную почву»[1]. Поставить же его на реальную почву значило научно доказать, что социализм есть не случайное открытие того или иного гениального ума, как думали социалисты-утописты, а неизбежный и закономерный результат экономического развития капитализма и борьбы классов. Для этого нужно было раскрыть сущность капиталистического способа производства, познать законы его развития, вскрыть механизм капиталистической эксплуатации, обусловливающий борьбу двух основных классов буржуазного общества — пролетариата и буржуазии.

Важнейшей предпосылкой создания теории научного социализма была разработка научного философского мировоззрения. Без этого невозможно было и шага сделать от утопического социализма к научному. Утопический социализм не имел под собой реальной почвы помимо прочего и по той причине, что он стоял на позициях господствовавшего в то время идеалистического понимания истории, что он, несмотря на отдельные гениальные проблески диалектики, в целом метафизически подходил к общественной жизни.

С позиций идеализма и метафизики невозможно было создать и *научную экономическую теорию,* объясняющую сущность капиталистического способа производства.

Нельзя сказать, что до Маркса и Энгельса не было попыток осознать сущность и законы капитализма. Большая заслуга в этом отношении принадлежала крупнейшим представителям английской политической экономии — А. Смиту и Д. Рикардо, которые положили начало трудовой теории стоимости. Их экономическая теория, как и утопический социализм, была одним из теоретических источников марксизма. Создавая свою политическую экономию, Маркс критически использовал учение Смита и Рикардо. Но эти экономисты, как выразители интересов буржуазии, не могли увидеть преходящего характера капитализма, они метафизически рассматривали его как вечную, неизменную форму человеческого общества. Это мешало им вскрыть сущность капиталистического способа производства.

Чтобы превратить социализм из утопии в науку, необходимо было окончательно преодолеть идеализм в целом и особенно идеалистическое понимание истории, которое разделяли все прежние философы, даже и те, кто стоял на материалистических позициях в объяснении природы. Нужно было покончить и с метафизическим способом мышления, мешавшим взглянуть на действительность в ее развитии и изменении, в переходах от старых, отживших форм к новым. Нужно было разработать научный философский метод познания действительности. Короче говоря,

[1] *Ф. Энгельс.* Анти-Дюринг, стр. 20.

возникновение марксизма, марксистского социализма невозможно было без переворота в господствовавших в то время философских взглядах. Эту революцию в философии совершили Маркс и Энгельс, создав диалектический и исторический материализм.

Только благодаря диалектическому и историческому материализму основоположникн маркснзма сумели дать научный анализ капитализма, показать, что социализм есть закономерное следствие развития общества, выяснить всемирно-историческую роль пролетариата как могильщика капитализма, указать рабочему классу путь к завоеванию политнческой власти и созданию нового, т. е. социалистнческого, общества. Марксистская философия возникла, следовательно, в неразрывной связи с общим процессом формирования марксизма как идеологии пролетариата. Наряду с полнтической экономией и научным социализмом диалектическнй и исторнческий материализм является составной частью марксизма, образуя его философскую основу.

Если Маркс и Энгельс произвели революцию в философии и создали философское ученне, дающее правильную и глубоко научную систему взглядов на мир, то это объясняется не только тем, что они были гениальными мыслителями, но и тем прежде всего, что к их времени появились все необходимые для этого предпосылки. Развитие науки, особенно естествознания, уже достигло такого уровня, когда можно было создать подлинно научное, диалектико-материалистическое философское мировоззрение. Оценивая итоги развитня наукн о природе, Энгельс отмечал, что новое воззрение на природу, враждебное как идеализму, так и метафизике, было подготовлено естествознанием примерно к середнне XIX в.

Нельзя понять процесса возникновения и формирования диалектического материализма, не учитывая органнческой связи этого процесса с развитием естествознания. Основоположники марксизма с первых шагов своей деятельности до конца жизни внимательно следили за успехамн науки и техники. Коренные принципы дналектического материализма — учение о материальной сущности мира, о материи и формах ее существования, о наиболее общих законах развития бытия, о соотношении материи и сознання — моглн быть последовательно развиты лишь на твердом фундаменте достигнутых знаний о природе. Революция в области философии, которая была осуществлена Марксом и Энгельсом и означала возникновение диалектического материализма, явилась продуктом гениального обобщения развития естествознания и общественно-исторической практики. Научное исследование капиталнзма, его противоречий, классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией давало возможность изгнать идеализм из последнего его убежища — из области общественной науки, из истории — и создать историческнй материализм.

Но одних объективных условий для создания диалектического материализма было недостаточно. Нужны были такие идеологи, которые могли бы дать глубокий и всесторонний анализ и обобщить новые данные науки и коренные противоречия капитализма; нужен был анализ правдивый, не знающий страха перед фактами, не связанный корыстными интересами буржуазии. Это можно было сделать только с позиций рабочего класса, наиболее революционного класса капиталистического общества. Историческая заслуга Маркса и Энгельса и состоит в том, что они смело перешли на позиции пролетариата и совершили великий научный подвиг.

Германия, в которой жили Маркс и Энгельс, находилась накануне буржуазной революции. Хотя она была экономически сравнительно отсталой страной, вступившей на путь капиталистического развития позже Англии и Франции, в ней был, однако, уже относительно развитый пролетариат. Центр революционного движения в ту эпоху перемещался в Германию, и это объясняет, почему именно она стала родиной марксизма.

Возникнув на социальной почве Германии, марксизм явился вместе с тем результатом развития противоречий мирового капитализма, результатом обобщения всемирно-исторического опыта развития всего человечества. Особенно важное значение для формирования марксизма имело изучение общественной жизни самой развитой в то время капиталистической страны — Англии.

Маркс и Энгельс не сразу, не с первых шагов своей деятельности встали на сторону рабочего класса, не сразу сформулировали принципы нового мировоззрения. Когда будущие основоположники марксизма выступили на общественной арене, в Германии господствовала идеалистическая философия Гегеля. Эта философия сыграла большую роль в эволюции и формировании взглядов Маркса и Энгельса. Они всегда высоко оценивали значение Гегеля в развитии философской мысли вообще, а также в их собственном развитии. Как показано выше, гегелевская философия противоречива. Если ее диалектический метод в сущности своей был революционен, то ее идеалистическая система консервативна. Создавая научное мировоззрение, Маркс и Энгельс критически переработали гегелевскую диалектику, взяв ее рациональное зерно, идею развития через противоречия и скачки. Процесс становления их философских взглядов заключался в решительном освобождении от гегелевского идеализма и переходе на позиции материализма. В конце 30-х годов Маркс и Энгельс принадлежали к числу так называемых младогегельянцев. Младогегельянцы составляли левое крыло гегелевской философии и были выразителями идей поднимавшейся радикальной буржуазии, стремившейся к искоренению феодализма в стране. На первых произведениях Маркса и Энгельса (1841—1842 гг.) лежит печать гегельянства. Но особенность их тогдаш-

них взглядов заключалась в том, что они были проникнуты духом революционно-демократической борьбы в защиту прав народа. Это отличало с самого начала позиции Маркса и Энгельса от позиций остальных младогегельянцев, которые третировали народ, боялись народа и которых Маркс и Энгельс вскоре подвергли беспощадной критике.

Большое значение в развитии философских и политических взглядов Маркса имел период его работы в «Рейнской газете» — органе буржуазной антифеодальной оппозиции. Маркс придал газете боевое революционно-демократическое направление. Работая в «Рейнской газете», Маркс сталкивается с социальными противоречиями, с рядом экономических вопросов и видит, что гегелевская идеалистическая философия при встрече с жизнью терпит одно поражение за другим. Так, подходя идеалистически к одному из актуальных вопросов того времени — к вопросу о свободе печати, рассматривая последнюю как выражение «свободного духа», Маркс убеждается, что печать на деле защищала интересы одних классов против других, интересы эксплуататоров против интересов народа. Точно так же не выдержало проверки жизнью идеалистическое понимание государства как олицетворения всеобщего духа, общих интересов всех классов. Маркс убеждается, что в действительности прусское государство, его законы, право отстаивают лишь интересы богатых, а «бедняк приносится в жертву узаконенной лжи». Маркс начинает говорить от имени трудящегося народа. «Мы требуем для бедноты *обычного права*...— пишет он в одной из ранних своих статей.— Мы идём ещё дальше и утверждаем, что обычное право по своей природе может быть *только* правом этой самой низшей, обездоленной, неорганизованной массы» [1]. Шаг за шагом Маркс убеждается в приоритете, первенстве, материальных отношений в обществе над отношениями идеальными. В ряде статей он показывает, что прежде всего материальные интересы определяют поведение классов и социальных групп. В статьях по поводу закона о краже дров он ярко вскрывает роль прусского государства как орудия защиты экономических интересов лесовладельца. «...Интерес лесовладельца,— пишет Маркс,— должен стать направляющей душой всего механизма» [2]. С беспощадной смелостью вскрывает он противоречие между господствующими классами и трудящимися массами: «...если в природном животном мире рабочие пчёлы убивают трутней, то в духовном животном мире, наоборот, трутни убивают рабочих пчёл — убивают их, изнуряя работой». Вскоре «Рейнская газета» была запрещена из-за ее революционного направления. Маркс продолжает

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1. 1955, стр. 125.

[2] Там же, стр. 142.

интенсивно работать над пересмотром гегелевской философии и формированием своих материалистических воззрений.

По этому же пути самостоятельно шел Энгельс. В развитии взглядов Энгельса большое значение имело его пребываиие в Англии. Впоследствии, вспоминая путь своего развития, Энгельс писал: «Живя в Манчестере, я, что иазывается, носом натолкнулся на то, что экономические факты, которые до сих пор в исторических сочинениях не играют никакой роли или играют жалкую роль, представляют, по крайней мере для совремеиного мира, решающую историческую силу...»[1]

Огромное влияние на формирование философских взглядов Маркса и Энгельса оказала философия Фейербаха. Яркая и страстная критика Фейербахом гегелевского идеализма помогла им разделаться с философским идеализмом и прочно встать на путь материализма. О книге Фейербаха «Сущность христианства», в которой изложена его материалистическая философия, Энгельс в своем сочинении «Людвиг Фейербах...» писал: «Надо было пережить освободительное действие этой книги, чтобы составить себе представление об этом», т. е. о роли Фейербаха в освобождении от гегелевского идеализма. Материализм Фейербаха Энгельс называет «посредствующим звеном» между гегелевской философией и марксистской философией. Но в отличие от Фейербаха Маркс и Энгельс не отбросили ценную сторону философии Гегеля — диалектику, учение о развитии, а переработали диалектику в материалистическом духе. Таким образом, немецкая классическая философия, особенно диалектика Гегеля и материализм Фейербаха, была одним из важнейших теоретических источников формироваиия марксизма, марксистской философии.

1844 год стал для Маркса и Энгельса рубежом, завершившим переход от старых взглядов к новым. Оба они, идя каждый собственным путем, выработали свои осиовные материалистические философские воззрения и стали пролетарскими революционерами. В 1844 г. в журнале «Немецко-французский ежегодник» Маркс и Энгельс одновременно опубликовали статьи, в которых изложили свои новые взгляды.

Это был волнующий момент в истории человеческой мысли. На протяжении веков философия была далека от народа, от производителей материальных благ, труд которых во все времеиа составляет самую глубокую основу общественного прогресса. Более того, большинство философских систем прошлого видело в труде народных масс наименее плодотворную для развития общества форму человеческой деятельности. И вот наступил момент, когда философия спустилась с неба на землю. Марксистская философия установила решающую роль труда иа-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные произведения, т. II, стр. 326.

родных масс в жизни общества. В противовес идеалистической традиций именно людей труда она объявила «солью земли». В статье «К критике гегелевской философии права» Маркс показывает несостоятельность философского идеализма, идеалистического понимания истории и провозглашает всемирно-историческую роль пролетариата как единственной силы, способной принести свободу всему трудящемуся человечеству. Он заявляет, что «философия находит в пролетариате своё *материальное* оружие... пролетариат находит в философии своё *духовное* оружие...» [1] По удачному выражению немецкого марксиста Ф. Меринга, это означало, что философия разобралась в пролетариате, а пролетариат — в философии.

В 1842 г. состоялась первая, а в 1844 г.— вторая встреча Маркса с Энгельсом, и с тех пор они рука об руку совместно разрабатывают диалектико-материалистическое мировоззрение. В написанных в 1844—1846 гг. произведениях «Святое семейство» и «Немецкая идеология» они подвергают обстоятельному разбору философию Гегеля и Фейербаха, вскрывают их сильные и слабые стороны, дают критику младогегельянцев, разбивают их идеалистическую теорию о том, что «критически мыслящая личность» в истории — якобы все, а народ — ничто, дают первый очерк исторического материализма [2].

Важным шагом в разработке марксистского учения в целом и диалектического и исторического материализма в частности было произведение Маркса «Нищета философии». В этом труде Маркс разбивает мелкобуржуазную утопию Прудона и разрабатывает принципы научного социализма, основы диалектического материализма и материалистического понимания истории.

Маркс и Энгельс не только трудятся над выработкой своего нового мировоззрения. Их главная цель состояла в том, чтобы соединить научный социализм с рабочим движением, направить стихийную борьбу рабочих в сознательное революционное русло. В 1847 г. при их активном участии возникает первая пролетарская организация — Союз коммунистов.

В 1848 г. появляется «Манифест Коммунистической партии», написанный Марксом и Энгельсом по поручению Союза коммунистов. В этом знаменитом произведении содержится не только первая научная программа пролетарской партии, но и изложено новое мировоззрение, созданное Марксом и Энгельсом. Здесь,

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1. 1955, стр. 428.

[2] Некоторые современные ревизионисты превозносят ранние работы Маркса и Энгельса, принижая их основные, зрелые труды. Они пытаются трактовать эти ранние работы в духе абстрактного идеалистического «гуманизма», замалчивая и вытравляя из них революционное содержание. Но это попытка с негодными средствами, потому что уже в этих ранних произведениях основоположники марксизма твердо стояли на позициях революционного пролетариата.

писал Ленин, «с гениальной ясностью и яркостью обрисовано новое миросозерцание, последовательный материализм, охватывающий и область социальной жизни, диалектика, как наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии, теория классовой борьбы и всемирно-исторической революционной роли пролетариата, творца нового, коммунистического общества»[1].

До 1848 г. Маркс и Энгельс закладывали основы своего учения, в том числе и философии. После 1848 г. начинается глубокая и всесторонняя разработка и развитие этого учения. Исторической вехой на этом пути был главный труд Маркса — «Капитал», над которым он работал всю свою жизнь и который является основным произведением марксизма. «Капитал», будучи экономическим произведением, имеет и несравненное философское значение. Маркс применил в нем к анализу капиталистической социально-экономической формации диалектико-материалистический метод, раскрыл основные принципы этого метода, разработал на материале исследования капитализма материалистическую теорию познания и логику. Ленин писал, что если Маркс, в отличие от Гегеля, не оставил «Логики» с большой буквы, т. е. специальный труд по диалектике, то он оставил логику «Капитала». Ленин указывал, что до «Капитала» исторический материализм был гипотезой, а благодаря «Капиталу», в котором дано материалистическое объяснение такой сложной формации, как капитализм, со всеми ее сторонами, исторический материализм стал проверенной и неопровержимой, единственно научной общественной теорией.

Ряд трудов, специально посвященных обоснованию и разработке диалектического и исторического материализма, написал Энгельс. Таковы его знаменитые книги «Анти-Дюринг», «Людвиг Фейербах...», «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и другие произведения, в которых на основе обобщения естествознания и исторической практики, на основе критики враждебных марксизму философских течений дано глубокое и яркое освещение всех сторон марксистской философии — материализма, диалектики, теории познания, материалистического понимания истории. В ряду этих произведений важное значение имеет незаконченный труд Энгельса «Диалектика природы». В этом труде Энгельс предпринял грандиозную попытку на материале современной ему науки — математики, физики, химии, биологии, космогонии и т. д.— показать диалектический характер развития природы, обосновать материалистическую диалектику как единственно верный философский метод современного естествознания.

Разработку своей теории основоположники марксизма осуществляют в тесной и неразрывной связи с организаторской ре-

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 21, стр. 32.

волюционной деятельностью, на основе обобщения практики рабочего движения.

В 1864 г. Маркс и Энгельс организуют «Международное товарищество рабочих» — I Интернационал. На протяжении всей своей деятельности они ведут борьбу за очищение рабочего движения от мелкобуржуазных идей, от оппортунизма, в том числе и «лево»-сектантского, анархического, за победу научного коммунизма.

В чем же сущность революционного переворота, совершенного Марксом и Энгельсом в философии? Каковы те новые основные черты, которые возвышают марксистскую философию над всей прежней философией и определяют ее коренное, качественное отличие от старых философских взглядов и систем?

2. Сущность революционного переворота, совершенного марксизмом в философии

Решающую особенность диалектического и исторического материализма выразил Маркс в одном из первых набросков своего нового мировоззрения — в «Тезисах о Фейербахе»: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его».

В этом тезисе показано одно из коренных отличий марксистской философии от всей предшествующей философии. Нельзя, конечно, эти слова Маркса истолковать в том смысле, что все старые философы лишь пассивно взирали на мир и что среди них не было революционных борцов, стремившихся к изменению общественных порядков. Выше мы говорили о блестящей плеяде французских материалистов XVIII в., которые вели беспощадную войну против феодального закрепощения человека. И тем не менее тезис Маркса точно определяет сущность старой философии. Даже те из прежних философов, в том числе и французские материалисты, которые хотели общественных преобразований, полагали, что источник социальных зол — бесправия человека при феодализме, войн, нищеты, религиозного дурмана и т. п.— коренится в неправильном понимании мира, природы человека и т. д. По их взглядам, стоило только отказаться от ложных воззрений и правильно объяснить мир, правильно понять естественную и вечную, с их точки зрения, природу человека, чтобы положение в обществе можно было изменить. Они не знали, что не только общественные порядки, но и те ложные идеи, которые они подвергали критике, глубоко коренятся в объективных исторических условиях материальной жизни общества и что поэтому лишь изменение этих условий есть единственный реальный путь социального прогресса.

Например, французские материалисты резко критиковали религию, боролись за освобождение человека от религиозных взглядов, правильно видя в этом один из способов раскрепощения человека. Но они думали, что уничтожить религию, освободить человека из ее плена можно одним лишь правильным объяснением мира, без преобразования тех материальных социальных условий, которые являются питательной почвой религии.

Поэтому в центре прежних философских систем находилась не *практика,* не революционно-практическая деятельность человечества, единственно способная преобразовать мир, а главным образом духовная деятельность, созерцание, объяснение мира. В этом марксизм видит главный недостаток всего предшествовавшего материализма. Действительность, предметы, указывается в тех же «Тезисах о Фейербахе», берутся только в форме созерцания, а не в связи с практической деятельностью.

В противоположность этой философии марксистская философия придает решающее значение практически преобразующей деятельности людей. Это не значит, что марксизм принижает роль духовной деятельности человечества. Именно Марксу, основоположнику идеологии пролетариата, принадлежит замечательное положение, вскрывающее великое значение идей в развитии общественной жизни. В упоминавшейся выше работе «К критике гегелевской философии права», в которой Маркс изложил свои новые взгляды, он указал, что «и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами»[1].

Но теория становится материальной силой, когда она связана с практикой, подчинена и опирается на нее как на свою основу.

Критикуя в своих ранних работах гегелевскую философию, признававшую человеческой деятельностью лишь духовную, умственную деятельность, Маркс и Энгельс вскрыли классовые корни этой ограниченности. Придавая главное значение в развитии общества духовной деятельности, идеалистическая философия отвлекает взоры трудящихся масс от материальных основ их рабства. Идеализм даже может позволить себе роскошь подвергнуть критике социальное рабство, угнетение. Но, как показали Маркс и Энгельс, это «мнимый критицизм»: реальная вещь превращается идеализмом в мыслительную вещь и критикуется как духовное явление. Поэтому и преодоление угнетения также не выходит за пределы чистой мысли.

Например, Гегель утверждал, что «в основе рабства вообще лежит то, что человек еще не сознает своей свободы...» Несомненно, осознание человеком своей порабощенности есть шаг к свободе. Но в рамках одного сознания реальные оковы не могут быть разбиты. Последователи Гегеля — младогегельянцы много

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1. 1955, стр. 422.

говорили о «свободе», об «эмансипации» человека, но единственным способом освобождения человека они считали философскую критику религии и моральное самосовершенствование людей. Критикуя их, Маркс указывал, что они научились у Гегеля «одному искусству — превращать *реальные, объективные, вне меня* существующие цепи в *исключительно идеальные,* исключительно *субъективные,* исключительно *во мне* существующие цепи и поэтому все *внешние,* чувственные битвы превращать в битвы чистых идей»[1].

В действительности реальные цепи рабства могут быть уничтожены реальным же путем, т. е. практической деятельностью, борьбой. Материальная сила угнетения может быть преодолена материальной же силой. Пролетариат самими условиями своего бытия вынуждается к различению *реальной* и *воображаемой* жизни, *действительности* и *сознания.* «...*Массовые* коммунистические рабочие, занятые, например, в мастерских Манчестера и Лиона,— писал Маркс,— не думают, что можно *«чистым мышлением»,* при помощи одних только рассуждений, избавиться от своих хозяев и от своего собственного практического унижения. Они очень болезненно ощущают *различие* между *бытием* и *мышлением,* между *сознанием* и *жизнью.* Они знают, что собственность, капитал, деньги, наёмный труд и тому подобное представляют собой далеко не призраки воображения, а весьма практические, весьма конкретные продукты самоотчуждения рабочих и что поэтому они должны быть упразднены тоже практическим и конкретным образом для того, чтобы человек мог стать человеком не только в *мышлении,* в *сознании,* но и в массовом *бытии,* в жизни»[2].

Марксизм является такой философией, которая, поставив в центр всех вопросов практику, указала истинный, реальный путь *изменения* мира, изменения ради освобождения человечества от социального гнета. Поэтому марксистскую философию отличает ее действенность, ее направленность на революционно-практическое преобразование общества. Она научно объясняет мир, но не ограничивается этим: весь смысл ее объяснения состоит в том, чтобы люди поняли, что мир, основанный на эксплуатации и угнетении, должен быть не только объяснен, но и преобразован. Главным средством социалистического преобразования общества марксизм считает установление диктатуры пролетариата.

Марксизм и марксистская философия вооружают миллионы людей рабочего класса и всех трудящихся, их авангард — коммунистическую партию, знанием законов революционного изменения мира. Раньше философия была достоянием узкого круга

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 2. 1955, стр. 90.
[2] Там же, стр. 58.

людей. Марксистская философия стала и с каждым днем становится достоянием все более широких масс, борющихся за социализм. В наш век всемирная история движется к коммунизму, а диалектический и исторический материализм есть философская, теоретическая основа этого движения.

Всемирно-историческое значение возникновения марксистской философии состоит, далее, в том, что она принесла решающую победу материалистическому, единственно научному направлению в философии и создала высшую форму материализма — диалектический материализм.

Материализм домарксовской эпохи сыграл огромную роль в борьбе против философского идеализма и религии, в защите позиций науки. Однако историческая ограниченность домарксовского материализма помешала ему выиграть решающее сражение с философским идеализмом и окончательно утвердить принципы материализма. С позиций метафизического метода, рассматривающего природу как совокупность застывших, неизменных вещей, невозможно было объяснить единство мира, закономерную связь и переход от неорганической природы к органической, возникновение сознания и многие другие вопросы, имеющие первостепенное значение для научного мировоззрения. Этим пользовались идеалисты, чтобы утвердить веру в бога, в сверхъестественную силу, якобы управляющую природой и человеком.

Между тем развитие естествознания все больше и больше вступало в противоречие с метафизическим методом мышления. Характерной чертой нового периода естествознания с конца XVIII и начала XIX в. было проникновение в науку идеи развития, связи и взаимодействия явлений природы, идеи единства мира. Энгельс указывал, что если раньше естествознание было наукой о законченных вещах, то в XIX в. оно стало «наукой о процессах, о происхождении и развитии этих вещей и о связи, соединяющей эти процессы природы в одно великое целое» [1].

Особенное значение для победы идей развития в науке о природе имели три великих открытия в естествознании: открытие растительной и животной клетки, закона сохранения и превращения энергии и дарвиновская теория происхождения и развития видов растений и животных. Эти открытия раскрывали диалектический характер развития природы. Опираясь на развитие естествознания, Маркс и Энгельс преодолели метафизическую ограниченность старого материализма, придали материализму диалектический характер.

Это была великая победа в истории человеческой мысли: возникло философское учение, рассматривающее всю природу,

---

[1] *Ф. Энгельс.* Людвиг Фейербах и коиец классической иемецкой философии, стр. 38.

от ее простых до самых сложных проявлений, как единое целое и научно объясняющее все процессы и явления закономерным развитием материи, ее собственными переходами из одного состояния в другое, из низших форм в высшие. Это означало полное поражение философского идеализма, паразитировавшего на еще не решенных проблемах науки и слабостях метафизического материализма.

В создании высшей, диалектической формы материализма выдающуюся роль сыграло использование ценных сторон диалектического метода Гегеля. Маркс и Энгельс переработали его диалектику на материалистической основе и создали новый, последовательно научный, диалектический метод, являющийся руководством научного познания и революционного преобразования действительности. Подобно тому как применение диалектики к материализму позволило преобразовать материализм и придать ему современный научный вид, так материалистическая переработка диалектики позволила создать высшую форму диалектики — диалектики материалистической, марксистской.

«Мой диалектический метод,— отмечал Маркс,— не только в корне отличен от гегелевского, но представляет его прямую противоположность. Для Гегеля процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург (т. е. творец.— *Ред.*) действительного, которое представляет лишь его внешнее проявление. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» [1].

Идеалист Гегель отрицал развитие в природе, полагая, что развиваться может не материя, которую он считал косной, а лишь дух, абсолютная идея. Марксистская философия неопровержимо доказала диалектический характер природы. Материалистическая диалектика, писал Энгельс, «становится абсолютной необходимостью для естествознания, покинувшего ту область, где достаточны были неподвижные категории...» [2]

В наше время на позиции марксистской диалектики переходят все новые и новые представители естествознания. Это прекрасно подтверждает мысль Энгельса.

Марксистская диалектика в отличие от Гегеля не ставит никаких границ развитию общества, как и развитию природы. Она обращена не только к прошлому, но и к настоящему и будущему и раскрывает безграничные возможности развития человечества. Эта особенность материалистической диалектики, свободной от ограниченности идеалистической гегелевской диалектики, является выражением точки зрения самого революционного класса — пролетариата.

---

[1] *К. Маркс.* Капитал, т. I, стр. 19.
[2] *Ф. Энгельс.* Диалектика природы, стр. 160.

Применив материалистическую диалектику к области человеческого мышления, марксизм разработал глубокое и последовательно научное учение о познании, теорию познания диалектического материализма.

Заслугой предшествовавшего марксизму материализма было признание мышления, познания отражением объективно существующего внешнего мира. Но старый материализм не понимал диалектической сущности познания, не подходил к познанию как к процессу развития, не видел сложной переработки в мышлении данных действительности, мыслил неподвижными понятиями и категориями, не ставил в центр гносеологии, теории познания общественную практику.

Марксистская философия, диалектико-материалистическая логика впервые в истории философской науки раскрыла на материалистической основе все богатство процесса и форм познания, выдвинула практику в качестве основы и единственно достоверного критерия истинности познания. Теория познания диалектического материализма — одно из самых замечательных достижений человеческой мысли.

Марксизм принес решающую победу философскому материализму не только тем, что он преобразовал его в высшую форму — в диалектический материализм, но и тем, что он распространил его на объяснение общественной жизни. До Маркса и Энгельса область общественных явлений считалась неприступной крепостью идеализма. Все философы были убеждены, что в жизни общества определяющее значение имеют идеи, человеческие мнения, их борьба. Конечно, отдельные элементы материалистического подхода к обществу можно найти во взглядах ряда предшественников марксизма: и у французских материалистов, и у французских историков начала XIX в. — Тьерри, Гизо, Минье, и у передовых английских экономистов, и у Фейербаха и Гегеля, и у социалистов-утопистов. Но это были догадки, не менявшие общего положения — полного господства идеализма в области истории.

Маркс и Энгельс победили идеализм и в этой области, применив диалектический материализм к общественной жизни, создав теорию исторического материализма. Основное значение этой теории состоит в том, что она превратила учение об обществе, о его законах в науку, способную, как и другие науки, давать точные знания и предвидение хода событий и направления общественного развития.

Важную роль в создании теории исторического материализма сыграло исследование капиталистического общества. Как никакая другая формация, капитализм и классовая борьба между пролетариатом и буржуазией обнажили противоположные *материальные* интересы, лежащие в основе антагонизма всякого классового общества. Буржуазная эпоха, писали Маркс и Энгельс в

«Коммунистическом манифесте», «упростила классовые противоречия»; «эксплуатацию, прикрытую религиозными и политическими иллюзиями, она заменила эксплуатацией открытой, бесстыдной, прямой, черствой». Глубокий объективный анализ капиталистического строя опровергал идеалистическое понимание истории и приводил к непререкаемому выводу о том, что не разум и не идеи, а материальные потребности, производство материальных благ являются главной движущей силой развития общества.

Исследование движущих сил капиталистического общества пролило свет и на всю прошлую историю. Анатомия буржуазного строя стала в известной мере ключом к анатомии всего предыдущего общественного развития.

Маркс и Энгельс доказали, что в развитии общества, как и в природе, действуют объективные, независимые от сознания и воли людей законы. Они открыли общие законы всякого общественного процесса, составляющие содержание исторического материализма.

Создав диалектический материализм, марксизм изменил характер философии, ее предмет. Он навсегда покончил с претензиями философии быть «наукой наук», т. е. включать в себя все науки, все отрасли знания на правах отдельных сторон и частей философии. Диалектический материализм раскрывает материальную сущность мира, дает учение о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления, теорию познания и метод, вооружающие правильным подходом к объяснению мира и революционно-практическому преобразованию капиталистического общества в социалистическое.

Таковы вкратце основные черты революции, совершенной Марксом и Энгельсом в философии и приведшей к возникновению диалектического и исторического материализма — единственного научного мировоззрения нашего времени.

3. Творческий характер марксистской философии и ее развитие В. И. Лениным

Одной из основных особенностей созданной Марксом и Энгельсом философии — диалектического и исторического материализма — является ее творческий характер. Отражая с наибольшей точностью объективный мир, его развитие и изменение, она сама развивается, обогащается, конкретизируется с изменением исторических условий, с возникновением новых данных науки. Нет ничего более чуждого марксизму и марксистской философии, чем представление о теории как сумме догм, застывших истин. Догматизм и духовное окостенение противоречат

марксистской диалектике с ее принципом вечного и беспрерывного движения.

Диалектический и исторический материализм основан на изучении и обобщении данных всех конкретных областей человеческого знания и всего исторического опыта развития общества. Понятно, что марксистская философия не может проходить мимо новейшего развития науки и общественно-исторической практики. Чтобы с успехом выполнять свою роль мировоззрения и метода исследования действительности, инструмента познания и практической деятельности, марксистская философия должна учитывать новые достижения науки и практики, постоянно обобщать их и на их основе конкретизировать, обогащать свои принципы и положения.

Известное изречение Гете: «Теория, мой друг, суха, но зеленеет жизни древо» — верно постольку, поскольку оно выражает приоритет, первенство жизни перед теорией, действительности перед ее духовным отражением. Но и теория способна ни на мгновение не утратить своей силы и свежести, если она учитывает никогда не прекращающееся развитие жизни и вместе с ней сама развивается. Именно такова марксистская теория, марксистская философия.

После смерти Маркса и Энгельса марксизм в целом и диалектический и исторический материализм как его составная часть и философская основа получили свое творческое развитие в трудах В. И. Ленина. С именем Ленина связана новая эпоха в развитии марксизма, начавшаяся на рубеже XIX и XX столетий. Капитализм вступил в свою последнюю, империалистическую стадию развития. В эту новую эпоху происходит процесс крушения капитализма и становления нового, социалистического общества. Сравнительно медленное, эволюционное развитие общества, происходившее в эпоху Маркса — Энгельса, сменилось быстрым, конфликтным, революционным развитием. По-новому встали задачи пролетариата и его партии, проблемы стратегии и тактики революционного движения. Оппортунистические вожди II Интернационала не учитывали всех этих коренных изменений в новый исторический период и вместо революционной борьбы вели политику соглашения с буржуазией, притупления, смазывания обострившихся противоречий капитализма.

Усиление политической реакции, характерное для империализма, нашло свое выражение и в области буржуазной философии. Идеологи империализма стремятся сокрушить материализм, реставрируя самые реакционные формы идеализма, имевшие место в прошлом. Проповедуя, по словам Ленина, в тысячу раз более мелкий и пошлый идеализм, чем гегелевский, они ведут борьбу против ненавистной им диалектики, этой «алгебры революции», пытаясь любыми способами укрепить метафизику. В хвосте буржуазной философии тащится ревизионизм, представи-

тели которого борются против диалектического материализма и беспринципно считают возможным соединить марксизм с той или иной разновидностью идеализма.

Философские проблемы в новый период выдвинулись на передний план не только в связи с обострением социальных противоречий, но и в связи с быстрым развитием науки, особенно физики. С конца XIX и начала XX столетия физика переживает настоящую революцию. Открытие электронов, радиоактивности, превращения химических элементов и другие великие открытия произвели переворот в господствовавших до этого представлениях о материи и ее свойствах. Ломка старых взглядов на материю, покоившихся на механистическом материализме, вызвала идеалистические шатания среди части физиков. Этими шатаниями не преминули воспользоваться идеалисты. Идеализм паразитирует не только на «белых пятнах», пробелах человеческого знания. Он пытается и достижения науки, подтверждающие диалектический материализм, истолковать в своем духе. Махизм — одно из распространенных течений субъективного идеализма конца XIX и начала XX в.— попытался идеалистически истолковать новейшие открытия физики. Свой субъективный идеализм махисты выдавали за некую «нейтральную» философию, стоящую якобы над борющимися между собой лагерями в философии — материализмом и идеализмом. Необходимо было дать бой идеализму с позиций научной философии, диалектико-материалистически обобщить новейшие открытия в физике, в современном естествознании вообще.

Таким образом, как экономические и политические условия в новый исторический период, так и новые достижения естествознания требовали дальнейшего творческого развития марксизма и марксистской философии. Эта работа выпала на долю Ленина и его учеников. Ленин развил все три составные части марксизма — философию, политическую экономию, научный коммунизм, поднял их на высшую ступень, ответив на насущные и животрепещущие вопросы, возникшие в новое время. Ленинизм есть прямое продолжение и творческое развитие марксизма в новых исторических условиях — в эпоху империализма и пролетарских революций, в эпоху крушения капитализма и строительства социализма и коммунизма. Марксизм-ленинизм — единое неразрывное целое, великое современное учение рабочего класса и его коммунистической партии.

Не случайно, а закономерно родиной ленинизма явилась Россия. С начала XX в. Россия стала центром мирового революционного движения. Уже в 80-х годах XIX в. марксизм приобрел в России важнейший опорный пункт. Большая заслуга в этом принадлежит Плеханову и группе «Освобождение труда», которую он возглавлял. Плеханов внес ценный вклад в защиту, пропаганду и развитие марксистского учения, особенно марксист-

ской философии. Он мастерски разоблачал философский идеализм всех оттенков, в том числе и субъективно-идеалистическую теорию русских народников, расчищая место в освободительном движении России марксистскому учению. Его работы по истории философии, диалектическому и историческому материализму, хотя и несвободные от ряда недостатков и ошибок, составляют одну из наиболее ярких страниц истории развития марксистской философии. В. И. Ленин очень высоко ценил философские работы Плеханова. Но Плеханов не понял характера наступившей новой эпохи и не смог развить марксизм в соответствии с условиями эпохи империализма, с новыми требованиями русского и международного революционного рабочего движения. Между тем в России назревала буржуазно-демократическая революция, имевшая тенденцию перерасти в революцию пролетарскую. Рабочий класс России первым прорвал цепь империализма и в 1917 г. совершил социалистическую революцию, положившую начало новой исторической эры. На основе обобщения всего богатейшего опыта русского революционного движения и международного движения пролетариата в новый исторический период и вырос ленинизм.

Подобно Марксу и Энгельсу, Ленин развивал марксистскую философию в тесной связи с потребностями движения рабочего класса, в борьбе против врагов марксистского мировоззрения. Ленин основал в России марксистскую партию нового типа — коммунистическую партию. Под руководством этой партии рабочий класс России совершил величайшую социалистическую революцию, создал первое в мире социалистическое государство. Ленин всесторонне развил дальше марксизм на основе теоретического обобщения гигантского опыта борьбы народных масс за социализм.

То новое, что сделал Ленин для развития диалектического и исторического материализма, вкратце можно охарактеризовать следующими чертами. Обобщив с позиций марксистской философии великие достижения науки, особенно физики, конца XIX и начала XX в., Ленин не только разоблачил идеалистическую, махистскую фальсификацию этих открытий, но и развил учение диалектического материализма в свете новых достижений естествознания. Ленин выполнил ту задачу, о которой говорил Энгельс, а именно, что материализм должен принимать новый вид в связи с новыми великими открытиями естествознания. В своем труде «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин конкретизировал и на основе новых достижений науки дальше развил все коренные вопросы диалектического материализма. Таковы вопросы о материи и движении, о пространстве и времени, о причинности, свободе и необходимости, о диалектическом характере развития, теория отражения и другие проблемы. Ленин выдвинул новые философские идеи, освещающие путь современ-

ному естествознанию. Достаточно указать хотя бы на ленинское определение материи и на положение о том, что электрон так же неисчерпаем, как и атом. Это положение, высказанное Лениным до экспериментального доказательства изменчивости и превращаемости электронов, до открытия других «элементарных» частиц, блестяще подтвердилось последующим развитием физики.

В новое время со всей остротой встали вопросы гносеологии, теории познания. В книге «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин указывал, что Маркс и Энгельс «обращали наибольшее внимание на достраивание философии материализма доверху, т. е. не на материалистическую гносеологию, а на материалистическое понимание истории»[1]. Развитие новейшего естествознания, ломка старых физических взглядов на материю потребовали разработки теории познания, решения ряда гносеологических проблем. Это было тем более важно, что, как указывал Ленин, буржуазная философия стала «специализироваться» на гносеологии и «преимущественное внимание обращала на защиту или восстановление идеализма внизу, а не идеализма вверху»[2].

В своем труде «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин всесторонне разработал теорию познания диалектического материализма как теорию отражения объективно существующего мира. Он показал сложный диалектический характер исторического процесса развития познания, обосновал диалектику абсолютной и относительной истины. Показывая, что диалектика есть теория познания, Ленин дал образец анализа и обобщения новых данных науки с позиций марксистского метода, раскрыл его новые грани и оттенки, богатство его подходов к явлениям природы.

Дальнейшему развитию марксистского диалектического метода Ленин всегда уделял исключительное внимание. И это естественно. Только на базе материалистической диалектики и ее творческого применения можно было осознать и отразить в политике, в стратегии и тактике пролетарской партии новые особенности эпохи — эпохи бурной ломки старого и рождения нового. Ленин вел последовательную борьбу против вульгарно-эволюционистских теорий реформистов и оппортунистов, ревизовавших марксистскую диалектику. Не только его специальные философские работы, но и труды, посвященные экономическим, политическим, тактическим проблемам, представляют собой драгоценную сокровищницу идей, мыслей по вопросам диалектики (положение о соотношении *общего* и *особенного* в историческом развитии, об *основном звене* в цепи развития и т. д.).

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 14, стр. 315.
[2] Там же, стр. 316.

В канун и в период первой мировой войны Ленин специально занялся исследованием материалистической диалектики, диалектической логики. В исследовании диалектики Ленин искал и находил методологические подходы к решению сложнейших вопросов того времени. Результатом этой работы явились ленинские «Философские тетради», посвященные преимущественно проблемам диалектики. Хотя «Философские тетради» не являются законченным произведением, трудно переоценить их значение для творческого развития материалистической диалектики. В них не только сформулирован ряд глубоких положений марксистского метода, но и намечена целая программа дальнейшего развития диалектики как науки. Особенно важное значение имеют ленинские указания о необходимости разработки диалектики как логики и теории познания.

Подлинным философским шедевром является небольшой набросок «К вопросу о диалектике», в котором в сжатой форме Ленин обобщил результаты своей работы над вопросами диалектики.

Большой вклад внес Ленин в развитие марксистской социологии, теории исторического материализма. Он считал исторический материализм Маркса величайшим завоеванием научной мысли. Сам Ленин не только отстаивал и защищал от разномастных врагов марксизма это завоевание, но и умножал его богатство, используя материалистическое понимание истории для исследования новых вопросов общественного развития. В его работах обобщены все стороны сложного общественного процесса в эпоху грандиозных социальных конфликтов и переворотов и сделаны великие научные открытия, освещающие путь миллионам людей, борющихся за новую жизнь. Особенно много внимания Ленин уделял вопросу о роли народных масс и коммунистической партии как их авангарда в эпоху пролетарской революции и социалистических преобразований.

После Ленина философию марксизма развивали дальше его ученики. Марксистская теория творчески развивается деятелями Коммунистической партии Советского Союза. В выступлениях руководителей партии, в докладах Н. С. Хрущева на XX, XXI, XXII съездах КПСС, в материалах пленумов ЦК Коммунистической партии Советского Союза по вопросам строительства коммунизма, по вопросам экономики, политики, культуры, в работах теоретических кадров партии обобщен всемирно-исторический опыт революционного движения и социалистического преобразования общества.

Выдающийся вклад в развитие всех составных частей марксизма, в том числе и философии, внес XXII съезд КПСС. В принятой съездом новой Программе партии, а также в отчетном докладе ЦК и докладе о Программе, сделанных Н. С. Хрущевым, глубоко, творчески разработаны и научно освещены коренные

проблемы современного мирового развития и перехода от социализма к коммунизму в СССР. От «Коммунистического манифеста» Маркса и Энгельса, в котором впервые были провозглашены идеи и цели рабочего класса, до новой Программы Коммунистической партии Советского Союза, содержащей конкретный научно обоснованный план непосредственно практического построения коммунизма,— таков путь, проделанный марксизмом за период немногим более чем в 100 лет. И это был путь беспрерывного творческого развития и обогащения марксистской теории.

Творческое развитие марксизма и марксистской философии осуществляется и другими коммунистическими и рабочими партиями, их руководителями и деятелями путем обобщения исторического опыта социалистических революций и строительства социализма в странах народной демократии, современного опыта борьбы за социалистическую революцию в странах, где буржуазия еще является господствующим классом.

В свете всего этого фальсификацией действительного положения и клеветой на марксизм являются утверждения современных ревизионистов, будто за последние десятилетия марксизм остановился в своем развитии и чуть ли не окостенел. Ревизионизм стремится приспособить марксизм к вкусам и потребностям буржуазии, вытравить из марксизма его революционное содержание — учение о социалистической революции и диктатуре пролетариата. А так как философской основой марксистско-ленинского учения о социалистической революции и диктатуре пролетариата является диалектический материализм, то, естественно, современные ревизионисты так же, как и Э. Бернштейн, К. Каутский, А. Богданов и др., пытаются пересмотреть марксистское философское мировоззрение. Ревизионисты сползают на позиции реформизма, революционную диалектику заменяют плоской теорией эволюции. С другой стороны, марксизму враждебен и догматизм, сущность которого в цитатническом, антиисторическом, метафизическом подходе к бурно изменяющейся действительности, в неумении и нежелании творчески применять и конкретизировать положения марксистской теории к современным условиям развития. Вот почему борьба за революционный марксизм в современных условиях требует неуклонной борьбы с ревизионизмом и догматизмом.

Сила и жизненность всякого философского учения проверяется тем, насколько оно подтверждается практикой и способно творчески развиваться, обобщать, впитывать в себя и перерабатывать новый опыт и тем самым служить потребностям общественного прогресса. С момента возникновения диалектико-материалистического миросозерцания прошло немногим более ста лет. По своему значению эти сто с лишним лет равны многим столетиям развития в прошлом. За это время произошли гран-

диозные исторические события, изменившие лик общества. Наука сделала гигантские успехи, совершив множество открытий. Сколько буржуазных «теорий» и философских школок за этот период возникло и бесславно кануло в Лету! А марксистское учение, мировоззрение рабочего класса, не только не потерпело ущерба от величайших изменений времени, а, напротив, подтвердилось и беспрерывно обогащалось новыми знаниями и практическим опытом, не переставая ни на мгновение быть могущественным идейным двигателем современного развития.

Марксизм-ленинизм как творчески развивающееся учение никогда еще не переживал такого триумфа, как в современную историческую эпоху. Это относится и к марксистскому философскому мировоззрению.

В чем же секрет этой неиссякаемой жизнеспособности марксизма? Ленин дал краткий, но исчерпывающий ответ на этот вопрос:

«Учение Маркса всесильно, потому что оно верно».

Истинность диалектического и исторического материализма, как и марксизма-ленинизма в целом, неопровержимо доказана всемирно-исторической практикой победоносной борьбы рабочего класса за социализм.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

ГЛАВА III

МАТЕРИЯ И ФОРМЫ ЕЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ

В предыдущих главах определен предмет марксистской философии и показано, как возникла и развивалась эта философия. Теперь мы перейдем к систематическому изложению основ марксистской философии, диалектического материализма. Исходным пунктом диалектического материализма является признание объективного существования вечно движущейся и развивающейся материи, природы. Поэтому мы рассмотрим сначала, что такое материя и каковы формы ее существования.

1. Материя

Нас окружает бесчисленное множество тел, обладающих самыми разнообразными свойствами. Одни из этих тел относятся к числу живых существ, другие совсем не имеют никаких признаков жизни; одни тверды, другие мягки или текучи; одни ничтожно малы и легки, другие обладают гигантскими размерами и невообразимо тяжелы; некоторые тела электрически заряжены, а другие нет и т. д. и т. п. Все это в своей совокупности образует то, что называется природой. Как бы ни отличались друг от друга тела природы, всем им свойственно то, что они существуют вне и независимо от сознания, ощущения, духа. О том, что это действительно так, говорит жизненный опыт каждого человека, практика всего человечества, данные науки.

Естествознание неоспоримо доказало, что наша планета не всегда была такой, какова она теперь. Много времени назад Земля была в таком состоянии, при котором полностью исключалась возможность существования не только человека с его ощущениями и сознанием, но и каких бы то ни было других живых существ. А между тем Земля, как и теперь, обращалась вокруг Солнца под влиянием его притяжения и вместе с другими

планетами входила в состав солнечной системы. Этот факт и означает, что Земля, Солнце, солнечная система, природа вообще существуют вне и независимо от какого-либо сознания. Человек и его сознание возникли только на определенной ступени развития природы как ее высший продукт, тогда как сама природа существует вечно. Никакого же иного, «надчеловеческого сознания», «абсолютного сознания» или «абсолютного духа» нет и быть не может. В соответствии с этим материалистическая философия учит, что природа, материя — первична, а дух, сознание — вторично. Когда тела окружающего нас мира так или иначе воздействуют на наши органы чувств, они вызывают соответствующие ощущения — светлого или темного, теплого или холодного, шероховатого или гладкого, сладкого или кислого и т. д.

Обобщая итоги долгого исторического развития философии и естествознания, данные практики, философский материализм постепенно вырабатывал *научное понятие материи.*

«Материя,— пишет В. И. Ленин,— есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них»[1].

В этом определении выражена суть материалистического мировоззрения, противоположность материализма идеализму, а также агностицизму.

Возьмем, например, субъективный идеализм. Хотя субъективные идеалисты много и охотно говорят о различии субъективного и объективного, психического и физического, сущностью субъективного идеализма является *отождествление* всего реального, объективного, физического с ощущениями, *сведение* всего к ощущениям: ощущения субъекта признаются единственно существующим. Соответственно этому Беркли, Мах и другие субъективные идеалисты утверждали, будто все вещи окружающего нас мира — это «комбинации» или «комплексы» ощущений; что объективное есть то, что является постоянным в ощущении человека, или то, что является общим в ощущениях ряда людей, что является «общезначимым».

В противоположность этому фундаментальной основой определения материи, данного В. И. Лениным, является принципиальное *разграничение* внешнего мира, всех его вещей, окружающей нас действительности, с одной стороны, и ощущений — с другой. Вещи не тождественны ощущениям, сознанию, не сводимы к нему. Объективное — это не наиболее устойчивое в ощущениях человека и не то, что одинаково в ощущениях ряда людей, как утверждают субъективные идеалисты, а то, что суще-

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 14, стр. 117.

ствует *вне* и *независимо* от каких-либо ощущений. Четкое и ясное различение объективной реальности и ощущений субъективные идеалисты объявляют «удвоением мира», «дуализмом», отступлением от монистического взгляда на мир. Но это обвинение в дуализме, в отступлении от монистического взгляда на мир совершенно несостоятельно. Хотя в данном определении четко и решительно разграничиваются материя и ощущения, в нем совсем не утверждается, что материя и ощущения представляют собой два каких-то совершенно независимых «начала» или две «сущности», образующие основу двух отгороженных друг от друга классов явлений, двух миров. Ощущения — не противостоящая материи самостоятельная, независимая «сущность», а копии, фотографии, отражение материи. Это отражение существует в материи и благодаря материи.

Субъективные идеалисты проводят свой идеалистический «монизм», сводя материю к ощущениям. Это мнимый, словесный монизм, так как в действительности свести материю к ощущениям невозможно. В практической жизни субъективные идеалисты вынуждены молча допускать не только существование своих собственных ощущений, но и независимое от них существование других людей, существование окружающего нас материального мира. А так как подлинный характер отношения между ощущениями и материальным миром при этом остается нераскрытым, то в воззрениях субъективных идеалистов возникает вопиющее противоречие, опрокидывающее весь их надуманный «монизм».

Определение материи, данное В. И. Лениным, является точным выражением последовательного материалистического монизма, дающего правильный и цельный взгляд на мир.

Субъективные идеалисты отрицают существование Земли, природы, физического мира без человека. Объективные же идеалисты хотя и придерживаются того взгляда, что природа, физический мир существует без человека, без его личных ощущений, но остаются также идеалистами, потому что считают весь мир, природу полностью зависимой от некоей «абсолютной идеи», от духа «как такового» и т. п., как чего-то, что существует якобы извечно и *производит* из себя природу. Но дух «как таковой», «абсолютная идея» и т. п.— это, как указывал В. И. Ленин, те же самые ощущения человека, его мысль, сознание, только оторванные от человека и превращенные в фантастическую абстракцию. Таким образом, положение о *первичности* и *независимости* объективной реальности от ощущений, сознания, духа, составляющее ядро данного В. И. Лениным определения материи, направлено и против субъективного и против объективного идеализма.

Свой отказ от признания объективной реальности природы идеалисты пытаются обосновать ссылкой на то, что человеку

непосредственно якобы даны только его собственные ощущения. Говорить же о чем-либо лежащем за пределами ощущений — значит, по их мнению, покидать почву реальных фактов, допускать выход за пределы опыта. Таким образом, мы будто бы знаем только наши собственные ощущения, дальше них идти недопустимо. Отсюда и делается нелепый вывод, будто ощущения представляют собой единственную реальность. Утверждение, будто человеку даны только ощущения, т. е. человек ощущает лишь свои собственные ощущения, составляет основную ложную исходную посылку идеализма, принимаемую чисто догматически. Определение понятия материи, данное В. И. Лениным, отвергает эту догму идеализма. В этом определении подчеркивается та исключительно важная мысль, что человек ощущает и воспринимает *не* ощущения и восприятия, а вещи и явления материального мира, т. е. в ощущениях человеку дана *материя*.

Положение о том, что материя *дана* человеку в его ощущениях, кладет также конец вечным сомнениям агностиков в том, существует ли внешний мир или нет, так как этим самым выясняется ошибочность той исходной посылки, будто нам даны только ощущения, которую агностик принимает вместе с идеалистом и от которой он не делает окончательного шага ни к идеализму, ни к материализму, колеблясь между ними. Подчеркивая, что объективная реальность в ощущениях копируется, фотографируется, отображается, В. И. Ленин в своем определении показал беспредельные возможности объективного познания материи, природы.

Это определение отличается еще одной глубокой особенностью: оно всеобще и всеобъемлюще и не связано с признанием только каких-то определенных видов материи, известных науке в данный момент и обладающих лишь определенными физическими или химическими свойствами. Такое обобщение стало возможным в результате длительного развития естествознания и философии. Древнегреческий философ Фалес материю отождествлял с водой, Анаксимен началом всего считал воздух. Демокрит видел первооснову в атомах. Подобно этому рассматривали материю и многие философы и естествоиспытатели XVIII и XIX вв., считавшие атомы неизменными, неделимыми и непроницаемыми частицами. Но шаг за шагом выяснялась необходимость освободить понятие материи от ограничений, связанных с исторически преходящим уровнем знания строения материи и ее физических свойств.

Рано или поздно стремление наделить материю «абсолютными», раз и навсегда данными физическими свойствами (например, неделимостью, неизменностью) должно было вступить в резкое противоречие с тем, что есть на самом деле в природе. Это и случилось на рубеже XIX и XX вв., когда физика пережи-

вала период бурного революционного развития. Благодаря открытию радиоактивности, свидетельствующему о распаде атомов, рухнуло веками господствовавшее представление о неизменности и неделимости атомов. Открытие электрона — мельчайшей электрически заряженной частицы, входящей в состав атома и существенно отличающейся от атома, с которым метафизические материалисты только и связывали понятие материи, дало идеалистам повод говорить, будто атом «дематериализуется».

Именно в эту пору, в обстановке острой борьбы с идеализмом, Ленин и дал приведенное выше определение материи. В этом философском определении общее понятие материи оказалось свободным от обязательной связи с теми или иными конкретными физическими свойствами, присущими материальным объектам только в определенных условиях, в определенных состояниях. Благодаря этому стало ясно, что вопросы о том, состоит ли атом только из электронов или из каких-либо других частиц, меняется ли его масса в различных условиях или остается постоянной и т. п., не могут затронуть философского понятия материи, «ибо,— как подчеркивал Ленин,— *единственное* «свойство» материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство *быть объективной реальностью*, существовать вне нашего сознания» [1].

Разработка этого важнейшего положения сыграла исключительно большую роль не только в развитии марксистской философии, но и в развитии естествознания.

Обнаружение того факта, что в состав атомов входят электроны, свойства которых весьма отличаются от свойств атома, поставило естествоиспытателей в затруднительное положение перед натиском идеалистов, утверждавших, что «материя заменяется электричеством», что «материя исчезает». В. И. Ленин полностью устранил это затруднение и своим определением материи как объективной реальности показал несокрушимость материализма. Похож или не похож электрон по своим физическим свойствам на обычное вещество, неизменны его свойства в данных условиях или нет — все это не имеет значения для решения основного вопроса философии. Коренным вопросом, который разделяет все философские направления и от решения которого зависит их отношение к тому или иному философскому направлению, является вопрос о том, являются ли электроны или другие частицы объективной реальностью, существуют ли они вне и независимо от сознания. На этот вопрос естествознание дает твердый и окончательный ответ: да! А раз это так, то заявления о «дематериализации» атома, о «замене» материи электричеством и т. п. просто бессмысленны, ибо электрон есть лишь особый вид материи, обладающий особыми свойствами.

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 14, стр. 247.

После открытия превращения электрона и позитрона в фотоны (частицы света) идеалистически мыслящие физики заговорили об «аннигиляции материи» («превращении материи в ничто»). Но это открытие, как в свое время и открытие электрона, не только не опровергло материализм, но вновь блестяще продемонстрировало правоту диалектико-материалистического понятия материи. Разве фотоны, в которые превращаются электрон и позитрон,— это ничто? Разве они не объективная реальность, существующая вне и независимо от сознания?

На эти вопросы современная физика дает ясный и определенный ответ: частицы света, фотоны — это частицы материи, хотя они и отличаются от электронов и позитронов рядом физических свойств. Подобно всем другим видам материи они существуют вне и независимо от сознания. Как выяснилось, существует и обратный процесс: превращение фотонов в пары частиц: электрон — позитрон. Таким образом, перед нами не «исчезновение материи», а процесс взаимопревращения различных видов материи друг в друга. Так еще и еще раз наука подтвердила истину диалектического материализма о вечности, неуничтожимости материи.

Однако может возникнуть вопрос: хотя каждый из электронов и фотонов существует вне и независимо от сознания, но ни один из них в отдельности не воспринимается нашими органами чувств; можно ли поэтому считать их «данными в ощущении» и можно ли, таким образом, распространять на них определение материи, сформулированное Лениным? Да, безусловно можно и нужно. Дело заключается в следующем. Это определение никак не связано с тем, *каким* именно *способом* тот или иной материальный объект должен воздействовать на наши органы чувств, возбуждая в нас соответствующее ощущение. Это воздействие может быть и непосредственным и опосредованным через какие-либо другие материальные объекты, преобразующие действие таких видов материи в формы, непосредственно воспринимаемые нашими органами чувств. В практической жизни мы постоянно прибегаем к таким материальным объектам-посредникам, которые соединяют наши органы чувств с другими телами, воздействие которых мы намереваемся воспринять, но которые почему-либо не находятся или не могут находиться в контакте с нашим телом. Так, когда мы смотрим на Солнце и чувственно воспринимаем его, оно воздействует на нас через посредство того материального объекта, который называется светом. Когда мы слышим голос человека, находящегося от нас на некотором расстоянии, он дан нам через находящийся между нами воздух, приходящий в состояние колебательного движения. Так же обстоит дело и в случае с электронами и фотонами. Они могут быть восприняты через посредство специальных приборов, назначение которых состоит в том, чтобы преобразовывать воздейст-

вие исследуемых нами объектов, непосредственно не воспринимаемое нашими органами чувств, в форму, доступную восприятию. По выполняемой ими роли эти приборы являются продолжением и усовершенствованием наших природных органов чувств — продолжением, связывающим воспринимающего субъекта со все новыми и новыми областями мира.

В противоположность метафизическому материализму диалектический материализм отвергает представление о какой-либо «конечной», «неизменной сущности вещей», об «абсолютно простой субстанции», к «окончательным» свойствам и проявлениям которой сводится все существующее. Никакой неизменности, никакой абсолютно простой субстанции в природе не существует. Каким бы простым ни казался нам тот или иной материальный объект, он в действительности *бесконечно сложен* и неисчерпаем. Материя *неисчерпаема вглубь*.

Разработанное Лениным представление о неисчерпаемости материи вглубь, о ее бесконечности является одной из существеннейших черт диалектико-материалистического учения о материи. Вся история науки дает неоспоримые подтверждения этого представления. Сложность таких тел, как человеческий организм с присущей ему высшей нервной деятельностью, бросается в глаза, и доказывать ее нет необходимости. Но возьмем так называемые «элементарные» частицы материи — электроны, протоны, нейтроны и т. п., из которых состоят все другие материальные образования и которые являются наиболее простыми из всех ныне известных материальных объектов.

Когда был открыт электрон, то первоначально считалось, что он имеет только массу и электрический заряд. Эти свойства казались неизменными и первоначальными, ни от чего не зависящими, присущими ему «самому по себе». Однако потом было установлено, что масса электрона изменяется при его движении и что она связана с электромагнитным полем — материальным объектом, окружающим электрон. Но дело этим не ограничилось. Открыты волновые свойства электрона, благодаря чему электрон предстал перед нами как очень сложный объект, обладающий не только свойствами частиц (корпускул), но и свойствами волн. Открытие способности электронов при взаимодействии с позитронами превращаться в фотоны было еще одним шагом на пути познания сложности мельчайших частиц материи.

Тот факт, что электроны при взаимодействии с позитронами могут исчезать, превращаясь в фотоны, и возникать за счет последних, особенно наглядно показал, как далек электрон от того идеала «абсолютно простой и неизменной субстанции», «последней субстанции», о которой мечтали метафизически мыслившие ученые. Современная физика открыла и другие свойства электрона. Ясно, что нет оснований думать, будто теперь

уже известны все свойства электрона и что его природа раскрыта полностью и исчерпана до конца.

То, что было сказано здесь об электроне, полностью относится и к другим «элементарным» частицам. Число открытых «элементарных» частиц возрастает; ныне их известно уже более трех десятков, включая сравнительно недавно открытые так называемые античастицы — антипротоны, антинейтроны, антинейтрино, антигипероны и т. п., отличающиеся от своих частиц-антиподов только противоположным знаком одного из своих свойств: электрического заряда, магнитного момента и т. п. Будучи качественно своеобразными видами материи, «элементарные» частицы не существуют как нечто изолированное друг от друга, застывшее и неизменное. Напротив, при соответствующих условиях все они так или иначе изменяются (например, изменяется их масса в зависимости от скорости движения). Замечательной особенностью их является то, что любая из «элементарных» частиц может превратиться в другую. Так, протон и антипротон при взаимодействии друг с другом могут превратиться в фотоны с очень большой энергией, и, напротив, два фотона с очень большой энергией могут превратиться в протон и антипротон.

При исследовании «элементарных» частиц шаг за шагом раскрывается все возрастающее многообразие их свойств, каждое из которых не только не является чем-то простым, но, напротив, ставит перед наукой очень сложные познавательные задачи. Характеризуя эти новые свойства «элементарных» частиц, не сводимые ни к каким ранее известным свойствам материи, физики вводят такие понятия, как «изотопический спин», «четность», «странность», «ядерный заряд» («барионный заряд»), «нейтринный заряд» («лептонный заряд»), «спиральность». Появление этих новых понятий свидетельствует о том, сколь сложны в действительности эти самые простые из ныне известных материальных объектов. Перед наукой раскрываются ничем не ограниченные перспективы дальнейшего углубления внутрь материи. Уже получены первые важные данные, раскрывающие *внутреннюю структуру* «элементарных» частиц. Они дают право думать, что «элементарные» частицы по своей структуре — очень сложные материальные системы [1]. Ум человеческий не остановится на достигнутом, он пойдет к раскрытию еще более глубокой сущности материи, ее частиц. Как подчеркивал В. И. Ленин, за сущностью первого порядка стоит сущность второго порядка, за сущностью второго — сущность третьего порядка и т. д. *без конца*.

---

[1] Ввиду этого термин «элементарные» частицы очень условен. Он может наводить на мысль, будто эти материальные объекты абсолютно просты. На самом деле «элементарные» частицы просты только в том смысле, что каждая из них не состоит из каких-либо других ныне известных частиц.

Более 50 лет назад, вскоре после открытия электрона, В. И. Ленин писал: «Электрон так же *неисчерпаем*, как и атом, природа бесконечна...»[1]. Нельзя не поражаться смелой прозорливости этого замечательного предсказания. Это предсказание не случайная догадка, а закономерное следствие диалектико-материалистических представлений о материи, в разработку которых Ленин внес так много нового.

Нельзя смешивать вопрос о том, существуют ли тела природы вне и независимо от нашего сознания, с вопросом о том, каково строение этих тел, из каких физических элементов они состоят, каковы физические свойства последних. Первый вопрос философский, гносеологический. Решение второго вопроса — задача естествознания, в частности физики. Но, подчеркивая различие между этими вопросами, мы не можем оторвать второй от первого. Естествознание изучает реальный мир, многообразные тела этого мира, их строение, свойства, их связи друг с другом, присущие им закономерности. Оно не может существовать без признания объективной реальности окружающего нас мира. Отражением этой объективной реальности является понятие материи. Вот почему понятие материи, выработанное марксистской философией, так важно для естествознания. Создаваемые естественными науками основные понятия, характеризующие объекты их исследования,— «элементарная» частица, атом, молекула, химический элемент, геологическая формация, космическая система и т. д.— неизбежно оказываются связанными с философским понятием материи, выражаются через него.

Пожалуй, никакое другое понятие материалистической философии не вызывало так много нападок со стороны идеалистов, как понятие материи. Это и не удивительно. Оно является краеугольным камнем материалистического мировоззрения и потому подвергается постоянным атакам противников материализма. Бесчисленное количество раз идеалисты объявляли понятие материи, обозначающее объективную реальность, опровергнутым или устаревшим, но развитие науки и данные практики неоспоримо свидетельствуют о том, что его нельзя опровергнуть.

Уступая прогрессу естествознания, идеалисты вынуждены признать существование атомов, электронов, фотонов и т. п. «Единственное», что они отрицают,— это то, что все эти частицы являются объективной реальностью, что они материальны. Но это-то «единственное» и разделяет коренным образом материалистов и идеалистов. Поэтому идеалисты всеми силами борются против понятия материи. Многие из них по существу идут по пути епископа Беркли, взгляды которого подвергнуты критике Лениным в книге «Материализм и эмпириокритицизм». Беркли писал: «Что те вещи, которые я вижу своими глазами, трогаю

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 14, стр. 249.

своими руками, существуют,— реально существуют, в этом я нисколько не сомневаюсь. Единственная вещь, существование которой мы отрицаем, есть то̀, что *философы* называют материей или телесной субстанцией»[1]. Беркли этим хотел сказать, что люди ничего не теряют, если будут отрицать существование материи. Но это уловка субъективного идеалиста. Когда он говорит, что вещи реально существуют, то под этим он понимает существование их в нашем сознании, в ощущениях. Напротив, для материализма, который полностью согласуется со всей практикой людей, реальное существование вещей означает их материальность, т. е. независимость от сознания, ощущений субъекта.

Одним из аргументов, с помощью которых современные идеалисты пытаются обосновать отрицание материи как объективной реальности, является следующий. Предположим, физик хочет очень точно определить положение и скорость микрообъекта в данный момент. Для этого физик должен использовать соответствующие экспериментальные установки. При этом для точного измерения положения (координаты) нужен один тип установки, а для измерения скорости — другой. Использование установки первого типа приводит микрообъект в такое состояние, в котором скорость не может быть строго определенной, а применение установки второго типа приводит его в иное состояние, в котором не будет определенным его положение. Из этого делается идеалистический вывод: значит, нельзя говорить о микрообъекте «самом по себе», а можно говорить о нем только в неразрывной связи с определенными условиями его наблюдения, в связи с наблюдателем, а значит, объект не существует без субъекта. Но признание существования объекта в «неразрывной связи» с субъектом означает отрицание материи как объективной реальности.

В сущности все эти соображения есть попытки в иной форме возродить идеалистическую теорию «принципиальной координации» субъекта и объекта, выдвинутую Р. Авенариусом. Согласно этой теории объект (природа) якобы не может существовать без субъекта. В. И. Ленин доказал полнейшую несостоятельность теории Авенариуса. Столь же несостоятелен и ее «современный» вариант. Если бы «неразрывная связь» объекта с субъектом действительно имела место, то это вело бы к нелепому выводу, будто объект не может существовать без воспринимающего его сознания, без ощущений. В рассматриваемом здесь случае экспериментальная установка, применяемая для исследования микрообъекта, определенным образом воздействует на микрообъект. Но экспериментальная установка, хотя ее и использует наблюдатель, не есть сам наблюдатель и тем более не есть его сознание или его ощущения; это объективно существующее реальное физическое тело (или совокупность физических тел), взаимодействие которого с микрообъектом материально, существует объективно. Эта реальная связь материальных вещей между собой — связь, существующая, как и сами эти вещи, вне и независимо от какого-либо сознания, совсем не то, что вымышленная «неразрывная связь» вещей с сознанием.

Некоторые позитивисты, не настаивая на отождествлении экспериментальной установки с субъектом, указывают, что микрообъект принципиально связан с экспериментальной установкой именно как с физическим телом, поскольку, по их мнению, установка определяет, каким будет состояние микрообъекта. Таким образом, говорить о микрообъекте в отрыве от прибора, вне наблюдений, производимых с его помощью, даже с чисто физической точки

[1] Цит. по кн.: *В. И. Ленин.* Материализм и эмпириокритицизм. Соч., т. 14, стр. 17.

зрения бессмысленно. А так как приборы, эксперименты, наблюдения создаются и производятся наблюдателем, то отсюда и вытекает, что без наблюдателя нет микрообъекта; иначе говоря, без субъекта нет объекта.

Здесь, как и выше, с вопиющим нарушением законов логики производится подмена одного положения другим: положения о том, что «состояние микрообъекта, существующего в условиях экспериментальной установки, определяется этой экспериментальной установкой», совсем другим, не тождественным ему и не вытекающим из него: «микрообъект существует только в связи с экспериментальной установкой, только благодаря наблюдению».

Конечно, *когда* микрообъект находится в экспериментальной установке, его действительно нельзя рассматривать вне связи с ней, вне ее воздействия на него. Но дело в том, что микрообъект существует *не только* в экспериментальной установке, *не только* в связи с ней. Экспериментальная установка, прибор — лишь одно из бесчисленного множества тел, с которыми микрообъект может вступать во взаимодействие, определяющее его состояние. К тому же, во-первых, только ничтожная доля всех микрообъектов, реально существующих в мире, вступает в эту связь и, во-вторых, длительность этой связи в общем чрезвычайно мала. Утверждение, будто микрообъект принципиально существует *только* в экспериментальной установке, будто он *всегда* должен рассматриваться лишь в связи с прибором, будто он существует *только* благодаря наблюдению, производимому с его помощью, наделяет прибор какой-то фантастической силой, отрывающей его от всего остального мира реальных вещей. Фактически оно означает отказ от признания реального существования всех тел материального мира, кроме приборов и того, что происходит в них. Это своего рода «приборный идеализм», который, хотя и претендует на то, что он будто бы опирается на современную квантовую механику, в действительности просто догматически выдает желаемое за доказанное.

Существование микрообъектов не связано и не может быть связано с экспериментальной установкой, с прибором, с актом наблюдения. Приборы и наблюдения применяются в науке вовсе не потому, что ими обусловлено существование микрообъектов и микрообъекты реальны только в этих условиях и только в те моменты, когда идет наблюдение. Приборы создаются для того, чтобы исследовать то, что существует вне прибора и независимо от наблюдений; хотя *путь* к этому неизбежно лежит через исследование того, что происходит в приборе. Необходимость наличия прибора для *познания* микрообъектов не есть принципиальная необходимость их наличия для *существования* микрообъектов.

В литературе по квантовой механике можно встретить мнение, будто всякое вообще макроскопическое тело, взаимодействующее с микрообъектом, является «прибором», а их взаимодействие — «измерением». Это ошибочная точка зрения, совершенно запутывающая сущность дела и открывающая возможность для идеалистических спекуляций, чисто умозрительных построений. Прибор есть не просто физическое тело, а физическое тело, помещенное человеком между его органами чувств и предметами внешнего мира для исследования последних. Только в связи с этим положением и этой ролью в познании физическое тело может рассматриваться как прибор. Подобно этому и само по себе физическое взаимодействие между телами, без его отношения к процессу познания, не является измерением в точном значении этого слова.

Некоторые современные «физические» идеалисты (Джинс и др.) для опровержения представления о первичности материи как объективной реальности пытаются использовать наличие у электрона и у других частиц материи волновых свойств. Они объявляют волновые свойства не материальными, а духовными — чисто умственными конструкциями, «волнами нашего знания». А так как, например, пространственное распределение микрообъектов после их прохождения через экран с близко расположенными щелями (дифракционная решетка) определяется свойствами волн, то идеалисты делают вывод: «Духовное управляет материальным».

Но волновые свойства микрообъектов вовсе не являются духовными. Они, как и другие свойства материи, в частности и корпускулярные свойства, существуют вне и независимо от сознания. Связь между различными свойствами микрообъекта — это материальная связь, и нет ничего удивительного в том, что одни из этих свойств влияют на другие и оказываются более существенными для течения процесса в данных конкретных условиях.

Ни одна из материальных вещей не является неизменной, и все они конечны. Но там, где исчезает одна вещь, на смену ей приходит другая и притом так, что ни одна частица материи не исчезает бесследно и не превращается в ничто, а вместе с тем ни одна мельчайшая частица не возникает из ничего. Там, где кончаются границы одного материального объекта, начинаются границы другого материального объекта, и нет конца этому беспредельному чередованию и взаимодействию материальных объектов. Материя, природа — вечна, бесконечна, безгранична.

Материя не есть нечто единообразное и однокачественное. Она существует в форме бесчисленно разнообразных тел, объектов, качественно и количественно отличающихся друг от друга. Они образуют группы родственных по своим свойствам объектов, которые мы называем различными видами материи.

Различные виды материи отличаются большей или меньшей сложностью и являются объектами исследования различных наук: физики, химии, биологии и т. д. Относительно простыми являются «элементарные» частицы материи — фотоны, электроны, позитроны, мезоны, протоны, антипротоны, нейтроны, антинейтроны и т. п. Большей сложностью обладают атомы и молекулы. На следующей ступени по своей сложности стоят газы, жидкости и твердые тела, с которыми мы имеем дело в нашей повседневной жизни, а также различные небесные тела — планеты, звезды, звездные системы. Значительно более сложными оказываются тела органической природы и особенно высший продукт ее — человек. Особым материальным объектом является человеческое общество, различные стороны и проявления которого исследует целый ряд наук, среди которых можно назвать исторический материализм, историю, политическую экономию, экономическую статистику и т. д.

2. Движение материи

В окружающем нас мире все находится в движении, изменении, начиная от мельчайших «элементарных» частиц материи и кончая гигантскими планетами и звездными системами. В живых организмах происходит постоянный обмен веществ, они реагируют на воздействия окружающей их среды. Земля, на которой мы живем, вращается вокруг своей оси и совершает движение вокруг Солнца. Но и Солнце не неподвижно. Вместе со всей системой планет, обращающихся вокруг него,

оно движется в мировом пространстве; вещество же, из которого состоит Солнце, подобно неукротимому, постоянно бушующему огненному вихрю. В каждом теле атомы, образующие его, находятся в беспрестанном движении, а каждый из атомов также полон внутреннего движения: во внешней оболочке атомов движутся электроны, а протоны и нейтроны совершают интенсивные движения в ядре, причем они не просто перемещаются из одной части ядра в другую, а превращаются друг в друга с поразительной частотой.

Движение не есть какое-то случайное состояние материи; не есть нечто отделимое от коренных свойств материальных объектов, нечто внешнее по отношению к ним. Именно благодаря присущему им движению вещи и являются тем, что они есть. Солнечная система является специфическим материальным объектом именно потому, что все планеты, образующие ее, обладают определенным движением, присущим каждой из них. Прекратите специфический обмен веществ в живом организме, а также между организмом и средой — и организма больше не будет; перед нами окажется мертвое тело, хотя в нем и будут происходить физические и химические процессы. Если бы электроны, находящиеся в оболочке атома, прекратили присущее им движение, то атом, как качественно определенный объект, перестал бы существовать. Физика показывает, что если бы в атомном ядре не было постоянного движения протонов и нейтронов, выражающегося в их взаимном превращении друг в друга, то атомного ядра не было бы; ядерные силы, соединяющие эти частицы в прочное атомное ядро, обязаны своим существованием именно этому движению.

Нет и не может быть материи без движения. Материя неотрывна от движения. Иными словами: *движение — это способ существования материи.*

Под *движением* диалектический материализм понимает не только механическое перемещение тел в пространстве, но всякое изменение вообще. Ф. Энгельс указывал, что «движение, рассматриваемое в самом общем смысле слова, т. е. понимаемое как способ существования материи, как внутренне присущий материи атрибут, обнимает собою все происходящие во вселенной изменения и процессы, начиная от простого перемещения и кончая мышлением» [1].

Соответственно многообразию явлений природы существует и множество различных видов движения материи. Но среди этого многообразия можно выделить несколько *основных форм движения,* каждая из которых охватывает более или менее широкий круг явлений, родственных в определенном отношении. Форма движения — это определенный *тип изменений состояния,*

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, 1961, стр. 391.

подчиняющийся некоторой группе связанных друг с другом законов и присущий более или менее широкому классу материальных объектов или разным их классам, если последние, несмотря на различия, обладают существенными общими чертами.

Ныне известны следующие основные формы движения:

Во-первых, механическая форма движения, пространственное перемещение тел относительно друг друга. Во-вторых, группа таких форм движения, изучаемых физикой, как тепловые и электромагнитные процессы, в том числе и световые явления; гравитационные взаимодействия; внутриатомные и внутриядерные процессы; движение и взаимопревращения «элементарных» частиц. В-третьих, химическая форма движения (химические процессы). В-четвертых, биологическая форма движения (органическая жизнь). В-пятых, социальная форма движения (социальные процессы, история человеческого общества).

Не следует думать, будто каждая из этих форм движения есть нечто простое. Хотя мы и говорим, например, о механической форме движения как о чем-то едином, но за этим единством кроются различные частные виды механического движения, например движения прямолинейные и криволинейные, равномерные и переменные, вращательные и поступательные и т. д. Однако это разнообразие охватывается единой основной закономерностью, выражаемой уравнениями механики Ньютона. Химическая форма движения включает в себя огромное число химических реакций и процессов усложнения вещества, вплоть до тех, которые ведут к возникновению белковых соединений. И здесь течение многообразных процессов направляется связанной в единое группой законов химии.

Неразрывность материи и движения выражается не только в том, что материя не может быть без движения, но также в том, что между каждой из форм движения и теми материальными объектами, способом существования которых они являются, имеется вполне определенное соответствие, определенная внутренняя связь. Жизнь, какой она проявляется в земных условиях, есть форма движения, присущая белковым телам; в неорганических телах нет и не может быть жизни. Химическая форма движения свойственна химическим элементам и их соединениям, но ее нет у таких материальных объектов, как фотоны, электроны, позитроны, мезоны, и у других подобных частиц, изучаемых физикой.

Связь между видами движения и типами материальных объектов прослеживается и у относительно простых тел, называемых «элементарными» частицами. Фотонам, например, присущ специфический вид движения, основные особенности которого выражаются в электродинамических уравнениях Максвелла. Движение электронов и позитронов подчиняется законам, выражаемым уравнением Дирака, существенно отличающимся от уравнений Максвелла. Движение более тяжелых частиц — мезонов управляется другими законами.

Поскольку имеется эта внутренняя связь между видами движения и типами материальных объектов, постольку изучение движения есть вместе с тем и путь к познанию самих материальных объектов.

Подобно тому как материя неисчерпаема, так неисчерпаемо и многообразие видов ее движения и их свойств. Как не существует какой-то «наипростейшей материи», «конечной сущности вещей», так не существует какой-либо «наипростейшей», «конечной» формы ее движения. «Простота» наиболее простых из ныне известных форм движения относительна. Идя в глубь материи, наш разум будет открывать все новые и новые формы движения и вместе с тем все новые и новые их особенности.

Материя не может существовать иначе, как в движении, но это не исключает того, что в общем, никогда не прекращающемся потоке материальных изменений могут быть моменты покоя, моменты равновесия. Однако *покой* и *равновесие* являются относительными: они имеют место лишь по отношению к тем или иным отдельным материальным объектам, но не ко всей материи в целом; по отношению к тому или иному отдельному виду движения, но не по отношению ко всем видам движения, присущим данным объектам.

Примеры относительности покоя и равновесия мы видим в окружающей нас действительности на каждом шагу. Когда, например, пассажир отдыхает на диване быстро мчащегося поезда, он вместе с поездом *движется* относительно поверхности земли, но в то же самое время он *покоится* относительно вагона и всех предметов, находящихся в вагоне. На этом же примере мы видим, что покой имеет место не только по отношению лишь к определенной совокупности тел, но и по отношению лишь к определенному виду движения. В то время как тело пассажира не меняет своего положения относительно вагона, т. е. не находится в механическом движении относительно него, в самом теле совершается множество самых различных процессов (движений), благодаря которым пассажир и существует как живой организм.

Тот факт, что материальные объекты могут находиться в относительном покое и равновесии, играет огромную роль в развитии природы. Как указывал Ф. Энгельс, «возможность относительного покоя тел, возможность временных состояний равновесия является существенным условием диференцирования материи и тем самым существенным условием жизни»[1]. Именно благодаря этому возникают и более или менее длительно существуют качественно определенные вещи, отличающиеся друг от друга. Так, тела имеют определенную форму только потому, что их составные части находятся в покое относительно друг друга.

[1] *Ф. Энгельс.* Диалектика природы, стр. 195—196.

Относительный покой проявляется не только в сохранении положения тел относительно друг друга и не только в отсутствии у каких-либо материальных тел движения в той или иной конкретной форме. Одной из важнейших форм относительного покоя служит устойчивость процессов, сохранение телами присущего им движения, относительное постоянство форм движения, существующих в данных условиях. Так, качественно своеобразные живые организмы существуют только потому, что в них постоянно происходит один и тот же тип обмена веществ, один и тот же характер взаимодействия с внешней средой. В относительной неизменности, в постоянстве типа жизнедеятельности находит выражение момент относительного покоя, равновесия. Но за этим покоем, равновесием кроется беспрестанное движение, изменение, самообновление организма. Это, по словам Энгельса, «живое единство движения и равновесия».

Покой и равновесие не только относительны, но и временны. Рано или поздно в каждом из объектов они нарушаются, устраняются, снимаются универсальным движением. Однако само же движение рано или поздно, но неизбежно снова порождает покой и равновесие в той или иной форме, в других условиях. И это открывает возможность появления качественно новых вещей, дифференцирования материи.

Рассмотрим несколько подробнее соотношение между относительно простыми и более сложными формами движения. Когда мы говорим, что тому или иному высокоорганизованному объекту присуща определенная форма движения, то означает ли это, что в данном объекте нет других, более простых форм движения? Нет, не означает. Так, если мы, например, утверждаем, что жизнь — форма движения, присущая белку, то это совсем не значит, что в белковых телах нет химических и физических процессов или механических перемещений вещества. Этим мы выражаем только ту мысль, что высшей из имеющихся в этом теле форм движения является именно органическая форма. Но органическая жизнь, как специфическая форма движения, обязательно включает в себя в снятом и подчиненном виде более простые формы движения.

Вместе с тем органическая жизнь, хотя и складывается на основе более простых форм движения, не сводится к ним. Это нечто особое, качественно отличное от каждой из них, но без них не существующее, неотрывное от них. Это своеобразное единство, где разные формы движения связаны в некую нераздельную целостность, «ибо,— писал Ф. Энгельс,— организм есть, несомненно, *высшее единство, связывающее в себе в одно целое механику, физику и химию,* так что эту троицу нельзя больше разделить»[1]. Это единство, покуда оно существует, наклады-

---

[1] *Ф. Энгельс.* Диалектика природы, стр. 199.

вает определенные ограничения на протекание в организме физических и химических процессов, подчиняет их определенному порядку и темпу. Так, во многих видах организмов поддерживается определенная температура тела, создаются условия, противодействующие процессам, вредным для организма, и т. д.

Единство биологических, физических и химических процессов, составляющее сущность жизни, создает условия для поддержания организма, в частности создает условия для синтеза сложных белковых соединений, нужных живому организму. Если разорвать единство более простых форм движения, отчленить их друг от друга, то мы «сведем» жизнь к этим формам, но только перед нами будет уже не живой организм, а мертвое тело с происходящими в нем физическими и химическими явлениями.

В каждой более высокой форме движения обязательно включены все более простые формы движения, в частности механическое перемещение и все физические. В этом их особая роль и значение в ряду всех других форм движения вообще. Но никакая более высокая форма движения не сводится и не может быть сведена к более простым.

В силу несводимости более высоких форм движения к более простым и существует, например, химия как особая наука, хотя химическая форма движения невозможна без физических процессов. Именно потому, что жизнь несводима к другим формам движения, и нужна особая наука о жизни — биология, хотя жизнь не может существовать без физических и химических процессов. Также необходимы и социальные науки, изучающие жизнь человеческого общества, хотя общественная жизнь невозможна без механической, физической, химической и биологической форм движения.

Признание качественного своеобразия каждой из форм движения, их несводимости к более простым формам является одной из главных черт диалектико-материалистического взгляда на движение материи в отличие от механистического материализма.

Материя не может быть без движения, но не может быть и движения без материи. Героем одной из английских сказок является кот, который может исчезать так, что, несмотря на его отсутствие, остается его улыбка. Конечно, это возможно только в сказке. Однако, как ни нелепо представление об улыбке отсутствующего кота, нечто подобное провозглашается идеалистической философией, когда она утверждает, будто движение может существовать без материи.

Если нет материи, то вообще ничто не может происходить, тогда вообще ничего не существует. Мысль о том, что движение может существовать без материи, есть мистика, нелепость, переход на позиции идеализма, отказ от науки. Вообразим невозможное — что материя исчезла — и будем думать, что движение осталось. Сделав такое допущение, мы пред-

полагаем, во-первых, что движение нематериально, во-вторых, что мысль возможна без материи. Но представление о существовании мысли, сознания без материи и есть отход от естествознания, от науки, которая убедительно доказала, что мысль, сознание невозможны без материи. Не важно, как при этом рассматривается мысль, оторванная от материи: как мысль какого-нибудь отдельного субъекта (субъективный идеализм) или как некая абстрактная «мысль» или «идея» (объективный идеализм). «Существенно то,— указывает Ленин,— что попытка *мыслить* движение без материи протаскивает *мысль*, оторванную от материи, а это и есть философский идеализм»[1].

Одной из попыток мыслить движение без материи была так называемая «энергетика» В. Оствальда — крупного химика и мелкого философа, как его назвал Ленин. К концу XIX в. в физике значительных успехов достигла термодинамика, позволившая на основании теоретического анализа условий превращения энергии в тепловых процессах найти закономерности многих физических и химических явлений. При выводе этих закономерностей ученые могли не принимать во внимание атомного строения материи. А так как метафизически мыслившие естествоиспытатели отождествляли атомы с материей вообще, то был сделан поспешный вывод: «материи нет», есть одна превращающаяся энергия; последняя и является основой, «субстанцией мира». «Устранив» материю, сторонники энергетизма оторвали движение от материи. В этом и состоит коренной порок энергетизма.

Конечно, в ряде проблем науки, где существенным является анализ энергетической стороны процессов, можно (и порой нужно) абстрагироваться от атомистической структуры материи, но это не дает никаких оснований для того, чтобы вообще отбрасывать материальный носитель энергии, материю как объективную реальность. Энергия есть только выражение того движения, которым обладает материальный объект, и обособленно от материи она не существует и существовать не может. Естествознание рассматривает энергетические превращения как объективный процесс, происходящий вне и независимо от сознания. Это означает, что энергия есть свойство материи. Поэтому бессмысленно утверждать, как это делают философы-энергетики, будто энергия «устраняет» материю.

Ошибка сторонников энергетизма состоит в том, что они отвергают объективную реальность, существующую вне и независимо от сознания, а энергию трактуют как «чистый символ», как нечто такое, что определяется сознанием, духом, волей и т. п. Именно так трактовал энергию В. Оствальд, развивая свою «энергетику». Он утверждал, будто физические явления могут быть изображены как процессы между энергиями и что это обусловлено свойством сознания. Но, как писал В. И. Ленин,

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 14, стр. 255.

«это — чистый идеализм: не наша мысль отражает превращение энергии во внешнем мире, а внешний мир отражает «свойство» нашего сознания!»[1]. Впрочем, Оствальд часто, решая конкретные научные проблемы физики и химии, отступал от этой точки зрения и вместе с другими естествоиспытателями рассматривал энергетические процессы как объективно реальные, не зависящие от сознания.

В этих отступлениях — одно из наглядных свидетельств бесплодности идеализма. Когда перед ученым стоит естественнонаучная проблема, требующая точного и ясного решения, он самим ходом исследования вынуждается покидать позиции идеализма и фактически (сознательно или бессознательно) переходить на сторону материализма.

Попытку возродить «энергетику» В. Оствальда предпринимали некоторые современные физики. При этом они пытались опереться на такие новые факты, открытые современной физической наукой, как превращение электрона и позитрона в фотоны и закон, связывающий массу и энергию материальных объектов, согласно которому энергия (E) материального объекта равна его массе (M), умноженной на квадрат скорости света (C). В первом случае они отождествляют фотоны с «чистой энергией» без какой-либо материи, на основании чего и объявляют: материя (электрон и позитрон) исчезает, превращается в энергию (фотоны). Во втором случае они отождествляют материю с массой и на основании соотношения $E=MC^2$ утверждают: материя «превращается» в энергию, она есть «сгусток» энергии.

Но, как мы уже видели, фотоны не есть «чистая энергия» — это материальные объекты, обладающие энергией, так же как электроны и позитроны. Здесь имеет место взаимопревращение различных материальных частиц друг в друга. Совершенно несостоятельно и утверждение, будто материя «превращается» в энергию, «тождественна» или «эквивалентна» ей. Во-первых, нельзя отождествлять материю с одним из ее свойств — массой. Следовательно, закон $E=MC^2$ связывает не материю с энергией, а массу с энергией. Во-вторых, из того факта, что какой-либо физический закон связывает друг с другом две физические величины, вовсе не следует, что сами эти величины тождественны друг другу или что одна величина сводится к другой. Никаких фактов, свидетельствующих о «превращении» материи в энергию, не существует. Материя не может превращаться ни в какое из своих свойств и притом так, что это свойство оставалось бы без материального носителя. Смысл закона взаимосвязи массы и энергии состоит в том, что материальный объект, обладающий в данных условиях определенной массой, обладает и определенной энергией, соответствующей этой массе.

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 14, стр. 258.

Нет никаких оснований говорить и о превращении массы в энергию или энергии в массу. Это ясно уже из самой формулы данного закона: он показывает, что с возрастанием массы растет и энергия, а когда масса убывает, энергия также убывает. Если бы эти величины превращались друг в друга, то подобного соотношения между ними не могло бы существовать: увеличение одной из них неизбежно вело бы к уменьшению другой.

Итак, нет и не может быть движения без материи. Движение неотрывно от материи. И, поскольку вечна, неуничтожима и несотворима сама материя, постольку вечно, неуничтожимо и несотворимо движение материи. Положение о неуничтожимости и несотворимости материального движения является одним из коренных положений диалектического материализма и современного естествознания.

Естественнонаучным выражением неуничтожимости движения материи является закон сохранения и превращения энергии. Ф. Энгельс назвал его «великим основным законом движения»[1]. Энергия является мерой движения. Какие бы процессы во внешнем мире ни происходили, какие бы превращения форм движения ни совершались, всегда общее количество энергии остается неизменным. Энергия не творится и не исчезает, а только видоизменяется, превращаясь из одного вида в другой и переходя от одного материального объекта к другому. Каждый множество раз наблюдал, как покоившееся тело приходит в движение, приобретая некоторое количество энергии. Если внимательно изучать все обстоятельства, связанные с возникновением этого движения, то оказывается, что всегда существует какое-то другое материальное тело или система материальных тел, за счет движения которых и началось движение данного тела. Сколько энергии приобрело данное тело, столько же энергии потеряли те тела, взаимодействие с которыми привело к возникновению движения рассматриваемого тела. Только за счет материального взаимодействия движущихся тел совершаются изменения их движения и притом так, что общее количество энергии тел, участвующих в этих процессах, остается постоянным.

Неуничтожимость и несотворимость движения количественно выражаются в том, что между различными формами энергии существуют постоянные соотношения эквивалентности. Так, например, при каких бы условиях ни происходило превращение механического движения в теплоту, всегда и всюду 426,9 килограммометра энергии механического движения породят 1 большую калорию теплоты. Подобные постоянные отношения эквивалентности существуют и при превращениях тепловой и электрической энергии и т. д. Ничто, никакое «чудо» не может породить, скажем, за счет 426,9 килограммометра работы количество тепла

[1] *Ф. Энгельс.* Анти-Дюринг, стр. 13.

большее или меньшее 1 большой калории — больше или меньше того количества, которое определяется законом сохранения и превращения энергии. Конечно, численное значение механического эквивалента теплоты может несколько уточниться с развитием науки, но факт его строгой определенности останется совершенно непоколебленным.

Но неуничтожимость движения материи не следует понимать лишь в *количественном* смысле — в смысле постоянства количества энергии. Ф. Энгельс, глубоко проанализировавший содержание закона сохранения и превращения энергии, подчеркнул и другую важную сторону этого закона, отражающую *качественную* неуничтожимость движения. Под неуничтожимостью движения в качественном смысле Ф. Энгельс понимает никогда не утрачиваемую способность материального движения ко все новым и новым превращениям из одной формы в другую. Закон *сохранения и превращения* энергии выражает обе эти стороны положения о неуничтожимости движения в их неразрывной связи друг с другом.

Игнорирование качественной стороны неуничтожимости движения неизбежно приводит к противоречию с законом сохранения и превращения энергии. Наглядным свидетельством этого явилась теория так называемой «тепловой смерти вселенной», выдвинутая некоторыми естествоиспытателями во второй половине XIX в. Эта теория утверждала, будто все формы движения неизбежно должны превратиться в теплоту, а теплота, равномерно рассеявшись по всей вселенной, достигнет равновесия и навсегда потеряет способность к дальнейшим превращениям, вследствие чего все процессы природы прекратятся. Но если процессы прекратятся, то, значит, утратится первоначально имевшееся движение, ибо, как указывал Ф. Энгельс, «движение, которое потеряло способность превращаться в свойственные ему различные формы, хотя и обладает еще dynamis (возможностью.— *Ред.*), но не обладает уже energeia (действенностью.— *Ред.*) и, таким образом, частично уничтожено. Но и то и другое немыслимо» [1].

Ф. Энгельс подверг глубокой критике теорию тепловой смерти вселенной. Он показал, что она решительно противоречит закону сохранения и превращения энергии, что ее сторонники, настаивая на своей точке зрения, в конце концов будут вынуждены отказаться даже от представления о чисто количественной неуничтожимости движения и таким образом окончательно порвут с наукой. Действительно: если движение во вселенной в конце концов утратилось, то откуда оно взялось первоначально? Используя сравнение вселенной с «мировыми часами», Ф. Энгельс следующим образом раскрывает неизбежную для сторонников

[1] *Ф. Энгельс.* Диалектика природы, стр. 17.

тепловой смерти вселенной цепь рассуждений: «Мировые часы сначала должны быть заведены, затем они идут, пока не придут в состояние равновесия, и только чудо может вывести их из этого состояния и снова пустить в ход. Потраченная на завод часов энергия исчезла, по крайней мере в качественном отношении, и может быть восстановлена только путем *толчка извне*. Значит, толчок извне был необходим также и вначале; значит, количество имеющегося во вселенной движения, или энергии, не всегда одинаково; значит, энергия должна была быть сотворена; значит, она сотворима; значит, она уничтожима. Ad absurdum! (До абсурда! — *Ред.*)»[1]. Так своей критикой Энгельс в корне опроверг теорию тепловой смерти вселенной. Современные нам попытки возродить вновь эту теорию не содержат никаких новых, хоть сколько-нибудь серьезных аргументов в ее пользу. А физические науки принесли новые доказательства положения о качественной неуничтожимости движения, новые доказательства всеобщности и универсальности закона сохранения и превращения энергии.

Современная астрономия с несомненностью показывает, что ни о каком «старении», «деградации» вселенной не может быть и речи. Нет никаких реальных данных, свидетельствующих о том, что мир приближается к состоянию тепловой смерти, что такое состояние вообще существует. Сейчас, как и миллиарды лет назад, совершаются процессы новообразования, рождения все новых и новых гигантских звезд и звездных систем. Из рассеянной в мировом пространстве пылевидной недифференцированной материи в силу естественных законов природы возникают сложные системы небесных тел, обладающие более высокой внутренней структурой, нежели пылевидные облака. Словом, материя нигде и никогда не утрачивает своей способности ко все новым и новым превращениям.

Последовательно научное материалистическое мировоззрение неразрывно связано с признанием неуничтожимости движения. Там, где имеется то или иное отступление от признания качественной или количественной неуничтожимости движения, появляются антинаучные заявления о «первоначальном толчке», который является не чем иным, как псевдонимом для «мирового творца». Вот почему этот закон, как говорил В. И. Ленин, является установлением основных положений материализма[2].

В том, что движение вечно, т. е. неуничтожимо и несотворимо, что материя никогда и нигде не может существовать без движения, ни при каких обстоятельствах не утрачивая способности ко все новым и новым изменениям, выражается *абсолютность*

---

[1] *Ф. Энгельс.* Диалектика природы, стр. 229.
[2] См. *В. И. Ленин.* Соч., т. 14, стр. 318.

движения. Но движение существует в виде определенных конкретных процессов, преходящих, не вечных, сменяющих друг друга. В этой неизбежности смены отдельных процессов, видов движения, в их превращении друг в друга выражается *относительность* движения. Иными словами: движение абсолютно по своей сущности, но относительно по своему конкретному проявлению.

Положение о том, что движение и абсолютно и относительно, отражает важный факт — его *внутреннюю противоречивость*. Характеризуя противоречивую природу движения, мы должны отметить еще и следующее. По своей сущности движение есть изменение, но в самом этом изменении есть моменты неизменности, устойчивости, постоянства. Например, между различными физическими формами движения есть постоянные отношения эквивалентности, не нарушающиеся никогда и нигде; каждой из форм движения присущ определенный тип изменения состояний материальных объектов, определенный закон. Поэтому-то каждая данная форма движения и обладает специфическими особенностями, отличающими ее от других форм.

Движение противоречиво и в том смысле, что оно включает в себя моменты непрерывности и прерывности (дискретности). Прерывность движения выражается в том, что оно существует не как нечто единообразное, а как совокупность качественно различных форм, не сводимых друг к другу. Но при всем различии этих форм движения они не оторваны друг от друга, а переходят друг в друга, одни из них порождают другие. В этой органической внутренней связи всех качественно своеобразных форм движения выражается непрерывность движения.

Соотношение прерывности и непрерывности движения можно видеть на примере внутриатомного движения. Современная физика показала, что внутренняя энергия атомов имеет не непрерывный, а прерывистый ряд значений. Отсюда следует, что во внутриатомных процессах движение имеет дискретные степени возбуждения. Но то же самое движение, переданное атомом во внешнюю среду, например, путем испускания электромагнитного излучения, может распределяться по другим материальным объектам совершенно непрерывным образом.

3. Пространство и время

Какой бы материальный объект мы ни взяли, он всегда обладает той или иной протяженностью: он длинен или короток, широк или узок, высок или низок. Не существует вещей, не имеющих протяженности в длину, ширину и высоту, не обладающих тем или иным объемом. Каждая из вещей окружающего нас мира находится среди других вещей в том или ином месте — ближе по отношению к одним из них и дальше по отношению к другим; направо от одних и налево от других; выше одних и ниже

других и т. п. Тела обладают протяженностью, объемом, находятся в том или ином месте, так или иначе расположены относительно друг друга, обладают той или иной внешней формой — во всем этом находит выражение тот факт, что тела существуют в пространстве.

Одно и то же тело может нам казаться бо́льшим или меньшим, в зависимости от того, как далеко оно находится от нас. Но это совсем не значит, что пространственная протяженность вещей субъективна. Нет, она является объективным свойством вещей и не зависит от наших ощущений, восприятий, сознания. Восприятия размеров одних и тех же объектов бывают различны потому, что мы от них удалились и по отношению к нам они уже стоят в объективно ином отношении, но протяженность тел, их объем, их форма не зависят от наших ощущений. Расстояния между телами и положение их относительно друг друга также являются объективными характеристиками реальных отношений между телами. Издали нам кажется, будто расстояние между телами меньше, чем в действительности. Но если между ними могло поместиться какое-то третье тело (или группа тел), то последнее расположится между ними независимо от того, как мы воспринимаем промежуток между ними — находясь вблизи или вдали от них.

Каждая из форм движения материи необходимо связана с пространственным перемещением больших или малых тел. Из этого следует, что пространство является коренным условием движения материи.

Таким образом, *пространство — это объективно реальная форма существования движущейся материи.* Понятие пространства выражает сосуществование и отделенность вещей друг от друга, их протяженность, порядок их расположения относительно друг друга.

Материальные процессы совершаются не только в различных местах пространства, но и один раньше или позже другого. В том, что материальные процессы происходят в некоторой последовательности (один раньше или позже другого), различаются своей длительностью и имеют отличающиеся друг от друга фазы или стадии,— во всем этом находит выражение тот факт, что тела существуют во времени.

Один и тот же промежуток времени между двумя какими-либо событиями может казаться разным людям коротким или длинным — в зависимости от их настроения, интереса к наблюдаемым событиям, психологического состояния и т. п. Но это вовсе не значит, что промежуток времени, временна́я длительность есть нечто субъективное. Временна́я длительность процессов объективна, т. е. не зависит от наших ощущений, от нашего сознания. Об этом свидетельствует тот факт, что, каким бы ни казался временно́й промежуток между явлениями — коротким или длин-

ным,— в этом промежутке в данных условиях всегда укладывается временная длительность одного и того же объективного процесса, не зависящего от нашей воли и сознания.

То, что различные фазы, стадии процессов разновременны, т. е. отделены друг от друга каким-то временным промежутком, является коренным условием существования этих процессов. Не будь этой длительности, не будь разновременности разных стадий одного и того же процесса, не существовало бы самих этих стадий, а значит, не было бы никаких закономерных изменений, переводящих явления от одних стадий к другим, невозможно было бы развитие явлений, процессов, переход их от низших форм к высшим. Это означает, что вне времени движение материи невозможно.

Таким образом, *время — это объективно реальная форма существования движущейся материи.* В этой форме существования материи выражаются последовательность развертывания материальных процессов, порядок их смены друг другом, отделенность друг от друга разных стадий процессов, их длительность, их развитие.

«В мире нет ничего, кроме движущейся материи,— писал В. И. Ленин,— и движущаяся материя не может двигаться иначе, как в пространстве и во времени»[1].

Ни один материальный объект не может существовать только в пространстве и не быть во времени или быть во времени, но не находиться в пространстве. Всегда и везде любое тело существует как в пространстве, так и во времени. Это значит, что пространство и время органически связаны друг с другом.

Из того факта, что пространство есть порядок сосуществования материальных объектов, а время — порядок, последовательность смены стадий материальных процессов, следует, что пространство и время неотрывны от материи.

Философы-идеалисты отрицают объективную реальность пространства и времени. Они считают их чем-то, что существует в сознании или благодаря сознанию, порождением духа, мышления. Так, Беркли утверждал, что пространство и время — формы субъективных переживаний. Кант рассматривал пространство и время как некие априорные (внеопытные) формы нашего созерцания, обусловленные природой нашего сознания. Для Маха пространство и время — всего лишь нами, людьми, упорядоченные системы рядов ощущений. В философии Гегеля пространство и время суть порождения «абсолютной идеи», причем они создаются «идеей» только на определенной ступени ее развития и притом так, что сначала появляется пространство и лишь затем возникает время; таким образом они оказываются оторванными друг от друга.

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 14, стр. 162.

Идеалистические представления о пространстве и времени опровергаются всем жизненным, практическим опытом людей, всем естествознанием. Как можно согласиться с утверждением, что пространство и время порождены сознанием, духом, идеей или существуют в сознании, если, как учит естествознание, за многие миллионы лет до возникновения человека с его сознанием, духом, идеями Земля существовала в пространстве и развивалась во времени? Этот факт имеет решающее значение для разоблачения несостоятельности идеалистических взглядов на пространство и время. Ленин указывал: «Существование природы *во времени,* измеряемом миллионами лет, *до* появления человека и человеческого опыта, показывает нелепость этой идеалистической теории» [1].

Хотя и пространство и время в равной мере есть формы существования материи, но это — разные формы существования материи. Они имеют ряд общих свойств, но вместе с тем значительно отличаются друг от друга. Общим, во-первых, является то, что они объективны, существуют вне и независимо от сознания. Во-вторых, поскольку вечно существует материя, постольку вечны пространство и время. Они всегда были, есть и будут, ибо материя может существовать не иначе, как только в пространстве и во времени. В-третьих, пространство и время безграничны и бесконечны.

Безграничность и бесконечность — различные характеристики пространства и времени. В применении к пространству безграничность означает следующее: в какую бы сторону мы ни двигались в пространстве и на какое бы расстояние при этом ни переместились от начального пункта, нигде и никогда не будет границы, дальше которой двигаться было бы нельзя. Но безграничное не обязательно является бесконечным. Наглядным примером этого служит поверхность шара, которую можно считать «двухмерным пространством». Это «пространство» безгранично, так как, передвигаясь по нему, мы никогда не обнаружим каких-либо границ, дальше которых нельзя было бы двигаться. Но вместе с тем поверхность шара конечна. Она выражается некоторым конечным числом единиц площади. Эта конечность может быть обнаружена при движении в каком-либо определенном направлении: рано или поздно совершится возврат в исходный пункт, от которого началось движение. Таким образом, конечное двухмерное «пространство» шара является замкнутым.

Пространство вселенной не только безгранично, но и бесконечно. Нет данных, которые бесспорно свидетельствовали бы о его «замкнутости». Анализ выдвигавшихся в космологии различных абстрактных математических моделей пространственно «замкнутой вселенной» показывает, что ни в одной из них эта

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 14, стр. 165.

«замкнутость» фактически не могла быть реализована. Образно говоря, двигаясь всегда в одном направлении, мы никогда не вернемся в исходный пункт, а будем проходить через все новые и новые области вселенной. Наука проникает все дальше и дальше в бесконечную вселенную. Совсем недавно астрономическая техника позволяла заглянуть на такие расстояния, которые свет, пробегающий за одну секунду 300 000 километров, проходит за миллиард лет. Теперь радиотелескопы дали возможность обнаруживать еще более далекие звездные системы, свет от которых доходит до нас только за 10 и более миллиардов лет. Эти грандиозные расстояния невозможно себе представить наглядно. Но, конечно, и они не предел. Как ни далеки от нас эти звездные системы, за ними лежат все новые и новые гигантские небесные тела и необозримые протяженности материальных объектов.

Время также безгранично и бесконечно. Как бы много ни прошло времени до какого-либо события, время будет длиться и дальше, никогда не достигая предела, после которого уже не будет никакой длительности, не будет неисчислимого числа процессов, идущих один за другим и в целом составляющих ничем не ограниченную длительность. Подобно этому, каким бы давно прошедшим ни было некоторое событие, ему предшествовало неисчислимое множество других событий, в совокупности обладающих ничем не ограниченной длительностью. Вместе с тем время идет так, что оно, образно говоря, не повторяет само себя, а проходит через все новые и новые мгновения и длительности.

Одной из попыток опровергнуть представление о бесконечности мира является идеалистическая теория «расширяющейся вселенной». Астрономические наблюдения показали, что спектры туманностей, находящихся вне пределов нашей галактики, несколько смещены в сторону бо́льших длин волн (так называемое красное смещение). Подобное смещение спектров может происходить, в частности, из-за того, что источник света и прибор, воспринимающий этот свет, удаляются друг от друга с некоторой скоростью. При этом, чем больше скорость, с которой источник света и приемник удаляются друг от друга, тем больше смещение спектра. По величине смещения можно судить о скорости движения источника света относительно приемника. Так как никаких других объяснений красного смещения спектров туманностей не было найдено, то ученые в общем склоняются к объяснению этого смещения спектров удалением туманностей от центра нашей галактики, причем скорость, с которой удаляется каждая из туманностей, принимается приблизительно пропорциональной ее расстоянию от Земли. Таким образом, чем дальше находится туманность, тем быстрее она удаляется.

Исходя из этого, идеалисты — философы и астрономы сделали вывод, что когда-то вся вселенная была сосредоточена в чрезвычайно малом конечном объеме, своего рода «первоатоме», но в какой-то момент времени она стала внезапно расширяться, вместе с чем началось и «расширение пространства», первоначально бывшего бесконечно малым. К этому присоединилось заявление, будто этот «первоатом» был создан богом и по его воле он и начал свое расширение.

Эта реакционная, откровенно фидеистская теория «расширяющейся вселенной» не выдерживает критики. Во-первых, нет никаких оснований отож-

ществлять наблюдаемую нами совокупность внегалактических туманностей со всей вселенной вообще. Это только неизмеримо малая часть ее. Во-вторых, нет никаких оснований думать, что повсюду движение всех вообще внегалактических туманностей происходит подобным же образом — только в сторону от «центра» и что не существует каких-то встречных или еще более сложных движений других внегалактических туманностей. В-третьих, нет оснований полагать, что даже в наблюдаемой нами части вселенной движение туманностей оставалось тем же самым во все времена. Таким образом, местное, локальное явление, имеющее место лишь в весьма ограниченной части вселенной, наблюдаемое всего лишь в сравнительно незначительном интервале времени, нет оснований выдавать за всеобщий закон движения бесконечной вселенной в целом. К тому же объяснение красного смещения внегалактических туманностей их разлетанием, строго говоря, не является единственно возможным и окончательным, так как еще могут быть открыты и другие факторы, могущие вызвать тот же эффект.

Таким образом, теория «расширяющейся вселенной» ни в коей мере не является научной теорией. Она не в состоянии поколебать положение о бесконечности вселенной в пространстве и времени.

Остановимся теперь на различиях между пространством и временем. Как отметил Ф. Энгельс, быть в пространстве — значит существовать «в форме расположения одного подле другого», между тем как быть во времени — значит существовать «в форме последовательности одного после другого»[1]. Важной особенностью пространства является то, что пространство имеет три измерения, тогда как время имеет одно измерение. Трехмерность пространства означает следующее. Если в любой точке пространства проводить две как угодно направленные прямые линии, то всегда можно провести к этим двум прямым третью линию, перпендикулярную к ним. При этом, как свидетельствует опыт, указанная третья прямая будет единственной: других прямых, перпендикулярных к ним обеим, существовать не может. Трехмерность пространства выражается также и в том, что положение любой точки в пространстве полностью определяется указанием трех расстояний этой точки до трех любых пересекающихся плоскостей, выбранных в качестве системы отсчета. Эта особенность принадлежит объективному пространству.

Любое материальное тело обязательно трехмерно. Оно обладает большим или меньшим объемом. Но вполне законной научной абстракцией является понятие о плоскости, линии и точке, первая из которых характеризуется только двумя измерениями, а вторая — лишь одним; геометрическая точка не имеет ни одного измерения. Абстрактные понятия плоскости, линии, точки — отражения пространственного существования не всего материального объекта, а лишь определенных его сторон; они выражают отношение между элементами нераздельной объемной структуры реальных материальных тел.

В отличие от пространства время — одномерно. В понятии одномерности времени выражается тот факт, что любой момент

[1] *Ф. Энгельс.* Диалектика природы, стр. 8.

времени, соответствующий началу, концу или промежуточной стадии какого-либо процесса, определяется одним числом, выражающим величину промежутка времени, протекшего до этого момента от какого-то другого момента, принятого за начало отсчета. Все события текут только в одном-единственном направлении — от прошлого к настоящему и от него к будущему. Эта направленность процессов является их объективной чертой и не зависит от ощущений, сознания людей, воспринимающих эти процессы. В пространстве можно перемещать тела справа налево и слева направо, сверху вниз и снизу вверх и т. д. Но нельзя обернуть во времени причинно связанные процессы, заставить их идти от будущего к прошлому. Время необратимо. Этим оно также существенно отличается от пространства.

Нередко в теоретической физике и математике вводится представление о так называемых «многомерных пространствах», обладающих 4, 5, 6 и т. д. измерениями и даже бесконечным числом измерений. Это представление плодотворно для исследования многих научных проблем. Не противоречит ли оно положению о трехмерности пространства? Нет, не противоречит. Действительным, реальным пространством, в котором существуют все тела и мы сами, является обычное пространство с тремя измерениями. Многомерное же «пространство» — это абстракция, мысленно охватывающая совокупность большего или меньшего числа величин, характеризующих не обязательно протяженность, но и всякие другие свойства исследуемых объектов, например их цветовую окраску.

Введение в науку представления о «многомерных пространствах» используется идеалистами для борьбы с материализмом, отрицающим всякую возможность внепространственного существования каких-либо тел. Идеалисты объявили, будто наука доказала существование четвертого и других измерений пространства и что, в то время как люди и все обычные тела находятся в трехмерном пространстве, бестелесные, «духовные сущности», «духи», располагаются в четвертом или других измерениях пространства, недоступных обычным существам. Оттуда «духи» якобы могут воздействовать на материальные процессы, управлять ими, оставаясь вне наших восприятий. Но на самом деле никакого «четвертого измерения» у пространства не существует. Спекуляция идеалистов на представлении о «многомерных пространствах» для опровержения материализма лишена всякого основания. Научные представления о «многомерных пространствах» всегда исходят из того факта, доказанного практикой человечества, что в действительности нет никакого иного пространства, кроме объективного, реального пространства трех измерений.

В современной научной и научно-популярной литературе часто говорится о «четырехмерном мире». Это представление также

не дает никаких оснований для идеалистических воззрений. Под «четырехмерностью» мира в физике понимается тот простой и непреложный факт, что мир существует не только в пространстве (имеющем три измерения), но и во времени (имеющем одно измерение) и что все реальные процессы нужно рассматривать так, чтобы была учтена связь обеих форм существования материи, общая сумма измерений которых равна четырем. Ничего мистического, таинственного в представлении современной физики о «четырехмерном мире» нет и не может быть.

Наши представления об объективно реальных пространстве и времени постепенно изменяются, развиваются и углубляются. Это, в частности, выразилось и во введении представления о «четырехмерном мире», в котором отражена внутренняя связь пространства и времени, и в открытии новых законов геометрии, и т. д. Но изменение наших представлений о пространстве и времени нельзя смешивать, как подчеркивал Ленин, «с неизменностью того факта, что человек и природа существуют только во времени и пространстве, существа же вне времени и пространства, созданные поповщиной и поддерживаемые воображением невежественной и забитой массы человечества, суть больная фантазия, выверты философского идеализма, негодный продукт негодного общественного строя»[1].

Как показывает квантовая механика, микрообъекты не могут находиться в таких состояниях, в которых они одновременно обладали бы и точно определенной координатой, какой обладает точка, и строго определенным количеством движения (или скоростью). Для них возможны либо состояние с определенной координатой, либо состояние с определенным количеством движения (возможен и третий случай: состояние с неопределенным количеством движения и неопределенной координатой, но его здесь для простоты не будем рассматривать). В каком из двух указанных состояний будет микрообъект, зависит от материальных условий.

Современные идеалисты, стремясь обосновать представление о внепространственном и вневременном бытии, используют эти данные квантовой механики и рассуждают так: если микрообъект находится в состоянии с определенной координатой, то он существует в пространстве и времени, если же он переходит в состояние, в котором он не обладает определенной координатой, то он существует «вне пространства и времени». А так как состояние микрообъекта зависит от типа применяемой наблюдателем экспериментальной установки, выбор же последней зависит от воли наблюдателя, то наблюдатель будто бы может по своему желанию отменять или делать действительным пространство и время.

Эти рассуждения совершенно неправильны. Во-первых, от-

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 14, стр. 173.

сутствие у микрообъекта определенной координаты — такой, как у материальной точки классической механики,— совсем не означает, что микрообъект не существует в пространстве и времени. Тот факт, что микрообъект может находиться в состоянии, в котором он не имеет определенной координаты, подобной координате материальной точки, означает лишь то, что микрообъект — сложное тело, а не точка классической механики. Недопустимо смешивать вопрос о том, может ли быть охарактеризовано состояние какого-либо объекта точечной координатой, с вопросом о том, существует ли он в пространстве и во времени. Во-вторых, изменение состояния микрообъекта определяется действием объективных материальных причин, реальной физической обстановкой, а не волей наблюдателя, не его произволом. Человек, например, может подняться на самолете вверх и лететь в нем, а может спрыгнуть с парашютом вниз. Действуя *по своей воле*, человек не отменяет земного притяжения, когда он поднимается вверх в самолете, и не включает его в действие по своему усмотрению, когда он прыгает вниз. Так и в случае с микрообъектами: никакое применение физических приборов не может отменить пространственное и временное существование вещей и вывести микрообъекты за их пределы. Как сами приборы, так и исследуемые с их помощью микрообъекты существуют в пространстве и времени. И никто, никогда, никакими средствами не может изменить этого фундаментального факта.

Мы говорим, что пространство и время — формы существования материи. Это положение означает не только то, что пространство и время — объективно реальны, но и то, что они находятся в неразрывной связи с движущейся материей. Как нет материи вне пространства и времени, так нет и не может быть пространства и времени без материи.

Из этой неразрывной связи пространства и времени с движущейся материей следует, что, как бы ни изменялись явления и материальные объекты, существование пространства и времени не зависит от этих изменений, ибо материя при всех своих изменениях вечно существует.

Факт независимости объективного существования пространства и времени от смены явлений, от любых изменений в материальных вещах является выражением *абсолютности* пространства и времени. Но свойства пространства и времени изменяются, будучи обусловленными свойствами изменяющейся материи. В зависимости от материальных условий изменяются пространственные формы, протяженность объектов, изменяется характер геометрических законов, становится иной длительность явлений, по-иному течет время. В этом выражается *относительность* пространства и времени.

Признанием неразрывной связи пространства и времени с материей диалектический материализм существенно отличается от

материализма метафизического. Последний, признавая объективную реальность пространства и времени, считает пространство и время самостоятельными сущностями, независимыми от материи пустыми вместилищами для материальных тел и процессов. Как образно выразился немецкий математик Вейль, это был взгляд на пространство, как на «наемную казарму», которая может быть занята какими-либо жильцами или, если их нет, оставаться совершенно пустой. Подобного взгляда придерживался Ньютон — выдающийся английский ученый, создатель классической механики. Ньютон считал, что пространство и время объективны, но они существуют независимо от движущейся материи, совершенно неизменны и друг с другом не связаны. Так понимаемые пространство и время он назвал «абсолютными». Ньютоновские представления об «абсолютном пространстве» и «абсолютном времени» держались в науке вплоть до начала XX в., когда, наконец, естествоиспытателям в связи с созданием теории относительности стала ясна неправильность отрыва пространства и времени от движущейся материи и друг от друга. К сожалению, им были неизвестны положения диалектического материализма, задолго до этого указывавшего на связь пространства и времени с материей и друг с другом.

В известных границах при изучении проблем, связанных с сравнительно медленными движениями обычных земных и небесных тел, связью пространства и времени с материей и друг с другом можно пренебречь. Подобно этому, например, в ряде случаев пренебрегают пространственной протяженностью материальных тел, считая их непротяженными материальными точками. Но как на этом основании нельзя делать вывода о том, будто бы тела вообще непротяженны, так нельзя делать вывода и о принципиальной независимости пространства и времени от движущейся материи, об отсутствии связи между ними самими и об их неизменности. Только потому, что во многих случаях связь пространства и времени с материей, на самом деле имеющаяся всегда, не сказывается существенным образом на течении процессов, ньютоновское представление об «абсолютных» пространстве и времени содержит рациональное зерно и могло быть использовано при формулировке законов классической механики. Но именно потому классическая механика оказалась неприменимой к движениям, происходящим с огромными скоростями, сравнимыми со скоростью света, что она связана с вышеуказанным ограничением.

В тех случаях, когда реальная связь пространства и времени с материей и друг с другом не существенна для исследуемых явлений, можно ее не учитывать. В этом нет никакой метафизики. Здесь — законная научная абстракция. Метафизика состоит в утверждении, что пространство и время принципиально, по самой своей сути будто бы не связаны с материей и друг с

другом и поэтому всегда и везде остаются неизменными. Принципиальный отрыв пространства и времени от материи и друг от друга чреват серьезными последствиями. Он так или иначе ведет к отступлению от материализма.

Пространство и время существуют только в материальных вещах, только через материальные вещи, только благодаря им. «Разумеется,— указывал Ф. Энгельс,— обе эти формы существования материи без материи суть ничто, пустые представления, абстракции, существующие только в нашей голове»[1]. Кто отрывает пространство и время от материи и при этом настаивает на их обособленном от материи существовании, тот приписывает самостоятельное, независимое существование тому, что содержится лишь в мышлении. Но это и есть переход на позиции идеализма, согласно которому продукты нашей мыслительной деятельности объявляются самостоятельными сущностями. Вот почему В. И. Ленин отметил: «Время вне временных вещей=бог»[2].

Огромный вклад в разработку научных представлений о связи пространства и времени с движущейся материей внес Н. И. Лобачевский — великий русский математик, творец неевклидовой геометрии. Основная мысль Лобачевского при разработке проблем геометрии состояла в том, что свойства пространства не являются неизменными, всегда и везде одинаковыми, а изменяются в зависимости от свойств материи, от происходящих в материальных телах физических процессов. В своей работе «Новые начала геометрии с полной теорией параллельных» Лобачевский писал: «...в нашем уме не может быть никакого противоречия, когда мы допускаем, что некоторые силы в природе следуют одной, другие своей особой Геометрии»[3]. И, как это ни казалось невероятным его современникам, Лобачевский создал совершенно новую геометрию, отличную от той, которая была создана Евклидом. Одной из особенностей неевклидовой геометрии Лобачевского является то, что в ней сумма углов треугольников не остается постоянной и равной 180°, а меняется в зависимости от изменения длины их сторон и при этом всегда оказывается меньше 180°. Позже Риманом была создана еще одна неевклидова геометрия, в которой сумма углов треугольника больше 180°.

Создание неевклидовой геометрии вскрыло глубокую связь пространства с материей, обусловленность свойств пространства свойствами материи. Этим был нанесен удар по идеалистическим взглядам на пространство. Исходя из того, что геометрия Евклида, созданная еще в древней Греции, на протяжении многих веков оставалась неизменной, Кант объявил пространство присущей нашему сознанию, внеопытной, априорной формой созерца-

[1] *Ф. Энгельс.* Диалектика природы, стр. 187.
[2] *В. И. Ленин.* Философские тетради, стр. 48.
[3] *Н. И. Лобачевский.* Полное собрание сочинений, т. 2. М.—Л., 1949, стр. 159.

ния, в которой познающий субъект «упорядочивает» расположение явлений. Геометрия потому и неизменна, полагал Кант, что пространство принадлежит сознанию субъекта, а не изменчивым явлениям вне его. Когда Лобачевский доказал, что геометрия Евклида не единственная, что в зависимости от материальных условий в пространстве осуществляются законы совершенно различных геометрий, априористические представления Канта были опровергнуты конкретными данными науки.

Современная физика еще дальше углубила и развила материалистические идеи Лобачевского. Теория относительности, созданная А. Эйнштейном, открыла конкретные формы связи пространства и времени с движущейся материей и друг с другом, выразив эти связи математически в определенных законах. Одним из выражений связи пространства и времени с движением материи является тот факт, отмеченный впервые теорией относительности, что одновременность событий является не абсолютной, а относительной. События, одновременные по отношению к одной из материальных систем, т. е. в одних условиях движения, не являются одновременными по отношению к другой материальной системе, т. е. в других условиях движения. С этим фундаментальным фактом связаны другие важные положения. Оказывается, расстояние между какими-либо телами, находящимися в пространстве на конечном удалении друг от друга, не одинаково в различных движущихся материальных системах; с возрастанием скорости расстояние (длина) сокращается. Подобно этому промежуток времени между какими-либо событиями различен в различных движущихся материальных системах; с возрастанием скорости он уменьшается. Указанные изменения пространственной протяженности (длин) и временных промежутков в зависимости от скорости движения происходят в строгом соответствии друг с другом. В этом проявляется внутренняя связь между пространством и временем.

Вскрытая теорией относительности органическая связь пространства и времени с материей, с движением материи дает новое естественнонаучное доказательство объективной реальности пространства и времени, их независимости от сознания, от познающего субъекта.

Не учитывая связи пространства и времени друг с другом и с движущейся материей, нельзя понять сущности огромной области физических явлений, связанных с движениями, скорости которых сравнимы со скоростью света, а также процессов, связанных с большими значениями энергии; невозможно также понять движение тел в сильных полях тяготения. Положение о связи пространства и времени с материей и друг с другом стало одной из руководящих идей современной науки.

Так как материя, развиваясь, порождает все новые и новые формы с присущими им своеобразными закономерностями, то

соответственно этому в природе возникают новые пространственные и временные отношения. Например, с возникновением организмов появились такие пространственные отношения, которые характеризуются особыми типами симметрии, не встречающимися в неживой природе. Таким образом, *пространство и время, как и сама материя, подчинены великому всеобщему закону бытия — закону развития.*

Пространству и времени свойственна внутренняя противоречивость. Эта противоречивость находит свое выражение, во-первых, в том, что, как подчеркивалось выше, пространство и время по своей природе и абсолютны и относительны. Во-вторых, противоречием является то, что бесконечность пространства складывается из конечных протяженностей отдельных материальных объектов, а бесконечность времени — из конечных длительностей отдельных материальных процессов. В-третьих, пространство и время и непрерывны и в то же время прерывны (дискретны). Пространство непрерывно в том смысле, что между двумя любыми произвольно взятыми (большими или малыми, очень близкими или удаленными) элементами пространственной протяженности всегда реально существует такой элемент протяженности, который соединяет оба указанных элемента в единую пространственную протяженность; между элементами пространственной протяженности нет никакой абсолютной раздельности, отчлененности; они переходят друг в друга. Подобно этому время непрерывно в том смысле, что между двумя любыми промежутками времени всегда реально имеется такая временная длительность, которая соединяет эти промежутки времени в единый поток временной последовательности. Вместе с тем пространство и время прерывны. Их прерывность заключается в том, что они состоят из элементов, различающихся по своим внутренним свойствам, по структуре соответственно качественному различию материальных предметов и процессов.

4. Единство мира

Есть немало людей, которые не возражают против того, что вся окружающая нас природа реально существует вне и независимо от нашего сознания, но которые утверждают, что кроме этого всем известного материального мира есть какой-то иной, нематериальный мир — обиталище «духов», «верховного разума», «высшей воли» и т. п. Представление об этих двух мирах («мир земной» и «мир небесный») сложилось еще в глубокой древности и под влиянием религии господствовало в течение долгого времени.

Наука шаг за шагом пришла к доказательству неправильности представления о двух различных мирах. Мир един. Тот реальный материальный мир, к которому принадлежим и мы

сами, с нашим сознанием, с нашими чувствами, ощущениями, есть единственный действительно существующий мир.

Некоторые философы прошлого, стремившиеся быть материалистами и отвергавшие представления о потустороннем мире, пытались доказать единство мира, исходя либо из утверждения, что мир потому един, что мы *мыслим* его единым, либо из того, что мир един потому, что он *существует*. Такую позицию занимал в этом вопросе Е. Дюринг, взгляды которого за отступления от материализма подвергнуты глубокой критике Ф. Энгельсом в труде «Анти-Дюринг». Энгельс показал, что и тот и другой аргументы неправильны. В самом деле, если мир един только потому, что наша мысль о нем едина, то. значит, мысль является определяющей по отношению к миру. Но не мир отражает свойства мысли, а, наоборот, мысль отражает свойства мира. Наша мысль может связать в «единство» сапожную щетку и млекопитающее, но от этого, как говорит Энгельс, у сапожной щетки еще не появятся молочные железы. Точно так же из утверждения о существовании мира еще не следует, что он един, ибо понятие существования (бытия) может иметь самые различные толкования — как материалистические, так и идеалистические. Признать существующим можно и то, что содержится лишь в сознании (таково представление о «существовании» потустороннего мира), а не только то, что имеется вне и независимо от него. Таким образом, простым признанием существования мира нельзя выдержать последовательную философскую линию и правильно понять действительное содержание положения о единстве мира.

«Единство мира,— подчеркивает Ф. Энгельс,— состоит не в его бытии, хотя его бытие есть предпосылка его единства, ибо сначала мир должен *существовать*, прежде чем он может быть *единым*... Действительное единство мира состоит в его материальности, а эта последняя доказывается не парой фокуснических фраз, а длинным и трудным развитием философии и естествознания» [1].

Одной из важнейших вех на пути к познанию материального единства мира было создание Коперником гелиоцентрической системы. До Коперника господствовало представление, будто центром вселенной является Земля, вокруг которой располагается «небесная сфера» с ее «идеальными» небесными телами — Солнцем, планетами, Луной и звездами, проявлением совершенства которых является строгая сферичность их формы и абсолютная чистота поверхности. На Земле все преходяще, тленно, в небесной сфере все вечно и неизменно. Созданием гелиоцентрического учения Коперник опроверг эти представления. Он доказал, что Земля — вовсе не центр вселенной, а лишь одна из таких же планет, которые прежде относили к идеальной небесной сфере.

[1] *Ф. Энгельс.* Анти-Дюринг, стр. 42.

Таким образом, противопоставление «мира земного» «миру небесному» оказалось совершенно беспочвенным.

Дело, начатое Коперником, продолжил Галилей. Когда Галилей построил первый телескоп и направил его на небо, он сделал открытие, поразившее всех его современников: Луна, считавшаяся одним из «идеальных небесных тел», вовсе не обладает совершенной сферической формой. Она покрыта впадинами, долинами и горами, подобными тем, которые имеются на поверхности Земли. Галилей открыл также, что на поверхности Солнца имеются темные пятна самой неправильной формы. Богословы не хотели примириться с мыслью, что небесные тела не имеют той чистоты и совершенства, которые они им приписывали. Они жестоко расправились с великими мужами науки, учившими людей видеть мир таким, каков он есть на самом деле. На костре инквизиции погиб Д. Бруно за свои смелые идеи. Он доказывал, что в бесконечном пространстве вселенной — там, где, по уверению богословов, находится лишь идеальный «небесный мир»,— рассеяны в бесчисленном множестве такие же материальные миры, как наш земной мир. Галилей за свои великие открытия попал в застенок инквизиции. Религия и церковь мешали развитию науки, но не могли убить истину: нет никакого иного мира, кроме мира материального.

Открытие законов механики и закона всемирного тяготения принесло новые доказательства этой истины. Сторонники представления о двух различных мирах утверждали, будто движение земных и небесных тел подчиняется принципиально различным законам. Они считали кощунственной мысль не только о тождестве, но даже о сходстве этих законов. Великим научным подвигом Ньютона было доказательство того, что законы механики земных и небесных тел те же самые; что та же по своей природе сила, которая заставляет падать на землю все тела, лишенные опоры, заставляет двигаться Луну вокруг Земли, а все планеты, в том числе и Землю, вокруг Солнца. Все без исключения тела бесконечного мира оказались связанными единым по своей сущности материальным взаимодействием, не знающим никакого деления на земной и небесный миры.

Важный шаг в доказательстве материального единства мира наука сделала в результате спектрального анализа — способа изучения химического состава тел по характеру света, испускаемого ими, когда они находятся в раскаленном газообразном состоянии. Атомы каждого химического элемента, находящегося в раскаленном газообразном состоянии, испускают лучи света вполне определенных длин волн, воспринимаемых в так называемом спектроскопе в виде большего или меньшего числа узких цветных полосок (спектральных линий). Каждый химический элемент испускает свою особую группу линий (спектр). Раскаленное Солнце, бесчисленные звезды и кометы, рассеянные по

всему бесконечному пространству вселенной, посылают лучи света, по которым можно определить химический состав Солнца, звезд и комет. Исследования показали, что небесные тела состоят из тех же самых элементов, что и Земля. Конечно, относительные количества этих элементов у различных небесных тел и в их различных частях различны. Так, на Солнце обнаружено около 60 известных химических элементов, среди которых первое место по числу атомов занимает водород; гелия — в 4—5 раз меньше, а число атомов остальных элементов составляет всего около 0,001 доли числа атомов водорода.

Поучительна история открытия химического элемента — гелия. Первоначально он был найден с помощью спектрального анализа только на Солнце. Поэтому его и назвали гелием, что значит «солнечный». На Земле его долго не находили, и казалось, что наконец-то обнаружено нечто, присущее только Солнцу, но не Земле. Но прошло время, и гелий был найден и на Земле, причем он не такой уж редкий элемент. Гелий теперь широко используется в науке и технике для многих практических целей [1].

Из глубины мирового пространства на Землю долетают более или менее значительные осколки небесных тел, называемые метеоритами. Многие из них, раскалившись от трения о воздух, сгорают, не долетев до земной поверхности. Некоторые же не успевают сгореть и, упав на поверхность Земли, открывают возможность изучить их состав и свойства. Исследования показали, что главной составной частью метеоритов является железо и что в них нет никаких элементов, которых не было бы на Земле.

Эти данные о химическом составе тел на Земле и в окружающем ее космическом пространстве, полученные путем долгой, кропотливой работы ученых, прочно укрепили великую идею материального единства мира.

Атомы всех химических элементов представляют собой материальные системы, состоящие из «элементарных» частиц одного и того же типа (протонов, нейтронов и электронов) и имеющие одинаковую по своему типу структуру, главные черты которой выражаются в наличии у них: а) центрального ядра, состоящего из более тяжелых «элементарных» частиц и потому несущего

---

[1] Во второй половине XIX в. в спектрах газовых туманностей были обнаружены спектральные линии, которые не совпадали со спектральными линиями химических элементов, существующих на Земле. В связи с этим была выдвинута гипотеза о существовании в газовых туманностях специфического элемента, названного «небулием». Эта гипотеза просуществовала до 1927 г., когда было точно установлено, что эти линии принадлежат не какому-то особому небесному элементу, а ряду существующих на Земле элементов, испускающих эти линии только в условиях очень большого разрежения вещества (так называемые запрещенные линии). Существование таких спектральных линий у земных элементов было доказано не только теоретически, но и экспериментально. Таким образом, гипотеза «небулия» как особого «небесного вещества» отпала.

большую часть массы атома; б) окружающей его слоистой оболочки, состоящей из более легких «элементарных» частиц; в) противоположных электрических зарядов у ядра и оболочки. Таким образом, атомы химических элементов едины по своему составу и своему строению. С этим связано то, что все их многообразие представляет собой не какое-то скопление случайно сосуществующих тел, а единую совокупность внутренне взаимосвязанных материальных объектов, объединенных единой периодической системой, единым периодическим законом Д. И. Менделеева. В этом смысле академик А. Е. Ферсман говорил, что окружающий нас мир — это «менделеевский» мир»[1].

Но представим себе, что когда-нибудь на каком-либо из небесных тел будет найден элемент, которого нет в земных условиях. Означало бы это, что материальное единство мира нарушено? Конечно, нет. Это так же не противоречило бы ему, как не противоречит представлению о материальном единстве растительного мира земли тот факт, что так называемая «альпийская растительность» (т. е. растительность, существующая в высокогорных условиях) совершенно не встречается во многих районах земного шара. Дело не в том, чтобы на всех телах солнечной системы, на всех звездах и во всех галактиках существовали те же самые химические элементы или те же самые «элементарные» частицы. Решающим является то, что, сколь бы «диковинные» объекты мы ни встретили в каком-либо участке вселенной, все это будет не что иное, как разновидности материи. Они будут обладать тем же фундаментальным свойством, что и все другие виды материи,— свойством существования вне и независимо от какого-либо сознания, идеи, духа и т. п. и будут подчиняться объективным законам природы. Доказательство этого как раз и составляет одно из величайших завоеваний естествознания.

Противопоставляя «земному миру» «мир небесный», богословы утверждают, что на земле все преходяще, изменчиво и рано или поздно приходит к своему концу, тогда как на небе все «неизменно, непреходяще, вечно». Но где же вечность и неизменность тел небесного мира? Естествознание доказало, что та система небесных тел, которая называется солнечной системой, вовсе не всегда была такой, какова она сейчас. Она имеет свою историю. Тела солнечной системы не сразу приобрели тот вид и те свойства, которыми они обладают сейчас. Наука в настоящее время еще не может во всех подробностях нарисовать весь этот

[1] В бесконечной вселенной могут быть и такие тела, которые не состоят из обычных атомов химических элементов. Современная физика, открывшая существование так называемых античастиц, предсказывает возможность образования из них более или менее сложных систем, подобных атомам, но все же существенно отличающихся от обычных атомов,— так называемых антиатомов. Их существование не только не нарушает материального единства мира, но приносит еще новые подтверждения этого единства: атомы и антиатомы связаны друг с другом процессами взаимных превращений.

процесс, но бесспорен тот факт, что вся история солнечной системы — это естественный, материальный процесс, в котором нет места ни для каких чудес, ни для какого вмешательства «потусторонних сил». Многие изменения Солнца можно наблюдать даже в простой телескоп. Время от времени с поверхности Солнца вздымаются на сотни тысяч километров протуберанцы, свидетельствующие о гигантских перемещениях раскаленного вещества; возникают и исчезают темные пятна, представляющие собой относительно более холодные части солнечной материи. В недрах Солнца, скрытых от нашего взора, безостановочно идут сложные процессы преобразования водорода в гелий, в силу чего постепенно меняется химический состав Солнца; часть материи выбрасывается Солнцем в мировое пространство. Звезды также не остаются неизменными. Многие из них вспыхивают, увеличивая во много раз свою яркость, меняют свои размеры, распадаются и т. д. Гибнут и возникают целые звездные системы.

Вечное движение, изменение свойственно всему, что где-либо существует. И нет никакого особого мира, не подчиняющегося этому закону бытия. Однако там, где исчезают одни формы материи, неизбежно возникают новые, начинающие свою собственную историю.

Ни одна мельчайшая частица материи не исчезает бесследно и не появляется из ничего: материя только преобразуется из одной формы в другую, никогда не утрачивая своих основных свойств. Если, например, исчезает материальный объект с определенной массой, то обязательно появляется одно или несколько других материальных тел с массой, в точности равной массе исчезнувшего тела. Во всех процессах превращения остается неизменным суммарный электрический заряд. В этом, как и в других подобных законах природы, выявляется вечность материи.

Огромную роль в подтверждении положения о материальном единстве мира играет закон сохранения и превращения энергии, говорящий о неуничтожимости и несотворимости движения материи. Благодаря открытию этого закона, указывал Ф. Энгельс, «стирается последнее воспоминание о внемировом творце» [1]. Ничто не может сообщить никакого движения материальному телу, даже самому мельчайшему, кроме как реальное воздействие какого-то другого материального тела, передающего полностью или частично свое собственное движение. Сколько движения приобретается одним телом, столько теряется другим. Нет ни одного случая, когда этот великий закон природы был нарушен. И ничто не может его нарушить. Все, что существует в мире, подчинено ему.

Благодаря этому закону все процессы образуют единую взаимосвязанную цель, в которой нет и не может быть ничего, что

[1] *Ф. Энгельс.* Анти-Дюринг, стр. 13.

не было бы порождено материей. Вся практика человечества, все данные науки свидетельствуют об истинности закона сохранения и превращения энергии во всех без исключения процессах.

Ни в чем, нигде, ни в каких явлениях природы и общества нет и не может быть действий, исходящих из какого-то таинственного «нематериального мира» и свидетельствующих о его существовании. Все имеет свои естественные причины, коренящиеся в тех или иных материальных телах, их действиях и свойствах. Если в данный момент наука не дает исчерпывающего ответа на тот или иной вопрос, то она рано или поздно даст его, не прибегая ни к каким таинственным «сверхъестественным сущностям», стоящим над материальным миром. Наука объясняет материальный мир из него самого.

Было время, когда люди не знали, в чем состоит сущность жизни. Особенности живых организмов, столь резко отличающие живое от неживого, дали некоторым мыслителям повод утверждать, будто основой жизни является некая нематериальная «жизненная сила», которая направляет все процессы в живых организмах. В частности, превращение неорганической материи в органическую, происходящее в животных и растениях, идеалисты объявляли результатом деятельности этой «жизненной силы». Но естествознание доказало, что сущностью жизни является особым образом протекающий материальный процесс обмена веществ, подчиняющийся законам сохранения массы и энергии, действующим и во всей остальной природе. Огромное значение в доказательстве этого имели классические исследования К. А. Тимирязева по фотосинтезу, происходящему в зеленых листьях растений. В результате фотосинтеза неорганические вещества, усвояемые растением из окружающей среды, превращаются в органические. К. А. Тимирязев доказал, что фотосинтез происходит под влиянием материальной причины — воздействия солнечного света, причем интенсивность фотосинтеза точно определяется количеством солнечной энергии, поглощаемой листьями растений.

«Зеленый лист, или, вернее, микроскопическое зеленое зерно хлорофилла,— писал К. А. Тимирязев,— является фокусом, точкой в мировом пространстве, в которую с одного конца притекает энергия солнца, а с другого берут начало все проявления жизни на земле. Растение — посредник между небом и землею. Оно истинный Прометей, похитивший огонь с неба. Похищенный им луч солнца горит и в мерцающей лучине, и в ослепительной искре электричества. Луч солнца приводит в движение и чудовищный маховик гигантской паровой машины, и кисть художника, и перо поэта» [1].

Было время, когда оставалось неизвестным, как возник

[1] *К. А. Тимирязев.* Избранные сочинения, т. II. М., 1948, стр. 382—383.

человек. И в этом случае временная трудность в решении научной проблемы дала повод для представления о действии каких-то нематериальных сил, якобы посредством «чуда» создавших человека. Но пришло время, и эта проблема нашла подлинно научное решение, совершенно исключившее религиозные представления. Решение дала трудовая теория антропогенеза Ф. Энгельса, опирающаяся на эволюционную теорию Ч. Дарвина. Так и из этой области явлений было изгнано представление о нематериальных силах и таинственном сверхъестественном мире.

Явления сознания по своему характеру резко отличаются от всех материальных явлений. Это отличие используется идеалистами для того, чтобы объявить несостоятельной идею материального единства мира. Но, как об этом будет подробно сказано в следующей главе, сознание, не будучи материальным, является всего лишь свойством особым образом организованной материи, ее продуктом и без материи не существует. Никакого особого мира, стоящего *вне* и *над* материальным миром, явления сознания не образуют. Таким образом, явления сознания никоим образом не нарушают материального единства мира. Они только показывают, как многогранно и сложно это единство, включающее в себя многообразие форм движущейся материи, обладающей бесконечно различными качествами и свойствами.

Жизнь человеческого общества, его историю, деятельность людей, социальный прогресс нередко объявляют результатом предначертаний «божественной воли» или результатом действия якобы стоящих над материальной действительностью и господствующих над ней идей, сознания. Исторический материализм показал ошибочность таких взглядов, вскрыв материальные причины развития общества. Общественная жизнь является не чем иным, как особой формой движения материи, которая хотя и подчиняется своим, особым закономерностям, но исторически возникла из более простых форм материального движения и на их основе.

Установление универсального характера генетической связи всех качественно различных форм материи, как и соответствующих им форм движения, является решающим в обосновании положения о единстве мира. Эта связь различных форм материи, а также различных форм движения существовала, существует и будет существовать всегда и везде — в прошлом, настоящем и будущем, во всех без исключения областях бесконечного пространства. Таким образом, *в мире никогда и нигде не существовало, не существует и не будет существовать ничего, что не было бы движущейся материей или что не было бы порождено движущейся материей.* В этом и состоит единство мира.

Мир материален. Он един, вечен и бесконечен. И сам человек, высшее порождение, цвет материального мира, есть часть великого целого, называемого природой.

ГЛАВА IV

МАТЕРИЯ И СОЗНАНИЕ

Мы уже знаем, что материя первична, а сознание вторично. Это положение является исходной посылкой материалистической философии. После того как мы разобрали вопрос о материи и формах ее существования, перейдем к более подробному рассмотрению того, что такое сознание и каковы его особенности.

1. Сознание — свойство высокоорганизованной материи

Вопрос о происхождении сознания и о его сущности является одним из самых трудных вопросов науки. Каким образом и на какой ступени своего развития материя порождает сознание, как возникают ощущения, восприятия, представления и мышление человека, как совершается переход от ощущений и восприятий к мышлению — все эти вопросы долгое время оставались не раскрытыми наукой. Это послужило поводом для распространения в корне неправильных взглядов, согласно которым сознание считается свойством или деятельностью нематериальной субстанции — «души». Последняя якобы совершенно не зависит от материи, от человеческого тела и может помимо него вести самостоятельное существование. В то время как материальное тело рано или поздно умирает, нематериальная «душа» с ее сознанием будто бы остается жить «вечно». Подобные взгляды появились еще у первобытных людей, объяснявших сновидения или смерть человека тем, что «душа» временно или навсегда покидает тело. Эти фантастические представления не только не были устранены идеалистической философией, но, напротив, теоретически «обосновывались», закреплялись различными системами этой философии. Каждая идеалистическая система так или иначе провозглашала сознание (или «дух») самостоятельной сверхъестественной сущностью, не только не зависящей от материи, но и — больше того — творящей материю.

Не легкой эта проблема оказалась и для материалистической философии. Наряду с правильным объяснением сущности сознания, как особого свойства материи, были и серьезные ошибки. Так, некоторые философы-материалисты до Маркса и Энгельса, остановившись в затруднении перед проблемой возникновения сознания, объявили сознание атрибутом материи, ее вечным свойством, присущим всем ее формам. Некоторые же из материалистов, не сумев правильно понять принцип материального единства мира, по сути приходили к отрицанию сознания. Они объявляли сознание особой разновидностью материи, якобы выделяемой мозгом подобно тому, как, например, печень выделяет желчь. Это были *вульгарные материалисты*. На основе развития научных знаний эти ошибки были преодолены. Материализм постепенно, шаг за шагом, опираясь на данные естествознания, шел к правильному, все более глубокому пониманию сущности сознания как свойства высокоорганизованной материи, продукта деятельности мозга.

Трудность исследования психических процессов, явлений сознания заключается в том, что они непосредственно не воспринимаются ни одним из наших органов чувств. Ощущение, восприятие, представление, мысль нельзя ни видеть, ни слышать, ни обонять, ни осязать. Можно видеть орган мышления — мозг, можно при помощи микроскопа разглядеть мозговые клетки, можно при помощи соответствующих приборов изучать электрические токи, которые образуются в нервной ткани и в веществе мозга, и т. д., но никогда и нигде мысль нельзя ни увидеть в самый совершенный микроскоп, ни взвесить, ни измерить линейкой. Сознание, мысль не обладает физическими свойствами, какими обладают материальные тела. Однако из этого вовсе не следует, что оно принадлежит какому-то сверхъестественному миру, принципиально отличному от материального мира, и не зависит от материи. Из этого также не следует, что сознание вообще нельзя изучать строго научными объективными методами

Хотя мы непосредственно чувствами не воспринимаем самого сознания других людей, но мы воспринимаем реальные действия людей, их поступки, речь, в которой выражаются мысли людей. В целесообразной деятельности человека, в характере его взаимоотношений и связей с окружающей средой обнаруживается присущее ему сознание, раскрываются его особенности. Недаром говорится: «Чтобы узнать человека, надо посмотреть на дела его». Тщательное изучение практической деятельности человека, его взаимоотношений и связей с окружающей общественной и природной средой (а все это доступно объективному изучению) дает для изучения сознания человека неизмеримо больше, чем его самонаблюдение за тем, что происходит в его сознании. Правильно поставленное самонаблюдение за явлениями, протекающими в нашем собственном сознании, приносит много ценного материала

для изучения психики, и недооценивать этот метод нельзя. Но наука о сознании, о психической деятельности сделала особенно значительные успехи именно с той поры, как она нашла объективные методы исследования сознания. Особенно значительными достижениями в этом отношении наука обязана выдающимся русским ученым И. М. Сеченову и И. П. Павлову, создавшим на основе применения естественнонаучного метода стройную теорию высшей нервной деятельности животных и человека.

Психика является результатом материальной деятельности мозга. Об этом говорит прежде всего тот факт, что психические явления имеют место только в нормально функционирующих живых организмах, обладающих нервной системой. При этом наиболее сложные виды психических процессов (к числу которых относится и логическое абстрактное мышление), образующие в своем внутреннем неразрывном единстве и взаимообусловленности то, что мы называем сознанием, связаны с наличием наиболее высокоорганизованной нервной системы и ее высшего отдела — головного мозга. А чем ниже стоят животные на ступенях эволюционной лестницы и чем проще организована их нервная система, тем психические явления более элементарны. У самых простых существ, не обладающих центральной нервной системой, нет психических явлений.

Зависимость сознания от определенным образом организованной материи легко обнаруживается в тех случаях, когда нарушается нормальная деятельность мозга вследствие каких-либо травм или заболеваний. Если у человека повреждены большие полушария головного мозга, то его психика, его сознание полностью или частично расстраивается; устранение повреждений мозга или ликвидация мозгового заболевания ведут к восстановлению нормально действующего сознания. То, что сознание зависит от состояния мозга, видно уже из таких известных фактов, как усыпление людей и возбуждение у них галлюцинаций с помощью различных наркотиков.

Решающее значение для сознания человека имеет кора головного мозга. Это чрезвычайно сложное материальное образование, различные части которого обладают различными свойствами и различной структурой. Кора головного мозга разделяется на ряд полей — зрительное поле, слуховое поле, двигательное поле и т. д. Каждое из них характеризуется особым микроскопическим строением — формой клеток, расположением клеточных слоев — и играет определенную функциональную роль в деятельности всей коры головного мозга. Однако в строении этих областей вместе с тем есть и общие черты; головной мозг является единым целым. Поля коры головного мозга представляют собой корковые концы зрительных, слуховых, двигательных и других анализаторов[1]. Корковые части анализаторов (ядра ана-

[1] Анализаторы — сложные нервные механизмы, в которые входят кроме указанных корковых частей еще воспринимающие приборы, или рецепторы (концевые образования чувствительных нервных волокон, воспринимающих раздражение и преобразующих его в нервное возбуждение), и проводники, передающие возбуждение из рецепторов в кору головного мозга.

лизаторов) не отделены друг от друга какими-либо резкими границами; они заходят друг за друга, сцепляются друг с другом посредством особых невронных образований. Корковые части анализаторов выполняют наиболее высокие функции — анализ и синтез поступающих в мозг раздражений. Части коры, рассеянные между собственно анализаторами, представляют те же рецепторы и могут выполнять некоторые функции того же типа, что и сами корковые анализаторы, но только более элементарные. Вследствие этого нарушение деятельности какой-либо корковой части анализатора (в силу операции, травмы и т. п.) делает невозможным выполнение наиболее высоких функций, свойственных данному полю мозга, но рассеянные части анализаторов еще способны осуществлять элементарные функции, связанные с теми же рецепторами. И. П. Павлов показал это на следующих опытах: собака без затылочных долей полушарий (т. е. области зрительных восприятий и их высшего анализа и синтеза) не могла отличить предмет от предмета, но различала степени освещения и упрощенные формы; собака без височных долей (т. е. области слуховых восприятий и их высшего анализа и синтеза) не различала сложных звуков вроде кличек, но различала отдельные звуки, их тона. И. П. Павлов видел в этом решающее доказательство первостепенного значения структуры коры головного мозга в процессах высшей нервной деятельности. Опираясь на тщательные экспериментальные исследования, И. П. Павлов указывал, что, сделав больным тот или иной отдельный участок коры головного мозга животного, сохранив здоровыми остальные, можно вызвать у животного определенный вид расстройства высшей нервной деятельности.

Подчеркивая, как чрезвычайно важный, факт соответствия между деталями структуры головного мозга и динамикой нервных процессов, Павлов считал одним из основных принципов учения о высшей нервной деятельности «приурочение динамики к структуре». Этим самым он развивал положение диалектического материализма о психике как свойстве *особым* образом организованной материи, о психике как функции мозга.

Кора головного мозга не просто совокупность рядом сосуществующих, лишь внешне связанных отдельных структурных образований. Он подчеркивал их органическую взаимосвязь, единство. «Если, с одной точки зрения,— писал И. П. Павлов,— кору больших полушарий можно рассматривать как мозаику, состоящую из бесчисленной массы отдельных пунктов с определенной физиологической ролью в данный момент, то, с другой — мы имеем в ней сложнейшую динамическую систему, постоянно стремящуюся к объединению (интеграции) и к стереотипности объединенной деятельности»[1]. Это диалектическое понимание органической связи целого и частей в работе коры головного мозга является одной из важнейших отличительных черт учения И. П. Павлова. Он преодолел благодаря этому две ошибочные крайности в подходе к работе головного мозга: с одной стороны, так называемого локалистического направления, сторонники которого превращают в абсолют специфику деятельности отдельных участков головного мозга, игнорируя единство мозга; с другой стороны, направления, которое полностью игнорирует значение отдельных структурных образований мозга, видя только его единство.

Итак, сознание является продуктом мозга, продуктом высокоорганизованной материи, функцией мозга; мозг же является органом сознания, органом мышления.

Называя сознание продуктом материи, мы не хотим сказать, что сознание, порождаемое материей и зависимое от нее, существует как нечто внешнее ей, наряду с ней, подобно тому, как,

[1] *И. П. Павлов.* Полное собрание трудов, т. IV. М.— Л., 1947, стр. 195.

например, на ветке яблони существует порожденное ею и зависимое от нее яблоко. Физиологические процессы в мыслящем мозгу и мышление, сознание — не два параллельных процесса, *а один единый процесс*, внутренним состоянием которого и является сознание. В. И. Ленин подчеркивал, что «сознание есть внутреннее состояние материи...»[1] Таким образом, сознание никак нельзя отделить от материи, которая мыслит.

В то же время неправильно рассматривать мысль, сознание как материю, как нечто материальное (эту ошибку делают вульгарные материалисты). Если считать сознание материей, то «теряет смысл гносеологическое противопоставление материи духу, материализма идеализму» (Ленин). В пределах гносеологических исследований такое противопоставление сознания материи необходимо. Но «за этими пределами оперировать с противоположностью материи и духа, физического и психического, как с абсолютной противоположностью, было бы громадной ошибкой»[2].

Противопоставление материи сознанию в рамках гносеологии является абсолютным в том смысле, что это есть безусловное противопоставление первичного вторичному, извечно существующего — тому, что возникает лишь на определенном этапе развития природы. Но противоположность материи сознанию относительна в том смысле, что сознание никоим образом не может быть отделено от мыслящей материи и противопоставлено ей как нечто обособленное и самостоятельное. Сознание не есть что-то чуждое природе, а столь же естественный продукт ее, как и сами материальные объекты, обладающие этим сознанием.

Современная наука, достигнув значительных успехов в познании деятельности мозга, в изучении психических явлений, процессов сознания, ставит своей задачей не только объяснить эти явления, но и овладеть ими, управлять ими. «Можно быть уверенным,— писал И. П. Павлов,— что на пути, на который выступила строгая физиология мозга животных, науку ждут такие же поражающие открытия и с ними такая же чрезвычайная власть над высшей нервной системой, которые не уступят другим приобретениям естествознания»[3].

Как ни очевидны данные естествознания, философы-идеалисты пытаются оспаривать, что сознание — продукт, функция, свойство определенным образом организованной материи, что человек мыслит при помощи мозга. Так, Ф. Паульсен[4] заявлял, будто бессмысленно говорить, что мышление совершается

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 14, стр. 74.
[2] Там же, стр. 233.
[3] *И. П. Павлов.* Полное собрание сочинений, т. III, кн. I. Изд. Академии наук СССР, М.— Л., 1951, стр. 289.
[4] См. *Фридрих Паульсен.* Введение в философию. М., 1904, стр. 138.

в мозгу; по его мнению, с тем же правом можно утверждать, что мысли находятся в желудке или на Луне. Это «возражение» против материализма настолько нелепо, что один врач-психиатр заметил: только от сумасшедших и слабоумных я слышал, что их душа попала в желудок или на Луну.

Положение о том, что мысль, ощущение есть функция, свойство мозга, категорически отвергал субъективный идеалист Р. Авенариус, философские взгляды которого В. И. Ленин подверг глубокой критике в труде «Материализм и эмпириокритицизм». Свою точку зрения Р. Авенариус пытался обосновать ссылкой на то, что никто непосредственно не видел, как в мозгу порождаются ощущения. По его мнению, ощущения существуют всегда, только они не всегда осознаются нами; когда происходит передача материального движения (раздражения) в субстанцию, которую мы считаем ощущающей, то одновременно — но якобы не вследствие этого! — ранее существовавшие ощущения «освобождаются» и становятся осознанными. Ощущения, мысль, по Авенариусу, не являются функцией, продуктом мозга.

Согласимся на минуту с Авенариусом и допустим, что процессы в мозгу не порождают ощущений, а только как-то «освобождают» их. Тогда мы должны будем прийти к выводу, что, например, ощущение боли, которое я получил при порезе пальца ножом сегодня, у меня уже было накануне, до пореза; что ощущение запаха розы, которую я буду нюхать лишь завтра, уже есть у меня, только еще не осознано мной и т. д.

Можно ли, не порывая с самыми элементарными нормами научного, логического мышления, согласиться с Авенариусом? Конечно, нет. Любой человек буквально на каждом шагу констатирует тот очевидный факт, что его ощущения порождаются воздействием внешнего материального мира на его органы чувств. Только благодаря этому он и имеет возможность правильно ориентироваться в явлениях внешнего мира, преодолевать встающие перед ним препятствия, избегать неблагоприятных условий, находить благоприятные для своего существования и для своей деятельности. Авенариус и его сторонники возвращают нас к платоновской теории воспоминания души об идеях, виденных ею в «идеальном царстве».

Р. Авенариус упрекал естествоиспытателей, считающих мысль, ощущение функцией мозга, в том, что они совершают недопустимую «интроекцию», т. е. вкладывание в мозг мыслей и ощущений, которых там нет. Он утверждал, что якобы тем самым совершается отход от «естественного понятия о мире», ведущий к идеализму. Себя же Авенариус объявлял противником идеализма на том основании, что признавал одинаковую реальность и «я» и среды. Но в действительности Авенариус воевал с подлинно «естественным понятием о мире», т. е. с материализмом, и защищал идеализм, так как и «я» и среда для него по сути

дела лишь комплексы ощущений. В конце концов Р. Авенариус не доказывал, а просто постулировал то, что он хотел бы доказать: будто ощущения существуют без мыслящей материи, без мозга. «Так как мы еще не знаем всех условий ежеминутно наблюдаемой нами связи ощущения с определенным образом организованной материей,— указывает В. И. Ленин,— то поэтому признáем существующим одно только ощущение,— вот к чему сводится софизм Авенариуса»[1].

Некоторые современные идеалисты «не отрицают» того, что сознание связано с мозгом. Но эту связь они понимают так, что мозг есть лишь «инструмент» для проявления сознания, само же сознание считают независимым от мозга. Легко видеть, что это только иная формулировка ошибочной теории Авенариуса.

По-другому, чем Авенариус, подошел к вопросу о связи сознания и мозга субъективный идеалист Э. Мах. Чтобы не вступать в прямое противоречие с данными естествознания, свидетельствующими о неразрывной связи сознания, ощущения с материальными процессами в мозгу и нервной системе, Э. Мах пытался эти данные приспособить к своей философской доктрине, согласно которой тела суть комплексы ощущений. Но, как показал В. И. Ленин, эта попытка также привела к плачевным результатам. Так как мозг есть тело, значит, согласно Маху, он — комплекс ощущений. Но мозг принадлежит мне, а я также — комплекс ощущений; следовательно, когда мы что-нибудь ощущаем, мы должны сказать: один комплекс ощущений («я») с помощью другого комплекса ощущений (мозг) ощущает третий комплекс ощущений! Как ни запутано это нагромождение «комплексов ощущений», мы можем разобраться в нем, начав с исходного пункта. Легко видеть полнейшую ошибочность и эклектичность теории Э. Маха: сначала он объявляет, что все есть ощущения, а потом фактически признает противоположные взгляды, согласно которым ощущения связаны с процессами, представляющими собой обмен материальным движением между организмами и внешним миром.

Особым способом отрицают положение о сознании как функции мозга, так называемые психо-морфологические теории. По внешней видимости сторонники этих теорий рассуждают как будто правильно, выдвигая задачу найти те места в мозгу, в которых возникают психические процессы. Но по сути дела их взгляды противоречат данным современного естествознания и философски несостоятельны. Сторонники этого направления, поддерживаемого рядом современных зарубежных физиологов и неврологов, доходят до того, что утверждают, будто каждой точке головного мозга отвечает своя особая, абсолютно изолированная психическая функция: в одной из них якобы находится

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 14, стр. 40.

центр «узнавания чисел», в другой — «понимания фраз», в третьей — «узнавания букв», в четвертой — «образования образов одушевленных предметов», в пятой — «узнавания неодушевленных предметов», в шестой — личного «я», в седьмой — религиозного «я» и т. д. без конца. И хотя эти психические функции сопоставляются с особыми участками мозга, приверженцы психоморфологических теорий по существу отрицают внутреннюю связь между психикой и мозгом, отрывают психику от мозга. Расчленив мозг на обособленные частицы, оторванные друг от друга и от внешних воздействий, сторонники этих теорий утратили всякую возможность понять, как же головной мозг может осуществлять единую синтетическую деятельность. Поэтому оии приходят к представлению о психических функциях как о совершенно самостоятельных, только совпадающих по месту и времени с физиологической деятельностью коры головного мозга и протекающих по своим особым законам, ничего общего не имеющим с законами деятельности головного мозга. Фактически эти взгляды есть не что иное, как возрождение давно оставленного наукой дуализма, теории психофизического параллелизма, согласно которой мир представляет собой два ряда совершенно независимых процессов — физических и психических,— разыгрывающихся в двух принципиально различных субстанциях (материальной и духовной) и идущих как бы параллельно друг другу.

К этому же приходят и сторонники представления о мозге как о недифференцированной, бесструктурной массе. Не видя источника деятельности анализаторов в воздействии внешней среды, не видя специфики их работы, обусловленной различием внешних материальных воздействий, они пытаются истолковать психику как результат некоей единой, как бы разлитой по всему мозгу «активности мозга», «спонтанной энергии мозга», противостоящей его материальной основе. Таким образом, и они становятся на точку зрения психофизического параллелизма.

Работами И. П. Павлова и многих других ученых по исследованию высшей нервной деятельности все эти дуалистические теории полностью опровергнуты. Все возражения против важнейшей посылки материализма, доказанной естествознанием, что сознание есть свойство высокоорганизованной материи, остаются — и ие могут не остаться! — тщетиыми потому, что они в самой своей основе противоречат точным научным данным.

На этом примере видно, как важен всесторонний, диалектический подход к изучаемым явлениям для получения правильных выводов, к каким серьезным ошибкам ведет односторонний, метафизический подход.

2. Сознание — отражение материального мира

Итак, сознание есть продукт деятельности мозга. Но оно возникает и формируется в мозгу только благодаря материальной связи мозга с внешним миром. Мозг связан с внешним миром через периферические органы чувств: глаз, ухо, слизистые оболочки носа, сосочки языка, нервные окончания кожи и т. д.

Ощущения возникают в мозгу только тогда, когда до мозга доходит нервное возбуждение, вызванное раздражающим действием на органы чувств тех или иных материальных факторов. Так, слуховые ощущения вызываются действием звуковых волн на орган слуха; обонятельные ощущения — действием частиц веществ на обонятельные клетки, расположенные в носовой полости, и т. д.

Источником ощущений, таким образом, является внешний мир, материя, материальная среда, явления и предметы, ее составляющие.

Ощущения служат той основой, на которой строятся все явления сознания. Без ощущений сознание невозможно. Только через ощущения сознание приобретает свое содержание, свое богатство. Чем обширнее, разнообразнее связь сознания с окружающим материальным миром, тем более оно содержательно.

Известны случаи, когда люди от рождения бывают одновременно слепыми, глухими и немыми. Если не предпринимаются специальные меры помощи этим людям, то их существование в основном сводится к отправлению чисто физиологических функций и их сознание оказывается чрезвычайно бедным. Когда же благодаря помощи врачей удается восстановить хотя бы некоторые из утраченных органов чувств, сознание человека расширяется и обогащается, эти люди становятся полноценными членами общества, могущими вести активную творческую жизнь. Если бы мозг вообще не имел связи с внешним миром посредством органов чувств, то в нем не могли бы возникнуть ощущения, а значит, человек не обладал бы сознанием. «Когда человек, сильно утомившись физически, засыпает *мертвым сном*,— писал И. М. Сеченов,— то психическая деятельность такого человека падает, с одной стороны, до нуля — в таком состоянии человек не видит снов,— с другой, он отличается чрезвычайно резкой бесчувственностью к внешним раздражениям: его не будит ни свет, ни сильный звук, ни даже самая боль. Совпадение бесчувствия к внешним раздражениям с уничтожением психической деятельности встречается, далее, в опьянении вином, хлороформом и в обмороках. Люди знают это, и никто не сомневается, что оба акта стоят в причинной связи. Разница в воззрениях на предмет лишь та, что одни уничтожение сознания считают причиной бесчувственности, другие — наоборот. Колебание между этими воззрениями, однако, невозможно. Выстрелите над ухом мертво-спящего человека из 1, 2, 3, 100 и т. д. пушек, он проснется и психическая деятельность мгновенно появляется; а если бы слуха у него не было, то можно выстрелить теоретически и из миллиона пушек — сознание не пришло бы. Не было бы зрения — было бы то же самое с каким угодно сильным световым возбуждением; не было бы чувства в коже — самая страшная боль оставалась бы без последствий. Одним словом, человек, мертво-заснувший и лишившийся чувствующих нервов, продолжал бы спать мертвым сном до смерти.

Пусть говорят теперь, что без внешнего чувственного раздражения возможна хоть на миг психическая деятельность и ее выражение — мышечное движение»[1].

Одно и то же свойство какой-либо определенной вещи в тех же самых условиях возбуждает в нашем мозгу то же самое ощущение. Не бывает так, чтобы при тех же самых условиях один и тот же биллиардный шар, например, вызывал у нас в один момент ощущение белого цвета, а в другой момент — черного, потом зеленого или синего, затем снова белого и т. д.; или сейчас он вызвал бы ощущение гладкости, а вслед затем шероховатости; сначала возбуждал ощущение твердости, а спустя мгновение — мягкости и т. д. Свойства материальных объектов возбуждают в нас не какие-то случайные, хаотически сменяющиеся ощущения, а вполне определенные — такие, какие соответствуют их объективной природе. Если мы ощущаем запах некоторого вещества, то это значит, что данное вещество обладает способностью выделять в окружающее пространство свои мельчайшие частички, отличающиеся некоторыми физико-химическими свойствами, каких нет у частичек непахучих веществ. Пахучесть — объективное свойство. Наличие в воздухе частичек пахучего вещества может быть обнаружено, помимо органа обоняния, физическими и химическими способами.

Именно потому, что определенные свойства материальных объектов вызывают у нас определенные ощущения, мы и имеем возможность отличать эти свойства друг от друга. Одинаковые свойства тел, отличающиеся по их степени или интенсивности (большая или меньшая нагретость, больший или меньший вес и т. п.), вызывают в общем однотипные ощущения, отличающиеся, однако, особенностями, которые связаны с интенсивностью этих свойств. В сходстве и различии ощущений, вызываемых действиями материальных объектов, выражается сходство и различие свойств, принадлежащих этим объектам.

Материальные объекты обладают не одним, а многими свойствами: формой, весом, цветом, запахом, твердостью или мягкостью, гладкостью или шероховатостью и т. д. Наши органы чувств одновременно передают в мозг многообразные воздействия, источниками которых служат эти свойства. На основе этого в мозгу создается единое, цельное *восприятие* предметов. Восприятие — это совокупность ощущений, связанных друг с

---

[1] *И. М. Сеченов.* Избранные философские и психологические произведения. Госполитиздат, 1947, стр. 178.

В клинике знаменитого ученого С. П. Боткина находилась больная, не имевшая зрения и слуха, у которой была утеряна чувствительность кожи на всем теле, за исключением одной из рук. Эта больная обычно находилась в состоянии сна. Она пробуждалась только при прикосновении к руке, сохранившей чувствительность.

другом соответственно тому, как связаны друг с другом свойства предмета, вызывающего данное восприятие. Каждому материальному объекту соответствует определенное его восприятие субъектом; в особенностях восприятия выражается особенность материальных объектов, их сходства и различия.

Ощущения и восприятия соответствуют внешним предметам не так, как условные знаки или метки соответствуют обозначаемым ими вещам, а так, как копии предметов соответствуют самим предметам. Ощущения и восприятия представляют собой *изображения, снимки, образы* материальных объектов. Это положение является одним из краеугольных камней диалектико-материалистической теории познания. Естествознание дало бесспорные доказательства его правильности.

Обоснованию положения о том, что ощущения суть правильные изображения, образы, фотографии предметов внешнего мира, много содействовал И. М. Сеченов. Пользуясь тем методом доказательства, который дал Сеченов, убедимся в том, что зрительные ощущения действительно дают правильные изображения предметов, на которые мы смотрим.

Когда глаз обращен на какой-либо внешний предмет, на дне глаза — на так называемой сетчатке — образуется изображение этого предмета. Изображение по законам оптики строится хрусталиком, имеющим форму двояковыпуклой линзы. Но это физическое изображение не есть еще тот зрительный образ, который существует в сознании: оно лишь промежуточное звено между внешним предметом и образом в сознании, и мы не знаем, не трансформирует ли сознание изображение на сетчатке, создавая свой образ. Следовательно, мы имеем ряд из трех членов, связанных между собой: 1) внешний предмет, 2) изображение на сетчатке, 3) образ в сознании. Нас интересует вопрос: сходен ли образ в сознании (3) с внешним предметом (1)? Сложность вопроса состоит в том, что мы не знаем, каков предмет сам по себе, вне его образа в сознании; непосредственно нам дан только этот образ. Чтобы получить ответ на поставленный вопрос, необходимо идти обходным путем.

Возьмем обычную двояковыпуклую линзу. С ее помощью образуем на экране изображение того предмета, который мы рассматриваем. Изображение на экране и внешний предмет сходны между собой. Это сходство обеспечивается законами оптики. В их сходстве мы, кроме того, убеждаемся и непосредственно, сравнивая их друг с другом: и изображение на экране и рассматриваемый предмет для нашего глаза являются в равной мере внешними предметами; из сходства ощущений от обоих из них мы имеем право заключить, что они сходны между собой. Так как хрусталик глаза действует, как обычная линза (это можно доказать опытами), то, значит, и изображение, даваемое им на сетчатке, сходно с внешним предметом. Когда мы смотрим на экран, мы фактически видим то же, что имеется на сетчатке, ибо оба эти изображения получены одинаковыми физическими процессами. Когда же наши глаза устремлены на внешний предмет, наш мозг имеет дело с образом в сознании. Следовательно, глядя на экран и внешний предмет, мы, по существу, сопоставляем изображение на сетчатке с образом в сознании. Что же дает это сравнение? И. М. Сеченов так резюмирует его результаты: «Треугольник, круг, серп луны, оконная рама и т. п. на сетчатке чувствуются и сознанием, как треугольник, круг, серп луны и т. д. Расплывчатый образ на сетчатке дает расплывчатый образ и в сознании. Неподвижная точка рисуется неподвижной, летящая птица кажется движущейся; слабо освещенные места изображения сознаются оттененными, блестящие точки светятся и т. д. Словом, в отношении образов на сетчатке сознание является не менее

верным зеркалом, чем сетчатка с преломляющими средами глаза в отношении внешнего предмета. Если же 1-й член в ряду сходен со 2-м, а 2-й с 3-м, то и 3-й сходен с 1-м. Значит, *неизвестный внешний предмет, или предмет сам по себе, сходен с его оптическим образом в сознании»* [1].

Зрительные ощущения дают правильный образ не только каждого отдельного предмета, но и групп воспринимаемых предметов. Чтобы проверить это, можно применить то же рассуждение, что и выше, считая только всю группу одним сложным предметом, состоящим из разнородных частей.

Но верно ли глаз отражает взаимное расположение предметов в пространстве? И на этот вопрос наука отвечает утвердительно. Для оценки расположения предметов в пространстве, их удаленности от нас мы по очереди переводим глаза с одного предмета на другой и при этом больше или меньше сводим оси глаз к носу; если предмет расположен близко, глаза сводятся сильнее, если дальше — они сводятся меньше. Чувство, связанное с сокращением мышц, производящих поворот глаз, позволяет оценивать углы поворота, а с этим непосредственно связано ощущение удаленности предмета от нас. В сущности человек, окидывая взглядом окружающий его ландшафт, проделывает глазами те же геометрические операции, какие проделывают топографы, производящие топографическую съемку местности. И как геометрические построения топографов дают верную картину взаимного расположения предметов в пространстве, так же в общем верную картину этого расположения дают зрительные ощущения. Конечно, оценка углов угломерными инструментами производится более точно, чем мышцами, поворачивающими глаз. Вследствие этого и точность глазомерной съемки ландшафта будет меньшей; особенно это сказывается на значительно удаленных предметах. Но в общем и в этом отношении глаз верно воспроизводит действительность. Можно также показать, что глаз дает приблизительно верное отражение и относительной величины предметов.

Общим подтверждением правильности отражения внешнего мира в зрительных ощущениях может служить следующее. Человек, двигаясь даже на большой скорости между окружающими его предметами, нередко обладающими очень сложной формой и размещенными на его пути самым запутанным образом, успешно преодолевает все препятствия, руководствуясь показаниями глаз. Этот успех может быть достигнут только при том условии, что глаза дают верное и притом чрезвычайно быстро образующееся изображение предметов внешнего мира.

Отражениями, образами внешнего мира являются и другие ощущения. Можно поэтому говорить о световой и о звуковой

---

[1] *И. М. Сеченов*, Избранные философские и психологические произведения, стр. 333.

«фотографии» процессов внешнего мира. Наши звуковые ощущения верно отражают звуковые движения тел. О том, что это действительно так, мы можем судить по показаниям физических приборов, точно регистрирующих звуковые движения тел. Когда начинается звучание тела, тогда же возникает и ощущение звука. С прекращением звуковых движений кончается и звуковое ощущение. В тот момент, когда звуковые движения меняются по интенсивности, частоте и продолжительности, звуковые ощущения изменяются по громкости, тону и длительности. Различию в тембре воспринимаемого звука отвечает объективное различие в характере звукового движения и т. п.

Ощущению (и восприятию) как форме отражения мира присущи две важные особенности: 1) ощущение есть *непосредственное* отражение материального мира (между ощущением как элементом сознания и отражаемой им объективной реальностью нет никаких промежуточных звеньев); 2) ощущение есть отражение определенных свойств *конкретных* материальных объектов: не цвета вообще, а цвета данного предмета в данный момент, при данных обстоятельствах; не веса вообще, а веса данного тела в данный момент, при данных обстоятельствах и т. д.

Человек представляет собою не только биологическое, но и общественное существо. Органы чувств человека являются продуктом не только биологического, но и общественного развития. Трудясь, воздействуя на природу, человек одновременно изменялся сам, изменялись его органы чувств. Глаз орла видит дальше, чем невооруженный глаз человека, но орел не различает и сотой доли того, что способен видеть человеческий глаз. Зрение, как и слух, осязание, обоняние, есть результат исторического развития человека, результат его приспособления к условиям существования, особенностям его практической деятельности. Способности ощущать, воспринимать свойственны всем людям, однако художник, благодаря опыту своей работы, способен различать больше оттенков цветов, чем другие люди. Слух многих зверей способен уловить еле заметный шорох, но музыкально развитый человек способен слышать неизмеримо большее число звуков, чем самое чувствительное ухо животного, например собаки.

Восприятие мира человеком не пассивно созерцательное, не мертвенно-зеркальное, а активное. Человек ощущает, воспринимает предметы и явления окружающего мира в процессе труда, общественной преобразующей деятельности. Это дает ему возможность глубже познавать мир. В процессе восприятия человеком окружающего мира играют роль не только воспринимаемые объекты и органы чувств, но и весь накопленный человеком и человечеством исторический опыт.

С многими предметами окружающей нас среды мы имеем дело часто. Благодаря многократно повторяющемуся восприятию

одних и тех же предметов наш мозг приобрел способность воссоздавать цельные образы предметов не только тогда, когда они непосредственно возбуждают всю совокупность тех ощущений, которые они вообще способны вызывать у нас, но и тогда, когда они фактически вызывают только некоторые из группы этих ощущений. Когда я, например, смотрю на знакомый металлический подсвечник, то я его воспринимаю не как предмет, имеющий только определенную внешнюю форму, но как предмет твердый, холодный и тяжелый. Непосредственно подсвечник в данный момент не вызывает у меня ни осязательных, ни температурных ощущений, ни ощущений веса, так как я не прикасаюсь к подсвечнику. Но в прошлом такие ощущения возникали, когда я не только смотрел на подсвечник, но и брал его в руки, ощупывал, движениями руки оценивал его вес. Вследствие этого в моем сознании образовался прочный комплекс ощущений, дающий образ предмета в целом, *представление* о нем. Теперь, когда я только вижу подсвечник, получаю только зрительные ощущения, у меня по ассоциации возникает представление также о других свойствах этого тела.

Таким образом, мозг обладает способностью давать *представления* — образы таких предметов, которые в данный момент не вызывают в нас ощущений. Такие образы кажутся продуктом самопроизвольной деятельности сознания. Но это не так. Представления могут быть только о таких объектах, которые когда-либо реально вызывали в нас ощущения, следы которых и запечатлелись в мозгу. Подобно ощущениям и восприятиям, на основе которых они возникают, представления являются отражениями, образами материального мира.

Но как объяснить такие продукты психической деятельности мозга, как образы кентавра — получеловека-полулошади или русалки — полуженщины-полурыбы? Кентавров и русалок никто никогда не видел и не осязал, никаких ощущений кентавры и русалки не вызывали, поскольку их нет в природе. Тем не менее их умственные образы существуют. Не опровергается ли этим материалистическое положение, что ощущения, восприятия и представления суть образы, отражения объективной реальности, материального мира? Нет, не опровергается. Об этом ясно свидетельствуют те элементы, из которых созданы образы кентавра и русалки. Люди, которые никогда не видели лошади и рыбы, не могли бы создать образы кентавра и русалки.

Поскольку представления не связаны с наличием ощущений в данный момент, они обладают относительной самостоятельностью и могут быть в уме соединены друг с другом произвольно. Воображение человека может сочетать элементы самых разнообразных представлений, созданных на основе когда-то имевшихся ощущений и восприятий, но в конечном счете все эти элементы есть отражения объективной реальности.

Даже самая безудержная фантазия имеет дело с материалом, который доставили ощущения, отражая внешний мир. Продукты человеческой фантазии, какими бы удаленными от действительности они ни казались, являются правильным или искаженным отражением реальности. К числу превратных, искажающих действительность представлений относятся бог, черт и т. п.; но и в этих фантастических образах ясно видны земные, человеческие черты: богу и черту приписываются те или иные человеческие свойства, только в крайне преувеличенном виде.

В отличие от ощущений и восприятий в представлении предметы и явления внешнего мира отражаются не со всем многообразием индивидуальных особенностей, а без ряда деталей; в представлении выдвигаются на первый план некоторые *общие, типические* черты сходных предметов и явлений.

Мышление, оперирующее *понятиями,* тоже является отражением внешнего мира. Эта форма отражения мира также невозможна без ощущений. Но в отличие от ощущений, восприятий и представлений мышление не имеет конкретно-чувственного характера и отражает не только отдельные вещи и явления, а главным образом *общее* в вещах и явлениях, их внутреннюю сущность, свойственные им связи, закономерности. Это обобщенное отражение действительности осуществляется абстрактным мышлением с помощью *понятий.*

Возьмем, например, понятие «масса». По своему содержанию оно является отражением того объективного свойства, общего для всех без исключения материальных тел (будь они большими или маленькими, гладкими или шероховатыми, черными или белыми, холодными или горячими, пахучими или не обладающими запахом и т. д. и т. п.), что для определенного изменения их скорости за данный промежуток времени к ним требуется приложить определенную силу. При этом не имеют значения не только особенности тел, но и различия в типе тех сил, которые прикладываются к этим телам. Но, чтобы привести к пониманию того, что в телах есть это общее для них свойство, отражаемое в понятии «масса», ощущения должны были отразить в мозгу человека миллионы конкретных случаев изменения скорости тел под воздействием многообразных сил.

Правильным отражением материального мира являются все подлинно *научные теории,* какими бы отвлеченными и абстрактными по своей форме они ни были. Возьмем теорию трудовой стоимости. Категория стоимости — это абстракция, но она глубоко и правильно отражает сущность явлений товарно-капиталистического общества, отношения товаропроизводителей. Она, и только она, дает возможность понять и источник прибавочной стоимости при капитализме, и взаимоотношения класса пролетариев и капиталистов. Или возьмем теорию движения «идеальной жидкости» в гидродинамике. «Идеальная жидкость» — такая жидкость, которая не обладает внутренним трением (вязкостью) и теплопроводностью. Жидкости, в точности обладающей такими свойствами, в природе нет. Значит ли это, что теория движения

такой жидкости не отражает ничего реального? Нет, не значит. В определенных условиях у некоторых жидкостей вязкость так мала, что она не оказывает существенного влияния на характер их движения; несущественной оказывается и их малая теплопроводность. Понятие «идеальная жидкость» является отражением реальной жидкости именно в таких условиях, а теория движения «идеальной жидкости» — отражение течения реальной жидкости.

«Теория физиков,— отмечал Ленин,— оказывается отражением существующих вне нас и независимо от нас тел, жидкостей, газов, причем отражение это, конечно, приблизительное, но «произвольным» назвать это приближение или упрощение неправильно» [1]. То же относится и ко всем научным теориям в других отраслях знания.

Отражение мира в абстрактном мышлении не является непосредственным, ибо между мыслью и объективной реальностью стоят ощущения, восприятия и представления.

Правильное и всестороннее познание достигается долгой и трудной работой ума. Эта работа может сопровождаться и ошибками. К таким ошибкам, например, относятся существовавшие некогда понятия «теплорода» — невесомой тепловой материи, а также «флогистона» — особого «начала» горючести. Но даже и в этих ошибочных понятиях отражались некоторые особенности реальных явлений. Так, в понятии «теплорода» отразились некоторые свойства тепловых потоков, что позволило создать теорию теплопроводности, основные положения которой сохранили свое значение до сих пор.

Как можно отличить верное знание, объективное отражение материального мира от ошибок и заблуждений? Имеется ли в распоряжении человечества надежное средство для проверки правильности отражения действительности сознанием? Да, такое средство имеется. Это — практическая деятельность людей. В главе IX мы специально остановимся на вопросе о критерии истины и выясним диалектику познания, законы его развития.

«Основное отличие материалиста от сторонника идеалистической философии,— подчеркивал Ленин,— состоит в том, что ощущение, восприятие, представление и вообще сознание человека принимается за образ объективной реальности. Мир есть движение этой объективной реальности, отражаемой нашим сознанием. Движению представлений, восприятий и т. д. соответствует движение материи вне меня» [2].

Способность мозга отражать внешний мир в ощущениях, представлениях и понятиях, конечно, поразительна. Это и дало идеалистам повод поставить сознание в исключительное положе-

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 14, стр. 53.
[2] Там же, стр. 254.

ние по отношению ко всем явлениям мира, по сути дела обожествить его, наделив сверхъестественной силой. Но ничего сверхъестественного в нем нет. Сознание — одно из свойств материи. Правда, оно присуще только особым образом организованным материальным телам. Но это не значит, что сознание возникает в организованной материи совсем внезапно, не имея основания в каких-то других, более простых свойствах материи.

Ощущение закономерно вырастает из развития и совершенствования способности отражения, присущей *всей материи*. Ленин указывал, что неправильно думать, будто вся материя «сознательна», но «логично предположить, что вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения...» [1]

Что же это за свойство? Все без исключения материальные тела так или иначе взаимодействуют друг с другом. Простейшая форма отражения, присущая всей материи, есть такое изменение одних материальных объектов под воздействием других, при котором особенности внешних воздействий как-то воспроизводятся, запечатлеваются в материальных объектах. Хорошо известна такая форма отражения в неорганической природе, как отражение предметов в зеркале. Сущностью его является перераспределение лучей светового потока под воздействием предметов и зеркала. Пространственное перераспределение лучей — это реакция светового потока на воздействия предметов и зеркала, а в особенностях перераспределения лучей запечатлеваются особенности отраженных предметов. Изменение свойств железа под действием магнитного поля есть тоже своеобразное отражение. Изменение свойств железа является его реакцией на внешнее воздействие, а в его намагниченности запечатлеваются особенности последнего.

Характер отражения, являющегося результатом внешних воздействий, определяется как природой воздействий, так и особенностями, качественной спецификой отражающего тела. Возникновение все более сложных материальных объектов, могущих вступать во все более сложные связи и взаимодействия с другими телами, ведет к появлению новых, более сложных форм отражения. Наиболее простым из известных материальных объектов соответствует *физическая форма отражения*, выражающаяся в таком изменении физического состояния этих объектов и появлении таких физических реакций, которые стоят в закономерном отношении к этим внешним воздействиям. Так, электрон отвечает на воздействующее на него внешнее электрическое поле изменением скорости (ускорением), изменением структуры собственного поля, испусканием электромагнитного излучения. В этих изменениях определенным образом запечатлеваются особенности воздействующего поля. В области химических процессов можно говорить и об особой *химической форме отражения*.

С появлением белковых тел возникла новая, присущая им форма отражения — *чувствительность*. Белки обладают необычайной пластичностью и

[1] *В. И. Ленин*. Соч., т. 14, стр. 81; см. также стр. 34.

глубоко реагируют на воздействия внешней среды. При одних воздействиях происходит более или менее резкое изменение физических и химических свойств белка (необратимая или обратимая «денатурация белка»); при других имеют место очень тонкие изменения структуры, адекватные новым условиям среды, и появление новых каталитических свойств (т. е. свойств резко ускорять или замедлять течение химических реакций), обладающих приспособительным характером по отношению к изменившимся внешним условиям. Одним из проявлений чувствительности белковых тел является их способность изменять свои размеры и форму под действием внешних факторов, связанная с наличием в структуре белка особых частей — реактивных или функциональных групп.

Возникновение живого вещества сопровождалось появлением еще более сложной *биологической формы отражения — раздражимости*, по отношению к которой чувствительность белков является только своего рода «химическим предшественником». Раздражимость есть способность всего живого отвечать на внешние воздействия ускорением или ослаблением обмена веществ, изменением скорости роста, пространственным перемещением и т. п., в результате чего достигается приспособление организма к изменившимся условиям среды. Развитие жизни шаг за шагом вело к усложнению этой формы отражения.

На основе углубляющейся специализации функций различных тканей и частей тела организмы в ходе их эволюции достигали все большего совершенства в отражении условий внешней среды. Вместе с тем происходило и изменение строения самих организмов, совершающееся соответственно условиям окружающей среды.

Организм и среда — единство. Это составляет важнейшее положение мичуринского учения о развитии живой природы. Оно позволяет рассматривать биологическое отражение с очень широкой точки зрения. Биологическим отражением следует считать не только те или иные конкретные реакции организмов на данные воздействия внешней среды в данный момент времени, но и весь бесконечный эволюционный процесс развития организмов, в ходе которого они адекватно приспосабливаются к изменяющимся условиям внешней среды.

С возникновением у организмов развитой нервной системы, выросшей из тех тканей, которые специализировались в передаче раздражений, биологическое отражение приобрело новые черты, имеющие принципиальное значение. Конечно, сущность биологического отражения не изменилась — оно попрежнему состоит в установлении такой связи организма со средой, при которой особенности организма, его действия приводятся в соответствие со средой. Но при наличии центральной нервной системы связи организма со средой устанавливаются не только через посредство таких факторов среды, которые имеют для животного прямое биологическое значение, но и через посредство множества факторов, не имеющих непосредственного биологического значения. Эти последние служат лишь предвестниками, сигналами появления факторов, имеющих для животного прямое биологическое значение. Подобные связи устанавливаются в процессе индивидуального развития животных в тех случаях, когда действие некоторого фактора, не имеющего прямого биологического значения, по тем или иным причинам непосредственно предшествует действию на животное некоторого фактора, обладающего существенным биологическим значением. Если такое совпадение имело место достаточное количество раз, то даже тогда, когда фактор прямого биологического значения будет отсутствовать, наличие одного второго фактора вызовет у животного ту же реакцию, какую вызывал первый фактор, имеющий непосредственное жизненное значение. Так, если перед кормлением собаки у нее на глазах где-то поблизости зажигается лампочка, то после ряда таких совпадений появления пищи и зажигания лампочки у собаки будет выделяться слюна даже тогда, когда лампочка загорается, а пища отсутствует. Зажигание лампочки, не имеющее непосредственного биологического значения и являющееся само по себе для собаки совершенно без-

различным, при этих условиях стало служить для нее *сигналом* появления пищи — фактора, имеющего биологическое значение. Этот сигнал вызывает ту же реакцию, что и сигнализируемый светом лампочки фактор. Ответные реакции животных не на факторы прямого биологического значения, а на их сигналы, вырабатываемые каждым животным в процессе его индивидуальной жизни, на основе его опыта существования в данных условиях, были впервые открыты И. П. Павловым, который назвал их *условными рефлексами*. До открытия Павлова были известны только врожденные рефлексы, названные Павловым *безусловными*, представляющие собой ответные реакции животных на непосредственные биологические факторы, реакции, которые выработаны в процессе эволюционного развития животных данного вида, прочно закреплены и передаются по наследству из поколения в поколение. К безусловным рефлексам относятся, например, выделение слюны у животных при приеме пищи, моргание при внезапном появлении какого-то предмета перед глазами и т. п. Наиболее сложные безусловные рефлексы называются инстинктами. Названием «условный» подчеркивается то обстоятельство, что та же самая реакция животного могла бы при соответствующих условиях вызываться любым другим биологически безразличным фактором, если бы его действие совпадало по времени с действием фактора биологического. Условные рефлексы подвижны и изменчивы. Одни из них могут пропадать, если условия, при которых они возникли, не повторяются, а другие возникать соответственно изменяющимся условиям жизни животного. Именно с их помощью происходит наиболее совершенное приспособление высокоразвитых организмов к окружающей среде. Безусловные же рефлексы, очень устойчивые и характерные для всего данного вида животных в целом, являются той основой, на которой формируются рефлексы условные. Между рефлексами обоих типов нет абсолютной, непереходимой грани. Как указывал И. П. Павлов, существует возможность превращения условных рефлексов в безусловные.

Совокупность безусловных и условных рефлексов животных есть не что иное, как наиболее высокая форма отражения ими условий их существования; в безусловных рефлексах отражено то, что является почти совсем не меняющимся на протяжении жизни вида; в условных рефлексах запечатлено многообразие меняющихся факторов, воздействующих на животное, и многообразие его связей со средой. Отражение мира в рефлексах подчиняется особым закономерностям, раскрытым в учении И. П. Павлова об условных рефлексах, о высшей нервной деятельности, являющемся великим достижением современного естествознания.

Особое значение условного рефлекса в ряду других форм отражения, присущих различным по своей сложности видам материи, состоит в следующем: во-первых, условный рефлекс является видом деятельности высшего отдела центральной нервной системы животных — их головного мозга; во-вторых, условный рефлекс уже не есть чисто физиологический процесс, но является вместе с тем и *психическим явлением*. Это — наиболее элементарное психическое явление.

В ходе развития животного мира условно-рефлекторная деятельность головного мозга постепенно усложнялась и совершенствовалась. Однако она не была лишь пассивным следствием биологического эволюционного процесса. Раз возникнув, она стала действенной силой этого процесса. Наличие отражения действительности в условных рефлексах создало чрезвычайно благоприятные условия для ускорения эволюции животного мира, так как благодаря этому отражению обеспечивалась быстрая и адекватная перестройка функций и строения организма в соответствии с условиями среды. Тем самым приближалось на-

ступлеиие той эпохи, когда на Земле впервые появился человек с присущей ему специфической *человеческой формой отражения действительности — сознанием.*

Рассмотрим характерные черты этой новой формы отражеиия. Животные отражают внешиюю среду только в связи с их чисто биологическими потребиостями — в первую очередь то, что иепосредствеино отиосится к основиым биологическим условиям их существования, и из остального миогообразия явлеиий окружающего мира то, что стало сигиалами этих биологических условий. Это отражение не является осозиаиным. Главиую роль в ием играет отражение с помощью сигиалов. Сигналами действительности служат для животиых явления абиотического характера, вступившие во времеииую связь с биотическими явлеииями. Совокупиость таких сигналов, выражающую все богатство связей животиого с виешиими условиями, И. П. Павлов назвал *первой сигнальной системой.* У животных оиа является единственной. Так как сигналами этой системы служат лишь конкретиые тела и явления, то и складывающаяся на ее основе психика животных, даже в самых ее иаивысших формах, оказывается конкретио-чувственным отражением.

Первая сигнальная система свойственна не только животным, ио и человеку. У детей в самые раиние годы их жизни она является основиой; у взрослых людей она также заиимает существеииое место. Но у человека она является не единственной и далеко не исчерпывает всего содержаиия человеческой формы отражеиия действительиости. Решающую роль у человека играет *вторая сигнальная система,* которая кореиным образом отличает свойственный ему способ отражеиия от отражеиия даже у самых высших животных. Вторую сигнальную систему образуют слова — слышимые и видимые, человеческая речь. Слова — такие же реальные раздражители, как и все другие виешние раздражители, но их особенность в том, что они служат обозиачеиием, сигиалами тех тел или явлений, которые образуют первую сигиальную систему. Следовательио, они являются сигналами сигиалов.

«В человеке,— писал И. П. Павлов,— прибавляется... другая система сигиализации, сигиализация первой системы — речью... Этим вводится новый принцип нервной деятельности — отвлечение и вместе обобщение бесчисленных сигиалов предшествующей системы...— принцип, обусловливающий безграиичиую ориентировку в окружающем мире и создающий высшее приспособлеиие человека — науку...» [1]

Уже из той роли, которую играет слово, речь по отиошению к первой сигнальной системе (это сигиалы сигналов), следует,

---

[1] *И. П. Павлов.* Полное собрание сочинненй, т. III, кн. 2, стр. 214—215.

что обе сигнальные системы функционируют не изолированно, а в тесной связи и взаимодействии друг с другом. Вторая сигнальная система вырастает только на основе первой и несет на себе следы ее особенностей; первая в силу наличия второй сигнальной системы формируется как осознанное чувственное отражение.

То, что отражено в первой сигнальной системе и что затем сигнализируется словом, становится *осознанным*. Осознанный характер человеческого отражения является главной его особенностью, отличающей его от отражения, свойственного животным. Подчеркивая эту особенность, его и называют *сознанием*.

Человеческая форма отражения (сознание) имеет еще одну важнейшую черту: сознание оказывается чрезвычайно активным фактором в трудовом воздействии человека на природу. Благодаря труду человек устанавливает соответствие между собой и внешними условиями не только путем изменения себя, своих действий, но и путем изменения внешних, природных условий. Животные же только приспосабливаются к внешней среде. Сознание человека, явившееся продуктом исторических, общественных условий его существования, его общественной практики, само становится могучим фактором в практической деятельности.

По своему источнику и общему содержанию сознание обусловлено объективной реальностью. В этом смысле его нельзя считать чем-то совершенно самостоятельным. Но вместе с тем сознание не является отражением только того, что существует в мире лишь в данный момент и в данных условиях. Творческая деятельность разума на основе законов мышления преобразует образ настоящего в новый образ, соответствующий иным условиям и более или менее отдаленному будущему. В этом состоит относительная самостоятельность сознания. Сознание может опережать действительный ход событий, предвидеть его результат и, таким образом, побуждать человека к планомерной деятельности, направленной либо к тому, чтобы достигнуть этого результата, либо избежать его. Заранее предвидимый итог развития событий, к которому человек стремится и в достижении которого его деятельность играет существенную роль, мы называем целью. Постановка целей, активное изыскание средств и путей для достижения даже самых отдаленных целей — характернейшая черта сознания. На основе этого и строится практическая деятельность людей. Как метко сказал Гегель, «разум столь же *хитер*, сколь *могуществен*. Хитрость состоит вообще в опосредствующей деятельности, которая, дав объектам действовать друг на друга соответственно их природе... не вмешиваясь вместе с тем непосредственно в этот процесс, все же осуществляет лишь *свою собственную* цель» [1].

[1] *Гегель*. Энциклопедия философских наук. М., 1929, стр. 318—319.

В факте относительной самостоятельности сознания проявляется своеобразная диалектическая противоречивость, свойственная ему. Чем ближе сознание к действительности, чем точнее, полнее сознание отражает бытие, тем большей степенью самостоятельности оно обладает, ибо тем сильнее оно может отвлекаться от настоящего, тем в более отдаленное будущее может устремляться, не лишаясь своей содержательности, не превращаясь в химеру и пустое измышление.

Осознанность отражения людьми внешнего мира делает их поведение контролируемым их собственным разумом. Человек не является автоматом, подчиняющимся действию каких-то «подсознательных», «иррациональных» сил, «слепых инстинктов», как это стремятся представить, например, фрейдисты. Разум и воля играют огромную роль во всем поведении человека. Это отличает его от животных и возвышает над всей остальной природой, частью которой он является. Но человек — не только природное, а прежде всего социальное существо. Поэтому в его поведении, как мы увидим ниже, решающее значение приобретают именно условия его социального бытия. Эти условия определяют его разум, сознание и волю (см. об этом в разделе «Исторический материализм»).

Рассмотрение исторического пути развития того свойства материи, которое В. И. Ленин назвал свойством отражения, приводит нас, таким образом, к выводам: 1) сознание появилось только на определенном этапе развития материи; 2) сознание неразрывно связано с наиболее высокоорганизованным видом материи — головным мозгом человека, является его функцией; 3) по самому своему происхождению, по своему содержанию, по своей роли сознание является не чем иным, как наиболее совершенным отражением материального мира; 4) как сам человек, так и его сознание являются результатом труда.

Эти выводы служат подтверждением глубокой правильности решения основного вопроса философии, даваемого марксистской философией; из них вытекает, что материя первична, а сознание вторично. Это надо понимать не только в том смысле, что сознание порождается материей, но и в том, что содержание сознания определяется той материальной действительностью, которую оно отражает.

История развития свойства отражения вместе с тем дает ответ и на вопрос о познаваемости мира. Если с самого начала сознание возникало и формировалось как свойство отражения мира, как средство ориентировки в окружающей материальной действительности, то самый факт надежности ориентировки говорит о том, что сознание, проверенное практикой, представляет собой *верное* отражение действительности.

3. Критика «теории символов». Адекватность отражения мира в сознании

Положение о том, что сознание есть отражение материального мира, является основой материалистической теории познания. Если сознание есть отражение внешнего мира, то, значит, оно вторично по отношению к этому миру, а мир существует объективно, независимо от сознания. Ибо отражение не может существовать без того, что отражается, а отражаемое существует независимо от своего отражения. Признать это — значит отвергнуть точку зрения идеализма и стать на точку зрения материализма.

Одним из аргументов, при помощи которых идеалисты пытаются опровергнуть *теорию отражения*, служит тот факт, что, например, световые ощущения порождаются не только действием света на глаз, но и другими воздействиями, в частности ударом по глазу или электрическим током. На основании этого немецкий физиолог И. Мюллер создал теорию, согласно которой ощущения зависят не от воздействий предметов внешнего мира, а от самих органов чувств, от присущей им «специфической энергии». Каково бы ни было воздействие на глаз, он всегда отвечает одним и тем же — световым ощущением; подобное относится и к другим органам чувств. Значит, заключил Мюллер, наши ощущения не являются отражениями окружающего нас материального мира. Эти взгляды Л. Фейербах назвал «физиологическим идеализмом». Соображения, выдвинутые «физиологическими идеалистами», не могут быть признаны убедительными.

Правильно подчеркивая специфичность реакции органов чувств, И. Мюллер, однако, ошибочно трактовал эту их специфичность как некое изначально данное свойство. В действительности эта их способность не независима от внешних воздействий, а обусловлена природой внешних раздражителей. Она сложилась в долгом эволюционном процессе на основе приспособления функций органов чувств к действию определенных внешних раздражителей. Следовательно, уже само формирование такой способности органов чувств является отражением условий существования организмов. Глаз, например, приспособился к восприятию воздействий световых лучей; он воспроизводит на сетчатке структуру световых пучков, и на основе возбуждения в мозгу рождается зрительное ощущение — образ, сходный с рассматриваемым предметом. Конечно, различные раздражители действующие на один и тот же орган чувств, в частности на глаз, могут вызывать ощущения одинакового типа. Но нельзя игнорировать огромную разницу между тем световым ощущением, которое мы получаем, разглядывая, скажем, развернувшийся перед нами пейзаж, и тем ощущением, которое возникает при ударе по глазу. Первое — определенная осмысленная картина, полная гармонии

красок и форм, обладающая четко выраженной структурой, закономерным соподчинением всех частей. Второе — нечто неопределенное и бесформенное, не имеющее ясного образа, структуры и индивидуальности. По своей основе световые ощущения, полученные от рассматривания предметов и от удара по глазу, как будто сходны. Нервная система и мозг в обоих случаях имеют дело с одинаковым по типу, по природе материалом, подобно тому как одинаковы краски и на палитре и на картине. Но этот материал имеет совершенно различную форму (хаос цветовых пятен на палитре и картина), и это-то различие как раз и имеет решающее значение. Благодаря соответствующей форме световые ощущения и создают образы предметов внешнего мира.

Выдающийся естествоиспытатель XIX в. *Г. Гельмгольц,* будучи сторонником взглядов Мюллера, считал, что, хотя ощущения и возникают от действия внешних предметов на органы чувств, они тем не менее никакого сходства с этими внешними предметами не имеют, а являются всего лишь их символами или знаками. Гельмгольц в своем труде «Физиологическая оптика» писал: «...Я обозначил ощущения как *символы* внешних явлений и я отверг за ними всякую аналогию с вещами, которые они представляют»[1]. Это была очень серьезная ошибка, подрывающая исходную материалистическую посылку Гельмгольца о существовании предметов вне наших ощущений.

В одной из своих работ Г. В. Плеханов, излагая в целом правильные материалистические взгляды, назвал ощущения не отражениями, не образами, не копиями материальных предметов, а их как бы иероглифами. Ввиду исключительной важности этого вопроса В. И. Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм» специально разобрал теорию символов, или иероглифов.

Теория символов, или иероглифов, вносит в теорию познания недоверие к показаниям органов чувств. Она ведет к сомнению в существовании предметов вне нас, так как символы, знаки или иероглифы возможны и по отношению к тому, чего на самом деле нет. Примером таких символов мнимых предметов являются изображения богов в различных религиях.

Органы чувств открывают нам объективную реальность; с их помощью мы познаем ее — это признает каждый человек, не сбитый с толку идеалистической философией. «Теория символов,— писал Ленин,— не мирится с таким (всецело материалистическим, как мы видели) взглядом, ибо она вносит некое недоверие к чувственности, недоверие к показаниям наших органов чувств. Бесспорно, что изображение никогда не может всецело сравняться с моделью, но одно дело изображение, дру-

---

[1] Цит. по кн.: *В. И. Ленин.* Материализм и эмпириокритицизм. Соч., т. 14, стр. 220.

гое дело символ, *условный знак*. Изображение необходимо и неизбежно предполагает объективную реальность того, что́ «отображается». «Условный знак», символ, иероглиф суть понятия, вносящие совершенно ненужный элемент агностицизма»[1].

Таким образом, нельзя быть до конца последовательным в теории познания материализма, не защищая той точки зрения, согласно которой ощущения — это отражения, образы, копии предметов и явлений материального мира, а не их условные знаки или иероглифы. Считать ли ощущения образами, копиями предметов внешнего мира или их символами, это спор не о словах, не о терминах, а о самом существе теории познания.

Пытаясь посеять недоверие к показаниям органов чувств, ведущее, как мы видели, к сомнению в существовании объективной реальности и даже к ее прямому отрицанию, противники материализма очень часто ссылаются на так называемые «обманы чувств».

Возьмите, говорят они, такой факт: в одной и той же комнате, в одних и тех же условиях находятся металлический и деревянный предметы. Вы прикасаетесь рукой сначала к одному из них, а затем к другому и ясно ощущаете, что металлический предмет холоднее деревянного. Но вы берете термометр и убеждаетесь в том, что на самом деле температура обоих предметов одинакова. Чувства явно обманули вас! Более того, органы чувств могут дать в одно и то же время прямо противоположные показания об одном и том же предмете. Подержите правую руку в горячей воде, а левую — в холодной, после чего опустите их в сосуд с водой комнатной температуры. Правая рука будет свидетельствовать, что эта вода холодная, а левая — что вода теплая. Что же правильно? Можно ли в таком случае положиться на показания органов чувств?!

Но действительно ли показания нормально функционирующих органов чувств обманывают нас и не дают правильного отражения объективной реальности? Рассмотрим названный пример. Температура нашей руки около 36° С, температура же рассматриваемых предметов комнатная, т. е. 18—20° С. Когда мы прикасаемся к ним, то теплота переходит от руки к этим предметам, так как по законам физики теплота переходит от более нагретых тел к менее нагретым. Но в случае деревянного предмета отток тепла с руки идет медленно, потому что дерево проводит тепло плохо и в основном нагревается только та его часть, с которой рука находится в прямом контакте. В случае же металлического предмета отток тепла с руки идет интенсивно, так как металл хорошо проводит тепло и оно распространяется по всему металлическому предмету. То, что показывают кожные ощущения руки, соприкасающейся с деревянным и металлическим предметами,

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 14, стр. 223.

как раз и отражает разницу в скорости тепловой отдачи. Эти ощущения не только не обманывают нас, но, наоборот, отражают нам новую сторону действительности — различную теплопроводность дерева и металла и наталкивают нас на необходимость тщательного изучения действительности.

Так же разъясняется и противоречивость показаний органов чувств. Они не обманывают нас, а отражают то, что процессы в телах идут по-разному в зависимости от того, что происходило с телами раньше, какова была их предыдущая «история», до начала данного процесса. В нашем случае правая рука была нагрета, а левая — охлаждена. Когда же мы их погрузили в одну и ту же воду, правая рука стала охлаждаться, а левая — нагреваться. Именно это и показывают наши ощущения.

Из сказанного следует, что показания органов чувств, являющиеся источником всех наших знаний о мире, надо *уметь* правильно читать и анализировать, и тогда окажется, что они отражают гораздо больше и правильнее, нежели мы думали первоначально. Пусть это не удивляет нас. Фактически в нашей жизни мы постепенно учимся раскрывать смысл того, что дают нам показания органов чувств. Ребенок в раннем детстве не воспринимает различия в удаленности предметов; Луна ему кажется не более далекой, чем мячик, и он с одинаковым старанием хочет схватить и то и другое. Взрослый слепорожденный, которому с помощью операции восстановили зрение, в первое время после операции не воспринимает удаления предметов; ему кажется, будто все вещи находятся вблизи от него, и он боится наткнуться на предметы, от которых он находится далеко. Только постепенно он приобретает умение правильно пользоваться органом зрения и с его помощью открывает все новые и новые стороны действительности. Но «уметь пользоваться» органами чувств — значит связывать их деятельность с деятельностью мышления. Только в неразрывном единстве ощущений и мышления достигается правильное отражение действительности.

Итак, не может быть и речи о принципиальном недоверии к показаниям органов чувств. Но это не означает, что ощущения создают совершенно точный образ объективной реальности в тот самый момент, как только она становится предметом восприятий наших органов чувств. Первоначально возникший образ материальных предметов постепенно уточняется, обогащается, совершенствуется на основе многократно повторяющихся восприятий, работы мысли и ее проверки различными органами чувств, на основе многосторонней практической деятельности человека.

Отражение вещей в нашем сознании не есть однократный мгновенный акт, не есть неподвижный мертвый слепок, а *процесс*, проходящий различные стадии, активный процесс исканий, проб, иногда приводящий к отлету мысли от реальности. Как художник, вооружившийся холстом и красками, не может

создать картину, если он будет пассивно сидеть около них, не работая кистью, так и другие люди не смогут глубоко отразить в сознании внешний мир, если они не будут активными и деятельными, ставя вещи в различные отношения друг к другу. О том, как именно происходит процесс познания, какова его диалектика, будет сказано в главе IX.

В. И. Ленин указывал, что «ощущение есть субъективный образ объективного мира...» [1] Это значит, что образ (отражение) существует в сознании субъекта, что он не материален, а *идеален*. То, что он таков, обусловлено строением и природой деятельности нервной системы, мозга. Но этот субъективный образ есть отражение *объективного* мира. Отражение материального мира в сознании объективно по своему происхождению, по своему источнику, по своему содержанию. В наших ощущениях, в сознании благодаря этому есть то, что не зависит от субъекта, не зависит от сознания человека и человечества. Такие представления и мысли, содержание которых соответствует объектам, отражаемым сознанием, адекватно этим объектам и потому не зависит ни от человека, ни от человечества, называются *объективной истиной*.

Признание объективной истины является одним из основных положений материализма. «Быть материалистом,— писал Ленин,— значит признавать объективную истину, открываемую нам органами чувств» [2].

Тот факт, что существует объективная истина, означает, что мир не только материален, но и познаваем, ибо познаваемость мира и есть возможность постижения объективной истины. Признанием объективной истины материализм дает правильное решение и второй стороны основного вопроса философии и опровергает агностицизм.

То, что сознание дает правильный образ действительности не сразу, а лишь шаг за шагом, вводит агностика в бездну сомнений. Он недоумевает: можем ли мы в таком случае познать объективную реальность? А раз сомнительно, познаем ли мы ее правильно, то как же мы можем знать, существует ли сама эта объективная реальность?

Но все эти сомнения — плод метафизического, антидиалектического подхода к процессу познания. Из того, что действительность не познается нами сразу вся, не вытекает вывод, будто то, что известно о ней теперь, неправильно. Субъективные идеалисты, агностики отрицают объективную истину. Но ее существование выражается уже в том, что, исходя из наших знаний о вещах, о внешнем мире, мы на практике получаем в общем те результаты, которые мы ожидаем. Если же этого не получается, мы

---

[1] *В. И. Ленин*. Соч., т. 14, стр. 106.
[2] Там же, стр. 120.

рано или поздно находим ошибки в наших знаниях и рассуждениях и исправляем их.

Остроумно высмеял бесплодную скептическую схоластику агностицизма Н. Г. Чернышевский в статье «Характер человеческого знания» на примере рассуждений агностика о том, имеет человек руки или нет. Чернышевский писал: «...человеку, которому кажется, что обе руки у него целы, кажется, что у него две руки; и если б ему было известно, что у него есть руки, то у него было бы две руки; но есть у него руки или нет, это неизвестно ему и не может быть известно; ни ему, ни кому из людей. Мы знаем только наши представления о предметах, а самих предметов не знаем и не можем знать. Не зная предметов, мы не можем сличать с ними наши представления о них; потому не можем знать, походят ли наши представления о предметах на предметы. Быть может, походят; но, быть может, не походят... Мы имеем представление о руке. Следовательно, существует нечто, возбуждающее в нас представление о руке. Но мы не знаем и не можем знать, сходно ли наше представление о руке с этим «нечто», возбуждающим его. Быть может, сходно: в таком случае, то, что мы представляем себе как руку, действительно рука, и у нас действительно есть руки. Но, быть может, наше представление о руке не сходно с действительно существующим нечто, к которому мы относим его; в таком случае, то, что мы представляем себе как руку, не существует, и у нас нет рук; вместо рук у нас есть какие-то группы чего-то, какие-то, непохожие на руки, группы чего-то неведомого нам, но рук у нас нет...»[1]

Объективная истина такова, что она, во-первых, не зависит от того, признает ее мало или много людей. Очень часто, особенно если речь идет о сложных вопросах науки, вначале ее признают совсем немногие. Во-вторых, рано или поздно она завоевывает умы, преодолевая предрассудки и заблуждения, даже если последние поддерживаются силой. Вспомним учение Коперника. Преследование церковью сторонников этого учения не смогло остановить его распространения. Возьмем марксизм. Сто лет назад его признавала лишь горстка людей. Теперь марксизм стал учением многомиллионных масс, завоевавшим их умы и сердца. В-третьих, объективная истина, если она правильно применяется, приводит к успешным результатам в практической деятельности.

Пожалуй, на свете нет философов, которые утверждали бы, что истины вообще нет. Такие философы сразу потерпели бы фиаско, запутавшись в безвыходных противоречиях. Они не смогли бы даже сказать, что истинно их отрицание истины, ибо тем самым они уже признали бы, что существует хотя бы одна истина и, следовательно, вся их позиция рушится. Многие противники материализма отрицают не истину вообще, а «только» объективную истину. Толкуя на свой лад истину, одни из них (махисты) объявляют истинным то, что «общезначимо», а другие (прагматисты) — то, что приносит успех.

В объективности — сущность истины. Без объективности истины просто нет. Поэтому попытки махистов и прагматистов

[1] *Н. Г. Чернышевский.* Избранные философские сочинения, т. III. Госполитиздат, 1951, стр. 536—537.

сконструировать «истину» без признания ее объективности ничего общего не имеют с реальным всесильным, могучим познанием. Конечно, объективная истина рано или поздно становится «общезначимой», т. е. общепризнанной, но не в этом ее сущность. Важно не то, сколько людей признает ее (ибо она не зависит ни от человека, ни от человечества), а то, что она правильна, соответствует объективной реальности. Известно, что ложные учения, например религиозные верования, нередко завоевывали умы чрезвычайно большого количества людей, но от этого они не становились правильными. То или иное положение является истинной не потому, что оно общезначимо, а потому, что правильно отражает действительность и подтверждается практикой.

Верно, что истина, правильно примененная на практике, приводит к успеху. Но далеко не все, что вообще приносит успех, есть истина. Тот факт, что ложь и фальшь приносят порой «успех» нечестным людям, доказывает это.

Объективная истина — вот то бесценное сокровище, ради достижения которого неустанно работают, дополняя друг друга, наши чувства и наше мышление и благодаря которому человеческое познание поднимается с одной ступени на другую.

4. Речь и мышление

Обобщенное, абстрактное мышление в понятиях, выражаемых с помощью слов, свойственно только человеку. Биологическая эволюция довела развитие животного мира до того пункта, у которого мы находим непосредственных предшественников людей — обезьяноподобных предков человека с высокоорганизованной нервной системой, способной к дальнейшему совершенствованию. Но превращение предков человека в человека было делом уже новых, не биологических факторов, а результатом общественного труда, ставшего исходным пунктом развития, невиданного в остальной природе. Труд в известном смысле создал человека, писал Энгельс. И именно благодаря трудовой деятельности у человека появились речь и мышление.

Уже первые применения естественных предметов природы в качестве орудий труда и в особенности сознательное изготовление орудий необычайно расширили кругозор первобытного человека, открыв ему новые свойства окружающих его предметов. В дальнейшем в процессе общественного труда люди делали все новые и новые открытия, обогащавшие круг их чувственных восприятий и представлений и постепенно развивавшие их мышление. В свою очередь мышление давало новые возможности для развития трудовой деятельности, и людям становились все более ясными преимущества совместного труда. «Коротко говоря,—

отмечает Ф. Энгельс,— формировавшиеся люди пришли к тому, что у них явилась *потребность что-то сказать* друг другу. Потребность создала себе свой орган: неразвитая гортань обезьяны медленно, но неуклонно преобразовывалась путем модуляции для все более развитой модуляции, а органы рта постепенно научались произносить один членораздельный звук за другим»[1]. Так родилась членораздельная речь, язык, а с нею вместе мышление. Речь и мышление не могли возникнуть в качестве какой-то личной особенности того или иного индивидуума. По своему источнику и содержанию речь и мышление носят ярко выраженный общественный характер. Как указывали Маркс и Энгельс, «сознание... с самого начала есть общественный продукт и остаётся им, пока вообще существуют люди»[2].

Возникнув, речь оказывает огромное влияние на всю трудовую деятельность. Без речи, связывающей людей, невозможно рационально налаженное общественное производство в сколько-нибудь значительных масштабах. Речь воздействует и на самих людей, пользующихся ею. Труд и членораздельная речь становятся двумя главными факторами, под влиянием которых совершенствуется мозг. А это сопровождается совершенствованием всех органов чувств. Как сильно трудовая деятельность влияет на развитие органов чувств, можно судить хотя бы на основании следующих примеров[3]. Опытные текстильщики, специализирующиеся на выработке черных тканей, различают до 40 оттенков черного цвета, в то время как другие люди видят в них 2—3 оттенка. Мельники, обладающие большим опытом работы, могут с помощью осязания точно определять как качество муки, так и местность, где выросло смолотое зерно. Необычайной тонкости и чувствительности достигают и обонятельные ощущения человека, если существует практическая потребность в этом. Так, африканские бушмены по запаху выслеживают львов, жирафов или зебр лучше, нежели охотничьи собаки.

Человеческая мысль выражается в словах, она, как правило, существует в языковой оболочке. Когда кто-либо сообщает другому свою мысль, он выражает ее в словах, произносимых вслух, чтобы его слышали. Некоторым людям кажется, что слова, речь нужны только для того, чтобы сделать мысль доступной другому человеку, но для самого себя человек якобы не нуждается в выражении мысли словами. Это ошибочное мнение. Подобно тому как картина, нарисованная художником, существует потому, что есть краски, положенные на холст, так и мысль у нормальных людей существует потому, что есть слова, есть речь. Одно без другого невозможно. По выражению

---

[1] *Ф. Энгельс.* Диалектика природы, стр. 134.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 3, 1955, стр. 29.
[3] См. *Б. М. Теплов.* Психология, гл. II. Госполитиздат, 1946.

К. Маркса, язык есть непосредственная действительность сознания. Это природная материя мысли.

Причиной того ошибочного мнения, будто мысли могут существовать без слов, является то, что человек, думая про себя, фактически не произносит ни вслух, ни про себя всех тех слов, которые ему были бы нужны для сообщения данной мысли другим людям. Порой мы даже испытываем значительную трудность в подборе нужных слов и выражений, «не находим слов», чтобы выразить другим свою мысль, сделать ее понятной для них, тогда как нам самим эта мысль представляется совершенно ясной: слова здесь кажутся не только не выражающими мысль, а, наоборот, затрудняющими ее понимание.

Однако это вовсе не означает, что для нас самих данная мысль существует без словесной оболочки. Думая про себя, мы также очень часто не даем детального словесного выражения своим мыслям. Но если при этом нет *всех* слов, которые нужны для детальной, развернутой формулировки мысли, то те или иные слова всегда имеются. Преодолевая затруднения в подборе нужных слов, мы вырабатываем саму мысль.

Когда мысли дается развернутое словесное выражение, она приобретает ясность, последовательность и точность. В этой детализированной словесной оболочке она приобретает наибольшее совершенство не только по форме, но и по своему содержанию.

Из того, что мысль и язык нераздельны, не следует, что они тождественны друг другу. Разница между мыслью и словом состоит в том, что мысль есть отражение объективной реальности, в то время как слово — это способ выражения, закрепления мысли и вместе с тем средство передачи мысли другим людям. Именно благодаря слову мысли других людей могут быть восприняты нами. Но если нет мысли без слов, то и слова без мысли, без того, что мысль отражает,— пустой звук. Мышление и язык тесно взаимосвязаны друг с другом, взаимообусловливают друг друга.

Предметы, явления окружающего нас мира непосредственно отражаются в ощущениях, которые они вызывают. Это — чувственное отражение конкретных предметов и явлений со всеми оттенками их индивидуальных, частных особенностей. Однако на основе ощущений, как мы видели, возникает и такая форма отражения, при которой отражается и то, что в данный момент непосредственно не действует на органы чувств, но что представлено другим сигнализирующим его предметом или явлением. Это тоже конкретно-чувственное отражение действительности, но здесь уже имеется шаг вперед по пути отвлечения, обобщения. Возможность отвлечения обусловлена тем, что сигнал, воспринимаемый органами чувств, есть нечто совершенно отличное от того, что он своим появлением представляет, а также тем, что одно и то же явление может сигнализироваться в разных условиях различными сигналами. Вместе с тем каждый из сигналов подобного рода, будучи совершенно определенным предметом или явлением, служит представителем вполне определенного явления. Это конкретные сигналы конкретных предметов и явлений.

Возникновение у человека второй сигнальной системы действительности открыло поистине безграничные возможности для развития все более отвлеченного и обобщенного отражения — отражения в понятиях. Слово, являющееся сигналом сигналов, служит представителем не одного какого-либо сигнала, а огромного множества однотипных сигналов, хотя и различающихся в деталях, но сходных в главном, существенном. Таким образом, в нем отражается не один какой-либо конкретный предмет, а множество однотипных предметов или явлений, множество их связей.

Так, слово «циркуль» обозначает не единичный предмет с присущими ему индивидуальными особенностями, а циркуль «вообще» — определенный *тип* или *род* предметов — все равно, имеет ли он в длину 15, 16 или 14 сантиметров, сделан он весь из металла или некоторые его части изготовлены из пластмассы и т. д. Подобны этому и другие слова.

Отсюда следует тот чрезвычайно важный вывод, что слово, речь является отвлечением от действительности и представляет собой орудие абстрагирования, обобщения. Как заметил В. И. Ленин, «всякое слово (речь) уже *обобщает*» [1].

С этой особенностью слов связана присущая человеку форма психической деятельности — образование понятий, оперирование ими, т. е. теоретическое мышление. Именно благодаря речи наше сознание приобрело возможность оперировать не только тем, что дают ощущения в данный момент, но и тем, что они давали раньше и могут дать в будущем. Благодаря этому появилась возможность мысленно отделить свойство от предмета, который этим свойством обладает, одни свойства тел отвлечь от других свойств и т. п. Это очень расширило сферу познания.

Слово является сигналом сигналов только в том случае, если оно сложилось на основе ощущений, отражающих соответствующие материальные предметы. Если последних нет, то слово пусто, лишено смысла и не имеет значения.

Предположим, что чертежник посылает за циркулем какого-то человека, сказав ему: «Прошу Вас принести мне циркуль». Слово «циркуль» само по себе не возбудит у этого человека тех ощущений, которые вызывает циркуль, когда на него смотрят или берут в руки; это слово будет только указателем того, какие ощущения человек должен испытать, когда он найдет циркуль. Однако если человек, к которому обратился чертежник, никогда не видел циркуля и не ассоциирует с этим словом на основе собственного чувственного опыта вполне определенную совокупность ощущений, то слово «циркуль» не сможет играть роль сигнала сигналов.

[1] *В. И. Ленин.* Философские тетради, стр. 256.

Из сказанного не следует, что ощущения не отражают общего, имеющегося в конкретных явлениях и вещах. Если бы было так, то и в мысли, в слове общее никогда не отразилось бы. Когда мы ощущаем, например, запах различных цветов, мы можем чувственно воспринять и то общее, что присуще запаху цветов одного и того же вида. Но в ощущении это общее неразрывно связано с частным. В слове же общее отделено, абстрагировано от частного. Однако, прежде чем совершилось это абстрагирование с помощью слова, постепенно совершенствовалась способность выделять общее в частном посредством ощущений.

Ту широту обобщений, которая имеется в речи, в словах современного культурного человека, привыкшего к абстрактному мышлению, люди приобрели далеко не сразу с возникновением слова. Способность первобытного человека к обобщенному мышлению была еще очень невелика, несмотря на то что он уже начал говорить. Его язык содержал мало общих понятий, да и общность последних была ограниченной. Об этом мы можем судить хотя бы по тому языку, которым владеют некоторые современные отсталые племена, причем и они неизмеримо далеко ушли вперед по сравнению с первобытными людьми. Так, в языке одного из племен содержится 75 слов для обозначения процессов хождения, чем-либо отличающихся друг от друга, и более 10 слов для обозначения варки, но нет общих понятий «ходить» и «варить». Некоторые северные племена отдельными словами обозначают «снег на земле», «падающий снег», «снежную вьюгу», «снег в сугробе» (таких слов у них существует более 40) и в то же время не имеют общего слова «снег». У некоторых племен нет общего слова «морж», но есть слова, обозначающие «морж на льдине», «морж в воде», «морж, вылезающий на льдину». Однако какой бы недостаточно обобщенной ни казалась нам такая речь, она в действительности далеко ушла от первой сигнальной системы и даже от первых зачатков речи. В ней уже содержатся огромные обобщения, благодаря которым, например, снег во всех сугробах обозначается одним и тем же словом или одним словом называется морж, лежащий на льду, несмотря на многие частные отличия моржей друг от друга. В этом зафиксирован огромный путь, который отделяет данный уровень развития человеческого сознания от того уровня, на котором оно было у первобытного человека.

Речь состоит прежде всего из слов, а слова — из отдельных членораздельных звуков. В каком отношении эти звуки стоят к обозначаемым ими предметам и явлениям? Это условные знаки, установленные народом в многовековой практике общения людей друг с другом. Никакой таинственной связи между этими звуками и обозначаемыми ими предметами нет и быть не может. Представление о существовании скрытой связи между звуками

слов и предметами вымышлено и свойственно магии; при этом сторонники магии полагают, что у предметов и людей есть некие «настоящие» имена, произнося которые можно воздействовать на эти предметы и на людей, определять их судьбу. Что в действительности никакой магической, таинственной связи между предметами и их словесными обозначениями не существует, видно из того, что один и тот же предмет у разных народов называется по-разному, с помощью различных звуков. Так, тот предмет, который русскими называется «стол», немцами именуется «der Tisch», англичанами «the table» и т. д.

Но если условно и случайно то, из каких звуков состоят слова, то не условно и не случайно то, *что* именно обозначают эти слова и сочетания слов. В своей практической деятельности люди имеют дело с предметами и явлениями. Поэтому в языке обязательно должны быть те слова, которые обозначают жизненно необходимые для людей предметы и явления. Люди используют многообразные свойства предметов и явлений. Отсюда с неизбежностью вытекает, что в языке должны быть и слова, обозначающие эти свойства. Точно так же должны появиться и слова, выражающие движение предметов, действия одних предметов на другие, их связи друг с другом, поскольку все это важно для людей. Практическая деятельность людей привела и к созданию слов, обозначающих пространственные и временные отношения вещей. Неизбежно также появление слов, обозначающих отношение людей к окружающим их явлениям и друг к другу. Потребности развития наук привели к возникновению новых слов, выражающих не только чувственно воспринимаемые вещи и их свойства, но и скрытые в их глубине связи, закономерности, их сущность; появляются такие слова, которые обозначают свойства отношений и связей вещей, а также слова, которые обозначают другие слова и связи между словами.

Таким образом, *что* именно получит словесное обозначение и в виде слов войдет в состав языка, это не случайно и не условно, а необходимо определено жизненно важными практическими потребностями народа и нуждами развивающегося мышления для более точного отражения в нем объективной реальности. В языке и мышлении отражается то, что люди знают о внешнем мире и о самих себе, а также о том, каковы средства познания, имеющиеся в данный момент в их распоряжении.

ГЛАВА V

ЗАКОНОМЕРНАЯ СВЯЗЬ ЯВЛЕНИЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

1. Диалектическая теория развития

Из предыдущего изложения видно, что важнейшей чертой марксистской философии является признание не только материальности мира, но и того, что материя, природа находится в состоянии вечного беспрерывного и закономерного движения, изменения и развития. Теперь мы должны рассмотреть наиболее общие законы развития.

Законы объективного мира — это законы движения, развития. Предметы и явления могут быть правильно поняты и объяснены только при условии, если они рассматриваются в процессе их возникновения и развития. Шаг за шагом, в одной области действительности за другой наука доказывала развитие всего окружающего нас мира. К концу XIX в. идея развития получила широкое распространение и всеобщее признание.

Однако одного признания принципа развития недостаточно. Важно еще правильно понимать, каковы характер и источник этого развития, каковы те общие законы, по которым совершается всякое развитие. Можно признавать движение, но тем не менее остаться метафизиком. Под влиянием успехов науки, особенно со второй половины XIX в., стали возникать вульгарно-эволюционистские теории, на словах признававшие развитие, но по существу отстаивавшие старый, метафизический взгляд на природу, несколько подкрашенный в соответствии с новыми веяниями времени. Ленин писал, что такое признание идеи развития опошляет истину [1].

И действительно, одно дело понимать развитие лишь как такой процесс, который вносит в существующее только какие-то небольшие, частные, чисто количественные изменения, и другое дело под развитием понимать сложный процесс, в котором существующее претерпевает не только количественные, но и глубокие качественные изменения и превращения, когда со временем устаревают, исчезают отживающие формы, уступая место новым,

[1] См. *В. И. Ленин.* Философские тетради, стр. 239.

более высоким и совершенным формам. Ясно, что это две прямо противоположные теории развития.

Первая теория — метафизическая, так как с ее точки зрения движение, развитие не ведет к уничтожению, отмиранию старого и возникновению нового. Она отрицает внутренние противоречия в явлениях и вещах, борьбу противоположностей как источник развития. Развитие она понимает только как плавный, постепенный количественный процесс, отрицая качественные скачки, наступающие на известном этапе развития.

Вторая — диалектическая теория, являющаяся единственно научной, так как в соответствии с объективно существующей действительностью она понимает развитие как смену старого новым, как отмирание старого и возникновение нового, вскрывает внутренние противоречия изменяющихся предметов и в развертывании и разрешении этих противоречий видит главную двигательную силу развития.

В наброске «К вопросу о диалектике» Ленин дает яркое и глубокое сопоставление этих двух теорий, двух концепций развития. «Две основные... концепции развития (эволюции),— пишет Ленин,— суть: развитие как уменьшение и увеличение, как повторение, *и* развитие как единство противоположностей (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними). При первой концепции движения остается в тени *само*движение, его *двигательная* сила, его источник, его мотив (или сей источник переносится *во вне* — бог, субъект etc.). При второй концепции главное внимание устремляется именно на познание *источника «само»*движения. Первая концепция мертва, бедна, суха. Вторая — жизненна. *Только* вторая дает ключ к... «скачкам», к «перерыву постепенности», к «превращению в противоположность», к уничтожению старого и возникновению нового» [1]. В этих положениях Ленина показано коренное, принципиальное различие между метафизическими, вульгарно-эволюционистскими представлениями о развитии и марксистской диалектической теорией развития. Раскрывая развитие как закономерную смену старого новым, диалектика приобретает великое революционное значение. Недаром Герцен назвал ее алгеброй революции.

Видеть принципиальное различие этих двух теорий развития очень важно для научного миропонимания и практической деятельности. Метафизическая концепция развития не способна правильно ориентировать науку, научное познание. Если бы развитие было лишь движением без смены старого новым, без внутренних противоречий и перехода из одного состояния в другое, то невозможно было бы объяснить богатейшее, поражающее своей сложностью и красочностью великое многообразие разви-

[1] *В. И. Ленин.* Философские тетради, стр. 327, 328.

вающегося мира. Невозможно было бы правильно решить вопросы о том, как из одних частиц материи возникают другие, как происходит превращение химических элементов, как в течение многих миллионов лет на Земле из неорганической материи возникла органическая материя, жизнь, как затем одни виды растений и животных превращаются в другие, как из неощущающей материи возникает материя ощущающая, способная мыслить и т. д.

Диалектическая теория развития указывает правильный путь познания, а следовательно, и верный путь к овладению законами и силами природы. Если развитие есть процесс возникновения нового и исчезновения старого, то задача науки состоит в том, чтобы исследовать, как сама природа, материя в своем собственном движении превращается из одних форм в другие, из низших в высшие, из простых в сложные, творя все многообразие окружающего нас объективного мира. Именно на пути такого объяснения наука достигла поразительных успехов в изучении природы. Современная наука, решая сложнейшие вопросы атомной физики, космогонии, биологии, социологии и т. д., приносит все новые и новые подтверждения истинности диалектической теории развития.

Марксистская диалектика дает ключ к объяснению сложности и многогранности развития объективного мира, показывает богатство его содержания и форм. Она исследует наиболее общие законы развития, процесс отмирания старого и возникновения нового, процесс вечного обновления мира.

Основными законами диалектики являются: закон перехода количественных изменений в качественные, закон единства и борьбы противоположностей, закон отрицания отрицания. Каждый из этих законов отражает какую-то существенную сторону, грань, форму, момент объективного развития.

Закон перехода количественных изменений в качественные объясняет, благодаря каким процессам и как предметы претерпевают качественные изменения и превращения; он показывает, что развитие наряду с формой постепенного, плавного нарастания незаметных количественных изменений включает в себя форму перерыва постепенности, скачка от старого качественного состояния к новому. *Закон единства и борьбы противоположностей* вскрывает *источники* всякого развития, его *внутренний импульс,* двигательную силу, заключающуюся в борьбе противоположных сторон, сил, тенденций, свойственных предметам. *Закон отрицания отрицания* отражает и характеризует преемственную связь между различными стадиями развития, *основное направление,* основную тенденцию развития, заключающуюся *в поступательном движении* от простого к сложному, от низшего к высшему, сложную, «спиралевидную» форму этого движения.

Указанные законы — это только наиболее важные, сущест-

венные, основные законы диалектики, которая ими не исчерпывается. Помимо этих законов существует целый ряд категорий, каковы, например, *всеобщая связь явлений, причина* и *следствие, содержание* и *форма, случайность* и *необходимость, сущность* и *явление* и др.

Законы и категории диалектики не выдуманы, а извлечены из самой природы и общественной жизни, они отражают объективные законы, существующие независимо от сознания людей. Именно вследствие этого марксистская диалектика дает нам возможность глубже раскрыть и понять сложные и многогранные процессы развития бытия и познания.

Революционная сущность марксистской диалектики неприемлема для защитников старого, для эксплуататорских классов. Один из приемов борьбы противников марксизма заключается в отрицании объективного характера диалектики. Реформисты, мелкобуржуазные социалисты, многие представители различных течений буржуазной философии пытаются доказать, что объективной действительности чужда диалектика, что в лучшем случае лишь в области мышления проявляется действие некоторых ее принципов. Например, французский буржуазный философ М. Мерло-Понти в книге «Приключения диалектики» нападает на диалектический материализм за то, что последний обнаруживает «в объекте, в бытии то, что менее всего способно там находиться,— диалектику». Идеалисты противопоставляют законы бытия законам мышления. В действительности же именно потому, что законы диалектики являются законами объективного бытия, они выступают и как законы «субъективной диалектики», т. е. познания, мышления.

Подлинный научный метод познания, как уже было сказано,— это не сумма каких-то произвольных правил, конструируемых человеческим умом. Так понимают метод лишь идеалисты. Научный метод есть аналог самой действительности, и потому он есть правильный способ изучения, исследования явлений объективного мира. Чтобы правильно, научно подходить к действительности, изучать и практически изменять ее, нужно опираться на ее собственные законы. Марксистская диалектика и дает знание наиболее общих законов развития всей действительности: природы, общественной жизни, а также мышления.

При этом было бы ошибочно сущность диалектического метода видеть в том, чтобы подводить те или иные факты под диалектические законы и понятия. Это вульгарное понимание диалектики. Классики марксизма неоднократно предупреждали, что диалектика не простое орудие доказательства готовых истин, а руководство для исследования реальных явлений и процессов, метод познания объективной истины.

Как будет показано ниже, всякий закон охватывает и выражает сущность, внутреннюю связь огромной массы однород-

ных явлений, то существенно общее, что характеризует всю эту массу явлений. Но каждое отдельное явление имеет свои особые свойства, и действие закона преломляется через эти особые свойства единичного. Поэтому в каждом отдельном процессе, отдельном явлении закон получает специфическое выражение.

Если это относится к любому закону науки, то тем более это нужно принять во внимание, когда мы имеем дело с наиболее общими законами развития. Законы диалектики действуют в любой области: в неорганической и в органической природе; в органической природе они действуют и в царстве растений и в царстве животных; они действуют и в обществе в любую историческую эпоху, они являются и законами мышления в любой области познания: в математике, физике, химии, биологии, политической экономии, эстетике и т. д. Ясно, что, будучи общими для развития столь разных явлений и процессов, законы диалектики проявляются в них по-разному, в зависимости от особой природы каждого из них.

Это очень важно, чтобы не делать ошибочного вывода, будто одно знание общих законов диалектического развития автоматически обеспечивает успех в познании и практической деятельности. Только конкретное применение диалектики как метода к конкретным явлениям с учетом их своеобразия, только тщательное изучение конкретных фактов и условий развития обеспечивает успех познания и практики. Поэтому требование конкретного анализа действительности является одной из важнейших и решающих особенностей марксистской диалектики. Именно поэтому важнейший принцип диалектики гласит: абстрактной истины нет, *истина всегда конкретна.*

Диалектика чужда всякого схематизма, втискивающего живое разнообразие конкретного развития в одну или несколько форм. Указывая наиболее общие законы всякого развития, марксистская диалектика требует вскрывать и принимать во внимание неисчерпаемое богатство конкретных форм выражения этих законов в действительности.

Это значит, что общие законы и принципы диалектического развития нужно рассматривать в неразрывном единстве с особенным и единичным, свойственным каждому явлению и процессу. Нужно учитывать бесконечное богатство конкретных форм проявления законов диалектики в действительности.

Поэтому Ленин определял диалектику, отражающую это бесконечное богатство форм развития, как «*живое,* многостороннее (при вечно увеличивающемся числе сторон) познание с бездной оттенков всякого подхода, приближения к действительности...»[1] «Вечно увеличивающееся число сторон» диалектики, «бездна оттенков» ее подхода к действительности — это и есть

[1] *В. И. Ленин.* Философские тетради, стр. 330.

отражение сложности развивающейся материи, неиссякаемого многообразия ее форм.

К сожалению, под влиянием культа Сталина эти положения Ленина о богатстве содержания и формы диалектики недостаточно учитывались. Изложение Сталиным диалектики в его работе «О диалектическом и историческом материализме» принималось как «высшее достижение философской мысли» и превращалось в догму. Между тем в ней совершенно выпал такой важный и всеобщий закон развития, как отрицание отрицания, диалектика не раскрывалась как теория познания, закон единства и борьбы противоположностей не был показан как «ядро» диалектики, совсем не упоминалось значение диалектических категорий как опорных пунктов познания и т. д. Подлинно творческое развитие идей Маркса и Энгельса в этой области дал Ленин.

Перейдем к более подробному освещению содержания диалектики, ее законов и категорий. Вначале рассмотрим такие категории диалектики, как всеобщая связь и взаимообусловленность явлений. Изложение этих категорий является необходимым для более глубокого рассмотрения основных законов диалектики.

2. Взаимосвязь явлений. Причина и следствие

Первое, что бросается в глаза при рассмотрении движущейся материи, это универсальная, всеобщая взаимосвязь и взаимная обусловленность явлений, бесконечное сплетение их.

Взаимозависимость и связь различных явлений, всех сторон каждого явления, связь, дающая единый мировой процесс движения, доказана всем ходом развития научного знания. Наука показала, что мир — единое целое, где отдельные части, явления и процессы неразрывно связаны между собой. Различные формы движения материи переходят друг в друга. Органическая природа связана с неорганической и произошла из нее. Жизнь людей невозможна без взаимодействия с природой. Человеческое общество существует не вне природы, а представляет собой ее специфическую часть, особую форму движения материи, подчиненную не только общим, но и особым, только обществу присущим законам. Различные стороны общественной жизни связаны между собой.

Связь между предметами носит различный характер: одни явления непосредственно связаны друг с другом, другие — через ряд опосредствующих звеньев, но всегда она выступает как взаимосвязь, взаимозависимость, взаимодействие. Взаимосвязь предметов универсальна, каждое явление связано с другим. Как писал Ф. Энгельс, «вся доступная нам природа образует некую систему, некую совокупную связь тел, причем мы понимаем

здесь под словом тело все материальные реальности, начиная от звезды и кончая атомом...»[1]

Материалистическая диалектика не занимается придумыванием, искусственным изобретением связей, она ставит перед наукой задачу открывать их в самом объективном мире. Постичь предмет — это значит изучить его во всем многообразии его связей, опосредований.

Причинность (каузальность) — одна из форм всеобщей закономерной связи явлений. Все науки стремятся при изучении явлений вскрыть причины их возникновения, развития, преобразования и гибели. Знание явлений, процессов есть прежде всего знание причин их возникновения и развития. Образуя понятия «причина» и «следствие», человек изолирует те или иные стороны единого объективного процесса. «Чтобы понять отдельные явления, мы должны вырвать их из всеобщей связи и рассматривать их изолированно, а *в таком случае* сменяющиеся движения выступают перед нами — одно как причина, другое как действие...»[2]

Причина и следствие — соотносительные понятия. Явление, которое вызывает к жизни другое явление, выступает по отношению к нему как причина. Результат действия причины есть следствие. *Причинность* — это такая необходимая связь между явлениями, при которой одно неизбежно порождает другое. Например, нагревание воды является причиной ее превращения в пар, ибо всякий раз, когда происходит нагревание, возникает процесс парообразования.

Понятия о причине и следствии выработались в процессе общественной практики и познания мира. Например, в труде человек познал, что трение порождает теплоту.

Категории причины и следствия имеют огромное значение; в них мышление отразило важнейшую закономерность объективного мира, знание которой необходимо для практической деятельности людей. Познавая причины возникновения явлений и процессов, человек, общество получают возможность воздействовать на них, искусственно воссоздавать их, вызывать к жизни или, наоборот, предотвращать их возникновение.

Чтобы уничтожить или предотвратить зло, бедствие (болезнь, засуху, захватническую войну и т. п.), надо знать причину его появления. Незнание причин, вызывающих явления, делает человека бессильным, беспомощным перед этими явлениями. И наоборот, знание причин открывает перед людьми, перед обществом возможность действовать со знанием дела.

Причина во времени предшествует следствию и вызывает его. Но это не значит, что всякое предшествующее явление нахо-

---

[1] *Ф. Энгельс.* Диалектика природы, стр. 45.
[2] Там же, стр. 184.

дится в причинной связи с последующим. Ночь предшествует утру, но она не является причиной утра. Нельзя смешивать причиннную связь с временно́й последовательностью явлений. Суеверный человек склонен считать причиной войны появившуюся перед ее началом комету, солнечное затмение или другое предшествующее ей явление.

Причину нужно отличать от *повода*. Повод — это событие, которое непосредственно предшествует другому событию, развязывает его появление, но не порождает его. Связь между поводом и следствием существует, но она внешняя, несущественная. Так, поводом для восстания матросов на броненосце «Потемкин» в июне 1905 г. послужила выдача матросам щей из тухлого мяса. Причиной же восстания было обострение противоречий между прогнившим царским строем и народом, рост революционных настроений в армии и флоте. Выдача матросам недоброкачественного мяса явилась поводом, толчком к восстанию, но она связана с восстанием внешне, случайно. Если не это событие, то другое развязало бы восстание.

Причиниая связь явлений носит универсальный, всеобщий характер. Все явления в мире, все изменения возникают в результате действия причин. Нет беспричинных явлений. Человек с различной степенью точности познает причинную связь явлений; причины некоторых явлений нам до сих пор неизвестны, но они объективно существуют. Так, медицина еще точно не установила причину раковых заболеваний, но эта причина существует и будет в коице концов обнаружена. Можно давать различные определения причинности, иметь разные мнения о допустимости математической или иной формулировки закона причинности. Но не это разделяет материализм и идеализм в понимании причинности.

Между материализмом и идеализмом идет борьба вокруг причинности потому, что они по-разиому решают вопрос об источнике наших знаний о причинности. Материализм признает объективную, не зависящую от воли и сознания причинную связь явлений и более или менее верное отражение ее в голове человека. Идеалисты или отрицают причинную обусловленность всех явлений действительности, или выводят причинность не из объективного мира, а из сознания, из разума.

Положение, что все явления в мире причинио обусловлены, выражает закон причинности. Философы, признающие объективность этого закоиа, распространяющие его действие на все явления, изываются *детерминистами* (от латинского determino — определяю). Философы, отрицающие закон причинности, называются *индетерминистами*. Закон причинности требует естественного объясиения всех явлений и исключает возможность объяснения явлений природы и общества с помощью сверхъестественных, потусторонних сил. Последовательио про-

веденный материалистический детерминизм не оставляет места для бога, чудес и т. п.

В истории философии с отрицанием объективности причинной связи выступил *Д. Юм*. Положение Юма о том, что знание о причинной связи явлений мы получаем из опыта, верно, но дальнейший ход его рассуждений и понимание самого опыта ошибочны. Он сводил опыт к субъективным ощущениям и отрицал в нем объективное содержание. В опыте мы наблюдаем, что одно явление следует за другим, но Юм полагал, что, во-первых, у нас нет оснований считать, что предшествующее может быть причиной последующего, во-вторых, что нет оснований заключать от прошлого и настоящего опыта к будущему. Вывод Юма сводится к следующему: причинность — это только привычная связь ощущений, а предвидение на ее основе есть ожидание этой связи. Наш прошлый опыт дает нам основание ожидать, что и в будущем трение будет порождать тепло, но у нас нет и не может быть никакой уверенности в объективности и необходимости этого процесса. Причинность, по Юму,— это только определенная последовательная связь ощущений и идей.

Диалектический материализм, опираясь на данные науки, утверждает, что доказательством объективности причинности служит практика. Ф. Энгельс писал: «...уже одно правильное чередование известных явлений природы может породить представление о причинности — теплота и свет, появляющиеся вместе с солнцем,— однако здесь еще нет доказательства, и постольку юмовский скептицизм был бы прав в своем утверждении, что регулярно повторяющееся post hoc [после чего-нибудь] никогда не может обосновать propter hoc [по причине чего-нибудь]. Но деятельность человека *производит проверку* насчет причинности. Если при помощи вогнутого зеркала мы концентрируем в фокусе солнечные лучи и вызываем ими такой же эффект, какой дает аналогичная концентрация лучей обыкновенного огня, то мы доказываем этим, что теплота получается от солнца» [1].

Тот факт, что при наличии причины не всегда следует ожидаемое действие, не опровергает объективности причинности, а подтверждает ее. Ружье с капсюлем, зарядом и пулей не всегда производит выстрел. Но в каждом случае, когда выстрел при спуске курка не происходит, мы можем вскрыть объективную причину, почему он не произошел (сырость пороха, повреждение капсюля и т. д.).

Кант не был согласен с Юмом, что причинность является только привычной связью ощущений. Он признавал существование причинности, но не в объективном мире, а в нашем рассудке. По мнению Канта, опыт не дает нам причинной связи; причинность существует как априорная, врожденная категория рас-

[1] *Ф. Энгельс.* Диалектика природы, стр. 182.

судка, на основе которой различные восприятия связываются в суждение.

Идеалистические взгляды Юма и Канта на причинность повторяются в различных вариациях позитивистами, махистами, неокантианцами [1]. *Мах* писал: «В природе нет ни причины, ни следствия», а «все формы закона причинности вытекают из субъективных стремлений».

С попыткой обосновать индетерминизм выступил астрофизик *А. Эддингтон.* В своей речи «Крах детерминизма» он пытается убедить слушателей, что упразднение детерминизма не является отказом от научного метода, а увеличивает глубину и точность анализа наблюдаемых явлений [2]. Может быть, Эддингтон приводит какие-либо новые аргументы в защиту индетерминизма? Нет, он повторяет то, что давно сказал Юм. Вот ход рассуждений Эддингтона. Все выводы, которые мы делаем на основании ощущений, относятся к некоторому предшествующему моменту. Например, мы исследуем химическими методами состав какой-либо соли. Вывод, который мы делаем, по существу относится не к данному веществу (соли), а к тому, которое было до обработки. От следствия мы заключаем к причине (ретроспективное заключение), по настоящему судим о прошлом, но этого якобы делать нельзя. Если Юм опровергал существование закономерности, в частности причинности, главным образом на том основании, что якобы недопустимо заключать от прошлого и настоящего к будущему, то взгляды Эддингтона являются видоизмененным юмизмом: он отрицает закономерность в природе потому, что якобы недопустимо заключать от настоящего к прошлому.

Конечно, когда мы заключаем от настоящего к прошлому, то возможны и ошибки, как и во всяком другом умозаключении. При химическом анализе вещества можно прийти к выводу, что элемент A получен из вещества K, в то время как он получен из другого вещества, участие которого в реакции нами не было предусмотрено. Но практика исправляет эти ошибки, она позволяет нам достоверно выяснить, из каких материалов добыт тот или иной элемент. Например, многократно повторяемые опыты не оставляют у нас никакого сомнения в том, что натрий и хлор

---

[1] Юмистский взгляд на причинность проводит и Б. Рассел, который считает понятие причины донаучным обобщением, служащим лишь некоторым руководством к действию. Различие между Юмом и Расселом в понимании причинности состоит разве лишь в том, что, согласно Расселу, закон причинности основывается не на привычке, как у Юма, а на животной вере, которая глубоко укоренилась в языке. «Вера во внешнюю причинность определенного рода опыта,— пишет Рассел,— является примитивной и в определенном смысле присуща поведению животного» (*Б. Рассел.* Человеческое познание. ИЛ, М., 1957, стр. 489). Закон причинности, с точки зрения идеалистов, не отражает никаких объективных связей, а выражает лишь временную последовательность в смене ощущений.

[2] *A. Eddington.* The decline of determinism. Washington, 1933, p. 149.

получаются химическим путем из поваренной соли. Практикой проверяется и истинность умозаключений, касающихся выяснения причинных связей.

Современные философы-идеалисты настойчиво подчеркивают мысль, что слово «причина» надо исключить из философской терминологии. Причинность будто бы изжила себя, подобно монархии. Закон причинности идеалисты заменяют законом *функциональной связи:* нельзя говорить, что явление *А* порождает явление *Б*, а надо указывать, что *А* и *Б* находятся в зависимости друг от друга (*А* всегда сопровождается *Б*, предшествует ему или следует за ним).

Понятие функции, функциональной связи является одним из основных в науке. Это понятие отражает объективно существующую связь явлений. Две величины могут находиться в следующей связи: если величина X принимает разное значение и если по определенному правилу при этом меняет свое значение величина Y, то эти две величины находятся в функциональной зависимости: Y является функцией от X по формуле $Y = f\ (X)$. Одна величина — зависимая переменная, другая — независимая. Например, пройденный путь есть функция от времени, поэтому при движении с заданной скоростью с течением времени пройденное расстояние увеличивается.

Некоторые буржуазные философы, в особенности представители марбургской неокантианской школы (Наторп, Кассирер), распространяют идеалистически интерпретированное математическое понятие о функциональной связи на все связи в природе и обществе. Каузальность, т. е. причинность, как объективная связь явлений, растворяется ими в чисто логическом понятии отношения между величинами, а у некоторых философов-идеалистов — между понятиями или ощущениями.

Конечно, отношение между причиной и следствием можно представить в форме функциональной зависимости: следствие есть функция от причины, но при этом затушевывается главное в причинности: причина как реальное явление порождает и обусловливает следствие — другое реальное явление. В форме функциональной связи можно представить самые различные зависимости, в том числе внешние, малосущественные и даже произвольные. Идеалист растворяет причинность в функциональной зависимости под предлогом, что для науки якобы не имеет значения вопрос о том, как возникают явления, имеют ли они причину своего существования, а важно только то, что есть какая-то зависимость между явлениями (или величинами), которую можно выразить определенной формулой. Но эта точка зрения неправильная.

Некоторые идеалисты подменяют причинную связь логической связью основания и следствия. Но причинную связь явлений необходимо отличать от связи основания и следствия. Основанием в формальной логике назы-

вается мысль, из которой следует какая-либо другая мысль. Например, суждение «в комнате нормальная температура» вытекает как следствие из другой мысли, что термометр показывает 20° С. Показание термометра — это не причина нормальной температуры в комнате, а основание для нашего заключения о температуре в ней.

Причинность (каузальность) — это связь не мыслей в умозаключении, а связь реальных явлений, при которой одно явление вызывает другое. Логическая связь мыслей в нашем рассуждении (связь основания и следствия) есть отражение отношений вещей в действительности, в том числе и причинной обусловленности их. Конечно, из различия между причиной и основанием отнюдь не следует, что в сфере мышления нет каузальности, что там якобы действуют только чисто логические связи, что принцип причинности в мышлении заменяется принципом достаточного основания. Любая мысль причинно обусловлена.

Знание реальной причинной связи служит основой практической деятельности людей. Зная причины и действуя на них, мы можем вызывать желаемые для общества явления и, наоборот, противодействовать, бороться с явлениями нежелательными, вредными.

Принцип причинности подвергается нападкам со стороны некоторых зарубежных физиков, которые утверждают, что современная физика опровергла представление, согласно которому все явления имеют причину своего существования, а зная причину явления и условия ее действия, можно определить вызванные ею следствия. По их мнению, в микропроцессах нет причинной обусловленности. Ни одна микрочастица, например электрон, не подчиняется закону причинности, а свободно выбирает среди разных возможностей путь своего движения.

Но никаких действительных фактов, опровергающих причинность в микроявлениях, нет и быть не может. Физики, отрицающие действие закона причинности в микроявлениях, обычно ссылаются на соотношение неопределенности. Но из соотношения неопределенности в явлениях микромира не вытекает отрицания причинности. Закон причинности утверждает только одно: все явления причинно обусловлены. Как выступает причинность в отдельных конкретных случаях, можно ли одновременно с неограниченной точностью определить и координату и скорость частицы — это уже другой вопрос, решая который нужно учитывать конкретные свойства объектов. В макропроцессах можно определить одновременно и положение и скорость тела, а в микроявлениях — нельзя.

Положение и импульс микрочастицы нельзя одновременно определить с неограниченной точностью. Эта открытая физиками закономерность в движении микрообъектов не укладывается в то представление о причинности, которое было характерно для науки XVII и XVIII столетий и вошло в историю под названием лапласовского детерминизма.

Лапласовская (по имени французского ученого Лапласа), или механическая, форма детерминизма, возникшая на базе изу-

чения механического движения макрообъектов, предполагает возможность одновременного точного знания координаты и импульса. При описании атомных процессов мы сталкиваемся с особыми свойствами частиц (электрон обладает одновременно и корпускулярными и волновыми свойствами), для которых прежние понятия координаты и импульса, выработанные для макрообъектов, не применимы в той мере, как к макротелам.

Современная физика дает богатый фактический материал, подтверждающий универсальность закона причинности и многообразие форм его проявления. Так, например, зная угол, под которым сталкиваются электрон и позитрон (а они при соответствующих условиях превращаются в 2 фотона), и скорости их движения, можно определить (предсказать) направление движения двух образовавшихся фотонов. Это ли не доказательство причинности в микроявлениях? Если бы в микроявлениях не действовал закон причинности, если бы движение микрочастиц происходило как угодно, произвольно, то в одном случае электрон и позитрон порождали бы 2 фотона, а в другом при этих же условиях 1 фотон или 2 протона. Но микропроцессы подчинены законам, в них есть определенная последовательность. Как можно говорить о произволе в движении «элементарных» частиц, когда при определенных условиях два образовавшихся фотона движутся в определенном направлении, которое можно заранее предвидеть, зная угол столкновения электрона и позитрона и скорости их движения?

Объективный характер причинной связи всех явлений действительности обосновывали и защищали материалисты до Маркса и Энгельса, но они ограничивались рассмотрением *механической формы причинности,* где причина выступает всегда внешне по отношению к следствию.

Признание причинности механической формы движения материи единственным видом закономерной связи явлений в мире приводит к метафизическому пониманию причинности. А в действительности формы причинной связи многообразны. Например, причинность в биологии нельзя свести к причинности в механике, физике и химии. Еще более сложный характер имеет причинность в явлениях общественной жизни.

Материалистическая диалектика преодолела ограниченность метафизического понимания причинности. Она показала, что связь причины и следствия носит характер взаимодействия: не только причина порождает следствие, но и следствие активно действует на причину и изменяет ее. В процессе взаимодействия причина и следствие меняются местами. «То, что́ здесь или теперь является причиной, становится там или тогда следствием и наоборот»[1]. Например, развитие капитализма в России послужило причиной отмены крепостного права, но отмена крепо-

[1] *Ф. Энгельс.* Анти-Дюринг, стр. 22.

стного права в свою очередь явилась причиной дальнейшего развития капитализма.

Взаимодействие причины и следствия означает постоянное влияние их друг на друга, в результате чего происходит изменение как причины, так и следствия. Например, наука и производство развиваются в результате непрерывного взаимодействия друг с другом: изменения в производстве являются причиной коренных изменений в науке, а научные открытия приводят к перестройке техники и технологии производства. Взаимодействие выступает внутренней причиной (causa sui — причиной самого себя) изменений явлений действительности. Мир, как взаимодействие различных явлений, для своего движения, развития не нуждается ни в каком первом толчке, ни в какой потусторонней силе вроде бога и т. п. Вот почему Ф. Энгельс считал верным положение Гегеля, что взаимодействие является истинной конечной причиной (causa finalis) всех вещей. Наше знание не может пойти дальше взаимодействия.

Конечно, взаимодействующие силы, факторы не равнозначны. В системе взаимодействующих сил наука обязана раскрывать определяющие причины.

На взаимодействие причины и следствия оказывают влияние окружающие их явления, совокупность которых носит название *условий*. Среди условий могут быть такие, которые способствуют порождению следствия, а могут быть и такие, которые предотвращают действие причины. Знание причин и условий их действия дает возможность человеку предвидеть процессы и управлять ими. Расщепление ядер урана в зависимости от разных условий может привести и к взрыву огромной мощности и к медленным выделениям энергии. Это используется людьми в практической деятельности. Излучения, выделяющиеся при невзрывном распаде, применяются в медицине, в сельскохозяйственной науке и других исследованиях.

В зависимости от условий одно и то же явление может порождаться различными причинами, и, наоборот, одна и та же причина может приводить к различным следствиям. Так, огромная выделяющаяся при невзрывном распаде энергия может быть получена и в результате расщепления ядер урана и в результате синтеза ядер водорода в ядра гелия.

Причинными взаимосвязями явлений, несмотря на их многообразие, не исчерпывается все богатство закономерных связей в мире. Как писал В. И. Ленин, «каузальность, обычно нами понимаемая, есть лишь малая частичка всемирной связи, но... частичка не субъективной, а объективно реальной связи»[1]. Явления вступают друг с другом в различные отношения: временные, пространственные, атрибутивные и т. д., которые связаны с каузальностью, но не сводятся к ней.

[1] *В. И. Ленин.* Философские тетради, стр. 136.

3. Закон как форма существенной связи явлений. Единичное, особенное и всеобщее

Мы рассмотрели закон причинности и его значение. Но что такое закон, какие связи носят название закономерных?

В самой общей форме *закон* есть определенное необходимое отношение между вещами, явлениями или процессами, вытекающее из их внутренней природы, из их сущности. Понятие закона является одной из ступеней познания человеком единства, связи и взаимозависимости явлений объективного мира. Оно выработалось в результате длительного развития науки и философии.

Не всякая связь между явлениями есть закон. Закон есть такая внутренняя связь, которая носит *существенный* характер. Закон есть существенное в движении явлений. Понятия *закон* и *сущность* — однопорядковые, одностепенные. Например, периодический закон Менделеева вскрывает существенную внутреннюю связь между атомным весом (теперь зарядом атомного ядра) элемента и его химическими свойствами. Под сущностью разумеются внутренние, устойчивые связи. Сущность, как внутреннее, противопоставляется внешней, изменчивой стороне действительности. Когда говорится, что *явление* — это внешнее, а *сущность* — внутреннее, то внешнее и внутреннее противопоставляются друг другу не в пространственном смысле, а в отношении значимости для характеристики предмета.

Далее. Закон есть *необходимое* отношение между явлениями. Закономерные связи при определенных условиях действуют обязательно, с необходимой силой. Закон падения тел, открытый Галилеем, потому является законом, что не одно тело и не случайно падает на землю с ускорением 9,8 *м/сек*, а все тела и всегда. Закон не может не действовать, если имеются все требуемые им условия[1].

---

[1] Термины «закон» и «закономерность» выражают отношения одного порядка, поэтому они часто употребляются в одном и том же значении. Но в употреблении этих терминов имеется и некоторое различие. Законом называют конкретную необходимую связь между явлениями. Например, закон трудовой стоимости гласит, что стоимость товара определяется количеством общественно необходимого труда. Термин «закономерность» употребляется прежде всего для характеристики известной правильности, последовательности явлений. Например, в смене времен года наблюдается определенная правильность: за летом следует осень, за осенью — зима и т. д. В этой правильности, последовательности проявляется закономерность. То же можно сказать о периодичности солнечных и лунных затмений. Термин «закономерность» употребляется и тогда, когда необходимо подчеркнуть, что данное явление не случайно. Развитие общества, учит марксизм, есть строго закономерный, необходимый процесс. Здесь мы не указываем конкретно тот или иной определенный закон, а отмечаем существование необходимой связи. Закономерность рассматривается нами как необходимый, обусловленный определенными причинами процесс, в котором могут действовать не один, а целая совокупность законов.

Закономерные связи являются результатом причинной обусловленности явлений. Если бы явления не были причинно обусловлены, то ни о какой закономерности и речи быть не могло. Могла ли быть строгая последовательность в смене времен года, если бы не существовали ее причины — движение Земли вокруг Солнца и наклон земной оси к плоскости ее орбиты?

Но причинность не исчерпывает всех закономерных связей. Причинность, как мы выше отмечали, является лишь частичкой объективной взаимосвязи, многообразные формы которой раскрываются наукой.

Существенность и необходимость закономерной связи определяют и другие особенности закона. Закон есть *всеобщее* в явлениях. Это значит, что определенная необходимая связь, выражаемая законом, присуща не отдельным единичным явлениям, а всем явлениям или процессам данного рода. Закон природы или общества потому и называется законом, что он выражает всеобщность: если есть определенные условия и причины, они везде и всегда с железной необходимостью вызывают соответствующие явления, следствия. Закон всемирного тяготения отражает такое свойство, которое присуще всем без исключения телам в природе. Закон Бойля — Мариотта выражает свойство, присущее не всем, а только разреженным газам, находящимся в условиях, далеких от сжижения. Но он выражает существенное свойство газов. Связь, которую он устанавливает, носит для этих условий необходимый характер, она всеобща для этих газов, потому что всякий раз, когда газы находятся в таких условиях, между их объемом и давлением существует строго определенное отношение.

В зависимости от того, насколько обширный круг явлений ими охватывается, законы могут быть более или менее общими. Есть законы, действующие во всех явлениях природы (закон сохранения и превращения энергии), а есть и такие, которые присущи отдельным формам движения материи, например биологической. Законы общественной жизни по степени общности также различны: одни действуют во всех формациях, другие присущи только той или иной формации. Наиболее общие законы, присущие и природе, и обществу, и мышлению, изучаются философией.

Закон как всеобщее существует не помимо единичных явлений, не вне их, а только в связи с единичными явлениями, процессами и т. д.

Всеобщее есть объективно существующая общность реальных предметов. Эта общность выражается в единстве их свойств, признаков и черт. Под *единичным* (или отдельным) разумеются отдельные предметы, явления, процессы, события, происходящие в природе и обществе. В качестве единичного может выступать и целая группа предметов, явлений, когда она рассматривается

по отношению к другой, более общей группе, объединенной определенной общностью.

Наряду с категориями всеобщего и единичного наукой выработано понятие *особенного*, которое является как бы связующим звеном между единичным и всеобщим. По отношению к единичному особенное является всеобщим, а по отношению к всеобщему — единичным. Например, пшеница — единичное, злак — особенное, растение — всеобщее. Злак как особенное является всеобщим по отношению к пшенице и единичным в отношении к растению.

Всеобщее и его отношение к единичному по-разному истолковываются различными философскими направлениями. Для объективного идеализма характерна абсолютизация всеобщего: всеобщее предшествует единичному и творит его. Так, например, Гегель писал: «...Всеобщее есть основание и почва, корень и субстанция единичного» [1]. По Гегелю, плод вообще и минерал вообще существуют независимо и раньше единичных плодов и минералов.

Другие философы, наоборот, отрицали объективность всеобщего и признавали реальное существование только единичного. Всеобщее они рассматривали как результат деятельности мысли человека. Так, например, Д. Локк писал: «Общее и универсальное не принадлежит действительному существованию вещей, но изобретено и создано разумом для собственного употребления и касается только знаков, слов или идей» [2]. Точку зрения, что всеобщее выражает то, что в действительности не существует и никогда не происходит, поддерживают феноменалисты и позитивисты.

Как объективному идеализму, так и феноменализму и позитивизму свойствен метафизический отрыв всеобщего от единичного, который приводит либо к мистическому представлению о творческой силе и всемогуществе всеобщего, либо к субъективно-идеалистическому взгляду, рассматривающему всеобщее (в том числе и закономерности природы и общества) как результат творчества человеческого сознания.

Материалистическая диалектика признает объективность как единичного, так и всеобщего, причем реально они существуют только в неразрывной связи между собой. Ленин отмечал, что «отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д. и т. д. Всякое от-

---

[1] *Гегель.* Соч., т. I. 1929, стр. 283.

[2] *Джон Локк.* Опыт о человеческом разуме. М., 1898, стр. 408.

дельное тысячами переходов связано с другого ***рода*** отдельными (вещами, явлениями, процессами)»[1].

Связь единичного и общего обнаруживается всюду. Химик, изучая какой-либо химический элемент, например водород, устанавливает его связи с другими элементами. Он находит, что водород есть газ. Общее (газообразность) существует только в единичном (водороде, кислороде, азоте и т. д.). Оно есть только одно свойство единичного (водорода) и не исчерпывает всего богатства предмета. Водород, как и любое другое единичное, обладает бесчисленным количеством свойств. Единичное явление имеет свойства и общие с другими явлениями и специфические, особенные, присущие только этому явлению и отличающие его от других явлений. При этом общее и особенное существуют в нем в неразрывной связи.

Познать всеобщее можно только путем изучения и сопоставления большого числа единичных предметов. Познание есть восхождение от единичного через особенное к всеобщему.

В процессе объективного развития единичное может превращаться во всеобщее, единичное явление может стать общей закономерностью развития. Переход от единичного через особенное ко всеобщему можно видеть в обществе на примере развития форм стоимости. Простая форма стоимости (при которой стоимость одного единичного товара получает свое выражение в стоимости другого единичного товара) была первоначальной формой обмена, когда он носил характер единичных и случайных актов. С развитием общества обмен становится более регулярным и простая форма стоимости переходит в развернутую, когда стоимость товара получает свое выражение в стоимости нескольких товаров, играющих роль эквивалента. И, наконец, обмен из единичных актов превращается во всеобщность, появляется всеобщая форма стоимости: все товары обмениваются на один, выступающий в роли всеобщего эквивалента. Простая, развернутая и всеобщая формы стоимости относятся друг к другу как единичное, особенное и всеобщее.

Понимание взаимосвязи и взаимопереходов единичного, особенного и всеобщего имеет огромное познавательное и практическое значение. Вместе с тем оно помогает борьбе против догматизма и ревизионизма в оценке явлений общественной жизни.

Ревизионист игнорирует всеобщее в явлениях, абсолютизируя единичное и особенное. Но всякое единичное включает в себя как момент всеобщее, которое реально существует. Единичные явления объединены общей закономерностью, познание которой необходимо для понимания развития явлений и практического руководства. Марксизм-ленинизм дает знание общих

[1] *В. И. Ленин.* Философские тетради, стр. 329.

закономерностей движения к социализму. Задача коммунистических партий различных стран состоит в творческом применении всеобщей истины марксизма-ленинизма к конкретным условиям своей страны. Только такое сочетание общего и единичного ведет к научному пониманию действительности и обеспечивает правильное руководство в грандиозном деле социалистического переустройства общества.

Догматик обращает внимание только на общее в различных явлениях, игнорирует единичное, или специфическое, особенное. В силу этого все явления он стремится подогнать под одну схему, отвлекающуюся от условий, конкретной обстановки и специфических особенностей развития явлений в той или иной стране, в ту или иную эпоху. Но без знания этих особенностей нельзя понять и действие общих закономерностей. Догматик, усвоив формулы, в которых выражено всеобщее, не обращает внимания на применение этих формул к конкретной изменяющейся обстановке. А в этом требовании конкретного подхода заключена суть требований диалектического метода. Игнорирование специфики единичного и особенного приводит к тяжелым ошибкам и извращениям. Как можно правильно руководить строительством социализма в какой-либо стране, не учитывая специфических особенностей этой страны (ее истории, традиций, национальных особенностей и т. д.)?

Коммунистическая партия Советского Союза в своей деятельности показала образцы правильного понимания и решения проблем общего и особенного. Блестящим образцом такого диалектического понимания является Программа КПСС. Исходя из общих положений марксизма-ленинизма, она дает конкретный анализ современной эпохи, определяет пути движения нашего общества к коммунизму.

Поскольку закон отражает всеобщее в явлениях, а не все свойства явлений, постольку единичное явление богаче закона. Закон социальной революции, устанавливающий неизбежность перехода на определенном этапе развития от одной общественно-экономической формации к другой, не исчерпывает всего богатства содержания социальных революций в различные эпохи в различных странах. Любая отдельная социальная революция богаче, многообразнее этого закона.

Закон есть *прочное, устойчивое, повторяющееся, тождественное* в явлениях. Явления одновременно и сходны и различны. Всегда можно найти одну или несколько сторон, по которым сходны самые различные предметы действительности. Диалектика отрицает абсолютное *тождество* явлений, но она признает относительное тождество (совпадение явлений по каким-то отдельным сторонам, свойствам). Закон отражает то, в чем многообразные явления тождественны между собой. Так, закон стоимости выделяет такое свойство товаров, по которому они все

сходны. Это свойство повторяется во всех товарах независимо от их природных качеств и от того, кто, когда и где их производил.

Тождественное существует только в различном, а различное не исключает тождества, единства явлений по каким-либо сторонам, свойствам. Наука, открывая закономерные связи явлений, устанавливает тождество в различном, различие в тождественном. Так, биология, открыв клеточную структуру живых организмов, установила их единство, но она же одновременно указывает, что это тождественное в организмах — клетки — различно по своей структуре в разных типах организмов. Или, например, историческая наука открыла закон, что все общества, где частная собственность на средства производства является основой общества, развиваются путем классовой борьбы, но сама классовая борьба на различных ступенях общественного развития различна. Не всякое сходное, тождественное является законом, а только такое, которое выражает сущность явлений.

Законы объективны. Они не создаются сознанием и волей людей, а существуют независимо от них. Признание объективного характера закономерностей — существеннейшая черта философского материализма. «Мир,— писал В. И. Ленин,— есть закономерное движение материи, и наше познание, будучи высшим продуктом природы, в состоянии только *отражать* эту закономерность»[1]. Законы науки являются отражением объективных законов природы и общества.

Диалектический материализм стоит на позициях последовательного детерминизма. Все предметы и явления движутся, изменяются, развиваются по определенным объективным законам, каждое событие имеет причины.

Философы-индетерминисты отрицают объективность закономерностей. С точки зрения индетерминизма, явления не определяются причинами и необходимостью, а зависят от бога, «высшего разума», воли или цели. Индетерминизм выступает в различных формах, но в конечном счете он ведет к замене научного взгляда на мир религиозным. Как писал Ленин, «изгнание *законов* из науки есть на деле лишь *протаскивание законов религии*»[2].

Теология (от греческого «теос» — бог) открыто говорит о том, что явления природы возникли и движутся по велению бога, порядок в мир вносится «творцом». Этот религиозный взгляд в разных вариациях пропагандируется философами-идеалистами. Так, например, одно из направлений современной философии — *персонализм* исходит из того, что первоосновой бытия является «верховная личность», «творец мира», бог; все законы природы и общества считаются проявлениями божественной воли.

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 14, стр. 156.
[2] *В. И. Ленин.* Соч., т. 20, стр. 182.

Отрицают объективный характер закономерностей и кантианцы. Они считают, что законы природы устанавливаются нашим рассудком. В самой природе, в мире явлений нет необходимости, существенности и общности, опыт нам не дает их. Суждения о внешнем мире приобретают всеобщий характер якобы потому, что в основе их лежат всеобщие априорные категории рассудка.

Идеалистический взгляд, согласно которому разум диктует законы природе, нашел широкое распространение в позитивистской философии. Так, махист *Пирсон* писал: «...закон в научном смысле слова есть, по существу, продукт человеческого духа, не имеющий смысла помимо человека. Он обязан своим существованием творческой мощи его интеллекта. Имеет больше смысла утверждать, что человек дает законы Природе, чем, обратно, что Природа дает законы человеку» [1].

Неопозитивист *Витгенштейн* утверждает, что закон причинности — это только форма закона, родовое название, а не выражение объективной связи явлений: «События будущего,— пишет он,— не могут быть выведены из событий настоящего. Вера в причинную связь есть суеверие» [2]. Суждения, которые в науке называются законами, являются якобы лишь лингвистическими предложениями и не отражают поведение самих физических объектов [3].

Отрицая объективность законов, философы-идеалисты иногда рассуждают так. Закон есть существенное в явлениях, но ведь сам человек, исходя из своих потребностей, одно делает существенным, а другое несущественным. Как мы можем знать, говорит прагматист *Шиллер*, что составляет сущность человека? Для богослова существенно в человеке то, что он имеет душу, для врача — что он имеет тело, для повара — что он имеет желудок, а для прачки — что он носит белье [4]. С разных точек зрения все это существенно для человека в такой же мере, как и то, что он зарабатывает деньги. Вывод из этих рассуждений делается такой: сущность предмета определяется субъектом, нашим взглядом на предмет. Что существенно для самого предмета, мы знать не можем, да и сама постановка вопроса о сущности предмета якобы бессмысленна. А раз не признается объективная сущность, то не признается и объективная закономерность.

Но в действительности сущность предмета не определяется мнением или практическими интересами людей. Например, че-

---

[1] *К. Пирсон.* Грамматика науки. «Шиповник», Спб., 1911, стр. 111.

[2] *L. Wittgenstein.* Tractatus Logico-Philosophicus. London, 1949, p. 109.

[3] Некоторые современные позитивисты связывают законы природы с воспоминаниями. По их мнению, законы являются такими эмпирическими обобщениями, которые носят вероятный характер и оправдываются некоторыми воспоминаниями о наблюдавшихся фактах.

[4] *F. C. S. Schiller.* Formal Logic. London, 1912, p. 54.

ловек, как любой другой объект познания, имеет множество сторон, свойств, которые могут привлекать к себе интерес исследователя. Однако каждый из этих интересов не определяет сущности человека. Последняя может быть понята лишь в том случае, если мы выясним особенности человека, выделившие его из мира животных. Тогда окажется, что человек обладает таким существеннейшим качеством, которое отличает его от всех других животных: человек делает орудия производства, трудится, сущность человека определяется совокупностью исторически определенных общественных отношений.

Конечно, предмет подчиняется действию многих законов, ибо он находится в многочисленных связях, отношениях с другими предметами. Разные отрасли научного знания изучают разные законы, которым подчинен один и тот же предмет. В воде химика интересует ее химическое строение и реакции с другими веществами, физик же изучает воду с другой стороны: изменения ее агрегатных состояний, теплопроводность, электропроводность и т. д. Поэтому физика и химия открывают разные законы, действующие в одном предмете. Но ни химия, ни физика не создают закономерностей, а только изучают их. Наличие многих закономерностей у одного и того же предмета не может служить аргументом для доказательства их субъективности, зависимости от человека, от его потребностей и мышления.

Законы природы и общества не проявляются в чистом виде, а в своем проявлении осложняются многими обстоятельствами. Действие того или иного закона наталкивается на целый ряд противодействующих сил и тенденций, через которые он пробивает себе дорогу. Например, экономический закон капитализма тенденции нормы прибыли к понижению вытекает из относительного уменьшения переменного капитала по отношению к постоянному. Это уменьшение в свою очередь вытекает из технического прогресса, из роста органического состава капитала. Но одновременно, благодаря действию ряда причин, падение нормы прибыли выступает лишь как господствующая тенденция.

То же можно сказать и о законе обнищания пролетариата в капиталистических странах. Действию этого закона противостоит действие другого закона — закона классовой борьбы пролетариата, а также борьба двух систем — капитализма и социализма. В силу этого закон обнищания пролетариата проявляется неравномерно в различных странах. Ограбление народов колоний и подкармливание за их счет верхушки рабочего класса в метрополиях также оказывает влияние на неравномерность действия закона обнищания пролетариата.

Объективную закономерность в природе и обществе некоторые идеалисты подменяют *целесообразностью,* метафизически противопоставляя закон и цель друг другу. Еще в древнегреческой философии существовал взгляд, согласно которому все

явления возникают ради какой-то конечной цели, целевой причины (causa finalis), якобы независимой от действующих причин. Этой целью будто бы определяются и деятельность людей, и жизнь общества, и все движения в природе. Сама вселенная устроена ради какой-то высшей цели (бога). Объяснение мира, исходящее из конечных целей, к которым якобы стремятся все явления природы, носит название *телеологии.*

Телеология возникла как оправдание теологии. Богословами и философами-идеалистами было выдвинуто даже специальное физико-телеологическое доказательство существования бога. Целесообразное, разумное устройство природы, говорят сторонники этого доказательства, свидетельствует о разумности породившей ее причины, т. е. доказывает существование мыслящего и разумного существа, бога. Немецкий философ Лейбниц учил, что в мире существует предустановленная богом гармония, согласованность, а сам наш мир является лучшим из всех возможных миров [1].

Поэт Г. Гейне в произведении «Путешествие по Гарцу» едко высмеял телеологию, согласно которой в природе все до такой степени разумно и целесообразно устроено, что деревья «зелены оттого, что зеленый цвет полезен для глаз... бог также сотворил рогатый скот потому, что мясные супы подкрепляют человека, ослов сотворил затем, чтобы они служили людям для сравнений, а самого человека — чтобы он ел мясные супы и не был ослом».

Телеологический взгляд на природу был подвергнут критике материалистами. Демокрит, Эпикур, Лукреций, Бэкон, французские и другие материалисты противопоставили телеологии принцип причинной обусловленности явлений в природе. При этом материалисты XVII и XVIII вв. телеологическому объяснению мира противопоставляли механистическое понимание причинности, в чем сказалась ограниченность метафизического материализма. Так, плотность предохраняющей тело животного кожи они объясняли сокращением пор под действием холодного воздуха. Неразвитость биологической науки не давала возможности правильно объяснить факты относительной целесообразности в живой природе.

Материалистическая диалектика, опровергнув телеологический взгляд на мир, дала правильное, рациональное объяснение цели и ее отношения к объективным закономерностям. Природа не ставит целей. Правда, в органическом мире мы сталкиваемся

---

[1] В грубой форме телеология стала встречаться реже. Сейчас телеологический взгляд на мир чаще выступает в форме имманентной телеологии, согласно которой явления подчинены скрытой внутренней цели. Но телеология остается телеологией независимо от того, действием какой цели (внешней или внутренней) заменяются объективные законы природы. Тем самым телеолог покидает почву науки и становится на почву мистики, религии с ее учением о сверхъестественной силе.

с так называемой целесообразностью, с приспособленностью растений и животных к окружающей среде и органов друг к другу, с «целесообразной» структурой органов. Так, животные меняют окраску в зависимости от времени года: заяц зимой белый, а летом — серый. Но «целесообразная» приспособленность не тождественна сознательной, целенаправленной деятельности. Ни животные, ни тем более растения не ставят себе никаких целей. «Целесообразность» в органическом мире — это приспособленность к среде, являющаяся закономерным результатом стихийного действия физических, химических и биологических факторов.

Правильное объяснение «целесообразности» в природе дал Дарвин, показавший относительность и односторонность целесообразного строения живых организмов. Приспособленность животных и растений к среде возникла в результате естественного отбора: все неприспособленное погибает в борьбе за существование. Целесообразная приспособленность растений и животных есть результат взаимосвязи организма и условий его существования. Она относительна и вне этих конкретных условий теряет значение. Белая окраска зайца целесообразна и полезна в условиях зимы, но без снежного покрова земли она становится вредной для него.

Последовательно проводя детерминизм, материалистическая диалектика не исключает ни целей, ни свободы действий человека. Больше того, только при детерминистском взгляде возможна строгая и правильная оценка роли цели и целенаправленной деятельности людей. В природе действуют друг на друга слепые, бессознательные силы, а общие законы проявляются путем взаимодействия таких сил. В природе нет сознательной цели. Общество развивается в результате действия людей, одаренных сознанием, ставящих себе цели. Человек производит изменения в природе не просто в силу своего присутствия; своим трудом он заставляет природу служить его целям. Эта особенность деятельности человека абсолютизировалась идеалистами, которые отрывали сознательную цель в человеческой деятельности от породивших ее объективных закономерностей, распространяли понятие цели на природу.

Цели, которые ставит человек в своей практической деятельности, могут соответствовать, а могут противоречить закономерностям объективного мира. По мере того как человек все более точно познает законы природы и общества, он ставит все более правильные, научно обоснованные цели.

Так, целью своей революционной борьбы пролетариат ставит свержение капитализма и установление справедливого строя — коммунизма. Эта цель классовой борьбы пролетариата причинно обусловлена, она вытекает из познанных объективных закономерностей развития общества.

Когда цели человека вытекают из познанных законов развития материального мира, тогда практическая деятельность по достижению этих целей успешна. При этом знание законов дает человеку возможность предвидеть как близкие, так и отдаленные последствия своего активного вмешательства в естественный ход процесса. Если же цели человека покоятся на знании только внешних, несущественных связей, то практическая деятельность может оказаться безуспешной. Правильная, научная постановка цели и правильный выбор средств для ее осуществления дают возможность людям использовать объективные законы для достижения господства над силами природы и общества.

Признание объективного характера законов, таким образом, отнюдь не означает бессилия человека перед силами природы и общества. Фатализм так же чужд материалистической диалектике, как и субъективизм. Законы природы и общества нельзя уничтожить, но это не значит, что люди бессильны изменить условия, на почве которых возникают те или иные законы, и тем самым вместе с изменением условий изменить и действие законов. Так, вместе с уничтожением условий существования капиталистического общества прекращается действие законов капитализма. Вместо них на почве новых условий возникают новые законы, законы социализма.

В зависимости от различных условий меняется форма проявления закона. Одни и те же законы проявляются в самых различных формах. Существуют вечные законы природы, но и они в зависимости от различных условий меняют форму своего проявления. Ф. Энгельс писал: «*Вечные законы природы* также превращаются все более и более в исторические законы. Что вода при температуре от 0 до 100° *C* жидка — это вечный закон природы, но, чтобы он мог иметь силу, должны быть налицо: 1) вода, 2) данная температура и 3) нормальное давление. На луне вовсе нет воды, на солнце имеются только составляющие ее элементы, и для этих небесных тел указанный закон не существует» [1].

Многие физические, химические и биологические законы имеют силу только для условий, имеющихся на Земле. На других небесных телах существуют другие условия и, следовательно, действуют другие законы. «Если мы желаем говорить о всеобщих законах природы, применимых одинаково ко *всем* телам, начиная с туманности и кончая человеком, то у нас остается только тяжесть и, пожалуй, наиболее общая формулировка теории превращения энергии... Но сама эта теория превращается, если последовательно применить ее ко всем явлениям природы, в историческое изображение изменений, происходящих одно за другим в какой-нибудь мировой системе от ее возникновения до гибели, т. е. превращается в историю, на каждой ступени кото-

[1] *Ф. Энгельс.* Диалектика природы, стр. 189.

рой господствуют другие законы, т. е. другие формы проявления одного и того же универсального движения,— и, таким образом, абсолютно всеобщим значением обладает одно лишь *движение*»[1].

Итак, действие законов зависит от условий. Формы проявления законов меняются в различных конкретных условиях. Человек, познав законы и многообразные формы их проявления, может изменять условия и использовать законы для своих практических нужд. Он может обуздать стихийные силы природы и общества, овладеть ими. Он может создавать одни условия действия закона и устранять другие, получая таким образом различные результаты. Практическое значение познания человеком законов природы и общества в том и состоит, чтобы овладеть ими, использовать их в интересах и целях общества, господствовать над силами природы и общества, целесообразно управлять ими.

Познание и практическое использование законов природы и общества сталкиваются со многими трудностями. Закон нельзя увидеть или осязать, он не постигается непосредственно чувствами. Как говорят, законы небесной механики не начертаны на небе. Открытие закона — результат длительного процесса абстрагирующей деятельности человеческого мышления, результат познания.

В науке существует понятие так называемой *статистической закономерности,* которая действительна только для целого ансамбля явлений, а не для каждого отдельного элемента этого ансамбля, как в динамической закономерности. При статистической закономерности среди массы явлений хаотически распределен какой-либо общий признак. Эта закономерность проявляется и может быть обнаружена в большом числе случаев, в массовом потоке фактов. Суммирование большого числа случаев, единичных явлений приводит к тому, что исчезают их случайные отклонения в ту или иную сторону: случайности погашают и уравновешивают друг друга. Так, например, сумма стоимости товаров совпадает с суммой цен их. Но эта закономерность не может быть обнаружена в каждом отдельном товаре, цена которого то выше, то ниже его стоимости: «...вполне естественно,— пишет Ленин,— что в обществе разрозненных товаропроизводителей, связанных лишь рынком, закономерность не может проявляться иначе как в средней, общественной, массовой закономерности, при взаимопогашении индивидуальных уклонений в ту или другую сторону»[2]. Подобно этому давление газа на стенку сосуда подчинено определенной закономерности и имеет постоянную величину. Однако движение каждой отдельной моле-

[1] *Ф. Энгельс.* Диалектика природы, стр. 190.
[2] *В. И. Ленин.* Соч., т. 21, стр. 50.

кулы внутри сосуда носит случайный характер, на основе знания статистической закономерности нельзя предсказать точное направление движения каждой молекулы газа в сосуде.

Статистический закон имеет все признаки закона: объективность, необходимость, всеобщность, он распространяется на все ансамбли одного и того же типа и выражает существенную и необходимую связь явлений. Чтобы вскрыть статистическую закономерность, надо изучить большую массу случайностей. Существует *закон больших чисел*, выражающий диалектику связи необходимости и случайности. В силу этого закона совокупное действие большого числа случайных факторов приводит к результату, не зависящему от отдельного случая.

Среди ряда зарубежных философов и естествоиспытателей имеется тенденция отрыва статистической закономерности от динамической. Этот отрыв выражается прежде всего в утверждении, что явления, в которых действует статистическая закономерность, не подчинены никаким динамическим закономерностям. Законы квантовой механики носят статистический характер. Поэтому, говорят физики-индетерминисты, поведение отдельного электрона не детерминировано никакими объективными закономерностями.

Статистическая закономерность отнюдь не означает, что отдельное явление ансамбля не подчинено вообще никаким объективным законам. Движение каждой отдельной единицы ансамбля в том или ином направлении, ее отклонение в ту или другую сторону причинно обусловлено. Цена какого-либо товара может быть значительно выше его стоимости, но это превышение имеет свои причины, например большой спрос и отсутствие конкурента в данный момент.

В мире нет таких явлений, которые подчинялись бы либо только статистическим, либо только динамическим закономерностям. В каждом явлении переплетается действие многочисленных и различных законов, ибо явления находятся в многочисленных связях с другими явлениями: с одними явлениями они связаны статистической закономерностью, а с другими — динамической. Динамическая закономерность не исключает статистической, а статистическая не исключает динамической. Например, движение молекулы газа в сосуде связано с другими молекулами статистической закономерностью, но эта же молекула вместе с другими, находящимися в сосуде, подчинена той динамической закономерности, которая определяет положение сосуда в пространстве. Связь явлений, устанавливаемая статистически, причинно обусловлена.

4. Необходимость и случайность

Последовательное проведение принципа детерминизма связано с правильным решением проблемы соотношения необходимости и случайности. Не уяснив этого соотношения, нельзя понять действия объективных законов.

Как было уже ранее сказано, закономерные связи объективно обусловлены, существенны и необходимы. *Необходимо* то, что вытекает из сущности, из внутренней связи вещей и неизбежно должно произойти. Противоположностью необходимости является случайность. *Случайность* неустойчива, она внутренне, необходимо не связана с сущностью процесса. Случайное явление может быть, а может не быть, может произойти так, а может произойти иначе. Необходимость имеет причину в самой себе, случайность — в другом. Например, победа нового общественного строя, социализма,— явление необходимое, вытекающее из сущности всего предшествующего общественного развития, оно обязательно произойдет во всем мире, причина этого явления кроется во внутренних закономерностях развития общества. Случайно, что семя какого-либо растения было занесено в такую область, куда раньше семена этого вида растений не попадали. Случайно, что это семя нашло там условия для своего произрастания. Причина этих явлений находится вне семени: ход развития семени не заключает в себе причин перенесения его в ту или иную область; не от семени зависит, в какие условия оно попадает, какие помехи оно встретит на месте своего произрастания. Совсем не обязательно, чтобы данное семя попало в данную область, чтобы оно нашло там благоприятные условия и т. п. Когда семя какого-либо растения созреет, его дальнейшее существование зависит от многих случайностей.

Метафизики рассматривают случайность и необходимость как взаимоисключающие друг друга: необходимое не имеет отношения к случайности, а случайность абсолютно исключает необходимость. Для метафизического материализма характерно отрицание случайности и признание господства в природе и обществе чистой, абсолютной необходимости. Еще Демокрит говорил, что все свершается только по необходимости: *«Люди измыслили идол [образ] случая, чтобы пользоваться им как предлогом, прикрывающим их собственную нерассудительность»* [1]. Субъективной категорией считали случайность и французские материалисты XVIII в. Так, Гольбах писал, что в природе, обществе и человеческом мышлении все подчинено абсолютной необходимости. Ничего иного по сравнению с тем, что существует, быть не может: «...Все, что мы наблюдаем, *необходимо* или не может быть иначе, чем оно есть...» [2] Ни одно живое существо

[1] «Материалисты древней Греции», стр. 69.
[2] *П. Гольбах.* Система природы. Соцэкгиз, 1940, стр. 35.

не может действовать иначе, чем оно действует, ни один атом случайно не встречается с другим. Говорить о случайности, по мнению Гольбаха, значит не знать законов природы. Отрицание случайности аргументировалось тем, что в мире объективно существует причинность, которая якобы исключает всякую случайность. Случайным явление может-де считаться лишь до тех пор, пока не вскрыта причина его существования. Как только обнаружится причина явления, случайности якобы приходит конец. Отсюда вывод: случайность — субъективная категория, выражающая наше незнание предмета. Материалисты прошлого неправильно полагали, что признание объективности случайности неизбежно приведет к идеалистическому взгляду на мир, к индетерминизму.

Крайности сходятся, и в данном случае отрицание случайности фактически приводит к низведению необходимости до степени случайности. Сказать, что все абсолютно необходимо, равносильно противоположному утверждению: все одинаково случайно. Объявить все необходимым — значит растворить необходимость как специфическую форму связи явлений в массе случайностей. Если все необходимо, то число листьев на этом дереве — явление столь же неотвратимое, как и закон всемирного тяготения.

Французские материалисты XVIII в., отрицая случайность, в действительности все события в истории общества объясняли случайными обстоятельствами. Гольбах писал: «...мы должны быть уверены, что нет столь малой или отдаленной причины, которая не оказывала бы иногда на нас огромнейшего и неожиданнейшего влияния. Может быть, в бесплодных равнинах Ливии собираются первые зародыши бури, которая, уносимая ветрами, прибудет к нам, сгущая нашу атмосферу и воздействуя на настроение и страсти человека, а человек в силу сложившихся обстоятельств может влиять на множество других людей и по своему произволу решать судьбу многих народов» [1]. Так, случайное обстоятельство (песчинка из Ливийской пустыни) может определить ход общественного развития, вызвать войны, бедствия народов. Французские материалисты случайные причины возводили до степени необходимых и вследствие этого сами впадали в идеализм и фатализм.

Метафизический материализм, отрицающий случайность, бессилен в борьбе против фатализма, воспитывающего покорность перед стихийными силами природы и общества, как перед волей мистического рока, судьбы.

Существование необходимости в природе и обществе отрицают современные позитивисты. Витгенштейн утверждает, что

[1] *П. Гольбах.* Система природы, стр. 36.

нет такой необходимости, в силу которой должно произойти одно, потому что произошло другое. По его мнению, существует только логическая необходимость — необходимость следования одного суждения из другого; эта необходимость не отражает никакой объективной закономерности, а возникает из природы языка.

Однако практическая деятельность людей доказывает объективное существование как необходимости, так и случайности в природе и обществе. Но недостаточно просто признать объективное существование необходимости и случайности. Ведь можно так рассуждать: необходимость существует сама по себе, а случайность — сама по себе; одни связи и события только необходимы, а другие только случайны; науке нет никакого дела до случайностей, хотя они и существуют, она изучает только существенное, устойчивое, обязательное. Такого взгляда придерживался, например, метафизик Х. Вольф.

Но необходимость сама проявляет себя через бесчисленные случайности, как общее проявляется через единичные явления. И задача науки состоит в том, чтобы в кажущемся хаосе случайностей открыть, обнаружить скрытую необходимость, закономерность.

Материалистическая диалектика глубоко и всесторонне раскрывает взаимосвязь случайности и необходимости, их переход друг в друга в процессе развития материи. Случайность есть форма проявления необходимости и дополнение к ней. «...То,— пишет Энгельс,— что утверждается как необходимое, слагается из чистых случайностей, а то, что считается случайным, представляет собой форму, за которой скрывается необходимость...» [1]

Представим себе, что какой-либо мелкий собственник, скажем, владелец кондитерской лавки в капиталистической стране, разорился, стал пролетарием. Это часто бывает. Сам кондитер думает, что это событие чисто случайное, не имеющее никакого отношения к необходимости. Да и действительно случайно, что этот, а не другой кондитер разорился; ведь в другом месте при несколько иных обстоятельствах другой кондитер до конца своей жизни может прожить владельцем лавки. Можно найти целый ряд случайных обстоятельств, которые вызвали разорение именно этого кондитера, например то, что по соседству открылся большой кондитерский магазин с более дешевыми товарами, вследствие чего наш кондитер лишился своих покупателей, и т. п. Но за этим событием, как за всякой случайностью, скрывается необходимость. Разорение мелких собственников (торговцев, ремесленников, крестьян) в условиях капиталистического общества с развитой индустрией — необходимый, неизбежный про-

---

[1] *Ф. Энгельс.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии, стр. 38.

цесс, закон капитализма. Эта необходимость пробивает себе дорогу через массу случайностей (разорение тех или иных отдельных мелких собственников). Без этих единичных и, следовательно, случайных по отношению к общему ходу экономического развития явлений не может проявиться экономическая необходимость.

Случайность не есть беспричинность. Все случайности имеют свои причины. Кондитер разорился потому, что появился серьезный конкурент. Когда имеется причина и условия для ее действия, то следствие необходимо вытекает из нее. Причинность — всеобщая форма связи явлений. Но условия для действия данной причины могут быть, а могут не быть. Сами причины различны: есть такие, которые вытекают из внутренней логики процесса развития и являются, следовательно, необходимыми; есть и причины случайного характера, которые могли и не иметь места.

Естественная смерть в результате старости и одряхления не случайна. А смерть здорового человека в результате удара автомобиля могла и не иметь места при ином стечении обстоятельств, если бы человек вышел из дому на минуту раньше или позже или по дороге встретил бы товарища и задержался с ним. Случайность появляется в точке пересечения разных причинно обусловленных явлений. Пересечение этих явлений именно в данной точке необязательно; оно — результат стечения многих обстоятельств. Отсутствие одного из них исключило бы его возможность.

Случайность и необходимость в процессе развития переходят друг в друга. Например, отдельные случаи превращения пленников в рабов встречались и до существования рабовладельческого строя, но они не были характерными и необходимыми, не вытекали из внутренних потребностей родового строя. Но когда производительные силы развились до такого уровня, что возникло производство прибавочного продукта, обращение в рабство стало не единичным, а общим явлением, господствующим экономическим отношением античного общества.

Наука не отрицает существование случайности. Случайность объективно существует и изучается наукой. Но наука не должна останавливаться на этом: обязанность науки за случайностями раскрыть необходимость, закономерность, проявляющуюся в случайностях.

Случайность, являясь объективно существующей, оказывает большее или меньшее влияние на ход развития явлений. Историю делают люди, обладающие различными способностями и стремлениями. Когда созревает какая-либо общественная необходимость, то всегда найдутся люди, которые будут ее претворять в жизнь. Но как они будут ее осуществлять, это зависит и от многих случайных обстоятельств: от способностей, наклонно-

стей, характера деятелей, ставших во главе движения. По отношению к общему историческому процессу случайно, что именно эта личность возглавила данное движение, но поскольку она уже встала во главе этого движения, она окажет влияние на него, наложит свой отпечаток на те или иные события.

Случайности по-разному оказывают влияние на нашу жизнь: одни благоприятны, другие пагубно действуют, одни ускоряют ход развития процесса, другие осложняют и замедляют. На разных ступенях развития общества жизнь людей в различной степени зависела от случайностей природы. Жизнь первобытного человека почти всецело зависела от случайностей природы; добывание средств к жизни во многом зависело от случайных обстоятельств: удачной охоты и т. д. Одно какое-либо стихийное бедствие (засуха, ливень, вторжение других племен) могло привести к гибели племени. С развитием производительных сил общества и науки люди все больше и больше выходили из-под власти случая.

При социализме впервые в истории люди получают возможность все больше и больше управлять общественными процессами, сознательно использовать законы в интересах всего общества. В руках народа при социализме находятся все могучие средства производства, возрастающая роль науки, которые дают возможность устранить пагубное действие многих случайностей природы. При социализме познанные законы развития природы и мощная техника производства служат господству человека над стихийными силами, используются в интересах народа.

5. Возможность и действительность

Чтобы глубже понять действие законов природы и общества, проявление необходимости через случайности, пути и средства использования человеком объективных законов для своих практических целей, нужно рассмотреть и проблему возможности и действительности, условия превращения, перехода первой во вторую.

Категория *возможность* выражает способность материи в процессе движения принимать различные формы. Любое явление при известных условиях может изменить форму своего существования, перейти, превратиться в другое явление (например, низшие формы переходят в высшие). Эта возможность определяется тем, что все вещи, явления, процессы находятся в непрерывном движении, изменении, которое происходит по определенным от сознания и воли людей не зависящим законам. Одно явление может стать другим, оно содержит в себе эту объективную возможность.

Но в каком направлении может произойти изменение дан-

ного предмета, каким другим он может стать? Это зависит от определенных условий, обстоятельств.

Обнаружить, вскрыть возможности, таящиеся в явлениях природы и общества, и условия превращения их в новую действительность — это важнейшая задача науки и практической деятельности людей. Возможность в силу заложенной в бытии необходимости, закономерности превращается в действительность.

Действительность[1] есть осуществленная возможность. Возможность выражает тенденцию закономерного движения бытия (природы и общественной жизни).

В зависимости от различных условий одна и та же возможность может осуществляться в разных формах. Так, развитие капитализма в ряде стран пошло по прусскому или по американскому пути.

Формы осуществления возможностей зависят от многих обстоятельств. Например, возможность сбора хорошего урожая зерна в каком-либо районе в текущем году основана на многих закономерных факторах (сортовые семена, улучшенная обработка почвы, выбор правильной системы земледелия и т. п.), но эта возможность связана и с многими случайными обстоятельствами (количество осадков и солнечных дней в этом году, состояние погоды во время уборки и т. д.). Поэтому при выявлении возможностей надо учитывать как необходимые, так и случайные факторы, определяющие эту возможность.

Возможность противоположна невозможности.

Излюбленной манерой современных идеологов буржуазии, волюнтаристически[2] подходящих к истолкованию мира, является попытка выдать невозможное за возможное и, наоборот, возможное за невозможное. Так, например, игнорируя закон конкуренции и анархии производства при капитализме, они стараются доказать возможность «планируемого», «организованного», «бескризисного» капитализма. Невозможное выдают за возможное. С другой стороны, наиболее реакционные и агрессивные круги буржуазии отрицают возможность мирного сосуществования государств с различным общественным строем, хотя оно и представляет единственную альтернативу разрушительной термоядерной войне.

Возможность и невозможность надо рассматривать конкретно. В зависимости от изменений условий и возникновения новых законов невозможное может стать возможным, например, создание материально-технической базы коммунизма в СССР

---

[1] Термин «действительность» употребляется и в другом, более широком смысле: как весь окружающий нас мир со всеми возможностями, которые в нем имеются. Здесь мы рассматриваем действительность в ее соотношении с возможностью.

[2] Волюнтаризм — разновидность идеализма. Основой всего существующего волюнтаристы считают волю.

было невозможным сразу после Октябрьской революции. Тогда, когда КПСС выполнила свою вторую программу и социализм одержал полную победу, возникли необходимые условия для постепенного перехода к коммунизму и для создания его материальной базы.

Возможность и действительность относительно противоположны как две стороны развития: как исходный момент и результат развития. А так как развитие представляет собой цепь событий, то каждое звено в ней является исходным моментом по отношению к одному и результатом по отношению к другому. Феодальный строй на определенной ступени своего развития содержал в себе возможность капиталистического, а капиталистический — социалистического строя. А при наличии социалистической системы возникла возможность для стран, освободившихся от колониального ига, некапиталистического пути развития. Но за ее реализацию народам этих стран нужно бороться.

Хотя возможность и действительность переходят друг в друга, их надо строго различать. Принять возможное за действительное — значит впасть в грубую ошибку, ввести в заблуждение себя и других. Если бы все возможное было одновременно и действительным, то не существовало бы никакого развития в природе и обществе. Смешение возможного и действительного в политике приводит к самообману и серьезным ошибкам.

Если последовательно рассуждать вслед за субъективистами, то пришлось бы признать все возможным. В мире существуют случайности; поэтому, рассуждают субъективисты, все может случиться, все возможно: если сегодня Земля вращается вокруг Солнца, то завтра возможно, что Солнце будет вращаться вокруг Земли. Поэтому и все желаемое возможно. Субъективистское понимание возможности несостоятельно, оно противоречит фактическому развитию явлений природы и общества.

В практической деятельности надо опираться не на то, что все возможно («все может случиться»), а на *реальную возможность*, которая вытекает из существующей и действующей закономерности и из наличных условий. Существование объективной закономерности необходимо, но еще недостаточно для возникновения той или иной реальной возможности. Нужны условия, которые способствовали бы проявлению этой закономерности именно в данной форме.

Существуют разные возможности. Не следует смешивать два рода возможностей: абстрактную (формальную) и реальную. Наличие определенной закономерности обусловливает лишь *абстрактную, формальную возможность*, которая в данной конкретно-исторической обстановке еще не может превратиться в действительность, потому что отсутствуют необходимые предпосылки для ее реализации. Например, возможность экономического кризиса перепроизводства заложена в противоречиях то-

вара вообще — в разделении акта купли и продажи во времени и пространстве, в раздвоении товара на товар и деньги, в развитии функции денег как средства обращения. Но в условиях простого товарного хозяйства возможность кризиса перепроизводства носит абстрактный, формальный характер. Хотя и в условиях простого товарного производства можно продавать, не покупая, но реальной угрозы экономического кризиса не возникает. Если даже какой-либо мелкий собственник (или группа их) будет продавать, не покупая, то ощутимой задержки в сбыте товаров не произойдет; рынок не будет переполнен товарами, производителю не придется увольнять рабочих, ибо у него их нет. Возможность экономического кризиса перепроизводства становится реальной в условиях капиталистического общества, где деньги превращаются в капитал, а труд становится наемным. Здесь производство носит общественный, а присвоение — частный характер, и разделение акта купли и продажи и возникающие на этой основе задержки в сбыте товаров приводят к кризису и потрясению капиталистического общества: к расстройству торговли, к сокращению производства, к росту безработицы, к разорению мелких собственников, к банкротству промышленных, торговых и банковских фирм и т. д.

Многие буржуазные идеологи, приукрашивая империализм, пишут о богатых возможностях, которые таит в себе капитализм для простых людей. Они говорят, что в капиталистическом обществе любой человек может стать миллионером, которому все доступно. Но эта возможность — чисто формальная. Рабочему нужна не формальная возможность стать капиталистом, а реальная возможность освободиться от эксплуатации, иметь работу, хорошее жилище, питание, возможность культурного развития и быть полноправным хозяином своей страны. Для успешной практической деятельности человек, передовой общественный класс должны обнаружить нужную им реальную возможность, определить пути ее претворения в жизнь и действовать согласно этим путям.

Возможность не есть нечто застывшее и неизменное. Ее развитие есть результат действия законов. Так, возможность победы социалистической революции в странах капитала развивается в связи с развитием капитализма и обострением его противоречий.

Как известно, всякий закон в природе и в обществе не выступает в чистом виде, а проявляется как тенденция. Действие того или иного закона наталкивается на целый ряд противодействующих сил. Поэтому явления действительности таят в себе противоречивые возможности, каждая из которых опирается на определенные тенденции закономерного развития. Среди борющихся возможностей в конце концов побеждает, превращается в действительность какая-либо одна. Например, современная между-

народная напряженная обстановка, создаваемая империалистами, таит в себе возможность новой мировой войны. Но вместе с тем в современных условиях существует и другая возможность — предотвращения войны. Первая вытекает из того, что империализм порождает войны. Вторая основывается на иной закономерности: империализм перестал быть всеохватывающей мировой системой, возникли, развились и окрепли социалистические страны, изменилось соотношение классовых сил на мировой арене в пользу социализма, расширяется зона мира, выросло движение борцов за мир. Все это говорит о том, что нет фатальной неизбежности войны. «Объединенными усилиями могучего социалистического лагеря, миролюбивых несоциалистических государств, международного рабочего класса и всех сил, отстаивающих дело мира, *можно предотвратить мировую войну*»[1]. Обе возможности (и возможность войны и возможность ее предотвращения) реальны, но противоположны. Превращение одной из них в действительность означает ликвидацию другой. При этом одна возможность (предотвращение войны) выражает основную тенденцию прогрессивного развития, растут и умножаются ее силы, а другая опирается на реакционные агрессивные круги капиталистического общества, которые встречают все большее сопротивление со стороны борцов за мир и демократию.

Какая же из существующих и борющихся возможностей станет действительностью? Это зависит от многих обстоятельств. Чтобы возможность прочного мира превратилась в действительность, чтобы предотвратить новую войну, необходимы бдительность и организованность сил мира, демократии и социализма, их активная и решительная борьба единым фронтом против сил агрессии.

Если не будет всех необходимых условий, то и реальная возможность не превратится в действительность. Семя содержит в себе возможность превращения в растение, но для этого в определенное время года его надо бросить в разрыхленную почву, нужны тепло и влага. Из многих семян не вырастают растения по причине отсутствия необходимых условий.

Среди возможностей имеются такие, которые носят необходимый характер и рано или поздно неизбежно реализуются (например, победа социалистической революции во всех странах обязательно произойдет). Но и такие возможности превращаются в действительность, лишь когда созреют все необходимые условия (для победы революции необходимы определенные объективные и субъективные факторы). Наука вскрывает таящиеся в природе и обществе возможности, изучает условия, при которых они реализуются, и тем самым указывает пути устране-

[1] «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 58.

ния неблагоприятных для человека возможностей, содействует превращению желательных возможностей в действительность.

Возможность может превращаться в действительность и без вмешательства человека. Так обычно происходит в природе, где необходимые для реализации возможности условия складываются независимо от деятельности людей.

В общественной жизни превращение возможностей в действительность осуществляется через практическую деятельность людей. Познав лежащую в основе возможности закономерность, человек своей практической деятельностью может ускорить превращение этой возможности в действительность, направить развитие по желаемому пути. Изучение возможностей, таящихся в существующем положении вещей, нахождение среди них той, которая отвечает потребностям передовых сил общества, во многом определяют успех практической деятельности.

Объективный подход к явлениям окружающего мира, выявление всех условий, необходимых для реализации возможностей,— это важнейшие элементы диалектического научного анализа явлений.

Когда созрела та или иная объективная возможность в обществе, то ее реализация зависит от практической деятельности людей. Например, в течение двух десятилетий наша страна должна решить главную экономическую задачу — создать материально-техническую базу коммунизма. XXII съезд КПСС наметил конкретный путь выполнения этой задачи, определил место рабочего класса, колхозного крестьянства, советской интеллигенции в ее решении. Творческим трудом советского народа эта *возможность,* как и многие другие, превращается в *действительность.*

ГЛАВА VI

ЗАКОН ПЕРЕХОДА КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В КАЧЕСТВЕННЫЕ

1. Количественные и качественные изменения и переход их друг в друга

При изучении природы перед нашим взором раскрывается великое качественное многообразие ее явлений, процессов, предметов.

Уже издавна философия и естественные науки пытались дать ответ на вопрос о том, чем объясняется это качественное многообразие природы, как связаны между собой такие качественно различные явления, как, скажем, неорганическая и органическая (живая) природа, одни виды растений и животных с другими, животные и человек и т. д. Но правильный ответ на этот вопрос не сразу был получен. И это не удивительно, так как неразвитое состояние науки, а также и практической деятельности человека долго не позволяло найти истинный подход к столь сложной и трудной проблеме.

Одни философы и ученые считали, что качественное разнообразие природы есть нечто само собой разумеющееся и его нужно принять как факт. Они или не пытались объяснить этот факт, или полагали, что мир был создан в таком виде высшей «творческой» силой — богом — либо каким-то другим сверхъестественным путем. Другие философы и ученые стали на путь отрицания качественного различия между явлениями природы и сводили все к чисто количественному различию. Они признавали развитие, но понимали его как количественные изменения, как количественную группировку и комбинацию каких-то качественно неизменных тел. Этот взгляд на мир возник еще в древности и наиболее широкое распространение получил в XVII и XVIII вв.

Так, древнегреческий философ Анаксагор (V в. до н. э.) учил, что природа состоит из бесконечного количества качественно различных «семян» (гомеомерий). Развитие он представлял как количественно различное соединение и разъединение гомеомерий. Один предмет отличается от другого тем, что в нем скапливается больше или меньше однокачественных «семян» вещей. Этот наивный взгляд обосновывался тем, что, например, у человека, употребляющего пищу, растут кости, волосы, ногти и т. п.; следовательно, в пище уже в готовом, но малом виде содержатся кости, волосы, ногти и пр.

Французский философ XVIII в. Робинэ, в силу слабого развития биологии не имея возможности научно объяснить переход от неживой материи к жизни, объявил все существующее проявлением органичности, т. е. живого. Он полагал, что между камнем, дубом, лошадью и человеком нет качественного различия. «В камне и в растении,— писал он,— можно найти те же самые суще-

ственные для жизни принципы, что и в человеческом организме; вся разница заключается в комбинациях этих признаков, в числе, пропорции, порядке и форме органов»[1].

Несомненно, у названных Робинэ предметов есть общее, однако общие свойства не снимают глубокого качественного различия и тех особых законов, по которым каждый из этих предметов возникает и существует. Мы ничего не поймем, например, в человеке, в его жизни и деятельности, если возьмем лишь то общее, что объединяет его с камнем или деревом (что они состоят из некоторых общих химических элементов, существуют в пространстве и времени и т. д.). Только выяснение качественных отличий человека от камня, от растения и животного может помочь нам понять его место и роль в общей цепи развития природы.

Количественная теория развития имела свое историческое оправдание в том, что в XVII—XVIII вв. из всех наук наиболее разработаны были механика и математика. Механический, количественный подход к природе неизбежно приводил философов, естествоиспытателей к пренебрежению качественными различиями предметов, к сведе́нию всего богатства форм движения к простейшей механической форме, к пониманию развития как чисто количественной комбинации каких-то качественно неизменных «кирпичей» мироздания. Количественная теория тогда имела прогрессивное значение в борьбе с религией, так как в противоположность последней стремилась найти естественное объяснение многообразия мира. Однако сведе́ние качественного разнообразия предметов и развития к чисто количественным различиям и изменениям глубоко ошибочно.

Сложным и противоречивым путем, медленно, но верно шла наука к истине, подготовляя возникновение единственно правильного объяснения качественного многообразия мира, устанавливая действительное отношение между количественной и качественной сторонами явлений, процессов. Развитие физики, химии, биологии и других наук помогло человеку проникнуть в сущность явлений, понять развитие как качественные превращения одних предметов в другие в результате количественных изменений. Особенно большое значение имели в этом отношении успехи химии. Энгельс указывал, что «химию можно назвать наукой о качественных изменениях тел, происходящих под влиянием изменения количественного состава»[2].

Развитие физики за последние десятилетия и открытие превращения элементов, радиоактивности, превращения одних «элементарных» частиц в другие снова и снова подтверждают диалектическое понимание развития в природе и вместе с тем обогащают это понимание новыми знаниями.

Учение марксистской диалектики о переходе количественных изменений в качественные есть обобщение данных наук о природе, обобщение опыта мировой истории человечества, раскрывающее один из важнейших объективных законов развития.

Чтобы лучше понять закон перехода количественных изменений в качественные, необходимо прежде всего разобраться в понятиях *качество* и *количество*. Когда мы исследуем какой-нибудь

[1] *Ж. Робинэ*. О природе. 1935, стр. 508.
[2] *Ф. Энгельс*. Диалектика природы, стр. 41.

предмет, нам прежде всего бросается в глаза определенность предмета, отличающая его от других предметов. Эта определенность и составляет его качество. Природа представляет собой единство многообразных предметов, явлений, процессов. Это многообразие природы есть выражение качественного различия между предметами. Например, имеется качественное различие между неорганической природой и органической: живое может существовать лишь при условии специфического обмена веществ с окружающей его средой, неживое не нуждается в таком обмене. В свою очередь между различными частями органической природы, например растениями и животными, имеются также качественные различия. А человек по сравнению с ними есть уже иное качество.

Качественная определенность присуща и всем общественным явлениям. Капитализм, например, есть определенное качество, совокупность ряда существенных для него признаков, черт и сторон: наличие класса владельцев средств производства и класса наемных рабочих, эксплуатация капиталистами рабочих и т. д. Социализму как качественно новой общественной формации свойственны другие черты: общественная собственность на средства производства, отсутствие наемного труда и эксплуатации человека человеком.

Приведенные примеры позволяют понять, что качество — это прежде всего определенность предметов и явлений, единство их существенных черт, сторон, делающих их данными предметами и явлениями. Нет явлений и предметов, которые были бы лишены качественной определенности. Бытие, лишенное качественной определенности, невозможно. Луг, озеро, скала, дерево, звезда, животное и т. п.— все это разные явления и предметы благодаря своей качественной определенности.

Но качество есть не просто определенность. Это определенность, внутренне присущая предмету, в силу чего изменение качества означает изменение данного предмета. Если живой организм перестанет осуществлять обмен веществ с окружающей средой, то он погибнет, утратит качество живого организма, так как в обмене веществ состоит сущность его бытия, жизни.

Качество обнаруживается через *свойства.* Хотя понятия «качество» и «свойство» употребляются часто как равнозначные, между ними имеется различие. Свойство — это качество в одном из его внешних выражений, в отношении данного предмета к другим предметам. О качестве, т. е. о внутренней определенности предмета, мы можем узнать только по тому, как оно проявляется в присущих ему свойствах. Так, о том или ином человеке, о его человеческих качествах мы можем судить лишь на основании его отношения к другим людям, к обществу.

Качественно определенная вещь проявляется во многих свойствах. Например, химический элемент находит свое выра-

жение в таких свойствах, как принадлежность к группе металлов или металлоидов, определенный атомный вес, валентность и т. п. Металл проявляется в таких свойствах, как плотность, сжимаемость, температура плавления, теплопроводность, электропроводность и др.

Вещь характеризуется не одним каким-нибудь свойством, а множеством свойств; однако качество неправильно было бы сводить к простой сумме свойств; качество есть то, что связывает все свойства вещи воедино, что выражает *целостность* вещи. Различая качество и свойство, было бы неправильно вместе с тем разделять их абсолютной гранью. Качеством вещи можно считать ее наиболее существенные свойства, которые определяют все остальные ее свойства и без которых вещь перестает быть самой собой.

Не все свойства предмета проявляются одновременно. Какие из множества его свойств выступают на первый план, зависит от его конкретных связей с другими предметами. В одних связях проявляются одни свойства предмета, в других связях — иные свойства. Свойства предмета могут меняться в зависимости от изменения его связей с окружающим миром.

Отдельные свойства предмета могут возникать и исчезать без того, чтобы изменилась вещь, ее коренное качество. Изменение отдельных свойств вещи, конечно, означает, что она претерпевает какие-то качественные изменения, но изменения эти не касаются ее коренной качественной определенности, в силу которой она есть данная, а не иная вещь. Это следует иметь в виду, чтобы, с одной стороны, не сложилось неправильное представление, будто на всем протяжении своего существования вещь остается тождественной, не испытывает абсолютно никаких качественных изменений, и, с другой стороны, чтобы изменение отдельных сторон, свойств предмета не принимать за коренное изменение его существа, его качественной определенности. Например, некоторые свойства капитализма на высшей, империалистической стадии его развития изменились: свободная конкуренция превратилась в свою противоположность — в монополию. Без учета этого важнейшего изменения невозможно понять современный капитализм. Но коренное, существенное качество капиталистического строя, в силу которого он является капитализмом, не исчезло, хотя идеологи империализма и ревизионисты стараются выдать современный капитализм за некое новое, не буржуазное общество. Только ликвидация тех главных черт, которые определяют капитализм как определенное социально-экономическое качество (частная собственность на средства производства, система наемного труда, эксплуатация рабочих), может означать его уничтожение, переход в новое качество.

В отличие от свойств, которые в рамках данного предмета могут изменяться, не будучи постоянными, качество выражает

относительную устойчивость, постоянство предмета. Благодаря качеству предмет есть то, что он есть. Время существования предмета определяется его бытием как определенного качества. Качественное изменение означает прекращение существования данного предмета, превращение его в иной предмет.

Качество есть, употребляя выражение Гегеля, граница, благодаря которой одни предметы отличаются от других; это граница не внешняя, не пространственная, а внутренняя, выражающая специфику, своеобразие предметов. Эта граница не навязана предметам человеческим сознанием, а объективно присуща самим предметам. Если бы ее не существовало, все слилось бы в одну неразличимую массу.

Таким образом, понятие качества отражает чрезвычайно важную сторону всех предметов, явлений и процессов объективного мира. Подытоживая сказанное, *качество* можно выразить как *неразрывно связанную с самим предметом определенность, как совокупность всех существенных черт, признаков, придающих предмету относительную устойчивость и отличающих его от других предметов.*

Качество предметов не существует вне связи с их количественной стороной. Понятие *количества* есть также всеобщая категория, отражающая одну из важных сторон любого предмета, явления или процесса. Количество также выступает как определенность предмета, но в отличие от качества оно характеризует предмет со стороны степени развития его свойств: величины, объема, числа, скорости движения, интенсивности цвета и т. д. Например, стол может быть большой или маленький, звук может быть продолжительный или короткий, высокий или низкий и т. д.

Количественная определенность общественных явлений не всегда выразима в столь точных величинах, как у явлений неорганической природы, но и здесь каждое явление, каждый процесс имеет не только качественную, но и количественную сторону. Например, уровень развития производительности труда, производительных сил, темпы развития производства и других сторон общественной жизни, количество людей, занятых производительным трудом, степень эксплуатации рабочих капиталистами, размеры национального дохода, его распределение и т. д.

Количество, количественная определенность предмета имеет по сравнению с качеством ряд особенностей, которые очень важно знать, чтобы понять сущность закона перехода количественных изменений в качественные. Предмет перестает быть тем, чем он был, когда он теряет свое качество; следовательно, качество тождественно, т. е. как бы сливается, совпадает с самим предметом. Этого нельзя сказать о количественной стороне предмета. Количество можно увеличивать или уменьшать, но при этом предмет не утрачивает своего качественного состояния. Так, твердая медь не перестанет быть самой собой, если ее темпера-

тура повысится до 600° или даже до 1000°С. Количество есть более внешняя, на первый взгляд как бы безразличная к качеству предмета определенность, не столь тесно связанная с предметом, как качество. Предмет, количественно изменяясь, до известного предела не перестает быть самим собой.

Но присмотримся ближе к количественным изменениям и их значению в процессе развития. Когда мы утверждали, что нечто можно увеличивать или уменьшать без того, чтобы оно утратило свое качество, то мы не принимали во внимание границы, пределы этого количественного изменения. В действительности же, рассматривая приведенный выше пример, если температуру меди повысить до 1083°, то медь начнет плавиться. Это показывает, что безразличие предмета к количественным изменениям имеет место лишь до известного предела: наступает такой момент, когда дальнейшее изменение числа, величины, объема или иного количества становится совсем небезразличным для судьбы предмета.

Выходит, таким образом, что количество, количественные изменения *внутренне* связаны с качеством, с предметом, но эта связь не сразу проявляется и обнаруживается. Количественные изменения также имеют определенные границы, пределы. Однако, если «нарушение» качественной границы предмета влечет за собой изменение самого предмета, границы количественных изменений предмета более эластичны: количественные изменения могут колебаться, быть большими или меньшими, и это не сразу влечет за собой изменение качества предмета. Но то, что количественные изменения не столь невинны для предмета, становится очевидно при их нарастании. В процессе количественных изменений закономерно наступает такой момент, когда малейшее изменение количества ведет к коренному, качественному изменению, к возникновению нового качества. Иначе говоря, количественные изменения имеют предел, выход за который уже не остается безнаказанным для предмета, для его качественной определенности.

Таким образом, количество есть такая сторона предметов, явлений, процессов, которая характеризует степень, объем, интенсивность их развития, имеет численное выражение и особенность которой состоит в том, что ее изменения, достигнув известного предела, воздействует на качество предметов.

Наука о природе дает массу доказательств этой взаимосвязи количественных и качественных изменений. Если делить неживое тело на все меньшие частицы, то неизбежно достигается граница, за которой количественные изменения вызывают качественные. Тело делится на молекулы, молекулы — на атомы. Атомы по своему качеству и свойствам отличаются от молекул, а молекулы — от физического тела. Атомы тоже не есть предел делимости, они состоят из других, более малых частиц — прото-

нов, нейтронов и электронов, имеющих свои специфические законы движения. При взаимодействии и столкновении атомов, движущихся с энергией в несколько электроновольт, атомы остаются теми же, не утрачивают своего качества; можно увеличить энергию в тысячи раз — результат будет тот же. Но когда энергия вырастает до миллионов электроновольт, тогда происходят уже качественные изменения ядер атомов, одни атомы превращаются в другие.

Для того чтобы стала возможна цепная реакция расщепления ядер с целью атомного взрыва, требуется количественно определенная масса урана. Минимальное количество урана, необходимое для нормального протекания цепной реакции (около килограмма), называется критической массой. Если количество урана меньше критической массы, то цепной реакции, а стало быть, и взрыва не произойдет.

Яркие примеры того, как количественные изменения, достигая известной границы, превращаются в изменения качественные, дает и химия. Соединяя одни и те же элементы в разных количественных пропорциях, мы получаем качественно различные вещества. На переходе количественных изменений в качественные основан открытый Д. И. Менделеевым периодический закон. Менделеев считал, что свойства химических элементов зависят от величины их атомного веса. Достижения современной науки позволили уточнить это положение и доказать, что место каждого химического элемента в таблице Менделеева определяется величиной заряда его ядра. Количественное изменение этой величины ведет к качественным превращениям элементов. Подобные примеры можно найти в любой области науки.

В этой зависимости качественных изменений предметов от количественных изменений нет ничего таинственного. Количественная сторона вещи не отделена от ее качества. Количество — это количество данного качества: величина, объем, интенсивность, степень развития предмета. Количественные изменения — это лишь относительно самостоятельный процесс: продолжаясь далее определенной для каждого предмета границы, количественные изменения вступают в резкое противоречие с качеством, становятся несовместимыми с ним. И тогда изменяется предмет, его качество.

Итак, качественная и количественная определенности предметов находятся в тесной связи между собой. Изменения одной вызывают закономерные изменения другой. Количественные изменения, достигая определенной для каждой вещи границы, вызывают качественные изменения. Но связь между количеством и качеством не односторонняя. Не только количественные изменения переходят в качественные, но и наоборот. Каждый процесс перехода количественных изменений в качественные означает одновременно и переход качественных изменений в новые коли-

чественные изменения. Это и естественно, ибо новое качество органически сочетается с новым количеством, с новыми количественными пропорциями. Проиллюстрируем это на примерах.

Кооперация труда, т. е. объединение разрозненных производителей, есть качественно новая форма производства. Количественные изменения здесь переходят в новое качество. В свою очередь это новое качество, т. е. кооперация труда, создает более высокую производительность труда, чем способны развивать разрозненные работники. Благодаря кооперированию труда повышается также производительная сила каждого отдельного работника, труд которого составляет часть целого. Это значит, что качественные изменения вызывают новые количественные изменения.

Известно, что социалистическая экономика развивается такими темпами, которые не под силу капитализму даже в лучшую пору его истории. Это объясняется преимуществами социализма перед капитализмом. Иначе говоря, переход к качественно новой, социалистической системе хозяйства порождает новые темпы развития: качество переходит в количество.

Значит, не только качественная определенность предметов зависит от количества, но и, напротив, количество, количественная определенность предметов обусловлена их качественной спецификой. Единство, взаимосвязь и взаимозависимость качества и количества выражаются в понятии *мера.* Каждый предмет есть мера в том смысле, что в основе его качественной особенности лежит определенное количество и, наоборот, его количественная определенность зависит от качественной сущности предмета. Гегель называл меру «качественным количеством». С равным правом меру можно назвать и «количественным качеством». *Мера* есть единство и взаимодействие качества и количества. Предмет как качественная определенность может существовать в связи не со всяким, а с известным, хотя и колеблющимся в известных границах, количеством, а количественные границы его изменений обусловлены качественной определенностью предмета.

Мера — одна из важных категорий материалистической диалектики. С ее помощью мы схватываем предмет в единстве, синтезе его качества и количества. Мера есть граница бытия предмета. Нарушение меры делает невозможным данное бытие, данный предмет. Поскольку предмет существует, ему присуща своя мера.

Очень важна мера в искусстве. Вне меры невозможно выразить красоту природы и человека. Это относится и к моральным понятиям и принципам. Безобидные в начале проступки против принципов социалистического общежития могут за известной границей перерасти в преступление. Басня Крылова «Демьянова уха» хорошо иллюстрирует необходимость меры и в гостеприимстве.

Из сказанного, однако, не следует, что естественный выход за меру есть нечто противное природе вещей. Речь шла лишь о том, что каждый предмет имеет свои границы связи и взаимообусловленности качественной и количественной определенности, которые нельзя нарушать безболезненно для предмета, ибо за пределами этой границы, за пределами меры он перестает быть данным предметом, превращается в нечто иное. Мера как раз и определяет, до каких пор, до какого предела количественные изменения не ведут к качественным изменениям. Когда же количественные изменения переступают этот предел, мера перестает быть мерой данного предмета, происходит его качественное изменение.

Выход количественных изменений за меру предмета есть закономерное явление и условие развития объективного мира. В силу выхода за меру количественные изменения приводят к коренным, качественным изменениям. Старое качество исчезает, возникает новое качество. Вместе с этим возникает и новая мера. В рамках новой меры опять-таки будут совершаться количественные изменения, которые на определенной ступени приведут к новым качественным изменениям, к смене старых, отживших форм новыми формами. Так происходит бесконечное развитие.

Сказанное выше позволяет сформулировать сущность рассматриваемого закона. *Закон перехода количественных изменений в качественные есть закон, в силу которого мелкие, вначале незаметные, количественные изменения, постепенно накапливаясь, на какой-то ступени нарушают меру предмета и вызывают коренные, качественные изменения, вследствие чего предметы изменяются, старое качество исчезает, возникает новое качество.*

Будучи одним из важнейших законов развития и изменения объективного мира, этот закон имеет большое значение для познания. Выше было уже сказано, что законы диалектики являются как законами бытия, так и законами познания. Закон перехода количественных изменений в качественные требует прежде всего изучения качественной специфики, определенности вещей, без чего нельзя ничего узнать о вещи. Изучение качественной определенности той или иной группы или класса явлений есть единственно правильный путь, позволяющий установить особые закономерности развития этих явлений, не сводимые к законам других явлений. Так, только приняв во внимание качественную специфику микрообъектов (протонов, электронов, нейтронов и т. д.), можно понять, почему законы классической механики Ньютона непригодны для объяснения их движения. Здесь действуют законы квантовой механики. Живая природа существует и развивается по своим законам, отличным от законов неорганической природы. Человеческим обществом управляют иные законы, нежели законы природы. Вот почему марксизм ведет

борьбу против теорий, стирающих качественное различие между законами общества и законами природы и пытающихся свести первые ко вторым, объяснить жизнь общества биологическими особенностями человеческих рас, борьбой за существование и т. п.

Современные ревизионисты, например, стараются стереть коренное качественное различие между социализмом и капитализмом, чтобы приукрасить капитализм, навязать трудящимся ложный взгляд, будто можно без революционного преобразования капиталистического строя изменить его природу.

Но качество вещи, как мы видели, не существует вне ее количественной стороны. Поэтому изучению количества, количественных отношений вещей диалектика также придает большое значение. Предмет, качество, не может быть понят без учета его количественной определенности.

Изучение количественной определенности вещей — сложный процесс, предполагающий способность абстрагирования от качественной пестроты предметов. Исследование количественной стороны явлений есть ступень углубления познания, способствующая раскрытию их законов. Например, когда физики, разложив белый свет на его составные части, установили, что в основе качественного различия между разными цветами — красным, фиолетовым, зеленым и т. п.— лежат электромагнитные волны разной длины, стал возможным научный анализ света. Выдающийся советский физик С. И. Вавилов писал по этому поводу: «Прихотливая, субъективная область цветовых явлений, в течение тысячелетий ускользавшая от упорядочивающегося стремления ученых, вдруг обнаружила свою количественную сущность и отныне стала вполне подчиненной точному научному анализу»[1]. Известно также, что химия стала прочно на ноги благодаря введению количественного метода изучения вещества; это позволило установить такие важные химические законы, как закон постоянства состава, закон кратных отношений и др. Не случайно в современной науке и общественной практике все большее значение приобретает математический метод познания.

Вместе с тем закон перехода количественных изменений в качественные как закон познания предостерегает от абсолютизирования количественного способа изучения, требует видеть его ограниченность и исследовать количественные процессы в их тесной связи с качественной определенностью вещей. Конечно, в разных сферах познания дело обстоит по-разному. Например, в математике, имеющей дело с чисто количественными отношениями, мы правомерно отвлекаемся от качества предметов. Но, чем сложнее изучаемая форма материального движения, чем выше на лестнице природы она находится, тем более важно при

[1] *С. И. Вавилов.* Глаз и Солнце. 1956, стр. 22.

исследовании количественных отношений не упускать из виду качественной специфики вещей и процессов, брать их в неразрывной связи и взаимодействии. Особенно важное значение это имеет при изучении общественных явлений.

Ленин неоднократно показывал, как буржуазные социологи и экономисты в целях искажения действительности использовали, например, статистику. Статистика изучает количественную сторону общественных процессов. Без нее невозможно исследовать, скажем, экономические явления. Но так как она оперирует количественной стороной сложных общественных явлений, ее при желании можно из орудия научного исследования превратить в орудие доказательства ложных идей. Так, для того, чтобы опровергнуть марксистское положение о том, что и в земледелии при капитализме происходит процесс вытеснения мелких производителей и рост крупного капиталистического хозяйства, чтобы защитить ложную идею об устойчивости мелких хозяйств, буржуазные экономисты и социологи сознательно в своих статистических выкладках классифицировали хозяйства по одному лишь признаку — по количеству земли. При этом они игнорировали такие качественные процессы, как применение наемного труда в земледелии, вложение капиталов в землю и т. п., т. е. то, что характеризует развитие капиталистического по своему качеству земледелия. «Одним учетом количества земли,— писал В. И. Ленин,— всех этих, сложных и разнообразных, процессов нельзя выразить, а именно из этих процессов и складывается общий процесс развития капитализма в земледелии»[1].

Руководствуясь диалектическим законом перехода количества в качество и обратно, мы должны в своем познании учитывать как качественные, так и количественные процессы, видеть их связь и взаимообусловленность, их единство и противоречие, переходы друг в друга. Только такой подход составляет одно из важнейших условий истинного познания.

2. Единство эволюционной и революционной форм развития. Скачки

Анализ количественных и качественных изменений предметов показывает, что это два хотя и связанных между собой, но все же различных вида движения, каждый из которых имеет свои особенности. Количественные изменения есть *эволюционная*[2] форма развития. Качественные изменения, напротив, представляют собой *революционную* форму развития. А так как количественные и качественные изменения взаимно связаны между

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 22, стр. 47.

[2] Термин «эволюция» часто употребляется в двояком смысле. Во-первых, понятие эволюции отождествляется с понятием «развитие»; например, дарвиновское учение о происхождении видов называют эволюционным, так как оно исходит из того, что органические виды не неизменны, а развиваются. При таком понимании эволюции она включает в себя и количественные и качественные изменения. Во-вторых, под эволюцией понимают одну из форм развития, именно постепенные количественные изменения в отличие от революционного качественного, скачкообразного изменения предметов. Здесь это понятие все время употребляется в последнем смысле.

собой, то необходимо сделать вывод, что развитие есть единство эволюционного и революционного изменения. Это имеет большое принципиальное значение и составляет одну из важнейших сторон диалектической теории развития.

Эволюционным называется такое изменение, при котором происходит постепенное количественное изменение существующего. *Революционным* считается коренное, качественное изменение существующего. Революционное изменение есть *скачок*, перерыв в постепенности количественных изменений, переход от одного качества к другому. Всякое качественное изменение осуществляется в форме скачка.

Поскольку развитие, как мы установили, есть переход количественных изменений в качественные и наоборот, оно не может протекать лишь эволюционно или лишь революционно. Между тем в истории философии и науки существовали теории, односторонне признававшие или эволюционную форму развития, или скачкообразную. Такие теории существуют и ныне. Согласно вульгарно-эволюционистской точке зрения, развитие имеет вид сплошной непрерывной линии постепенных количественных изменений без всяких качественных изменений, скачков. Преформистская теория в биологии выражает эту точку зрения. Своеобразным выражением преформизма в современной биологии является вейсманистская теория.

Хорошо показал несостоятельность этого взгляда Г. В. Плеханов. Когда метафизики, писал он, «говорят о *возникновении* какого-нибудь явления или общественного учреждения, они представляют дело так, как будто это явление или учреждение было когда-то очень маленьким, совсем незаметным, а потом постепенно подрастало. Когда речь идет об *уничтожении* того же явления и учреждения, предполагается, наоборот, постепенное его уменьшение, продолжающееся до тех пор, пока явление станет совсем незаметным в силу своих микроскопических размеров. Понимаемое таким образом развитие ровно ничего не объясняет; оно предполагает существование тех самых явлений, которые оно должно объяснить, и считается лишь с совершающимися в них *количественными изменениями*»[1].

Особенно широкое распространение вульгарно-эволюционистские взгляды получили в объяснении общественной жизни. Буржуазная философия использует эти взгляды для защиты капиталистического строя. Она утверждает, что общество развивается лишь эволюционно, без коренных изменений, без революционных потрясений и переворотов. Революционные скачки в развитии она считает противоестественными, нарушениями «нормального» и плавного движения.

[1] *Г. В. Плеханов.* Избранные философские произведения, т. I. 1956, стр. 569.

На этой же метафизической теории основывается реформизм в рабочем движении, ревизующий марксистский научный социализм. Реформисты считают, что переход от капитализма к социализму может быть достигнут без революции, лишь в результате мелких реформ, не выходя за рамки буржуазного общества и без завоевания пролетариатом политической власти. «Ревизионисты,— писал Ленин, имея в виду реформистов,— считают фразами все рассуждения о «скачках» и о принципиальной противоположности рабочего движения всему старому обществу. Они принимают реформы за частичное осуществление социализма»[1]. Современные ревизионисты, как и во времена Бернштейна, утверждают, что социализм или элементы социализма будто бы растут всюду, в том числе и в капиталистических странах. И эти повторения бернштейнианства они пытаются выдать за новый вклад в марксизм. Ревизионисты смешивают материальные предпосылки социализма, создаваемые и созданные современным капитализмом, с самим социализмом. Реформисты и ревизионисты ведут борьбу против революционного марксизма, раскалывают рабочее движение и сбивают его на путь примирения с буржуазией, с капиталистическим строем.

Таким образом, суть вульгарно-эволюционистской точки зрения заключается в одностороннем выпячивании постепенности, плавности развития и в отказе от признания революционных скачков и их значения в развитии.

Менее широкое распространение получил другой, столь же односторонний и ошибочный взгляд, согласно которому развитие есть цепь одних скачков, переворотов без всякой постепенности. Известное отражение он нашел как в естествознании, так и в общественных теориях. Были, например, попытки объяснить изменения органического мира внезапными катастрофами, время от времени возникавшими и приводившими к изменению флоры и фауны. Такова теория катаклизмов известного французского ученого XIX в. Кювье. Подобных взглядов придерживались и некоторые другие естествоиспытатели. Голландский биолог Гуго де Фриз считал, что растения существуют столетия и тысячелетия в абсолютно неизменном виде, но вдруг благодаря действию какой-то «творческой силы» происходит, как он выражается, «толчок»: растение качественно изменяется. Развитие живой природы имеет, с его точки зрения, «толчкообразный» характер. Но откуда эти толчки, чем, какими процессами они подготовлены? Гуго де Фриз отвечает, что они чисто случайны.

Представителями подобного взгляда на развитие общественной жизни являются анархисты, анархо-синдикалисты. Они полагают, что общественные перевороты совершаются неожиданно,

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 16, стр. 319.

без подготовительного периода, без постепенного собирания сил, без медленной эволюции, создающей предпосылки для революции.

Оба эти взгляда односторонни и не соответствуют действительному развитию объективного мира. «Жизнь и развитие в природе,— указывает Ленин,— включают в себя и медленную эволюцию и быстрые скачки, перерывы постепенности» [1]. Каждый из этих видов движения есть закономерная и необходимая стадия в развитии всего существующего.

Эволюционное развитие — та стадия, на которой предмет претерпевает постепенные *количественные* изменения. Эти изменения сами по себе не могут дать нового качества, а лишь подготовляют качественное изменение. Чтобы последнее произошло, требуется перерыв постепенных количественных изменений, скачок, посредством которого и осуществляется переход от старого к новому. Качественные изменения, скачки играют большую роль в развитии. Поэтому необходимо подробнее рассмотреть эту философскую категорию.

Понятие *скачок* выражает закономерную стадию в процессе развития — стадию перелома в постепенных количественных изменениях, наступление качественных перемен. Скачок завершает эволюционную стадию.

По сравнению с постепенным, эволюционным движением скачок, революционное изменение отличается рядом важных черт. В то время как эволюция вносит в предмет лишь *частные* изменения, оставляя нетронутыми его качество, его основу, скачок — это форма *коренных* изменений предмета, переход предмета из одного качества в другое. Конечно, и эволюция есть форма изменений предмета, но это изменения не коренные, хотя они могут быть и важными. Например, развитие капитализма, особенно в период империализма, подготовляет материальные предпосылки для перехода к социализму. Однако количественный, эволюционный рост этих предпосылок сам по себе не означает перехода к новому обществу, к уничтожению буржуазного строя. К этому может привести только социалистическая революция, революционный скачок.

«Капитализм,— писал Ленин,— сам создает своего могильщика, сам творит элементы нового строя, и в то же время, без «скачка», эти отдельные элементы ничего не изменяют в общем положении вещей, не затрагивают господства капитала» [2].

Огромное общественное значение учения диалектики о переходе количественных изменений в качественные состоит в том, что оно обосновывает закономерность, необходимость социальных революций при переходе от отжившего общественного строя

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 16, стр. 319.
[2] Там же, стр. 318.

к новому, более прогрессивному, например от феодализма к капитализму, от капитализма к социализму.

Скачок, далее, означает перерыв постепенности количественных изменений, перерыв непрерывности развития. Перерыв непрерывности нужно понимать, конечно, не в том смысле, что прекращается развитие. Прекращается на определенной ступени лишь один вид изменений данного предмета — эволюционный, характеризующийся постепенностью, непрерывностью количественных изменений в пределах старого качества. Скачок есть переход от одного качества к другому. Это и означает, что в развитии произошел «перерыв»: возникло нечто новое, старое ушло в небытие, в процессе движения завязался новый «узел», возникла новая веха, новая мера. Скачок поэтому не только не прекращает развитие, а, напротив, является формой *наиболее интенсивного* изменения, высшим, кульминационным моментом развития, когда происходит ломка отжившего, тормозящего дальнейшее движение и расчищается путь более прогрессивным и жизнеспособным формам. Ярким подтверждением великого значения скачка в развитии общества служат социальные революции.

Скачок отличается от постепенности количественных изменений как форма сравнительно более быстрого изменения предметов. Количественные изменения обычно протекают медленно, в то время как скачок осуществляется в значительно более короткие промежутки времени.

Это не означает, будто скачки всегда и во всех случаях происходят мгновенно. Бывают скачки, совершающиеся в течение длительного времени; они могут составлять целую эпоху в развитии общества (например, мировая социалистическая революция).

В отличие от постепенных количественных изменений, часто незаметных, неуловимых и скрытых от взора, скачок — форма открытых изменений.

Но при всех различиях эволюционного и революционного, непрерывного и скачкообразного движения они друг друга обусловливают и представляют собой моменты единого процесса развития: количественные изменения подготовляют скачок, перерыв постепенности количественных изменений, этот последний создает условия для дальнейших количественных изменений.

Вот почему развитие природы, общества и человеческого мышления имеет вид не сплошной непрерывной линии, где одно незаметно, нечувствительно переходит в другое, а линии, в которой постепенные количественные изменения прерываются скачками, узлами, переходами от старого к новому, возникновением качественно новых образований. Крупнейшими скачками, перерывами постепенности в истории развития природы были возникновение жизни, возникновение сознания как свойства высокоорганизованной материи. Периодическая система элементов — яр-

кий пример единства непрерывности и прерывности в развитии природы. Качественное различие между атомами элементов основано на количественном различии зарядов их ядер. Переход от одного элемента к другому совершается скачкообразно. Каждый новый элемент есть качественный узел в цепи развития, качественно новое звено, новая мера. Гегель образно назвал развитие, в процессе которого совершается переход от одной меры к другой, «узловой линией мер». Каждая новая мера представляет собой как бы «узел», новое качественное образование, созданное природой на бесконечном пути ее развития.

Такой же «узловой линией мер», где постепенные изменения прерываются скачком, возникновением качественно новых форм, является органическая жизнь. Когда совершился великий скачок и из неживой материи естественно возникла жизнь, то дальнейшее развитие живой материи не было постепенным количественным нарастанием возникших первоначальных форм. Хорошо по этому поводу писал советский биолог академик В. Л. Комаров: «Если бы жизнь на земле, раз возникнув, возрастала затем только количественно, то поверхность земли покрылась бы толстым слоем студени, подобной той, которую и теперь вырабатывают бактерии, амёбы и другие близкие к ним организмы. Но количество имеет свойство переходить в качество. При этом массы вещества, находящиеся в различных взаимоотношениях (химических, физических и пр.) с внешней средой, приобретают различные качества или, как говорят, дифференцируются. Однообразная масса становится разнородной»[1].

Виды растений и животных — это и есть качественно различные «узлы», выражающие дифференциацию органической материи, превращение однородного в разнородное, разнообразное. Линия развития растений и животных — не непрерывная цепь, а непрерывность, скачкообразно прерываемая возникновением новых органических форм, видов.

Сказанное о единстве количественной постепенности и качественных скачков в природе целиком относится и к развитию общества. Каждая новая общественно-экономическая формация рождалась в результате предшествующего постепенного количественного развития старой формации и знаменовала собой крупный скачок, перелом в развитии общества.

Развитие человеческих знаний также совершается через перерывы постепенности. Великим открытиям в науке предшествуют периоды медленного накопления фактов, наблюдений, формулирования отдельных частных положений и принципов; все это затем позволяет «вдруг», «внезапно» совершить быстрый скачок вперед. Примером таких скачков в развитии науки являются обоснование Коперником гелиоцентрической системы,

[1] *В. Л. Комаров.* Происхождение растений. 1943, стр. 44.

открытие законов механики Галилеем и Ньютоном, открытие Ломоносовым закона сохранения вещества и движения, теория происхождения видов Дарвина, возникновение марксизма, явившееся величайшим революционным переворотом в истории человеческого мышления, дальнейшее развитие Лениным марксизма, разработка им теории империализма, новой теории социалистической революции, теории строительства коммунистического общества, многочисленные открытия науки XX в. (теория относительности, квантовая механика, ядерная физика, мичуринское учение в биологии, открытие эры освоения космоса и т. д.).

Не только вся история мышления, но любой процесс познания является единством непрерывности и прерывности, постепенности и скачков. Требуется постепенное количественное накопление фактов, наблюдений на ступени чувственного познания, чтобы перейти к обобщениям, означающим скачок от одной ступени познания к другой — от живого созерцания к абстрактному мышлению. Этот скачок означает углубление познания, переход от изучения внешних проявлений предметов к их сущности.

Вся система многочисленных наук отражает единство непрерывности и прерывности природы. Каждая из наук — физика, химия, биология, общественные науки — изучает отдельные формы движения, качественно отличающиеся друг от друга. Все науки вместе с тем связаны между собой в единую систему наук, ибо они отражают отдельные стороны единой, бесконечно разнообразной природы, движущейся материи. Подобно тому как природа и непрерывна и дискретна (т. е. прерывна), так и науки едины, непрерывны (т. е. связаны друг с другом) и дискретны (т. е. разделены).

3. О многообразии форм перехода от старого качества к новому

Материалистическая диалектика не ограничивается положением о том, что переход от одного качества к другому совершается посредством скачка. Понятие «скачок» дает только общее указание, как осуществляются качественные превращения. Диалектика требует учитывать *многообразие* форм перехода одного в другое, разнообразные формы скачков. Это требование диалектики имеет огромное методологическое значение. Оно ориентирует на конкретный анализ конкретных форм переходов, проявляющихся по-разному в разных явлениях и процессах в зависимости от разных обстоятельств.

В этом отношении показателен подход Ленина к вопросу о скачках в обществе. Он подверг критике тех социалистов, которые, зная, что переход от одной формации к другой совершается скачкообразно, глубокомысленно заявляли, что между капита-

лизмом и социализмом находится «скачок», и дальше этого не шли. Главное же, по Ленину, состоит в том, чтобы найти, схватить, выразить *конкретную форму* скачка, перехода, и в зависимости от этого действовать.

Формы скачков, переходов от старого качества к новому определяются природой развивающихся предметов и явлений и конкретными условиями, в которых они развиваются. Втиснуть эти многообразные формы в какую-нибудь схему невозможно. Задача состоит в том, чтобы, руководствуясь общим законом диалектики, что всякий переход от одного качественного состояния к другому есть скачок, выяснить конкретные формы этого перехода в каждом данном случае. Приведем примеры, показывающие, сколь многообразны формы качественных превращений.

Есть объекты, качественные изменения которых происходят лишь в форме такого скачка, который сразу, целиком меняет объект. Именно так качественно изменяются химические элементы, что нашло научное выражение в таблице Менделеева. Кстати отметим, что и количественные изменения, вызывающие качественные превращения элементов, протекают своеобразно. При переходе от одного элемента к другому, скажем от кислорода к фтору, нет постепенного нарастания количественных изменений в заряде ядра: последний увеличивается сразу на единицу, и это порождает скачок, переход к новому элементу. Заряд ядра кислорода равен 8, фтора — 9. Следовательно, не только качественные изменения, скачки, но и количественные изменения протекают своеобразно, в зависимости от характера явлений и процессов.

На это обращал внимание Энгельс, отмечая своеобразие перехода одной формы энергии в другую, например теплоты в механическое движение и наоборот. При этом переходе нет количественного уменьшения или увеличения энергии; количество энергии остается одним и тем же, а качество тем не менее изменяется. Значит ли это, что в данном примере нарушается закон перехода количественных изменений в качественные и последние возникают без предварительных количественных изменений? Нет, и здесь количественные изменения вызывают качественные, но своеобразно. Как показал Энгельс, переход из одной формы движения в другую всегда является процессом, «происходящим по меньшей мере между двумя телами, из которых одно теряет определенное количество движения такого-то качества (например, теплоту), а другое получает соответствующее количество движения такого-то другого качества (механическое движение, электричество, химическое разложение)» [1]. Значит, и в данном случае количественные и качественные изменения взаимно связаны между собой.

[1] *Ф. Энгельс.* Диалектика природы, стр. 39.

Как бы ни отличались скачки (переходы от одного качества к другому) по своей форме, сущность их одна: в любой форме они выступают как перелом в развитии, как коренное изменение, преобразование предмета, как уничтожение старого и возникновение нового. Говоря о форме постепенного перехода от одного качества к другому, Энгельс подчеркивал: «При всей постепенности, переход от одной формы движения к другой всегда остается скачком, решающим поворотом» [1].

Иногда думают, что скачок обязательно совершается в виде мгновенного акта. Как уже было сказано, по сравнению с периодами эволюционного развития скачки, несомненно, являются формой более быстрого и интенсивного развития. Но отсюда не следует, что скачки связаны с какими-то точно фиксированными сроками. Ленин в статье «Очередные задачи Советской власти» (1918 г.), указывая на задачу строительства новой, социалистической жизни, советского демократизма и вовлечения широчайших масс в управление государством, предупреждал, что ее невозможно решить мгновенно. Критикуя тех, кто думал, что скачки такого рода могут осуществиться в один присест, Ленин писал: «О том, что «скачком» учителя социализма называли перелом под углом зрения поворотов всемирной истории и что скачки такого рода обнимают периоды лет по 10, а то и больше, об этом не умеет подумать большинство так называемых социалистов, которые про социализм «читали в книжке», но никогда серьезно в дело не вникали» [2]. Называя весь период социалистического преобразования общества эпохой «больших скачков», Ленин показал, что в рамках этого большого скачка совершается целый ряд скачков в разных сферах общественной жизни, причем одни скачки могут быть осуществлены быстро, другие же требуют терпеливой и кропотливой работы, значительного времени. Таким образом, сроки, время протекания того или иного скачка определяются особенностями процесса, сущностью совершаемых изменений, и здесь невозможен никакой шаблон.

Вопрос о многообразии форм перехода от старого к новому приобрел в современных условиях большое теоретическое и практическое значение. На путь строительства социализма встал уже целый ряд стран с различным уровнем экономического, политического и культурного развития, с разнообразными историческими традициями. На этот путь рано или поздно встанут и остальные страны мира. Положение марксистской диалектики о скачке как обязательном этапе, необходимом моменте всякого развития философски обосновывает закономерность, необходимость социальных революций. Марксистская философия воору-

---

[1] *Ф. Энгельс.* Анти-Дюринг, стр. 63.
[2] *В. И. Ленин.* Соч., т. 27, стр. 243.

жила пролетариат и его партию сознанием необходимости подготовки и осуществления социалистической революции, без которой невозможен переход от капитализма к социализму. Но каковы конкретные формы осуществления этого величайшего революционного скачка, это зависит от совокупности многих обстоятельств. XX съезд КПСС в 1956 г. указал на закономерность многообразных форм революционного перехода от капитализма к социализму. Этот вопрос будет специально рассмотрен в XV главе.

При социализме скачки, переходы количественных изменений в качественные, соотношение между эволюционной и революционной формой развития имеют ряд важных особенностей, отличающих их от развития в условиях антагонистического общества. Самой важной особенностью является то, что в отличие от антагонистических формаций, где революционные скачки, крупные переломы в развитии общества имеют форму политических революций, резких социальных конфликтов и столкновений классов, в социалистическом обществе политические революции навсегда исчезают. Здесь уже нет враждебных общественному прогрессу классов, и для того, чтобы проложить путь новым, более прогрессивным формам нет уже необходимости в свержении существующей политической власти. Социалистическое государство, будучи действительным представителем всего общества, «общенародной организацией», как указывается в Программе КПСС, в силу этого кровно заинтересовано во всестороннем развитии общества, в строительстве коммунизма.

Далее, в старом обществе периоды эволюции, в которые вызревали условия для революционного скачка, обнимали, как правило, большие, нередко очень длительные промежутки времени. Это объяснялось стихийностью развития общества в прошлом, а также тем, что господствующие классы оказывали яростное сопротивление социальным изменениям, в которых были заинтересованы новые, передовые общественные силы. В социалистическом обществе развитие, переход от социализма к коммунизму совершается в результате сознательной деятельности масс под руководством коммунистической партии, в соответствии с осознанными объективными законами. Вследствие этого темпы, периоды эволюционного развития, подготовка крупных изменений становятся короче, ход общественного развития убыстряется.

В силу того, что в антагонистическом обществе господствующие классы сопротивляются назревшим переменам в общественных порядках, периоды эволюции и периоды революции резко разделены. До какого-то времени идет накопление сил нового, способных сломить сопротивление реакционных сил, отстаивающих отжившее, и только тогда, когда этот процесс завершается, наступает момент уничтожения старого, скачок, революция, осуществляющая качественное изменение.

Напротив, в социалистическом обществе уже нет такого резкого разделения периодов постепенных и скачкообразных форм развития. И здесь, как уже было сказано выше, количественное изменение подготовляет своеобразный качественный скачок, и здесь качественные изменения невозможны без подготовительных количественных изменений. Но так как здесь уже нет тех преград на пути назревающих качественных изменений, как в антагонистическом обществе, то эти изменения осуществляются по мере возникновения предпосылок, в порядке постепенного перерастания прежнего качественного состояния в новое. Вследствие этого наиболее типичным для социалистического общества (как и для будущего коммунистического общества) является постепенность качественных изменений, что не исключает, конечно, резких, одноразовых изменений, например в области науки, техники и т. п.

В новой Программе КПСС, в которой дано научное обоснование перехода от социализма к коммунизму, говорится: «Постепенное перерастание социализма в коммунизм — объективная закономерность...» [1]. Все основные процессы этого перерастания будут протекать в порядке постепенности, по мере созревания необходимых материальных и духовных предпосылок. Например, по мере дальнейшего развития социалистической демократии «произойдет постепенное превращение государственной власти в органы общественного самоуправления». В процессе решения задачи создания материально-технической базы коммунизма, роста общественного богатства «произойдет постепенный переход к единой общенародной собственности» и т. д.

Вместе с тем нужно учитывать, что возникновение ростков нового качества и процесс постепенного их накопления еще не означает качественного изменения явления *в целом,* а лишь подготовляет его. Чтобы такое изменение произошло, требуется определенное время. Например, Программа КПСС определяет, что необходим двадцатилетний период всестороннего экономического и культурного развития нашей страны, по истечении которого «в СССР будет в основном построено коммунистическое общество». Это время и будет эпохой скачка, перехода от социализма к коммунизму. Коммунистическое общество родится в итоге этого огромного скачка. Постепенность качественных изменений означает, что недопустимо перепрыгивать через непройденные этапы, ступени развития и что новые формы жизни возникают лишь в меру подготовки и созревания предпосылок.

Далее, было бы упрощением представлять постепенность качественных изменений как простое арифметическое суммирование растущих элементов нового качества. В действительности это более сложный процесс, в котором ростки нового качества

[1] «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 62.

не только суммируются, но и совершенствуются, поднимаются на новую, более высокую ступень, развиваются на беспрерывно изменяющейся основе. Поэтому в ходе постепенных качественных изменений происходят *структурные* изменения явлений. Так, постепенное перерастание социалистической государственности в коммунистическое самоуправление будет требовать совершенствования организационных форм руководства хозяйственным и культурным развитием, смены отживших форм новыми и т. д.— весь механизм управления будет претерпевать структурные изменения. Это же усложнение, совершенствование качественных форм можно видеть и на примере постепенного развития коммунистического отношения к труду. Дело здесь не только в том, что нарастают, расширяются элементы нового отношения к труду, а и в том, что рождаются все более совершенные формы, выражающие высшие ступени, этапы этого процесса. Достаточно сравнить формы социалистического соревнования, характерные для первого периода социалистического строительства, с современным движением коммунистических бригад, чтобы убедиться в этом. Нет сомнения, что в дальнейшем творческая инициатива масс создаст новые, еще более высокие формы коммунистического труда.

Эта черта развития — одна из важнейших особенностей постепенности как своеобразной формы качественных изменений в условиях социализма и строительства коммунизма.

Как видим, закон перехода количественных изменений в качественные проявляется своеобразно в различных процессах и в разных исторических условиях, и его методологическое значение состоит в том, что он, во-первых, указывает общий для всех явлений объективного мира путь развития и, во-вторых, требует это общее найти в конкретном, уловить, понять в каждом отдельном случае особые, специфические формы перехода, чтобы действовать наиболее успешно.

ГЛАВА VII

ЗАКОН ЕДИНСТВА И БОРЬБЫ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

Закон перехода количественных изменений в качественные, как мы видели, отражает одну из важнейших сторон развития, вскрывает «механизм» процесса качественных превращений предметов. Однако положение о переходе количественных изменений в качественные не дает ответа на вопрос о том, что является источником всякого развития, в том числе и перехода количественных изменений в качественные. На этот вопрос отвечает другой закон диалектики — закон единства и борьбы противоположностей, закон о противоречиях как источнике развития. Настоящая глава посвящена рассмотрению этого закона.

Ленин называет учение о противоречиях «ядром» марксистской диалектики, дающим ключ к пониманию всех сторон и моментов развития. Знание закона единства и борьбы противоположностей помогает проникнуть в самую глубокую сущность вещей и процессов и познать противоречивые связи и отношения, существующие как между различными сторонами отдельных предметов, так и между разными предметами. Рассмотренный нами закон перехода количественных изменений в качественные есть также одно из выражений развития через противоречия. Мы видели, что нарастание количественных изменений вызывает противоречие между количественной и качественной определенностью предмета. Разрешение этого противоречия требует выхода за пределы старого качества, образования нового качества, без чего невозможно дальнейшее развитие. Скачок и есть разрешение этого противоречия. Как будет показано в следующей главе, без закона единства и борьбы противоположностей невозможно понять и сущность закона «отрицания отрицания». Он лежит в основе взаимоотношения содержания и формы предметов, сущности и явления, случайности и необходимости и т. д.

Вот почему закон единства и борьбы противоположностей занимает такое важное, центральное, место в марксистской диалектике. Его роль и значение определяются тем, что он вскры-

вает внутренние источники и импульсы развития. Поэтому отношение к данному закону является оселком, на котором проверяется научность и жизненность той или другой теории развития. Не случайно как старые, так и современные враги марксизма, стремясь опровергнуть диалектику, вели и ведут атаки прежде всего против диалектического учения о противоречиях как источнике и движущей силе развития.

Рассмотрим основные положения марксистской диалектики о законе единства и борьбы противоположностей.

1. Предметы, явления как единство противоположностей. Борьба противоположностей — источник развития

Характерная и главная черта метафизического мировоззрения — это отрицание внутренних противоречий явлений и процессов объективного мира. Метафизики признают, конечно, что между разными предметами могут существовать и существуют различия и противоречия. Но они категорически отвергают возможность *внутренних* противоречий в одном и том же предмете, явлении, процессе. Положение о том, что данный предмет в силу присущих ему противоположных сторон и тенденций содержит в себе и нечто иное, метафизики считают непоследовательностью мысли. С их точки зрения, только мысль, субъективное понимание предметов, может быть внутренне противоречивой, но тогда мысль является ложной, непоследовательной.

Древнегреческий философ Аристотель обосновал формально-логический закон противоречия, согласно которому невозможно о предмете, взятом в одном и том же отношении и в одно и то же время, высказывать противоречивые суждения. Это положение, несомненно, правильно. Человека, который утверждает, что данная река существует и не существует, мы с полным правом называем путаником.

Но тот же Аристотель, который правильно выразил этот принцип последовательного, непротиворечивого мышления, сделал ошибочный вывод, будто в объективно существующих вещах невозможны внутренние противоречия. Если, заявлял он, «нельзя говорить верно, вместе утверждая и отрицая что-нибудь, то невозможно также, чтобы противоположные определения вместе были даны <в чем-нибудь>...» [1].

С этим, конечно, нельзя согласиться. Из того, что одновременное признание существования данного предмета и отрицание его существования было бы непоследовательностью мысли, вовсе не следует, что реально существующему предмету не присущи внутренне противоречивые свойства. Отражение в нашем сужде-

[1] *Аристотель.* Метафизика. Соцэкгиз, 1934, стр. 75.

нии этого внутреннего противоречия было бы неверно считать непоследовательностью мысли. Напротив, чем глубже отражает человеческое мышление внутренние противоречия явлений и процессов, тем лучше и полнее оно их познает. Не удивительно поэтому, что уже с первых шагов развития философской мысли высказывается идея о внутренней противоречивости явлений природы. Эту идею в древности развил греческий философ Гераклит. Он учил, что все существует и в то же время не существует, так как все *течет*, все постоянно изменяется, все находится в постоянном процессе возникновения и исчезновения [1]. Гераклит сравнивал мировой процесс вечного изменения с потоком, с рекой: «В одну и ту же реку нельзя войти дважды» [2]. В сохранившемся фрагменте «О природе» Гераклит высказывает глубокую мысль об источнике движения, развития: «Все происходит через борьбу» [3].

В произведениях Аристотеля содержится много гениальных примеров диалектики, имеются отдельные догадки о внутренней противоречивости предметов. Идея эта нашла свое отражение и в философии древнего Китая, Индии и других стран.

В XVII—XVIII вв., в период господства механического и метафизического мировоззрения, утвердилось положение о том, что предметы и явления природы абсолютно тождественны сами себе и свободны от внутренних противоречий. Этот недостаток тогда обусловливался состоянием естествознания. В дальнейшем теория, отрицающая внутренние противоречия в предметах вопреки данным науки, получила широкое распространение в буржуазной философии, так как подкрепляла положение и классовые интересы буржуазии. Идеологам капитализма выгодно изображать дело так, будто буржуазное общество свободно от внутренних противоречий и представляет собой идиллию классовой гармонии и мира.

Особое место среди буржуазных философов периода зарождения капитализма занимает Гегель. В гегелевской диалектике отведено большое место противоречию, борьбе противоположностей как источнику развития. Хотя это учение также было развито в идеалистической форме и непоследовательно, оно все же нанесло удар по метафизическому мировоззрению, отрицавшему реальность противоречия, борьбы противоположностей.

Современные буржуазные философы изо всех сил стараются опровергнуть учение диалектики о противоречиях. Характерной чертой их нападок на диалектику является отрицание противоречий в самих вещах и перенесение их в область сознания, мысли. Такова, например, теория *неогегельянства* — одного из

[1] См. *Ф. Энгельс.* Анти-Дюринг, стр. 20.
[2] «Материалисты древней Греции», стр. 49.
[3] Там же.

реакционных течений буржуазной философии эпохи империализма. Неогегельянцы подвергают критике Гегеля за признание им противоречивости бытия и называют противоречия вещей «иллюзорными». С их точки зрения, противоречия могут существовать лишь в мышлении. Один из современных представителей прагматизма, реакционный американский философ Сидней Хук, в статье, направленной против марксистского диалектического метода, пишет: «Это весьма странное употребление термина «противоречие», потому что еще со времени Аристотеля теория логики считала, что противоречивыми могут быть суждения, утверждения, доказательства, а отнюдь не вещи и явления» [1]. Буржуазный философ страшится признать внутренние противоречия в самих явлениях и вещах, ибо именно диалектика развития внутренних противоречий капиталистического общества порождает борьбу классов и социальные революции.

Некоторые буржуазные философы и в наше время вынуждены признать реальность противоречий, но они стараются доказать, что противоположности и антагонизмы, имеющие место, например, в общественной жизни капиталистического общества, вечны и неразрешимы, что в непреодолимости социальных противоречий будто бы и заключается сущность взаимоотношений между классами.

Другие, видя противоречия и даже подчеркивая их значение, переносят их разрешение в область религии. «Противоречия,— заявляет один из сторонников подобного взгляда,— не могут быть разрешены в живой действительности, но только познаны в их связи. По-видимому, только религиозному чувству дано преодолеть их на некоей высшей иррациональной основе» [2].

Наиболее типично для буржуазных философов стремление затушевать противоположности и борьбу между ними, отстаивание идеи о примирении противоречий. Это же характерно и для реформистов, оппортунистов, выступающих в рабочем движении. Они также замазывают классовые противоречия буржуазного общества, проповедуют теорию примирения классов.

Метафизическому взгляду на мир, отрицающему противоречия как источник развития в объективном мире, марксистская диалектика противопоставляет свое учение о единстве и борьбе противоположностей. Исходя из объективных данных науки и исторического опыта человечества, она утверждает, что всем предметам и явлениям свойственны внутренние противоречия, что каждый предмет есть единство противоположностей, единство противоположных сторон, свойств, тенденций.

---

[1] *Sidney Hook*. Dialectical Materialism and Scientific Method, p. 7.
[2] «Dialectica». Zürich (Neuchâtel), vol. 2, 1948, № 1, p. 20—21.

Все предметы, явления окружающего нас мира имеют свою положительную и отрицательную сторону, свое прошлое и свое будущее, то, что отживает и отмирает, и то, что растет и развивается. Борьба этих противоположных тенденций, заключающаяся в самих предметах, явлениях объективного мира, составляет источник, движущую силу их развития.

Если предмет, явление воспринимается нами как абсолютное тождество, то задача науки состоит в том, чтобы преодолеть эту ошибку сознания и вскрыть внутренние противоречия предмета. И, как показывает история науки, рано или поздно эти противоречия обнаруживаются. Только через раскрытие внутренних противоречий можно познать предметы, их сущность, законы их развития.

Успехи науки в последние десятилетия дают поразительные примеры, подтверждающие правоту диалектики. Чем глубже наука проникает в сущность явлений природы, тем явственнее выступает их внутрене противоречивый характер. Особенно показательны в этом отношении достижения атомной и ядерной физики. В главе III мы уже говорили об атоме как единстве противоположно заряженных частиц. Между частицами атома, а также внутри атомного ядра действуют силы притяжения и отталкивания. Взаимодействие этих противоположных сил объясняет процессы, протекающие внутри атомов и их ядер. Это доказывает правильность утверждения Энгельса о том, что «притяжение и отталкивание столь же неотделимы друг от друга, как положительное и отрицательное...» [1] Современная физика твердо установила, что по своей структуре поле и вещество (например, электроны) представляют собой внутреннее единство таких противоположностей, как корпускулярные и волновые свойства. Это подлинный триумф диалектики.

Следует различать *внутренние* и *внешние* противоречия.

Под внутренним противоречием нужно понимать такое взаимоотношение между противоположными сторонами предмета, когда они одновременно взаимно предполагают, обусловливают и вместе с тем отрицают, исключают друг друга; в рамках целого одна сторона противоречия не может существовать без другой, и в то же время в силу их противоположного характера они отрицают друг друга. Вот эта взаимная зависимость и взаимное отрицание есть главная черта внутреннего противоречия. Это можно видеть на любом примере противоположных явлений и понятий: положительное и отрицательное, северный полюс и южный полюс, свет и тень, притяжение и отталкивание, плюс и минус, добро и зло и т. п.— между всеми этими понятиями существует отношение взаимной связи и взаимного исключения. Каждое из них есть иное другого, отрицание его, и в то же время его собственное существование обусловлено этим другим.

[1] *Ф. Энгельс.* Диалектика природы, стр. 193.

Внутреннее противоречие можно видеть на примере простейшего вида движения — перемещения тела в пространстве. Движение есть явное противоречие. О движущемся теле невозможно сказать, что оно находится в какой-нибудь момент времени только в данной точке.

Конечно, не будет никакой ошибки утверждать, что, например, движущийся поезд находится в данное время в таком-то пункте, в другое время — в другом пункте. Этого утверждения достаточно, чтобы понять такую простую вещь, как местонахождение поезда, но его недостаточно, чтобы выразить сущность движения. Это утверждение описывает *результат* движения, а не сущность самого движения. Когда же мы пытаемся понять движение, то мы наталкиваемся на противоречие: движущееся тело в один и тот же момент времени находится в данной точке пространства и уже не находится в ней, т. е. находится и в данном и в другом месте.

Критики диалектики неоднократно пытались опровергнуть этот противоречивый характер движения. Они указывали, что на самом деле движущееся тело в один момент времени находится в данном месте, в другой момент времени — в другом месте. Иначе говоря, они брали лишь одну сторону движения (прерывность) и абсолютизировали ее: пространство, проходимое телом, они делили на ряд изолированных друг от друга отрезков, пунктов и доказывали, что движущееся тело находится то в одном пункте пространства, то в другом.

Но в действительности движение не только прерывно, но и непрерывно, иначе невозможен был бы переход движущегося тела из одной точки в другую. Отдельные точки пространства не только отделены друг от друга (прерывность), но и связаны между собой, и эта связь есть не что иное, как непрерывность пространства. Каждая из двух противоположностей — прерывность и непрерывность — предполагает другую и существует лишь в единстве с ней. «Движение,— писал Ленин,— есть единство непрерывности (времени и пространства) и прерывности (времени и пространства). Движение есть противоречие, есть единство противоречий» [1].

Положение о том, что движущееся тело в каждый момент времени находится лишь в данной точке пространства, омертвляет движение. Последнее превращается в сумму состояний покоя. В действительности же движение есть единство покоя и изменения: движущееся тело, несомненно, находится в данном месте, и в то же время оно в нем не находится. Эти две противоположности (покой и движение) и связаны между собой и отрицают друг друга. Вне этого единства противоположностей

[1] *В. И. Ленин.* Философские тетради, стр. 241.

невозможно было бы даже простейшее — механическое движение, перемещение тел в пространстве.

Сказанное относится к любому предмету, явлению и процессу объективного мира — каждому из них присущи свои внутренние противоречия, каждый из них есть «единство противоположностей».

Внутреннее противоречие, единство противоположных сторон, тенденций в предмете необходимо обусловливает *борьбу* между ними. Борьба противоположностей есть естественное, закономерное следствие того, что противоположности внутри предмета одновременно взаимно обусловливают и отрицают друг друга. Если бы противоположные стороны только обусловливали и предполагали, но не исключали друг друга, тогда невозможна была бы борьба между ними. Если бы они только исключали, отрицали друг друга, не находясь в единстве, не будучи связаны и зависимы друг от друга, то опять-таки между ними не могло бы быть состояния борьбы.

Буржуазные философы, экономисты, даже если они и вынуждены говорить о противоречиях капитализма, подчеркивают только один момент, одну сторону взаимоотношения между противоположностями — их единство, тождество, замалчивая другую сторону — их взаимоотрицание, противоречие между ними. При таком подходе противоположности изображаются как существующие друг подле друга, не исключающие друг друга, не ведущие между собой никакой борьбы. Тем самым остается в тени та сила, которая двигает развитие вперед, которая является источником всякого развития,— борьба противоположных классов, классовых интересов, стремлений и т. п.

В гегелевской диалектике при наличии гениального положения о том, что противоречие движет вперед, существует тенденция к примирению противоположностей. В этой тенденции, несомненно, сказался буржуазный характер гегелевской философии, нежелание Гегеля делать все социальные выводы из диалектики, этой «алгебры революции».

Внутренне противоречивые стороны предмета не равнодушно относятся друг к другу. Каждая из сторон противоречия воплощает какую-то тенденцию — положительное или отрицательное, действие или противодействие, революционное или консервативное, отживающее или нарождающееся и т. п. И так как эти противоположные тенденции находятся в единстве, совмещаются в одном и том же предмете, в самой его сущности, то они не безразличны друг к другу, а ведут между собой борьбу.

Противоречие, имеющееся между ними, должно быть так или иначе, рано или поздно разрешено. Каким же образом оно разрешается? Марксистская диалектика отвечает: путем борьбы противоположностей.

Отсюда вытекает огромное значение борьбы противополож-

ностей в развитии. Ее роль состоит в том, что именно в борьбе и путем борьбы решается «спор» между противоположными тенденциями, заключенными в явлениях и предметах. Подобно тому как в споре, в столкновении различных точек зрения, мнений, идей рождается и выкристаллизовывается истина, так и в столкновении, борьбе противоположных сторон, сил, тенденций, присущих предмету, развитие пробивает себе дорогу вперед: терпит поражение то, что мешает развитию, и в конечном счете побеждает то, что является носителем развития. Это и значит, что борьба противоположностей есть движущая сила развития.

Если бы не было внутренних противоречий в предметах и явлениях, если бы не было борьбы между противоположными сторонами, тенденциями, то предметы и явления оставались бы неизменными; невозможно было бы развитие, качественное изменение, все находилось бы в состоянии застоя. Если бы, например, передовые классы общества не вступали в борьбу с отживающими классами, то противоречия между ними не разрешались бы, и общество не могло бы двигаться вперед, развиваться. Поэтому марксизму чужды оппортунистические представления о гармонии враждебных классов. Коммунисты являются последовательными сторонниками классовой борьбы, потому что классовая борьба — объективная закономерность общества, разделенного на противоположные классы, и иным путем не может происходить развитие этого общества, смена старого, отжившего новым, передовым. Как видим, учение марксистской диалектики о борьбе противоположностей имеет большое революционное значение: оно философски обосновывает закономерность классовой борьбы в обществе, расколотом на враждебные классы.

Вот почему, давая характеристику сущности развития, Ленин указывал: «Развитие есть «борьба» противоположностей»[1]. Этим определением схватывается главное в развитии — его источник, его двигательная сила.

Борьба противоположностей есть сложный процесс возникновения, развития и разрешения противоречий. Этот процесс имеет свои ступени, этапы, свой особый характер на каждой из этих ступеней. Иначе говоря, конкретные противоречия проделывают более или менее длительный путь, имеющий начало, продолжение и конец.

Это не значит, конечно, что предмет на какой-то ступени своего развития может представлять абсолютное тождество, т. е. быть свободным от всяких противоречий. Нельзя считать, что сначала предмет есть чистое тождество, а затем в нем возникают противоречия. В действительности предметам всегда свойственны скрытые или выявившиеся, притом многообразные про-

[1] *В. И. Ленин.* Философские тетради, стр. 327.

тиворечия. Ленин указывал, что предмет есть «сумма противоположностей». Если в предмете еще нет данного конкретного противоречия, если оно еще не возникло, то в нем имеются другие противоречия. Абсолютным, мертвым тождеством предмет никогда не может быть. Но каждое конкретное противоречие возникает и проходит определенный путь развития, и его нужно рассматривать в динамике, а не в статике.

Не всегда противоречие сразу выражено резко. Обычно на первых порах оно имеет характер лишь *различия*, которое есть начальная форма противоречия. В процессе развития различие превращается в *противоположность* [1], т. е. в более развитое противоречие, когда обе стороны противоречия резко отрицают друг друга. Например, Маркс в «Капитале» исследует двойственный характер товара. Товар есть единство противоположностей — потребительной стоимости и стоимости. Но эта противоположность не возникла сразу в развитом виде. В первобытной общине производились не товары для обмена, а продукты для собственного потребления. Лишь тогда, когда случайно общины обменивались между собой излишками своих продуктов, последние становились товарами с присущим товару противоречием между потребительной стоимостью и стоимостью. Маркс показывает, что в этот период указанное противоречие еще не выражено ярко, здесь нет еще, как он говорит, «полярной противоположности»: две стороны противоречия только начинают свой путь обособления друг от друга, единое еще не раздвоено резко на противоположности. Но с развитием товарного обмена то, что раньше было лишь различием, становится резкой противоположностью. Потребности обмена требуют возникновения самостоятельной формы стоимости. «Борьба» между стоимостью и потребительной стоимостью завершается раздвоением товара на товар и деньги. Стоимость в форме денег отделяется от потребительной стоимости товаров и получает самостоятельное существование. Говоря о противоречии в товаре между потребительной стоимостью и стоимостью, Маркс указывает, что это двойное существование «должно развиться в *различие*, различие — в *противоположность* и в *противоречие*» [2].

Понятия различия и противоположности выражают один и тот же факт — внутреннюю противоречивость явлений, но каждое из них выражает эту противоречивость явлений на разных ступенях, стадиях ее развития, нарастания борьбы: различия —

[1] Понятие «противоположность» употребляется в двояком смысле: как понятие, отражающее всеобщий факт противоречивости явлений и процессов,— в этом смысле говорят о том, что все вещи и явления суть «единство противоположностей»; но оно употребляется также для характеристики высшей, развитой ступени напряжения, борьбы противоположностей, именно в этом смысле «противоположность» отличается здесь от «противоречия».

[2] «Архив Маркса и Энгельса», т. IV. 1935, стр. 67.

первые, начальные противоположности — высшее развитие форм борьбы.

Рост противоречия на основе борьбы противоположностей имеет своим результатом все большее раздвоение единого (предмета), и, наконец, достигается такая ступень в развитии противоречия, когда противоположности уже не могут существовать в единстве. Тогда наступает момент разрешения противоречия.

Противоречия разрешаются лишь в борьбе и путем борьбы. Противоречия не примиряются, а преодолеваются. Процесс развития, развертывания, нарастания противоречий есть процесс борьбы, который закономерно подготовляет необходимую стадию их разрешения.

Разрешение, преодоление коренных, существенных противоречий означает уничтожение старого и возникновение нового. Так, преодоление противоречий между старой наследственностью животного или растения и новыми признаками, возникающими в процессе приспособления к среде, приводит к смене старой наследственности новой. Разрешение коренных противоречий капиталистического способа производства имеет своим следствием уничтожение этого способа и возникновение нового, социалистического способа производства.

Стадия (момент) разрешения противоречий чрезвычайно важна в развитии. Когда старое исчерпывает себя и становится тормозом, препятствием на пути нового, противоречие между ними должно быть разрешено путем отмирания старого и победы нового. В сложных процессах противоречие не может быть сразу разрешено, как только оно возникнет. Может ли, например, сразу разрешиться противоречие между наследственностью и приспособлением? Конечно, нет. Требуется известное нарастание противоречий, создающее предпосылки для их разрешения.

Развитие, нарастание противоречий, как видно из приведенных примеров, завершается уничтожением, отмиранием старого и возникновением нового. Отсюда следует вывод, что всякое единство противоположностей, как указывает Ленин, относительно, временно, преходяще, а борьба противоположностей абсолютна. Единство противоположностей в каком-нибудь предмете существует до тех пор, пока в границах данного предмета происходит рост, нарастание противоречий, подготовляющее момент разрешения, преодоления противоречий. Разрешение противоречий есть качественное превращение данного предмета, исчезновение старого и возникновение нового. Старое явление, бывшее единством определенных противоположностей, уступает место новому, являющемуся единством других противоположностей. Так, феодализм как единство противоположных классов — феодалов и крестьян сменился капитализмом, являющимся единством иных противоположностей — буржуазии и пролетариата.

Каждое данное единство противоположностей, следовательно, временно, преходяще, как временен, относителен, преходящ всякий момент покоя, равновесия. Борьба же противоположностей не может быть временным фактором, она — постоянно действующий фактор, иначе прекратилось бы развитие. Она — та творческая сила, которая вносит «беспокойство» в явления, не позволяет им быть мертвыми, неподвижными, дает им стимулы к изменению и развитию, обусловливает вечную смену старых форм новыми.

Если бы момент единства противоположностей был постоянным, неизменным фактором, тогда невозможно было бы развитие, качественное превращение предметов. Относительность *единства* противоположностей есть выражение того, что постоянство предмета временно, что предмет имеет свое начало и свой конец. Абсолютность *борьбы* противоположностей есть выражение того, что движение ни на минуту не прекращается, что оно разрушает постоянство предмета, подготовляя его закономерное качественное изменение. Это объясняет известную диалектическую формулу о том, что *противоречия движут вперед.*

Мы теперь можем сформулировать сущность закона единства и борьбы противоположностей. *Единство и борьба противоположностей есть закон, в силу которого всем вещам, явлениям, процессам свойственны внутренне противоречивые стороны, тенденции, находящиеся в состоянии борьбы; борьба противоположностей дает внутренний импульс к развитию, ведет к нарастанию противоречий, разрешающихся на известном этапе путем исчезновения старого и возникновения нового.*

Как и всякий закон диалектики, закон единства и борьбы противоположностей является не только законом объективного мира, но и законом познания, законом диалектической логики. Ленин критиковал Плеханова за то, что он в своих работах по диалектике не раскрыл единство, тождество противоположностей, *как закон познания* (см. «К вопросу о диалектике»). Главное значение этого диалектического закона познания состоит в том, что он требует отражения, воспроизведения в понятиях, категориях, законах науки объективных противоречий развития действительности. Только при этом условии мышление может быть адекватным действительности, т. е. правильно ее отражать. Ленин указывает: «Условие познания всех процессов мира... в их живой жизни, есть познание их, как единства противоположностей»[1]. Человеческие понятия должны быть подвижными, гибкими, как сами явления, которые они отражают. Понятия, говорит Ленин, должны быть «едины в противоположностях, дабы обнять мир»[2], т. е. правильно познавать его.

---

[1] *В. И. Ленин.* Философские тетради, стр. 327.
[2] Там же, стр. 122.

Даже в простейших понятиях и суждениях выражаются внутренние противоречия явлений. Когда мы говорим: «Роза есть цветок», мы оперируем такими противоположными понятиями, как единичное (роза) и общее (цветок).

Роза есть единство единичного и общего, ибо она как единичный цветок имеет общее, свойственное всем цветам. Но это не мертвое тождество, а тождество (единство) в различии, так как роза содержит в себе и отличительные от других цветов свойства. Следовательно, в суждении «роза есть цветок» выступает то требование к человеческим понятиям, о котором говорит Ленин: эти понятия («роза» и «цветок») едины в противоположностях, и данное суждение правильно отражает предмет.

В еще большей мере это относится к сложиым научным понятиям и суждениям, теориям. Возьмем, например, вопрос о делимости атома. По современным представлениям, на вопрос о том, делим атом или нет, нужно ответить: «И да, и нет», т. е. по правилам диалектического мышления. Атом делим, поскольку он состоит из более элементарных частиц; он неделим, поскольку он является наименьшей частицей *химических* элементов.

По представлениям буржуазных экономистов, капитал — это деньги, средства производства, и понятие «капитал» не выражает никаких противоречий капиталистического производства. Маркс опроверг подобное метафизическое представление о капитале. Он показал, что, во-первых, капитал не вещь, а выражение определенных общественных отношений; во-вторых, что капитал воплощает в себе внутренне противоречивые общественные отношения — отношения между капиталистами и рабочими. Марксово понятие капитала, таким образом, диалектично, ибо правильно отражает жизненные противоречия.

Наши понятия должны отражать не только объективные противоречия предметов, явлений, но и динамику развития этих противоречий, переходы явлений в их противоположность, превращение противоположностей друг в друга. Например, исследуя процесс развития капиталистического способа производства, Маркс показал, как это развитие само, в силу собственных законов буржуазного общества создает предпосылки для его отрицания, для перехода в свою противоположность — в социалистическое общество.

Диалектика учит, что между противоположностями (положительное и отрицательное, благо и зло и т. п.) нет непреодолимой стены и они могут превращаться друг в друга. Правдивость есть положительное качество человека, но если во имя «правды» человек раскрывает военную тайну врагу своего народа, то такая «правдивость» превращается в свою противоположность, в отрицательное, вредное качество.

А так как между противоположностями, даже самыми крайними, нет абсолютной грани и они могут превращаться друг в друга, то и наше мышление, наши понятия должны быть гибкими, следуя за всеми переходами и превращениями реальной действительности. Это одно из важнейших требований марксистской диалектической логики, одно из существенных следствий, вытекающих из применения закона единства и борьбы противоположностей к мышлению.

Но дело не только в том, что закон единства и борьбы противоположностей требует воспроизвести в мышлении объективную диалектику противоречий развития вещей. Сам процесс познания, логика движения мышления от незнания к знанию, от знания менее глубокого к знанию законов объективного мира чрезвычайно противоречив, и только понимание этой противоречивости процесса отражения действительности в человеческих понятиях позволяет правильно видеть путь познания. Процесс познания состоит из таких противоположно направленных способов и приемов отражения действительности, как чувственное и рациональное, конкретное и абстрактное, анализ и синтез, индукция и дедукция, относительная и абсолютная истина и т. д. Одна сторона каждой из этих противоположностей немыслима без другой, они взаимно связаны друг с другом, переходят друг в друга. В этом находит свое яркое выражение действие закона единства и борьбы противоположностей в сфере познания (подробнее об этом сказано в IX главе).

2. Внутренние и внешние противоречия

Сказанное о развитии путем возникновения и преодоления внутренних противоречий в предметах дает возможность сделать важный вывод о характере движения, развития. Движение, развитие есть *самодвижение, саморазвитие* материи. Речь идет не о том, что, скажем, в общественной жизни развитие происходит само по себе, без вмешательства людей, без их активной деятельности, или что природа может быть преобразована в интересах людей без их воздействия на нее. Понятие «самодвижение» означает, что предметы и явления содержат в самих себе импульсы, источники своего развития. Понятие «саморазвитие» направлено против механистического понимания развития, которое законы одной из форм движения (механической), предполагающей внешний толчок как причину движения, переносит на всякое движение и развитие. Распространив механистическое воззрение на материю в целом, метафизики изображают материю как нечто косное, инертное, ошибочно полагая, что только какая-то сверхприродная сила (дух, бог) приводит ее в движение.

Диалектическое понятие самодвижения, напротив, отражает тот объективный факт, что материя, природа и общественная жизнь сами в себе содержат стимулы, причины, источники развития. Природа сама, по собственным законам развивается от низших форм к высшим. Неживая природа в порядке «самодвижения» породила свое иное, свою противоположность — живую природу. То же происходит и в обществе. Не внешние силы, а собственные законы развития общественных формаций приводят

к возникновению внутри данного общества сил, ведущих к его гибели, к превращению в противоположность. Причиной, источником этого самодвижения и превращения являются внутренние противоречия, их развитие, разрешение и снятие их на основе борьбы противоположностей; «...развитие противоречий известной исторической формы производства,— говорит Маркс,— есть единственный исторический путь ее разложения и образования новой»[1].

Итак, диалектика требует понимать движение, развитие как самодвижение, саморазвитие, происходящее в силу борьбы и развития внутренних противоречий. Диалектика, однако, нисколько не игнорирует важной роли *внешних противоречий* в процессе развития. Каждый предмет связан с множеством других предметов и находится во взаимодействии с ними. Из этого вытекает необходимость учета и внешних противоречий и их роли в развитии. Можно ли пренебрегать взаимоотношениями растений и животных с внешними условиями их существования? Без учета этих взаимоотношений нельзя понять развития организмов. В биологии существует так называемая автогенетическая теория, которая развитие животных и растений всецело выводит из внутренних причин, игнорируя в их формировании роль внешних условий существования, роль обмена веществ между организмом и внешней средой. Эта теория приводит к антинаучным, идеалистическим выводам. Мичуринское учение в биологии разбило эту теорию, раскрыв все значение обмена веществ для развития и изменения органического мира.

Далее. Человеческое общество развивается по собственным внутренним законам, в порядке развития и разрешения внутренних противоречий. Но было бы нелепостью не учитывать роли внешнего противоречия между обществом и природой. Вне природы общество не существует и не могло бы существовать ни одного дня. Чтобы существовать, люди должны трудиться, а труд есть воздействие человека на природу с целью производства необходимых средств существования. От уровня развития производительных сил зависит характер взаимоотношений между обществом и природой, степень подчинения стихийных сил природы человеку. Общество ведет борьбу с природой, и эта борьба есть также форма «борьбы противоположностей». Процесс разрешения противоречий между обществом и природой, который есть по существу процесс бесконечный, составляет один из важных источников развития общества.

Однако между внутренними и внешними противоречиями существует объективное различие, которое нельзя не учитывать. Внутреннее противоречие — это противоречие в самой сущности предмета, так что предмет не может существовать без обеих

[1] *К. Маркс.* Капитал, т. I, стр. 493.

противоположностей. Внешнее противоречие — это противоречие между разными предметами, разными сущностями. Так, растение и солнце, дающее растению тепло,— это разные сущности, каждое из них имеет свои внутренние противоречия. Общество и природа — также противоречие разных сущностей. Внешние противоположности, как и внутренние, связаны между собой, но между ними нет той тесной взаимообусловленности, как во внутреннем противоречии. Одна сторона этого противоречия — природа может существовать и без общества, солнце — без растения и т. д.

Различать противоречия — внутренние и внешние — чрезвычайно важно, так как их роль в развитии неодинакова. Конечно, это различие не абсолютное, а относительное: то, что в одной связи является внешним противоречием, в другой связи может быть внутренним противоречием. Например, противоречие между двумя какими-нибудь видами растений выступает как внешнее противоречие по отношению к каждому из них. В то же время это есть одно из внутренних противоречий мира растений в целом. Внешнее противоречие часто является выражением и формой существования внутренних противоречий. Так, противоречие между товаром и деньгами Маркс называет «внешней противоположностью», «в которой товары выражают имманентную им (т. е. внутренне присущую им.— *Ред.*) противоположность между потребительной стоимостью и стоимостью» [1].

Между внутренними и внешними противоречиями существует связь, и при рассмотрении причин развития предметов нужно учитывать как внутренние, так и внешние противоречия. Внутренние противоречия не существуют и не действуют вне связи с внешними противоречиями, а влияние внешних противоречий на развитие предмета невозможно понять без учета его внутренних противоречий.

Не игнорируя нисколько значение внешних противоречий, материалистическая диалектика вместе с тем утверждает, что внутренние противоречия играют главную, первенствующую роль в развитии, а внешние противоречия — не главную, второстепенную роль. Внутренние и внешние противоречия в процессе развития находятся в единстве, в связи, но было бы грубой ошибкой подменять первые, ведущие вторыми.

Вот почему диалектика борется против широко распространенной в буржуазной и реформистской философии *теории равновесия*. Сущность этой теории состоит в отрицании внутренних противоречий развития, в признании решающего значения внешних противоречий и уравновешивания противоположностей. Теория равновесия возводит в ранг всеобщего закона развития простейший, механический вид движения — столкновение, взаимо-

[1] *К. Маркс.* Капитал, т. I, стр. 111.

действие внешних сил. Главным состоянием материи эта теория считает не движение, а равновесие, покой. Между двумя телами, например, существует состояние равновесия. Если сила одного из них превышает силу другого, то между ними начинается борьба, которая нарушает равновесие. Борьба внешних противоположностей затем приводит к новому равновесию. Один из наиболее ревностных защитников теории равновесия, А. Богданов, так формулировал сущность этой теории: «От равновесия через нарушающую его борьбу двух сил к новому равновесию» [1]. Как видим, теория равновесия полностью отвлекается от внутренних противоречий предметов.

Конечно, было бы нелепо отрицать момент равновесия. Равновесие так или иначе имеется во всяком движении, в том числе и в обществе. Но равновесие есть лишь момент движения, оно относительно, временно. А движение абсолютно. «...Отдельное движение,— указывает Энгельс,— стремится к равновесию, а совокупное движение снова уничтожает отдельное равновесие» [2].

Применяя теорию равновесия к жизни общества, сторонники ее считают, что главный источник общественного развития — не внутренние противоречия общества, а противоречие между обществом и природой. Такое понимание теоретически совершенно несостоятельно, а политически приводит к реакционным выводам. Несомненно, без процесса разрешения противоречий между обществом и природой невозможно общественное развитие. Но все дело в том, что влияние и роль внешних противоречий преломляются и опосредствуются внутренними противоречиями общества. Чем прогрессивнее строй общества, тем успешнее разрешаются противоречия между обществом и природой. Например, современный капитализм оказывает сковывающее влияние на развитие производительных сил общества, а следовательно, и на подчинение природы интересам человечества. Теория равновесия бессильна объяснить это, ибо дело здесь не в «нарушении» равновесия между природой и обществом, а всецело во внутренних противоречиях буржуазного общества. Только разрешение *внутренних* противоречий капитализма открывает новые, небывалые возможности развития производительных сил общества, о чем свидетельствует опыт социалистического общества. Иначе говоря, разрешение внешних противоречий зависит от решения главных, внутренних противоречий общества.

Теория равновесия используется и для защиты идеи о примирении враждующих классов. Трудно в век обостренной борьбы классов капиталистического общества отрицать внутренние противоречия этого общества. Используя теорию равновесия, буржуазные и реформистские философы утверждают, что различ-

[1] *А. Богданов.* Философия живого опыта. М., 1920, стр. 197.
[2] *Ф. Энгельс.* Диалектика природы, стр. 196.

ные классы находятся не в состоянии борьбы, а в состоянии равновесия, что каждый класс выполняет-де свою функцию и что покушение на это равновесие опасно для жизни общества.

Поскольку теория равновесия отрицает решающую роль классовых противоречий в развитии антагонистического общества, она служит интересам реакционных сил. Она отвлекает трудящихся капиталистических стран от революционной классовой борьбы, мешает им бороться за новый, прогрессивный, социалистический строй.

Положение материалистической диалектики о главной, ведущей роли внутренних противоречий нельзя понимать догматически. Бывают условия, когда внешние противоречия выдвигаются на первый план и их решение приобретает первостепенное значение. Например, в национально-освободительной войне какой-нибудь страны против внешнего врага могут объединиться и, как показывает исторический опыт, нередко объединяются самые разнородные социальные силы. Противоречия между противоположными классами внутри страны, ведущей национально-освободительную войну, не исчезают, но они на некоторое время отодвигаются на задний план, не играют главной роли. Основное значение для дальнейшего развития страны имеет в этот период разрешение внешних противоречий. Следовательно, было бы неправильно на основании общего положения о внутренних противоречиях как решающих игнорировать возможность в тех или иных конкретных условиях превращения внешних противоречий в главные.

Если брать весь современный исторический процесс в целом, то противоречие между системой социализма и системой капитализма — это внутреннее антагонистическое противоречие мирового общественно-исторического развития. Единая мировая система капитализма распалась, раздвоилась на противоположности. Возник антипод капитализма — социализм, который ныне стал мировой системой, пришедшей на смену отживающему строю. Но межгосударственные отношения и противоречия между социалистическими и капиталистическими странами — это внешние антагонистические противоречия, и они имеют также важное значение для всего хода мировой истории. Мирное сосуществование и экономическое соревнование двух противоположных систем — социализма и капитализма — это тоже своеобразная форма разрешения противоречий.

Опыт истории свидетельствует, что новое, передовое всегда в конце концов побеждает старое. Этого боится буржуазия. Она видит, что в мирном соревновании все преимущества у социализма. Чтобы продлить свой век, век капитализма, наиболее агрессивные силы империализма уповают на силу, на войну.

Разрешение внешнего противоречия между двумя мировыми системами зависит прежде всего от внутреннего развития стран социализма и стран капитализма. Чем успешнее будет происходить строительство социализма внутри каждой социалистической страны, тем быстрее социализм выиграет соревнование с миром капитализма. Переход капиталистических стран к социализму будет происходить не в результате «экспорта» революции, а в результате закономерного разрешения внутренних социальных противоречий между пролетариатом и буржуазией этих стран в пользу трудящихся масс.

Марксистская диалектика требует не ограничиваться общим положением о противоречиях как движущей силе развития, а применять его конкретно, творчески, видеть особенности действия общего закона в каждом явлении, в разных исторических условиях. Вопрос о специфичности противоречий в различных процессах является существенной стороной закона единства и борьбы противоположностей и требует специального рассмотрения.

3. Особенности различных противоречий

Закон единства и борьбы противоположностей, как и всякий закон, проявляется в самых разнообразных процессах, развитие которых протекает специфично, соответственно их природе и условиям их существования. В. И. Ленин, всесторонне развивая диалектику действия закона единства и борьбы противоположностей, уделил особое внимание анализу специфичности форм проявления этого закона в разных условиях. Произведения Ленина служат ярким примером того, как нужно конкретно применять общее положение диалектики о противоречивости развития. Ленин всегда требовал не ограничиваться абстрактными рассуждениями о том, что такому-то явлению свойственны противоречия, что оно развивается в противоречиях. Когда общая истина установлена, он требовал всю силу теоретического анализа и практического подхода при разрешении тех или иных проблем обратить на обнаружение того, как эта истина о противоречивости всякого развития преломляется в *данном* конкретном предмете, в *данной* исторической обстановке, в *данной* исторической связи. Он учил видеть, что общее неизбежно модифицируется, видоизменяется в разных сферах объективного мира. Одно дело — развитие и борьба противоположных тенденций в природе, где действуют слепые, стихийные силы, и другое дело — развитие и борьба противоположностей в обществе, где действуют обладающие сознанием и преследующие свои цели люди, классы, партии. В свою очередь, в каждой из этих областей объективного мира имеется многообразие процессов, в которых по-разному выражается действие законов диалектики. Различна, например, природа противоречий и по-разному протекает «борьба» противоположностей в физических и химических процессах. Недопустимо брать за одну скобку и общественные противоречия, поскольку разные социальные формации существенно отличаются друг от друга. Своеобразно протекает процесс борьбы противоположностей в мышлении, в развитии науки, искусства.

В наброске «К вопросу о диалектике» Ленин отметил некоторые специфические противоречия, исследуемые различными науками:

«В математике + и —. Дифференциал и интеграл.
» механике действие и противодействие.
» физике положительное и отрицательное электричество.
» химии соединение и диссоциация атомов.
» общественной науке классовая борьба».

К этим специфическим противоречиям можно добавить ряд других, например: ассимиляция и диссимиляция, наследственность и изменчивость в биологии, возбуждение и торможение в физиологии, анализ и синтез, индукция и дедукция, чувственное и рациональное в теории познания и логике и т. д.

Неорганической природе более свойственны такие формы противоречий, как единство положительного и отрицательного, действия и противодействия, притяжения и отталкивания. Здесь почти неприменимы такие характеристики противоречий, как старое и новое, отмирающее и нарождающееся, тем более такие, как революционное и консервативное, реакционное и прогрессивное.

Более высоким формам движения материи (органическая природа, общественная жизнь) свойственны противоречия в форме борьбы между старым и новым, отмирающим и нарождающимся, консервативным и революционным и т. п. Конечно, и в высших формах движения имеют место противоречия низших форм. Органическая жизнь невозможна без физико-химических процессов с их специфическими противоречиями. Но не эти противоречия являются главными, определяющими развитие органической жизни, они здесь — побочные противоречия, подчиненные главным, характерным для жизни (обмен веществ, ассимиляция и диссимиляция, наследственность и изменчивость и т. д.). Общественную жизнь совершенно невозможно понять, подходя к ней с такими специфическими для неорганической природы противоречиями, как, скажем, притяжение и отталкивание.

Характер, природа противоречий обусловливает особые пути и способы их разрешения, особые законы развития предметов. Возьмем для примера притяжение и отталкивание, без взаимодействия которых невозможны физические явления. В силу того, что это противоположно направленные процессы, между ними происходит «борьба». Термин «борьба» здесь имеет иной смысл, чем в общественных процессах, и тем не менее сущность взаимодействия между притяжением и отталкиванием заключается в столкновении противоположных, взаимоисключающих тенденций, объективно направленном на преодоление, разрешение противоречия между ними. В твердом теле берут верх силы притяжения, и связь молекул прочна. Но теплота усиливает колебательные движения молекул твердого тела, связь их ослабляется, и тело из твердого состояния переходит в жидкое. Дальнейшее нагревание ускоряет движение молекул, сила отталкивания возрастает, и из жидкого состояния тело переходит в газообразное. «Борьба» противоположностей завершается в данном случае тем, что изменяется соотношение между ними в пользу отталкивания.

Взаимодействие этих противоположностей лежит и в основе ядерных превращений. Чтобы освободить огромную энергию, заключенную в ядрах атомов, нужно на них воздействовать с помощью ядерных «снарядов», на-

пример альфа-частиц. Если при бомбардировке атома у альфа-частицы достаточно энергии, чтобы преодолеть так называемый «потенциальный барьер», в данном случае силу отталкивания, то она проникнет в ядро атома и вызовет расщепление ядра. Для того чтобы альфа-частица могла вырваться из ядра, ей нужно изнутри преодолеть тот же барьер, но уже силу притяжения, действующую на малых расстояниях вблизи ядра.

Совсем другой характер имеет взаимодействие противоположностей в органическом мире. Растения и животные приспособляются к изменяющимся условиям их существования, у них возникают новые свойства, которые вступают в противоречие со старой наследственностью, происходит «борьба» между изменчивостью и наследственностью, завершающаяся изменением старой наследственности, возникновением нового органического вида.

Особенно важно учитывать своеобразие борьбы противоположностей в развитии общества. Здесь противоречия порождаются развитием основы общества — материального производства. Противоречия способа производства в классовом обществе выражаются в борьбе классов. Борьба противоположностей в этом обществе имеет форму экономической, политической и идеологической борьбы. Идеологическая борьба выражается в форме борьбы философских, экономических, политических, правовых, религиозных, этических теорий и взглядов и т. д. Ни в какой области природы противоречия не выступают в такой многообразной форме.

Но дело не только в том, что общественные противоречия отличаются от противоречий природы. Каждой общественной формации наряду с общими законами и противоречиями свойственны свои противоречия, а значит, и свои особые законы развития. В общественном развитии, особенно в связи с теми всемирно-историческими преобразованиями, которые происходят в современную эпоху, важно различать два вида противоречий — *антагонистические* и *неантагонистические.*

Вопрос об антагонистических и неантагонистических противоречиях — это специфически общественный вопрос, хотя нечто подобное этим противоречиям можно наблюдать и в органической природе. Например, существует антагонизм между некоторыми видами микроорганизмов: одни микробы угнетают или убивают другие (антибиотики). Этот антагонизм используется в медицине для лечения болезней. Существует антагонизм между различными видами животных, а также растений, выражающийся в уничтожении или подавлении одними животными и растениями других в борьбе за существование. Признавая некоторое сходство между подобными противоречиями в природе и обществе, было бы, однако, ошибочно отождествлять их, не видеть существенного различия между ними.

Антагонистический или неантагонистический характер социальных противоречий определяется структурой общества.

Антагонистические противоречия — это такие противоречия враждебных общественных сил, интересов, целей, тенденций,

которые вытекают из противоположных жизненных условий классов, из противоположности их коренных интересов и преодоление которых осуществляется, как правило, в ожесточенной классовой борьбе. Примером антагонистических противоречий являются отношения между помещиками и крестьянами, между буржуазией и пролетариатом, между буржуазией и трудящимся крестьянством, между колониями и империалистическими странами. Антагонистичны также противоречия между империалистическими государствами в их борьбе за передел мира, за сферы влияния и рынки сбыта. Как видно из этого, антагонистические противоречия многообразны, в силу чего и степень остроты их различна. Сильнее всего и глубже антагонизм между эксплуататорами и эксплуатируемыми, особенно между буржуазией и пролетариатом.

История дает немало примеров того, что враждующие между собой эксплуататорские классы или империалистические государства объединяются для борьбы против угнетенных трудящихся классов. В таких случаях даже острые противоречия между ними отходят на задний план и с особой силой наружу выступает основное противоречие — между эксплуататорами и эксплуатируемыми. Бывает, однако, и такое положение, когда эксплуатирующие, но не стоящие у власти классы и трудящиеся классы объединяются для борьбы против их общего и главного на определенном историческом этапе, всех их угнетающего врага. Например, в буржуазной революции 1789 г. буржуазия и трудящиеся классы выступали как единое третье сословие против феодалов — светских и духовных. В современных национально-освободительных движениях народов колоний против империализма национальная буржуазия или отдельные ее группы выступают часто вместе со всем народом. Нужно всегда принимать во внимание конкретную историческую обстановку и учитывать, каковы главные противоречия на каждом этапе общественного развития.

Общей закономерностью развития антагонистических противоречий является их рост и обострение, доходящие до резкого конфликта между противоположными сторонами и тенденциями. Антагонистические противоречия, как правило, имеют тенденцию в процессе развития не сглаживаться, не смягчаться, а, напротив, углубляться, принимая все более острые формы. Отсюда и специфические формы разрешения антагонистических противоречий: поскольку существуют классы, всеми средствами отстаивающие старое, отжившее и сопротивляющиеся установлению новых общественных порядков, антагонистические противоречия преодолеваются путем острой классовой борьбы, путем социальных революций.

Неантагонистические противоречия в отличие от антагонистических выражают противоречия не враждебных противоположностей, а таких социальных сил и тенденций, которые наряду с противоречиями имеют общее в главном, коренном. Таковы, например, противоречия между рабочим классом и крестьянством, между передовыми и отсталыми элементами социалистиче-

ского общества. Неантагонистический характер противоречий развития есть одна из важнейших особенностей социалистического общества в отличие от всех предыдущих классовых формаций.

Эта особенность обусловливает специфические формы проявления и действия общего диалектического закона развития путем возникновения и преодоления противоречий.

Самой важной чертой действия этого закона в условиях социализма нужно считать то, что противоречия здесь выступают на базе социального, морально-политического единства всего общества. Это единство экономических, политических и идеологических интересов и целей общества составляет первостепенный фактор, позволяющий с успехом решать любые трудности и противоречия, возникающие в ходе развития социалистического общества, без тех жертв и разрушительных последствий, которые свойственны буржуазному обществу. Далее, благодаря единству социалистического общества возникающие противоречия имеют тенденцию не к обострению, не к превращению их в полярные враждебные противоположности, а к постепенному смягчению и преодолению. Так, например, разрешаются противоречия между рабочим классом и крестьянством, между передовыми и отсталыми элементами и другие противоречия социалистического общества. Единство общества помогает разрешать противоречия, а разрешение противоречий еще больше укрепляет единство всего общества.

Общая закономерность разрешения неантагонистических противоречий, разумеется, не означает, что эти противоречия в силу конкретных причин, например в случае неправильной политики или ошибок при ее осуществлении, не могут временно обостряться. Ленин, как известно, предупреждал, что неправильная политика марксистской партии по отношению к крестьянству могла бы привести даже к расколу между рабочим классом и крестьянством. Поэтому КПСС всегда уделяла и уделяет особое внимание политике укрепления союза рабочего класса и крестьянства и давала решительный отпор троцкистам.

В неантагонистических противоречиях не заложены объективные причины для их углубления и обострения; это позволяет благодаря правильной политике постепенно преодолевать подобные противоречия. Поэтому в условиях социализма огромное значение приобретает деятельность ведущей силы социалистического общества — коммунистической партии по своевременному раскрытию и преодолению возникающих противоречий развития.

Коммунистическая партия, руководствуясь методом материалистической диалектики, обнаруживает возникающие в ходе развития социалистического общества противоречия, организует народ и направляет его усилия на их разрешение. Партия не

допускает, чтобы противоречия в процессе своего развития, нарастания, созревания, разрослись до враждебной противоположности, и выбирает момент, когда созрели условия для их разрешения. Следует при этом учесть, что влияние созидательной силы на процесс развития и разрешения противоречий нельзя понимать в духе субъективизма. И при социализме, прежде чем возникает объективная возможность разрешения противоречий, требуются время, известные предпосылки и средства для успешного преодоления противоречий. Своеобразие положения здесь заключается в том, что это уже не стихийный, не слепо действующий процесс, а такой диалектический процесс, который находится в основном под контролем коммунистической партии и народа.

Как ни отличаются неантагонистические противоречия от антагонистических, они также разрешаются в борьбе и путем борьбы нового против старого, борьбы передового, прогрессивного против отжившего, консервативного, косного, бюрократического, отсталого. Было бы грубой ошибкой принимать особенности разрешения неантагонистических противоречий за примирение их. И здесь необходима постоянная борьба за преодоление противоречий, всего отживающего, отсталого, косного, мешающего развитию нового, передового.

Ошибочное понимание сущности неантагонистических противоречий проявилось в антимарксистской «теории бесконфликтности» в области литературы и искусства. Эта теория изображала дело так, будто в социалистическом обществе развитие совершается гладко, плавно, без борьбы и конфликтов между старым и новым. Сторонники этой теории упустили из виду, что если бы новое, передовое в социалистическом обществе не боролось против отжившего, то не было бы движения вперед, а был бы застой или движение вспять.

Всякие противоречия разрешаются лишь путем борьбы. В зависимости от природы противоречий меняются лишь формы борьбы. Одной из новых форм борьбы, рожденных на почве специфических противоречий строительства социалистического общества, является критика и самокритика. «Работа настоящего строительства,— указывал Ленин,— это есть применение критики и ее содержание» [1], т. е. положительный, деловой, практический характер критики, ее направленность на преодоление противоречий, на устранение недостатков и ошибок. Коммунистическая партия придает важнейшее значение критике и самокритике как инструменту борьбы нового против старого, как средству выявления и разрешения противоречий, возникающих в ходе развития социалистического общества. Критика и самокритика есть одна из форм созидательного активного участия народных масс в

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 31, стр. 398.

строительстве коммунизма, в управлении своим социалистическим государством.

Перерастание социалистического общества в коммунистическое также происходит на основе преодоления противоречий, путем отмирания старого и возникновения нового. Специфическая особенность этого процесса состоит в том, что в отличие от периода перехода от капитализма к социализму здесь уже нет борьбы между классами, не приходится преодолевать жесточайшее сопротивление остатков эксплуататорских классов. Строительство коммунизма в нашей стране осуществляется в условиях небывалого ранее единства всех слоев общества. «Естественно поэтому,— говорил на XXII съезде Н. С. Хрущев,— что строительство коммунизма осуществляется самыми демократическими методами, путем совершенствования и развития общественных отношений, отмирания старых и возникновения новых форм жизни, их переплетения и взаимовлияния» [1].

Некоторые буржуазные философы в признании специфичности противоречий социалистического общества видят... измену диалектике. Так, современные французские философы Мерло-Понти, Жан Ипполит и другие заявляют, что антагонизм противоборствующих общественных сил, классов неистребим, вечен и что в этом якобы состоит сущность диалектики. Противоречия определенного исторического периода, противоречия антагонистического общества они возводят в абсолют, игнорируя то, что характер действия общего закона развития путем борьбы противоположностей в новых исторических условиях изменяется. Такую «диалектику» некоторые неогегельянцы назвали «трагической», так как из нее следует неизбежность и вечность классовых коллизий, войн и т. п. На деле «трагическая диалектика» есть прием, посредством которого пытаются доказать непреходящий характер капитализма и его антагонистических противоречий. Но победа коммунизма означает полное уничтожение подобных противоречий.

Опыт коммунистического строительства в СССР вскрыл такую форму разрешения противоречий, оставшихся в наследство от старого, антагонистического общества и веками наслаивавшихся друг на друга, как постепенное превращение противоположности в различие, а затем и ликвидация всяких остатков былой противоположности. Таким путем преодолевалась, например, былая противоположность между городом и деревней, противоположность между физическим и умственным трудом.

Различие между типами или видами противоречий состоит не только в том, что разные противоречия имеют разную природу, а отсюда и разные пути и способы разрешения. Важно различать также в сложной сети противоречий основные и неосновные,

[1] «Материалы XXII съезда КПСС». Госполитиздат, 1961, стр. 140.

главные и неглавные противоречия. Любой простой предмет, тем более сложные явления и процессы содержат в себе не одно, а много противоречий, находятся в многоразличных противоречивых связях и отношениях с другими явлениями и процессами. Поэтому очень важно — особенно это относится к общественной жизни, к стратегии и тактике борьбы общественных классов и партий — не смешивать основные и производные, главные и неглавные противоречия, а видеть различие между ними, выделять именно те противоречия, которые в данный исторический момент играют решающую роль, и соответственно этому строить практическую деятельность.

Основное противоречие — это такое, которое определяет или пронизывает собой производные противоречия. Например, основным противоречием капиталистического способа производства является противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистическим характером присвоения. Оно определяет все остальные противоречия, являющиеся производными от основного противоречия. Так, противоречие между ростом производства в буржуазном обществе и отстающей покупательной способностью широких масс населения есть противоречие, производное от основного противоречия, оно выступает как проявление и выражение основного противоречия капитализма.

Основным противоречием современного мирового общественного развития является противоречие между двумя социально-экономическими системами — социализмом и капитализмом. Вне этого основного противоречия невозможно понять другие противоречия современного мирового развития, многие международные проблемы современности.

Выделение главных и неглавных противоречий важно для правильной характеристики отдельных этапов, отрезков процесса развития. В зависимости от изменяющихся объективных потребностей развития и от меняющейся обстановки на первый план может выступить в качестве главного то одно, то другое противоречие. То, что в одних условиях выступает как главное противоречие, в других условиях становится неглавным и наоборот. Например, в первый период существования Советской власти в нашей стране главным было противоречие между самой передовой в мире политической властью и отсталой технико-экономической основой, слабым развитием тяжелой индустрии в первую очередь. Когда это противоречие было разрешено, главным противоречием в последующий период стало противоречие между передовой социалистической индустрией и отсталым, раздробленным на много миллионов мелких хозяйств земледелием. Это противоречие также было успешно разрешено.

В нынешних международных условиях решающее значение приобретает недопущение новой мировой войны. Одно из главных противоречий современности — это противоречие между наи-

более реакционными кругами империалистов, стремящимися разжечь новую войну, и подавляющим большинством человечества, кровно заинтересованным в том, чтобы ее предотвратить. Поэтому в современных международных условиях важнейшая задача состоит в объединении всех сил, заинтересованных в борьбе за прочный мир.

Учет главных и неглавных противоречий позволяет коммунистическим партиям определять задачи рабочего класса, выдвигать истинные лозунги борьбы, мобилизующие массы на решение назревших задач, приближающих к конечной цели. Именно поэтому Ленин называл диалектику душой марксизма.

Ленин учил, что подлинный диалектик лишь тот, кто в общей массе задач способен на каждом этапе развития выделить очередное, *решающее звено*, овладение которым позволяет вытащить всю цепь остальных задач. Различение главных и неглавных противоречий, умение видеть процесс нарастания новых противоречий, превращение главных противоречий в неглавные и наоборот дает возможность ухватиться за решающее звено в данных конкретных условиях.

4. Содержание и форма, возникновение и разрешение противоречий между ними

Одним из наиболее существенных и всеобщих выражений развития путем борьбы противоположностей является возникновение, развитие и преодоление противоречий между содержанием и формой предметов. Перечисляя элементы диалектики, Ленин пишет в «Философских тетрадях»: «борьба содержания с формой и обратно. Сбрасывание формы, переделка содержания» [1].

Категории *содержание* и *форма* имеют важное значение для понимания процессов развития. Каждый предмет имеет свое содержание и свою форму, которые могут быть поняты лишь в тесной связи между собой. *Содержание* — это основа, главная сторона предмета, выражающая его сущность и проявляющаяся во всех его элементах. Например, содержание способа производства — это его производительные силы, определяющие производственные отношения как свою общественную форму. Содержанием художественного литературного произведения являются его идеи, отражающие какую-то сторону действительности, жизнь людей; это содержание пронизывает все произведение: его сюжет, фабулу, образы, язык и т. д.

Содержание не существует вне формы. *Форма* есть способ существования содержания, внутренняя организация, структура

[1] *В. И. Ленин.* Философские тетради, стр. 193.

содержания, делающая возможным его существование. Вне определенной морфологической структуры организм не может существовать. Самая лучшая идея сама по себе еще не дает произведения искусства, если она не выражена в художественной форме, в художественных образах и если произведение не доставляет эстетического наслаждения. Производительные силы не могут существовать без определенных производственных отношений, являющихся формой их развития.

Не следует смешивать *внутреннюю* форму предмета с его *внешней* формой. Для поэмы или романа полиграфическое оформление (формат книги, кожаная или картонная обложка, мелкий или крупный шрифт и т. д.) — это *внешняя* форма, не имеющая значения для содержания художественного произведения. А художественные образы, язык, сюжет, композиция и т. д. есть та внутренняя форма, которая дает выражение идейному содержанию и без которой содержание не существует. Поэтому форма предмета есть форма его бытия.

Как и все другие категории диалектики, содержание и форма не есть что-то застывшее, окостеневшее. Они могут переходить друг в друга. Между ними нет абсолютной грани, и то, что в одних связях и отношениях является содержанием, в других связях и отношениях становится формой. Например, производственные отношения в связи с производительными силами есть форма, а по отношению к порождаемой ими политической надстройке, к праву, к идеологическим формам они выступают как их содержание. Художественные образы, язык, поэтическая рифма являются формой произведения искусства, но они могут быть предметом, содержанием научного исследования.

Между формой и содержанием существуют сложные диалектические взаимоотношения. Как мы видели, связь между ними заключается прежде всего в том, что они находятся в единстве: одного нет без другого, в любом предмете, в любом процессе всегда есть содержание и форма. Но в этом единстве содержание — главная и определяющая сторона. Содержание определяет форму, порождает свою форму, форма зависит от содержания. Форма не произвольна, она есть форма определенного содержания. И хотя само содержание перестает быть данным содержанием, не облекаясь в определенную форму, все же оно — основа взаимодействия между ними. Та важная роль, которую выполняет форма, определена требованиями содержания предметов. Нельзя, скажем, трагическую по содержанию идею выразить в форме комедии или, наоборот, комическую идею — в форме трагедии. Экономический строй капитализма обусловливает соответствующую надстройку, коренным образом отличающуюся от надстройки социалистического общества, являющейся формой совсем иного содержания — экономического строя социализма.

Находясь в зависимости от своего содержания, форма не пассивна. Она активно воздействует на содержание, и ее роль в развитии огромна. Форма может играть двоякую роль: она может способствовать развитию предмета и, наоборот, тормозить это развитие. Может показаться странным: если форма находится в единстве со своим содержанием и обусловлена этим содержанием, будучи способом его существования, то как она может мешать содержанию, препятствовать его развитию? Но это возражение неосновательно, так как оно учитывает лишь одну сторону взаимосвязи содержания и формы — их единство. В действительности же это не мертвое, а диалектическое единство, т. е. единство противоположностей. Как ни тесно связаны содержание и форма предметов, они различны по своему существу, представляют собой различные стороны предметов. Из существующего между ними различия вытекают неодинаковые свойства и тенденции этих двух сторон в процессе развития предметов. Изменение, развитие предметов начинается всегда с изменения их содержания как главной стороны, основы предметов. Содержание — наиболее подвижный и изменчивый по сравнению с формой элемент. Форма более устойчива, менее подвижна. Будучи зависимой от содержания, форма изменяется на основе изменения содержания, но ее бо́льшая устойчивость приводит к противоречию. В то время как содержание непрерывно изменяется, форма некоторое время не претерпевает коренных изменений. Устойчивость формы не следует понимать так, что она совершенно неподвижна. Даже тогда, когда она в целом до поры до времени остается одной и той же, могут изменяться ее отдельные свойства, элементы. Поэтому она лишь относительно устойчива по сравнению с беспрерывно изменяющимся содержанием. Учет этого различия и различных тенденций содержания и формы в процессе развития позволяет понять диалектическое взаимоотношение между содержанием и формой и двоякую роль формы.

Взаимодействие содержания и формы предметов и явлений проходит различные этапы. Было бы заблуждением думать, что относительная устойчивость формы есть фактор всегда и во всех условиях консервативный. В начале процесса форма находится в соответствии со своим содержанием и способствует развитию содержания. В периоды соответствия формы содержанию ее определенность и устойчивость есть сила, двигающая развитие. Если бы форма мгновенно изменялась, то она не могла бы выполнять эту роль. Например, новые производственные отношения как форма, находящаяся в соответствии со своим содержанием — производительными силами, в течение длительного периода остаются устойчивыми и способствуют развитию производительных сил общества. Но по мере того как изменяется содержание, возникает и растет противоречие между ним и формой.

Пока эти изменения незначительны, форма продолжает способствовать развитию предмета. Нарастание противоречия приводит к тому, что форма перестает соответствовать содержанию и из фактора развития превращается в фактор, тормозящий дальнейшее развитие. На этом этапе развития устойчивость формы становится элементом консервативным. Как писал Маркс, производственные отношения на известном этапе из формы развития производительных сил превращаются в их оковы. Это же можно видеть на других примерах. Известно, что Коммунистическая партия время от времени вносит изменения в свой Устав, в котором зафиксированы организационные формы ее деятельности. Новое содержание, новые задачи, встающие перед партией, приходят в противоречие с некоторыми устаревшими организационными формами, которые в других условиях играли положительную роль. Так, XXII съезд КПСС утвердил новый Устав, который определяет организацию и формы деятельности партии, соответствующие задачам построения коммунистического общества.

Противоречие между новым содержанием и старой формой вызывает борьбу между ними, являющуюся одним из наиболее важных проявлений действия закона борьбы противоположностей в природе, обществе и мышлении. Эта борьба не прекращается до тех пор, пока старая форма не будет заменена новой формой, соответствующей изменившемуся содержанию. Борьба эта нередко имеет очень упорный и затяжной характер. Поскольку форма не автоматически сбрасывается, когда возникает новое содержание, а обладает относительной самостоятельностью, так что старая форма может еще продолжительное время существовать, несмотря на изменившееся содержание, она имеет большую силу инерции и сопротивляется изменению. Например, в антагонистическом обществе за отжившими формами стоят классы, партии, группы, заинтересованные в их сохранении и отстаивающие их. Но как бы ни сопротивлялась старая, отжившая форма, она необходимо, неизбежно с развитием содержания уступает место новой форме. Поэтому борьба между старой формой и новым содержанием является источником развития. Она способствует смене старого новым, вечному движению и обновлению. Очень хорошо значение диалектики развития формы и содержания выразил великий русский революционер-демократ Н. Г. Чернышевский:

«Вечная смена форм, вечное отвержение формы, порожденной известным содержанием или стремлением, вследствие усиления того же стремления, высшего развития того же содержания,— кто понял этот великий, вечный, повсеместный закон, кто приучился применять его ко всякому явлению,— о, как спокойно призывает он шансы, которыми смущаются другие... он не жалеет ни о чем, отживающем свое время, и говорит: «пусть будет,

что будет, а будет в конце концов все-таки на нашей улице праздник!»»[1]

Чернышевский правильно делал революционные выводы из диалектики развития содержания и формы явлений. Общественная жизнь в своем неудержимом движении вперед сметает все отжившие и ставшие препятствием формы, заменяя их новыми, более прогрессивными.

Соответствие формы содержанию не следует понимать так, что содержание может выражаться обязательно в одной какой-нибудь форме. Одному и тому же содержанию может соответствовать ряд форм. Известно, что диктатура буржуазии существует и в форме парламентарной республики, и в форме конституционной монархии, и в форме фашистской террористической диктатуры. Одно и то же содержание, преломляясь через конкретные исторические условия развития разных стран, облекается в неодинаковые формы.

Непонимание диалектики содержания и формы ведет, с одной стороны, к опасности абсолютизации старой формы, порождает боязнь расстаться с привычными формами, хотя они уже тормозят развитие. Коммунистическая партия в своей практической деятельности руководствуется указанием Ленина о том, что всякий перелом в развитии «неизбежно ведет к несоответствию старой формы с новым содержанием»[2]. Она борется против всякой косности, боязни, нежелания изменять устаревшие формы в экономической, политической, духовной жизни общества, добивается таких форм, которые максимально ускоряют движение вперед. С другой стороны, было бы ошибкой нигилистически относиться ко всякой старой форме лишь на том основании, что она старая. Новое содержание не всегда требует новой формы. Оно может использовать и старую форму, приспособив ее к своим потребностям. Среди старых форм есть такие, которые и в изменившихся условиях еще могут служить новому содержанию. Коммунистическая партия учитывает это в своей деятельности. Так, сломав старый государственный аппарат помещичье-буржуазной России, партия сохранила ряд старых по форме институтов старого строя — банки, почту и т. п., влив в них новое, социалистическое содержание.

Неправильное понимание взаимоотношений содержания и формы может вести к чрезмерному раздуванию, уродливому выпячиванию одной из этих сторон целого. Так, сущность такого уродливого явления, как *формализм*, состоит в абсолютизации формы и пренебрежении сущностью, содержанием дела.

---

[1] *Н. Г. Чернышевский.* Избранные философские сочинения, т. II. 1950, стр. 492.

[2] *В. И. Ленин.* Соч., т. 21, стр. 392.

Преувеличение роли формы в искусстве ведет к формализму, к извращению великого общественного назначения искусства. Художественная форма — не самоцель. К тому же она может быть совершенной лишь при условии, если она подчинена содержанию, выражает важные общественные идеи.

Игнорирование художественной формы в искусстве ведет к снижению силы его воздействия, его общественной роли. Некоторые ревизионствующие элементы, выступавшие в отдельных странах народной демократии против социалистического реализма, заявляли, что не форма, а содержание решает, реалистично ли произведение искусства. Такое противопоставление содержания форме и пренебрежение к реалистической художественной форме отражения жизни ничего общего не имеют с марксизмом. Нормальному человеку, со здоровыми художественными вкусами, чужды абстракционизм и прочие выкрутасы в современном буржуазном искусстве именно из-за отрицания ими реалистической формы воспроизведения действительности. Вне реалистической художественной формы не может быть и реалистического по содержанию искусства.

Коммунистическая партия Советского Союза в своей деятельности придает огромное значение своевременному изменению форм организации, форм и методов руководства, приведению их в соответствие с новыми потребностями коммунистического строительства. Об этом свидетельствуют осуществленные партией изменения форм и методов руководства промышленностью и сельским хозяйством, улучшение системы планирования развития народного хозяйства СССР, предоставление союзным республикам более широких возможностей для самостоятельного решения вопросов экономического и культурного строительства. Развитие форм общественной жизни и организации производства имеет важнейшее значение, потому что без этого невозможно успешное развитие самого содержания, т. е. решение задач дальнейшего строительства коммунистического общества.

Таким образом, в самых различных областях практической деятельности следует учитывать диалектику содержания и формы и находить правильное соотношение между ними.

Рассмотрение закона единства и борьбы противоположностей позволяет понять, почему Ленин так высоко оценивал его роль в марксистской диалектике, определяя учение о противоречиях как «ядро», «суть» диалектики. Противоречия, их разрешение есть подлинная двигательная сила развития, лежащая в основе перехода количественных изменений в качественные, скачков от старого к новому состоянию, вечного, непрестанного движения всего существующего. Взаимосвязь и взаимодействие категорий — причины и следствия, возможности и действительности, единичного и общего, содержания и формы, необходимости и случайности и др.— имеют под собой ту же основу, ибо каждая из них немыслима без своей противоположности, без перехода друг в друга. Вот почему неотъемлемым свойством подлинно научного и революционного марксистского подхода к действительности является смелый анализ противоречий, тенденций их развития, способов и путей их разрешения.

ГЛАВА VIII

ЗАКОН ОТРИЦАНИЯ ОТРИЦАНИЯ

Анализ законов перехода количественных изменений в качественные, единства и борьбы противоположностей показывает, что в результате их действия совершается бесконечный процесс смены одних явлений и предметов другими, переход противоположностей друг в друга. Имеется ли какая-нибудь объективная тенденция, какое-то направление в этой бесконечной смене одного другим, в беспрестанной борьбе нового и старого, нарождающегося и отмирающего? И если существуют объективные тенденции развития, то каковы они?

Вокруг этого вопроса также шла и идет борьба различных взглядов и теорий. Особенно острый характер эта борьба приобрела в вопросе о направлении общественного развития. В период восходящего развития капитализма многие представители буржуазной философии выступали с идеей общественного прогресса. Философы верили в человека и его способности, в возможность создания справедливого и разумного мира. Правда, разумным они считали буржуазный мир, шедший тогда на смену феодальной деспотии и бесправию человека. Все же это были передовые убеждения, значение которых нельзя умалять. Но уже в тот период возникали пессимистические теории, доказывавшие ограниченность прогресса, неизбежную деградацию человека. В последующем развитии буржуазной философии, особенно в период империализма, все сильнее становятся мотивы пессимизма и отчаяния. Неизбежную гибель отживающего капитализма идеологи буржуазии воспринимают как крах культуры и человеческого общества, как «путешествие на край ночи». Философы типа Ницше и Шпенглера выступают с теориями, предвещающими «закат Европы». Распространяются идеи «вечного круговорота» и «ракообразного» процесса истории, т. е. движения вспять. Эти пессимистические взгляды переносятся и на природу. В книге «Движение миров» известный английский астрофизик Джинс так выразил эту психологию упадочничества: вселенная «живет своей жизнью и идет по дороге от рождения к смерти

так же, как и все мы, так как наука не знает другого изменения, кроме перехода к старости, и никакого другого прогресса, кроме движения к могиле».

Марксистская диалектика, обобщающая реальное движение в природе, обществе и человеческом мышлении, весь ход научного познания, опровергает эти антинаучные представления об основном направлении развития. Диалектический материализм утверждает, что через все сложное и нередко запутанное движение, кажущееся беспорядочным и хаотическим, пробивает себе дорогу основная линия поступательного развития от простого к сложному, от низшего к высшему. Эта сторона развития, вытекающая в значительной мере из уже рассмотренных выше законов диалектики, находит свое наиболее глубокое выражение в законе отрицания отрицания. Место и значение этого закона в системе законов и категорий материалистической диалектики и определяется тем, что он дает наиболее обобщенное понятие о характере развития, вскрывая внутреннюю связь, последовательность и преемственность основных ступеней развития, связь, обусловливающую поступательный ход движения, сложную «спиралевидную» форму развития. В чем же состоит закон отрицания отрицания?

1. Сущность и роль диалектического отрицания в процессе развития

При анализе процесса перехода количественных изменений в качественные и борьбы противоположностей мы видели, что развитие включает в себя как обязательный и закономерный момент — *отрицание*. Качественное изменение означает отрицание старого качества. Без отрицания невозможен был бы переход одного в другое. Борьба противоположностей завершается победой одной противоположности над другой, что также означает отрицание одного и утверждение другого. Отрицание, следовательно, не посторонний момент, навязываемый процессу развития извне; оно закономерно обусловливается самой сущностью развития. Отрицание есть результат развития путем раздвоения единого и возникновения взаимоисключающих частей, тенденций, сил в явлениях и предметах. Энгельс указывает, что истинное диалектическое отрицание есть «разделение на противоположности, их борьба и разрешение...» [1].

В самом деле, как было показано в предыдущей главе, внутренняя противоречивость вещи, явления означает наличие в них таких сторон, тенденций, которые ведут к их отрицанию. Напри-

[1] *Ф. Энгельс.* Анти-Дюринг, стр. 328.

мер, пролетариат и его борьба есть отрицание буржуазии и отстаиваемого ею буржуазного строя, притом такое отрицание, которое не извне приходит в капиталистическое общество, а свойственно его сущности. Отрицание — это имманентный, т. е. внутренне необходимый, момент развития. Борьба противоположностей развертывается как борьба одной стороны (момента отрицания) против стороны, которая утверждает, защищает существующее. В приведенном примере пролетариат борется против буржуазии как носительницы капиталистического способа производства. Борьба противоположностей завершается гибелью одного и победой другого, т. е. отрицанием того, что существовало ранее, но отжило свое время. Отрицание есть поэтому необходимая, закономерная стадия в развитии. Гегель был глубоко прав, когда он «внутреннюю отрицательность» называл движущей силой развития. Характеризуя материалистическую диалектику, Маркс также подчеркивал значение момента отрицания в развитии. В «Капитале» он писал о материалистической диалектике, что в «...позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму она рассматривает в движении, следовательно также и с её преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна» [1].

Отрицание играет важную роль во всех процессах природы, общества и мышления. При этом в разных процессах оно проявляется по-разному. Радиоактивное превращение урана в радий есть вид «отрицания» одного химического элемента, образование из него другого химического элемента. Отрицание почки цветком, а цветка плодом есть необходимые моменты произрастания растений. История общества немыслима без отрицания отживших социальных порядков новыми. Белинский хорошо сказал, что без момента отрицания общество превратилось бы в стоячее болото. История науки показывает, что и движение познания осуществлялось через отрицание неоправдавшихся гипотез, через отрицание теорий и формул, пришедших в противоречие с новыми фактами, с развивающейся практикой.

Но мало признать момент отрицания в развитии. Нужно правильно понять природу отрицания, его диалектический характер. Только при этом условии будет ясна основная закономерная линия, тенденция в развитии.

Из приведенных выше примеров легко заметить, что отрицание как момент развития нельзя понимать как абсолютное отрицание, т. е. как отрицание, не содержащее в себе ничего положительного. Если бы это было так, то стало бы невозможным

---

[1] *К. Маркс.* Капитал, т. I, стр. 20.

развитие. Если бы отрицание почки в цикле произрастания растения было только отрицанием, то не было бы перехода от почки к цветку. Можно, конечно, сорвать почку и сжечь ее; это тоже будет отрицание, но такое, которое разрушит, а не создаст условия для нормального роста растения. Такое отрицание не есть *условие развития.* Когда гитлеровцы уничтожали веками созданную культуру, то это тоже было отрицание, но такое, которое отбрасывало человечество назад, в мрак средневековья. А когда пролетариат путем социальной революции уничтожает капиталистический строй, то такое отрицание утверждает новый, несравненно более жизнеспособный общественный строй, создающий безграничные возможности развития.

Диалектический закон отрицания отрицания — это закон *развития.* Поэтому, когда диалектика говорит об отрицании, она имеет в виду не всякое отрицание, а лишь такое, которое служит предпосылкой, условием развития. «В диалектике,— пишет Энгельс,— отрицать не значит просто сказать «нет», или объявить вещь несуществующей, или уничтожить ее любым способом»[1]. Образно выражаясь, диалектически понимаемое отрицание есть такое «нет», которое одновременно содержит в себе «да», т. е. единство отрицания и утверждения.

Диалектическое понимание отрицания ничего общего не имеет со скептицизмом и нигилизмом, которые подвергают все сомнению и не видят ничего положительного в том, что было и что есть, а все рисуют мрачными красками. Ленин называл такое отрицание «голым», «зряшным», «скептическим». Такого рода отрицание является субъективным мнением, а не отражением объективного хода развития. Не такое отрицание, указывал Ленин, «...характерно и существенно в диалектике,— которая, несомненно, содержит в себе элемент отрицания и притом как важнейший свой элемент,— нет, а отрицание как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного, т. е. без всяких колебаний, без всякой эклектики»[2].

Мировое искусство в ярких образах отразило два разных по своей природе вида отрицания: отрицание как разрушение, как скептицизм и абсолютное сомнение во всем и отрицание как предпосылка к лучшему, совершенному, как источник прогресса. В «Фаусте» Гете образ Мефистофеля, его рассуждения, вся его философия служат примером «голого» отрицания, отрицания во что бы то ни стало.

> Я отрицаю все — и в этом суть моя,
> Затем, что лишь на то, чтоб с громом провалиться,
> Годна вся эта дрянь, что на земле живет.
> Не лучше ль было бы им уж вовсе не родиться!

---

[1] *Ф. Энгельс.* Анти-Дюринг, стр. 133.
[2] *В. И. Ленин.* Философские тетради, стр. 197.

Короче, все, что злом ваш брат зовет,—
Стремленье разрушать, дела и мысли злые,
Вот это все — моя стихия.

Мефистофель высказывает немало верных критических мыслей о старом мире. Свойственный ему дух отрицания имеет и положительное значение, поскольку Мефистофель зло высмеивает все застойное, окостенелое. Но он полон неверия в возможность лучшего. Фауст также отрицает, но он отрицает отжившее, тормозящее прогресс, он верит в человека, в разум человеческий, в нем неистребима жажда к совершенному, прекрасному.

Будучи условием развития, отрицание есть вместе с тем выражение беспрерывности, преемственности развития, связи между различными стадиями и моментами развития, между тем, что отрицается, и тем, что отрицает. Это важнейшая сторона отрицания. Диалектическое отрицание нельзя понимать как разрыв в развитии, отрицание связи между старым и новым. Связь между ними имеется уже в силу того, что новое рождается не из ничего, а только из старого. Связь заключается и в том, что новое удерживает все положительное, что содержалось в старом. Старое, таким образом, в своем движении, порождающем новое, не просто отбрасывается, а «снимается» новым. Философское понятие *снятие* означает одновременно отрицание и сохранение, отрицание предыдущего состояния и сохранение в новом всего положительного, что достигнуто предыдущим развитием.

Например, человек и человеческое сознание есть, несомненно, отрицание того состояния, которое свойственно животному с его чисто биологическим приспособлением к природе и инстинктивной психической деятельностью. Переход от мира животного к человеческому миру был величайшим скачком в развитии природы, но история животного мира была необходимой предысторией человека. Человеческое сознание в преобразованном виде содержит в себе результат всего предыдущего развития психики животных. Диалектический процесс «снятия», т. е. отрицания и сохранения, имеется и в познании. Идя от чувственно созерцаемого к абстрактному, от единичного к общему, познание не теряет на новой ступени приобретенное ранее, а сохраняет его в себе, обогащает, возводя его на высшую ступень. В знании общего содержится знание единичного, но в «снятом» виде. Например, в понятии «материя» отражены все многообразные предметы материального мира, но отражены в «снятом» виде, со своей наиболее общей и существенной стороны — как объективные реальности.

Насколько важно для практической деятельности учитывать диалектическое отрицание в развитии как выражение преемственности и внутренней связи между отрицаемым и отрицающим, показывает следующий пример. Перед обществом, приступающим к социалистическим преобразованиям, встает задача строи-

тельства новой, социалистической культуры. Было бы опасным заблуждением полагать, что новая культура строится на голом отрицании всей предшествующей культуры. А между тем бывают защитники и такого взгляда. Социал-демократ махист В. Шулятиков в книге «Оправдание капитализма в западноевропейской философии» утверждал, что все философы XVII—XVIII вв. стремились лишь к тому, чтобы обосновать справедливость капиталистического строя, что в их взглядах никаких элементов объективной истины не содержится. Из этого следовало, что пролетариату нечего делать с этой философией, что никакой связи, преемственности между старой и марксистской философией нет и не может быть. Ленин и другие марксисты высмеяли подобные представления, «шулятиковщина» стала синонимом вульгарного, анархистского, недиалектического понимания отношений между старым и новым, отрицаемым и отрицающим. В первые годы Советской власти руководители так называемого «Пролеткульта» объявили всю старую культуру культурой эксплуататоров и утверждали, что пролетарская культура должна строиться в полной изоляции от всего многовекового развития культуры прошлого. Эти анархистские взгляды нашли свое отражение в философии, литературе, музыке и других областях науки и искусства. Вульгаризаторы объявляли крупных писателей прошлого корыстными идеологами дворянства, купечества и т. п., не видя элементов общечеловеческого содержания в их искусстве. Подменяя марксистский классовый анализ творчества этих писателей упрощенческим социологизированием, они приносили вред, изолируя рабочий класс от великого культурного наследия прошлого.

Коммунистическая партия во главе с Лениным отвергла пролеткультовские идеи. Пользуясь методом марксистской диалектики, Ленин вскрыл закономерности развития социалистической культуры и показал, что она решительно отрицает все то в старой культуре, что выражало эксплуататорское, преходящее содержание, но вместе с тем она есть продолжение всего предшествующего развития культуры. Социалистическая культура критически переоценивает и перерабатывает культуру прошлого, сохраняя, удерживая все ценное, прогрессивное.

Марксистская философия возникла как отрицание предшествующей философии, но, преодолев все ошибочное, не выдержавшее испытания временем, она сохранила все то истинное, что содержалось в ней.

Понимание сущности диалектического отрицания важно и в повседневной деятельности. Критика, несомненно, есть отрицание. Но мы притупили бы остроту этого оружия и ослабили бы его, если бы понимали критику как абсолютное отрицание старого. Критика есть отрицание отжившего, неправильного, рутин-

ного и вместе с тем укрепление всего положительного, ценного, что есть в старом. Настоящая критика не только отрицает негодное, но и помогает освободиться от него, указывает критикуемому путь вперед. Иначе говоря, критика как отрицание должна быть и утверждением: утверждением не только в смысле удержания положительного, но и в смысле указания способов преодоления недостатков.

Материалистическая диалектика придает первостепенное значение отрицанию, видя в нем условие развития и момент, выражающий закономерную связь между различными ступенями развития. Это позволяет правильно решить вопрос об основном направлении развития в природе, обществе и мышлении. Перейдем к рассмотрению этого вопроса.

2. Поступательный характер развития и его формы

Уже анализ роли отрицания подводит к выводу о прогрессивном, поступательном развитии действительности. В самом деле, если природа диалектического отрицания такова, что оно не просто уничтожает старое, а снимает его, сохраняя все положительное, то ясно, что новая ступень приносит с собой значительно большие возможности развития, чем предыдущая ступень. Поступательное развитие есть закономерный результат того, что каждое новое отрицание впитывает в себя достигнутое ранее и делает его основой для дальнейшего движения. Поэтому новая ступень, каждый новый цикл развития не повторяет старый, а представляет собой новый круг, возвышающийся над старым, использующий старое, приобретенное предыдущим развитием как трамплин для дальнейшего развития.

Так, капиталистический способ производства начал свое развитие с использования той технической основы, которая ему досталась от феодального строя. Опираясь на эту основу, капитализм сделал огромный шаг вперед, создав крупную машинную промышленность с высокоразвитой техникой. На смену капитализму закономерно и необходимо идет социализм. Отрицая капитализм, социализм опирается уже на более высокую техническую основу, чем в свое время капитализм. Теперь уже не ремесленное производство является исходным пунктом развития, а крупная машинная промышленность. Благодаря сохранению технических достижений капитализма социализм, используя свои преимущества, имеет возможность еще более быстро двигать вперед производство. Образно выражаясь, от прошлого человечество перенимает не пепел, а огонь, поддерживающий жизнь, позволяющий подниматься выше. В примитивном орудии, изготовленном первобытным человеком, в возможности содер-

жалось дальнейшее развитие орудий производства. От него движение могло идти только вперед. От современных машин нет и не может быть движения к каменному веку.

Таким образом, диалектическая природа отрицания и его важная роль в развитии объясняют нам причину поступательного, прогрессивного движения, развития от низшего к высшему, от простого к сложному.

Может возникнуть вопрос: почему же рассматриваемый закон называется законом отрицания отрицания? Нельзя ли ограничиться одним понятием отрицания? Не усложняем ли мы искусственно картину развития, выдвигая понятие двойного отрицания, отрицания отрицания? На эти вопросы нужно ответить, что само объективное развитие содержит в себе это двойное отрицание, а понятие «отрицание отрицания» лишь отражает совершающиеся независимо от нашего сознания процессы.

Мы уже видели, что то, что выступает в качестве отрицания, в свою очередь само со временем изменяется, превращается в новое качество, т. е. отрицается. И эта цепь отрицаний бесконечна. Но было бы ошибочно думать, что это развитие протекает гладко, без противоречий. В действительности поступательное развитие путем отрицания происходит противоречиво, и сущность отрицания отрицания, необходимость двойного отрицания в каждом отдельном цикле развития как раз и вытекает из противоречивого характера развития, из действия закона единства и борьбы противоположностей.

Чтобы это стало ясным, представим себе спор между двумя сторонами по какому-нибудь вопросу науки. Одна сторона выдвигает определенное положение (тезис). Другая сторона выступает с отрицанием этого положения (антитезис). В каждом из этих двух противоборствующих мнений могут быть элементы истины, но они односторонне противопоставляются друг другу как взаимоисключающие. Между спорящими развертывается борьба мнений, завершающаяся в итоге возникновением нового положения, которое отрицает оба предыдущих, боровшихся между собой взгляда. Но отрицая их, снимая спор, борьбу противоположных мнений, оно не отбрасывает те элементы истины, которые односторонне содержались в каждом из них, а является известным *синтезом,* использующим положительные моменты развития спора. При этом синтез нужно понимать не как механическое соединение того, что раньше существовало раздельно, не как внешнее сочетание двух противоположностей, а как совершенно новую ступень в развитии. На этой новой ступени благодаря борьбе противоположностей преодолеваются те односторонности, которые были свойственны каждой ступени, и достигается высшая истина, в которой сохраняется все положительное, что было раньше, и вместе с тем исчезает то, что было неистинным, преходящим. Вот эта новая ступень и выступает как *отрицание*

отрицания. Следовательно, отрицание отрицания есть закономерное следствие разрешения борьбы противоположностей.

Мы привели в качестве примера спор (борьбу двух противоположных мнений), разрешающийся достижением истины. История науки полна примерами такого рода движения человеческих знаний к объективной истине.

В XVII в. господствовала теория, утверждавшая, что свет состоит из мельчайших частиц и распространяется по законам движения частиц. В этот же период возникла теория о том, что свет имеет волновую природу и распространяется по законам волн. В XIX в. в трудах Френеля и Юнга эта теория получила блестящее подтверждение. Казалось, что в борьбе двух противоположных взглядов победу одержала вторая теория. Но в XX в. была открыта и доказана квантовая природа света, причем оказалось, что дифракция и интерференция свидетельствуют о волновой природе света, а фотоэлектрический эффект, химические действия света и другие явления говорят, что он в то же время обладает свойствами частиц.

В качестве отрицания отрицания современная теория света вобрала в себя и синтезировала положительные элементы прежних теорий, освободив их от односторонности. Вместе с тем как высшая ступень, как известный итог она невозможна была бы без связи со старыми теориями, без опоры на них и их использования.

Развитие всюду происходит так, что высшая ступень того или иного цикла развития выступает как синтез всего предшествующего движения. Это можно видеть на следующем примере из истории общества. До мануфактурного и машинного производства отдельный работник выполнял все или почти все операции по изготовлению продукта. Производитель в этом смысле выступал как универсальный работник, выполняющий весь процесс производства данного предмета. В мануфактуре и особенно в машинной промышленности процесс производства дробится на многие отдельные операции и каждый рабочий выполняет лишь часть всего процесса. Универсальный работник «отрицается» рабочим, прикрепленным к отдельной операции. Но в условиях социализма и особенно коммунизма благодаря автоматизации производства возникает новый тип рабочего, выполняющего уже не отдельные операции (это за него делают механизмы), а управляющий всем процессом или значительной его частью. Рабочий снова становится в известном смысле многосторонне развитым работником, овладевшим рядом смежных профессий, и знатоком всего производственного процесса, при этом он, конечно, должен быть хорошим специалистом в определенной области. Это новая ступень, являющаяся отрицанием отрицания, выступает в качестве «синтеза» всего предыдущего развития, преодолевшего однобокость и вобравшего ценные стороны первых двух ступеней: универсальность старого работника и высокий технический уровень нового производства.

Приведенные примеры показывают, почему развитие того или иного конкретного процесса не завершается на первом отрицании, а требует в свою очередь отрицания этого отрицания. Старое, отрицаемое новым, и новое, отрицающее старое, суть

противоположности. Каждой из этих противоположностей присущи и такие элементы, свойства, которые не могут быть утрачены в последующем развитии, и такие, которые исчезают, уничтожаются. Эти противоположности представляют собой как бы односторонности, которые исчезают в дальнейшем развитии. Это и происходит на ступени отрицания отрицания.

Таким образом, развитие проходит ступень утверждения (существования) явления, затем ступень его отрицания и, наконец, ступень отрицания отрицания. Благодаря тому, что на этой высшей ступени «синтезируется», осваивается, перерабатывается ценное, что было на первых двух ступенях, и исчезают, уничтожаются отжившие элементы этих первых ступеней, развитие в целом идет по восходящей линии, от простого к сложному, от низшего к высшему. Вот почему закон отрицания отрицания имеет важное значение для объяснения основной тенденции развития.

Основная тенденция к поступательному движению легко обнаруживается даже при самом беглом обзоре развития природы, общества и мышления. В переходе от неорганической материи к органической сказалось действие этой тенденции в природе. Вместе с тем и та и другая части природы имеют свои ступени развития, каждая из которых сложнее и выше предыдущей. Особенно ярко это видно в органической природе. От простейших и низших форм организации к все более сложным и высшим формам, от одноклеточных к многоклеточным организмам, от низших видов растений и животных к сложным и высшим — таков путь развития органической материи.

В обществе каждая новая социально-экономическая формация представляет собой более высокую ступень развития. Процесс восхождения от низшего к высшему проделывает не только общественное устройство в целом, но и каждая из отдельных сторон общества: техника, производство, наука, искусство, быт людей и т. д. От первых робких и во многом еще фантастических представлений о мире до поистине сияющих вершин, достигнутых современной наукой,— таков путь развития познания.

Какую бы область мы ни взяли, всюду действует одна и та же основная тенденция — развитие по восходящей линии. Ясно, что это результат действия объективной диалектики развития.

Поступательность движения — сложный процесс, который нельзя понимать упрощенно. Поступательное развитие природы или общества на нашей планете реализуется в массе сменяющих друг друга форм, явлений, каждое из которых конечно и преходяще. Дело обстоит не так, что, скажем, один и тот же отдельный вид растений или животных все время развивается по восходящей линии. Поступательно развивается органический мир в целом, отдельные же виды возникают и исчезают, одни виды превращаются в другие. Способность одних органических форм при-

способляться к изменяющимся условиям существования сочетается с неспособностью приспособиться и вследствие этого гибелью других форм. В общественной жизни одни формации и социальные порядки отживают свой век, сменяясь другими формациями и порядками. В силу самой сущности диалектического отрицания восходящее развитие отдельных предметов закономерно сменяется их нисходящим развитием, ибо собственным развитием они подготовляют условия своего отрицания. Рост, развитие одного имеет в качестве своей противоположности старение, отмирание другого.

При общей прогрессивной тенденции движения отдельные отрезки линии развития могут быть направлены не вперед, а назад, выражать моменты движения вспять, регресса. В обществе, например, новые, передовые силы не сразу побеждают. Нередко они терпят поражение от сил старого, которые сначала более прочны, чем только что возникшее, новое. Отсюда неизбежные зигзаги в развитии, временные отступления. Ленин любил повторять слова Чернышевского о том, что история — не тротуар Невского проспекта, широкого, ровного и прямого. В обществе идет борьба между противоположными классами, партиями, и исход этой борьбы зависит от соотношения сил. Так, в революции 1905 г. в России соотношение сил сложилось не в пользу рабочих и крестьян, и они потерпели поражение. Но каждый такой зигзаг в общем ходе развития имеет временный, относительный характер, ибо в поражениях передовые силы закаляются, крепнут и на новых этапах борьбы неизбежно берут верх, одерживают победу. Поэтому через все сложные перипетии борьбы между старым и новым, через все зигзаги и изломы пробивает себе дорогу основная линия восходящего развития, имеющего не временное, не относительное, а постоянное и абсолютное значение. Потерпев поражение в 1905 г., рабочий класс и крестьянство России одержали победу в 1917 г.

В условиях антагонистического общества каждый шаг прогресса стоит человеческих жертв. Эксплуататорские классы используют технический прогресс не для облегчения труда, а для угнетения трудящихся. Такое великое достижение науки, как открытие атомной энергии, они используют не столько для мирных целей, сколько для подготовки войны. Буржуазные философы и социологи, видя этот противоречивый характер развития, отрицают прогресс.

Вот одно из таких высказываний о прогрессе. «Несмотря на то,— пишет профессор Чикагского университета Анатоль Рапопорт,— что технологический прогресс является доказуемым фактом (по количеству киловатт на человека), несмотря на то, что организованное медицинское исследование побеждает многие клинические болезни... несмотря на распространение грамотности... достигли ли мы чего-нибудь? И если да, то в чем? Естественно сомневаться в ценности сверхзвуковых исследований, если они приводят к созданию ракет с атомной бомбой. Законно сомневаться в ценности колоссальной печат-

ной продукции, если 85% американской молодежи не читает ничего, кроме комиксов... Короче говоря, если даже несомненно, что большие перемены, внесенные технологическим прогрессом, неустранимы, возникает серьезный вопрос о том, желательны ли они»[1].

Такие взгляды на прогресс основываются на непонимании того, что иначе, без подобных противоречий не может осуществляться движение вперед в обществе, разделенном на враждебные классы. Существование противоречий не может служить опровержением прогресса, поступательного движения. Нужно учитывать всю сложность прогресса и бороться против регрессивных, реакционных сил.

Против положения диалектики о поступательном характере развития буржуазные философы выдвигают и тот аргумент, что наша планета не всегда будет поддерживать жизнь и что прогресс не может быть на ней бесконечным. Но этот странный аргумент бьет мимо цели. Как и всякие отдельные формы существования материи, планеты, на которых возникли благоприятные условия для дифференциации материи и появления живых существ, вплоть до мыслящего человека, в масштабах многих биллионов лет или в масштабах бесконечности вселенной, преходящи. Однако если конечны и погибают отдельные планеты со всем богатством развившихся на них материальных форм, то не может погибнуть материя и законы ее движения, а следовательно, и способность материи к дифференциации, способность ее где-нибудь в другом месте, на другой планете воспроизвести все многообразие своих форм, включая и высшие проявления жизни. Материя, указывал Энгельс, во всех своих превращениях остается вечно собой, и потому «с той же самой железной необходимостью, с какой она когда-нибудь истребит на земле свой высший цвет — мыслящий дух, она должна будет его снова породить где-нибудь в другом месте и в другое время»[2].

Теперь рассмотрим вопрос о формах поступательного развития. Движение от низшего к высшему, от простого к сложному образно можно изобразить не в форме прямой линии или круга, а в форме спирали. Понятие «отрицание отрицания» отражает эту спиралевидную форму развития. Как показывают многочисленные факты, взятые из истории природы, общества и мышления, развитие обычно включает в себя момент возврата на высшей ступени к исходному моменту, но возврата на новой, более высокой основе. Это и есть форма развития, сходная со спиралью: конец каждого витка или круга спирали смыкается с началом, но в пределах уже не старого, а нового витка, круга, расположенного над старым. Высшая ступень в развитии, выступающая в качестве отрицания отрицания, завершает определен-

[1] *Anatol Rapoport.* How relative are values? Журнал «Е. Т. С.», 1951, vol. VIII, № 3, Chicago, p. 182.

[2] *Ф. Энгельс.* Диалектика природы, стр. 19.

ный — большой или малый — цикл развития, и в ряде случаев оказывается, что высшая точка развития есть как бы возврат к начальному, исходному пункту развития, но на более высокой основе.

Поясним это на примерах. В «Капитале» Маркс показывает, что капиталистическая форма собственности возникла в результате экспроприации массы мелких производителей, добывавших себе средства существования с помощью находившихся в их собственности средств производства. Крупная капиталистическая собственность явилась отрицанием мелкой собственности. Но в свою очередь капитализм отрицается высшей, социалистической формой собственности. «Экспроприаторов экспроприируют». Это — отрицание отрицания. Развитие как бы возвращается к исходному пункту, но уже на высшей основе. Непосредственные производители, трудящиеся снова становятся владельцами средств производства, но уже не в форме индивидуальной, а в форме коллективной собственности. Стало быть, отрицание отрицания не просто повторяет исходный момент, а вбирает, «синтезирует» все достижения предыдущих ступеней развития, воспроизводя на высшей ступени цикла некоторые черты первоначальной ступени.

Спиралевидная форма поступательного развития проявляется и в истории мышления. Древняя философия начиналась с материализма, проникнутого стихийной диалектикой. Позже, особенно в XVII—XVIII вв., воспреобладал метафизический метод мышления. Метафизический материализм был отрицанием диалектического подхода древних материалистов к природе. В середине XIX в. возник диалектический материализм, явившийся отрицанием отрицания. Он как бы завершил многовековую цепь развития философии в том же пункте, с которого она началась, но на несравненно более высокой основе.

Та же форма развития наблюдается часто и в природе, особенно в органической. Например, из семени вырастает растение, которое затем снова дает семя. Последнее в новом жизненном цикле производит новое растение, которое не будет простым повторением предыдущих, а включает в себя изменения, приобретенные в процессе приспособления к изменяющейся среде.

Многочисленные факты из самых разнообразных областей природы, общества и мышления показывают, что развитие на высшей ступени включает в себя момент возврата к исходному пункту, но уже на новой, более высокой основе. Эти факты говорят о том, что такая форма развития не случайна, а тесно связана с сущностью процесса, который мы и называем отрицанием отрицания. Ведь когда второе отрицание «снимает», отрицает первое, то тем самым закономерно восстанавливаются некоторые черты, свойства исходного состояния, в свое время отрицавшиеся первым отрицанием.

Иначе говоря, двойное отрицание дает утверждение, т. е. воспроизводит на новой, высшей основе отдельные черты исходного момента развития. Следует еще раз подчеркнуть, что возврат к старому нужно понимать не как буквальное воспроизведение того, что уже было, а как повторение лишь некоторых свойств, сторон старого. Это, выражаясь ленинскими словами, «возврат якобы к старому», т. е. такой «возврат», который осуществляет движение не назад, к изжитым, пройденным уже ступеням, а вперед, к новым, высшим формам, конденсирующим в себе все то ценное и положительное, что было раньше.

Было бы, однако, неправильно рассматривать «троичность» как некую априорную схему, которую нужно навязывать всем процессам. Развитие какого-нибудь предмета может проходить и часто проходит не обязательно три, а больше или меньше ступеней. В одних процессах явственно наблюдается возврат на новой, высшей основе к исходной форме, в других процессах это происходит менее явственно, лишь отчасти.

Закон отрицания отрицания, как и любой другой закон диалектики, указывает лишь самое общее направление и тенденцию развития. Подобно любому закону, он модифицируется, видоизменяется в своем осуществлении в зависимости от природы предмета и условий, в которых происходит развитие предмета. Энгельс специально предупреждал, что способ отрицания «зависит от особой природы каждого отдельного случая» [1].

Энгельс и Ленин высмеяли тех, кто обвинял марксизм в том, будто он с помощью отрицания отрицания и «триад» [2] доказывает неизбежность гибели капитализма и победы социализма. Маркс исследовал горы реальных фактов, открыл законы развития капитализма и только на основании объективных процессов сделал вывод о неизбежности гибели капитализма и победы социализма. Диалектика же, в том числе и закон отрицания отрицания, была лишь методом исследования этих фактов.

Знание общих диалектических законов развития и категорий диалектики вооружает нас научным методом, предпосылкой правильного подхода к действительности как при ее изучении, так и в практической деятельности. Зная законы и категории диалектики и руководствуясь ими, мы должны находить, схватывать, устанавливать те особенные формы, в которых в каждом отдельном явлении, процессе, событии, в разных исторических условиях, при решении разных практических задач выражается действие общих законов.

---

[1] *Ф. Энгельс.* Анти-Дюринг, стр. 133.

[2] «Триада» — развитие по схеме: тезис — антитезис — синтез. В гегелевской философской системе «триада» как форма развития мысли часто служит искусственной схемой, в угоду которой приносится реальный процесс развития бытия. Гегелевская «триада» была подвергнута критике основоположниками диалектического материализма.

В этом состоит главное значение диалектического способа мышления, позволяющего, говоря словами Ленина, устанавливать «связь с определенными практическими задачами эпохи, которые могут меняться при каждом новом повороте истории»[1].

Закон отрицания отрицания имеет свои специфические проявления в условиях социалистического общества. Главная особенность его действия здесь состоит в том, что процесс отрицания утрачивает тот разрушительный характер, который свойствен ему в антагонистическом обществе, где силы отжившего, старого строя цепляются за любые средства, чтобы сохранить этот строй. Можно сказать, что творческий, созидательный, положительный характер диалектического отрицания находит в социалистическом обществе свое наиболее яркое и полное выражение. В этих новых условиях, когда ликвидированы эксплуататорские классы, общество сознательно осуществляет назревшие и исторически необходимые «отрицания», которые позволяют без колоссальных издержек заменять устаревшие формы развития новыми. Социалистическое общество развивается планомерно, руководствуясь знанием общественных законов; оно осуществляет такого рода отрицания, не давая отжившим формам тормозить движение. При этом руководящая сила социалистического общества — коммунистическая партия на каждом этапе развития сознательно и мудро сочетает новые формы со всем ценным, что имелось на предыдущих этапах.

Зная, что развитие есть процесс, в котором элемент отрицания играет важную роль, коммунистическая партия бережно ухаживает за ростками нового, возникающими еще в недрах старого, за теми ростками, которым принадлежит будущее. В буржуазном обществе, наоборот, ростки, элементы нового социального порядка затаптываются господствующим классом, на их пути воздвигаются барьеры и только ликвидация диктатуры буржуазии открывает широкую дорогу для их развития.

Партия в новой Программе сознательно рассматривает переход от социализма к коммунизму как процесс диалектического отрицания ряда форм и принципов, которые неизбежно устаревают и отживают на базе высшего развития производительных сил. Такому отрицанию закономерно подвергнутся в будущем, при полной победе коммунизма, социалистический принцип распределения по труду, государственные формы управления и т. д. Но особенность этого процесса отрицания состоит в том, что развитие происходит не путем ломки, а, напротив, путем максимального использования и совершенствования социалистических форм жизни, в силу чего «отрицание» старого осуществляется по мере назревания предпосылок и условий перехода к новым,

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 17, стр. 20.

коммунистическим формам жизни, последовательными этапами и ступенями.

Само коммунистическое общество выступает как высшая ступень всего предшествующего мирового развития человечества, синтезирующая в себе все великое и ценное, что было создано народами в прошлые эпохи. Но коммунистическое общество, создаваемое советским народом, есть общество высочайшего материального и интеллектуального развития, общество изобилия материальных и духовных благ, общество гармонического развития всех человеческих способностей и задатков.

Итак, закон отрицания отрицания есть закон, действием которого обусловливается связь, преемственность между отрицаемым и отрицающим, вследствие чего диалектическое отрицание выступает не как голое, зряшное отрицание, отвергающее все прежнее развитие, а как условие развития, удерживающего и сохраняющего в себе все положительное предшествующих стадий, повторяющего на высшей основе некоторые черты исходных ступеней и имеющего в целом поступательный, прогрессивный характер.

Как и рассмотренные уже законы диалектики, закон отрицания отрицания является одним из важных законов как бытия, так и самого процесса познания. Самое главное здесь состоит в том, что в движении познания, в его логике с огромной силой проявляется момент диалектического отрицания как отрицания с удержанием положительного, как условия поступательного развития человеческих знаний. В «Философских тетрадях» Ленин с одобрением приводит выдержку из «Науки логики» Гегеля, в которой ярко показано значение диалектического отрицания в ходе познания. Каждый новый шаг в познании, указывал Гегель, связан с предыдущими ступенями. «...На каждой ступени дальнейшего определения всеобщее поднимает выше всю массу его предшествующего содержания и не только ничего не теряет вследствие своего диалектического поступательного движения (познания.— *Ред.*) и не оставляет ничего позади себя, но несет с собою все приобретенное, и обогащается и уплотняется внутри себя» [1].

Таков закон как исторического процесса развития мышления, так и индивидуального процесса познания. Именно в силу этого закона научные истины все более и более обогащаются, «сгущаются», и познание идет к все более глубокому охвату истины.

Процесс познания особенно ярко иллюстрирует также ту сторону закона отрицания отрицания, согласно которой развитие совершается в виде кругов, причем на высшей точке каждого нового круга происходит как бы возврат к началу, но на более высокой основе. Так, например, познание человеком предметов идет от чувственно-конкретного к абстрактному и от него снова

[1] Цит. по кн.: *В. И. Ленин.* Философские тетради, стр. 202.

возвращается к конкретному, но уже в более глубоком его понимании, достигнутом благодаря процессу научной абстракции.

Еще пример. Практика выступает как начало, исходный пункт теории: теория отвечает на запросы и потребности практики. Но, возникнув на основе практики, теория снова обращается к практике. Только практика может доказать истинность теории, и только в практической деятельности людей реализуются достижения теории. Развитие познания идет от практики к теории и от теории снова к практике, но уже обогащенной теоретическим знанием действительности. Конец отдельного цикла — практика — является вместе с тем началом нового цикла развития познания. Новый цикл будет состоять из тех же звеньев, но это будет уже более высокий круг спирали и т. д.

Специально эти вопросы рассматриваются в следующей главе, к которой мы сейчас переходим.

ГЛАВА IX

ДИАЛЕКТИКА ПРОЦЕССА ПОЗНАНИЯ

Как уже нами отмечалось в предшествующих главах, законы и категории диалектики являются законами развития не только бытия, но и мышления, познания. Процесс объективного научного познания так же диалектичен, как и сама реальная действительность.

Настоящая глава посвящена коренным вопросам диалектики процесса познания. В ней рассматриваются взаимоотношения диалектики, логики и теории познания, связь чувственного и рационального в познании, роль абстракций, вопрос об истине и критерии истинности. Все это дополняет и углубляет содержание диалектической концепции развития.

1. Диалектика как теория познания. Диалектическая и формальная логика

Познание есть отражение действительности. Оно является сложным диалектическим процессом проникновения ума в сущность вещей. Познание идет через возникновение и разрешение противоречий и носит активный, творческий характер: оно, раскрывая закономерности объективного мира, указывает пути преобразования, изменения его.

Материалистическая диалектика, будучи наукой и о мышлении, изучает свой предмет исторически, вскрывает происхождение и развитие познания. «В теории познания,— писал Ленин,— как и во всех других областях науки, следует рассуждать диалектически, т. е. не предполагать готовым и неизменным наше познание, а разбирать, каким образом из *незнания* является *знание*, каким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным» [1].

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 14, стр. 91.

Многие мыслители прошлого изучали познание и его формы вне зависимости от выяснения их объективного содержания; они полагали, что законы мышления не имеют никакого отношения к законам самого бытия. Примером тому может служить гносеология (теория познания) *Канта*, который пытался анализировать познание человека и его формы до и независимо от реального процесса познания. Основной задачей гносеологии Кант считал выяснение априорных (доопытных) условий и форм познания; он отрывал формы мышления от их объективного содержания.

Действительные законы познания можно понять только в том случае, если анализировать объективное содержание знания. *Гегель* считал формы мышления формами живого, реального содержания, связанными с объективным миром. И это правильно. Но в философии Гегеля не законы и формы мышления отражают законы природы, а, наоборот, законы природы являются бледной копией законов развития духа.

Марксистская философия исходит из того, что так называемая субъективная диалектика (развитие нашего мышления) является отражением объективной диалектики (развития явлений материального мира): «...Законы мышления и законы природы,— пишет Энгельс,— необходимо согласуются между собою, если только они правильно познаны» [1].

Единство законов мышления и законов бытия не означает, что между ними нет никакого различия. Они едины по содержанию, но различны по форме своего существования: одни существуют объективно, а другие — в сознании человека как отражение первых. «Законы логики,— пишет Ленин,— суть отражения объективного в субъективном сознании человека» [2]. А раз законы природы и законы мышления едины по своему содержанию, то *диалектика*, как глубокое и всестороннее учение о развитии, включает в себя теорию познания *(гносеологию)* и *логику*, которые изучают законы развития мышления, познания.

Способность человеческого познания носит исторический характер и зависит от развития человека и его органа мышления — мозга. В становлении и развитии способности познания, как специфически человеческой деятельности, решающую роль сыграло общество. Процесс познания носит общественно-исторический характер и развивается в соответствии с развитием общества. Конечная *цель познания* состоит в удовлетворении общественно необходимых практических потребностей.

Материалистическая теория познания до Маркса субъектом познания считала человека как изолированного индивида. Она пыталась вскрыть сущность ощущений и мышления отдельных людей как чисто природных существ, не понимая их обществен-

[1] *Ф. Энгельс.* Диалектика природы, стр. 178.
[2] *В. И. Ленин.* Философские тетради, стр. 158.

ной сущности. В действительности же познание осуществляется не изолированными индивидами (таких людей нет), а людьми как членами общества и для удовлетворения их потребностей.

Диалектика изучает законы развития познания на основе обобщения всей истории знания. Чтобы вскрыть эти законы, нужно проанализировать историю философии, историю отдельных наук, историю умственного развития ребенка, предысторию человеческого мышления (развитие психики у животных), историю языка, данные психологии и физиологии высшей нервной деятельности. Каждая из этих отраслей научного знания проливает свет на ту или иную сторону процесса познания. История философии и история отдельных наук показывают процесс развития человеческого знания, его движение от незнания к знанию, от знания неполного к знанию всестороннему и глубокому. Изучение поведения высших животных, умственного развития ребенка и истории языка дает возможность понять возникновение и развитие познавательных способностей человека (чувственного опыта и мышления). Психология дает материал для понимания того, как протекает процесс ощущения, восприятия, представления, мышления. Физиология высшей нервной деятельности изучает функционирование органов чувств и мышления, т. е. вскрывает материальные основы ощущений и мышления. В последнее время возникла и развилась такая отрасль научного знания, как кибернетика. Данные этой науки также имеют большое значение для понимания познания как отражения действительности. Она исследует мышление, с одной стороны, как процесс преобразования информации.

Не только диалектика изучает законы и формы мышления. Этим занимается также формальная логика. Поэтому возникает вопрос об отношении диалектики к формальной логике, об их различии в подходе к изучению мышления.

Формальная логика — это наука о формах мышления, правилах и формах следования одного суждения из других. Она изучает формы мышления со стороны их строения, описывает простейшие приемы мышления, используемые в познании действительности, формулирует правила выведения одного суждения из других. Формальная логика, в частности, решает такие вопросы: из каких частей состоит умозаключение, каким образом связаны отдельные мысли в нем, в каком случае из них следует достоверный вывод, а в каком нет, и т. д. Важнейшей частью формальной логики является учение о доказательстве, его строении, видах и возможных ошибках в нем. Умение правильно связывать мысли в рассуждении — непременное условие элементарно грамотного мышления.

Характерной особенностью формальной логики является то, что она при изучении структуры форм мышления отвлекается от их возникновения и развития. Формальная логика берет сфор-

мировавшиеся суждения, понятия, умозаключения и описывает их со стороны формы, структуры. При этом она исходит из определенных законов: закона тождества, закона противоречия, закона исключенного третьего и закона достаточного основания, которые формулируют условия определенности, последовательности и доказательности мышления.

Закон тождества говорит о том, что одна и та же мысль в пределах некоторого рассуждения должна быть тождественна самой себе. *Закон противоречия* запрещает логические противоречия в мышлении: два суждения, из которых в одном утверждается нечто о предмете, а в другом о том же предмете в то же время и в том же отношении это же самое отрицается, не могут быть одновременно истинными. *Закон исключенного третьего* устанавливает, что два противоречащих суждения, из которых одно отрицает другое, не могут быть одновременно ложными. И, наконец, *закон достаточного основания* утверждает, что всякое суждение может считаться истинным только тогда, когда приведены достаточные основания его истинности.

Все эти законы формальной логики необходимо соблюдать в мышлении о любом предмете. Нарушение их ведет к ошибкам и делает наше мышление нелогичным, несостоятельным. В частности, нарушение закона противоречия ведет к путанице, неясности, непоследовательности в мышлении. Например, мы можем встретить два таких противоречащих утверждения: 1) «Механицизм в философии — прогрессивное явление» и 2) «Механицизм в философии — не прогрессивное, а реакционное явление». Каждое из этих двух противоположных суждений правильно, если речь идет о роли механицизма в различные эпохи. Механицизм в XVII—XVIII вв. имел прогрессивное значение, он был шагом вперед по сравнению с теологией и схоластикой, а в современных условиях он мешает развитию философии и науки, тянет их назад. Но эти два суждения логически несовместимы, если речь идет о механицизме в одну и ту же эпоху, т. е. в одних и тех же условиях и в том же самом отношении. Если про современный механицизм в отношении его к диалектическому материализму будут утверждать, что он и реакционен и прогрессивен, то это рассуждение будет сбивчивым, логически противоречивым, в нем одна мысль не согласуется с другой. Ленин писал, что логической противоречивости «при условии, конечно, правильного логического мышления — не должно быть *ни* в экономическом *ни* в политическом анализе» [1].

Правильно понятый логический закон противоречия вполне совместим с признанием существования противоречий в объективном мире и в развитии нашего мышления. Он является законом связи сформировавшихся мыслей и отвлекается от их

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 23, стр. 29.

становления, развития. В процессе развития познания понятие может менять свое содержание, углубляться, развиваться; оно, как будет показано дальше, может приходить в противоречие с самим собой.

Противоречия в познании, которые отражают противоречия объективного мира и противоречивый характер процесса его отражения, нельзя смешивать с формально-логическими противоречиями, которые возникают в результате непоследовательности мышления того или иного человека. Первые — закономерны, они необходимы для всестороннего познания мира во всей его сложности, со всеми его противоречиями; вторые — затрудняют наше движение к истине, не отражают объективных противоречий. Поэтому формально-логические противоречия надо устранять, добиваясь ясности и последовательности мышления.

Законы мышления, описываемые формальной логикой, отражают простейшие отношения вещей. Например, закон тождества отражает сходство явлений действительности, относительную устойчивость и определенность предметов. Мысль в рассуждении должна быть ясной и определенной потому, что сам предмет, несмотря на его изменчивость, качественно устойчив.

Законы формальной логики отражают определенную сторону предметов — момент их устойчивости и относительного постоянства. И поскольку эти законы отражают какую-то сторону явлений действительности, они могут служить, хотя и ограниченным, методом для достижения новых знаний. Энгельс писал: «Даже формальная логика представляет прежде всего метод для отыскания новых результатов, для перехода от известного к неизвестному; то же самое, только в гораздо более высоком смысле, представляет собой диалектика, которая к тому же, прорывая узкий горизонт формальной логики, содержит в себе зародыш более широкого мировоззрения» [1].

При изучении предмета приходится отвлекаться от каких-либо сторон его и фиксировать внимание на одной стороне. Так происходит во всех отраслях науки. Например, математика отвлекается от качественной определенности предметов и рассматривает их со стороны их количественных и пространственных отношений. Такое отвлечение необходимо для глубокого понимания мира. Но при этом никогда не надо забывать, что существуют другие стороны предмета.

То же относится и к формальной логике. При изучении форм мышления можно абстрагироваться от их развития, но закономерности, отражающие одну сторону действительности — относительную устойчивость вещей и их отражений в голове людей, нельзя считать единственными. Превращение формальной логики в единственную науку о мышлении, а ее законов — во все-

[1] *Ф. Энгельс.* Анти-Дюринг, стр. 126—127.

общий метод познания явлений действительности приводит к метафизике, к отрицанию развития и противоречий в объективной действительности и в нашем познании ее.

Диалектическая логика, не отрицая значения формальной логики, указывает ее место в изучении законов и форм мышления и выступает против превращения формальной логики в единственную науку о законах и формах мышления. Развитие, от которого отвлекается формальная логика при изучении мышления, глубоко и всесторонне изучает диалектика. Поэтому диалектика дает возможность понять значение и той стороны мышления, которую изучает формальная логика. Законы связи готовых форм мышления, его строения могут быть поняты только на основе знания законов развития мышления, познания.

Диалектическая логика своим содержанием имеет изучение отношений, переходов, противоречий понятий, в которых отражены отношения, взаимопереходы, противоречия явлений объективного мира. Диалектика не ограничивается перечислением различных форм движения мышления (суждений, понятий, умозаключений), а устанавливает их субординацию и показывает, как в процессе развития познания одна форма переходит в другую.

Главным вопросом диалектической логики является вопрос об истине; она рассматривает формы мышления содержательными, она показывает, каким образом в формах мышления достигается истинное знание о мире.

Диалектическая логика требует, чтобы предмет и его отражение в сознании людей рассматривались всесторонне: в развитии, самодвижении, в существенных связях с другими предметами, через возникновение и разрешение противоречий, в количественных и качественных изменениях и т. д.

Диалектическая логика не имеет особых законов, отличных от законов диалектики. Все законы диалектики являются законами диалектической логики. В то время как законы формальной логики отражают простейшие отношения вещей, отдельные стороны материального мира — момент покоя, устойчивости, законы диалектической логики отражают существеннейшие закономерности явлений действительности, которые рассматриваются в развитии, включающем в себя относительный покой и устойчивость.

Сущность диалектической логики, ее основные методологические требования в изучении своего предмета сформулированы В. И. Лениным следующим образом:

«Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвения. Это во-1-х. Во-2-х, диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, «самодвижении» (как говорит иногда Гегель), измене-

нии... В-3-х, вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку. В-4-х, диалектическая логика учит, что «абстрактной истины нет, истина всегда конкретна»»[1].

Применение законов диалектики к изучению мышления создает все условия для проникновения в его сущность. Диалектическая логика раскрывает диалектику познания, т. е. законы его развития, в том числе и развития форм мышления. А это означает, что она является всесторонним и глубоким учением о развитии человеческого знания как отражения развития материального мира.

2. Объективная истина. Диалектика абсолютной и относительной истины

Главной проблемой диалектики как теории познания является вопрос об истине. Что такое истина и из чего она складывается, возможно ли достижение истинного знания, как происходит движение познания к истине, что служит критерием истинности наших знаний — вот основные теоретико-познавательные проблемы.

Трудно найти таких мыслителей, которые бы утверждали, что истины вообще нет. Борьба философских направлений происходит вокруг того, что́ следует понимать под истиной, существует ли *объективная истина*, т. е. такое *знание, содержание которого не зависит ни от человека, ни от человечества.* Например, наше утверждение, что в Советском Союзе полностью и окончательно победил социализм, является объективной истиной, ибо содержанием этого утверждения является то, что объективно существует, независимо от того, желательно это кому-либо или нет. Когда знание верно отражает то, что существует в объективном мире, оно является объективной истиной. В IV главе, рассматривая проблему сознания как отражения бытия, мы уже установили, что́ именно понимает диалектический материализм под объективной истиной. Здесь мы кратко резюмируем то, что там освещено.

Признание объективной истины означает, что мир и его закономерности познаваемы такими, какими они существуют сами по себе, независимо от сознания людей. «Быть материалистом,— писал В. И. Ленин,— значит признавать объективную истину, открываемую нам органами чувств»[2].

Марксистско-ленинское понимание истины принципиально отлично от ее истолкования и объективным и субъективным идеализмом.

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 32, стр. 72.
[2] *В. И. Ленин.* Соч., т. 14, стр. 120.

Объективный идеализм рассматривает истину как вечное, вневременное, неизменное и безусловное свойство идеальных объектов (духа, идей и т. п.). Истина якобы существует вне человека и человеческого познания. В силу этого истина в объективном идеализме приобретает мистический характер.

Субъективный идеализм считает, что истина исключительно субъективна, ее содержание определяется человеческим сознанием. Одни говорят, что истина является результатом соглашения людей, все, что общепризнанно, то и истинно, другие считают истинным все, что полезно и удобно для того или иного человека. В таком случае истина теряет объективное содержание и ставится в зависимость только от человека и его сознания.

Объективная истина является формой человеческого знания, и только в этом смысле она субъективна (бессмысленно говорить об истине без человека и его сознания), но по своему содержанию она объективна.

В объективности сущность истины, знание только тогда истинно, когда оно верно отражает то, что существует независимо от отражающего сознания. Поэтому положение остается объективно истинным независимо от того, сколько людей его признают (мало или много), кто признает. Объективная истина в силу того, что она верно отражает то, что есть в действительности, рано или поздно завоевывает умы и находит широкое распространение. Когда марксизм только что возник, он имел не очень много сторонников, но со временем он стал признанным учением многомиллионных масс трудящихся. Он завоевал их умы и сердца потому, что открывал объективную истину, законы развития природы и общества.

С другой стороны, мы знаем, что ложные учения и предрассудки могут надолго овладевать широкими массами трудящихся, например религиозные верования, некоторые положения буржуазной пропаганды. Но фальшь остается фальшью независимо от того, сколько людей ее признают. Рано или поздно она будет полностью разоблачена и народ отвернется от нее.

В решении вопроса об истине есть две стороны, которые нельзя смешивать. Первая — существует ли объективная истина? На этот вопрос диалектический материализм, как и материализм вообще, дает утвердительный ответ. И вторая — как достигается истина, сразу в полном объеме или постепенно? Второй вопрос предполагает выяснение взаимоотношения между абсолютной и относительной истиной.

Человеческое познание абсолютно, суверенно, так как оно способно дать объективную истину, дать правильное отражение предметов. Нет границ для нашего познания, нет вещей непознаваемых, а существуют только вещи, еще не познанные, которые могут быть познаны в ходе развития науки. Строение атома и внутриатомная энергия долгое время были непознанной «вещью

в себе», но теперь усилиями ученых и инженеров они превратились в «вещь для нас». Совсем недавно людям ничего не было известно о полупроводниках и их свойствах, теперь же знание свойств этих элементов находит широкое применение в технике.

На каждом этапе своего развития у конкретных людей познание относительно, ограниченно (не суверенно). Это противоречие между способностью человека все познать и невозможностью осуществить это отдельными людьми на каком-то ограниченном отрезке времени разрешается только в ходе поступательного движения человеческого общества, в ряде последовательных человеческих поколений, который практически для нас бесконечен.

Истина является процессом. «Совпадение мысли с объектом,— пишет Ленин,— есть *процесс*. Мысль (= человек) не должна представлять себе истину в виде мертвого покоя, в виде простой картины (образа), бледного (тусклого), без стремления, без движения, точно гения, точно число, точно абстрактную мысль»[1].

Объективная истина в полной и завершенной форме носит название *абсолютной истины*. Абсолютная истина — это знание, которое не может быть опровергнуто последующим ходом развития науки и практики. Существует ли абсолютная истина? На этот вопрос марксизм без колебаний отвечает утвердительно. «Признавать объективную, т. е. не зависящую от человека и от человечества истину,— писал В. И. Ленин,— значит так или иначе признавать абсолютную истину»[2].

Абсолютная истина существует не только как предел, к которому стремится наше познание, но которого в действительности никогда не достигает. Познание абсолютно, когда оно движется по пути объективной истины, и только в этом движении обретает свою абсолютность. Вне движения познания нет абсолютной истины. Истина абсолютна лишь по своему источнику и тенденции движения. Поэтому во всех областях научного знания имеются абсолютно верные положения, которые не могут быть опровергнуты дальнейшим ходом развития науки. В каждой объективной истине имеются отдельные моменты, стороны абсолютного. Так, в целом наше знание о физическом строении материи не является завершенным, абсолютным, но в нем имеется много абсолютного (например, положения, что атом делим, что электроны, протоны, нейтроны являются элементами атома, абсолютно верны).

Для материалиста-диалектика недостаточно признать существование абсолютной истины. Необходимо вскрыть путь ее достижения. К абсолютной истине человек приходит не сразу, она складывается из относительных истин.

---

[1] *В. И. Ленин.* Философские тетради, стр. 167.
[2] *В. И. Ленин.* Соч., т. 14, стр. 120.

Относительная истина — это знание, которое в основном верно отражает действительность, но не полно, а в известных пределах, в определенных условиях и отношениях. В дальнейшем развитии науки это знание уточняется, дополняется, углубляется, конкретизируется.

Положения науки отражают объект в определенных условиях, которые меняются. Поэтому какое-либо суждение является истинным, поскольку оно точно отражает объект в этих условиях. В других условиях истинным становится другое суждение. Например, суждение «вода кипит при 100° по Цельсию» — истинно, но при условии, что речь идет об обычной воде (H_2O) и при нормальном давлении. Это положение не будет истинным, если взять тяжелую воду или изменить давление. В процессе развития научного знания постоянно происходит процесс уточнения суждений, учет все новых и новых условий их истинности. Так наука шаг за шагом подходит к полному, всестороннему, абсолютному знанию. «Человеческое мышление,— писал В. И. Ленин,— по природе своей способно давать и дает нам абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин. Каждая ступень в развитии науки прибавляет новые зерна в эту сумму абсолютной истины, но пределы истины каждого научного положения относительны, будучи то раздвигаемы, то суживаемы дальнейшим ростом знания» [1]. Относительная истина включает приблизительное, неполное отражение действительности.

Абсолютная и относительная истины — два момента объективной истины. Они различаются не по источнику, а по степени точности, адекватности и полноте отражения действительности. Абсолютная истина складывается из относительных, каждая ступень в развитии науки прибавляет зерно в абсолютную истину.

Например, положение физики о том, что в составе атома существует электрон как частица, обладающая отрицательным зарядом, является абсолютной истиной. Это положение твердо установлено экспериментально, но для этого потребовались многолетние усилия ученых, высказывавших смелые гипотезы о существовании электрона.

В. Вебер в конце 60-х и начале 70-х годов XIX в. выдвинул теорию электрических явлений в металлах, в основе которой лежит мысль о положительных и отрицательных электрических частицах. Несколько позже аналогичные взгляды высказывал Дж. Стоней, изучая явления электролиза. Гельмгольц в 1881 г. высказал предположение о прерывности электричества (электричество положительное и отрицательное разделяется на элементарные порции, которые ведут себя как атомы электричества). В 90-х годах наука подвергла изучению катодные лучи. Крукс и другие высказали гипотезу, что катодные лучи являются потоком отрицательно заряженных материальных частиц, движущихся с огромной скоростью. В 1897 г. Томсон экспериментально доказал правильность этой гипотезы. Все эти гипотезы и эксперименты служили подступами к доказательству существования электрона и внесли свой вклад в тот перелом в физике, который произошел в связи с открытием делимости атома.

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 14, стр. 122.

Метафизики объявляют знание либо только абсолютным, либо только относительным. Признание одной абсолютной истины есть догматизм. Догматик относительное знание не считает истиной. Но нет и не может быть такой науки, которая состояла бы из одних «вечных, абсолютных истин в последней инстанции». Догматизм в науке приводит к застою, к отрыву от жизни, от действительности. Предположение о достижении абсолютных истин о всех явлениях действительности привело бы, во-первых, к выводу о прекращении развития действительности и, во-вторых, к прекращению развития человеческого познания. Подобный догматический подход к познанию привел бы к умственному застою. Что было бы, если бы физика ограничилась теми абсолютными истинами, которыми она располагала к концу XIX в.? Мы не знали бы ничего определенного о ядре атома, о возможности использовать его энергию и т. д.

Догматик не замечает новых явлений в жизни, не изучает их, не обогащает теорию новыми обобщениями. Придерживаясь старых, отживших концепций, которые не соответствуют новому положению вещей, догматик вступает в противоречие с жизнью, сладко почивая на достигнутом. Коммунистическая партия Советского Союза и другие братские партии постоянно вели и ведут борьбу против догматизма. Служение делу социалистической революции и коммунизму несовместимо с догматизмом в теории и практике. Догматическое отношение к марксизму-ленинизму приносит вред революционному движению.

Метафизики, которые признают только относительную истину, называются *релятивистами*. Факт изменчивости наших знаний, перевороты в науке и ломку старых понятий они истолковывают как доказательство субъективности истины. Раз наше знание относительно, рассуждают релятивисты, значит, в нем нет ничего объективно верного, абсолютного. Абсолютное и относительное исключают друг друга. Всякая научная теория относительна, одна теория заменяется другой, поэтому теории науки якобы имеют только инструментальное (подсобное) значение — стимулируют дальнейшие изыскания, но не могут претендовать на объективную истинность. Релятивизм господствует в современной буржуазной философии.

Одной из распространенных форм релятивизма является *конвенционализм*, который рассматривает положения науки как конвенции, соглашения, условные положения. «Если теперь,— пишет один из основоположников конвенционализма *Анри Пуанкаре*,— мы обратимся к вопросу: является ли Евклидова Геометрия истинной? то найдем, что он не имеет смысла. Это было бы все равно, что спрашивать, правильна ли метрическая система в сравнении со старинными мерами? или: вернее ли Декартовы координаты, чем полярные? Одна Геометрия не может

быть более истинна, чем другая; она может быть только *более удобна*» [1].

Аналогия между аксиомами геометрии и системой мер, которую проводит А. Пуанкаре, несостоятельна. Действительно, расстояние можно измерять и в метрах и в аршинах. То, что за единицу измерения взят метр, а не другой эталон, носит условный характер и является результатом соглашения. Но аксиомы геометрии не условны, они отражают реальные отношения, существующие в природе. Аксиомы евклидовой геометрии отражают отношения, где кривизна пространства равняется нулю. В условиях, где кривизна пространства положительна или отрицательна, они не точны. Если в этих условиях мы пользуемся ими, то пренебрегаем кривизной пространства и получаем приблизительные результаты. Неевклидова геометрия глубже и полнее отражает действительность, чем евклидова, аксиомы и теоремы которой являются частным случаем аксиом и теорем неевклидовой геометрии. Истины науки не субъективны, не произвольны, не условны, а объективны, они не результат соглашения людей, а отражение объективной действительности.

Релятивист, отрицая объективность знания, ссылается на то, что противопоставление истины и заблуждения относительно. Ведь нередко в науке бывает, что положение, считавшееся истиной, оказывается неверным и, наоборот, что считалось заблуждением, имеет истинную сторону [2]. Но эти факты не опровергают существования объективной истины, а лишь свидетельствуют о том, что развитие научного знания идет по пути к ней и не всегда движется по прямой линии, а нередко отступая в сторону, а то и вспять. Путь познания очень труден, он включает и возможность ошибок, но общая линия поступательного развития познания одна: на основе практики — к полному и всестороннему отражению сущности явлений, к абсолютной истине.

В первой половине XIX в. Проут выдвинул гипотезу, согласно которой все элементы состоят из атомов водорода, причем количество атомов водорода соответствует атомным весам элементов. Основой для этой гипотезы послужило то, что атомные веса, измеренные Дальтоном, выражались целыми

---

[1] *А. Пуанкаре*. Наука и гипотеза. М., 1904, стр. 61.

[2] Современные буржуазные философы-неопозитивисты вообще отрицают возможность достижения неопровержимого, достоверного знания. Так, доктор философии профессор Лондонского университета К. Поппер пишет: «Неопровержимая никаким мыслимым событием теория является ненаучной. Неопровержимость — это не достоинство (как часто полагают) научной теории, а ее порок» («British Philosophy in the Mid-Century». London, 1957, p. 159). Если последовательно проводить мысли Поппера, то нужно сделать вывод, что ученые должны строить такие теории, которые скорее и легче опровергаются. В таком случае любого дилетанта и даже невежественного человека можно признать в высшей степени ученым, ибо он может построить теорию, которая быстро опровергается. Вот к какому абсурду ведет современный релятивизм.

числами. Дальнейшее развитие практики в области химии привело к выводу, что атомные веса многих элементов не являются целыми числами, и гипотеза Проута была оставлена. Но потом ученые убедились в ограниченности этой практики. После открытия изотопов элементов, вскрывшего причину того, что атомный вес многих элементов не является целым числом, гипотеза Проута возродилась, хотя и с существенным видоизменением, обобщившим новую практику. Так сложным путем, с некоторыми зигзагами наука подходит к объективно верному и глубокому знанию природы и общества.

Материалистическая диалектика включает в себя момент релятивизма (признает относительность наших знаний о внешнем мире), но не сводится к нему. Релятивист считает, что относительное знание только относительно. В действительности же оно обязательно включает в себя момент абсолютного. Когда происходит смена теорий в науке, то новая теория не просто отбрасывает старую, а преодолевает ограниченность ее, включая в себя все объективно верное, что было в прежних теориях. Как правильно заметил выдающийся русский физик Н. А. Умов, «научные системы падают; но, разрушаясь, они не исчезают бесследно: на их обломках строятся теории более совершенные и долговечные»[1]. И старая и новая физика являются копиями действительности, но одна — приблизительная, схематичная, другая — более точная и глубокая.

Преемственность в развитии теории в различных отраслях науки выступает по-разному. В физике и математике старая теория может быть частным случаем новой, более точной и обширной, подобно тому как евклидова геометрия есть частный случай неевклидовой. Новая физика не отбросила положительные результаты классических теорий, а лишила их абсолютности, указала границы их применимости. Результаты классической физики широко применяются и сейчас при конструировании пароходов, самолетов, строительстве зданий и т. д., но они неприменимы в строительстве циклотронов, синхротронов, при расчетах атомных процессов. Физика Ньютона является частным случаем современных физических теорий.

Преемственность выражается в том, что при разработке новой теории учитываются все объективно верные положения, которые выдвигались прежними учеными, развивается дальше то, что только намечалось у предшественников. Так, марксистская политическая экономия взяла все объективно верное, что было у таких мыслителей, как А. Смит и Д. Рикардо, она развила основу их теории трудовой стоимости в целостную и последовательно научную теорию и выяснила источник прибавочной стоимости.

Понимание диалектики *абсолютного* и *относительного* в познании необходимо для правильного подхода к достижениям науки прошлого. Развитие познания — поступательное движение

---

[1] *Н. А. Умов.* Собрание сочинений, т. III. М., 1916, стр. 61.

его от относительной истины к абсолютной. Достижения науки прошлого подготовили современный уровень ее. Например, без химии Ломоносова и Дальтона не было бы химии Менделеева.

Истина как процесс является конкретно-исторической. Марксизм исходит из того, что абстрактной истины нет, *истина всегда конкретна*. Это означает, что положения науки отражают предмет или какую-либо сторону, свойство его в определенных условиях места и времени.

В. И. Ленин писал: «Весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории»[1].

Забвение принципа конкретности истины, распространение научного положения на такие объекты, к которым оно не применимо (которые оно не отражает), приводит к грубейшим ошибкам. Например, некоторые зарубежные физики выводы из теории относительности, действительные для какого-то определенного участка вселенной, перенесли на всю вселенную и стали говорить о радиусе всей вселенной, о количестве протонов в ней, о расширении и сужении вселенной. Подобные взгляды противоречат данным науки о бесконечности вселенной и играют на руку поповщине, пытающейся цепляться за все те высказывания деятелей науки, где они допускают отход от науки и от последовательно научного диалектико-материалистического мировоззрения.

Конечно, наука может переносить положения, установленные на одних объектах, на другие объекты. Например, успехи физики атомного ядра дали возможность астрономам понять источник солнечной энергии. Но, перенося знания, полученные при изучении одного объекта, на другой, ученый должен доказать правильность этого переноса. Первоначально только в качестве гипотезы можно распространить какое-либо научное положение на еще не изученные объекты, чтобы затем исследовать и доказать применимость этого положения.

Принцип марксистской теории познания конкретности истины имеет особо важное значение для общественных наук, объект изучения которых изменяется очень быстро. Вследствие этого то или иное теоретическое положение, выработанное применительно к одним условиям и являвшееся истинным, перестает быть таковым при изменившихся условиях и обстоятельствах.

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 35, стр. 200.

3. Соотношение чувственного и рационального в познании. Сущность и явление

Наукой давно было установлено, что в познании принимают участие и ощущения и разум, но на вопрос о месте и значении их философы разных направлений отвечали различно.

Одни философы считали, что чувственного познания достаточно для достижения истины, а роль мышления состоит якобы только в простом суммировании данных чувств. Стоит только мышлению несколько уйти от ощущений и восприятий, как оно впадает в заблуждение, отрывается от действительности. Философское направление, которое познание сводит к опыту, называется *эмпиризмом*. На позициях эмпиризма стояли и некоторые материалисты (Бэкон, Локк) и некоторые идеалисты (Беркли, Юм, махисты). При этом материалисты правильно считали, что за ощущениями и восприятиями находится объективная действительность, отражением которой они являются. Идеалисты же отрицали, что источником ощущений является объективный мир; первичным они считали ощущения, а объективный мир — производным от них.

Эмпирики правы, когда говорят, что до опыта, до чувственных данных, у человека нет и не может быть никакого знания о внешнем мире. Они обобщали, правда односторонне, данные возникшего и быстро развивающегося опытного естествознания. Слабую сторону эмпиризма составляет умаление роли абстрактного мышления в познании, отрицание качественного своеобразия мышления по сравнению с ощущениями и восприятиями.

Позицию эмпиризма в его худшей, идеалистической форме разделяют многие направления современной буржуазной философии: *прагматизм, логический позитивизм* и др. Для современного *позитивизма* характерно, во-первых, идеалистическое истолкование опыта, «очищение» его от объективного содержания, во-вторых, сведение всего научного познания к простому регистрированию и описанию идеалистически понимаемых фактов. Под флагом борьбы с «абстрактностью» и «чистым умозрением», за позитивное (положительное) знание позитивисты ведут поход против научных абстракций, с помощью которых познается сущность вещей. По мнению некоторых современных эмпириков, нет реальных объектов, соответствующих понятиям «человечество», «стоимость», «труд» и т. п. Они рассуждают так: понятие, например, «работа вообще» нельзя представить в форме чувственного образа, нельзя сфотографировать. Можно видеть, как один человек копает картошку, другой работает у станка, третий сидит за столом и пишет и т. д. Но кто видел работу вообще и как можно ее чувственно представить? Действительно, понятия лишены чувственной наглядности, но эмпирик из этого делает неправильный вывод, что они не отражают единичных предметов.

Эмпирик упускает из виду, что понятие отражает общее, присущее единичным предметам. Ползучему эмпиризму чуждо теоретическое мышление. А фактически даже для того, чтобы связать два факта, необходимо мышление с помощью понятий [1].

Нельзя сказать, что современные позитивисты отрицают значение всех понятий, научных абстракций. Они признают роль понятий логики и математики, но считают их результатом свободного творчества субъекта. По их мнению, понятия математики хороши тем, что они не претендуют на отражение объекта и не связаны с чувственным опытом человека. Такие же общие понятия, как «материя», «причина» и т. д., позитивисты считают фикциями, пустыми выдумками, подлежащими устранению из науки. Эти понятия не подлежат проверке в личном опыте, для них нельзя найти референта (предмета, которому бы они соответствовали). Научно значимыми неопозитивисты считают только такие понятия, которые служат выражением единичных фактов, непосредственных данных опыта. Но и понятия последнего рода, по их мнению, не являются отражением действительности, они только удобные сокращения речи.

Эмпирик думает, что он находится в области опыта, чувственного восприятия фактов, даже тогда, когда оперирует с различными абстракциями. Он воображает, что имеет дело только с бесспорными фактами, а в действительности под видом фактов и данных «чистого опыта» часто выступают традиционные и устаревшие представления, иногда даже спиритуалистические.

Человек, который не утруждает себя тем, чтобы обобщить данные опыта, склонен к всевозможным суевериям. Не случайно некоторые естествоиспытатели, стоявшие на почве эмпиризма, попадали в плен к шарлатанам-спиритам и всерьез принимали спиритические «опыты» [2].

Ползучий эмпиризм идеалистического толка не только уживается с религией, но и пытается обосновать ее необходимость.

---

[1] Ползучий эмпиризм, отрицающий роль теоретического мышления в познании, очень живуч. Его пропагандируют некоторые современные философы-идеалисты. Так, семантик Стюарт Чейз пишет: «Физик должен стоять на точке зрения чистого эмпиризма, не признающего никаких априорных принципов или абсолютов, которые определяют или лимитируют новый опыт: *опыт порождается только опытом*» (*Stuart Chase.* The Tyranny of Words. N. Y., 1938, p. 126).

Под априорными принципами или абсолютами Чейз разумеет научные понятия, категории, которыми руководствуются ученые в своем исследовании. Таким образом, Чейз предлагает отбросить все научные понятия как ложные, не имеющие смысла, и руководствоваться только «чистым» опытом. Но, как хорошо известно каждому ученому, всякий опыт в науке связан с предшествующими ему теоретическими выводами. Опыт не ставится случайно, неизвестно для чего, он служит проверкой одних теоретических положений и основой для других. Только путем взаимодействия опыта и теоретического мышления достигается прогресс в развитии научных знаний.

[2] См. *Ф. Энгельс.* Диалектика природы, стр. 36.

Пример — философия *прагматизма*. Один из основателей этого направления, *В. Джемс*, говоря о многообразии опыта, включает в него и религиозные переживания людей (чувства верующих во время молитв, жертвоприношений и т. п.). Джемс считал религиозный «опыт» таким же истинным, если он приносит пользу, как и научный. «Согласно принципам прагматизма,— пишет В. Джемс,— гипотеза о боге истинна, если она служит удовлетворительно в самом широком смысле слова» [1]. Но вера в бога служит не истине; она служит эксплуататорам как средство угнетения народа.

В истории философии против эмпиризма выступали *рационалисты*, которые полагали, что мышление непосредственно, минуя опыт, постигает сущность вещей. Представителями рационализма были Декарт, Лейбниц, Спиноза и др. Сильной стороной рационализма было признание активной, творческой роли субъекта, разума, мышления в познании. Рационалисты развивали положение о способности мышления проникнуть в тайны вещей. Однако эту активность субъекта и его мышления некоторые рационалисты крайне преувеличивали и считали, что мышление не зависит от опыта.

Основной порок рационализма состоит в отрыве мышления от чувственного опыта, от ощущений и восприятий. Рационалисты источником познания считают интеллектуальную интуицию, под которой они разумеют непосредственное, минуя ощущения и восприятия, усмотрение разумом истины. Всякий из нас, говорили они, может интуитивно (без опыта) понять, что он мыслит и существует, что шар имеет только одну поверхность, что треугольник ограничивается тремя линиями и т. д.

Это рассуждение рационалистов несостоятельно, ибо, прежде чем понять, что треугольник ограничивается тремя линиями, а шар имеет одну поверхность, человек много раз чувственно наблюдал предметы шарообразной и треугольной формы. Рационализм так или иначе приводит к признанию существования врожденного или априорного (доопытного) знания. Например, Декарт считал, что наиболее общие и важные идеи математики и логики врождены человеку.

Эмпиризм и рационализм — две односторонние, метафизические концепции познания. Представители этих направлений критиковали друг друга. Локк выступал против теории врожденных идей Декарта, односторонний эмпиризм Локка был предметом критики со стороны Лейбница. Но ни эмпиризм не мог преодолеть недостатков рационализма, ни рационализм — пороков эмпиризма. Это была критика внутри метафизического истолкования познания, с позиции отрыва одной способности познания от другой.

---

[1] *В. Джемс*. Прагматизм. Спб., 1910, стр. 182.

Многие современные буржуазные философы в решении вопроса о пути познания действительности разделяют точку зрения *мистицизма*, согласно которому истина достигается таинственным, не всем людям доступным способом при особых условиях.

На точке зрения мистицизма стоят философы-*интуитивисты*, основой нашего знания и высшей формой познания считающие интуицию, доступную только исключительным личностям в определенное время (момент «озарения» или «духовного просветления»). Они утверждают, что обыкновенный человек в обычных условиях не может познать сущность вещей. Согласно французскому интуитивисту *Бергсону*, интуиция требует особого болезненного усилия, чтобы получить мгновенное озарение. Интуиция противопоставляется разуму, логическому мышлению. Разум путем огромных усилий может достичь только знания внешней определенности вещи, интуиция мгновенно проникает в сущность. Интуицию отличают и от чувственного познания, считают ее близкой к инстинкту, поскольку он дает бессознательное знание, не сопровождающееся мышлением. Но инстинкт носит утилитарный характер, в то время как интуиция якобы характеризуется полной независимостью от практической значимости (бескорыстное знание).

Эти рассуждения возвращают буржуазную философию к средневековому мистицизму. Если в период своего зарождения и расцвета буржуазная идеология выступала против мистики, против религии, под флагом борьбы за разум, то нынешняя борьба идеологов буржуазии против разума является свидетельством деградации, упадка буржуазной философии.

Материалистическая диалектика в соответствии с данными науки исходит из того, что никакого мистического, сверхъестественного, интуитивного знания, о котором говорят интуитивисты, не существует. Все знания мы получаем из внешнего мира посредством чувственного опыта и развивающегося на основе ощущений и восприятий мышления. Нет и врожденных идей. Знание люди получают в процессе их жизни в общественной среде. Биологически наследуются не представления и понятия, не готовое знание законов внешнего мира, а механизм нервной деятельности, который служит физиологической основой процесса познания. Результаты познания, идеи биологически не наследуются. Человек наследует опыт предшествующих поколений путем обучения и воспитания, через усвоение языка и форм мысли.

Источником всех наших знаний являются ощущения и восприятия, отражающие объективный мир. Идеалисты утверждают, что положения математики, в особенности ее аксиомы, имеют априорный (независимый от опыта) характер, что в математике разум имеет дело с продуктами своего собственного свободного

творчества. В действительности же содержание понятий математики взято из реального мира, и все математические понятия в конечном счете опытного происхождения. Сама математика возникла на основе практики измерения площадей земельных участков и вместимости сосудов, исчисления времени и т. п.

Абсурдно было бы думать, что все свои знания о реальном мире каждый индивид получает из собственного опыта. Человек использует опыт рода (опыт людей вообще). Непосредственный опыт отдельного человека, каким бы он ни был наблюдательным и проницательным, очень ограничен. Наши современные знания есть результат опыта всех людей прошлого и настоящего. Когда говорят, что все наше знание в конечном счете из опыта, то субъектом этого опыта является человечество.

Данные органов чувств составляют только фундамент нашего знания, но не все здание его. Мышление идет дальше по пути объективной истины, достигая знания законов движения явлений, что недоступно непосредственно чувствам. Мышление связано с чувствами, но в то же время качественно отлично от них.

Величайшим достижением философской мысли является включение практики в теорию познания. Практика — основа человеческого познания и критерий его истинности. Только выяснив роль практики в процессе познания, можно понять, на какой основе происходит связь мышления с природой.

Путь познания объективной истины Ленин охарактеризовал следующим образом: «От живого созерцания к абстрактному мышлению *и от него к практике* — таков диалектический путь познания *истины*, познания объективной реальности» [1].

Развитие познания происходит в результате взаимодействия этих трех моментов: живого созерцания, мышления и практики. Каждый из них необходим, каждый дает то, что другие не могут дать. Это взаимодействие пронизывает весь процесс познания от начала до конца, причем основой и решающим моментом в этом взаимодействии выступает практика.

Движение нашего познания от живого созерцания к абстрактному мышлению, а потом к практике нельзя понимать в том смысле, что одно играет роль только в начале процесса познания, другое — в середине, а третье — только в конце. К живому созерцанию человек возвращается и тогда, когда он создает теории. В процессе опытного познания принимает участие мышление. Что же касается практики, то она пронизывает процесс познания от начала до конца. Положение марксистской теории о движении познания от чувственного к рациональному и к практике вскрывает путь, основную линию движения нашего знания от познания явлений к познанию сущности, от сущности первого рода к сущности более глубокой и т. д.

---

[1] *В. И. Ленин.* Философские тетради, стр. 146—147.

Сущность и явление. Сущность — это внутренняя, относительно устойчивая сторона объективной действительности, определяющая природу данного явления. В отличие от сущности явление — внешняя, более подвижная и изменчивая сторона объективной действительности; явление — конкретное обнаружение сущности. Например, сущность парламентской республики капиталистических стран составляет диктатура буржуазии, которая определяет природу политической власти в буржуазном обществе. Эта сущность обнаруживается, проявляется в том, что все органы политической власти контролируются буржуазией, все государственные институты служат укреплению господства буржуазии. Отдельные проявления диктатуры буржуазии изменяются, но при этом остается неизменной сущность государственной власти в капиталистическом обществе — диктатура буржуазии.

Понятия о сущности и явлении возникли с самого начала существования научного знания. Логика развития познания и потребности практической деятельности привели человека к необходимости различать то, что составляет существо вещи или предмета, от того, какими они нам вначале являются.

Для метафизики характерен отрыв явления от сущности. Этот отрыв выражается различно. Одни философы считают, что сущность — это особое идеальное начало и существует отдельно от явлений, которые не содержат сущности. Такой взгляд разделяется многими представителями объективного идеализма. Другие философы признавали, что сущность существует в самих вещах, но она недоступна человеку: человеческое познание — это мир явлений, не выражающих объективной сущности вещей; между сущностью и явлением лежит пропасть, которая создается человеческим познанием. Это точка зрения Канта и его последователей.

Материалистическая диалектика показывает внутреннюю, неразрывную связь, единство явления и сущности: «Тут тоже,— говорит В. И. Ленин о сущности и явлении,— мы видим переход, перелив одного в другого: сущность является. Явление существенно» [1].

Сущность является — это означает, что нет чистых сущностей, которые не обнаруживались бы в каких-либо явлениях. Всякая сущность проявляется в конкретных процессах, событиях, отношениях и т. д. Сущность капитализма обнаруживается в таких явлениях, как экономические кризисы, безработица, обнищание трудящихся и т. д.

Явление существенно — это означает, что во всяком явлении обнаруживается сущность. Любое явление так или иначе связано с сущностью, есть проявление ее. Так, даже пена на поверх-

[1] *В. И. Ленин.* Философские тетради, стр. 237.

ности реки есть также выражение сущности — глубокого течения внизу. «...Философские измышления насчет особых граней между тем и другим, насчет того, что вещь в себе находится «по ту сторону» явлений (Кант), или что можно и должно отгородиться какой-то философской перегородкой от вопроса о непознанном еще в той или иной части, но существующем вне нас мире (Юм),— все это пустой вздор... выверт, выдумка» [1].

Сущность и явление не только едины, но и противоположны, они никогда полностью не совпадают друг с другом. Их противоположность — это одно из выражений внутренних противоречий предметов, которые вступают в различные отношения между собой, проявляя свою сущность.

Видимость — это тоже проявление сущности, но одностороннее, неадекватное, а иногда даже искаженное. Например, сущность капиталистических производственных отношений (отношений между капиталистом и рабочим) выступает в виде отношений между вещами: кажется, что капиталисту, вложившему в дело капитал в виде определенной суммы денег, прибыль приносят его деньги, а не рабочие, создающие своим трудом прибавочную стоимость. Марксистская политическая экономия за отношением вещей (товаров, денег как материальных предметов) вскрыла сущность капитализма — общественное отношение людей в капиталистическом обществе, эксплуатацию рабочих капиталистами.

Единство явления и сущности и их различие составляют объективную основу единства чувственного и рационального в познании, основу необходимости движения знания от чувственного к рациональному или от эмпирического к теоретическому. В ощущениях и восприятиях (в чувственных образах) отражаются прежде всего отдельные явления и вещи, сущность же недоступна непосредственному чувственному восприятию. Если бы сущность и явление совпадали, то наука была бы излишня. Вот почему процесс познания не может остановиться на живом созерцании, а переходит к теоретическому мышлению, которое на основе знания явлений постигает сущность вещей. «...Задача науки,— пишет К. Маркс,— заключается в том, чтобы видимое, выступающее на поверхности явлений движение свести к действительному внутреннему движению...» [2]

Так как то, что лежит на поверхности явлений, доступно чувствам, а сущность постигается мышлением, и вследствие того, что чувственное знание служит источником в конечном счете всех наших понятий, живое созерцание составляет первую ступень процесса познания, а теоретическое мышление — вторую. А поскольку практика является не только исходным моментом

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 14, стр. 90—91.
[2] *К. Маркс.* Капитал, т. III 1955, стр. 324.

и основой познания, но и критерием его истинности, поскольку она является необходимой ступенью и завершением процесса познания.

Отношения между живым·созерцанием, мышлением и практикой сложны. Различие между ними относительно, граница их различия смещается в связи с развитием нашего знания. У современного человека не может быть чувственного опыта, не связанного с процессом мышления. Эта связь чувственного познания с мышлением особенно характерна для научного опыта. Современный эксперимент в физике бывает трудно отличить от теоретической деятельности. Но, несмотря на эту относительность, различия между живым чувственным созерцанием, мышлением и практикой остаются: это качественно своеобразные ступени в движении познания.

Чувственный опыт человека отличается от ощущений, восприятий и представлений животного прежде всего тем, что человеческий опыт основывается на общественно-исторической практике. Люди воспринимают действительность не как созерцатели, а в труде, активной деятельности, как преобразователи. Чувственный опыт человека богаче, разнообразнее и глубже чувственного опыта животного, потому что с помощью орудий производства и наблюдения человек проникает в такие области, которые недоступны животным. Человек создал орудия, которые служат продолжением его органов чувств и мозга: звукоуловители, телескоп, микроскоп, электронные счетные машины и т. п. Свои опытные знания (как и мышление) человек выражает в речи, языке, а это превращает их из индивидуального отражения, каким они являются у животных, в общественное явление, ибо формы языка общезначимы, общеприняты.

У человека пять внешних органов чувств, и каждый из них воспринимает только определенные раздражители. Например, наш глаз воспринимает световые волны только в пределах от 380 до 780 миллимикрон. Возникает вопрос: лучше бы знал человек мир, если бы он имел большее количество органов чувств и с более широким диапазоном? Этот вопрос задавали себе мыслители прошлого, причем некоторые считали, что с увеличением количества органов чувств интеллектуальная жизнь стала бы более богатой и разнообразной.

Вольтер в своей философской повести «Микромегас» в диалоге жителя Сириуса с жителем Сатурна высмеял мыслителей, которые считали, что у человека недостаточно органов чувств для глубокого и разностороннего познания мира: «...Для начала скажите мне, например, сколько чувств у жителей вашей планеты?» — «У нас их семьдесят два,— сообщил академик,— и не проходит дня, чтобы мы не горевали о том, что их так мало. Наше воображение превосходит наши потребности... Мы находим, что наших семидесяти двух чувств, нашего кольца и наших пяти лун нам недостаточно, и, несмотря на любопытство и страсти, порождаемые нашими семидесятью двумя чувствами, у нас еще остается много времени для скуки».— «Оно и

немудрено,— сказал Микромегас,— у жителей нашей планеты, около тысячи чувств, и все же мы ощущаем какое-то неопределенное стремление, какое-то безотчетное недовольство самими собою, которое постоянно напоминает нам о том, что мы ничего собою не представляем и что есть существа значительно совершеннее нас».

Прогресс человеческого знания связан не с увеличением количества органов чувств и не столько с их совершенствованием, сколько с развитием общественной практики и мышления. Практика требует, чтобы люди знали больше того, что нам непосредственно дают органы чувств, практика же вместе с мышлением удовлетворяет эту потребность. Труд и мышление безгранично расширили познавательную возможность наших органов чувств, сделали нашу интеллектуальную жизнь многогранной, красочной и содержательной.

У человека столько органов чувств, сколько ему необходимо, и они воспринимают то, что нужно ему в жизни. Практика человека порождает потребность в знании и таких свойств явлений, которые нашими органами чувств непосредственно не воспринимаются. Но естественная ограниченность органов чувств ни в какой мере не является принципиальным препятствием познания таких явлений. Человек не видит ультрафиолетовых и инфракрасных лучей, но их свойства он знает лучше, чем некоторые животные, которым непосредственно доступны эти лучи.

Живое созерцание в различных отраслях науки выступает различно. В естественных науках обычно применяются лабораторные наблюдения, включающие эксперимент. Специфика предмета общественных наук ограничивает, а иногда просто исключает применение эксперимента. Исследователь природы почти всегда имеет возможность наблюдать изучаемые им явления, которые повторяются много раз и продолжительное время. Историк лишен этой возможности, поэтому он в своих обобщениях в большей мере использует опыт, зафиксированный в различных исторических источниках.

Одна из особенностей чувственного опыта человека состоит в том, что он связан с мышлением. Человек наблюдает явления природы и общества, руководствуясь определенными понятиями, теориями. Одни и те же факты, в особенности из общественной жизни, по-разному воспринимаются и изображаются различными людьми. Поэтому к опыту людей нужно подходить критически, чтобы отделить факт, наблюдаемое явление от его субъективной интерпретации тем или иным лицом, воспринимавшим его.

Данные непосредственного чувственного наблюдения дают знание тех фактов, из которых потом исходят при построении теории. Никакая теория не может считаться правильной, если она противоречит фактам. Но нередко в процессе познания принимается за достоверный факт то, что в действительности не

является фактом. Возможны ошибки в наблюдениях, в экспериментах. Науке известны случаи, когда некоторые ученые строили целые теории, опровергали прежние научные представления, основываясь на сомнительных, недостаточно проверенных фактах. Это нанесло ущерб развитию науки. Академик И. П. Павлов образно назвал факты «воздухом ученого». Их нужно тщательно собирать, постоянно заботясь об их доброкачественности. Но одно собрание достоверных фактов, добытых многолетним опытом людей, еще не составляет науки. Наука начинается там, где раскрывается сущность явлений, законы их движения, развития.

Чувственный опыт ограничен. Единичное и общее, случайное и необходимое, сущность и явления в нем не расчленены. Например, люди давно наблюдали молнию, различные формы ее, но они долгое время не знали сущности этого процесса. Только в результате успехов физики, в частности учения об электричестве, на основе обобщения многочисленных фактов было установлено, что молния — это электрический разряд. Этот вывод явился результатом работы мышления людей.

Живое созерцание непосредственно отражает явления действительности. Мышление же опосредовано ощущениями и восприятиями и является новым, качественно своеобразным этапом в развитии познания. Мышление направлено на познание внутренних, закономерных связей явлений. Сущность теоретического мышления состоит в том, что оно восходит к познанию всеобщего в явлениях. Этого не может сделать чувственное созерцание, познающее единичные явления и их отдельные свойства. Все это говорит о том, что переход от чувственного знания к абстрактному мышлению составляет качественный скачок в развитии познания.

Мышление отражает действительность в форме понятий, *абстракций* (отвлечения отдельных сторон предмета), оно отходит от непосредственных представлений о предмете, выделяя главное, существенное в нем. Так, в мышлении мы имеем точки, лишенные измерений, линии, лишенные ширины, в то время как в самой действительности таких точек и линий нет.

Но отход мысли от конкретного предмета не означает отход от истины. «Мышление,— писал Ленин,— восходя от конкретного к абстрактному, не отходит — если оно *правильное* (**NB**) ...*от* истины, а подходит к ней. Абстракция *материи, закона* природы, абстракция *стоимости* и т. д., одним словом *все* научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, *полнее*»[1].

Абстракция выделяет какую-либо одну сторону предмета в «чистом виде», в каком она не существует в действительности,

---

[1] *В. И. Ленин.* Философские тетради, стр. 146.

или раскрывает, выражает самое главное, самое существенное в предмете, в явлении, отвлекаясь от второстепенного, несущественного. Нет «производства» вообще, «закона» вообще, а есть конкретные виды производства и конкретные законы. Но без абстракции «производства» нельзя глубоко понять ни одну конкретную форму производства. Чтобы понять сущность капиталистического способа производства, надо знать, что такое производство вообще, из каких элементов оно складывается, какое место в жизни общества оно занимает. С помощью абстракции человек постигает самые тончайшие процессы в природе и обществе.

Абстракция тогда ценна, когда она отражает существенную сторону предмета. Она становится пустой, неразумной, вздорной, если выделять несущественные стороны, акцентировать внимание на несущественных моментах. Так, изучая человека, можно по примеру древних дать такое определение или образовать следующую абстракцию: человек — это двуногое животное, лишенное шерсти и перьев. Эта абстракция никакой научной ценности не имеет, потому что отражает несущественные стороны и не способствует пониманию места человека в природе.

4. Диалектика абстрактного и конкретного, логического и исторического

Чтобы понять, каким образом теоретическое мышление постигает сущность явлений, воспроизводит предмет в сознании людей, необходимо рассмотреть такие категории материалистической диалектики, как абстрактное и конкретное, логическое и историческое.

Многостороннее знание предмета есть конкретное знание. Познание одной какой-либо стороны предмета есть абстрактное знание. Конкретное знание возможно потому, что сам предмет является единством многообразного: различных сторон, свойств и т. д. Например, слово в языке имеет фонетическую сторону (определенный звуковой комплекс), семантическую (слово что-то значит, имеет смысл), грамматическую (в предложении оно связывается с другими словами по определенным правилам) и т. д. Задача науки состоит в том, чтобы раскрыть многообразие сторон предмета в их единстве.

Абстрактное познание возможно потому, что отдельные стороны, свойства предмета относительно самостоятельны, специфичны, поэтому в процессе познания можно выделить одно свойство, сторону и отвлечься от других. При изучении слова можно фиксировать внимание на его смысловом значении. Так поступает отрасль языкознания, которая называется семасиологией.

Живое созерцание дает конкретное знание о предмете, ибо

постигает предмет в многообразии его свойств, сторон. Но чувственно-конкретное знание не вскрывает сущности предмета, поэтому от него познание идет к отдельным абстракциям. Образованием этих абстракций не заканчивается процесс познания. Необходимо получить конкретное, многостороннее знание. От отдельных абстракций наука снова движется, восходит к конкретному. Но это не возвращение к чувственно-конкретному, а воспроизведение конкретного в мышлении — высшая форма знания. «Конкретное,— писал К. Маркс,— потому конкретно, что оно есть сочетание многочисленных определений, являясь единством многообразного. В мышлении оно поэтому представляется как процесс соединения, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно представляет собою исходный пункт в действительности и, вследствие этого, также исходный пункт созерцания и представления. На первом пути полное представление испаряется до степени абстрактного определения; при втором же абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного путем мышления»[1].

Метафизики считали выделение отдельных абстрактных определений концом научного исследования; весь процесс теоретического мышления они сводили к образованию тощих абстракций. Политическая экономия до Маркса в анализе явлений исходила из живого целого, конкретного, данного нам в ощущениях и восприятиях. Анализируя это конкретное, она выделила отдельные абстракции: труд, разделение труда, меновая стоимость и т. д. Ограниченность ее исследований состояла в том, что выделение отдельных абстракций считалось конечным пунктом познания. Она занималась преимущественно анализом, разложением живого, конкретного, целого на отдельные стороны, а потому не давала знания о предмете в его конкретной целостности.

То, что предшествующие экономисты считали конечным результатом исследования, К. Маркс использовал для своих дальнейших исследований. Подвергнув анализу и обобщив огромный фактический материал, Маркс выделил простейшие абстракции, отражающие самые простые, обычные, основные, миллиарды раз встречающиеся отношения в буржуазном обществе: обмен товаров. От этого абстрактного и простейшего Маркс восходит к более конкретному и сложному. Первый том «Капитала» посвящен в основном исследованию капиталистического процесса производства в общем виде. Маркс начинает с исследования простейших экономических категорий: товара, денег — и далее, во втором томе переходит к выяснению процесса обращения, без которого не может быть капиталистического производства. И, наконец, в третьем томе Маркс исследует капиталистические производственные отношения в целом, как единство производ-

[1] *К. Маркс.* К критике политической экономии. 1953, стр. 213.

ства и обращения. Здесь капитализм выступает как конкретное целое со всеми противоречиями, ведущими его к гибели. При этом конкретное выступает не как результат только живого созерцания явлений капитализма, а как совокупность многочисленных абстрактных определений его основных черт.

Теоретическое мышление дает конкретное, многостороннее знание об империализме, как высшей стадии в развитии капитализма. В. И. Ленин вскрыл следующие существенные признаки империализма: 1) концентрация производства и капитала, дошедшая до такой высокой степени развития, что возникли монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни; 2) слияние банковского капитала с промышленным и господство финансового капитала; 3) огромное значение вывоза капитала; 4) образование международных монополистических союзов капиталистов, делящих мир на сферы влияния; 5) завершение раздела территории земного шара между крупнейшими капиталистическими державами. Каждая из этих абстракций в отдельности выражает одну существенную сторону империализма, а все вместе дают многостороннее знание его.

Конкретное знание о предмете возникает не в результате механического соединения абстракций, образованных в разное время и по разным случаям, а путем развития абстрактного, обогащения его новым содержанием, все более многосторонне и глубоко отражающим предмет. В результате движения от абстрактного к конкретному образуются новые абстракции, являющиеся логическим продолжением предыдущих. Отдельные абстракции в конкретном знании объединены общим принципом, единой идеей, отражающей главную закономерность в движении предмета. Так, в характеристике империализма главное то, что он есть монополистический капитализм; все другие признаки империализма вытекают из этой его сущности, объединены и могут быть поняты только в связи с ней.

Восхождение познания от абстрактного к конкретному совершается не только в политической экономии. Это всеобщий закон развития человеческого познания. Так, наши знания о происхождении Земли и других планет солнечной системы развиваются также от абстрактного к конкретному в мышлении. Первые космогонические гипотезы, которые выдвигались наукой нового времени, носили крайне абстрактный характер, ибо находили и абсолютизировали какую-то одну сторону в сложном и многостороннем процессе происхождения планет. Например, гипотезы Канта и Лапласа исходят только из законов механики. Современные космогонические гипотезы дают более конкретное представление о процессе происхождения Земли. Основываясь на знании, добытом астрономией, механикой, физикой, химией, геологией и т. д., они пытаются путем синтеза многочисленных абстракций всесторонне, в целом осветить сложный процесс про-

исхождения планет, воспроизвести конкретное во всей его полноте.

Конечно, абстракции создаются как обобщение опытного познания. Возникновению абстракции предшествует чувственно-конкретное знание.

Материалистическая диалектика рассматривает абстрактное и конкретное как два момента в постижении сущности предмета. Абстрактное — средство для постижения конкретного. Ленин писал, что общее мертво, неполно, «но оно только и есть *ступень* к познанию *конкретного,* ибо мы никогда не познаем конкретного полностью. *Бесконечная* сумма общих понятий, законов etc. дает *конкретное* в его полноте»[1].

Конкретное в мышлении является самым глубоким и содержательным знанием о предметах. Оно превосходит абстрактное знание потому, что отражает в предмете не какую-то одну существенную сторону, а различные существенные стороны в их связи, т. е. берет предмет многосторонне. Оно также превосходит и чувственно-конкретное знание, ибо отражает не поверхностные, не внешние определенности предмета в их непосредственной связи, доступной чувственному созерцанию, а существенные стороны в их столь же существенных связях.

Идеалист Гегель мистифицировал процесс восхождения от абстрактного к конкретному, полагая, что в результате этого процесса рождается сам конкретный предмет. Если для Гегеля восхождение от абстрактного к конкретному есть возникновение самого предмета, то для Маркса оно «...есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его духовно как конкретное». В движении познания от абстрактного к конкретному создается не сам конкретный предмет (он существует до и независимо от процесса познания), а конкретное понятие о существующем предмете. Это восхождение для материалиста означает движение к всестороннему познанию сущности предмета, в результате чего изменяется, обогащается познавательный образ, а не сам предмет.

Таким образом, диалектическая логика считает, что конкретное является и исходным и конечным пунктом процесса познания. Чувственно-конкретное есть исходное в познании, конкретное, воспроизведенное мышлением,— результат познания, а отдельные абстракции — средство для достижения этого результата.

Чтобы понять законы развития познания, его диалектику, необходимо выяснить взаимоотношение *исторического* и *логического* в процессе достижения конкретного знания о предмете. Под *историческим* разумеется развитие самого реального предмета; *логическое* есть отражение исторического. Историческое

[1] *В. И. Ленин.* Философские тетради, стр. 261.

первично, а логическое вторично. Не история следует за логикой, как у Гегеля, а логика отражает основные вехи истории. В развитии предмета имеются случайности, зигзаги, отклонения от основного пути в ту или иную сторону. Логическое не повторяет историческое во всех деталях, а воспроизводит главное, его сущность в абстракциях на основе изучения всего богатства реального процесса развития. Логическое и историческое едины, но не тождественны; они совпадают в главном, существенном. Логическое есть то же историческое, но освобожденное от случайностей исторической формы. Так, например, в «Капитале» Маркса в логических категориях раскрывается процесс становления, т. е. возникновения и формирования, капиталистических производственных отношений; при этом Маркс абстрагируется от особенностей возникновения и развития капитализма в отдельных странах.

Задача науки состоит в том, чтобы отразить основную, ведущую историческую связь явлений в развитии изучаемого предмета. «Самое надежное в вопросе общественной науки и необходимое для того, чтобы действительно приобрести навык подходить правильно к этому вопросу и не дать затеряться в массе мелочей или громадном разнообразии борющихся мнений,— самое важное,— пишет В. И. Ленин,— чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной, это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь» [1].

Материалистически понятое единство логического и исторического является руководящим принципом для построения науки, системы ее категорий. Последовательность в движении понятий науки должна отражать основную историческую связь изучаемых этой наукой явлений.

Логическое является обобщенным, исправленным отражением исторического в том смысле, что оно отражает действительность в ее закономерном развитии, объясняет необходимость этого развития. А для этого оно может и должно иногда отойти от реальной истории какого-либо одного предмета, ибо в том или ином отношении этот предмет может быть не типичным. Например, вскрывая сущность и основные этапы социалистической революции, теория может отойти в каких-то пунктах от последовательности моментов ее в той или иной стране, поскольку эти моменты являются выражением особенностей революции в данной стране. Но этот отход логического отражения от буквального следования за историей происходит в соответствии с законами истории, на основе обобщения развития многих однород-

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 29, стр. 436.

ных явлений и раскрытия их сущности. Опыт революций в России, в Китае и в других странах народной демократии дает возможность лучше и точнее выяснить общее, главное в социалистической революции, отделить всеобщее от специфичного для той или другой страны.

Исторический подход без логического слеп, а логический без исторического — беспредметен. Так, изучая историю становления человека, можно описать реальный исторический процесс изменения ушей, челюстей, зубов, ноги, походки и т. д. наших предков. Все эти явления имеют связь с процессом формирования человека, но простое описание этих изменений не вскроет действительной истории происхождения человека. Без понимания того, что такое человек, нельзя понять истории возникновения человека. Подобно этому, не вскрыв сущность капитала, нельзя воспроизвести историю буржуазных производственных отношений. Но вместе с тем нельзя вскрыть сущность предмета, пренебрегая его реальной историей. Логический подход основан на изучении реального процесса развития предмета и имеет своей целью вскрыть его сущность. Чтобы этого достичь, надо взять явления в том пункте развития, где, как выражается Ф. Энгельс, «процесс достигает полной зрелости и классической формы». Например, сущность человека лучше всего можно понять, анализируя современного человека, а не дикаря. Сущность капитализма постигается путем изучения зрелых капиталистических отношений. Конечно, изучение предшествующего помогает изучению последующего, но не в меньшей мере знание результата развития позволяет глубже познать предшествующие моменты. В зрелой форме можно ясно и отчетливо увидеть то, что ранее выступало только в зародыше. Высшая форма развития включает в себя в том или ином виде все низшее. Анализируя сущность высшей формы движения, мы так или иначе вскрываем предшествующие моменты, т. е. историю. Так, зрелые капиталистические отношения резюмируют всю историю своего возникновения и развития.

Принцип единства логического и исторического необходимо применять и к изучению процесса познания. Теория предмета включает в себя и историю этой теории. Без знания сущности современной научной теории предшествующая история научной мысли кажется собранием сплошных ошибок великих мыслителей, и основную нить исторического развития нельзя понять. Действительную историю физики можно написать, только став на уровень современной науки, а научную историю философии можно создать только с позиций высшего достижения философии — диалектического и исторического материализма.

Из того, что изучение сущности предмета в какой-то мере вскрывает и историю этого предмета, не следует, что логическое исключает, делает излишним изучение истории. Наоборот, диа-

лектический метод необходимо требует изучения реальной истории предмета со всеми подробностями. Без изучения истории предмета нет и теории его. Вскрытие истории, т. е. развития предмета,— это задача всякого научного исследования. Диалектический взгляд есть подлинно исторический. Без изучения истории невозможно логическое отражение сущности процесса. «...Логическое развитие,— писал Энгельс,— вовсе не обязано держаться только в чисто абстрактной области. Наоборот, оно нуждается в исторических иллюстрациях, в постоянном соприкосновении с действительностью» [1].

Вскрытие логикой, мышлением сущности того или иного процесса в его зрелой форме не является концом научного исследования. Логическое — это только средство познания исторического. Оно дает принцип для всестороннего изучения. Когда в основу изложения истории предмета кладется знание сущности, то становятся понятными, находят объяснение все исторические подробности, случайности и отклонения, выясняется их роль в необходимом развитии предмета, знание истории становится живым и полнокровным. А без объединяющего их начала исторические подробности превращаются в скопление случайностей, в груду сырых фактов. Только сочетание логического и исторического дает возможность всестороннего и глубокого понимания закономерного и богатого содержанием движения, развития явлений в природе, обществе и мышлении.

5. Формы мышления и их роль в познании

Формы мышления являются одним из важнейших моментов, средств познания, в них человек отражает универсальную закономерность вечно движущейся природы. Логический процесс создания научной картины мира осуществляется в *суждениях, умозаключениях, гипотезах, теориях, понятиях, категориях* и т. д.

Центральной проблемой диалектической логики является изучение образования и развития форм мышления, выяснение роли практики в движении форм мышления. Диалектика всесторонне исследует формы мышления, вскрывает их объективное содержание, показывает их взаимосвязь в процессе достижения истинного знания о мире.

Одной из форм мышления является суждение, посредством которого познаются различные стороны, свойства, отношения предметов. *Суждение* есть мысль, утверждающая или отрицающая что-нибудь о чем-нибудь. В нем отражается диалектика единичного и общего. Например, «золото — металл»: золото — единичное, металл — общее. В процессе познания совершается

[1] См. *К. Маркс.* К критике политической экономии, стр. 238.

переход от одного суждения к другому, от одного уровня познания к другому, более высокому. Различные формы суждения — отдельные звенья, моменты этого процесса.

Познание идет от *единичного* через *особенное* к *всеобщему*. По такому пути идет и развитие суждений: от суждения единичности через суждение особенности к суждению всеобщности. В суждении единичности устанавливается связь каких-либо явлений. Дальнейшее развитие познания приводит к формулированию суждения, в котором отражается закон связи некоторых особых форм движения (суждение особенности), и, наконец, в суждении всеобщности мы познаем всеобщий закон развития. Так, сначала наука установила, что атомы отдельного элемента, например радия, способны распадаться на более простые составные части; это — суждение единичности. Потом было сформулировано суждение особенности: целая группа самых тяжелых из известных нам элементов обладает свойством естественной радиоактивности. В настоящее время наука достигла такого уровня, при котором возможно сформулировать суждение всеобщности: каждый химический элемент при определенных условиях может быть превращен в другой элемент.

Огромное значение в процессе познания имеет умозаключение. *Умозаключением* называется форма мышления, посредством которой на основе имеющегося, ранее установленного знания выводится новое знание. Например, человек непосредственно не измерял расстояние от Земли до других небесных тел, однако он знает эти расстояния на основе умозаключения. Объективной основой возможности перехода от известного к неизвестному является закономерность в природе и обществе. Закономерная связь явлений носит всеобщий характер, поэтому на основе знания ее можно делать выводы о явлениях, непосредственно не наблюдаемых, но подчиненных действию известных законов. Человек чувственно не воспринимает атомов, но он на основании умозаключений из познанных законов знает, что все атомы имеют электроны, протоны и нейтроны.

Формы умозаключения многообразны: одни дают достоверные заключения, другие — в большей или меньшей степени вероятные. В истории философии были попытки представить какой-либо один тип умозаключения единственно надежным и ценным способом получения новых результатов. Так, эмпирики (Бэкон, Локк и др.) таким способом считали *индукцию*, в которой процесс умозаключения идет от частного к общему, от отдельных фактов к общему выводу. Рационалисты (Декарт и др.), наоборот, преувеличивали роль *дедукции*, или умозаключения от общего к частному, когда общее положение распространяется на отдельные частные случаи. Взгляд тех и других односторонен. Нет такой отрасли науки, в которой умозаключали бы посредством только индукции или только дедукции.

Диалектическая логика показывает связь, единство различных форм умозаключения в процессе познания действительности. Индукция и дедукция взаимно дополняют друг друга. «Вместо того,— пишет Энгельс,— чтобы односторонне превозносить одну из них до небес за счет другой, надо стараться применять каждую на своем месте, а этого можно добиться лишь в том случае, если не упускать из виду их связь между собою, их взаимное дополнение друг друга» [1].

В процессе познания человек наблюдает отдельные частные случаи, затем обобщает их, формулирует общее положение. Это — индуктивный процесс. Полученное обобщение он распространяет на новые явления, факты, случаи. Это — дедукция. Например, Менделеев, изучая отдельные химические элементы, нашел связь между атомным весом элементов и их химическими свойствами. Это привело к формулированию периодического закона. Из этого закона он сделал ряд частных выводов (дедукция) для отдельных элементов: предсказал свойства новых, еще не открытых элементов, исправил атомные веса некоторых мало изученных элементов и т. д. Так происходит развитие знаний путем взаимосвязи и взаимодополнения индукции и дедукции.

Дедукция не может обойтись без индукции: чтобы выводить из общего, надо это общее получить. Врожденных знаний человек не имеет. Индукция со своей стороны необходимо предполагает дедукцию. На основе одной индукции нельзя получить достоверного знания. Простое наблюдение повторяемости какого-либо свойства у ряда предметов еще не является доказательством необходимости, закономерности этого свойства для всех предметов данного класса. Полученное в результате индукции обобщение надо проверить, вывести из него следствия, проверить эти следствия на практике. Поэтому только взаимосвязь индукции, дедукции и практики ведет к достоверному знанию.

Наука не сразу приходит к достоверному знанию сущности, закона развития явлений. Путь к достоверному знанию лежит через высказывание *гипотез*, предположений, проверку гипотез на практике. Изучая какие-либо явления, ученый дает им объяснения (высказывает предположения о закономерной связи явлений). Дальнейшее изучение приводит к открытию новых фактов, причем среди них могут встретиться и такие, которые противоречат высказанной гипотезе. Тогда возникает потребность в новом способе объяснения (в новой гипотезе). Так, переходя от одного объяснения к другому, более точному, ученый приходит к открытию закона.

В 1896 г. Беккерель открыл факт радиации у урана и его соединений. Вслед за этим была обнаружена радиация у солей других элементов и выделен новый элемент — радий. Эти факты, непонятные вначале, не могли быть объяснены из ранее известных причин. В связи с этим Резерфорд и Содди высказали гипотезу о том, что атомы всех радиоактивных элементов взры-

[1] *Ф. Энгельс.* Диалектика природы, стр. 181.

ваются, распадаясь на части; радиоактивные лучи — это осколки, образующиеся при таком взрыве. Гипотеза радиоактивного распада послужила началом для новых исследований. Проверка ее привела к открытию новых явлений, среди которых были и такие, которые не укладывались в эту гипотезу. Возникли новые гипотезы, дополняющие и исправляющие гипотезу Резерфорда и Содди, пока, наконец, не была создана *научная теория.*

Гипотеза выступает как форма развития научного знания по пути к объективной истине. До определенного периода на положении научной гипотезы были теории Коперника, Дарвина, периодический закон Менделеева. Потом практика подтвердила объективную истинность их, превратила эти гипотезы в достоверные научные теории. Современная естественная наука окружена лесами гипотез.

Недооценка творческой роли гипотезы в познании всегда являлась спутником ограниченного эмпирического подхода к изучению действительности. *Позитивисты,* отрицающие возможность проникновения науки в сущность явлений, считают гипотезу ядом науки, чумой разума. По их мнению, не надо строить гипотезы о закономерностях движения явлений,— наука должна только протокольно регистрировать факты.

В действительности же гипотезы делают исследование предмета целеустремленным и приводят к открытию законов природы и общества. Ломоносов сравнивал гипотезы с порывами, дающими возможность «достигнуть знаний, до каких никогда не доходят умы низменных и пресмыкающихся во прахе». Экспериментируя или наблюдая новые факты, исследователь руководствуется гипотезой. При наблюдении надо знать, куда смотреть, что искать. Гипотеза и указывает это направление. Многие гипотезы не подтвердились фактами, но это не может служить аргументом против применения гипотез в познании. Умершие гипотезы сыграли огромную роль в науке, они проложили путь к истине.

На примере гипотезы хорошо видна связь эмпирического и теоретического в познании: мы исходим из фактов, наблюдений и восходим к абстрактному мышлению, обобщаем, строим гипотезу, а для проверки гипотезы снова обращаемся к фактам, к наблюдениям и экспериментам. Когда гипотеза доказана, она превращается в достоверную научную теорию, состоящую из системы связанных между собою, объединенных общим принципом понятий.

Понятие как форма мышления отражает сущность явлений. Так, понятия «число», «электрон», «точка», «фигура», «пролетариат» являются отражением общего и существенного в большой группе явлений. Общее, отраженное в наших понятиях, не выводится из разума, а существует объективно в единичных явлениях, вещах. С помощью понятий охватывается множество раз-

личных чувственно воспринимаемых вещей. Поэтому, чтобы выработать понятие, надо исследовать массу единичных явлений, вещей. Образование понятия есть результат длительного процесса познания, подведение некоторого итога его развития.

Процесс образования понятий включает в себя не только сравнение различных восприятий и выделение в предметах общего, сходного признака. Выделение просто общего не приведет к образованию научного понятия. Например, путем сравнения пахоты, ковки железа и ловли рыбы и нахождения в этих процессах такого общего признака, как «применение физического усилия», нельзя образовать научное понятие труда. Этот общий признак не является существенно общим для труда. Животные добывают пищу тоже с помощью физических усилий. Труд — это целесообразная деятельность общественного человека по изменению предметов природы с помощью орудий. Сущность предмета вскрывается путем всестороннего определения его связей и опосредований, выяснения его места и роли в той или иной системе.

Для образования понятия используются самые различные приемы научного исследования: наблюдение, эксперимент, разные формы умозаключения в их единстве, построение и проверка гипотез и т. д. Важное место в этом процессе занимает анализ и синтез.

Анализ, или мысленное расчленение предмета на его составные части с целью обнаружения простейших элементов сложного, необходим во всяком научном исследовании. Анализ дает возможность выделить и понять существенные стороны изучаемого явления. Если мы не будем знать, из каких элементов слагается общество, то мы никогда не поймем и его сущности, не выясним отношение различных элементов в нем. Но изучение предмета не ограничивается анализом. Преувеличение роли анализа, превращение его в единственный способ изучения ведет к метафизическому взгляду на мир, к расчленению предметов на отдельные, изолированные, якобы не связанные друг с другом элементы. Понятия, полученные в результате одного анализа, носят односторонний, неглубокий характер. Научное мышление предполагает единство *анализа* и *синтеза*, посредством которого происходит воссоздание конкретного в мышлении. «...Мышление,— пишет Энгельс,— состоит столько же в разложении предметов сознания на их элементы, сколько в объединении связанных друг с другом элементов в единство. Без анализа нет синтеза»[1].

Единство анализа и синтеза — одно из важнейших требований диалектического метода мышления. *Синтез* дает знание об объекте как едином целом. Но это знание, во-первых, дости-

[1] *Ф. Энгельс.* Анти-Дюринг, стр. 40.

гается на основе предшествующего анализа, во-вторых, в мысли следует соединять только то, что соединено в действительности, объективно. Порочность синтеза в идеалистической философии состоит в том, что там различные элементы объединяются в мысли независимо от того, как они относятся друг к другу в действительности. Отсюда получается произвольность синтеза.

Научное понятие не включает в свое содержание все частные признаки предмета. Ленин в работе «Аграрный вопрос и «критики Маркса»» возражал против тех, кто пытался «внести в общее понятие все частные признаки единичных явлений». Вместе с тем понятие не оторвано от богатства индивидуального и особенного. Понятие постигает единичное, частное путем всестороннего и глубокого отражения закономерностей его развития. Если бы понятие стремилось охватить все частные, единичные признаки предмета, оно не ушло бы дальше ощущений и восприятий в познании сущности.

Движение, развитие действительности можно отразить только в развивающихся понятиях. «...Человеческие понятия,— писал Ленин,— не неподвижны, а вечно движутся, переходят друг в друга, переливают одно в другое, без этого они не отражают живой жизни»[1].

Многие современные философы-идеалисты признают изменчивость, гибкость понятий, но истолковывают ее софистически. У софистов изменчивость понятий является результатом произвола мыслящего субъекта: движение понятий рассматривается независимо от движения вещей. Но зачем нужно изменять понятия, если при этом не достигается более точного отражения движущейся материи? Изменение понятий — не самоцель, а средство более глубокого проникновения в сущность развивающихся предметов.

Материалистическая диалектика показывает объективный источник движения понятий, она рассматривает гибкость научных понятий как отражение многосторонности и развития материального мира. Движение понятий происходит на основе разрешения противоречий между новыми обнаруженными фактами и существующим понятием. Первое научное понятие об атоме было создано химией XVIII в., которая установила, что атомы одного и того же химического элемента имеют одни и те же свойства и неделимы. Это понятие сыграло огромную роль в науке. Но последующая научная практика обнаружила такие факты (открытие электрона), которые не укладывались в существовавшее понятие об атоме. Эти факты привели к ломке, изменению понятия атома и ряда других физических понятий.

Процесс развития понятий происходит в двух направлениях: 1) прежние понятия углубляются, уточняются и подымаются на

[1] *В. И. Ленин.* Философские тетради, стр. 237.

более высокий уровень абстракции; 2) возникают новые понятия. Люди не сразу расстаются с прежними, привычными понятиями. Ломка старых понятий нередко приводит ученых к растерянности и даже к ненаучным взглядам.

Изменение содержания старых понятий и возникновение новых приводит к тому, что между различными понятиями, а также внутри одного и того же понятия намечаются расхождения, противоречия.

При этом надо строго различать противоречия в понятиях, являющиеся отражением объективных противоречий, от противоречий, которые являются следствием путаницы, неспособности того или иного человека последовательно и логично мыслить. Первые ведут к развитию знания, вторые мешают истинному познанию.

Наиболее общие понятия, в которых отражаются важнейшие свойства, закономерности мира, называются *категориями*. Каждая наука имеет свои категории. Например, физика оперирует такими категориями — или основными понятиями,— как масса, энергия, вещество, поле и т. д.; политическая экономия имеет свои категории: товар, стоимость, абстрактный и конкретный труд и др.; диалектика имеет свои категории: качество, количество, сущность, явление, противоречие и т. д. Категории диалектики в отличие от категорий других наук отражают наиболее общие законы и свойства явлений природы, общества и мышления. Поэтому умение правильно применять категории диалектики необходимо для исследования любого предмета.

Категория — понятие чрезвычайно большой общности. Каждая категория охватывает огромный круг явления. Так, например, категория материи охватывает все независимо от сознания существующие предметы и явления. Но из этого отнюдь не следует, что категории являются тощими, бедными содержанием абстракциями. Научные категории, взятые во взаимной связи друг с другом, дают глубокое и всестороннее отражение важнейших закономерностей развития природы, общества и человеческого мышления.

Будучи известным итогом познания, отражая важнейшие свойства и закономерности внешнего мира, категории являются ступенями в развитии знания. Например, категории: движение, причина, следствие, противоречие, качество, сущность, закон и др.— являются узловыми пунктами, помогающими ориентироваться в бесконечно сложной и многообразной сети явлений действительности. В категориях обобщен весь предшествующий опыт познания.

Человек использует знание, содержащееся в категориях, для высказывания новых суждений, умозаключений, понятий. Без категорий, указывает Энгельс, человек не сможет связать два простых факта. Так, суждение «этот дом больше другого» вы-

сказывается на основе нашего предшествующего опыта, зафиксированного в категории количества. Категории, на основе которых мы связываем данные чувственного созерцания, сами возникли как обобщение чувственного опыта. Нужно научиться правильно оперировать категориями, использовать их для научного познания мира.

6. Практика как основа познания и критерий истины

Познание возникает на основе и для удовлетворения нужд практической деятельности человека. *Практикой* называется чувственно-материальная деятельность людей, изменяющая предметы, явления, процессы действительности. Практика, лежащая в основе познания,— это такое взаимодействие субъекта (человека) и объекта (материального предмета), непосредственным результатом которого является изменение объекта. Так, с помощью орудий труда человек изменяет почву: разрыхляет, удобряет ее и т. д. В результате этого повышается плодородие почвы. Практика изменяет не только объект, но и субъект. Человек развивается в труде.

Практика состоит из многих сторон. Основу ее составляет производство материальных благ: пищи, одежды, орудий труда и т. п. В практику входят и другие формы общественной деятельности, ведущей к изменению материального мира: классовая борьба, национально-освободительное движение, революция; к общественной практике относится также деятельность в области народного просвещения, здравоохранения и т. д.

Процесс познания относится к теоретической деятельности людей. Теория — это научное обобщение практики, отражение действительности в сознании человека. Теория сама по себе не изменяет действительности. Мы можем построить идеальные планы преобразования мира, совершать в мысли революции, но от одного этого мир не изменится. Великая активная роль познания, мышления, теории заключается в том, что они могут указать пути преобразования мира. Однако для претворения идей в жизнь нужна практическая деятельность.

Теоретическая деятельность людей не является самостоятельной, автономной: она возникла и развилась на основе практики. Осознание действительности, ее отражение в мозгу человека необходимо для успешной практической деятельности. Практика служит основой и движущей силой развития теории. Запросы практики, в частности потребности производства, указывают направление развития науки, двигают ее вперед. Энгельс писал: «Если у общества появляется техническая потребность, то она продвигает науку вперед больше, чем десяток университетов»[1].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные письма. 1953, стр. 469.

Но не только практика, в частности производственная, двигает развитие познания. Происходит и обратный процесс: успехи теоретического познания побуждают к практическим преобразованиям. В связи с этим изменяется отношение науки к производству, «наука все больше становится непосредственной производительной силой, а производство — технологическим применением современной науки»[1]. В этом единстве, взаимодействии познания и практики примат остается за практикой.

Наука, теория возникает из потребностей практики и как ее обобщение. Астрономия была вызвана к жизни потребностями торговли и мореплавания, различные отрасли физики возникли для удовлетворения нужд растущей техники производства. Век пара породил учение о теплоте, переход к электрическим двигателям потребовал детальной разработки теории электричества. На основе практики возникают и развиваются понятия, теории. Человек прежде всего фиксирует внимание на тех предметах и тех сторонах, которые практически полезны и необходимы для его жизни. Практика указывает, какую сторону надо выделить в предмете как главную, существенную. Такое важнейшее понятие биологической науки, как *вид*, возникло на основе практической деятельности в области земледелия и животноводства. Люди фиксировали свое внимание прежде всего на практически полезных для них растениях и животных, объединяя отдельные особи, экземпляры в однородные группы по определенным объективным признакам. В дальнейшем стали группировать растения и животных не только на основании их сходства, но и их родства. Так возникло генетическое понятие о виде.

На основе практики возникают и развиваются общественные науки. Теория научного социализма возникла как обобщение практики рабочего движения и для нужд борьбы рабочего класса против буржуазии, против угнетения.

Отрыв естественных и технических наук от практики производства приводит к замедлению технического прогресса и застою науки. В отрыве от своего живительного источника — практики наука хиреет, начинает заниматься мелкими вопросами или схоластическими рассуждениями. «Залог плодотворного развития науки,— говорится в Программе КПСС,— в неразрывной связи с созидательным трудом народа, практикой коммунистического строительства». Ослабление связи общественных наук с практикой революционного движения и строительства социализма и коммунизма приводит к догматизму, доктринерству, к извращению науки, марксистско-ленинской теории. Вот почему Коммунистическая партия поставила перед советскими учеными задачу — быть ближе к жизни, к потребностям социалистического производства, к практике строительства коммунизма в СССР.

[1] «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 146.

Познание не ограничивается регистрацией результатов практики. Чтобы освещать путь практике, оно должно предвидеть будущее. Основываясь на практике сегодняшнего дня, познание открывает перспективы для развития производства, культуры и т. д. Если бы теория не давала этого, она потеряла бы свое значение. Гениальность Маркса и Ленина как теоретиков состоит в том, что они видели дальше своих современников, как и куда пойдет развитие общества.

Наука может образовывать понятия и о таких явлениях, которые еще не возникли. Так, научное понятие о коммунистической формации возникло задолго до ее появления. Но это отнюдь не означает, что понятие о коммунизме было беспочвенным, не основанным на практике. Вся практика развития общества, основные тенденции развития капитализма, опыт классовой борьбы пролетариата против буржуазии — все это послужило основой возникновения учения о коммунистическом обществе.

Агностики, отрицающие познаваемость мира, ссылались на отсутствие надежного *критерия истины*. Многие философы критерий истинности познания искали в ясности и отчетливости представлений и понятий, в их общезначимости, в коллективном опыте. Но познание не может быть критерием истинности самого себя. Марксизм показал, что критерий истинности знания надо искать вне познания — в практике. В «Тезисах о Фейербахе» К. Маркс писал: «Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью,— вовсе не вопрос теории, а *практический* вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто *схоластический* вопрос» [1].

Посредством практики человек доказывает объективную истинность своих понятий. Правильны ли наши представления о строении атома и об энергии, таящейся в нем? Практика научных экспериментов и использования атомной энергии в различных отраслях науки и техники подтвердила объективную истинность учения физики о строении и свойствах атома.

Марксистское понимание практики как критерия истины отличается от прагматического. Прагматизм отрицает объективную истину и выдвинул положение: истинно то, что полезно, что удобно. Каждый человек любое положение может признать за истинное или ложное в зависимости от того, может он извлечь из него пользу или нет. Прагматист Джемс писал: «Наша обязанность искать истину проистекает из нашей общей обязанности делать то, что окупается» [2]. Прагматист по соображениям

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 3. 1955, стр. 1—2.
[2] *В. Джемс*. Прагматизм. Спб., 1910, стр. 141.

удобства и пользы признает истиной идею о существовании бога, а объективно истинное положение о неизбежности гибели капитализма и победе социализма отвергает как ложное, ибо оно не отвечает интересам буржуазии [1].

Конечно, знание полезно, оно представляет большую силу. В наш век огромного технического прогресса никто не сомневается в значении знания для жизни людей. Но оно приносит действительную пользу обществу тогда, когда оно истинно. Не из пользы знания вытекает его истинность, а из истинности знания, из того, что оно верно отражает действительность, вытекает его великое практическое значение.

Реакционным империалистическим кругам, организаторам «холодной войны» для их низменных, своекорыстных целей выгодна, полезна ложь об агрессивности стран социализма: эта ложь и клевета помогают им раздувать военную промышленность и наживать громадные прибыли. Но народам, человечеству эта ложь приносит огромный вред, дезориентирует умы, ведет к усилению налогового гнета, тормозит общественный прогресс.

Практика как критерий истинности наших знаний стоит выше чувственного созерцания и абстрактного мышления, соединяя в себе достоинства и того и другого. Эмпирическое познание обладает достоинством непосредственной действительности, ибо оно отражает предмет таким, каким он является. Но оно само никогда не может вскрыть и доказать необходимость, закономерность наблюдаемых связей. Наблюдая какой-либо единичный случай получения пара из воды, нельзя вывести закон, установить необходимость этого процесса. Мышление своей задачей имеет познание необходимости. «Теоретическое познание,— пишет Ленин,— должно дать объект в его необходимости, в его всесторонних отношениях...» [2]. И научное, теоретическое мышление, основываясь на данных чувственного созерцания, выполняет эту функцию. Оно познает закономерные связи, но достигает этого путем потери непосредственной связи с действительностью, в результате некоторого отвлечения от нее.

Практика соединяет в себе непосредственную действительность, достоверность с познанием необходимости, ибо, с одной стороны, практика — это чувственная, материальная деятельность людей, а с другой стороны, в ней человек проверяет и реализует свои понятия, теории и т. д. Например, научный эксперимент всегда возникает как практическое воплощение какого-либо теоретического построения, которое он должен проверить.

[1] Излюбленным приемом критиков диалектического материализма является смешение марксизма с прагматизмом. Некоторые зарубежные философы даже утверждают, что прагматизм был впервые провозглашен К. Марксом в 40-х годах XIX в. Это утверждение абсурдно. В понимании сущности самой практики, ее роли в познании марксизм и прагматизм стоят на диаметрально противоположных позициях.

[2] *В. И. Ленин.* Философские тетради, стр. 183.

Научная теория общества ставит определенные задачи, которые осуществляются практической деятельностью масс. Теория пролетарской социалистической революции, научно разработанная марксизмом-ленинизмом, практически осуществилась в 1917 г. в России, а затем и в других странах, и таким образом ее объективная истинность стала доказанной.

Практическое осуществление идей всегда вносит корректив, поправляет и развивает их. Практика, подтверждая или отвергая одни идеи, служит основой для возникновения других. Так и происходит непрерывно процесс развития знания на основе взаимосвязи теории и практики. Взаимность эксперимента и различных теоретических построений в современном естествознании — яркий пример связи теории и практики.

Экспериментальное изучение явлений имеет огромное преимущество перед простым наблюдением. Коротко это преимущество И. П. Павлов сформулировал следующим образом: «Наблюдение собирает то, что ему предлагает природа, опыт же берет у природы то, что он хочет». Эксперимент дает возможность исследователю активно вмешиваться в ход изучаемых процессов. К эксперименту обычно прибегают для проверки какой-либо гипотезы, которую он может либо подтвердить, либо опровергнуть. Но и в том и в другом случае он ведет к развитию знания. Если эксперимент подтверждает гипотезу, то она укрепляется, а иногда и обогащается новым содержанием; если эксперимент опровергает ее, то он дает материал для новых теоретических построений, более глубоких, на основе которых делаются новые эксперименты. Например, опыт Майкельсона, опровергший гипотезу об эфире, послужил толчком к возникновению специальной теории относительности.

Критерий практики одновременно и абсолютен и относителен. Этот критерий абсолютен, ибо все, что доказано практикой, является объективной истиной. Относительность критерия практики состоит в том, что на каждом данном историческом этапе своего развития практика не может *полностью* подтвердить или опровергнуть существующие теоретические положения. Во всех отраслях научного знания имеется еще немало недоказанных и неопровергнутых гипотез, окончательный приговор которым вынесет практика будущего. То, что практика нынешнего дня подтвердила частично, то дополняет практика последующего времени. Только практика в ее развитии может быть критерием истинности развивающегося познания. Так, практика сегодняшнего дня еще недостаточна для доказательства космогонических гипотез. Мы не можем сказать, что планеты действительно образовались так, как изображается в какой-либо из наиболее признанных гипотез. Но развитие практики, в частности астрономических наблюдений, в конце концов приведет к решению и этого вопроса. Существование гипотез в науке свидетельствует

о том, что в нашем познании еще много недоказанного. При этом доказательство или опровержение практикой одних гипотез ведет к возникновению других.

Непрерывное развитие практики не позволяет нашим знаниям застыть, превратиться в абсолют. Абсолютность практики как критерия истинности дает нам возможность отличать знание, идущее по пути объективной истины, от вымыслов. «Этот критерий,— пишет Ленин о практике,— тоже настолько «неопределенен», чтобы не позволять знаниям человека превратиться в «абсолют», и в то же время настолько определенен, чтобы вести беспощадную борьбу со всеми разновидностями идеализма и агностицизма. Если то́, что подтверждает наша практика, есть единственная, последняя, объективная истина,— то отсюда вытекает признание единственным путем к этой истине пути науки, стоящей на материалистической точке зрения» [1].

Развитие наук, в частности естествознания, подтверждает правильность теории познания диалектического материализма. Каждое новое великое открытие в науке дает новое подтверждение истинности марксистско-ленинской теории познания, учения о безграничности научного познания.

Новым великим триумфом передовой науки в XX в. явились запуск в Советском Союзе первых искусственных спутников Земли, запуск космических ракет, полеты Ю. А. Гагарина и Г. С. Титова на космических кораблях «Восток-I» и «Восток-II», открывшие целую полосу новых достижений науки и ознаменовавшие новую эпоху в развитии познания. Проникновение человека в космическое пространство имеет и огромное мировоззренческое значение. Это новый мощный удар по мракобесию, по религиозному и идеалистическому мировоззрению.

Идеалисты, проповедуя агностицизм, подобно религии, всегда принижали и принижают силу человеческого разума, его познавательных способностей. Усмири свою гордыню, неуемный человек, не стремись узнать то, что тебе знать не должно. Лишь божественный, сверхъестественный разум вездесущ и всемогущ, а человеческий разум ограничен и ничтожен. Так учит поповщина. Ей вторит агностицизм со своим растлевающим скептицизмом.

А наука в опровержение этих предрассудков, в течение XX в. делая одно открытие за другим, раздвигает все дальше и дальше исторически условные границы познания, все глубже и глубже проникает в тайны природы, постигая законы движения и микрочастиц и макротел вселенной.

Перед лицом этих величайших открытий в науке идеализму и религии все трудней удерживать свои позиции. Передовая наука и человеческий разум, освобожденные от оков идеализма, мистики, одерживают все новые и новые великие победы.

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 14, стр. 130.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

ГЛАВА X

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ КАК НАУКА О ЗАКОНАХ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

В предыдущих главах освещены основные проблемы диалектического материализма, т. е. коренные вопросы марксистского философского мировоззрения, диалектико-материалистической теории познания. Теперь нам предстоит рассмотреть основные проблемы исторического материализма — науки о наиболее общих законах развития человеческого общества, составляющей неотъемлемую часть мировоззрения марксизма.

1. Предмет исторического материализма

Человеческое общество представляет собой часть окружающего нас единого материального мира. Поэтому законы, принципы и категории диалектического материализма имеют силу и в применении к обществу. Но человеческое общество представляет собой специфическую, качественно отличную от природы область материального мира. В силу этого законы, принципы и категории диалектического материализма выступают здесь в особой форме. Поэтому, чтобы правильно понять развитие общества, недостаточно знать эти общие законы, как они действуют в природе. Надо еще установить специфическую, именно социальную форму проявления этих общих законов диалектического материализма. Опираясь на эти законы, необходимо также раскрыть и понять особые, только обществу присущие закономерности и движущие силы развития.

Одна из важнейших особенностей развития общества в отличие от природы состоит в том, что в истории общества действуют люди, обладающие сознанием, волей, ставящие перед собой те или иные цели, тогда как в природе выступают лишь слепые, бессознательные силы. В природе явления, процессы — результат действия причин, где не участвует воля, разум, сознание. В обществе явления, процессы возникают, складываются в результате действия людей. История природы делается сама собой.

История общества *делается* людьми, одаренными сознанием, разумом, волей. Это обстоятельство в прошлом, до создания подлинной науки об обществе Марксом и Энгельсом, было камнем преткновения для ученых и остается камнем преткновения для современных буржуазных социологов, историков, экономистов. Буржуазная философская и социологическая мысль поэтому выработала даже подразделение наук на «каузальные» — познающие причинность (науки о природе) и «телеологические» — раскрывающие цели (науки общественные).

Все это свидетельствует о том, что человеческое общество представляет собой не только специфическую, но и одну из наиболее сложных областей действительности. Атом, который в прошлом считали простым, элементарным, оказался на деле очень сложным, представляющим собой целый микромир. Но еще более сложной областью материального мира является человек и человеческое общество. Как ни сложны явления природы, но человек, общество раскрывают силы, законы и тайны природы и все больше господствуют над ними, подчиняют их своей власти, заставляют служить своим целям. Возникающие в обществе силы, процессы, отношения, законы в течение веков и тысячелетий господствовали и еще господствуют в капиталистическом мире над людьми. Какова природа этих сил, общественных отношений, законов? Для буржуазной социологии и историографии это и по сей день является тайной.

Задача общественной науки состояла в том, чтобы снять это таинственное покрывало с явлений, процессов, законов общественной жизни, раскрыть и показать их сущность. Это, как увидим ниже, возможно было осуществить только на основе применения к анализу явлений общественной жизни философского материализма и материалистической диалектики, в результате применения к изучению общества диалектического материализма.

Подобно тому как природу, ее многообразные явления и процессы изучают многочисленные специальные отрасли знания, так и человеческое общество, общественные явления изучают многочисленные общественные науки. Например, политическая экономия изучает законы возникновения, развития и смены исторически определенных способов производства; юридические науки изучают законы возникновения и развития форм государства и права; языкознание изучает язык как специфическое общественное явление, законы его возникновения и развития, его роль в общественной жизни; эстетика изучает искусство, законы его развития, отношение искусства к действительности, его общественную роль и т. д. Каждая из перечисленных отраслей знания изучает ту или иную сторону общественной жизни, тот или иной вид, ту или иную сторону общественных отношений, процессов, явлений. Кроме того, есть наука история, которая

всесторонне изучает историю того или иного народа или (всемирная история) историю всего человечества от первобытных времен до наших дней с учетом того, как именно исторические явления происходят в конкретных условиях определенных стран.

Какое же место среди многочисленных социальных наук занимает исторический материализм?

Исторический материализм в отличие от специальных общественных наук изучает не отдельные стороны общественной жизни, не тот или иной вид общественных отношений или явлений (экономических, политических, юридических, идеологических), а *общество, его развитие, общественную жизнь в целом, во всей совокупности, внутренней связи и взаимодействии его сторон, отношений, процессов. В отличие от специальных общественных наук исторический материализм изучает не частные и особые законы, которым подчинено развитие экономических, политических или идеологических процессов, а наиболее общие законы общественного развития.*

Исторический материализм в отличие от истории изучает не то, чем отличается история жизни одного народа от другого, а прежде всего и главным образом то, что есть общего в жизни, в истории, в развитии всех народов. История как наука, конечно, тоже должна изучать и учитывать не только отличие, специфику, но и то общее, что имеет история данного народа с историей других народов. Если это подлинно научная, марксистская история, то она должна показать прежде всего труд народа, экономическую жизнь страны, историю развития ее производительных сил и производственных отношений, историю политического строя, борьбу классов и национально-освободительную борьбу, историю духовной культуры, а также быт, нравы данной страны, идеологическую борьбу как отражение классовой борьбы. Но все это в исторической науке должно быть показано в живой конкретности, в хронологической последовательности, с учетом исторических случайностей. Иначе это будет не история, а абстрактная социологическая схема. Если бы история видела свою главную задачу не в изучении живой, конкретной истории определенных народов, а в установлении общих закономерностей, она перестала бы выполнять свою главную задачу.

Исторический материализм в отличие от истории — это теоретическая, методологическая, философская наука. Предмет исторического материализма — человеческое общество; не тот или иной народ, не та или иная страна, а именно общество.

Что же представляет собой человеческое общество как предмет исторического материализма? При научном исследовании общественной жизни ответ на этот вопрос может быть дан лишь после того, как изучены основные социальные отношения, процессы, из которых складывается история общества.

Идеалисты рассматривают общество как некую духовную целостность или как сумму составляющих его индивидов; вульгарные материалисты определяют общество как совокупность людей, вещей и идей. Марксисты рассматривают человеческое общество как своеобразный социальный организм, в основе которого лежат материальные производственные связи, экономические отношения между людьми. Общество создается деятельностью людей, вместе с тем человек сам является продуктом истории, продуктом общественных отношений; он мог выделиться из мира животных и стать человеком лишь в общении с себе подобными. Качественная грань, отличающая человеческое общество от биологических сообществ (например, от стада животных), состоит в труде, в общественном производстве. Труд, производство, как целесообразная деятельность, направленная на использование и подчинение природы и ее сил, есть то главное, что отличает человека от животных. Поэтому и особенность общественной связи, соединяющей людей в общество, заключается в том, что это прежде всего производственная связь. Связи и отношения, складывающиеся в процессе производства, лежат в основе всех социальных отношений, в том числе идеологических, а в классовом обществе и политических отношений между людьми. Поэтому Маркс писал:

«*Производственные* отношения *в своей совокупности образуют то, что* называют *общественными отношениями, обществом,* и притом образуют общество, находящееся на *определенной ступени исторического развития,* общество с своеобразным отличительным характером. Античное общество, феодальное общество, буржуазное общество представляют собой такие совокупности производственных отношений, из которых каждая вместе с тем знаменует собой особую ступень в историческом развитии человечества» [1].

Таким образом, основу общества и общественной жизни составляют экономические, производственные отношения людей. Только зная характер экономических, производственных отношений, возможно понять характер социальной, политической и духовной жизни данного общества.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 6. 1957, стр. 442.

Перечисляя общественно-экономические формации, Маркс не указал на доклассовое, первобытное общество, предшествовавшее античному (рабовладельческому) обществу и о котором в то время (в 1849 г.) еще не было научных данных, и на социалистическое общество, которого тогда еще не было. В эпоху, когда жил Маркс, в недрах капитализма лишь создавались материальные предпосылки новой, коммунистической общественно-экономической формации, которая по гениальному предвидению Маркса должна была неизбежно прийти на смену последней общественно-экономической формации, основанной на антагонизме классов,— формации капиталистической. Теперь социалистическое общество, представляющее собой первую фазу коммунистической общественно-экономической формации, уже существует.

Особенность марксистского понимания общества в отличие от метафизического его понимания состоит и в том, что марксизм отвергает абстрактный, антиисторический подход к обществу, взятому вне времени, вне той или иной определенной ступени развития, на которой оно находится. Марксистское определение общества включает в себя единство общего и особенного.

Краеугольным камнем марксистской общественной науки является выдвинутое Марксом понятие *общественно-экономической формации.*

Под общественно-экономической формацией марксизм разумеет общество, находящееся на определенной ступени исторического развития, определенный тип общественного строя с присущим ему способом производства, с определенными производственными отношениями и возвышающейся над ними надстройкой в виде исторически определенных идей и учреждений.

Отвергая абстрактный, метафизический взгляд на общество с его якобы вечными и неизменными законами, исторический материализм установил, что каждая общественно-экономическая формация имеет свои специфические законы возникновения, развития и перехода к другой, высшей формации. Конечно, как увидим ниже, исторический материализм не только не отвергает, а подчеркивает существование общих законов, которые отражают то общее, что присуще всем общественно-экономическим формациям. Но эти общие законы в каждой общественно-экономической формации проявляются по-особому, специфически.

Открыв специфический характер законов развития каждой общественно-экономической формации, исторический материализм тем самым опроверг вздорную, антинаучную идею буржуазных социологов и экономистов, считающих капитализм, его общественные отношения и законы внеисторическими, вечными, незыблемыми, непреходящими. В действительности капитализм и его законы движения, развития столь же историчны, как и законы рабовладельческого или феодального общества.

Противники пытались критиковать марксистское учение об обществе и об общественно-экономических формациях за то, что оно якобы учитывает лишь экономику и игнорирует тот факт, что в обществе есть государственные, правовые отношения, наука, философия, искусство, мораль, религия, семья, быт. Но исторический материализм отнюдь не игнорирует эти общественные отношения и явления. Приведенное выше определение общества, данное Марксом, вскрывает сущность и основу человеческого общества, тот базис, над которым возвышаются политические и идеологические явления как надстройка; последние, разумеется, также включаются в определение общества. Ленин отмечал, что Маркс, объясняя строение и развитие той или иной общественно-экономической формации, не ограничивался изучением производственных отношений, а «прослеживал соответствующие этим про-

изводственным отношениям надстройки, облекал скелет плотью и кровью»[1]. Образец всестороннего исследования общественно-экономической формации Маркс дал в «Капитале». В этом экономическом произведении, посвященном анализу законов возникновения, развития и гибели капиталистического способа производства, Маркс показал «капиталистическую общественную формацию как живую» — с ее бытовыми сторонами, с социальным проявлением присущего капиталистическим производственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой, охраняющей господство класса капиталистов, с буржуазными идеями, с буржуазными семейными отношениями и т. д.

Коренной порок всей домарксистской и современной буржуазной социологии состоит в том, что она не могла открыть именно эту материальную, экономическую сущность и определяющую основу общества. Не желая и не умея понять эту основу развития общества, буржуазная социология тем самым закрывает себе путь к познанию законов и коренных движущих сил развития общества, а также определяющей основы всех политических и духовных явлений.

Исторический материализм рассматривает человеческое общество, общественно-экономическую формацию как живой, находящийся в постоянном развитии организм, включающий в себя и экономические, и политические, и духовные отношения, взятые в их внутренней взаимосвязи. Исторический материализм, открыв в способе производства материальных благ основу общественной жизни, впервые в истории указал путь к познанию истории общества как строго закономерного процесса, взятого во всей его многосторонности и противоречивости.

Подобно тому как диалектический материализм является философским мировоззрением и в то же время методом, теорией познания для всех наук, так исторический материализм является научной теорией развития общества и вместе с тем методом исследования для всех конкретных общественных наук — методом, являющимся конкретизацией диалектического метода в применении к общественной жизни, к развитию общества. Определяя исторический материализм как научную теорию (Ленин называл исторический материализм единственно научной социологией), мы вместе с тем подчеркиваем значение исторического материализма как метода изучения явлений, процессов и как метода революционного действия рабочего класса и его марксистской партии. Не владея методом исторического материализма, экономист, историк, правовед, искусствовед не в состоянии разобраться в сложном многообразии явлений общественной жизни, в исторических событиях. Только исторический

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 1, стр. 124.

материализм дает представителям всех общественных наук и политическим деятелям рабочего класса руководящую нить исследования и понимания исторических явлений и процессов, законов их изменения, развития.

В каком отношении друг к другу находятся в историческом материализме теория и метод? Это две неразрывно связанные друг с другом стороны исторического материализма. Исторический материализм дает определенное, именно диалектико-материалистическое, решение основного гносеологического вопроса общественной науки — вопроса об отношении общественного бытия и общественного сознания, дает знание наиболее общих законов развития человеческого общества и потому является научной теорией, наукой. Вместе с тем исторический материализм именно потому, что он дает знание *общих* законов развития общества, является научным методом изучения всех общественных явлений, в том числе и тех новых явлений и процессов, которые возникают в ходе общественного развития.

Маркс, Энгельс и Ленин указывали, что главное, решающее, что требуется от сторонника исторического материализма,— это не словесное признание, а его правильное применение к анализу действительности. Выступая против наметившегося в 90-е годы XIX в. извращения исторического материализма, Ф. Энгельс писал:

«Вообще, для многих молодых писателей в Германии слово «материалистический» служит просто в качестве фразы, которую они применяют к разным вещам, не давая себе труда заняться дальнейшим изучением, т. е. приклеивают этот ярлычок и считают, что этим все исчерпывается. Но наше понимание истории есть прежде всего руководство к изучению, а не рычаг для конструирования на манер гегельянства. Всю историю надо начать изучать заново. Надо исследовать в деталях условия существования различных общественных формаций, прежде чем пытаться вывести из них соответствующие им политические, частно-правовые, эстетические, философские, религиозные и т. п. воззрения. В этом отношении сделано до сих пор очень мало, потому что очень немного людей серьезно этим занималось. В этом отношении нам нужна большая помощь, область бесконечно велика, и тот, кто хочет работать серьезно, может многое создать и отличиться»[1].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные письма. 1953, стр. 421.

К чести историков-марксистов следует сказать, что они провели огромную работу по изучению всеобщей истории, истории СССР, истории искусства, истории философии. Здесь прежде всего следует указать на труды советских историков по изучению истории крестьянства, истории Киевской Руси, на исследования советских медиевистов, а также на обширное исследование по всемирной истории; восемь книг десятитомного труда «Всемирная история» уже вышли и заслуживают высокой оценки, как результат плодотворного применения марксистского метода исследования. За пределами СССР —

Исторический материализм — это не схема и не догма, не сводка абстрактных положений, принципов, которые следует лишь зазубрить. Нет, исторический материализм, как и марксизм-ленинизм в целом,— это вечно живая, творчески развивающаяся теория и вместе с тем научный метод, указывающий правильный путь и способ исследования, изучения общественной жизни, и руководство к действию. Эту методологическую сторону исторического материализма особенно стоит подчеркнуть в наше время, когда идет борьба между силами прогресса, мира, демократии и социализма, с одной стороны, и силами реакции, империализма и агрессии, с другой. В этих условиях опасен как ревизионизм, попирающий принципы и законы исторического материализма и отказывающийся от них, так и догматизм, с его неумением видеть новое в жизни, в общественном развитии, отказывающийся делать необходимые выводы из этого нового.

Коммунистическая партия Советского Союза, следуя Марксу и Ленину, всему духу марксизма-ленинизма, дает образцы творческого, конкретного применения исторического материализма к анализу явлений современности. Доклады товарища Н. С. Хрущева на XX, XXI и XXII съездах КПСС являются ярким примером творческого применения метода исторического материализма при анализе закономерностей перехода от социализма к коммунизму. С развитием общественной практики исторический материализм обогащается, творчески развивается дальше. В этом его действенная сила и значение.

Исторический материализм является неотъемлемой частью марксистской философии. В результате распространения философского материализма и материалистической диалектики на познание общества была преодолена односторонность, ограниченность старого, домарксистского материализма и философский материализм приобрел действенность, революционность. Марксистско-ленинское учение о неизбежной гибели капитализма и о победе коммунизма опирается на объективные законы развития общества, которые изучает исторический материализм. Поэтому исторический материализм представляет собой научно-историческую основу коммунизма. Чтобы быть сознательным и активным участником великой исторической борьбы за дальнейший прогресс общества, за победу коммунизма, надо знать причины и движущие силы исторических событий, знать законы общественного развития.

в Китае, в США (говоря о США, особенно следует отметить великолепные, глубокие исторические исследования Уильяма З. Фостера «Очерк политической истории Америки», «Негритянский народ в истории Америки», «Очерки мирового профсоюзного движения», «История трех Интернационалов»), в Италии, во Франции, в Англии, в ГДР и других странах — марксистами проводятся большие исторические исследования, дающие серьезные научные результаты.

Исторический материализм дает знание наиболее общих законов развития общества и тем самым указывает путь, способ познания общественных явлений, дает возможность правильно ориентироваться в происходящих событиях, понять их смысл, ясно видеть направление общественного развития, исторические перспективы и намечать правильные действия передового класса и его союзников.

2. Возникновение исторического материализма — революция в общественной науке

Как указано во II главе, возникновение исторического материализма как науки о законах развития общества и как метода изучения явлений общественной жизни было закономерным результатом развития общества, научной философской мысли. Если раньше внутренняя связь между социальными процессами, между причинами, вызывающими исторические события, и самими этими событиями была запутана, завуалирована и поэтому трудно было ее обнаружить, то с развитием капитализма эта связь все более и более упрощалась.

«Со времени введения крупной промышленности, т. е. по крайней мере со времени европейского мира 1815 г., в Англии ни для кого уже не было тайной, что центром тяжести всей политической борьбы в этой стране являлись стремления к господству двух классов: землевладельческой аристократии (landed aristocracy), с одной стороны, и буржуазии (middle class) — с другой. Во Франции тот же самый факт дошел до сознания вместе с возвратом туда Бурбонов. Историки периода реставрации, от Тьерри до Гизо, Минье и Тьера, постоянно указывают на него как на ключ к пониманию французской истории, начиная со средних веков. А с 1830 г. в обеих этих странах рабочий класс, пролетариат, признан был третьим борцом за господство. Отношения так упростились, что только люди, умышленно закрывавшие глаза, могли не видеть, что в борьбе этих трех больших классов и в столкновениях их интересов заключается движущая сила всей новейшей истории»[1].

Ускорение хода истории, быстрая смена событий, начиная с английской и особенно с французской буржуазной революции 1789—1794 гг., обострение классовых противоречий и столкновений, выход рабочего класса на историческую арену — таковы социальные предпосылки, сделавшие возможным создание науки о законах и движущих силах развития общества.

Когда история двигалась медленно, например в средние века, трудно было установить существование социального прогресса,

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные произведения, т. II, стр. 373—374.

поступательного развития общества, смену одних общественных форм другими, притом низших форм высшими. Тогда многим казалось, что все «так было и так будет». В лучшем случае наиболее выдающиеся социологи доходили до теории «круговорота», вечного повторения периодов молодости, зрелости и старости в истории народов и государств. К этой мысли, например, пришел в начале XVIII в. итальянец Вико[1].

Бурные события конца XVIII и начала XIX в. показали, что человеческое общество — не застывший кристалл, а изменяющееся и развивающееся явление. Несмотря на отдельные зигзаги в истории, в целом общественное развитие шло и идет по восходящей линии.

До великой французской буржуазной революции ученым казалось, что мнения людей правят миром, что воля королей, завоевателей и законодателей определяет ход и направление истории. Но падение Бурбонов, кратковременное торжество партии Мирабо, победа якобинцев во главе с Робеспьером и их низвержение, установление господства директории, а затем Наполеона, падение Наполеона и реставрация Бурбонов — вся эта быстрая смена исторических деятелей и событий свидетельствовала о том, что в общественной жизни господствуют более могущественные силы, чем воля королей и законодателей, Мирабо, Робеспьера или Наполеона.

К такому выводу пришел уже Гегель, но он, будучи идеалистом, пытался найти движущую силу истории не в самом обществе, а в «мировом разуме», который он объявил главной движущей силой в истории, носителем скрытой от людей исторической необходимости. Великих людей и народы Гегель считал лишь выразителями воли «мирового духа». Несмотря на мистику и идеализм, высказанная Гегелем идея об исторической необходимости и его попытка применить диалектический метод ко всей предшествовавшей истории были шагом вперед в развитии философской мысли и стали одной из предпосылок возникновения исторического материализма.

Важной идейной предпосылкой возникновения исторического материализма явилось учение английской классической политической экономии о труде как субстанции стоимости и попытка найти в экономике основу существования классов. Правда, эту основу английские экономисты видели не в области производства, а в области распределения. В прибыли, земельной ренте и заработной плате — в этих трех источниках дохода — они видели основу существования трех больших классов капиталистического общества. Но и это было все же шагом вперед по сравне-

[1] Только в конце XVIII и в начале XIX в. стали выдвигаться идеи общественного прогресса (в трудах Тюрго, Кондорсе, Сен-Симона), но эти идеи еще не были характерными для всей передовой общественной мысли.

нию с учениями, видевшими причину возникновения классов в воле бога, в установлениях природы или в завоевании и т. д.

Не менее важной теоретической предпосылкой возникновения подлинной социальной науки явилось учение английских и французских историков 30—40-х годов XIX в. о роли народных масс в истории и о борьбе классов как движущей силе английской и французской революций. К этой же мысли до английских и французских историков пришел социалист-утопист Сен-Симон. Маркс и Энгельс указывали, что классы и их борьба не ими открыты, а французскими (а также английскими) историками 30—40-х годов XIX в.

И, наконец, некоторые представители домарксистского философского материализма, для которого в целом характерен идеалистический взгляд на историю, делали известные шаги вперед к правильному пониманию исторического процесса. Здесь особенно следует указать на постановку вопроса французским материалистом XVIII в. Гельвецием о значении общественной среды и обстоятельств для формирования общественного мнения и нравов людей: негодные нравы — результат негодных обстоятельств. Следовательно, чтобы изменить негодные нравы, надо изменить негодные обстоятельства. Эти выводы вытекали из воззрений французских материалистов, что отмечал Маркс.

Приведенные факты свидетельствуют о том, как передовая общественная мысль шаг за шагом пробивала себе дорогу к научному пониманию общественной жизни, истории. Однако то, что было сделано в этой области до Маркса, означало поиски, подходы к правильному, научному пониманию, но это еще не было научной теорией, целостным, стройным взглядом на исторический процесс. Создание исторического материализма — это великий научный подвиг Маркса и Энгельса, подвиг, имеющий всемирно-историческое значение как для теории, так и для революционной практики, для дела борьбы за коммунизм. Открыть, создать исторический материализм, как и марксизм в целом, Маркс и Энгельс могли лишь в качестве идеологов, выразителей интересов самого передового класса — рабочего класса, заинтересованного в истине, в поступательном развитии общества, а не в увековечивании старых, отживающих общественных отношений.

Исторический материализм возник в результате распространения диалектического материализма на общество, в результате применения диалектического материализма к познанию общественной жизни, к изучению истории общества. Поэтому законы и категории исторического материализма не могут быть вполне поняты вне их связи с положениями диалектического материализма. Так, например, изучая открытые историческим материализмом законы движения классовых обществ — закон классовой борьбы, закон социальной революции, нельзя не видеть, что

эти законы представляют собой специфическую форму общих диалектических законов единства и борьбы противоположностей, борьбы старого и нового, положительного и отрицательного, перехода количественных изменений в качественные.

Раскрывая внутреннюю связь между диалектическим и историческим материализмом, Ленин пишет:

«Углубляя и развивая философский материализм, Маркс довел его до конца, распространил его познание природы на познание *человеческого общества.* Величайшим завоеванием научной мысли явился *исторический материализм* Маркса. Хаос и произвол, царившие до сих пор во взглядах на историю и на политику, сменились поразительно цельной и стройной научной теорией, показывающей, как из одного уклада общественной жизни развивается, вследствие роста производительных сил, другой, более высокий,— из крепостничества, например, вырастает капитализм»[1], а в наше время на смену капитализму в одной стране за другой приходит социализм.

В соответствии с общим материалистическим взглядом на мир исторический материализм исходит из признания первичности общественного бытия и вторичности общественного сознания. Не общественное сознание определяет строй и направление развития общественной жизни, а, наоборот, экономический строй общества определяет общественное сознание, общественные идеи. Или: не идеи определяют жизнь, а жизнь, общественное бытие определяет идеи.

Но что же такое *общественное бытие* людей? Это материальная жизнь общества, и прежде всего общественное производство материальных благ и те отношения между людьми, которые складываются в процессе производства. В антагонистическом обществе эти отношения классовые. Прежде чем заниматься наукой, искусством, религией, философией и политикой, люди должны пить, есть, одеваться, а для этого они должны производить продукты питания, одежду, строить жилища, создавать орудия производства. Без производства материальных благ общественная жизнь невозможна. Производство и воспроизводство материальных благ составляет жизненную основу общества. С прекращением производства замерла бы вся духовная жизнь людей, общество погибло бы. Поэтому ключ к строению и развитию общества надо искать не в сознании людей, не в их политических, философских, религиозных, нравственных идеях, а в способе производства материальных благ.

Материальная жизнь общества есть определяющая основа, а духовная жизнь есть отражение материальной жизни. Это отнюдь не значит, как ложно утверждают буржуазные критики марксизма, будто марксисты недооценивают или принижают

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 19, стр. 5.

значение духовной жизни общества, роль идей, роль сознания, разума, науки, искусства, а также роль политики в общественной жизни, в истории. Нет, объявляя общественное сознание, общественные, политические теории отражением общественного бытия, марксисты тем самым лишь научно объясняют духовную жизнь общества, происхождение и развитие идей. Что же касается роли общественных идей в жизни и в развитии общества, то марксисты считают ее очень большой. Об этом свидетельствует и великая роль марксистско-ленинских идей в нашу эпоху[1].

Классическую формулировку основных положений исторического материализма дал Маркс в предисловии к книге «К критике политической экономии»:

«В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением этого — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит

[1] Буржуазии в наше время приходится расплачиваться за свое вульгарное, поверхностное представление о марксизме, в частности об историческом материализме. Когда после тысячи вздорных трактатов, в которых критиковался и разносился в пух и прах марксизм за то, что он якобы игнорирует, принижает роль идей, идеалов, духовного начала и т. п., буржуазия в наше время вдруг обнаружила растущее распространение и неодолимую силу влияния марксистских идей, идей коммунизма, буржуазные политики и идеологи завопили о «зловредной» коммунистической пропаганде, о «подрывной» деятельности коммунистов.

В наши дни буржуазии приходится все чаще и чаще говорить о том, что у нее нет великих идей, которые она могла бы противопоставить идеям коммунизма. Полагаясь на грубую политику «с позиции силы», на атомные и водородные бомбы и на их устрашающую роль, империалистическая буржуазия сама впала в вульгаризм, не поняла и недооценила, какую великую силу представляют передовые идеи: идеи коммунизма, идеи национально-освободительной борьбы, идеи мира, идеи подлинной, народной демократии. Что может противопоставить империализм этим великим идеям? Водородные бомбы? Но они перестали быть ее монополией.

переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче: от идеологических форм, в которых люди сознают этот конфликт и борются с ним. Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями. Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые, высшие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в лоне самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже существуют или, по крайней мере, находятся в процессе становления»[1].

Эти положения были сформулированы 100 лет тому назад. Весь последующий ход общественного развития, все выдающиеся и великие события современности, прежде всего победа социализма в СССР, народной революции в Китае и в других странах Европы и Азии, успешно строящих социализм, целиком и полностью подтвердили законы развития общества, открытые Марксом и Энгельсом.

Буржуазные и ревизионистские критики исторического материализма указывают, что социалистические революции, совершившиеся в ряде стран Европы и Азии, будто бы произошли не по Марксу, а вопреки взглядам Маркса, не в соответствии с теорией исторического материализма, а в противоречии с ней; события современности будто бы не подтвердили, а опровергли марксизм, исторический материализм. Марксизм, утверждают его критики, учит, что социальная революция должна произойти сначала в наиболее развитых в промышленном отношении странах капитализма, а она произошла в странах сравнительно отсталых.

Любопытно наблюдать, как буржуазия и ревизионисты выступают в роли интерпретаторов исторического материализма! Эта роль им явно не подходит. Чтобы судить об историческом материализме, надо его знать и понимать. А теоретики, социологи и политические представители буржуазии и ревизионисты

[1] *К. Маркс.* К критике политической экономии, 1953, стр. 7—8.

далеки от знания и тем более от понимания исторического материализма.

Если брать весь всемирно-исторический процесс в целом, то абсолютно верно, что ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все ее производительные силы, и новые, высшие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют в лоне старого общества материальные условия их существования. Социалистические производственные отношения, утвердившиеся в СССР и в других странах социализма, являются не только результатом предшествующего развития производительных сил в этих странах накануне социалистической революции. Они являются неизбежным результатом развития производительных сил в недрах всей мировой системы капитализма. Социалистическая революция есть результат не только внутренних социальных противоречий данной страны, но и результат кризиса всей системы мирового капитализма. Противоречия, породившие социалистическую революцию в России, в Китае, в Чехословакии, Польше и других странах, есть результат не только конфликта, зревшего внутри этих стран, а результат мирового экономического, социального и политического кризиса. Страны, где раньше всего произошла социалистическая революция, оказались наиболее слабыми звеньями мировой системы капитализма; в этих странах экономические социальные и политические противоречия приобрели бо́льшую глубину и остроту, чем в наиболее развитых странах капитализма И здесь раньше созрели политически и идейно те силы, которые оказались способными разрешить эти противоречия революционным путем.

В странах, экономически более развитых, таких, как США и Англия, социальные противоречия в силу целого ряда экономических и политических причин оказались менее зрелыми. И это отнюдь не противоречит приведенным выше положениям исторического материализма. Маркс и Энгельс наблюдали английский колониальный грабеж и процесс обуржуазивания верхушки английского рабочего класса, развращение его сознания буржуазией и реформистами. Поэтому они связывали революционизирование сознания английских рабочих, во-первых, с концом колониального владычества Англии, а во-вторых, с концом монопольного положения ее на мировом рынке. Монопольному положению Англии на мировом рынке конец уже пришел. Упадок колониального владычества Англии неумолимо совершается на наших глазах. Но экономические позиции Англии в бывших колониях — в Индии, Пакистане, Бирме, Малайе, Цейлоне, в странах Ближнего и Среднего Востока еще сильны. Приток высоких прибылей из этих стран в метрополию еще происходит. Толика этих прибылей перепадает и верхушке английских рабочих.

Все это надо иметь в виду, когда мы рассматриваем перспективы развития противоречий в тех или иных странах. Кто закрывает глаза на эти факты, тот не марксист. Изучая процесс развития внутренних противоречий в США, нельзя забывать о таких фактах, что США фактически превратили многие страны Южной и Центральной Америки в колонии и полуколонии и безжалостно их грабят. Монополии США эксплуатируют, грабят страны Ближнего Востока. Они пытаются укрепить свои позиции на всех континентах. Следует помнить и то, что США на двух мировых войнах, на крови народов разбогатели, баснословно нажились.

Марксист должен учитывать все эти факты, когда рассматривает вопрос о материальных предпосылках социальной революции, об экономической почве, на которой зреют внутренние антагонизмы и социальные конфликты.

В эпоху империализма экономическое и политическое развитие идет крайне неравномерно, и созревание тех или иных стран для перехода к социализму также идет неравномерно. Степень зрелости той или иной страны для перехода к социализму доказывается не только теоретически, но и практически — борьбой рабочего класса, его способностью объединить вокруг себя народные массы и повести их за собой.

3. Характер закономерностей общественной жизни, развития общества

Открыв в производстве, в способе производства материальной жизни основу существования и развития общества, исторический материализм впервые научно установил внутренне необходимую связь между общественными явлениями, объяснил развитие общества как строго закономерный процесс. Тем самым он дал ключ к научному пониманию событий прошлого и настоящего и открыл возможность научного предвидения хода событий, перспективу развития человеческого общества.

«Как Дарвин положил конец воззрению на виды животных и растений, как на ничем не связанные, случайные, «богом созданные» и неизменяемые, и впервые поставил биологию на вполне научную почву, установив изменяемость видов и преемственность между ними,— так и Маркс положил конец воззрению на общество, как на механический агрегат индивидов, допускающий всякие изменения по воле начальства... возникающий и изменяющийся случайно, и впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественноисторический процесс»[1].

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 1, стр. 124—125.

Естественноисторический — это значит необходимый, закономерный, объективный процесс, обусловленный причинами, не зависящими от воли и сознания людей, хотя он и складывается из действий людей, обладающих волей и сознанием.

Современные буржуазные социологи и политические лидеры буржуазии все социальные перевороты, политические революции, национально-освободительные движения современной эпохи нередко объявляют результатом субъективных причин, результатом деятельности коммунистических партий и их вождей, результатом, как они называют, «подрывной» деятельности коммунистов. В действительности социальные, политические и национально-освободительные движения современности есть закономерный результат экономического и политического развития, результат общественного прогресса, подчиненного объективным законам, не зависящим от воли людей.

Всякий научный закон выражает объективную устойчивую связь, необходимые отношения между явлениями, процессами. Законы, изучаемые историческим материализмом и другими общественными науками, выражают необходимую и устойчивую связь между социальными явлениями, процессами. В противоположность единичному, случайному, лежащему на поверхности общественной жизни, общественный закон выражает всеобщую, существенную, необходимую внутреннюю связь явлений, их повторяемость. Он выражает обусловленность явлений, из которых одни выступают как причина, а другие как следствие. Хотя в ходе развития общества имеет место взаимодействие и явления, выступающие в данной связи как следствие, сами затем выступают как причины и могут оказывать обратное воздействие на породившую их основу, все же в историческом взаимодействии общественных явлений сохраняется примат, первенство, определяющее значение за материальными условиями и материальными движущими силами развития общества.

Социальный, например экономический, закон говорит, что, несмотря на исторические, национальные и другие особенности в разных странах, всюду, где возникал капитализм, капиталистический способ производства, возникали и противоположные классы — пролетариат и буржуазия — и развертывалась борьба между ними. В этом выражается всеобщая, необходимая и повторяющаяся связь явлений капиталистического общества.

Когда возникает конфликт между выросшими производительными силами и отживающими производственными отношениями, то рано или поздно наступает эпоха коренного переустройства общества, социальная революция. Так было в XVII—XVIII и XIX вв., когда совершался переход от феодализма к капитализму. Так происходит в нашу эпоху, когда совершается переход от капитализма к социализму. Этот переход — не

случайный, а экономически обусловленный, закономерный и неодолимый процесс.

Законы общественного развития являются объективными законами. Они не только не зависят от воли и сознания людей, но сами определяют волю, сознание и деятельность людей.

«Общество,— пишет Маркс,— даже если оно напало на след естественного закона своего развития,— а конечной целью моего сочинения является открытие экономического закона движения современного общества, — не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами. Но оно может сократить и смягчить муки родов.

... Моя точка зрения состоит в том, что я смотрю на развитие экономической общественной формации как на естественноисторический процесс...»[1].

Социальные законы различны: одни из них действуют во всех общественно-экономических формациях, другие присущи только формациям, основанным на антагонизме классов, и, наконец, существуют законы, свойственные только данной формации.

Такие законы, как закон об определяющей роли общественного бытия по отношению к общественному сознанию, об определяющей роли способа производства в строении и развитии общества, закон об определяющей роли производительных сил по отношению к производственным отношениям, закон о зависимости общественной надстройки от экономического базиса и некоторые другие, являются наиболее общими социальными законами и действуют во всех общественно-экономических формациях, хотя и неодинаково проявляют свое действие, в зависимости от конкретно-исторических условий отдельных формаций. Эти наиболее общие, т. е. социологические, законы проявляются в различных конкретно-исторических формах на каждой ступени развития общества. Они открыты, сформулированы Марксом и Энгельсом на основе изучения таких общественных формаций, как первобытнообщинный строй, рабство, феодализм, и особенно на основе всестороннего изучения капиталистической формации.

В отличие от законов, присущих всем общественно-экономическим формациям, закон борьбы классов как движущей силы истории свойствен лишь обществам, основанным на антагонизме классов. Этот закон не действовал в течение сотен тысячелетий существования первобытного общества. Он перестанет действовать, когда исчезнет деление общества на классы.

Многие буржуазные социологи, историки и политические деятели отрицают закон классовой борьбы и считают его выдумкой марксистов. В качестве аргумента они ссылаются на то, что этот закон, по признанию самих марксистов, не является всеобщим, его действие имеет ограниченные исторические рамки, а

[1] *К. Маркс.* Капитал, т. I. 1955, стр. 7—8.

признаком всякого закона является всеобщность. Но ведь всеобщность бывает разная. Так, законы биологии возникают и действуют лишь там, где есть жизнь. На Солнце эти законы не действуют. Они не действовали и на Земле, когда на ней не было жизни. Но кому же придет в голову на этом основании отрицать реальность биологических законов? То же самое и с законом классовой борьбы: он действует там, где есть враждебные общественные классы и антагонистические противоречия между ними. Он перестанет существовать вместе с исчезновением деления общества на классы.

Среди буржуазных социологов и особенно экономистов распространен взгляд, согласно которому законы капитализма считаются присущими всем ступеням развития общества. Исторически ограниченные условия существования и законы капиталистического общества идеологи буржуазии возводят во всеобщие и вечные. Маркс и Энгельс разоблачили этот ограниченный, антиисторический, т. е. метафизический, взгляд буржуазных социологов и экономистов и доказали, что капитализм есть лишь одна из исторически преходящих форм в развитии человечества. В этой связи Ф. Энгельс писал:

«Для нас так называемые «экономические законы» являются не вечными законами природы, но законами историческими, возникающими и исчезающими, а кодекс современной политической экономии, поскольку экономисты составили его объективно правильно, является для нас лишь совокупностью законов и условий, при которых только и может существовать современное буржуазное общество. Словом, это есть отвлеченное выражение и резюме условий производства и обмена современного буржуазного общества. Поэтому для нас ни один из этих законов, поскольку он выражает *чисто буржуазные отношения,* не старше современного буржуазного общества. Те законы, которые в известной мере имеют силу для всей предшествующей истории, выражают только такие отношения, которые являются общими для всякого общества, покоящегося на классовом господстве и на классовой эксплуатации»[1].

Если Маркс и Энгельс в свое время теоретически доказали исторический характер экономических отношений и законов, свойственных капиталистическому обществу, то с возникновением новой общественно-экономической формации, с победой социализма в СССР и торжеством социалистической революции в ряде других стран Европы и Азии практически доказана историческая ограниченность капитализма и действующих в условиях капитализма законов. Вместе с новым, социалистическим строем вступили в силу новые законы развития общества, присущие этой формации.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные письма, стр. 172.

В условиях социалистического общества продолжают действовать социологические законы, свойственные всем ступеням развития человечества. Вместе с тем в социалистическом обществе возникают новые, специфические законы, новые стимулы и движущие силы общественного развития, свойственные этому типу общественных отношений, исключающих эксплуатацию человека человеком и обеспечивающих рост материального благосостояния народа и всестороннее развитие каждой личности. Социалистический способ производства порождает отношения идейно-политического единства социалистического общества, союз рабочих и крестьян, дружбу и равноправие всех наций и народностей. С победой социалистического общественного строя происходит культурная революция, утверждается господство социалистической идеологии.

Подобно тому как капитализм в разных странах имел свои особенности, связанные с предшествующими историческими условиями развития этих стран, так и социалистические страны имеют свои особенности развития. Но подобно тому как особенности развития капитализма в разных странах (например, так называемый американский или прусский путь) не отменяли общих законов развития капитализма, открытых Марксом, так и особенности развития социализма в разных странах не только не отменяют, а предполагают действие общих законов социалистического общества. Главные закономерности, присущие всем странам, ставшим на путь социализма, указаны в исторической Декларации Московского совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран.

В силу того что общественно-экономические формации подчиняются в своем развитии не только действию специфических, свойственных только данной формации законов, но и общим социологическим законам, образуется связь, преемственность в развитии человеческого общества. Во всемирной истории, в истории общества существует не только прерывность, но и непрерывность, ибо каждая общественно-экономическая формация качественно отличается от другой, но между ними есть связь, единство, определяемые развитием производительных сил и действием общих социологических законов. Каждое последующее поколение получает в свое распоряжение производительные силы, созданные предшествующим поколением и служащие ему как бы сырым материалом для нового производства. Тем самым создается преемственная связь в истории людей, образуется история человечества, которая тем полнее становится историей человечества, чем больше разрастаются производительные силы людей и, следовательно, их общественные отношения [1].

Подобно тому как материалистическая диалектика наряду с наиболее общими законами развития содержит категории диа-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. V, стр. 284—285.

лектики, в которых также обобщены и отражены существенные связи между явлениями или процессами, исторический материализм наряду с указанными общими законами развития общества выработал ряд обобщающих понятий, категорий, отражающих общественные явления и процессы, наиболее существенное в них. К числу таких категорий относятся понятия: общественно-экономическая формация, общественное производство, условия материальной жизни общества, общественное бытие, общественное сознание и его формы, способ производства, экономическая структура общества, базис и надстройка общества, общественный класс, государство, революция, идеология и т. п.

Многие буржуазные социологи возражают против понятия закона и против общих понятий, категорий; они называют эти понятия фикциями, произвольными созданиями познающего ума. Верно, что понятия выработаны людьми, мышлением. Но научные категории — не фикции, они отражают, схватывают существенные стороны действительности и дают возможность глубже понять тот или иной процесс. Эти категории вырабатываются в процессе познания, в процессе исторической практики и в практике проверяются и уточняются.

Общественная жизнь, взятая в ее историческом развитии, бесконечно многообразна. В процессе познания общественной науки, историческим материализмом будут в дополнение к существующим вырабатываться и новые понятия, категории, чтобы отразить новые явления и процессы.

4. Историческая закономерность и сознательная деятельность людей. Свобода и необходимость

Буржуазные социологи обвиняют сторонников исторического материализма в фатализме. Они утверждают, что исторический материализм, рассматривая общественное развитие как естественноисторический закономерный процесс, отрицает якобы роль активной сознательной деятельности людей и обрекает их на пассивность, сеет фатализм. На самом же деле исторический материализм не имеет ничего общего с фатализмом и квиетизмом. Больше того, исторический материализм всегда был и остается врагом фаталистических теорий, толкающих людей, передовые общественные силы на пассивность, на бездействие. Об этом свидетельствуют как весь дух, существо теории, так и практика марксизма. Открыв законы общественной жизни, истории общества, марксизм впервые научно объяснил деятельность больших масс людей, народов, общественных классов. Открыв законы классовой борьбы, законы социальной революции, законы строительства социализма и коммунизма, марксизм, исторический материализм, обеспечил прочную теоретическую, научную основу для

созидательной деятельности рабочего класса, вооружил авангард этого класса — марксистские партии знанием этих законов.

Разве объективные законы физики, химии, биологии мешают людям покорять силы природы? Конечно, нет. Наоборот, незнание или игнорирование этих законов сделало бы невозможной целесообразную, достигающую ожидаемых результатов деятельность людей. Законы природы и познание их дают возможность обществу подчинять себе силы природы. Об этом свидетельствуют развитие машинной техники промышленного производства, создание гигантских гидроэлектростанций, использование атомной энергии, космические полеты и т. д. Так и существование объективных законов развития общества и познание их есть условие, дающее возможность успешной созидательной исторической деятельности людей. Люди; народы, общественные классы, не зная законов развития общества, лишь ощупью прокладывали себе дорогу вперед. Во времена прежних социальных революций, когда массы поднимались на борьбу против отживающих общественных форм, отсутствие знания законов развития общества, законов революций приводило к тому, что нередко результаты этих революций были неожиданными и в некоторых отношениях даже противоположными тем целям, которые массы преследовали в борьбе. Конечно, дело было не только в незнании законов, но и в характере самих объективных процессов развития общества, обусловливавших в то время стихийность экономического развития и невозможность уничтожения всякой эксплуатации. Но бесспорно, что незнание законов общественного развития, темнота и забитость трудящихся масс являлись серьезной преградой на пути их освобождения.

В нашу эпоху многомиллионные массы трудящихся уже сбросили в одних странах или сбрасывают с себя в других странах оковы классового и национального гнета. Ход исторического развития неизмеримо ускорился. Это объясняется рядом причин: высоким уровнем развития производительных сил, дающим материальную возможность освободиться от эксплуатации и эксплуататоров, тем, что в движение пришли гигантские массы людей, что во главе народных масс стоит самый революционный и организованный из всех угнетенных классов — пролетариат, тем, что рабочим классом руководят марксистские партии, вооруженные знанием законов развития общества, законов борьбы за социализм. Коммунистические партии вооружают рабочий класс и всех трудящихся знанием законов развития общества, умением использовать эти законы в борьбе против капитализма, за коммунизм. И это одна из важнейших причин, вследствие которых уровень сознания масс стал неизмеримо выше, чем в прежние эпохи.

Между признанием исторической закономерности, необходимости и признанием значения исторической деятельности людей

нет противоречия. Если люди, общественные классы действуют не вопреки закономерностям общества, а в направлении развития общества, то их деятельность плодотворна.

Другое дело, если тот или иной отживающий класс пришел в конфликт с ходом истории, с ее законами и стремится задержать ход истории, «отменить» законы поступательного развития общества, законы исторического прогресса. Как показывает исторический опыт, такие классы всегда в конечном итоге терпят поражение. Так было с защитниками феодального строя — аристократами-помещиками. Так в нашу эпоху происходит дело с отживающей свой век буржуазией, стремящейся повернуть колесо истории вспять, предотвратить развитие сил социализма, победу нового, социалистического общества. Опыт истории говорит, что это безнадежная затея. Исторический процесс необратим. Развитие общества всегда шло и идет по восходящей линии, от низших форм к высшим. Победу (если говорить не о временной, а об окончательной победе) одерживают прогрессивные силы, действующие в соответствии с потребностями развития материальной жизни общества.

В нашу эпоху силы социализма определяют направление исторического развития. Коммунизм — это будущее всего человечества. Идеологи и политические представители буржуазии пытаются опровергнуть эту истину. Но законы общественного развития и борьба народов сильнее буржуазии.

Буржуазные социологи, критики марксизма утверждают, что марксизм страдает внутренним противоречием: марксисты говорят, что социализм является следствием действия необходимых законов, и одновременно организуют партию для осуществления социальной революции. Одно исключает другое, говорят критики марксизма. Английский буржуазный социолог Карл Федерн в книге «Материалистическая концепция истории» пишет: «Если бы социализм должен был появиться согласно закону, то не было бы необходимости требовать его. Если бы социализм был действительно неизбежен и являлся следующей стадией в эволюции общества, то не было бы необходимости в социалистической теории и еще менее в социалистической партии. Никто не основывает партии, чтобы осуществить весну и лето»[1]. Этот

[1] Любопытно, что и Честер Боулс, автор книги «Новые проблемы мира» (Нью-Йорк, 1955), выдвигает подобный же довод против марксизма. Он пишет: «Осталось неясным также и разрешение другой важной двусмысленности марксистского мировоззрения. Маркс призывал, организовывал и толкал своих последователей на борьбу за социализм и в то же время старался показать, что он неминуем. Но какой же смысл работать и жертвовать собой во имя того, что и так уже предопределено?» (стр. 34).

Честер Боулс, бывший посол США в Индии, крупный капиталист, совладелец рекламной компании «Бентон энд Боулс», ныне один из сотрудников госдепартамента США, является видным идеологом американской буржуазии. Но он изучал марксизм по популярным пересказам буржуазных профес-

довод не нов. Еще в конце прошлого века его выдвигал критик марксизма кантианец Штаммлер. Федерну, как и Штаммлеру, кажется, что они своей аргументацией насмерть поразили марксизм и марксистов. На деле же их критика бьет мимо цели.

В природе явления происходят помимо воли и деятельности людей. Хотят люди или не хотят, независимо от их желания день будет сменяться ночью, весна — летом, а лето — осенью. В эти процессы деятельность людей не входит. Иное дело — история. Она делается людьми, и только людьми. И разве безразлично, действуют ли люди со знанием законов развития общества или вслепую, разрозненно или организованно, стихийно или сознательно? Стоит только вдуматься в эти вопросы, чтобы стало ясно, что критики марксизма бьют мимо цели. Наличие объективных законов и знание законов общественного развития, овладение этими законами дают возможность слепую, непознанную необходимость превратить в познанную, т. е. в свободу.

«Не в воображаемой независимости от законов природы заключается свобода, а в познании этих законов и в основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы действовать для определенных целей. Это относится как к законам внешней природы, так и к законам, управляющим телесным и духовным бытием самого человека,— два класса законов, которые мы можем отделять один от другого самое большее в нашем представлении, отнюдь не в действительности. Свобода

соров, специализирующихся на «критике» марксизма. «Капитал» Маркса и труды Ленина Боулсу изучать некогда. И так как он диалектическую логику не знает, то он увидел «неразрешимые противоречия» в марксизме. Но эти противоречия существуют не в марксизме, а в голове Боулса и буржуазных профессоров.

Маркс, создавая свои труды — теоретические и пропагандистские, воспитывал, просвещал и организовывал рабочий класс, а не «толкал». Это во-первых. Во-вторых, между учением об исторической неизбежности тех или иных событий (например, революций) и активностью и сознательностью участников этих событий нет противоречия. Чем больше сознают, понимают массы рабочего класса неизбежность социалистической революции, чем более они организованы, чем с большим энтузиазмом они борются за наступление этой революции, тем ближе ее победа. И наоборот, чем меньше рабочие понимают неизбежность и необходимость социалистической революции, тем меньше они организованны, тем слабее их воля и деятельность, тем больше они находятся во власти чуждых им идей.

Для успеха революции недостаточно одного желания. Для этого необходимы и объективные условия и зрелость рабочего класса — главного субъекта социалистической революции. Маркс открыл законы неизбежности социалистической революции. Он много сделал для ее приближения и страстно желал ее наступления. Но все же она во времена Маркса не наступила. Первая битва рабочего класса за социализм была потоплена «гуманнейшей» буржуазией в крови (Парижская коммуна 1871 г.). Пока не созрели объективные и субъективные предпосылки социалистической революции, ее не могут вызвать даже такие исполины мысли и революционного дела, как Маркс. А когда эти предпосылки созрели, уже ничто не может помешать торжеству идей социализма. Социалистические идеи, овладев умами масс, становятся несокрушимой силой.

воли означает, следовательно, не что иное, как способность принимать решения со знанием дела. Таким образом, чем *свободнее* суждение человека по отношению к определенному вопросу, с тем большей *необходимостью* будет определяться содержание этого суждения, тогда как неуверенность, имеющая в своей основе незнание и выбирающая как будто произвольно между многими различными и противоречащими друг другу возможными решениями, тем самым доказывает свою несвободу, свою подчиненность тому предмету, который она как раз должна была бы подчинить себе. Свобода, следовательно, состоит в основанном на познании необходимостей природы (Naturnotwendigkeiten) господстве над нами самими и над внешней природой, она поэтому является необходимым продуктом исторического развития»[1].

То, что сказано Энгельсом о законах природы, в полной мере относится и к социальным законам, к отношению свободы и необходимости в общественной жизни. Социальные законы, пока они не познаны и пока люди действуют вопреки им, выступают как враждебные людям стихийные силы. Но после того как эти законы познаны и стали известны их природа, их действие и направление этого действия, у людей появилась возможность овладеть ими. В условиях социализма народные массы, руководимые марксистской партией, в состоянии все более и более подчинять их своей воле и вследствие этого во все возрастающей мере достигать своих целей.

Так исторический материализм диалектически и в духе строгого детерминизма разрешает старый философский вопрос о свободе и необходимости.

Развитие производительных сил в капиталистическом обществе, как известно, сопровождается периодическими экономическими кризисами, которые неизбежны при частной капиталистической собственности на средства производства. Современные производительные силы требуют ликвидации частной собственности на средства производства, планомерного их использования обществом. В условиях социализма в соответствии с познанными законами развития современных производительных сил установлены социалистические производственные отношения, при которых нет экономических кризисов; движение производительных сил в соответствии с экономическими законами планомерно направляется здесь обществом. В этом выразилось превращение слепой необходимости в свободу.

Буржуазные экономисты и политические деятели ищут объяснения «экономического чуда» в СССР — превращения в короткий исторический срок экономически отсталой страны в передовую индустриальную державу, вызвавшую на экономическое соревнование самую развитую страну капитализма — США. Много

[1] *Ф. Энгельс.* Анти-Дюринг, стр. 107.

разных нелепостей наговорили теоретики и политические представители буржуазии. А секрет заключается в социалистической природе хозяйства, в сознательном использовании социалистическим обществом экономических законов, в превращении слепой необходимости, господствующей при капитализме, в царство свободы при социализме. Коммунистическая партия, опираясь на теорию марксизма-ленинизма, на знание законов и движущих сил развития общества, разрабатывает научно обоснованную политику строительства социализма и коммунизма. Эта политика партии направляет творческую деятельность миллионов.

5. Партийность исторического материализма

Важнейший вопрос общественной науки — это взаимоотношение теории и политики, теории и классовых, партийных интересов, теории и практики борьбы классов. Внепартийной, внеклассовой или надклассовой общественной науки, общественной теории нет и не может быть в классовом обществе. Когда заходит речь о таких предметах общественных наук, как прибавочная стоимость, эксплуатация, классовая борьба, государство, право, революция, то какое здесь может быть классовое беспристрастие? Разве в классовом обществе могут быть люди, витающие над классами и не заинтересованные в том или ином решении этих вопросов? Таких людей нет и не бывает.

В нашу великую эпоху классовых битв, эпоху перехода человечества от капитализма к социализму, даже общие теоретические вопросы наук о природе — физики, биологии и др.— являются ареной идеологической борьбы, так или иначе отражающей борьбу классов. Это тем более относится к философии и к общественным наукам, в том числе и к социологии.

Странно слышать в наше время рассуждения ревизионистов об «устарелости» деления философии и социологии на материализм и идеализм. Идеализм и материализм остаются и ныне двумя основными партиями в философии и социологии; эти два основных направления отражают борьбу классов — буржуазии и рабочего класса.

Партийность общественных наук ныне приобрела большее значение, чем в какую-либо другую историческую эпоху. Вся буржуазная социология и историография в наше время ставит перед собой в качестве главной задачи борьбу против марксизма, против материализма, против коммунизма. И в этом явно обнаруживается классовость, партийность буржуазной социологии.

Но не противоречит ли партийность в науке самой цели, задаче науки — объективности исследования, открытию объективной истины, не зависящей от человека и человечества? Нет, конечно.

Партийность партийности рознь. Разная бывает партийность. Партийность реакционных классов исключает возможность объективного научного исследования, особенно тогда, когда речь идет о законах развития общества и выводах, вытекающих из этих законов. Реакционный класс и его теоретики неизбежно вступают в разлад с действительностью, с потребностями и законами развития общества, и потому они не в состоянии объективно оценивать явления, события, тенденции, ведущие этот класс к гибели. Эти события и процессы как бы говорят отживающему классу: помни о своем конце! В этих условиях для представителей реакционных классов объективное исследование законов и движущих сил развития общества невозможно.

Другое дело — класс передовой, восходящий, который в силу своего социального положения идет в ногу с историей. На него работает время, ему принадлежит будущее. Передовой класс не боится объективных законов, ведущих к гибели старого общества и к возникновению нового. У революционного класса нет конфликта с коренными тенденциями и законами общественного развития. Передовой, восходящий класс может смело смотреть истине, правде в глаза. Он заинтересован в объективной истине, в познании законов развития общества, чтобы успешнее преобразовывать его.

Как сказываются положение, интересы и борьба классов на научном исследовании, видно на истории общественной науки.

Познание законов и движущих сил общественного развития долгое время затруднялось рядом причин, в том числе и сложностью самого предмета исследования человеческого общества.

Однако не только в этом состоит причина того, что законы общественного развития были открыты значительно позже, чем многие законы природы. Главным препятствием для познания этих законов вплоть до первой половины XIX в. была незрелость экономических и классовых отношений буржуазного общества. Когда классовые отношения буржуазного общества и их экономическая основа были еще недостаточно зрелы, их трудно было раскрыть. Поэтому даже такие выдающиеся представители буржуазной экономической науки, как А. Смит и Д. Рикардо, не пошли дальше начальных стадий раскрытия закона стоимости и анализа отношений в области распределения национального дохода. Но все же в то время, когда буржуазия была восходящим классом, ее идеологи, несмотря на трудности познания общественных явлений, шли к открытию некоторых законов общественной жизни, «нащупывали» законы капитализма, не видя его преходящего характера. Когда же история стала обнаруживать преходящий характер капитализма, позиция его идеологов в отношении познания законов общественного развития совершенно изменилась. Хотя экономические и классовые отношения буржуазного общества к этому времени уже

созрели, а связи между экономическими причинами и политическими следствиями упростились, представители буржуазной общественной науки сделали громадный шаг назад в их познании. Они стали больше думать не о беспристрастном, ни перед чем не останавливающемся исследовании социальных процессов, а о том, как защитить, сохранить капиталистический строй от нападок созревавших революционных сил. В этот период смелую научную мысль, свойственную таким ранним представителям буржуазной политической экономии, как Смит и Рикардо, заменяет жалкая апологетика, попытки оправдать капитализм. Это особенно характерно для современных буржуазных социологов и экономистов. Самая существенная причина бесплодности современных буржуазных социологов, их неспособности раскрыть закономерности общественной жизни заключается в классовой ограниченности и своекорыстии буржуазии и ее идеологов. Так как законы развития капиталистического общества все более и более обнаруживают себя не только как законы развития капитализма, но и как законы, ведущие его к гибели, то страх буржуазии и ее идеологических представителей перед этими законами сковывает их научную мысль.

В этом заключается главная причина того, что буржуазные социологи не пошли дальше плоских, поверхностных аналогий, ошибочно отождествляющих законы природы и законы общества, жизнь животного организма и историю общества, а в общем остались в плену всевозможных идеалистических истолкований истории, общественной жизни.

Современная буржуазная социология все чаще и чаще обращается к психике отдельной личности, пытаясь через нее разгадать тайны общественного бытия. Субъективизм стал наиболее характерной чертой современной буржуазной социологии и историографии. Даже непреложные исторические факты многими буржуазными историками взяты под сомнение. Не объективная истина и закон являются для этих историков целью и смыслом исторического познания, а субъективное их истолкование с точки зрения сегодняшнего дня.

Как только законы буржуазного общества стали обнаруживать себя как законы гибели этого общества, буржуазная социология и историография стали питать инстинктивное отвращение к законам социального развития. Если эти законы угрожают существованию капитализма и буржуазии, то долой эти законы! Такова скрытая логика современной буржуазной социологии[1].

[1] Насколько велика растерянность и беспомощность реакционной буржуазной общественной мысли, видно из книги профессора истории Колумбийского университета Генри Робертса «Россия и Америка» (Нью-Йорк, 1956). В ее подготовке принимали участие такие деятели, как Дж. Макклой — бывший заместитель военного министра, Честер Боулс, Аверелл Гарриман, Дж. Д. Рокфеллер, Гамильтон Фиш и др. Тем любопытней признание авторов

Исторический материализм, как и марксизм в целом, возник как теория и мировоззрение революционного пролетариата. Рабочий класс не заинтересован в увековечивании старого, отживающего, реакционного. Поэтому его вожди, теоретики, идеологи являются самыми смелыми, самыми бесстрашными революционерами и в науке и в политике. Партийность исторического материализма заключается в том, что он является научно-исторической основой марксизма, теорией революционной борьбы пролетариата и всех трудящихся за коммунизм. Законы и движущие силы, открытые и изучаемые историческим материализмом, объясняют причины поступательного, прогрессивного развития общества. В нашу эпоху развитие человеческого общества вперед означает движение к социализму, к коммунизму.

Буржуазная партийность ведет к субъективизму, к произволу в социологии, к извращению и фальсификации фактов и выводов в исторической науке, к отказу от подлинной науки.

Партийность пролетарская, коммунистическая идейность обеспечивают наиболее глубокое, наиболее объективное и всестороннее познание действительности, законов общественной жизни. Интересы рабочего класса совпадают с объективным ходом исторического развития. Пролетариат является последовательно революционным классом и в целях революционного преобразования общества заинтересован в объективном, т. е. истинном, познании. Вот почему подлинная научность и коммунистическая партийность совпадают.

Последовательный материализм в науке, который только и способен дать истинное, самое точное и глубокое познание как природы, так и общественной жизни, не отрицает, а включает в себя партийность. Противопоставляя буржуазному объективизму Струве марксистский материализм, Ленин писал:

«Объективист говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист констатирует с точностью данную обще-

---

этого «труда». Автор (или, вернее, авторы) вынужден признать, что коммунизм — это явление, порождаемое глубокими внутренними противоречиями капиталистических стран. «Противоречия,— пишет Робертс,— коренятся в ряде сугубо внутренних явлений, в некоторых слабостях, недостатках и разладе, имеющих место в некоммунистических странах, которые могут в угрожающей степени повысить их уязвимость. При этом труднее всего бороться именно с этими источниками уязвимости и даже трудно их понять. Мы можем строить на этот счет различные гипотезы и частично познать их сущность, *но все же мы не знаем, что определяет развитие человеческого общества.* Мы не уверены, какие показатели являются наиболее важными. Рост и распределение дохода на душу населения? Посещаемость церковных служб? Степень преступности? Процент смертности и состояние здоровья населения? Участие в выборах? Развитие всех искусств? Еще меньше мы знаем о «причинах» изменения этих показателей» (стр. 146).

Можно ли представить себе большую сумятицу и неразбериху в голове, чем та, о которой свидетельствует признание почтенного профессора истории?!

ственно-экономическую формацию и порождаемые ею антагонистические отношения. Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения. Объективист говорит о «непреодолимых исторических тенденциях»; материалист говорит о том классе, который «заведует» данным экономическим порядком, создавая такие-то формы противодействия других классов. Таким образом, материалист, с одной стороны, последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм. Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, *какой именно класс* определяет эту необходимость...С другой стороны, материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события, прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы» [1].

В современных условиях, когда мир раскололся на два лагеря — лагерь социализма, возглавляемый Советским Союзом, и лагерь империалистической реакции,— пролетарская, коммунистическая партийность и интересы подлинной науки требуют, чтобы тот, кто изучает общественные явления, рассматривал их с точки зрения борьбы трудящихся за мир, за демократию, за коммунизм [2].

Исторический материализм дает марксистским партиям и всем трудящимся возможность срывать все и всяческие маски с врагов рабочего класса, с врагов мира, демократии и социализма, обнаруживать за словесной шелухой, за псевдоученой «социологической» схоластикой своекорыстные интересы и цели буржуазии.

Единство науки и практической деятельности в интересах трудящихся, связь теории с практикой являются путеводной звездой для всех марксистских партий. В этом их великое преимущество перед врагами. Марксистско-ленинская наука о законах общественного развития — исторический материализм дает возможность правильно понять не только прошлое и не только

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 1, стр. 380—381.

[2] К чему ведет попытка стать над классами и борющимися партиями в современной политической и идеологической борьбе, видно по произведениям современных ревизионистов. Отход от марксизма и измена марксизму привели ревизионистов к тому, что они затушевывают главное противоречие нашей эпохи — противоречие двух мировых систем: системы социализма и капитализма. А не видя этого главного противоречия, нельзя ничего понять в современной политической и идеологической борьбе, происходящей во всем мире. Отход от пролетарской, коммунистической партийности привел ревизионистов к буржуазным воззрениям на государство, к идеализации капитализма и буржуазной демократии и попыткам перенести закономерности буржуазного общества на социалистические страны. Отход от коммунистической партийности ведет к отказу от истины, к субъективизму.

то, что имеет место сегодня, но и видеть то, что будет завтра, научно предвидеть ход событий, направление развития и, руководствуясь научным предвидением, плодотворно и успешно действовать.

В марксистско-ленинской науке об обществе коммунистические партии, рабочий класс и все трудящиеся черпают уверенность в победе труда над капиталом, обретают ясность перспективы, находят теоретическое оружие для борьбы за освобождение от всякой эксплуатации, за торжество коммунизма.

Важнейшим условием революционной действенности исторического материализма является, как уже отмечалось выше, конкретно-исторический подход к явлениям. Абстрактно-догматический подход к явлениям омертвляет исторический материализм, притупляет его революционное острие. Принцип конкретно-исторического подхода требует творческого применения и развития исторического материализма.

История общества, общественная жизнь есть самый изменяющийся, подвижный предмет научного исследования. Поэтому даже такая общетеоретическая наука, как исторический материализм, изучающая самые общие законы развития общества, не может стоять и не стоит на месте, а развивается. Как и марксизм в целом, она обогащается новыми открытиями, обобщениями на основе изучения новых явлений, процессов, новых событий. Как общефилософский материализм развивается и обогащается в связи с великими открытиями, делающими эпоху в естествознании, так и исторический материализм развивается в связи с развитием общественных наук, данные которых он обобщает, в связи с великими историческими событиями, дающими ценнейший материал для новых теоретических обобщений.

В эпоху Маркса и Энгельса капитализм шел еще по восходящей линии. В конце XIX и начале XX в. капитализм вступил в полосу нисходящей линии развития. Современный капитализм переживает глубочайший кризис, от которого он уже никогда не сможет оправиться. Великими, всемирно-исторического значения событиями являются Великая Октябрьская социалистическая революция и построение социализма в СССР, победа социалистической революции в Китае и в ряде других стран Европы и Азии, превращение социализма в мировую систему.

В. И. Ленин в своих гениальных трудах дал дальнейшее развитие и конкретизацию основных положений исторического материализма на основе анализа и обобщения данных эпохи империализма, на основе анализа закономерностей социалистической революции и первого периода развития советского общества. Понятие общественно-экономической формации, взаимоотношение общих, особенных и частных законов развития общества, законы развития производительных сил и производственных отношений, взаимоотношение базиса и надстройки, учение

о государстве и диктатуре пролетариата, о классовой борьбе и национально-освободительном движении, о социалистической революции, соотношение объективных условий и сознательной деятельности людей, объективного и субъективного факторов в общественной жизни, роль передовых общественных идей и теорий в развитии общества, анализ условий возникновения марксизма и внесения идей научного социализма в рабочее движение, взаимоотношение теории и практики, сущность и развитие искусства и литературы, законы взаимоотношения масс, классов, партий и вождей, руководителей, закономерности складывающейся новой, коммунистической общественно-экономической формации — все эти проблемы, законы, категории исторического материализма получили в трудах Ленина дальнейшее обогащение, развитие и обоснование. Поэтому труды Ленина знаменуют собой новый, высший этап в развитии исторического материализма.

В развитии марксизма-ленинизма, а следовательно, и исторического материализма после смерти Ленина имеют огромное теоретическое значение вся теоретическая и практическая деятельность КПСС и других братских коммунистических и рабочих партий. Велики заслуги КПСС, ее Центрального Комитета в разработке коренных проблем современности, поставленных ходом всего мирового развития, развитием Советского Союза, задачами перехода от социализма к коммунизму, развитием мировой системы социализма.

Программа КПСС представляет собой новый, высший этап в творческом развитии марксизма-ленинизма. В Программе дано философское и экономическое обоснование перехода от социализма к коммунизму, дан блестящий анализ закономерностей и движущих сил развития социалистического общества к коммунизму.

Творческое применение метода исторического материализма к анализу новых явлений, новых процессов обогатило сам исторический материализм.

Современные критики марксизма из лагеря буржуазии и ревизионистов стремятся подчеркнуть, что марксизм и исторический материализм созданы Марксом в середине прошлого века, а за это время капитализм изменился. Из этого ревизионисты делают вывод, что марксизм, исторический материализм «устарел», перестал соответствовать действительности.

Верно, что капитализм изменился, но не так и не в ту сторону, как думают теоретики буржуазии и ревизионисты. Он изменился не в сторону сглаживания своих противоречий, а в сторону их углубления и обострения. Эти изменения были подвергнуты теоретическому анализу в трудах Ленина и его учеников. В работах Ленина были подвергнуты критике буржуазные теории эпохи империализма, взгляды ревизионистов и догматиков. Разве Ленин и ленинцы не вели и не ведут борьбу с догмати-

ками, с теми, кто не видит нового, возникающего в жизни? Но эту борьбу они вели и ведут с позиций последовательного, творческого марксизма. Ревизионисты же под флагом анализа новых явлений изменяют принципам, революционной сущности марксизма, переходят на сторону буржуазии. Все события, происшедшие за 100 с лишним лет со времени возникновения исторического материализма, целиком подтвердили правоту, истинность, объективность исторического материализма.

Современные ревизионисты, изменяя принципам пролетарской партийности марксистской общественной науки, пытаются пересмотреть важнейшие принципы исторического материализма: теорию классовой борьбы, учение о государстве и диктатуре рабочего класса, материалистическое понимание взаимоотношения базиса и надстройки, принижают роль субъективного фактора в развитии общества. Ревизионисты игнорируют положение Ленина:

«Марксизм отличается от всех других социалистических теорий замечательным соединением полной научной трезвости в анализе объективного положения вещей и объективного хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс,— а также, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий, умеющих нащупать и реализовать связь с теми или иными классами» [1].

Современные ревизионисты пытаются стереть грань, пропасть, отделяющую марксизм, исторический материализм от буржуазной социологии. Ревизионисты утверждают, что положения марксистской общественной науки получили такое широкое распространение в исторической науке, в социологии, что сейчас будто бы уже нельзя говорить о марксизме, историческом материализме как особом направлении, отличном от буржуазной науки. Такое утверждение не соответствует действительности. Конечно, буржуазные теоретики, критикуя марксизм, в то же время нередко пользуются теми или иными положениями Маркса, в том числе положением о роли экономических отношений в общественной жизни. Но Струве и другие «легальные марксисты» из лагеря русской и немецкой (Зомбарт) буржуазии тоже признавали роль экономики в развитии общества, однако это не помешало им оставаться идеологами буржуазии, противниками марксизма, исторического материализма. Главное, что характеризует всю современную буржуазную социологию,— это ее антимарксистская, антиматериалистическая направленность. И натуралистические, и психологические, и открыто идеалистические направления буржуазной социологии так или иначе защищают капитализм, борются против социализма, против марксизма.

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 13, стр. 21—22.

Поэтому смешны и вредны предложения ревизионистов «дополнить», «обогатить» исторический материализм выводами, «приобретениями», «открытиями» современной буржуазной социологии. У буржуазных историков и экономистов могут быть ценные исследования по частным конкретным вопросам. Что же касается теории, то это область мировоззрения, идеологии и здесь не могут не противостоять друг другу два исключающих друг друга взгляда: марксистско-ленинский и буржуазный, революционный и реакционный или в лучшем случае либерально-буржуазный. Об отношении марксистов к буржуазной общественной науке Ленин писал:

«*Ни единому* из этих профессоров, способных давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики, *нельзя верить ни в едином слове,* раз речь заходит о философии. Почему? По той же причине, по которой *ни единому* профессору политической экономии, способному давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований, нельзя верить *ни в одном слове,* раз речь заходит об общей теории политической экономии. Ибо эта последняя — такая же *партийная* наука в современном обществе, как и *гносеология.* В общем и целом профессора-экономисты не что иное, как ученые приказчики класса капиталистов, и профессора философии — ученые приказчики теологов.

Задача марксистов и тут и там суметь усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими «приказчиками» (вы не сделаете, например, ни шагу в области изучения новых экономических явлений, не пользуясь трудами этих приказчиков), — и *уметь* отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести *свою* линию и бороться *со всей линией* враждебных нам сил и классов. Вот этого-то и не сумели наши махисты, *рабски* следующие за реакционной профессорской философией»[1].

То, что здесь Лениным сказано о махистах, целиком относится к современным ревизионистам, заигрывающим с буржуазной политической экономией и социологией. Факты, частные конкретные данные, приводимые буржуазными учеными, марксистам можно и нужно использовать, хотя и их следует тщательно проверять. Но в социологических обобщениях, в теории, в учении о закономерностях развития общества марксистам надо проводить свою партийную, последовательно научную, т. е. диалектико-материалистическую линию.

Как и при жизни Ленина, задача марксистов и сегодня состоит в борьбе на два фронта: против догматиков, стремящихся превратить исторический материализм в мертвую схему, и против ревизионистов, извращающих исторический материализм в духе буржуазной социологии.

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 14, стр. 327—328.

ГЛАВА XI

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО — ОСНОВА ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

1. Роль труда в возникновении и жизни общества

Человеческое общество, как уже отмечалось выше, представляет собой специфическую часть материального мира, подчиненную своим особым законам существования и развития. Человек не создан какой-то неведомой, сверхъестественной силой, он произошел из животного царства и поэтому является частью природы, ее высшим порождением. Долгий путь прошло человечество от первобытных каменных орудий до сложнейших исполинских современных машин, от древних стоянок и поселений из хижин и шалашей до нынешних больших городов, от бродячих небольших общин дикарей до великих наций, от скудных знаний древности до глубокого научного проникновения в тайны природы. Основой и определяющей силой поступательного развития общества от первобытных времен до наших дней является труд, материальное производство.

Производство материальных благ — это главное, решающее условие человеческой жизни. Чтобы жить, люди должны иметь пищу, одежду, жилище, топливо и т. д. А чтобы иметь средства существования, нужно их производить.

Люди выделились из животного мира и достигли успехов в овладении силами природы и в развитии культуры именно благодаря производству материальных благ. Животные, поедая растения или других животных, пользуются средствами существования, которые они находят готовыми в природе. Поэтому животные находятся в полной зависимости от окружающей природы. Изменения в животном мире, пока не сказалось преобразующее воздействие людей, происходили лишь в силу стихийных биологических процессов под влиянием изменения естественных условий существования животных. Человек не пассивно приспосабливается к природе, а активно воздействует на нее, посредством труда он овладевает силами природы и использует их в своих целях. Люди преобразуют вещества природы, изготов-

ляя из них орудия труда и средства своего существования. Этим человек коренным образом отличается от животных.

Труд есть целесообразная деятельность людей, в процессе которой они преобразуют и приспосабливают предметы природы для удовлетворения своих потребностей. Необходимым условием труда является создание орудий производства. Муравьи, пчелы, бобры совершают ряд операций, внешне сходных с трудовыми действиями людей. Человекоподобные обезьяны нередко пользуются камнем или палкой для метания или удара, чтобы сбить плоды с дерева или даже раздробить скорлупу кокосового ореха. Но ни одно животное никогда не создало никакого, даже самого примитивного, орудия производства. Создание и употребление орудий производства составляет характерную особенность человека. Человек есть животное, делающее орудия труда, говорил Франклин. Это определение правильно схватывает ту особенность человека, которая дала ему возможность из раба природы превратиться в существо, подчиняющее себе природу.

При помощи орудий производства человек как бы удлиняет естественные размеры своих органов, усиливает их действие. Своеобразным искусственным продолжением и дополнением кулака явился обработанный камень, вытянутой руки — палка, зубов и ногтей — ножи и другие режущие орудия, пальцев руки и ладони — грабли и лопата. Общественное производство и начинается с изготовления и употребления орудий труда.

Всякий процесс производства предполагает следующие три момента: 1) целесообразную деятельность человека, т. е. труд; 2) предмет труда; 3) орудия труда, при помощи которых человек воздействует на предмет труда.

Действуя на природу в процессе производства, преобразуя предметы природы применительно к своим потребностям и целям, человек совершенствует свои навыки к труду, свой производственный опыт, свое умение овладевать силами природы, развивает свои природные способности. Вследствие длительного упражнения организм человека приспособлялся к трудовым операциям, совершенствовались его органы. С первобытных времен в процессе труда рука человека специализировалась на многообразных движениях, развивались его физические и умственные способности, мозг и органы чувств.

Социологи-идеалисты утверждают, что изначальной силой становления человеческого общества явился разум. Так, американский социолог Страус-Хюпе пишет: «...Сознание очеловечивает стадо и превращает его в человеческое общество» [1].

Общеизвестно, что сознание, целесообразность являются важнейшей особенностью деятельности человека, отличающей ее от инстинктивных действий животных. Сознание играет громадную

[1] *R. Strausz-Hupé.* The Zone of Indifference. N. Y., 1952, p. 15.

роль в жизни и развитии общества. Но человеческое сознание само является продуктом общественного развития и не может считаться причиной возникновения общества. Люди произошли от самой высокоразвитой породы обезьяноподобных предков, но сознание первобытных обезьяноподобных людей было крайне примитивным. Только в труде, в общественном производстве и благодаря производству это сознание развивалось, достигнув той ступени, которая нас восхищает и удивляет.

Совместный труд сплачивал людей, делал их постоянное общение жизненно необходимым. Общение, вызываемое общностью трудовых процессов, породило у людей потребность изъясняться друг с другом, передавать друг другу свои желания, намерения, цели. Общественный труд невозможен без согласованности действий. Средством связи и общения между людьми явился язык. Наряду с развитием речи и вместе с ней под влиянием общественного производства развивалось человеческое мышление. Мышление не получило бы развития, если бы у людей не было необходимости осмыслить совместный производственный процесс, распознать свойства вещей как предметов труда, обдумать, наметить последующие процессы труда. Непрерывно совершающийся процесс производства ставил вопросы, задачи перед мышлением и тем самым побуждал его к развитию. В животном царстве действуют инстинкт и инстинктивное приспособление к окружающей природной среде. У человека в обществе решающее значение приобретает труд, целенаправленная деятельность.

Явившись продуктом общественного развития, мышление и язык оказали могущественное влияние на все общественное развитие. Благодаря мышлению и речи возможны согласованность трудовых действий, передача производственного опыта и навыков, накопление технических достижений, усвоение новыми поколениями успехов своих предков и т. д. Благодаря им раздвинулись рамки общественного производства и общественной жизни.

Таким образом, всеми успехами в подчинении себе природы, в совершенствовании своих физических и умственных способностей, в возникновении и развитии общественных связей люди обязаны труду. Это дает основание утверждать, что в известном смысле труд создал самого человека и человеческое общество. С того времени, когда труд стал источником существования людей, началась история человеческого общества. Материальная производственная деятельность людей явилась основой возникновения и развития общественных связей и отношений, т. е. человеческого общества. Поэтому можно сказать, что труд очеловечил стадо и превратил его в человеческое общество.

Материальное производство, составляющее основу общественной жизни, осуществляется при определенных естественных условиях. Необходимыми условиями материального производ-

ства и развития общества являются: 1) окружающая людей природа, представляющая собой постоянное естественное условие создания ими средств существования и средств труда; 2) рост народонаселения, представляющий собой условие воспроизводства самих производителей материальных благ.

2. Природа и общество

Процесс труда представляет взаимодействие между обществом и природой. Вне природы невозможен процесс производства материальных благ. Доставляемые природой или извлекаемые человеком из природы вещества служат предметом труда. Орудия производства изготовляются также из материалов природы. Стало быть, природа представляет первоисточник всех средств и предметов труда.

Природные условия в зависимости от их роли в процессе материального производства подразделяются на два вида: 1) естественные источники средств жизни (плодородие почвы, обилие диких животных, рыбы и т. п.); 2) естественное богатство средствами труда (металлы, уголь, нефть, дерево, строительный камень, энергия воды, ветра и т. п.).

На различных ступенях истории изменяется значение этих двух видов естественных богатств в жизни и развитии общества. В древние времена сравнительно более благоприятными для развития общества были районы, богатые естественными источниками средств жизни. Плодородные области Египта, Месопотамии, Индии, Китая, Средней Азии, Закавказья, Средиземноморского бассейна были древнейшими центрами цивилизации. С развитием техники, особенно с появлением машинной индустрии, на некоторый исторический период более благоприятными для экономического развития стали районы, богатые металлом, топливом, гидроэнергией и т. п.

Так называемое перемещение центров цивилизации, по видимости вызываемое условиями географической среды, на деле было результатом развития материального производства. Районы Северной Америки и Западной Европы с большими запасами металла, угля, источников электроэнергии были некогда отсталыми, так как люди еще не умели использовать эти естественные богатства. Лишь с развитием и совершенствованием материального производства оживали эти районы. Богатства природы ставятся на службу человеку по мере развития общественных производительных сил.

Воздействие географической среды на развитие общества выражается, во-первых, в том, что природа является как бы естественной кладовой пищи и естественным «арсеналом» орудий труда (камень для удара или метания, дерево и т. п.). Но так

обстоит дело лишь на самых ранних ступенях развития общества. Чем дальше, тем больше эта роль естественной кладовой пищи и арсенала орудий труда отходит на задний план и все большее значение приобретает географическая среда в целом как арена труда, как источник материалов для создания все более совершенных средств производства.

Географическая среда влияет на размещение и развитие различных отраслей производства. На плодородных землях развивалось земледелие. В районах, удобных как пастбища, распространялось скотоводство. Без лесов не могла появиться деревообрабатывающая промышленность. Без металла и топлива нельзя было создать металлургическую индустрию.

Дальше. Природная обстановка либо затрудняет и замедляет материальное производство, либо облегчает и ускоряет его и тем самым оказывает влияние на рост производительности труда. В различных естественных условиях при одинаковой технической вооруженности труда результаты будут разные. «Различные естественные условия труда,— говорит Маркс,— приводят к тому, что то же самое количество труда удовлетворяет в различных странах неодинаковые массы потребностей, следовательно к тому, что при прочих сходных условиях необходимое рабочее время оказывается различным» [1]. При прочих равных условиях та географическая среда, где меньше затрачивается времени на изготовление продуктов, необходимых для жизни, ускоряет развитие производства, ибо здесь больше возможностей для расширения производства; и наоборот, в той географической среде, где человеку приходится затрачивать больше времени и труда для поддержания жизни, развитие производительных сил происходит медленнее.

Люди, воздействуя на природу, развивают свои способности. Борьба за овладение силами природы закаляет людей, делает их более изобретательными, заставляет их совершенствовать технику производства. Если бы люди находили все средства существования в природе в готовом виде, они не имели бы стимулов к развитию. Там, где природа слишком щедра, например в странах тропического климата, она как бы вела человека на помочах. Суровая естественная среда крайнего севера была также неблагоприятной для общественного прогресса. В странах холодного климата люди вынуждены затрачивать слишком много труда, чтобы создать самое необходимое для жизни. Маркс писал: «Не абсолютное плодородие почвы, а ее дифференцированность, разнообразие ее естественных продуктов составляет естественную основу общественного разделения труда; благодаря смене тех естественных условий, в которых приходится вести свое хозяйство человеку, это разнообразие способствует умножению его

[1] *К. Маркс*. Капитал, т. I, стр. 518.

собственных потребностей, способностей, средств и способов труда»[1].

На развитие общества оказывают влияние не только естественные ресурсы, но и географическое положение страны. Народы, живущие в стороне от исторически сложившихся экономических и культурных центров, обычно отстают в своем развитии. В таком положении находилась, например, Америка до открытия ее европейцами. Наоборот, благоприятное географическое местоположение для экономических и культурных связей между народами ускоряет прогресс.

Географическая среда всегда оказывает влияние на развитие общества, но степень этого влияния в различные исторические эпохи не одинакова. Развитие производства в большей мере зависело от природных условий в ранние времена человеческой истории. При высоком уровне развития производительных сил эта зависимость становится менее значительной. Например, при капитализме выросли промышленные центры в районах, отдаленных от источников сырья и потребления. Этому способствовало развитие транспорта и средств связи, передача электроэнергии на большие расстояния.

Чем выше уровень развития производства, тем всестороннее и многообразнее становятся связи человека с природой. Люди ставят себе на службу все новые и новые богатства и силы природы, которые раньше были им недоступны и даже неизвестны. Высвобождаясь из-под власти природы, человек не удаляется от нее, а все глубже познает и все больше использует ее в своих целях. В этом смысле зависимость человека от естественных ресурсов не исчезает, но господство человека над природой неуклонно возрастает. Например, когда не было моторов, двигателей внутреннего сгорания, не было зависимости человека от источников нефти. В то же время овладение этими источниками энергии и сырья дало человечеству новые средства покорения природы. Такова диалектика развития отношения общества к окружающей природе.

Географическая среда может либо ускорять, либо замедлять развитие производства, но не может служить причиной, определяющей изменения общественной жизни.

В социологии одним из распространенных направлений явился так называемый географический детерминизм. Представители этого направления объясняли общественное развитие и судьбы народов свойствами географической среды. Особенно широкое распространение географическое направление получило со времени великих географических открытий. Развитие капитализма, расширение торговых связей привело к проникновению европейцев в различные страны мира. Путешественники собрали

[1] *К. Маркс*. Капитал, т. I, стр. 517.

обширные сведения о климатических и других природных условиях различных стран, о своеобразии быта, культуры и нравов различных народов. Все это послужило толчком для исследования роли географических условий в жизни общества.

Учение о зависимости материальной и духовной жизни народов от условий географической среды настойчиво развивал известный французский философ-просветитель *Монтескье* (1689—1755). В противоположность феодально-церковным представлениям о зависимости жизни людей от божественного провидения Монтескье пытался объяснить общественные явления прежде всего естественными причинами. «Власть климата,— писал он в книге «О духе законов»,— сильнее всех властей». Характер жизни народов, их общественный строй Монтескье выводил прежде всего из особенностей климатических поясов. Самым благоприятным для развития общества он считал северный пояс. В поясе с жарким климатом тело человека расслабляется и лишается сил. Люди жаркого климата предпочитают выносить наказания, но не принуждать себя к деятельности. «Малодушие народов жаркого климата почти всегда приводило их к рабству, между тем как мужество народов холодного климата удерживало их в свободном состоянии. Все это — следствия, вытекающие из своей естественной причины».

Известный английский социолог *Бокль* (1821—1862) в труде «История цивилизации в Англии» утверждал, что четыре главных физических фактора определяют жизнь и судьбы человечества, а именно: климат, пища, почва и ландшафт, т. е. общий вид местности. В жарких странах природа, по уверению Бокля, отличается проявлением грозных и опасных сил, которые внушают жителям страх, действуют на их воображение, заглушают их рассудок. Поэтому цивилизация в этих странах строится не на рассудке, а на воображении, что ведет к невежеству, предрассудкам и делает подобную цивилизацию неполноценной. В этих странах человек полностью подчинен природе. В европейских странах силы природы проявляют себя более умеренно, не распаляют воображения людей, способствуют развитию рассудка и цивилизации. В жарких странах плодородие почвы выше, а жители потребляют меньше пищи, поэтому там образуется запас пищи и население быстрее размножается. Ввиду дешевизны пищи и быстрого приращения населения заработная плата в этих странах крайне низка. Географические факторы жаркого пояса будто бы неизбежно влекут за собой утверждение рабовладения. Бокль пытался доказать, что в европейских странах в силу особенностей географической среды богатство распределяется более равномерно и разница между классами не так велика, как в жарких странах.

Географическое направление в социологии хотя и отвергало богословско-идеалистические представления о боге, надмировом духе как первоисточнике общественного развития, но само не вышло за рамки идеалистического понимания истории. Признав определяющим такой материальный фактор, как географическая среда, сторонники этого направления все же обычно приходили к идеалистическим выводам о причинах изменения общественной жизни, так как пытались объяснить историю народов особенностями человеческой психики, якобы порожденными свойствами географической среды. Рабство, эксплуатацию и угнетение одних народов другими они считали результатом психических особенностей, порожденных якобы природными условиями.

Главная ошибка географического объяснения истории состоит в том, что оно игнорирует внутренние закономерности развития общества, диалектику общественного развития. Оно не замечает,

что человек не только живет среди природы, но и активно воздействует на нее, изменяет ее, создает себе новые условия существования. Объясняя развитие общества внешним фактором — географической средой, географическое направление в социологии в своих конечных выводах ведет к фатализму. Оно оказалось не в состоянии раскрыть действительные причины развития общества, движущие силы социальных изменений. Географический детерминизм не может объяснить, почему на одной и той же территории, при одних и тех же природных условиях происходят коренные изменения в общественной жизни? Почему при самых разнообразных географических условиях в разных частях света общество последовательно проходит в общем одинаковые ступени экономического развития, которым соответствуют определенные формы общественного устройства и общественного сознания?

Во всех странах первоначально существовал бесклассовый первобытнообщинный строй. Со временем появилась эксплуатация человека человеком, произошло разделение общества на классы. Ныне многие страны в разных частях света вступили на путь социализма. При всем громадном различии географической среды этих стран основные черты и главные этапы перехода к социализму у них сходны. Здесь обнаруживается общая историческая закономерность, определяемая, конечно, не географической средой, а социальными причинами, именно — сущностью новой общественно-экономической формации, которая приходит на смену капитализму. Даже своеобразные особенности строительства социализма в разных странах не могут быть выведены полностью из особенностей их географической среды, так как здесь играют несравненно большую роль особенности исторических условий.

Если формы общественной жизни исторически изменяются в сравнительно небольшие сроки, то основные условия природы (рельеф местности, климат, растительный и животный мир) остаются длительное время более или менее постоянными. Медленные и малозаметные естественные изменения географической среды не могли вызвать столь быстрые и столь крупные сдвиги и перевороты в общественной жизни.

Сторонники географического направления утверждали, будто народы Китая, Индии, Индонезии, Вьетнама природными условиями предрасположены к рабской жизни. Но народы этих стран развеяли басни об их покорности угнетателям, проявив величайшее мужество и упорство, неиссякаемую энергию и волю в борьбе за свое освобождение от колониального гнета и эксплуатации. Географическая среда, например Китая или Вьетнама, мало изменилась со времени Монтескье и Бокля, а общественные порядки, сознание, взгляды и поведение людей изменились коренным образом.

Наиболее заметные изменения в географической среде в обозримый исторический период вызваны вмешательством человека. Люди вырубили громадные площади леса и приспособили их для земледелия. Трудом людей созданы оросительные системы, бесплодные пространства многих пустынных и полупустынных областей превращены в плодородные поля. Многие животные и растения в своих современных формах являются продуктами не только природы, но и человеческого труда, искусственного отбора и культивирования. Люди переносят полезные растения и животных из одной страны в другую и таким образом изменяют животный и растительный мир целых континентов.

Длительное время люди не могли предвидеть отдаленные последствия своего воздействия на природу. Выкорчевывая леса под пашни, они не знали, что это ведет к обмелению рек и запустению целых областей от засухи. Хищническое хозяйничание вело к тому, что пахотные земли из-за эрозии почвы становились непригодными для земледелия. Лишь прогресс естествознания дает возможность предвидеть не только непосредственные результаты, но и сравнительно отдаленные последствия вмешательства общества в естественный ход развития природы.

Степень использования естественных богатств зависит, во-первых, от уровня техники и, во-вторых, от характера общественного строя. Известно, что природные богатства России всегда были велики и давали возможность для могучего и быстрого развития производительных сил. Но в условиях феодального и капиталистического строя природные богатства России оставались под спудом, и развитие хозяйства тогда происходило крайне медленно. Лишь в условиях социалистического строя и индустриализации страны рабочие и крестьяне смогли эффективно использовать природные богатства в целях быстрого экономического развития.

Разумеется, и при социализме люди далеко еще не управляют всеми силами природы, не могут, например, регулировать климатические условия, сокращать или увеличивать количество осадков, отодвигать или приближать время их выпадения на больших территориях. Но при социализме чем дальше, тем все в большей мере создаются реальные возможности лучше противодействовать неблагоприятным явлениям природы и всемерно использовать естественные факторы на благо общества. Общество все больше направляет усилия на то, чтобы устранить зависимость людей от стихийных сил природы, подчинить их человеку.

Коммунизм открывает безграничные перспективы овладения силами природы. Человечество идет к тому, чтобы управлять термоядерными реакциями, воздействовать на климат и погодные условия, создавать бесчисленное множество искусственных материалов с нужными свойствами и т. п.

Географическое направление, проповедующее полную зависимость общественного развития от природной среды, и ныне распространено в буржуазной социологии. В период империализма появилась так называемая геополитика, согласно которой политика определяется географическими факторами. В гитлеровской Германии Гаусгофер и другие глашатаи этой лженауки обосновывали «законность» захватических войн немецких империалистов, называя эти разбойничьи войны борьбой за «жизненное пространство». Основные идеи американской школы геополитиков изложены в книгах Хантингтона («Движущие силы цивилизации») и Спикмена («Американская стратегия в мировой политике», «География мирного устройства» и др.). В этих и подобных им книгах история человечества изображается как результат изменений в географической среде. Земной шар разделяется на зоны, в центре которых располагаются «развитые» народы, а по краям «примитивные». Колонии объявляются неблагоприятными для умственной активности, а их народы — «примитивными», «неодаренными». Так география «предопределяет», по мнению геополитиков, господство «цивилизованных» народов над «примитивными», «неодаренными», живущими в «периферийных» районах.

Марксизм-ленинизм доказал полную несостоятельность географического направления в социологии и обосновал научное понимание отношения человеческого общества к природе. История всех народов подтверждает, что не географическая среда, а экономическое развитие общества является определяющей силой всех социальных изменений.

3. Экономическое развитие и рост народонаселения

Существование и развитие общества немыслимо без воспроизводства человеческого рода. Поэтому наряду с внешней природой необходимым материальным условием жизни и развития общества является рост народонаселения. От роста и плотности народонаселения в той или иной мере зависит ускорение или замедление темпов общественного развития. Там, где плотность населения незначительна, при прочих равных условиях медленнее происходит развитие производительных сил. Наоборот, более высокая плотность населения при прочих равных условиях служит одной из важных предпосылок быстрого развития производства.

Но было бы ошибочным сделать отсюда вывод, что плотность населения определяет развитие общественного производства и характер общественного строя. Плотность населения создает лишь некоторые возможности для роста производства, но эти возможности не всегда превращаются в действительность. Например, при низкой плотности населения относительно слабее развивается разделение труда, медленнее растут экономические связи. Наоборот, высокая плотность населения служит предпосылкой разделения труда, обмена и обобществления процесса производства. Но степень разделения и обобществления труда определяется не плотностью населения, а уровнем развития и

общественной формой производства. При феодализме даже в густонаселенных районах разделение труда было незначительным, а в капиталистической промышленности даже в слабонаселенных странах оно неизбежно приобрело широкое развитие.

Или возьмем еще такой пример. Известно, что развитие путей сообщения при данном уровне производительных сил прямо пропорционально плотности населения. В любой стране сеть железных и шоссейных дорог или каналов больше развита в густонаселенных районах. Но это не значит, что развитие средств транспорта определяется численностью населения. В странах Азии с многочисленным населением средства сообщения менее развиты в сравнении со странами Европы, где уровень производства намного выше. Стало быть, развитие средств сообщения определяется не численностью населения, а степенью развития материального производства. История знает немало примеров, когда густонаселенные страны отставали в своем развитии от стран с небольшой плотностью населения.

Вопрос о роли народонаселения в развитии общества встал перед общественной мыслью еще в период разложения феодализма и утверждения буржуазного общества. Между защитниками феодальной аристократии и идеологами буржуазии разгорелись тогда ожесточенные споры по этому вопросу.

Идеологи восходящей буржуазии утверждали, что густота населения является решающим условием развития общества, что общество развивается тем быстрее, чем быстрее растет население. Это направление в социологии было тесно связано с теорией трудовой стоимости, выдвинутой буржуазными экономистами. Признавая, что стоимость товаров определяется количеством труда, затраченного на их производство, представители этой теории учили, что благосостояние общества будет тем выше, чем больше труда применяется в производстве товаров. Английский экономист XVII в. *Вильям Петти* считал, что рост народонаселения является основой всех богатств. Редкое народонаселение,— писал он,— это настоящая бедность; нация в 8 миллионов человек вдвое богаче нации, которая на такой же площади насчитывает только 4 миллиона человек.

Это учение в то время имело прогрессивное значение, оно выражало идеологию буржуазии в ее борьбе против «непроизводительных сословий» — дворянства и духовенства, против аристократической монархии с ее чиновниками и многочисленной челядью. Идеологи буржуазии ратовали за прогресс науки, промышленности и земледелия. Они заявляли, что улучшение техники производства может обеспечить получение все большего количества продуктов потребления. Французский философ XVIII в. *Кондорсе* в книге «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» писал: «Итак, не только та же земельная площадь сможет прокормить большее количество людей, но каждый из них, занятый менее тяжелым трудом, будет питаться более целесообразно и сможет лучше удовлетворять свои потребности».

Буржуазия, рвавшаяся к власти и старавшаяся тогда привлечь на свою сторону массы, обвиняла земельную аристократию в том, что она довела население до нищеты и неспособна поднять его благосостояние. Идеологи земельной аристократии, оправдывая господство землевладельцев, пытались, наоборот, доказать, что в нищете населения повинны сами массы, так как они

слишком быстро размножаются. Появилась школа в социологии, которая считала рост народонаселения злом, приводящим к нищете и ко всяким бедствиям в общественной жизни. Эту антинаучную и реакционную точку зрения развивали некоторые экономисты XVIII в., и особенно ревностно ее проповедовал английский экономист поп *Мальтус.*

В своей книге «Опыт о законе народонаселения» Мальтус утверждал, что средства существования растут в арифметической прогрессии, а население увеличивается в геометрической прогрессии. Увеличивающийся рост населения сверх имеющихся в его распоряжении средств существования является, по Мальтусу, причиной нищеты и всех пороков. «Главная и непрерывная причина бедности,— уверяет Мальтус,— мало или вовсе не зависит от образа правления или от неравномерного распределения имущества; богатые не в силах доставить бедным работу и пропитание; поэтому бедные по самой сущности вещей не имеют права требовать от них работы и пропитания». Книга Мальтуса, вышедшая в 1798 г., предназначена была служить идейным оружием против народного возмущения, возросшего под влиянием французской революции. Отстаивая интересы аристократии, Мальтус в то же время давал идейное оружие буржуазии против поднимавшегося рабочего движения. Мальтузианская теория объясняла «естественными» причинами рост нищеты трудящихся, на самом деле являющийся следствием капиталистического строя. Поэтому буржуазия использует эту теорию в качестве своего идеологического оружия.

Маркс показал полную несостоятельность мальтузианской теории. Он доказал, что так называемое перенаселение вовсе не является каким-то естественным законом природы, что оно порождается определенными историческими условиями, а именно: капиталистическими условиями производства. Чрезмерная интенсификация труда вместе с развитием машин, расширение эксплуатации женского и детского труда сделали «избыточной» значительную часть рабочего класса.

Капиталистическое производство создает искусственное перенаселение. Происходит это не потому, что производительная сила труда уменьшается, а потому, что она увеличивается, и вследствие этого часть рабочего населения при капитализме становится излишней. Дело в том, что с ростом производительности труда все возрастающая масса средств производства может приводиться в движение все с меньшей и меньшей затратой человеческой силы. Этот закон при капитализме, где производство подчинено не интересам удовлетворения потребностей населения, а интересам увеличения капиталистической прибыли, ведет к безработице, к образованию избыточного рабочего населения. Чем выше производительность труда, тем меньше рабочих требуется для производства данного количества продукции, тем большее число рабочих выбрасывается капитализмом в резервную армию, которая поставляет ему постоянно готовый человеческий материал для эксплуатации.

Заботясь лишь об умножении своих барышей, об увеличении нормы прибыли, капиталисты не считаются с общественными по-

требностями. Энгельс в свое время сказал, что при капитализме размеры производства определяются не количеством голодных желудков, а количеством способных платить кошельков.

Марксизм доказал, что *каждому исторически определенному способу производства свойственны свои особенные, имеющие исторический характер законы народонаселения.* Кажущееся перенаселение, которое выступало в различные периоды истории в разных формах, обусловлено не ограниченностью ресурсов природы, а свойствами исторически сменяющихся способов производства. Недостаток средств существования для более или менее значительной части населения обнаруживался и сотни, и тысячи лет назад, когда численность населения была в десятки и сотни раз меньше нынешней. Объяснять недостаток средств существования ограниченностью природных ресурсов — значит утверждать, что земля была перенаселена уже в первобытные времена, когда дикари вследствие недостатка пищи нередко умерщвляли больных и стариков, а в отдельных случаях на почве голода прибегали к людоедству.

В древних государствах, например в Греции и Риме, «перенаселение» вело к тому, что часть населения эмигрировала в другие страны и организовывала там колонии. Объясняется это тем, что недостаточное развитие производительных сил ставило границы росту населения. Единственным выходом для части населения была вынужденная эмиграция.

Тот же «избыток» населения, явившийся результатом слабого развития производительных сил, заставил кочевников с плоскогорий Азии вторгаться в древние культурные государства и вызывал «переселение народов». Способ производства пастушеских племен требовал обширных пространств. Поэтому избыточное население было вынуждено пускаться в те странствования, которые были названы «великим переселением народов».

В докапиталистических общественных формациях рост народонаселения оказывал давление на производительные силы. Недостаток средств существования обусловлен был низким уровнем развития производительных сил. В буржуазном обществе, наоборот, рост производительных сил давит на население, делая значительную его часть избыточной, не находящей применения в производстве и лишенной средств существования. При капитализме относительный избыток народонаселения создается не недостаточным развитием производительных сил, а их ростом. Великие достижения в развитии производительных сил капитализм обращает против человечества, так что прогресс техники приносит с собой не облегчение труда и жизни народных масс, а рост безработицы и нищеты.

В эпоху империализма, когда необычайно усилился гнет капитала над трудом, когда вместе с тем высоко поднялись волны освободительного движения народных масс, идеологи буржуазии

стали усиленно распространять реакционные теории народонаселения для оправдания капитализма и империалистической экспансии. Буржуазия старается внушить трудящимся, что рост нищеты является естественным и неизбежным законом жизни, что нищета — не результат капиталистической эксплуатации, а следствие быстрого размножения населения.

Появились трактаты, проповедующие реакционные теории мальтузианства. Таковы вышедшие в США книги: Пирсона и Харпера «Мировой голод», В. Фогта «Путь к спасению», «Люди! Угроза существованию», Р. Кука «Людская плодовитость — современная дилемма», Э. Пенделла «Безудержный рост населения» и др. В этих сочинениях «доказывается» необходимость сокращения населения более чем в два раза. В неомальтузианских трактатах воспеваются как благотворные факторы война, голод, эпидемии и другие бедствия, ведущие к гибели миллионов людей.

В своих книгах В. Фогт выражает сожаление, что разрушительная мировая война, фашистские зверства и недоедание миллионов людей в военные и послевоенные годы не прекратили роста населения в Европе и Азии. Этот мальтузианец утверждает, что снижение смертности населения является страшной трагедией. Безудержный рост населения, как он заявляет, становится угрозой всему человечеству. «И это,— пишет он,— более опасно и более реально, чем водородная бомба»[1]. Фогт готов приветствовать все бедствия и катастрофы, лишь бы они привели к резкому сокращению населения.

Проповедник мальтузианства Пенделл уверяет, что из-за «чрезмерного размножения» большинство населения составляют «неполноценные», «дешевые» люди. Первоочередной мерой для «счастливой жизни» Пенделл считает сокращение нынешнего населения на 700 миллионов человек. Лучшим, «демократическим» методом сокращения населения он объявляет массовую стерилизацию. Преимущество стерилизации как метода сокращения населения Пенделл усматривает в том, что она дает возможность производить социальный отбор — уменьшать количество «дешевых», т. е. неимущих, людей и увеличивать количество «дорогих», т. е. богатых, людей[2].

Неомальтузианцы проповедуют не вообще сокращение населения, а уменьшение массы нежелательного для империалистов населения. Больше всего они ратуют за уменьшение численности «низших» слоев в империалистических странах, а также за истребление населения стран Азии, Африки и Латинской Америки, объявляя его источником нынешних и будущих потрясений.

Некоторые буржуазные ученые усиленно распространяют теорию «убывающего плодородия почвы», являющуюся разновидностью мальтузианских измышлений. Эта реакционная теория утверждает, что дополнительные вложения труда и капитала в почву будто бы не могут вести к прогрессивному увеличению продуктивности земли, что естественная ограниченность площади обрабатываемой земли является непреодолимым препятствием для увеличения производства продуктов питания. Однако практика показывает, что с прогрессом сельскохозяйственной науки и техники так называемые худшие земли могут давать более вы-

---

[1] *W. Vogt.* People! Challenge to Survivl. N. Y., 1960, p. 224.
[2] *Elmer Pendell.* Population on the Loose. N. Y., 1951, Foreword, pp. XI, XII, 297, 324.

сокие урожаи, чем прежде давали самые хорошие земли. Например, кислые подзолистые почвы, считавшиеся плохими, при известковании и внесении органических удобрений приносят высокие урожаи. Такой же эффект производит гипсование солончаковых почв. Разоблачая несостоятельность и реакционность «закона убывающего плодородия», Ленин писал:

«Буржуазный апологет, естественно, стремится игнорировать общественные и исторические причины отсталости земледелия, сваливая вину на «консервативность сил природы» и на «закон убывающего плодородия». Ничего кроме апологетики и тупоумия не содержится в этом пресловутом законе»[1].

Добросовестные исследователи проблем народонаселения неизбежно приходят к выводу, что земля обладает почти бесконечной способностью повышать свою производительность при соответствующих технических и общественных условиях. Запасы минеральных богатств и энергетические ресурсы еще в большей своей части не использованы.

Бразильский ученый Жозуэ де Кастро в своих исследованиях показал, что миллионы людей переживают трагедию недоедания и голода из-за пороков общественного строя. По данным, приведенным в работах де Кастро, человечество может возделывать около 6,5 миллиарда гектаров земли. В настоящее время под пашней находится менее 800 миллионов гектаров, т. е. в 8 раз меньше, чем это возможно.

Известный знаток продовольственной проблемы Джон Бойд Орр заявляет: «Если бы были приняты меры для увеличения площади обрабатываемой земли путем орошения, расчистки земель от кустарников и проведения других мероприятий, то земной шар мог бы обеспечить продовольствием 6 млрд. человек»[2].

Известный статистик Р. Кучинский на основе тщательных подсчетов пришел к выводу, что земля может прокормить 10—11 миллиардов человек[3].

Убедительные расчеты, побивающие мальтузианцев, приведены в книге видного американского геолога К. Ф. Модера «Достаточно и даже с избытком». Автор сообщает данные о возобновляемых ресурсах животного и растительного царства, а также о гидроэнергии и невозобновляемых ресурсах минерального царства. В соответствии с заглавием книги он доказывает: «Земли достаточно и даже с избытком».

Естественные условия не ставят неодолимых преград росту и прогрессивному развитию человечества. Материальное благосостояние людей зависит не от биологических законов размножения, а от строя общественной жизни.

Наряду с мальтузианской проповедью сокращения населения в современной буржуазной социологии ряда стран Европы и США продолжает распространяться теория о том, что рост народонаселения обусловливает развитие производства и всех сторон общественной жизни. Сторонники этой теории выступают за увеличение роста народонаселения в некоторых странах (Фран-

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 13, стр. 160.
[2] *John Boyd Orr.* The White Man's Dilemma. London, 1953, p. 79.
[3] *R. R. Kuczynski.* The World's Future Population. «Population» (Lectures on the Harris Foundation). 1929, p. 286.

ция, Западная Германия, США), выражая точку зрения тех кругов буржуазии, которые видят в быстром приросте населения средство расширения рынков сбыта, источник дешевой рабочей силы и пушечного мяса для агрессивных войн.

Социологические теории, объясняющие развитие общества биологическими законами размножения, не выдерживают научной критики и опрокидываются самой жизнью. Ни быстрым, ни замедленным ростом населения нельзя объяснить, почему данный общественный строй сменяется именно таким-то новым общественным строем, почему первобытный общинный строй сменился строем рабовладельческим, рабовладельческий — феодальным, феодальный — буржуазным, а не каким-либо другим строем.

Если бы рост народонаселения был определяющей силой развития общества, то от плотности населения зависел бы тип общественного строя, уровень развития общества. Однако факты показывают, что уровень развития общества, формы общественной жизни не определяются густотой населения. Например, плотность населения в таких странах Западной Европы, как ФРГ, Англия, Бельгия, и др. намного выше, чем в СССР, но там все еще господствует капиталистический строй, а в СССР капитализм давно уничтожен, построено социалистическое общество и совершается постепенный переход от социализма к коммунизму.

Буржуазные теории народонаселения не в состоянии объяснить, почему в разных странах темпы роста и густота населения неодинаковы и чем определяется рост населения. Исторический материализм дает ясный ответ и на этот вопрос, показывая, что рост народонаселения зависит не только от законов природы, но и от характера общественного строя, от социальных условий. При империализме, когда усиливаются разорение и нищета масс, когда войны и кризисы обостряют необеспеченность и неустойчивость их существования, рост населения в буржуазных странах замедляется. Повышение экономической конъюнктуры в связи с милитаризацией хозяйства влечет за собой временное увеличение роста населения.

В слаборазвитых странах и в эпоху империализма сказывается давление роста народонаселения на производительные силы, низкий уровень экономического развития приводит к относительному перенаселению. Империалистические державы, ограбляя колонии и зависимые страны, разоряя традиционное мелкое производство и препятствуя в то же время индустриализации этих стран, создают в них массовую явную и скрытую безработицу. В этих условиях рост производства на душу населения и тем более рост той части национального дохода, которая идет на потребление широких масс, отстает от прироста населения. Этим прежде всего объясняется возрастание «избыточности» населения в слаборазвитых странах.

С переходом от капитализма к социалистическому обществу изменяются законы народонаселения. Увеличение работоспособного населения в социалистическом обществе не может вести к безработице: рабочая сила может найти разумное применение в непрерывно растущем производстве, основанном на общественной собственности на средства производства и планировании развития всего народного хозяйства в интересах повышения уровня удовлетворения материальных и культурных потребностей всего населения, всех членов общества. Ввиду этого при социализме теряет силу свойственный капитализму закон относительного перенаселения.

Разумеется, при переходе от капитализма к социализму не во всех странах быстро устанавливается соответствие между уровнем развития производства и количеством работоспособного населения. В СССР в переходный период в связи с недостаточным развитием промышленности в течение ряда лет еще существовала безработица. В течение некоторого периода и в европейских странах народной демократии не все работоспособное население полностью было занято на производстве. Тем более это сказывается при переходе к социализму слаборазвитых в экономическом отношении стран Азии. При недостатке средств производства в этих странах нельзя сразу же занять все работоспособное население производительным трудом. Вследствие этого здесь в течение некоторого времени еще проявляется давление роста народонаселения на производительные силы, а значит, продолжает существовать некоторая часть «избыточного» населения.

Но оставшееся еще несоответствие между численностью рабочей силы и количеством средств производства, известные трудности в жизни населения объясняются не законами природы, а унаследованной технико-экономической отсталостью, порожденной былым господством помещиков, компрадорского капитала и иностранных империалистов. Эти трудности могут быть преодолены лишь на основе быстрого роста социалистического производства и культуры.

Следовательно, не рост народонаселения определяет развитие общества и характер общественного строя, а, наоборот, от характера общественного строя в большей мере зависят законы роста народонаселения.

4. Способ производства материальных благ. Производительные силы и производственные отношения

Внешняя природа и рост народонаселения служат лишь предпосылками развития общества. Но первопричиной, источником всех изменений в общественной жизни в конечном счете является рост общественных производительных сил. Ленин, вслед за

Марксом, указывал, что развитие производительных сил — основной критерий общественного прогресса [1]. Но что же такое производительные силы? Каковы их составные элементы?

Производительные силы выражают отношение людей к предметам и силам природы, которые используются обществом для производства материальных благ. Они, разумеется, не составляют часть природы, это социальная категория. Поэтому «...всякая производительная сила есть приобретенная сила, продукт предшествующей деятельности. Таким образом, производительные силы — это результат практической энергии людей...» [2]

В состав производительных сил входят как вещественные, так и личные факторы производства, которые составляют определенное единство. Вещественные элементы производительных сил — это, прежде всего, средства труда. Маркс отмечал, что из всех средств труда определяющее значение имеют орудия производства, совокупность которых можно назвать костной и мускульной системой производства. Орудия производства — это есть вещь или комплекс вещей, которые человек помещает между собой и предметом труда и которые служат для воздействия на предмет труда. Используя механические, физические и химические свойства вещей, человек заставляет их действовать в качестве орудий своей власти над природой. Современные орудия производства — это всевозможные машины, механизмы, различные приборы, инструменты и т. п. Однако понятие средства труда шире, чем понятие орудия труда. Сюда относятся и топливо — уголь, нефть и т. д., энергетика в целом, все виды электростанций, а также вспомогательные средства труда, производственные сооружения. В сельском хозяйстве все большее значение приобретают удобрения, химические средства борьбы с сорняками и вредителями растений.

Для производства необходимы также предметы труда. Без предмета труда не может быть производства, не может быть и продукта труда. Но данные природой предметы труда, существующие без всякого содействия со стороны человека, например руда, уголь, нефть в недрах земли, рыба в водоемах, деревья в лесу, энергия солнца, ветра, водопадов и т. п., не могут быть отнесены к общественным производительным силам. Предметом труда в добывающей промышленности является окружающая нас природа, существующая независимо от человека. «Возьмем,— писал Маркс,— для примера горное дело. Сырого материала здесь вовсе не применяется, так как предмет труда, напр., медь, есть продукт природы, который еще должен быть присвоен при помощи труда» [3].

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Соч., т. 13, стр. 219; т. 32, стр. 212.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные письма, стр. 23.
[3] *К. Маркс.* Капитал, т. II, стр. 191.

Кроме вещественных элементов в производительные силы входят личные факторы производства. *Решающей, главной производительной силой являются люди, производители материальных благ, трудящиеся массы.* Маркс отмечал, что «...наиболее могучей производительной силой является сам революционный класс»[1]. Эта же идея выражена в знаменитых словах Ленина: *«Первая производительная сила всего человечества есть рабочий, трудящийся»*[2].

В марксистско-ленинском понимании производительных сил заложена основа важнейшего положения исторического материализма о том, что народные массы, производители материальных благ, являются творцами истории. Орудия производства, техника — великая сила, но без людей она мертва. При всем громадном значении орудий производства, средств труда активную роль в процессе производства играет живой труд. Характеризуя роль средств производства и человеческого труда в процессе производства, Маркс отмечает: «Машина, которая не служит в процессе труда, бесполезна. Кроме того она подвергается разрушительному действию естественного обмена веществ. Железо ржавеет, дерево гниёт. Пряжа, которая не будет использована для тканья или вязанья, представляет испорченный хлопок. Живой труд должен охватить эти вещи, воскресить их из мёртвых, превратить их из только возможных в действительные и действующие потребительные стоимости»[3].

Живой труд сохраняет и переносит на производимую продукцию затраты прошлого труда, овеществленного в средствах производства. Например, в автомобиле содержится не только труд рабочих автомобильного завода, но и труд, ранее вложенный в добывание руды, выплавку стали, а также в создание машин, при помощи которых изготовляются и собираются детали автомобиля. В процессе производства к прошлому, овеществленному в средствах производства труду прибавляется новый, живой труд, который воплощается в произведенных продуктах.

Таким образом, общественные производительные силы — это созданные обществом средства производства и прежде всего орудия труда, а также люди, приводящие их в действие и осуществляющие производство материальных благ[4].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 4. 1955, стр. 184.

[2] *В. И. Ленин.* Соч., т. 29, стр. 334.

[3] *К. Маркс.* Капитал, т. I, стр. 190.

[4] В экономико-географической литературе под производительными силами определенных районов, областей и стран понимают как общественные производительные силы, так и «естественные производительные силы», т. е. природные ресурсы. Но это не дает основания для смешения социальных и природных явлений и соответствующих им понятий.

Естественные ресурсы имеют большое значение для развития производительных сил, но сами по себе не определяют его. Наоборот, от уровня развития общественных производительных сил зависит количество разведаных

Разумеется, это общее определение, относящееся ко всем историческим эпохам. Но содержание и характер производительных сил исторически изменяются, в связи с этим обогащается и понятие производительных сил. В первобытном обществе средства труда были крайне бедны: каменный топор, каменный нож, палка, затем лук и стрелы; ныне средства труда характеризуются наличием громадных фабрик и заводов, рудников и шахт, электростанций, железных дорог, водного и воздушного транспорта. Человечество располагает мощными и все растущими средствами механизации и автоматизации производства. Столь же разительные изменения произошли и в характере труда, и в рабочей силе, в людях, участвующих непосредственно в процессе производства. На протяжении многих веков роль производителей материальных благ сводилась главным образом к физическому, ручному труду, к затрате мускульной силы. Производственный опыт накапливался медленно и передавался непосредственно от работника к работнику. С развитием капитализма углубляется разделение труда и специализация работников. Вместе с тем начинается возрастающее технологическое применение данных науки к процессу производства. Однако эти процессы происходят там в условиях разъединения и растущей противоположности между умственным и физическим трудом. Достижения науки и техники не могут при капитализме стать достоянием всех рабочих.

Лишь с переходом к социализму снимается это свойственное капитализму ограничение роста производительных сил. Противоположность между умственным и физическим трудом ликви-

---

естественных ресурсов производства и их использование. С развитием производства открываются новые источники естественных богатств, а некоторые естественные условия могут стать менее производительными, например при истреблении лесов, истощении рудников и т. п.

Но если неправильно включать естественные ресурсы, природные предметы труда в *общественные* производительные силы, то иначе обстоит дело с теми предметами труда, которые уже прошли через горнило производства, например добытое железо, чугун, сталь, медь, алюминий, синтетические вещества, являющиеся необходимым сырьем, материалом для производства машин, приборов, станков и других средств производства. Указанные предметы труда несомненно входят в *общественные* производительные силы, ибо это продукты общественного труда на разных стадиях их обработки, служащие дальнейшему производству. Стало быть, предметы труда становятся производительной силой тогда, когда они вовлекаются в дальнейший процесс производства.

Надо также учитывать, что при всем значении предметов труда для производства они никогда не являются его определяющим элементом. Не предметом труда и не произведенными средствами к существованию определяется характер производительных сил, от которых зависит ход общественного развития. «Экономические эпохи,— писал Маркс,— различаются не тем, что́ производится, а тем, как производится, какими средствами труда» («Капитал», т. I, стр. 187). Средства труда, и прежде всего орудия производства,— вот решающий показатель степени развития общественного производства.

дируется, работники материального производства все более овладевают достижениями науки и современной техники. Появляется новый тип работника, который обладает не только известным производственным опытом и навыками к труду, но и знаниями основ современной науки и техники.

Люди, осуществляющие процесс производства, должны теперь во все возрастающей мере обладать необходимыми научно-техническими знаниями, соответствующими требованиям современной техники и технологии производства. Происходит крупное качественное изменение в характере и функциях людей труда, как главной производительной силы общества.

Благодаря органическому соединению науки с производством, ее растущему приложению к технике и технологии производства она все более становится непосредственной производительной силой. «Применение науки,— говорится в Программе КПСС,— становится решающим фактором могучего роста производительных сил общества».

В процессе производства все возрастающую роль играют искусственные предметы труда — синтетические материалы.

Все это говорит о громадном изменении характера производительных сил, об историческом развитии вещественных и личных факторов производства.

Производительные силы составляют лишь одну сторону способа производства. В процессе производства люди вступают в определенные отношения не только к природе, но и друг к другу. Эти взаимные отношения людей в процессе производства, которые Маркс назвал *производственными отношениями*, составляют другую сторону способа производства.

Производительные силы и производственные отношения, взятые в их единстве, составляют способ производства.

«В производстве,— писал Маркс,— люди вступают в отношение не только к природе. Они не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью. Чтобы производить, люди вступают в определенные связи и отношения, и только в рамках этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство» [1].

Люди производят материальные блага не в одиночку, не изолированно друг от друга. Вне общества, без производственных связей между людьми не может быть производства. В древнейшие времена люди жили общинами и совместно трудились. Возникновение частной собственности на средства производства положило конец первобытнообщинному производству, но в то же время сделало экономические связи между производителями более разносторонними. Даже мелкое хозяйство крестьянина

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 6. 1957, стр. 441.

и ремесленника, которое выглядит на первый взгляд как нечто замкнутое, обособленное, фактически включено в общественное производство. Орудия производства, которыми пользуются крестьяне и ремесленники, созданы не ими, а теми людьми, которые добывали железную руду, превращали ее в железо и сталь, изготовляли сельскохозяйственный инвентарь и ремесленные инструменты. Купить эти орудия производства крестьяне и ремесленники могли лишь в обмен на продукты своего труда.

Понятие *производственные отношения* в широком смысле слова охватывает все формы экономических отношений между людьми. Такими отношениями являются, например, общественное разделение труда между людьми, занятыми в различных отраслях производства, в частности в добывающей и обрабатывающей промышленности. Определенную область экономических, производственных отношений составляют также разделение труда между городом и деревней и формы экономических связей между ними. Отношения обмена, купли и продажи — это также производственные отношения. Способы распределения дохода составляют также одну из сторон производственных отношений.

Таким образом, производственные отношения в широком смысле слова охватывают отношения производства, обмена и распределения материальных благ. В более узком смысле Маркс употребляет это понятие, когда он выделяет отношения, складывающиеся непосредственно в процессе производства, и показывает, что отношения обмена и распределения представляют собой их оборотную сторону.

За движением материалов и вещей в товарно-капиталистическом обществе надо видеть отношения и связи людей. При выяснении сущности производственных отношений необходимо раскрыть положение различных социальных групп в производстве и их взаимоотношения.

Во всей совокупности производственных отношений основным, определяющим все другие отношения является отношение людей к средствам производства, формы соединения производителей со средствами производства, а значит формы собственности. Сущность любого типа производственных отношений характеризуется прежде всего формой собственности на средства производства, т. е. тем, в чьем владении находятся средства производства (земля и ее недра, леса, сырые материалы, орудия производства и т. п.).

Существуют две основные формы собственности: частная и общественная. В зависимости от форм собственности, от того, в чьем распоряжении находятся средства производства — в распоряжении всего общества или отдельных лиц, групп, классов, различаются две основные формы производственных отношений. Если средства производства находятся в руках одной

части общества, а другая часть общества их не имеет, то отношения между людьми являются отношениями господства и подчинения, эксплуатации и угнетения. Если средства производства находятся в общественной собственности, то отношения между людьми строятся на основе сотрудничества и взаимопомощи. Почему так происходит?

Когда средства производства становятся частной собственностью, то отношение всех людей к ним не может оставаться одинаковым, возникает неравенство: одни люди имеют больше, другие меньше средств производства, а третьи вовсе их не имеют. Но так как производить без средств производства нельзя, то люди, не имеющие их или имеющие неосновные средства производства, попадают в зависимость к владельцам основных средств производства. Например, при капитализме рабочие, лишенные всяких средств производства, вынуждены работать на капиталистов, а малоземельные крестьяне — на помещиков и кулаков. Когда средства производства составляют общественную собственность, то работники непосредственно соединены со средствами производства и все люди имеют доступ к работе и получают определенную долю общественного продукта.

Важнейшей чертой каждого способа производства является форма распределения средств производства между людьми, участвующими в производстве, а стало быть, и определенный способ соединения работников со средствами производства. «Каковы бы ни были,— указывал Маркс,— общественные формы производства, рабочие и средства производства всегда остаются его факторами. Но, находясь в состоянии отделения одни от других, и те и другие являются его факторами лишь в возможности. Для того чтобы вообще производить, они должны соединиться. Тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, различает отдельные экономические эпохи общественного строя»[1].

Если средства производства и работники соединены таким образом, что и те и другие являются полной собственностью хозяина-рабовладельца, то это рабовладельческий способ производства. Если соединение средств производства с работниками достигается тем, что владелец средств производства по найму покупает рабочую силу, то это капиталистический способ производства. При коммунизме производители непосредственно соединяются с общенародными средствами производства, все люди будут иметь равное положение в обществе, одинаковое отношение к средствам производства.

Отношение людей к средствам производства определяет все другие отношения в обществе: положение и место людей и различных социальных групп в производстве и их взаимоотношения,

---

[1] *К. Маркс.* Капитал, т. II. 1955, стр. 32.

формы обмена деятельностью между ними, способы распределения продуктов. Например, капиталисты, владеющие средствами производства, распоряжаются всей произведенной на их предприятиях продукцией, а создавшие ее рабочие получают лишь стоимость своей рабочей силы (и то обычно не полностью) в виде заработной платы. При социализме, где осуществлена общественная собственность на средства производства, исключена эксплуатация человека человеком, а распределение осуществляется по труду. В коммунистическом обществе с единой общенародной собственностью установятся равные условия труда и распределения, все люди будут получать по потребностям.

Социологи-идеалисты утверждают, что экономические отношения складываются по добровольному согласию: люди условились превратить землю в частную собственность — и появились землевладельцы; помещик договорился с крестьянами, что он дает им по клочку земли, а они за это будут работать в его хозяйстве или платить ему оброк, т. е. станут крепостными; капиталист договорился с рабочими, что они за определенную плату будут работать на его фабрике — так возникли капиталистические предприятия.

Но почему же, спрашивается, между людьми устанавливаются именно такие, а не иные отношения? Определяется ли это желанием людей?

Производственные отношения не могут устанавливаться произвольно — это объективные, материальные отношения, не зависящие от воли людей. Люди не свободны в выборе своих производительных сил, а от уровня развития производительных сил зависят производственные отношения. При современных средствах производства капиталистический предприниматель не может вернуться к крепостной системе хозяйства. Точно так же феодал не мог по своему усмотрению прибегнуть к капиталистической системе хозяйства, ибо при средневековых орудиях производства немыслимо было ведение крупного хозяйства с применением наемного труда; крепостной работник не мог бы работать на машинах, требующих более культурного и более заинтересованного в труде работника. Только тогда, когда крепостной труд вследствие развития производительных сил начал изживать себя, помещичьи латифундии стали сменяться капиталистическими хозяйствами.

Жизненная необходимость заставляет людей производить средства своего существования, а так как производство осуществляется ими всегда при определенных, не зависящих от их воли и желания объективных условиях, то и отношения между людьми, складывающиеся в процессе производства, не устанавливаются ими по своему усмотрению. Более того, вступая в эти отношения, люди могут даже не сознавать того, что они находятся между собой в общественных производственных отноше-

ниях. Например, обычно не сознавал этого крестьянин, который стал вывозить свой хлеб на рынок и оказался в зависимости от рыночной стихии.

Каждое поколение застает определенный способ производства и подчиняется законам его развития, пока этот способ не подвергнется преобразованию. Преобразование способа производства происходит не произвольно, а закономерно, в зависимости от степени развития и от потребностей развития производительных сил.

5. Определяющая роль способа производства в изменении форм общественной жизни

Изучение развития производительных сил и производственных отношений дает ключ к объяснению строения общества и к пониманию причин смены одной общественно-экономической формации другой.

Каждая общественно-экономическая формация представляет собой определенную ступень в прогрессивном развитии человечества. История человечества есть история развития и смены общественно-экономических формаций: на смену *первобытнообщинной* формации пришла *рабовладельческая,* которую сменил *феодализм;* феодальный строй должен был уступить место *капиталистическому,* а капиталистический строй ныне уже заменен в ряде стран *социалистическим* строем, представляющим первую фазу *коммунистической* формации.

В основе последовательной смены общественно-экономических формаций лежит смена способов производства. Когда на смену старому способу производства приходит новый, то это влечет за собой изменение всего общественного строя снизу доверху. Существование каждой общественной формации исторически оправдано до тех пор, пока она способствует прогрессивному развитию общества. Когда же существующий общественный строй, прежде всего отживающий способ производства, превращается в тормоз развития производительных сил, гибель данного общества становится неизбежной.

В зависимости от способа производства находится и внутреннее строение каждой общественно-экономической формации. История показывает, что строй общественной жизни, классовый состав общества, политические, правовые, этические и другие взгляды и соответствующие им учреждения определяются в конечном счете способом производства. Сопоставление различных общественно-экономических формаций показывает, что разделение общества на классы, эксплуатация человека человеком, политическое угнетение и бесправие масс связаны с исторически определенными способами производства, основан-

ными на частной собственности на средства производства. При первобытнообщинном строе, где господствовала общинная собственность на средства производства, не было классов и эксплуатации человека человеком. С появлением частного производства и частной собственности на средства производства общество раскалывается на классы и между людьми складываются отношения эксплуатации, господства и подчинения. Эти отношения характерны для рабовладельческого строя, феодализма и капитализма. «Рабство,— указывает Энгельс,— первая форма эксплуатации, присущая античному миру; за ним следуют: крепостное право в средние века, наемный труд в новое время. Таковы три великие формы порабощения, характерные для трех великих эпох цивилизации...»[1].

Лишь с уничтожением способов производства, основанных на частной собственности на средства производства, с возникновением и утверждением социалистического способа производства коренным образом изменяется весь уклад общественной жизни, ликвидируются эксплуататорские классы, уничтожается эксплуатация человека человеком, утверждаются новые политические и правовые взгляды и учреждения, выражающие интересы трудящихся.

С изменением способов производства происходило также изменение родовых, племенных и семейных отношений.

При первобытнообщинном строе не было моногамной *семьи*. Основной хозяйственной ячейкой являлась тогда родовая община. На ранних ступенях первобытного общества существовал групповой брак, а затем возник парный брак. Первенствующее положение в родовой общине вначале занимали женщины, в зависимости от их места в производстве. Женщины, занимаясь собиранием растительной пищи и ведя домашнее хозяйство, положили начало первобытному земледелию, что имело решающее значение в добывании средств существования. Охота, которая была делом мужчин, не могла служить надежным источником существования. Вследствие этого женщины заняли более высокое положение по сравнению с мужчинами. С переходом от охоты к скотоводству, а затем от мотыжного к пашенному или сошному земледелию мужчины обрели господствующее положение в общественной жизни. Матриархат сменился патриархатом. Если прежде происхождение детей и наследование имущества велось по женской линии, по матери, то теперь — по мужской линии, по отцу. Так возникает моногамная семья с мужчиной во главе, со своим, частным хозяйством. Частная собственность неразрывно связана с возникновением такой обособленной моногамной семьи, ставшей хозяйственной ячейкой общества.

На протяжении всей истории эксплуататорского общества

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Избранные произведения, т. II, стр. 307.

женщины находились в приниженном, бесправном положении. Строй частной собственности поработил женщину, она сама стала собственностью мужчины. Лишь с развитием крупной промышленности и вовлечением женщин в производство для них открылась дорога к освобождению. Женщины-работницы стали активной силой в борьбе с эксплуататорами. «...Крупная промышленность,— указывал Маркс,— отводя решающую роль в общественно организованном процессе производства вне сферы домашнего очага женщинам, подросткам и детям обоего пола, создаёт экономическую основу для высшей формы семьи и отношения между полами»[1].

Но только с уничтожением частной собственности на средства производства создаются условия для полного равноправия женщин с мужчинами. При социализме женщина занимает равное с мужчиной место в производстве, в общественно-политической и культурной жизни. Тем самым развиваются предпосылки для полного равенства мужчины и женщины в семье. Если частная собственность на средства производства уродовала семейные отношения, то социалистическая собственность служит основой укрепления здоровых семейных отношений. При коммунизме семейные отношения окончательно очистятся от материальных расчетов, будут целиком строиться на чувствах взаимной любви и дружбы и достигнут высокой чистоты и прочности.

Зависимость всех форм общественной жизни от способов производства можно видеть и при рассмотрении возникновения и развития таких этнических и исторических форм общности людей, как *племя, народность, нация.*

В первобытном обществе не было деления людей на нации, население делилось по родам и хозяйственная жизнь замыкалась в пределах рода. С развитием производства хозяйственные связи распространились на племена и союзы племен. Но племенные объединения не являлись устойчивой общностью. Связь между племенами то крепла, то вновь ослабевала, пока развитие производительных сил и укрепление экономических связей не спаяло людей в более крупные и постоянные объединения.

Государство, возникшее в результате разложения первобытнообщинных отношений и раскола общества на классы, знаменовало собой разделение людей не по родственным группам, а по территориальному признаку. Деление населения по территориальному признаку и переход главных функций рода к государству доконали старый племенной быт. Однако возникшие государства, разрушив племенную общность, не создали еще общности национальной. В рабовладельческом и феодальном обществе население делилось на народности. И хотя уже в средние века у различных народностей имелись такие предпо-

[1] *К. Маркс.* Капитал, т. I, стр. 495.

сылки для образования наций, как общность языка и территории, возникали элементы культурной общности, но без общности экономической жизни, без прочных экономических связей между районами и областями страны невозможно было соединение людей в единую нацию.

Развитие капиталистического способа производства сломало феодальную раздробленность и замкнутость, расширило экономические связи и привело к созданию национальных государств, к ликвидации обособленных феодальных княжеств.

Ленинизм вскрыл несостоятельность измышлений народников и других противников марксизма о том, будто национальные связи представляют продолжение связей родовых. Слияние обособленных земель в одно целое и объединение людей в нации вызваны не развитием родовых отношений, а усилением обмена между областями, ростом товарного обращения, установлением тесных экономических связей между населением данной территории.

Таким образом, экономическое развитие послужило основой, на которой возникла такая исторически устойчивая общность людей, как нация. Нации возникают на основе роста производительных сил, упрочения экономических связей между людьми, населяющими общую территорию и говорящими на одном языке.

Идеалистическая социология отрывает национальный вопрос от экономической почвы, рассматривает нации вне связи с условиями хозяйственной общественной жизни, исходит лишь из психологии или языковой общности людей. Между тем в действительности происходит наоборот: национальный характер, психические черты, общие для той или иной группы людей, являются результатом условий их экономической жизни.

Марксизм-ленинизм учит, что *нация* — это не племенная и не расовая, а исторически сложившаяся общность людей, возникшая на основе общности языка, территории, экономической жизни и некоторых общих черт национальной психологии, проявляющейся в особенностях национальной культуры.

Развитие капитализма привело к образованию буржуазных наций и буржуазных национальных государств. Но капитализм принес также неравенство и угнетение наций. Мировая капиталистическая система хозяйства создана не путем добровольного соглашения наций на взаимно выгодных началах, а путем экономического закабаления и насильственного подчинения многих народов, путем завоеваний, аннексий, колониальных захватов и утверждения колониального порабощения горсткой капиталистических держав народов Азии, Африки и Латинской Америки.

Только социализм несет уничтожение национального гнета и установление полного равноправия наций. Уничтожение част-

ной собственности на средства производства, ликвидация эксплуататорских классов, организация социалистического народного хозяйства являются основой братского сотрудничества народов. На базе социалистических производственных отношений возникают социалистические нации, укрепляется дружба народов, происходит расцвет национальной государственности и культуры, у людей разных национальностей складываются общие черты духовного облика.

Строительство материально-технической базы коммунизма ведет к еще более тесному объединению советских народов. Интенсивнее становится обмен материальными и духовными богатствами между нациями. При коммунизме будет происходить всестороннее сближение наций на основе общности экономических, политических и духовных интересов. Создание и упрочение общей экономической базы и развитие коммунистических общественных отношений в конечном счете приведут к стиранию национальных различий. Но это длительный и диалектический процесс: он происходит на базе всестороннего расцвета свободных социалистических наций.

Таким образом, изменения в общественно-политическом строе и в духовной жизни людей обусловливаются изменениями в способе производства. Изменение общественного строя, общественных идей, политических и правовых учреждений, форм семьи вследствие развития способов производства есть закон развития общества.

История народов, история человечества является прежде всего историей развития материального производства, историей развития материальных производительных сил. Поэтому изучение законов развития производства, законов развития производительных сил и производственных отношений есть ключ к научному познанию исторического процесса развития человеческого общества.

ГЛАВА XII

ДИАЛЕКТИКА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

1. Зависимость производственных отношений от характера производительных сил

Мы выяснили, что степень развития производства материальных благ, способ производства определяет строение общества. Изменение способа производства ведет к изменению структуры общества, к коренным социальным преобразованиям. В этой связи приобретает огромное значение вопрос: *чем же определяется изменение способа производства?*

Общественная наука должна дать ответ не только на вопрос о том, что определяет физиономию, характер общества в каждый данный исторический момент, но и на вопрос о том, чем определяется в последнем счете динамика общества, его развитие.

Способ производства, как было сказано, есть единство производительных сил и производственных отношений. Какая же из этих двух сторон производства является ведущей, определяющей, каково их влияние друг на друга?

Ведущей, определяющей стороной в развитии способов производства служат производительные силы. Они являются самым подвижным, самым «беспокойным», непрестанно развивающимся элементом материальной жизни общества. Это обусловлено самой сущностью процесса материального производства, тем, что он совершается непрерывно, ибо люди не могут существовать без материальных благ. Производительные силы являются наиболее активным, революционным элементом производства. Их развитием и обусловливается изменение производственных отношений.

Развитие производительных сил составляет содержание процесса производства, а производственные отношения — его общественную форму. Положение диалектического материализма о закономерности развития содержания и формы помогает нам понять диалектику развития производительных сил и производственных отношений. Производительные силы, представляющие собой содержание процесса производства, определяют характер

производственных отношений, ту экономическую форму, в которой осуществляется процесс производства.

В процессе развития общественного производства сначала изменяются производительные силы и прежде всего орудия производства, а вслед за ними изменяются производственные отношения людей.

Средства труда — это, как указывает Маркс, не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд. «Такую же важность, как строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций» [1].

История показывает, что перевороты в технике производства рано или поздно приводят к коренным сдвигам в общественной жизни. Так, переход от каменных орудий к металлическим привел в конечном счете к разрушению первобытнообщинного строя и возникновению классового общества. В первобытном обществе производительные силы были настолько неразвиты, что все произведенное потреблялось без остатка. Какого-либо излишка продуктов, который мог быть присвоен отдельными людьми в частную собственность, еще не было.

Изготовление орудий труда из металла, в особенности из железа, привело к значительному повышению производительности труда. Применение железного топора и лопаты, сохи с железным лемехом, движимой силой животных, открыло широкие возможности для развития земледелия. Появление металлических инструментов двинуло вперед ремесленное производство и строительное дело.

С развитием производительных сил человек стал производить больше, чем нужно ему для непосредственного потребления. Появился некоторый излишек — прибавочный продукт, а вместе с ним и возможность присвоения продуктов чужого труда; тогда именно возникает частная собственность, а с ней и имущественное неравенство. Дело в том, что по мере развития производительных сил в производственный процесс все более проникало разделение труда, этим подрывались общинное производство и общинное присвоение произведенных продуктов. С разделением труда появился обмен продуктами производства первоначально между общинами, а затем между отдельными производителями. Появление частного производства означало возникновение частной собственности на средства производства. На основе частной собственности возникла эксплуатация человека человеком.

Пока каждый человек мог производить лишь столько, сколько нужно было для его пропитания, прибавочного продукта не

[1] *К. Маркс.* Капитал, т. I, стр. 187.

было, невозможна была и эксплуатация; военнопленных или убивали или превращали в равноправных членов общины. Вопрос о военнопленных приобрел совсем другое общественное значение, когда выросла производительность труда и появился прибавочный продукт. В этих условиях пленных выгодно стало превращать в рабов. В кабалу и долговое рабство стали попадать разорившиеся общинники. Возникла эксплуатация человека человеком, изменилась структура общества. Таковы были последствия изменения орудий производства и повышения производительности труда.

Какое влияние имеет изменение орудий труда на производственные отношения, видно и на таком примере. Переход от ремесла и ручного труда к машинному производству привел к победе капиталистической системы хозяйства над феодализмом. Еще в недрах феодализма стали появляться сравнительно крупные мастерские, организуемые торговцами-скупщиками, ростовщиками, разбогатевшими мастерами. Не выдерживая конкуренции с крупными мастерскими, ремесленники и кустари разорялись, становились наемными рабочими. С ростом общественного разделения труда и товарного производства происходило расслоение крестьянства, распадение его на сельскую буржуазию и сельский пролетариат. Но полное преобразование феодального способа производства в капиталистический произошло лишь с появлением машин и нового, технического разделения труда внутри фабрики, с массовым применением наемного труда.

Изобретение механического ткацкого станка, прядильной машины и парового двигателя, а вместе с ними появление нового типа рабочего вызвали целую промышленную революцию. Опираясь на новые производительные силы, буржуазия покончила с феодальной организацией хозяйства. Применение машин дало капиталисту громадные преимущества перед мелким производством. В связи с этим усилилось разорение мелкого хозяйства, отделение производителей от средств производства и создание армии наемных рабочих. Перед капиталистическим крупным производством, вооруженным машинной техникой, не могло устоять ни мелкое производство ремесленников и крестьян, ни рутинное помещичье хозяйство, основанное на труде крепостных.

Буржуазные социологи пытаются опровергнуть марксистское положение о зависимости производственных отношений от развития производительных сил ссылкой на то, что переход от капитализма к социализму не связан с каким-либо переворотом в развитии орудий производства. Но эта ссылка несостоятельна. Каждый новый способ производства исходит из тех производительных сил, которые выросли в недрах старого общества и которые уже не вмещаются в рамки отживающих производственных отношений, сковывающих развитие производства. Капиталистические производственные отношения первоначально опирались на ремесленные орудия производства, на базе которых создавались крупные мастерские и мануфактуры. Зарождение капиталистических производственных отношений предшествовало промышленному перевороту, который положил начало громадному развитию техники.

Но в зависимости от развития техники совершался процесс разрушения и вытеснения феодальных производственных отношений и утверждения и распространения буржуазных производственных отношений. Уровень производительных сил, выросших в недрах феодализма и послуживших основой для зарождения капиталистических производственных отношений, был таким, что для них феодальные производственные отношения стали уже тесными. Это доказано всеми антифеодальными революциями и повсеместной победой капиталистических отношений в одной европейской стране за другой. Затем этот процесс охватил и страны Азии.

Социалистический способ производства первоначально исходит из тех производительных сил, которые созданы капитализмом. Развивая новейшие достижения техники, осуществляя электрификацию всего народного хозяйства, социалистическое общество идет по пути создания более высокой материально-технической базы, которая необходима для перехода к коммунизму. Эта качественно новая материально-техническая база основывается на использовании высших достижений науки и техники, на комплексной механизации и автоматизации производства, на широком использовании химии, атомной энергии.

Итак, вслед за развитием производительных сил изменяются и производственные отношения.

Производство может беспрепятственно развиваться лишь при том условии, если производственные отношения людей находятся в соответствии с характером производительных сил. Но соответствие между ними существует не всегда.

Производительные силы и производственные отношения развиваются неравномерно и изменяются не одновременно. Производительные силы растут и изменяются непрестанно, а производственные отношения, формы собственности не изменяются повседневно; производственные отношения, как форма, имеют тенденцию отставать и отстают от своего содержания, от развития производительных сил. Вследствие этого соответствие производственных отношений характеру производительных сил нарушается, создается противоречие: производственные отношения становятся тормозом, вступают в противоречие, в классовом обществе — в конфликт с развитием производительных сил. Однако возникшее таким путем несоответствие между производительными силами и производственными отношениями рано или поздно должно быть устранено, этого требует жизненная необходимость развития общества. Для того чтобы сохранить добытые производительные силы — эти основы цивилизации, нужно преобразовать отжившие производственные отношения и создать новые, т. е. привести производственные отношения в соответствие с характером, уровнем и потребностями развития производительных сил.

Закон соответствия производственных отношений характеру производительных сил выражает необходимую связь и взаимозависимость между двумя сторонами производства, зависимость производственных отношений, как общественной формы производства, от производительных сил. Это объективный экономический закон развития общественного производства.

Общественные формы производства (производственные отношения людей) исторически преходящи, сменяют друг друга в ходе экономического развития. «Достигнув известной ступени зрелости, данная историческая форма,— указывал Маркс,— сбрасывается и очищает место более высокой» [1]. Следовательно, способ производства развивается и изменяется путем преодоления возникающих противоречий.

Во всех досоциалистических общественных формациях производительные силы и производственные отношения приходили со временем в непримиримое противоречие, которое в конце концов разрешалось социальной революцией, ликвидацией отживших производственных отношений, ставших тормозом общественного развития. Устранение конфликта между производительными силами и производственными отношениями открывает новые возможности для развития производства.

Вскрывая закономерное движение общества к социализму на основе материалистического понимания истории, В. И. Ленин писал: «Маркс и Энгельс были материалистами. Взглянув материалистически на мир и человечество, они увидели, что как в основе всех явлений природы лежат причины материальные, так и развитие человеческого общества обусловливается развитием материальных, производительных сил. От развития производительных сил зависят отношения, в которые становятся люди друг к другу при производстве предметов, необходимых для удовлетворения человеческих потребностей. И в этих отношениях — объяснение всех явлений общественной жизни, человеческих стремлений, идей и законов. Развитие производительных сил создает общественные отношения, опирающиеся на частную собственность, но теперь мы видим, как то же развитие производительных сил отнимает собственность у большинства и сосредоточивает ее в руках ничтожного меньшинства. Оно уничтожает собственность, основу современного общественного порядка, оно само стремится к той же цели, которую поставили себе социалисты» [2].

Так развитие производительных сил обусловливает неизбежную гибель капиталистических производственных отношений и победу социализма.

2. Воздействие производственных отношений на развитие производительных сил

Производственные отношения изменяются в зависимости от развития производительных сил. Но от чего же зависит развитие самих производительных сил?

[1] *К. Маркс.* Капитал, т. III. 1955, стр. 897—898.
[2] *В. И. Ленин.* Соч., т. 2, стр. 7—8.

На развитие производительных сил оказывают влияние многие факторы: географическая среда и плотность народонаселения, рост потребностей людей и во все возрастающей мере успехи научного познания и т. д. Но ни один из этих факторов не является коренной, главной причиной развития производства. Основным условием развития производства являются уже созданные обществом производительные силы, и главные источники развития производства нужно искать прежде всего в самом производстве, а не вне его. Эти источники — диалектическое взаимодействие элементов производства, в частности элементов производительных сил, их внутренние противоречия, и главным образом взаимодействие производительных сил и производственных отношений.

Как уже говорилось, в процессе производства люди воздействуют на окружающую их природу и изменяют ее, а вместе с тем изменяют и самих себя. В процессе труда происходит непрестанное взаимодействие между элементами производительных сил — орудиями производства и людьми. Развивая свои навыки к труду, накапливая производственный опыт, люди вместе с тем совершенствуют и орудия производства. А новые, более совершенные орудия производства влекут за собой изменение квалификации людей, дальнейшее развитие самих работников производства. Таким образом, в процессе производства, поскольку он представляет собой процесс взаимодействия между человеком и природой, заложены побудительные причины развития производительных сил. К числу этих причин относится и стремление людей облегчить свой труд, добиться увеличения средств существования путем усовершенствования орудий труда.

Но эти стимулы действуют различным образом в зависимости от того, в какой общественной форме осуществляется материальное производство. В различных формациях, на разных стадиях исторического процесса производительные силы развиваются весьма различными темпами. Решающее влияние на темпы роста и характер развития производительных сил оказывают производственные отношения. От характера производственных отношений зависят те специфические экономические законы, по которым происходит развитие производительных сил в каждой общественно-экономической формации, те движущие силы, которые толкают это развитие вперед.

Производственные отношения как общественная форма производства могут открывать более или менее широкий простор для развития производства или, наоборот, стеснять, сковывать его. Если производственные отношения соответствуют характеру производительных сил, они дают простор для их развития. Если данные производственные отношения отжили свое время, пришли в противоречие с производительными силами, они сковывают их развитие.

Например, производственные отношения первобытнообщинного строя сыграли огромную прогрессивную роль на ранних ступенях развития общества. Без общинной собственности, без общинного совместного производства люди не могли бы выжить и развить свои производительные силы. Но с ростом производительных сил, с углублением разделения труда эта форма производственных отношений, связанная с обособленным существованием небольших общин, изжила себя, перестала соответствовать развитию производительных сил, задерживала, тормозила это развитие. Возникшая тогда частная собственность как основа новых производственных отношений, открывавших более широкие возможности разделения и обобществления труда, более соответствовала потребностям развития производства. Но диалектика развития частной собственности такова, что вместе с ней возникли экономическое неравенство людей и рабство.

Рабовладельческий строй при всей его жестокости оказался более высокой ступенью общественного развития. При этом строе в широких масштабах была применена кооперация труда, т. е. объединение усилий многих работников в трудовом процессе. Известно, что объединенный труд дает возможность осуществить задачи, невыполнимые разрозненными силами людей. Уже в далеком прошлом комбинированным трудом осуществлялись, например, такие задачи, как поднятие больших тяжестей, постройка крупных зданий, создание больших плотин, оросительных каналов, мостов, укреплений и т. д. По свидетельству Геродота, на строительстве Хеопсовой пирамиды было занято не менее 100 тысяч человек.

Появление в древнем мире крупных рабовладельческих поместий, ремесленных мастерских, рудников, развитие строительного дела привело к созданию разнообразных орудий и механических приспособлений (водоподъемные сооружения, механические средства для раскалывания и дробления камня и руды, для подъема тяжестей и т. п.). Но рабы не были заинтересованы в труде, портили орудия, и рабовладельцы давали им лишь самые грубые орудия производства, которые нельзя было сломать или разбить. Наиболее важные технические изобретения Архимеда применялись преимущественно для военных целей (камнеметные и копьеметательные «машины», сооружения для захвата и потопления неприятельских судов посредством железного крюка и т. д.). Остроумные механические устройства Герона Александрийского использовались главным образом для придворных развлечений (театр движущихся автоматов). Дешевый рабский труд не мог способствовать внедрению техники в производство. Таковы противоречия развития производительных сил в условиях рабства.

При феодализме несколько расширились возможности роста техники. Крепостные крестьяне в своем хозяйстве бережнее относились к орудиям производства, чем рабы, но барщина также подавляла заинтересованность в совершенствовании техники. На протяжении всего средневековья в сельском хозяйстве основными орудиями являлись соха, борона, мотыга, серп, коса, грабли, вилы, цеп, лопата, топор. Из более сложных орудий применялся колесный плуг. Широкое распространение получили водяная, а затем ветряная мельницы. Промышленное ремесленное производство, все более обособлявшееся от земледелия и сравнительно менее связанное феодальными путами, достигло ряда успехов. Особенно важным было открытие переделочного способа получения железа, появление доменных печей и чугунолитейного дела. Но в целом техника при феодализме развивалась медленно.

Применяя вместо крепостного вольнонаемный труд, капитализм совершил переворот в технике производства и посредством машин повысил производительность труда. Капитализм в пору его молодости создал неизмеримо более могущественные стимулы развития производительных сил по сравнению со всеми предшествующими формациями. Ненасытная жажда прибыли, накопления и конкуренция толкали капиталистов непрестанно совершенствовать технику и расширять производство. При капитализме произошло громадное обобществление процесса производства. Развитие капиталистического производства связано с углублением разделения труда и ростом специализа-

ции работников. В эпоху империализма в результате возникновения крупнейших монополистических объединений производство все более приобретает общественный характер. Но частная собственность капиталистов на средства производства ставит все большие и большие преграды развитию общественных производительных сил, мешает планомерной организации производства в масштабе целой страны и в мировом хозяйстве. Разделение труда при капитализме получает однобокий, уродливый характер: рабочий специализируется на одной ограниченной производственной операции и становится придатком машины в поточном производстве. Капиталисты внедряют новые машины лишь тогда, когда это сулит им повышение прибылей. Они задерживают применение открытий и изобретений, если новая техника угрожает их барышу.

При социализме создаются условия для более быстрого развития техники, ибо трудящиеся массы, став хозяевами производства, кровно заинтересованы в самом широком применении машин, которые не только повышают производительность труда, но и облегчают труд людей. Социалистический способ производства освобождает развитие техники от препятствий и противоречий, порождаемых капиталистической системой хозяйства.

В современных условиях наиболее высокой ступенью технического развития является автоматизация производства. Благодаря автоматизации один или несколько рабочих могут управлять значительным количеством машин и механизмов. Применение автоматизации открывает перспективу небывалого роста производительности труда. В условиях социализма автоматизация производства отвечает насущным интересам народа, становится мощным средством развития производительных сил и создания изобилия предметов потребления для трудящихся. В ходе развернутого коммунистического строительства осуществляется комплексная автоматизация производства со все большим переходом к цехам и предприятиям — автоматам, обеспечивающим высшую производительность труда.

При социализме осуществляется всестороннее обобществление производства и развивается рациональное разделение труда. Если даже в подневольных условиях простая кооперация труда рождала новую производительную силу, то тем более велико значение социалистической кооперации труда. В обстановке товарищеской взаимопомощи и социалистического соревнования кооперация труда намного повышает его производительность. На основе повышения культурно-технического уровня рабочих преодолеваются вредные последствия старого разделения труда, пожизненно приковывавшего людей к выполнению какой-либо одной частичной функции. Вместо уродливой частичной специализации, при социализме по мере роста общего и политехнического образования развивается высокое производственно-техническое мастерство.

В современных условиях одной из наиболее действенных форм разделения и обобществления труда являются специализация и кооперирование в промышленности, установление рацио-

нальных производственных связей между предприятиями. Развитие специализированных заводов для изготовления однотипной продукции, стандартизация деталей и изделий позволяют обеспечить массовое их производство. В развитых капиталистических странах широко применяются эти формы повышения производительности труда, но наибольший эффект они могут дать в условиях планомерно организованного социалистического хозяйства. Развитие специализации и кооперирования, а также целесообразное комбинирование родственных предприятий — одно из важнейших условий технического прогресса на путях к коммунизму.

Итак, производственные отношения оказывают решающее влияние на развитие орудий производства, на организацию труда, на развитие рабочей силы. Новые производственные отношения более благоприятны для совершенствования орудий производства, для прогресса техники, для кооперации и разделения труда. Но не только в этом проявляется воздействие производственных отношений на развитие производительных сил. От типа производственных отношений зависят те материальные стимулы, которые приводят в движение массы людей, участвующих в производстве.

Характер производственных отношений прежде всего сказывается на отношении непосредственных производителей к труду, на степени их заинтересованности в повышении производительности труда. Новые производственные отношения обычно в той или иной мере усиливают заинтересованность работников в повышении производительности труда. Крепостные крестьяне по сравнению с рабами более заинтересованы в повышении производительности труда: часть времени они работали на себя, в своем хозяйстве и старались увеличить производство. Но, поскольку большую часть времени они даром трудились на помещика, рост производительности труда в феодальном обществе происходил крайне медленно. Рабочий при капитализме, несомненно, более заинтересован в своем труде, чем крепостной крестьянин: наемные рабочие получают заработную плату, которая обычно зависит от выработки. Поэтому рабочие отчасти заинтересованы в увеличении производительности труда. Но так как они при этом эксплуатируются и большая часть продукта их труда присваивается капиталистами, то их заинтересованность в повышении производительности труда ограничена.

В антагонистических общественных формациях господствующей и командующей силой в системе производственных отношений являются эксплуататорские классы. Поэтому воздействие производственных отношений на развитие производительных сил не может осуществляться помимо этих классов. Большое значение для развития общественного производства имеет то, в какой мере эти классы используют прибавочный продукт для расшире-

ния производства и в какой мере — для своего личного потребления.

В древнем мире рабовладельцы, в средние века феодалы-крепостники состязались между собой в богатстве и роскоши, стремились как можно больше выжать из трудящихся прибавочного продукта, прибегая к самым жестоким способам эксплуатации. Посредством деспотических приемов осуществлялось тогда накопление богатств и развитие производительных сил. Но при натуральном характере хозяйства и низком уровне развития производительных сил рабовладельцы, а позднее феодалы почти всю массу прибавочного продукта затрачивали на потребление или накопление средств потребления и предметов роскоши и сравнительно мало на расширение производства.

Для капиталистов стимулом производства является извлечение прибыли, а они не могут достигать этой цели, не расширяя и не совершенствуя производство. Этим обусловлена та крупная историческая роль, которую буржуазия сыграла в развитии производительных сил. В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс отмечали: «Буржуазия менее чем за сто лет своего классового господства создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения, вместе взятые». Погоня за прибылью и сверхприбылью, ненасытная жажда накопления[1], конкуренция — вот те мощные стимулы к развитию производства, которые создал капитализм. Эти стимулы действовали наиболее эффективно до тех пор, пока производительные силы не переросли рамки буржуазных производственных отношений; однако они не исчезли и при современном капитализме. Но теперь они все больше и больше ведут не только к развитию, но и к разрушению производительных сил. Одним из проявлений паразитизма современного буржуазного общества является безумная роскошь господствующих классов, оставивших позади рабовладельцев и феодалов в своем расточительстве общественного богатства.

С установлением социалистических производственных отношений ликвидируются такие стимулы к развитию производства, как погоня за капиталистической прибылью и конкуренция, но создаются новые, неизмеримо более мощные стимулы. При социализме нет эксплуатации, все люди работают на себя, на свое общество, и поэтому все заинтересованы в подъеме производства. Общественная заинтересованность работников в общем повышении производительности труда гармонически сочетается с их личной заинтересованностью, вытекающей из социалистического принципа распределения по труду. В процессе строительства

[1] Спиноза говорил, что лучшее качество денег — это их количество. А прописной истиной капиталистов всех стран является: денег никогда не бывает слишком много.

коммунизма развитие производства будет опираться на материальное и моральное стимулирование высоких производственных показателей. Правильное сочетание материальных и моральных стимулов к труду — великая созидательная сила в борьбе за коммунизм.

Таким образом, с коренным изменением производственных отношений изменяются общественные условия для развития производительных сил, изменяются законы этого развития, специфичные для каждой общественно-экономической формации. Ликвидация старых и установление новых производственных отношений открывают больший простор для развития производительных сил, создают новые стимулы, движущие силы, ускоряющие развитие.

Это можно видеть на примере истории любой страны. В США до середины XIX в. существовало рабство. Американские плантаторы нещадно эксплуатировали негров-рабов, обрекали невольников на изнурительный труд. Но в век машинной индустрии рабовладельческие порядки стали помехой развитию производства, препятствием для технического прогресса. В ходе гражданской войны в США рабство было в основном уничтожено, что освободило производительные силы от пут плантаторской системы и открыло широкий простор их развитию.

Еще более наглядно действие закона соответствия производственных отношений характеру производительных сил проявилось в России. В XIX в. Россия вследствие угнетающего давления отживших крепостнических порядков на ее экономическое развитие оказалась намного позади ряда европейских стран в технико-экономическом отношении. После отмены крепостного права экономическое развитие страны ускорилось, выросла крупная, высококонцентрированная промышленность. Но пережитки феодализма в сочетании с гнетом монополистического капитала задерживали развитие страны и обрекали ее на дальнейшее отставание от более развитых капиталистических стран. Социалистическая революция ликвидировала эти преграды, создала новые, социалистические производственные отношения и открыла неограниченный простор для развития производительных сил.

Социализм таит в себе неисчерпаемые возможности научно-технического прогресса. Не случайно, что США — главная, ведущая страна капитализма — первые применили атомное оружие, сбросив атомные бомбы на мирное население японских городов Хиросима и Нагасаки, а Советский Союз — страна социализма — явился родиной первой в мире атомной электростанции. В этом обнаруживается историческая закономерность.

Рассмотрим подробнее диалектическое взаимодействие производительных сил и производственных отношений в развитии капиталистического и социалистического способов производства.

3. Развитие противоречий между производительными силами и производственными отношениями при капитализме

Основу производственных отношений капитализма составляет капиталистическая частная собственность на средства производства, используемая для эксплуатации наемных рабочих. В отличие от натурального хозяйства феодального общества капитализм есть товарное производство, притом на высшей стадии его развития, когда и рабочая сила становится товаром. Между рабочими и средствами производства стоит капиталистический предприниматель. Производитель, прежде чем пустить свою рабочую силу в ход, вынужден продать ее владельцу средств производства — капиталисту.

Переход от феодального строя к капиталистическим производственным отношениям был исторически прогрессивным. Капитализм открыл более широкие возможности для развития производительных сил, чем феодализм, сконцентрировал производство на крупных предприятиях, дальше двинул развитие техники. Рост товарного производства разрушил свойственную натуральному хозяйству обособленность и замкнутость хозяйств и экономических районов, соединил местные рынки в единый национальный, а затем и мировой рынок.

При капитализме производство все более приобретает общественный характер, но средства производства остаются частной собственностью. Поэтому возникло противоречие между общественным характером производства и частнособственнической формой присвоения. При мелком производстве владелец средств производства присваивал продукт собственного труда, при капитализме собственник средств производства присваивает продукт чужого труда. Прежняя, частная форма присвоения, имевшая предпосылкой частное производство отдельных производителей, осталась при растущем обобществлении производства; в этом несоответствии — главное противоречие капитализма. Это противоречие уже переросло в конфликт между производительными силами и всей совокупностью капиталистических отношений производства, обмена и распределения.

В погоне за увеличением прибыли капиталисты расширяют производство товаров, применяют новые машины, увеличивают интенсивность труда. При этом неизбежно обостряется противоречие между безграничным стремлением капиталистов к расширению производства и ограниченным потреблением народных масс вследствие растущей эксплуатации их и необеспеченности. В результате этого периодически образуется излишек товаров, в то время как масса населения испытывает острый недостаток в них. Капитализм порождает экономические кризисы перепроизводства, массовую безработицу, что ведет к огромной растрате

производительных сил. Закрытые вследствие кризисов фабрики и заводы, уволенные рабочие выходят из строя действующих производительных сил. Экономические кризисы — это лишь временное разрешение противоречий, которые накапливаются и затем выступают с новой силой. Кризисы ведут к растрате громадной массы производительных сил и вместе с тем дают толчок дальнейшему росту техники, развитию производства и обобществлению труда.

В эпоху империализма произошло дальнейшее обострение основного противоречия капитализма — противоречия между общественным характером производства и капиталистическим способом присвоения. Основной экономической особенностью империализма является господство монополистических союзов крупнейших предпринимателей. Эти союзы капиталистов сосредоточивают в своих руках производство и сбыт товаров в целой отрасли промышленности или даже в ряде смежных отраслей и занимают монопольное положение. Монополистические объединения выросли из концентрации производства, порожденной свободной капиталистической конкуренцией, в результате разорения массы мелких и средних предпринимателей. В США владельцы мелких и средних предприятий вместе с работоспособными членами их семей в 1870 г. составляли 40,4% ко всему работоспособному населению, а в 1954 г.— 13,3%. В США 250 гигантских корпораций капиталистов сосредоточивают в своих руках примерно $^{2}/_{3}$ всей производственной мощности страны, компания стали владеет $^{3}/_{4}$ всех запасов железа, 16 фирм контролируют более 83% всех запасов меди. В силу монопольного, т. е. господствующего, всевластного, положения в производстве и на рынке капиталистические объединения диктуют цены на сырье и на готовые товары, устанавливают уровень заработной платы, распоряжаются техническими открытиями и изобретениями. Громадные прибыли монополисты получают из колоний и зависимых стран, от своих заграничных капиталовложений. Особенно легко и быстро наживаются капиталисты на гонке вооружений. Десятки миллиардов долларов беспрерывно текут в карманы пушечных, авиационных, химических, атомных, кораблестроительных и тому подобных «королей» капиталистической промышленности. Такими способами капиталисты добиваются получения максимально высоких прибылей.

Монополистические объединения капиталистов, выражая дальнейшее обобществление производства на капиталистической основе, имеют явные преимущества перед обособленными предпринимателями. Монополии имеют возможность осуществлять крупные капиталовложения в строительство гигантских предприятий, в техническое перевооружение промышленности. Но одновременно монополии задерживают технический прогресс; они скупают новые патенты на изобретения и многие из них хо-

ронят в своих сейфах. Монополии вводят новую технику лишь тогда, когда надеются получить сверхприбыль.

Развитие производительных сил при капитализме происходит в условиях обострения антагонистических противоречий и ведет к усилению эксплуатации трудящихся. Машина, обладающая чудесной силой сокращать, облегчать и делать плодотворнее человеческий труд, при капиталистических отношениях становится средством ухудшения положения рабочих. Конвейерное производство, вызвавшее небывалый рост производительности труда, использовано капиталистами для чудовищного ускорения ритма работы, при котором в короткое время выматываются все физические и духовные силы рабочего.

За последние полвека развитие производительных сил человечества ознаменовалось гигантским ростом электрификации всех отраслей хозяйства, успехами авиации, радиотехники, химии, появлением радиолокации, телемеханики, открытием атомной энергии. Но в условиях капитализма техника часто становится враждебной трудящемуся человеку силой. Капитализм обращает научные открытия и технические изобретения на порабощение людей труда, на подготовку и проведение истребительных войн. Не случайно на Западе модной и злободневной стала проблема «человек и техника». Раздаются даже голоса, что техника — это зло. Техника находится в руках капиталистов — вот в чем зло. При громадном развитии техники капиталистическая система хозяйства не в состоянии удовлетворить минимальные жизненные потребности многих миллионов трудящихся даже в наиболее развитых капиталистических странах.

Развертывающийся ныне научно-технический переворот, характеризующийся автоматизацией производства, развитием электроники, химии и другими крупнейшими достижениями науки и техники, а в перспективе — все более и более широким применением атомной энергии, несет возможность громадного подъема производительных сил. Но это еще более углубляет противоречия капиталистического общества и ставит перед ним новые, неразрешимые для него проблемы. Производственные отношения капитализма слишком узки для научно-технической революции, они несовместимы с общественной природой современных производительных сил.

Автоматизация капиталистического производства делает излишней громадную часть прежде занятой рабочей силы и создает угрозу небывалой массовой безработицы. Перед широкими слоями рабочих встает, как призрак, опасность вытеснения современными машинами, подобно тому как это было с ремесленниками при появлении паровой машины. Распространение приборов и устройств для автоматического управления и контроля на производстве, электронно-счетных машин поведет к резкому сокращению технического персонала и конторских

служащих, остро поставит проблему безработицы среди этих слоев интеллигенции.

Применение достижений науки и техники в сельском хозяйстве вызвало в капиталистически развитых сельскохозяйственных районах быстрое увеличение производства. Связанное с этим падение оптовых цен на сельскохозяйственную продукцию еще более ухудшило положение отсталых сельскохозяйственных районов, обострило нужду и нищету трудового населения. Технический прогресс в сельском хозяйстве усилил концентрацию производства, разорение мелких производителей. Только в период с 1940 по 1954 г. в США количество ферм сократилось с 6097 тысяч до 4782 тысяч, т. е. почти на 20%. Этот процесс разорения и сокращения числа фермеров продолжается[1].

При господстве монополий усиливается неравномерность развития отраслей промышленности, а также капиталистических стран. Отдельные отрасли промышленности развиваются быстрее, одни страны выдвигаются вперед, другие отстают.

Технический прогресс в условиях монополистического капитализма носит крайне противоречивый характер. Поскольку в известных рамках устанавливаются монопольные цены и ограничивается конкуренция, постольку исчезают побудительные мотивы к техническому прогрессу и проявляется тенденция к застою и загниванию. Но капиталистические монополии не могут полностью устранить конкуренцию на внутреннем и мировом рынке. Так как остается возможность понизить издержки производства товаров и повысить прибыль путем применения новой техники, то сохраняется и тенденция к техническому прогрессу. Следует учесть и то, что экономическое соревнование с растущей мировой социалистической системой хозяйства вынуждает капиталистов ускорять применение технических изобретений.

Общий кризис капитализма не означает полного застоя и приостановки в развитии производства, прекращения технического прогресса. «Было бы ошибкой думать,— писал Ленин,— что эта тенденция к загниванию исключает быстрый рост капитализма; нет, отдельные отрасли промышленности, отдельные слои буржуазии, отдельные страны проявляют в эпоху империализма с большей или меньшей силой то одну, то другую из этих тенденций»[2].

Технический прогресс обостряет противоречие между общественным характером производства и частнособственнической формой присвоения. Автоматизация производства, развитие промышленности синтетических материалов, применение атомной энергии требуют громадных капиталовложений и более высокой концентрации производства. Все это ставит проблему дальней-

[1] Только за 8 лет (1952—1960 гг.) исчезло («выморожено») около миллиона фермеров.

[2] *В. И. Ленин.* Соч., т. 22, стр. 286.

шего обобществления производства, а частная собственность мешает этому. Уже электрификация хозяйства натолкнулась на узкие рамки капиталистической собственности, мешающей рационально использовать энергетические ресурсы в масштабе целой страны, а тем более ряда стран. Развитию комплексной механизации и автоматизации производства и применению атомной энергии для мирных целей капиталистическая собственность ставит еще большие препятствия. В целом капитализм все больше сковывает развитие современных производительных сил. Это развитие носит все более и более антагонистический и разрушительный характер.

В условиях современного капитализма наблюдается тенденция поставить на место стихийной игры экономических сил государственное регулирование хозяйства. Это выражается в попытках «планирования» экономики и даже в «национализации» отдельных отраслей промышленности. Частнохозяйственный капитализм все более заменяется государственно-монополистическим капитализмом. Создаются международные государственно-монополистические объединения, вроде «Европейского объединения угля и стали», «Общего европейского рынка», «Евратома». На этом основании буржуазные идеологи утверждают, что современный капитализм — это плановый, организованный капитализм, преодолевший анархию производства.

Но капитализм не создал и не может создать планомерно организованное хозяйство, ибо это несовместимо с частной собственностью на средства производства. Мероприятия по государственному регулированию хозяйства показывают, что социализм стучится в дверь во всех капиталистических странах. Монополистические объединения капиталистов в виде мощных корпораций, картелей, трестов и банков, попытки государственного регулирования хозяйства, огосударствление некоторых отраслей промышленности, тех или иных предприятий — все это вынужденное признание общественного характера производства. При этом капиталистические монополии, вырастая из конкуренции, не устраняют конкуренции, а существуют рядом с ней, порождая тем самым особенно острые противоречия, трения и конфликты. Общий кризис капитализма все более углубляется.

Все это говорит о том, что время частнокапиталистической собственности уже прошло, что переход к социализму, к общественной собственности на средства производства стал жизненной потребностью экономического развития. «Диалектика государственно-монополистического капитализма,— говорится в Программе КПСС,— такова, что вместо укрепления капиталистической системы, на что рассчитывает буржуазия, он еще больше обостряет противоречия капитализма, расшатывает его до основания. Государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма».

Видоизменение капиталистической собственности в связи с ростом акционерных компаний буржуазные социологи изображают как исчезновение частной собственности на средства производства и эксплуатации трудящихся капиталом. Эти социологи утверждают, что собственность акционерных компаний и монополистических объединений — это уже не частная собственность, а коллективная собственность, контролируемая обществом. В действительности акционерные общества и монополистические объединения не изменяют сущности капиталистических производственных отношений. Основой этих отношений остается эксплуатация наемного труда. Акционерная форма собственности не изменяет, а лишь маскирует капиталистическую собственность на средства производства: ими распоряжаются те, кто держит решающую часть акций, т. е. владельцы капитала.

На современной стадии капитализм не в состоянии привести в действие с пользой для общества миллионы рабочих рук и огромную массу средств производства. Это наглядно свидетельствует о том, что капиталистическая система хозяйства уже не соответствует характеру современного производства.

Производительность труда намного увеличилась, но возрастающий прибавочный продукт, создаваемый производительными рабочими, растрачивается монополистами на собственное паразитическое потребление и на содержание обслуживающих их групп населения. Паразитизм и загнивание капитализма находят выражение в появлении целого слоя тунеядцев — рантье, живущих стрижкой купонов.

Наиболее резкое и зловещее выражение паразитизм государственно-монополистического капитализма находит в росте милитаризма. Военная промышленность неудержимо раздувается, вооруженные силы увеличиваются, военные расходы поглощают все большую часть государственных бюджетов. Обогащая отдельные группы монополистической буржуазии, милитаризм ведет к истощению наций, разорению народов, изнывающих под бременем налогов, растущей дороговизны.

Концентрация средств производства в руках капиталистических монополий ведет не только к усилению эксплуатации и угнетения трудящихся внутри капиталистических стран, но и к насилию и агрессии в международных отношениях. В погоне за прибылью монополистический капитал и послушные ему буржуазные правительства развязывают захватнические войны, порождающие народные бедствия и громадное разрушение производительных сил. Уже дважды империалисты ввергали человечество в мировые войны, в пучину неисчислимых бедствий и страданий.

Капитализм обогащает господствующие классы не только путем эксплуатации трудящихся внутри капиталистических стран, но и путем ограбления и порабощения отсталых и малоразвитых стран. На протяжении целых веков капиталистические государства эксплуатировали и угнетали народы колоний. Колониальные капиталистические державы на сотни лет задержали

экономическое развитие Китая, Индии, Индонезии и других стран Азии, а также стран Африки и Латинской Америки.

Противоречие между современными производительными силами и капиталистическими производственными отношениями порождает историческую необходимость и неизбежность перехода общества от капитализма к социализму. Во всемирном масштабе коренной и наиболее общей закономерностью современной эпохи является переход от сложившихся веками форм общественной жизни, основанных на частной собственности, к социалистической системе хозяйства. Поскольку производство приобретает все более общественный характер и производительные силы могут наиболее эффективно применяться только как общественные силы, ясно, что производственные отношения должны быть в соответствии с этим изменены. Характер современных производительных сил таков, что он требует общественной собственности на средства производства.

4. Взаимосвязь производительных сил и производственных отношений при социализме

Основой производственных отношений при социализме является общественная социалистическая собственность на средства производства. При капитализме средства производства отгорожены от людей труда барьером частной собственности, поэтому соединение рабочей силы со средствами производства происходит на основе интересов собственников и неизбежно носит антагонистический характер. При социализме осуществляется воссоединение личных и вещественных факторов производства на базе общественной собственности на средства производства. Рабочая сила перестает быть товаром. При социализме нет и не может быть эксплуатации человека человеком, отношений господства и подчинения; взаимные отношения людей в процессе производства выражаются в товарищеском сотрудничестве и взаимопомощи свободных от эксплуатации работников.

Маркс разъяснил, что для прогресса общества всегда необходим труд, создающий продукт сверх того количества, которое нужно для потребностей самих производителей. Но при капитализме этот труд создает прибавочную стоимость, которая присваивается капиталистом. При социализме эта доля труда идет на увеличение индивидуального потребления трудящихся и на общественные нужды. Таким образом, труд при социализме — это труд на себя и на общество трудящихся.

Общественная собственность при социализме имеет либо форму государственной собственности (всенародное достояние), либо форму кооперативно-колхозной собственности (собственность колхозов и других кооперативных объединений). В госу-

дарственных социалистических предприятиях средства производства и производимая продукция представляют всенародную собственность. Это наиболее высокая и развитая форма социалистической собственности, обобществление средств производства и труда в масштабе всей страны.

Реформистские идеологи и ревизионисты марксизма ведут нападки на государственную форму социалистической собственности. Они утверждают, будто социалистическая национализация основных средств производства не избавляет рабочих от эксплуатации и ведет к умалению демократии. Ревизионистские теоретики проповедуют, что социалистическое общество должно строиться не на государственной, а исключительно на групповой собственности.

Противопоставление групповой социалистической собственности и государственной социалистической собственности несостоятельно и вредит делу социализма. Групповая (кооперативная) собственность является важной экономической формой при социализме для преобразования мелкого производства. Она имеет широкое распространение в сельском хозяйстве и служит также формой преобразования мелкого кустарного производства в социалистическое. Но ведущей при социализме является общенародная государственная собственность. Дробить и распылять крупную социалистическую индустрию путем раздачи предприятий мелким коллективам — это значит отказаться от коренных преимуществ крупного социалистически организованного производства.

Разумеется, в управлении хозяйством должна осуществляться максимальная гибкость на основе принципа демократического централизма. Формой управления социалистической экономики должно быть разумное сочетание централизации и инициативы мест, которое в свою очередь определяется общим уровнем развития промышленности и обеспеченностью квалифицированными техническими и административными кадрами.

Утверждение реформистов и ревизионистов о том, будто при государственной социалистической собственности на средства производства может быть эксплуатация, абсурдно. Эксплуатация человека человеком характеризуется присвоением прибавочного продукта определенным классом, владеющим средствами производства. При социализме нет такого положения, чтобы одни классы были лишены средств производства, а другие классы эксплуатировали их в силу монопольного владения средствами производства. В социалистическом обществе все средства производства являются общественной собственностью, они принадлежат самим трудящимся. Здесь осуществлен принцип «кто не работает, тот не ест». Весь прибавочный продукт, создаваемый в общенародном государственном секторе производства, идет на пользу всего общества в целом.

Государственная и кооперативная собственность — это две формы развития одного и того же, а именно социалистического способа производства. И та и другая формы собственности являются социалистическими, и та и другая служат интересам народа, обе ведут к единой цели — построению коммунистического общества. Разница лишь в том, что общенародная собственность имеет более высокий уровень обобществления, а колхозная собственность — менее высокий. Конечно, колхозная форма собственности не стоит на месте, она развивается.

Возникновение двух форм социалистической собственности отражает особенности перехода к социализму рабочего класса и мелких производителей — трудящихся крестьян и кустарей. Социалистическое преобразование крупного капиталистического хозяйства и мелкого товарного производства не может быть осуществлено одинаковым путем, ибо они отличаются друг от друга по характеру собственности, по степени обобществления производства и развития производительных сил. Мелкое производство опирается на собственность, основанную на личном труде. Крупное капиталистическое хозяйство создано путем эксплуатации чужого труда и располагает более развитыми средствами производства, нежели мелкое товарное хозяйство. Мелкотоварное хозяйство является распыленным, крупное капиталистическое производство достигло высокой степени концентрации.

Государственная социалистическая собственность возникла в результате обобществления капиталистических предприятий, социалистической национализации средств производства, принадлежащих эксплуататорским классам. Кооперативно-колхозная социалистическая собственность возникла в результате добровольного объединения мелких производителей — крестьян и кустарей.

В выработанной В. И. Лениным программе коммунистического строительства наряду с планом индустриализации и электрификации страны важнейшее место занимает кооперативный план, указавший единственно правильный путь вовлечения многомиллионных масс трудящихся крестьян в строительство социализма, путь к созданию крупного механизированного социалистического сельского хозяйства.

Индустриализация страны не только в огромной степени двинула вперед развитие производительных сил Советского Союза, но и явилась выражением расширенного воспроизводства социалистических производственных отношений. Развитие социалистической индустрии способствовало социалистическому переустройству и техническому перевооружению сельского хозяйства, ибо оно обеспечило снабжение деревни тракторами и другими современными машинами.

В Советском Союзе социалистическое производство в сельском хозяйстве утвердилось главным образом в колхозной

форме. Это было обусловлено преобладанием в деревне мелкотоварного хозяйственного уклада. Лишь на части национализированной земли, отобранной у помещиков, были созданы государственные хозяйства — совхозы. Удельный вес совхозов в сельском хозяйстве страны значительно вырос, особенно в связи с освоением целинных и залежных земель, в борьбе за дальнейший подъем сельского хозяйства.

В создании и упрочении колхозного строя огромную историческую роль сыграли машинно-тракторные станции, явившиеся на первых этапах колхозного строительства наиболее целесообразной формой государственной помощи колхозам.

Национализация капиталистической промышленности, развитие мощной социалистической индустрии и социалистическое переустройство мелкого хозяйства крестьян и ремесленников привели к полной победе социалистических производственных отношений, к полному уничтожению эксплуатации человека человеком. Таким образом, противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистической собственностью на средства производства, которое является основным и неизлечимым противоречием капитализма, ведущим его к гибели, с победой социализма было ликвидировано.

Строительство социалистической системы хозяйства во всех странах подчинено общим законам. В то же время в разных странах оно имеет и свои особенности, вытекающие из своеобразия социально-исторических условий. В зависимости от конкретных условий различными были формы, методы и темпы национализации промышленных предприятий и развития социалистического экономического уклада.

В странах народной демократии в отличие от социалистической революции в России аграрные преобразования не включали национализацию всей земли. При этом учитывалось, что традиции частной собственности у крестьян в этих странах сильнее, чем в России. Из особенностей аграрных преобразований вытекает некоторое своеобразие форм кооперирования крестьянских хозяйств. В странах народной демократии создавались и развивались производственные кооперативы различных типов: производственные кооперативы типа колхозов, в которых орудия производства и земля обобществлены, а доходы распределяются по труду; имеются и такие производственные кооперативы, в которых обобществлены орудия производства и труд, а земля объединена в единый массив, но остается собственностью членов кооператива; в этих кооперативах бо́льшая часть дохода распределяется по труду, а меньшая часть — в соответствии с земельным паем члена кооператива. В качестве переходной формы к социализму в некоторых странах широко применялись полусоциалистические формы кооперирования крестьянского хозяйства.

Социалистические производственные отношения являются могучим двигателем развития производительных сил. Помещичье-буржуазная Россия отставала от многих стран. Социалистический Советский Союз в трудных условиях капиталистического окружения за короткий исторический срок превратился в могущественную индустриально-колхозную державу и по объему промышленного производства вышел на первое место в Европе. Во всех странах народной демократии на основе социалистических производственных отношений также намного ускорились темпы развития производства.

Основой общественного развития и при социализме является рост производительных сил и прежде всего умножение и совершенствование орудий производства. Тяжелая промышленность, создающая средства производства,— это фундамент всего народного хозяйства, технического прогресса, источник зажиточной и культурной жизни трудящихся. Коммунизм, говорил В. И. Ленин, есть Советская власть плюс электрификация всей страны. При социалистической власти рабочего класса планомерно и последовательно развертывается электрификация страны, означающая подведение под все народное хозяйство новейшей технической базы. Основным условием дальнейшего развития производительных сил является технический прогресс во всех отраслях народного хозяйства.

Развитие производительных сил социалистического общества характеризуется неуклонным ростом культурно-технического уровня всех трудящихся, широким и все возрастающим применением науки. Социалистические производственные отношения всемерно способствуют развертыванию творческих способностей трудящихся, что ярко проявляется в бурном росте числа изобретений и рационализаторских предложений, направленных на совершенствование производства.

Мощным источником развития производительных сил при социализме служит социалистическое соревнование, являющееся выражением новых производственных отношений между людьми. В буржуазном обществе соревнование сводится к хищническому соперничеству из-за прибыли, к ожесточенной конкурентной борьбе во имя частных интересов. Движущим мотивом социалистического соревнования служит стремление достигнуть общего подъема производства в целях удовлетворения материальных и культурных потребностей всех трудящихся.

При социализме, как и при любом способе производства, производительные силы более подвижны, быстрее изменяются, чем производственные отношения. Поэтому противоречия между производительными силами и производственными отношениями возникают и в социалистическом обществе. Соответствие производственных отношений характеру производительных сил и при социализме не абсолютно, не неизменно, а подвижно, противоре-

чиво. Неправильно было бы полагать, что на какой-то стадии общественного развития устанавливается некое абсолютное соответствие производственных отношений и производительных сил. Это означало бы конец экономического развития общества. «...Полного соответствия (в смысле отсутствия противоречий.— *Ред.*),— указывал Ленин,— не бывает даже в простейших явлениях природы...» [1] Ленин разъяснял, что такого соответствия «не будет никогда, что его не может быть в развитии природы, как и в развитии общества...» [2]

Но при социализме нет антагонистических классов, поэтому средства производства больше не противостоят трудящимся как враждебная сила, а являются общественной собственностью. В социалистическом обществе рост производительных сил ведет к укреплению и развитию социалистических производственных отношений.

Во всех классовых общественных формациях изменение производственных отношений означает переход средств производства из рук одного класса в руки другого класса, что происходит в результате острейшей классовой борьбы. При социализме развитие производительных сил не приводит к конфликту с производственными отношениями, потому что нет эксплуататорских классов, заинтересованных в сохранении старых производственных отношений. Здесь хозяевами средств производства являются трудящиеся массы, кровно заинтересованные в непрерывном совершенствовании общественных форм производства. *Противоречия, возникающие в процессе развития социалистического общества преодолеваются на базе общественной собственности, в обстановке растущего социального единства народа.* Противоречия при социализме не являются антагонистическими. При правильном руководстве народным хозяйством эти противоречия могут быть своевременно выявлены и разрешены и потому не перерастают в конфликт.

Например, мелкие колхозы, возникшие в условиях слаборазвитой механизации сельского хозяйства, стали со временем экономически невыгодными и стеснительными для дальнейшего развития сельскохозяйственного производства. Когда социалистическое сельское хозяйство получило мощную современную технику, мелкие колхозы перестали соответствовать возросшим производительным силам, потому что в них нельзя эффективно применять мощные современные тракторы, комбайны, внедрять комплексную механизацию в сельское хозяйство.

Коммунистическая партия и Советское правительство при поддержке колхозного крестьянства осуществили укрупнение колхозов, что создало возможность более эффективного исполь-

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 21, стр. 135.
[2] *В. И. Ленин.* Соч., т. 27, стр. 312; т. 32, стр. 318.

зования современной техники, развития комплексной механизации сельскохозяйственного производства, улучшения организации труда, улучшения агротехники.

Так было разрешено противоречие между возросшими производительными силами и мелкими колхозами, сложившимися на базе недостаточно высокой техники. Укрупнение колхозов означало развитие социалистических производственных отношений в сельском хозяйстве. Колхозные средства производства из рук мелких артелей, объединявших небольшую группу колхозников, перешли в руки крупных артелей, объединяющих более многочисленную группу тех же колхозников. Этот переход совершился без каких-либо конфликтов или столкновений, ибо здесь не было экспроприации и смены владельцев средств производства.

Опыт Советского Союза и стран народной демократии показывает, что обнаружение и разрешение противоречий между отдельными сторонами социалистических производственных отношений, а также между отдельными элементами политической надстройки и ростом производительных сил является непременным условием ускоренного развития производства.

В этом отношении показательна проведенная в СССР в 1957 г. реорганизация управления промышленностью и строительством. Централизованная система управления по отраслям хозяйства через министерства, сыгравшая большую положительную роль в хозяйственном строительстве, перестала соответствовать громадным масштабам производства и строительства; ведомственные барьеры стали мешать дальнейшему развитию специализации и кооперирования предприятий в промышленности, использованию резервов и природных богатств. Создание совнархозов (советов народного хозяйства) и упразднение промышленных и строительных министерств и ведомств означали изменение структуры государственных органов, т. е. изменение некоторых элементов надстройки. Вместе с тем происходят известные изменения и в экономических связях и отношениях. Конечно, это означает не изменение формы собственности, а лишь развитие новых форм внутрирайонного и межрайонного кооперирования производств, новых форм связей между предприятиями и экономическими районами, а следовательно, установление некоторых новых связей между людьми, производителями материальных благ, в рамках и на основе общенародной государственной собственности.

Крупным и исключительно важным шагом в развитии социалистических производственных отношений являются мероприятия по реорганизации МТС и по дальнейшему укреплению колхозного строя. Существовавшая до 1958 г. форма производственных отношений между государством и колхозами, выражавшаяся в производственно-техническом обслуживании колхозов через МТС, перестала соответствовать потребностям даль-

нейшего развития производительных сил сельского хозяйства. Колхозы окрепли и упрочились как социалистические хозяйства, в них выросли опытные кадры. Колхозы в состоянии делать большие капиталовложения в свое производство, обзаводиться сложной техникой и обеспечить ее правильное использование. Между тем сложная сельскохозяйственная техника была сосредоточена в МТС, которые производили бо́льшую часть полевых работ в колхозах. Вследствие этого основная производительная сила сельского хозяйства — рабочая сила колхозов — оказывалась как бы отстраненной от таких орудий производства, как тракторы и другие машины. Существование двух хозяев (колхозов и МТС) стало мешать эффективному использованию рабочей силы и техники в сельском хозяйстве.

Продажа тракторов и других сельскохозяйственных машин колхозам усилила непосредственные экономические связи промышленности с сельским хозяйством. При этом в колхозном производстве соединились вместе и под единым руководством на основе развития социалистических производственных отношений принадлежащая государству и закрепленная навечно за колхозами земля, современная машинная техника и рабочая сила колхозов.

В результате развития социалистического сельского хозяйства СССР колхозная собственность значительно изменилась в качественном отношении по сравнению с начальным периодом колхозного строительства. В современных условиях неделимые фонды колхозов все больше и больше по своему существу приближаются к общенародной собственности.

Коммунистическая партия твердо проводит курс на то, что строительство коммунизма в деревне должно идти путем развития и совершенствования обеих форм социалистического производства — и совхозов и колхозов.

Нужно иметь в виду, что общенародная и кооперативно-колхозная формы собственности не только имеют различия между собой, но и характеризуются общностью коренных черт, поскольку обе они представляют единую социалистическую систему хозяйства.

Общенародные социалистические предприятия — заводы и фабрики, железные дороги и электростанции — составляют основу жизни всего советского общества, включая и колхозное крестьянство. Колхозное производство — кооперативно-колхозная собственность — в свою очередь является неотъемлемой жизненно важной частью всего социалистического хозяйства.

Колхоз не только пользуется благами общенародной собственности, но и вносит свой вклад в удовлетворение общенародных, общегосударственных потребностей. Колхозники активно участвуют в решении задач, которые встают перед страной, все более сознают, что работа в колхозе — часть общего дела.

Слияние двух форм социалистической собственности в будущем произойдет не в результате свертывания колхозно-кооперативной собственности, а путем всемерного ее развития, повышения уровня ее обобществления при помощи и поддержке со стороны социалистического государства.

Противоречия между производительными силами и производственными отношениями при социализме касаются и таких сторон в развитии самих производственных отношений, как отношения распределения и обмена. По мере развития производительных сил развиваются и формы распределения; при этом сохраняется и укрепляется принцип материальной заинтересованности работников. Нарушение принципа материальной заинтересованности тормозит развитие производительных сил, как это наглядно показало имевшееся в СССР и в некоторых странах народной демократии известное отставание ряда отраслей сельского хозяйства, в особенности животноводства.

Стало быть, противоречия между производительными силами и производственными отношениями могут осложняться и обостряться недостатками и ошибками в проведении экономической политики. В практике распределения при социализме встречаются факты уравниловки, когда более добросовестный и квалифицированный труд не поощряется. С другой стороны, иногда допускается неоправданно большой разрыв в размерах оплаты работников различных категорий. И то и другое противоречит социалистическому принципу распределения по качеству и количеству труда. В интересах развития производства Коммунистическая партия и социалистическое государство устраняют эти недостатки и совершенствуют систему распределения.

Отношения обмена при социализме также могут приходить в противоречие с интересами развития производительных сил. Заниженные или завышенные цены на отдельные виды продукции, недостаток или избыток некоторых товаров в продаже мешают последовательно осуществлять социалистический принцип распределения по труду, а стало быть, тормозят рост производительности труда.

Усовершенствование общественных форм производства, распределения и обмена помогает быстрее преодолевать противоречия и трудности роста, связанные с быстрым подъемом социалистической экономики, с развитием материальных и культурных потребностей народа. Только на основе непрестанного развития производства можно успешно преодолевать противоречия между растущими потребностями членов социалистического общества и еще недостаточной материально-технической базой для их удовлетворения.

В социалистическом обществе исключена возможность экономических кризисов перепроизводства, потому что рост социалистического производства ведет к повышению материального

благосостояния трудящихся. Расширение производства здесь сопровождается расширением потребления. Социализм, как указывал В. И. Ленин, означает «планомерную организацию общественно-производительного процесса для обеспечения благосостояния и всестороннего развития всех членов общества».

Особенностью экономического развития при социализме является не то, что оно якобы свободно от подчинения объективным экономическим законам, а то, что оно свободно от стихийного развития общественного производства. Здесь уничтожено господство продуктов над производителями, анархия общественного производства заменена планомерной его организацией. Имея в виду социализм, Энгельс указывал, что, когда общество возьмет средства производства в свое владение, люди будут господами условий общественной жизни: «Законы их собственных общественных действий, противостоявшие людям до сих пор как чуждые, господствующие над ними законы природы, будут применяться людьми с полным знанием дела, следовательно, будут подчинены их господству» [1]. Опираясь на преимущества и достижения социалистического строя, партия сознательно, по заранее разработанному плану определяет на многие годы вперед рост производства и материального благосостояния народа, изменение форм собственности и совершенствование общественных отношений, перспективы развития культуры и науки, пути формирования нового человека.

Это — новое явление в истории, знаменующее вступление общества на путь практического движения в подлинное царство свободы.

5. Закономерности перерастания социализма в коммунизм

Социализм не является неизменной и конечной формой общественной жизни. И при социализме общество диалектически развивается от низшего к высшему. Социализм — это первая, низшая фаза коммунистической общественной формации. На этой стадии создаются условия для перехода к более высокой ступени развития, к коммунизму.

Социализм и коммунизм имеют общую социально-экономическую основу — общественную собственность на средства производства, планомерно развивающееся общественное производство, которое обеспечивает все более полное удовлетворение потребностей всех членов общества. Но между этими фазами имеются и существенные различия. При социализме общественное производство и производительность труда еще не достигли такой вы-

[1] *Ф. Энгельс.* Анти-Дюринг, стр. 267.

соты, чтобы можно было обеспечить изобилие предметов потребления, и они распределяются не по потребностям членов общества, а по труду. Поэтому на стадии социализма между людьми неизбежно еще остается известное экономическое неравенство, поскольку люди имеют разную квалификацию, неравную одаренность и способность трудиться, разный состав семьи и получают, следовательно, неравные доходы для удовлетворения личных потребностей. При социализме еще существуют некоторые классовые различия между рабочими и крестьянами, имеются существенные различия между городом и деревней, между умственным и физическим трудом. Культурно-технический уровень рабочих и крестьян еще не поднялся до уровня инженерно-технического персонала. Вместе с тем все больше и больше преодолевается унаследованное от капитализма различие между городом и деревней, происходит рост культурно-технического уровня всего народа.

Коммунизм будет иметь более высокий уровень развития производства, что позволит обеспечить изобилие материальных и духовных благ и полное удовлетворение потребностей всех людей. Если в социалистическом обществе распределение в основном происходит по принципу: «От каждого — по способностям, каждому — по его труду», то при коммунизме осуществится принцип: «От каждого — по способностям, каждому — по потребностям».

При коммунизме, к которому постепенно движется социалистическое общество, исчезнут всякие остатки имущественного неравенства и классовых различий, сотрутся следы былой противоположности между умственным и физическим трудом, между городом и деревней. Развитие социалистического производства со временем приведет к тому, что две формы социалистической собственности сольются в одну всенародную собственность, охватывающую все отрасли производства.

В Программе КПСС дано глубокое и всестороннее научное определение коммунистического общества:

«Коммунизм — это бесклассовый общественный строй с единой общенародной собственностью на средства производства, полным социальным равенством всех членов общества, где вместе с всесторонним развитием людей вырастут и производительные силы на основе постоянно развивающейся науки и техники, все источники общественного богатства польются полным потоком и осуществится великий принцип «от каждого — по способностям, каждому — по потребностям». Коммунизм — это высокоорганизованное общество свободных и сознательных тружеников, в котором утвердится общественное самоуправление, труд на благо общества станет для всех первой жизненной потребностью, осознанной необходимостью, способности каждого будут применяться с наибольшей пользой для народа».

Главная экономическая задача партии и советского народа состоит в том, чтобы в течение двух десятилетий создать *материально-техническую базу коммунизма.*

В результате СССР будет располагать невиданными по своему могуществу производительными силами и займет первое место в мире по производству продукции на душу населения.

Материально-техническая база высшей фазы коммунизма вырастает из развертывающихся уже в условиях социализма процессов, в особенности таких, как всесторонняя электрификация, комплексная механизация и автоматизация производства, химизация в народном хозяйстве, использование новых источников энергии, рост культурно-технического уровня трудящихся, дальнейшее улучшение организации производства. Реальным воплощением материально-технической базы коммунизма являются гигантские электростанции, уже построенные или строящиеся в стране автоматические линии, цехи и целые предприятия, создаваемые на основе современных достижений науки и техники. Материально-техническая база обеспечит не только уровень производства, необходимый для изобилия предметов потребления, но и создаст условия для развития всех сторон социалистических производственных отношений, для постепенного преобразования их в коммунистические.

Материально-техническая база коммунизма, которая теперь создается, охватит как промышленность, так и сельское хозяйство, как город, так и деревню. По уровню развития производительных сил деревня сравняется с городом. Сельскохозяйственный труд превратится в разновидность труда индустриального.

Уже сейчас наши колхозы, в особенности передовые, располагают мощным парком тракторов, комбайнов, автомобилей, различных сельскохозяйственных машин. Они обзаводятся своими механическими мастерскими, все шире используют электрическую энергию для производственных и бытовых нужд. Меняется характер труда, меняется и облик крестьянина, он становится квалифицированным работником, специалистом своего дела, который по своему культурно-техническому уровню сближается с рабочим.

В дальнейшем по мере роста производительных сил и общественного богатства колхозов колхозная собственность будет все более подтягиваться до уровня общенародной собственности. Будут увеличиваться неделимые фонды колхозов, составляющие основу развития колхозного производства. Общественное колхозное производство все более полно охватывает все отрасли сельского хозяйства, повышается уровень обобществления колхозного производства, возрастают межколхозные производственные связи. В связи с развитием электрификации сельского хозяйства, механизацией и автоматизацией производства все более будет происходить соединение, своеобразное слияние колхоз-

ных средств производства с государственными, общенародными. Чем быстрее будут развиваться производительные силы социалистического сельского хозяйства, тем быстрее исчезнет различие между общенародной и колхозной собственностью.

С построением коммунизма существенные различия между городом и деревней будут полностью ликвидированы; в социально-экономическом, бытовом и культурном отношении деревня поднимется до уровня города; грани между рабочими и колхозниками исчезнут.

Преодоление существенных различий между умственным и физическим трудом достигается: 1) *изменением характера труда на путях комплексной механизации и автоматизации производства;* 2) *повышением культурно-технического уровня трудящихся, соединением образования с производительным трудом.*

Программа КПСС исходит из того, что автоматизация и комплексная механизация служат материальной основой для постепенного перерастания социалистического труда в труд коммунистический. На основе глубоких научных расчетов в Программе дана грандиозная перспектива электрификации страны, роста средств автоматизации и комплексной механизации труда. Так, выработка электроэнергии увеличится в 9 или 10 раз, выпуск автоматических и полуавтоматических линий — более чем в 60 раз. «Развитие новой техники,— провозглашается в Программе КПСС,— будет использовано для коренного улучшения и облегчения условий труда советского человека, сокращения рабочего дня и благоустройства быта, ликвидации тяжелого физического труда, а затем и всякого неквалифицированного труда».

Социализм успешно осуществляет неразрешимую для капитализма проблему повышения культурно-технического уровня всех людей физического труда до уровня работников умственного труда.

Уже в настоящее время в СССР 40% рабочих и более 23% колхозников имеют среднее и высшее образование. В ближайшее двадцатилетие основная масса членов общества по тем или иным каналам получит полное среднее, среднее специальное или высшее образование. Можно напомнить, что в предыдущие двадцать лет, с 1939 по 1959 г., в условиях предвоенной напряженности, в трудные годы войны и послевоенного восстановления, процент людей с высшим и средним образованием поднялся в три с половиной раза.

Проведенная за последние годы перестройка системы образования укрепила связь школы с жизнью, с производством, облегчила решение задачи подготовки коммунистически сознательных и высокообразованных людей, способных как к физическому, так и умственному труду. Это была не обычная школьная реформа, касающаяся лишь методов обучения. Перестройка школы имеет характер крупного социального преобразования, ибо

народное образование, построенное на основе сочетания обучения с производительным трудом, будет способствовать решению одной из важнейших социальных проблем — устранению существенных различий между умственным и физическим трудом.

Социалистическая система народного образования предусматривает, чтобы молодежь по окончании школы и взрослое население могли сочетать работу в сфере производства с продолжением обучения и образования в соответствии с личным призванием и потребностями общества. «В связи с бурным развитием науки и техники следует,— говорится в Программе КПСС,— непрестанно совершенствовать систему профессионально-технического образования и производственного обучения с тем, чтобы мастерство работающих на производстве сочеталось с повышением их общеобразовательной подготовки в области общественных и естественных наук и получением инженерно-технических, агрономических, медицинских или других специальных знаний».

Повышая свой культурно-технический уровень, рабочие и колхозники овладевают и управляют современной техникой и все шире приобщаются к активной деятельности в различных областях общественной и государственной жизни, в области науки и культуры.

Подъем культурно-технического уровня рабочих и колхозников приведет к ликвидации имеющихся еще серьезных различий в степени овладения культурой, наукой, всеми знаниями. Произойдет органическое соединение физического и умственного труда в самом процессе производства. Автоматизация производства, повышение производительности труда, сокращение рабочего дня, культурный рост трудящихся обеспечат всестороннее развитие всех их способностей, благодаря чему отпадет вынужденное закрепление за каждым работником какой-либо одной профессии. Всеобщее политехническое обучение даст возможность людям свободно выбирать работу согласно своим склонностям.

Коммунизм является конечной целью борьбы рабочего класса, идеалом трудящихся масс, высшим и самым справедливым обществом на земле. Почему же нельзя сейчас осуществить этот наиболее справедливый, коммунистический общественный строй? Дело в том, что нельзя действовать произвольно, вопреки законам общественного развития. Переход от социализма к коммунизму — закономерный процесс, который нельзя произвольно нарушить, и общество не может обойти социалистическую стадию развития.

Социалистический принцип распределения по труду исходит из признания невозможности уравнительного распределения. Уравниловка привела бы к несправедливому распределению: и плохой и хороший работники получали бы одинаковую долю.

У людей был бы подорван материальный стимул к повышению производительности труда, к увеличению выпуска продукции, к совершенствованию техники производства.

Для миллионов людей при социализме труд уже становится жизненной потребностью, делом чести и моральным долгом. Задача заключается в том, чтобы в процессе перехода к коммунизму воспитывать у *всех* людей коммунистическое отношение к труду, как к первой жизненной потребности, доставляющей радость, наслаждение творческим трудом. В условиях социализма, где еще много тяжелого малопроизводительного труда, далеко не у всех могло быть развито коммунистическое отношение к труду. В обществе, пришедшем на смену капитализму, не вполне экономически зрелом по сравнению с коммунизмом, несущем на себе пережитки капитализма в экономике и сознании, люди еще не подготовлены к тому, чтобы трудиться в полную меру своих сил и способностей, без определенного общественного контроля над мерой труда и мерой потребления. В. И. Ленин говорил: «До тех пор, пока наступит «высшая» фаза коммунизма, социалисты требуют *строжайшего* контроля со стороны общества и *со стороны государства* над мерой труда и мерой потребления...» [1]

При социализме производство еще не достигает такого уровня, чтобы полностью удовлетворить потребности всех людей. К коммунизму можно перейти лишь при условии, если будет не только достигнут, но и превзойден уровень производства развитых капиталистических стран, если будет достигнута более высокая, чем при капитализме, производительность труда.

Между социализмом и коммунизмом нет какой-то стены, разделяющей эти фазы общественного развития. Переход от социализма к коммунизму — это развитие в пределах одной и той же общественно-экономической формации. Коммунизм вырастает из социализма и является его прямым продолжением.

Неправильно было бы ожидать, что коммунизм появится как-то внезапно. Наша страна уже вступила в период развернутого коммунистического строительства, когда создаются все материальные и духовные предпосылки коммунизма. Уже сейчас все более развиваются коммунистические формы труда.

В развитии коммунистических начал в области производства громадную роль играют бригады коммунистического труда, которые получают все более широкое распространение. Главное в этом движении — борьба за высшую по сравнению с капитализмом производительность труда, на основе товарищеского соревнования и взаимной помощи в применении современной техники. Характерно, что бригады коммунистического труда сочетают передовую роль в производстве с повышением культурно-

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 25, стр. 441.

технического уровня рабочих и их активности в общественной жизни, с образцовым соблюдением основных правил человеческого общежития.

При социализме создаются такие общественные формы удовлетворения потребностей граждан, как общественное питание, школы-интернаты, детские сады и ясли. Значительная и все более возрастающая часть материальных и культурных благ распределяется между членами общества независимо от количества и качества их труда, т. е. бесплатно. Общество выделяет большие средства на бесплатное образование и лечение граждан, на пенсионное обеспечение, пособия многосемейным, на бесплатное обслуживание клубами, библиотеками. В дальнейшем расходы общества на общественное обслуживание граждан будут увеличиваться. Возрастание этой доли общественных фондов потребления является важной предпосылкой для постепенного перехода к коммунистическому принципу распределения.

Уже социализм по сравнению с капитализмом представляет собой в общественных отношениях гигантский шаг вперед, утверждает социалистическое равенство. Однако это еще не полное равенство, что связано с недостаточным уровнем экономического развития, с остатками классового деления общества.

При коммунизме положение всех людей в обществе будет равным, одинаковым. С образованием единой коммунистической формы собственности у всех членов общества сложится одинаковое отношение к средствам производства, установится полное равенство в распределении. Каждый получит столько материальных и культурных благ, сколько ему потребуется для здоровой, содержательной жизни и творческой деятельности.

Всем членам общества будут обеспечены равные возможности для получения образования и свободного выбора рода занятий и специальности с учетом интересов общества. Изменение характера труда, ликвидация неквалифицированных профессий создадут равные условия для трудовой деятельности всех людей. Исчезнут также все остатки фактического неравенства между мужчиной и женщиной, связанного с пережитками старого быта и тяготами домашнего хозяйства.

Коммунистическое равенство не внезапно наступит в какой-то отдаленной перспективе, оно создается в ходе развернутого коммунистического строительства. По мере роста общественного богатства будет сокращаться разница между более высокими и более низкими уровнями заработной платы. Уже в течение ближайшего десятилетия в СССР исчезнет категория низкооплачиваемых рабочих и служащих в связи с заменой неквалифицированного труда квалифицированным. Быстро будут возрастать общественные фонды потребления, что непосредственно ведет к коммунистическому распределению. При этом к равенству в распределении общество придет не через уравниловку, а при пра-

вильном сочетании роста общественных фондов с принципами материальной заинтересованности, с оплатой по труду.

Таким образом, переход от социализма к коммунизму — это процесс, который совершается непрерывно, постепенно и в котором элементы будущего переплетаются с настоящим.

Например, удовлетворение потребностей всех людей в необходимых, разумных пределах может быть осуществлено в нашей стране в недалеком будущем. Но это еще не будет завершение строительства коммунизма. Дело в том, что надо подготовить самих людей к тому, чтобы они добровольно трудились по своим способностям на благо общества. Стало быть, на какой-то период придется сочетать полное удовлетворение потребностей людей с нормированием труда. Это значит, что уже будет достигнуто обилие предметов потребления и разумные потребности всех людей будут полностью удовлетворяться, но еще останется до поры до времени зависимость распределения от трудового вклада каждого члена общества.

Перерастание социализма в коммунизм происходит постепенно, но это перерастание нельзя представлять как какое-то замедленное движение. Наоборот, оно предполагает бурное развитие производительных сил и культуры, поистине революционные скачки в развитии производства, науки и техники. Постепенное перерастание социализма в коммунизм означает, во-первых, что это более или менее длительный процесс подготовки материальных условий и духовных предпосылок для перехода от низшей фазы коммунизма к его высшей фазе; во-вторых, что этот переход осуществляется не путем насильственной смены одного общественного строя другим, а путем органического развития к высшим ступеням той же самой основы общества — общественной собственности на средства производства. В процессе перехода от социализма к коммунизму все быстрее будет возрастать материальное благосостояние трудящихся на основе роста производства. Закономерный процесс перерастания социализма в коммунизм может быть ускорен в результате высокого развития производства. Переход к высшей фазе коммунизма совершится тогда, когда труд станет для всех первейшей жизненной потребностью, когда будет создано изобилие всех материальных и духовных благ. Тогда общество придет к полному осуществлению коммунистического принципа: «От каждого — по способностям, каждому — по потребностям».

Революционный переход к социализму, а затем постепенное перерастание социализма в коммунизм — это общий путь развития для всех стран. При наличии мировой социалистической системы открылась возможность движения всех социалистических стран к коммунизму общим фронтом. Основой этого их совместного развития являются отношения сотрудничества и взаимопомощи.

Разновременность социалистической революции и неодинаковый уровень экономического и культурного развития в отдельных странах обусловливают неодновременность завершения построения социализма и вступления их в период развернутого строительства коммунизма. Однако нельзя представлять себе дело таким образом, что одна страна социализма может прийти к коммунизму, осуществить коммунистические принципы производства и распределения, а другие страны останутся где-то далеко позади, на начальных стадиях строительства социалистического общества. Теория марксизма-ленинизма и практический опыт говорят о том, что страны социализма, успешно используя заложенные в социалистическом строе возможности, более или менее одновременно, в пределах одной исторической эпохи, будут переходить в высшую фазу коммунистического общества. Это — новая историческая закономерность, свойственная мировой системе социализма.

Намечая перспективы развития социалистического общества, Ленин выдвинул и обосновал положение о том, что при поддержке социалистических стран некоторые отсталые в прошлом страны могут перейти к социалистическому строю, а затем через определенные ступени развития к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития. Эта ленинская идея блестяще подтвердилась жизнью. Когда в России совершалась социалистическая революция, многие народы восточных окраин страны жили еще в условиях докапиталистической стадии или только начинали переходить к капитализму. При помощи более развитых, социалистических наций, в частности русской социалистической нации, этим народам удалось перейти к социализму и не пришлось пережить все муки капиталистического развития. А теперь мы видим, как ряд стран народной демократии, где в недалеком прошлом преобладали докапиталистические отношения, успешно развивается по пути социализма, опираясь на поддержку мировой социалистической системы.

Нет сомнения, что страны социализма будут двигаться к коммунизму общим фронтом, хотя некоторая разница в уровне их развития может на известный период времени сохраниться. В одних странах ростки коммунизма появляются и развиваются раньше, в других — несколько позже. В обществе, как и в природе, действуют некоторые общие закономерности. Там, где раньше сходит снег, быстрее пробивается зелень. Но весна есть весна, с каждым днем жизнь повсеместно берет свое, и зеленый покров быстро выравнивается. Перерастание социализма в коммунизм в мировой социалистической системе является таким же закономерным процессом, который нельзя обойти, как нельзя остановить или обогнать время.

Движение социалистических стран к коммунизму общим фронтом предполагает развитие и укрепление их экономической

базы. В ходе развития будут сниматься один за другим экономические барьеры, разделявшие эти страны при капитализме. Дело пойдет к созданию единого, по общему плану регулируемого трудящимися всех наций всемирного хозяйства.

В ходе дальнейшего роста и укрепления мировой системы социализма социалистические страны будут развиваться все более успешно, и, таким образом, ускоренными темпами будут создаваться предпосылки перехода от первой фазы коммунизма ко второй его фазе во всех странах социализма.

В социалистической системе хозяйства действует закон планомерного, пропорционального развития, в результате чего разрыв в уровне экономического и культурного развития различных стран все более уменьшается, выравнивается общая линия экономического и культурного развития всех социалистических стран.

Известно, что при капитализме нет и не может быть выравнивания уровня экономического и культурного развития разных стран. Безусловным законом империализма является неравномерность экономического и политического развития. В капиталистическом мире одни страны далеко вырываются вперед и подавляют развитие других стран, которые оказываются обреченными на длительное отставание, так что прогресс одних стран осуществляется за счет жесточайшей эксплуатации и ограбления слаборазвитых и зависимых стран.

Величайшее преимущество мировой социалистической системы состоит в том, что закон неравномерности экономического и политического развития в ней уже не имеет силы и она свободна от всех пороков и злоключений, обусловленных этим законом.

Отношения между странами социалистической системы строятся на основе взаимной помощи и дружеского сотрудничества. Интересы строительства социализма и коммунизма требуют от каждой социалистической страны сочетания усилий по укреплению и развитию своего национального хозяйства с усилиями по упрочению и расширению экономического сотрудничества в рамках всего социалистического содружества. Подъем и выравнивание общего уровня экономики социалистических стран достигаются прежде всего путем полного использования каждой страной своих внутренних ресурсов и возможностей, а также эффективного использования преимуществ мировой социалистической системы. Быстрое развитие ранее отсталых стран ускоряет движение вперед всей мировой социалистической системы. Высокие темпы развития производительных сил — это общая закономерность социализма, подтвержденная теперь на опыте всех стран мировой социалистической системы.

ГЛАВА XIII

БАЗИС И НАДСТРОЙКА ОБЩЕСТВА

В предшествующих главах было показано, что Маркс раскрыл закономерность, повторяемость в истории общества, выделив из всей совокупности общественных отношений производственные, экономические отношения как первичные. Производственные отношения — это одна из двух сторон способа производства, форма развития производительных сил общества. В то же время они являются экономическим базисом, на котором вырастают общественные идеи и политические, правовые и другие общественные учреждения.

В настоящей главе мы рассмотрим связь политических, правовых, философских, религиозных, эстетических и моральных идей и соответствующих им учреждений с экономическими отношениями; выясним, почему исторический материализм рассматривает совокупность производственных отношений как базис общества, а политические, правовые, идеологические формы и отношения (государство, право, мораль, религию, философию, искусство) — как надстройку. Мы рассмотрим также взаимодействие базиса и надстройки, роль надстройки в развитии общества.

1. Понятие о базисе и надстройке общества. Определяющая роль базиса в отношении надстройки

Понятия «базис» и «надстройка» выражают реальную связь, отношение между экономическим строем общества и его идеями и учреждениями, а также законы изменения последних. Применяя понятия базиса и надстройки, Маркс при анализе строения каждой общественной формации как бы уподобляет общество зданию: в обществе существует основание, фундамент, на котором вырастает надстройка из общественных идей. Но, как мы увидим дальше, взаимоотношение между базисом и надстройкой в обществе далеко не столь просто, как между различными частями обычного здания.

Экономические отношения в реальной жизни тесно переплетены с политическими, правовыми, бытовыми, семейными, национальными, религиозными, моральными и другими отношениями. Возьмем, к примеру, нацию или семью. Для нации характерна общность языка, экономической жизни, территории, психического склада, культуры. Нации в буржуазном обществе состоят из противоположных классов — буржуазии и пролетариата. В семье мы находим элементы хозяйственно-бытовых, трудовых, правовых, моральных и других отношений между ее членами. Нужна была сила научной абстракции, чтобы во всей сложной сети общественных отношений выделить производственные, экономические отношения как первичные, основные и установить, что в зависимости от них находятся отношения идеологические.

Базис общества включает всю совокупность экономических отношений между людьми, складывающихся в процессе материального производства и воспроизводства их жизни; сюда входят прежде всего отношения собственности на средства производства, экономические отношения между различными социальными группами, классами, формы распределения и обмена, зависящие от отношений собственности на средства производства.

Производственные отношения людей, составляющие экономический базис общества, являются материальными: они существуют объективно, вне и независимо от сознания и воли людей; они складываются в процессе материального производства и изменяются непосредственно под влиянием развития производительных сил. Экономические отношения, являясь формой развития производительных сил, определяются ими, но в то же время сами определяют всю надстройку. «Экономическая структура общества каждой данной эпохи,— писал Энгельс,— образует ту реальную основу, которою и объясняется в последнем счете вся надстройка правовых и политических учреждений, равно как религиозных, философских и других воззрений каждого данного исторического периода» [1]. Общественная надстройка выступает как идеологическая и политически-правовая форма экономического содержания общественной жизни.

К надстройке общества относятся все общественные идеи и соответствующие им учреждения: государство, право, политические партии, политические идеи, мораль, искусство, философия, религия, церковь и т. п. Все эти различные общественные явления имеют то общее между собой, что они вырастают на базе экономического строя данного общества, обусловлены этим строем, являются его продуктом и отражением, что и дает основание рассматривать их как единую взаимосвязанную систему общественных явлений, подчиняющихся некоторым общим законам развития.

[1] *Ф. Энгельс.* Анти-Дюринг, стр. 26.

Вместе с тем каждое из этих иадстроечиых явлеиий имеет свои специфические закоиомериости развития, свою отиоситель-иую самостоятельиость в рамках их общей зависимости от базиса. Различные части иадстройки — государство, право, разиые формы идеологии (философия, мораль, искусство, религия) по-разному связаиы с базисом и между собой, находятся в постояииом взаимодействии. Некоторые части иадстройки, иапример государство и право, политические оргаиизации и политическая идеология, связаиы с экоиомическим строем общества иепосредствеиио и прямо, другие, иапример философия, искусство, религия, более удалеиы от базиса и связаны с иим опосредовано.

Несмотря иа эти различия, все части надстройки отражают экономический строй общества и измеияются под его определяющим влияиием.

Например, государство создается господствующим классом общества и служит для защиты иитересов этого класса и подавлеиия враждебных классов. Но классы, а следовательно, и государство — продукт экоиомического развития общества.

Отиошеиия разиых классов общества и их партий к государствеииой власти как к орудию господствующего класса есть *политические* отиошеиия. Политический строй, как совокупиость этих отиошеиий, является производиым от экоиомического строя, *политической надстройкой общества.* При капитализме экоиомически господствующим классом является буржуазия. Для защиты капиталистического экоиомического строя оиа создает свое, буржуазиое государство, вырабатывает и навязывает обществу свою политическую и иную идеологию и тем самым стаиовится господствующим классом и в области политической и в области духовиой, идеологической. Рабочий класс, трудящиеся эксплуатируемые массы в буржуазиом обществе угиетаются ие только экономически, ио и политически и идеологически.

Возьмем право, правовые отиошеиия, или *юридическую надстройку. Право,* господствующее в каждом обществе, закрепляет прежде всего отиошеиия собствеииости. Такова роль имущественного права, или права собственности. Государственное право и право собствеииости закрепляют экоиомическое и политическое господство даииого класса путем устаиовлеиия закоиов и правовых иорм, обязательиых для всего общества. Используя государственную власть, господствующий класс устаиавливает свои закоиы и порядки, создает учреждеиия или оргаиизации (воеиные, судебиые, карательиые, идеологические), которые стоят на страже закоиов и порядков, выгодиых этому классу.

Возьмем, иапример, политическую партию. Партия есть передовая часть класса, оиа защищает его интересы; в партию входят люди, руководствуясь иитересами, идеями и целями опре-

деленных классов, порожденных экономическим строем общества. Так, коммунистическая партия, передовая часть рабочего класса, имеет своей идеологической основой марксистско-ленинское учение; каждая коммунистическая партия объединена научно обоснованной марксистской программой, теорией и тактикой, единством воли и действия; отношения между членами партии носят идеологический характер, но коммунистические партии не могли бы возникнуть, существовать и бороться, если бы не было рабочего класса.

Рассматривая научно, материалистически всю совокупность общественных отношений, марксизм показал, что «общественные отношения делятся на материальные и идеологические. Последние представляют собой лишь надстройку над первыми...» [1] Материальные отношения — это *первичные, определяющие,* а идеологические отношения *производны* от них.

Идеалисты пытаются опровергнуть положение марксизма о первичности экономического базиса и производном характере общественных идей, политических и правовых учреждений. Идеалистическая социология рассматривает по сути дела идеи, сознание, духовную и политическую жизнь общества как основу, а экономическую жизнь — как производное от духовной и политической жизни. В сознании социолога-идеалиста действительные отношения общественной жизни выступают в перевернутом виде, как в фотокамере.

Другие, эклектически мыслящие социологи рассматривают экономику, политику и идеологию как самостоятельные и равнозначные факторы, взаимодействующие между собой, причем ни один из них якобы не является основным и определяющим. Как эклектики, они уклоняются от вопроса о том, что является основой взаимодействия разных сторон жизни общества.

Так, американский социолог Р. Энджелл утверждает, что решающей силой всех социальных изменений является мораль. Вместе с тем он полагает, что его теория избавляет социологию от «догматической позиции относительно того, является ли в истории первичным материальный или идеальный фактор». Но такими рассуждениями Энджелл побивает не марксизм, а самого себя. Ведь рассматривая мораль как решающую силу всех социальных изменений, он тем самым уже признал мораль — несомненно, идеальный фактор — первичным и определяющим. Отвергая и называя «догматической» позицию, которая требует указать, какой фактор является первичным, определяющим, Энджелл выдвигает эклектическую теорию взаимодействия разных причин, или факторов, влияющих на мораль: а) естественных факторов; б) развития технологии; в) морального давления на данное общество со стороны других обществ; г) взаимодействия самих моральных ценностей.

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 1, стр. 134.

Конечно, некоторые из указанных Энджеллом причин оказывают то или иное влияние на мораль людей. Но все приводимые им факторы не могут объяснить, почему нормы морали, господствующие в различные эпохи, различны и даже противоположны. Почему, например, в США проповедь атомной и другой войны считается актом вполне моральным и проповедников войны правящие круги не только не наказывают, а чтут, тогда как в социалистическом обществе проповедь войны считается преступлением и, безусловно, антиморальным деянием? Почему дискриминация в отношении негров и даже их линчевание в США имеют вековую традицию, а в социалистическом обществе все нации и расы равноправны?

Идеалистические теории тем более не могут объяснить, почему в одном и том же обществе, например в капиталистическом, наряду с немногими общепризнанными нормами морали фактически существуют и противостоят друг другу две морали, две нравственности: что капиталисты считают справедливым и естественным, то трудящиеся считают несправедливым и противоестественным. Буржуазная мораль оправдывает и защищает капиталистическую собственность, эксплуатацию рабочих, локауты, снижение заработной платы, но осуждает забастовки рабочих. Пролетарская, коммунистическая мораль, напротив, отрицает капиталистическую собственность на средства производства, эксплуатацию человека человеком. Причины этого надо искать не в идеях, а в положении буржуазии и пролетариата, в экономическом строе капитализма. А идеалистические теории и эклектическая «теория факторов» не дают правильных научных ответов на эти коренные вопросы социологии.

Идеалистическая социология утверждает, что право творит экономические отношения, определяет развитие общества, социальные изменения, что законодатели, судьи и администраторы — сознательные или бессознательные творцы этих изменений, ибо они благодаря своей власти могут и составлять и использовать законы без санкции большинства общества.

Но, во-первых, почему законодатели в феодально-крепостническом обществе создавали законы, обрекавшие крепостных крестьян на бесправие? Почему они считали эти законы справедливыми, а в ходе всех буржуазных революций сословно-феодальные законы были отменены как несправедливые? Почему в социалистическом обществе законы буржуазного общества заменены новыми, социалистическими законами? На все эти вопросы идеалистическая социология не может дать научно обоснованного ответа.

Право и политическая власть носят исторический характер. Они не всегда были и не всегда будут существовать в обществе. Государственную власть и право составлять и толковать законы без санкции большинства населения фактически осуществляли

и осуществляют господствующие эксплуататорские классы и в рабовладельческом, и в феодальном, и в буржуазном обществе. Эти классы — порождение определенного экономического строя общества. Значит, характер общества определяется не правом, а экономическим строем, а право — лишь продукт, отражение экономического строя. Это не исключает того, что право воздействует на свой экономический базис и играет активную роль в социальных изменениях и преобразованиях.

Коренная причина изменений, происходящих в надстройке, состоит в изменении экономического строя, базиса общества, которое происходит тогда, когда выросшие при данных производственных отношениях производительные силы вступают в противоречие со всей системой этих отношений. Смена одного экономического базиса общества другим приводит к тому, что более или менее быстро происходит коренное изменение, переворот во всей громадной надстройке общества.

Смена рабовладельческого экономического строя феодальным привела к смене надстройки рабовладельческого общества надстройкой феодального общества — феодальным государством, феодальным правом, феодальной идеологией. Впоследствии, когда феодальный экономический строй исторически изжил себя и его в XVII—XIX вв. в одной стране за другой стал заменять капитализм, вслед за экономическим переворотом произошел и переворот в надстройке общества. На экономическом базисе капитализма выросла новая политическая, юридическая и идеологическая надстройка: буржуазное государство и право, буржуазная демократия с парламентами, политическими партиями, буржуазная мораль, литература, искусство, философия, защищающие капиталистический строй своими специфическими средствами. При этом новая экономика не рождает надстройку автоматически. И новые экономические отношения, и соответствующая им надстройка создаются деятельностью людей, борьбой классов, экономика же определяет то основное направление, в котором закономерно развивается вся надстройка и ее отдельные элементы в данную эпоху.

Конечной движущей силой всех коренных изменений, происходящих в обществе, является развитие производительных сил, в частности усовершенствование техники производства. Однако это развитие отражается на изменениях в надстройке не непосредственно, а через изменения, происходящие в экономическом строе общества. Развитие надстройки определяется развитием материального производства лишь в конечном счете. Нельзя понять идейного содержания учения французских материалистов и атеистов XVIII в. лишь на основе анализа производства и техники современной им Франции, не выяснив классовой структуры общества, положения различных классов, их борьбы, а также роли феодального государства и права, церкви

и религии, влияния науки, литературы, искусства, морали на эти учеиия.

Если экономике, базису присущи отношения антагонизма и ими обусловленная борьба классов, то может ли надстройка, представляющая собой идеологические отношения классов, не отражать этой борьбы? Конечно, не может.

В капиталистическом обществе экономические отношения — это прежде всего отношения господства и подчинения между буржуазией и пролетариатом. Соответственно и иадстройка отражает эти отношения аитагоиизма классов. Господствующее место в надстройке такого общества занимают организации и идеи господствующего класса — его государство, право, его идеология, которые охраняют, защищают существующий строй, подавляя трудящиеся классы. Характер, облик надстройки каждой классовой общественно-экономической формации определяются именно этими организациями и идеями. Их и имеют в виду классики марксизма-ленинизма, когда говорят, например, о буржуазной надстройке капиталистического общества. Но в условиях капитализма возникают идеи и организации угнетенного класса, которые также относятся к сфере надстройки.

В противоположность буржуазным учреждениям и идеям рабочий класс создает свою политическую партию, профсоюзы, культуриые оргаиизации, социалистическую идеологию, свою печать, литературу, искусство, мораль, помогающие ему в борьбе за освобождение от ига капитализма, за победу социализма. Социалистическая идеология, политическая партия, профсоюзы и другие организации пролетариата возникают как отражение экономических условий жизни и борьбы рабочего класса в буржуазном обществе. В отличие от господствующих буржуазных идей и учреждений идеи и организации рабочего класса не защищают капиталистический базис, а борются с ним, противостоят ему, просвещают, организуют и мобилизуют рабочий класс на борьбу с капиталистическим строем.

Идеологическая борьба в антагонистическом обществе является отражением антагонизма в экономике и, следовательно, представляет собой явление надстроечиого порядка.

Идеи и учреждения господствующего класса, его государство, право, идеология защищают, охраняют данный строй.

В общественной жизни каждой страны обычно сохраняются остатки старого базиса и соответствующих ему элементов старой надстройки и возникают зародыши, элементы или предпосылки новых экономических отношений, а также новые идеи, элементы новой надстройки. Историк, изучающий экономический и политический строй, духовную культуру определенной страны в ту или иную эпоху, не может игнорировать этого сложного переплетения и борьбы между старым и новым в базисе и надстройке изучаемых им стран. Образцы такого конкретиого исследования

содержатся в трудах основоположников марксизма. В книге «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Маркс не ограничился анализом капиталистических экономических отношений и соответствующих им идей и учреждений во Франции 1848—1850 гг., а показал наряду с этим и остатки прошлого в экономическом и политическом строе Франции, в мировоззрении различных классов, различных слоев дворянства, буржуазии, мелкой буржуазии, а также новые, передовые идеи пролетариата. Он конкретно раскрыл, как «над различными формами собственности, над социальными условиями существования возвышается целая надстройка различных и своеобразных чувств, иллюзий, образов мысли и мировоззрений» [1].

Особенно сложное переплетение и борьба между старым и новым в экономическом базисе и в надстройке общества происходит в эпоху социальной революции, когда в недрах старого общества выросли новые производительные силы и революционные классы и когда наступает период крутой ломки старых и утверждения новых производственных отношений и вырастающей на их основе надстройки.

Итак, каждая общественная формация имеет свой базис и соответствующую ему надстройку. Каков базис общества, такова и его надстройка.

Однако это не означает, что между надстройками различных обществ не может быть ничего общего. Базисам антагонистических общественных формаций присущи некоторые общие черты: частная собственность на средства производства, эксплуатация и угнетение трудящегося большинства общества эксплуататорским меньшинством. Поэтому и в надстройке этих формаций есть общее: идеологи и рабовладельцев, и феодалов, и буржуазии стремятся оправдать и защитить частную собственность, эксплуатацию человека человеком, господство эксплуататорского меньшинства над трудящимся большинством. Господствующие классы этих обществ создают, используют и совершенствуют угнетательский аппарат эксплуататорского государства — полицию, жандармерию, армию, тюрьмы, суды, церковь и т. п. Так, буржуазия ликвидировала абсолютную монархию и феодально-крепостническое право. Но, свергая феодальное государство и право, устанавливая буржуазно-демократические порядки и учреждения, она все же не отбросила полностью угнетательский аппарат феодального государства — прежнюю армию, полицию, чиновничество, церковь, а использовала и усовершенствовала весь этот аппарат угнетения и подавления масс. Таким образом, общим и особым чертам базисов антагонистических формаций соответствуют некоторые общие и особые черты в их надстройках.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 8, 1957, стр. 145.

Соответствие надстройки базису нельзя понимать метафизически, как абсолютное и неизменное. Оно не исключает несоответствий и противоречий, неизбежных во всяком сложном развивающемся процессе. Развитие экономического строя приводит к противоречию между различными элементами надстройки, к нарушению ее соответствия базису.

Надстройка отражает экономический строй, его изменения, но она изменяется не сразу, не автоматически вслед за изменениями в экономическом строе. В классовом обществе она изменяется путем борьбы между различными общественными классами и группами.

Возьмем такую политическую надстройку, как царизм в России. Она все более и более противоречила интересам капиталистического развития России. Чтобы защитить интересы класса помещиков от угрозы крестьянской революции, царизм делал разные уступки капитализму, открывая возможности для его развития за счет крестьянских масс. В связи с этим царизм сделал ряд шагов по пути превращения в буржуазную монархию (начиная с реформы 1861 г. и особенно после революции 1905 г.). Он вынужден был идти навстречу интересам усилившегося российского и иностранного монополистического капитала. Но тем не менее царизм сохранил свою основную социальную природу и остался властью крепостников-помещиков. Отсталость этой политической надстройки становилась все более серьезным тормозом экономического развития России. Крах ее был неизбежен, и, как известно, он произошел в 1917 г.

Противоречия между базисом и надстройкой могут иметь место и в рамках одной и той же общественно-экономической формации. Например, переход капиталистической экономики из домонополистической стадии в стадию монополистического капитализма (империализма) породил противоречие между изменившимся базисом и некоторыми прежними элементами надстройки буржуазного общества. Эпохе свободной конкуренции в капиталистической экономике соответствовала буржуазная демократия, идеология свободы торговли, либерализма и пацифизма, идеи суверенитета наций и т. д. Монополистический капитал стремится не к свободе торговли и конкуренции, а к монопольному господству, к порабощению других стран и народов. На этой экономической почве усилилась пропаганда расизма, шовинизма, милитаризма, идеологии агрессии и захватнических войн. Империалистическая буржуазия стремится урезать демократические права и свободы, завоеванные трудящимися массами в упорной борьбе, установить свою военную террористическую диктатуру (например, в форме фашизма). Она подчиняет себе — прямо или косвенно — государственный аппарат путем установления непосредственной связи буржуазных правительств с монополистическими объединениями капитала или путем раз-

ных форм подкупа министров, депутатов парламентов, руководителей генеральных штабов, ведомств, буржуазных партий, а также отдельных деятелей рабочего движения, оторвавшихся от масс и изменивших им в интересах личных выгод. Буржуазная демократия и идеология буржуазного либерализма в этих новых условиях переживают глубокий кризис.

В этой обстановке и рабочий класс вынужден изменять формы и методы своей организации и борьбы, создавать боевые революционные партии нового типа, непримиримые к оппортунизму, умеющие сочетать легальную работу с нелегальной в условиях усиливающегося буржуазного террора, умеющие разоблачать империалистическую идеологию и руководить борьбой масс за социализм и демократию. Так в противоположность реакционным стремлениям империалистической буржуазии усиливается борьба масс за демократические права и свободы [1].

Как будет показано дальше, надстройка не пассивно приспособляется к базису, а активно воздействует на него.

2. Переворот в базисе и в надстройке общества

Постепенные изменения в базисе и в надстройке в пределах данной общественной формации необходимо отличать от переворотов, революционных преобразований базиса и надстройки в период смены одной формации другой. Переход капитализма из стадии домонополистической в стадию монополистического капитализма означал качественные изменения некоторых сторон экономического базиса и надстройки. Но эти изменения не уничтожали буржуазного характера базиса, государства, права, господствующей идеологии, а лишь видоизменяли их, придавая им новые черты и свойства.

Переворот в экономическом базисе общества означает ликвидацию старых, отживших производственных отношений, форм собственности, сковывающих производительные силы. Он означает создание и утверждение новых производственных отношений, новых форм собственности, дающих простор развитию производительных сил. Переворот в экономическом базисе, т. е. ликвидация старого базиса и создание нового базиса общества, отнюдь не исключает преемственности в развитии экономики и использования некоторых старых экономических форм для создания нового экономического базиса. Социалистический экономический строй использует, например, вплоть до высшей фазы коммунизма такие старые экономические формы, как товар,

[1] О противоречиях между экономическим базисом монополистического капитализма и буржуазной демократией как одной из форм политической надстройки см. статью Ленина «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме»» (Соч., т. 23, стр. 30—36).

торговля, эквивалентный обмен, стоимостные отношения, деньги, цены, приобретающие, однако, новое содержание и новые функции.

Переворот в надстройке в период социальной революции означает: а) свержение политического господства отживающих классов, свержение старой власти; б) установление политического господства нового класса, создание новой государственной власти; в) более или менее крутую ломку старой системы политических и юридических учреждений; г) преодоление ранее господствовавшей идеологии, развитие и утверждение новой идеологии в качестве господствующей в обществе; д) преобразование и использование некоторых элементов старой надстройки.

Как показывает опыт социалистических революций, переворот в надстройке не завершается свержением старой власти и установлением новой власти, одним лишь созданием учреждений новой надстройки. Сущность переворота в надстройке заключается в коренном изменении классового содержания работы всех учреждений надстройки, а это содержание изменяется лишь на основе преобразования социально-экономического строя. Социалистическая революция означает свержение господства эксплуататорских классов, власти буржуазии, установление власти трудящихся — рабочих и крестьян, использование этой власти как рычага для осуществления экономического и культурного переворота, переворота в базисе и надстройке.

Социалистический переворот в надстройке начинается со свержения власти буржуазии и установления диктатуры пролетариата, ломки буржуазного государственного аппарата, создания нового, пролетарского, социалистического государственного аппарата. Политическая партия пролетариата, организующая победу социалистической революции, становится правящей партией, руководящей силой социалистического государства и строительства нового общества. В состав социалистической надстройки входят, кроме социалистического государства и партии рабочего класса, и другие организации трудящихся: профсоюзы рабочих и служащих, молодежные, женские, культурно-просветительные и другие организации, как возникшие в условиях капитализма, так и вновь созданные. При этом организации трудящихся, существовавшие при капитализме, получают новые функции, ибо они развиваются теперь на новой экономической базе, в условиях социализма и должны решать новые задачи. Так, профсоюзы из органов борьбы с предпринимателями-капиталистами и их государственной властью, из организаторов стачек превращаются в опору новой государственной власти, в школу управления новым государством и хозяйством, школу коммунизма.

Переворот, происходящий в период социалистической революции в идеологической надстройке, требует больше времени,

чем политический и экономический переворот. Он означает коренное изменение классового идейного содержания и направления в работе всех культурных учреждений и коренное изменение сознания людей.

Например, старую школу, которая ставила целью подготовить и воспитать покорных служащих и приказчиков класса помещиков и капиталистов, необходимо преобразовать в новую школу, имеющую своей целью подготовку сознательных и активных строителей коммунистического общества. А этого нельзя достигнуть сразу, одними декретами и административными распоряжениями новой, революционной власти. Это осуществляется в течение длительного времени, по мере перевоспитания старой интеллигенции.

Социалистическая революция преобразует деятельность прежних культурно-просветительных, научных, литературных, художественных учреждений и организаций, ставит ее на службу трудящимся, строительству социалистического хозяйства и культуры. Все эти изменения в надстройке совершаются на базе экономического переворота, в процессе острой политической и идеологической классовой борьбы, длительной и сложной работы по социалистической переделке сознания миллионов людей.

Революция в сознании людей, передовых классов и масс начинается до политического переворота и углубляется и развертывается в процессе осуществления его и на его основе. В области искусства, философии, морали одерживают победу новые идеи, принципы, рожденные на основе конфликта новых производительных сил с отживающими производственными отношениями. В этом смысле марксисты говорят о перевороте в формах общественного сознания. При этом в искусстве и в философии наряду с отрицанием всего реакционного сохраняется преемственность в области идей, великих культурных ценностей. Социалистическое общество ценит творения Аристофана и Праксителя, Шекспира и Рафаэля, Пушкина и Толстого.

Когда марксисты говорят об уничтожении революционным классом надстройки, защищающей отживающий базис, то речь идет о реакционных учреждениях и идеях отживающего свой век реакционного класса и прежде всего его государстве и праве. Что касается прогрессивных идей, передового искусства, литературы, созданных в прошлых формациях на основе их базисов, то они наследуются новым обществом и сохраняются. Великое искусство прошлого приобретает и новое значение, выполняя социальные задачи, обусловленные новым общественным строем.

Эпоха загнивающего капитализма угрожает культурным достижениям народов, предает забвению произведения классического искусства. Вместо великого классического реалистического

искусства реакционная буржуазия поднимает на щит вырождающееся, декадентское искусство (абстракционизм, конструктивизм и т. п.).

Социалистическая революция и рабочий класс по существу спасают и оберегают все подлинно великие произведения искусства, которые при социализме впервые в истории становятся достоянием всего народа. Коммунистическая партия вела и ведет борьбу с нигилистическим, анархистским отношением к сокровищам мировой культуры.

В буржуазных революциях создание нового, капиталистического уклада хозяйства предшествует политическому перевороту; буржуазная революция лишь закрепляет стихийно осуществившийся экономический переворот, происшедший в лоне старого, феодального общества, и обеспечивает при помощи буржуазного государства и права условия развития капиталистического базиса. Иначе обстоит дело в период социалистической революции. И здесь конфликт между новыми производительными силами и отжившими капиталистическими производственными отношениями предшествует политическому перевороту, возникновению новых государственных и правовых учреждений. Но социалистический уклад хозяйства не может сформироваться в недрах капитализма, потому что для него нужна ликвидация капиталистической частной собственности на средства производства, а это невозможно без ликвидации власти буржуазии и установления диктатуры рабочего класса. Поэтому созданию социалистического базиса предшествует политическая революция пролетариата.

Противники марксизма видят в этом противоречие, отступление от исторического материализма: политическая революция пролетариата является условием экономического переворота. Они не хотят понять того, что политическая пролетарская революция вызвана прежде всего экономическими причинами и потребностями. Сам носитель этой революции — рабочий класс является продуктом всего предшествующего экономического развития капитализма; не будь его, не было бы и социалистической революции. Далее, без материальных предпосылок, созданных экономическим развитием капитализма, без гигантского обобществления труда социализм был бы невозможен.

Социалистическая надстройка складывается не сразу в готовом виде вслед за политическим переворотом, она формируется и развивается на основе изменения экономического строя и в то же время служит формированию, развитию и защите социалистической экономики. Изменяются задачи, функции, содержание и формы работы различных учреждений надстройки по мере развития экономического базиса. Примером зависимости социалистической надстройки от развития социалистического базиса может служить изменение функций Советского социалистиче-

ского государства после создания экономического базиса социализма и далее, при переходе к развернутому строительству коммунизма.

Итак, и при переходе к социализму надстройка изменяется и развивается под определяющим влиянием экономического строя. Своеобразие заключается здесь в том, что социалистическая надстройка *начинает* складываться в ходе общего развития социалистической революции, до начала экономического переворота и служит могучим орудием этого переворота.

Общие законы, открытые марксизмом, естественно, проявляются по-разному в разных исторических условиях. Эти видоизменения не отменяют закона о базисе и надстройке, а конкретизируют и подтверждают его.

Так как экономический базис одного и того же типа может иметь особенности в зависимости от исторических условий его возникновения в различных странах, от национальных и международных отношений, географических условий и т. д., то и смена его другим базисом наряду с общими чертами содержит и не может не содержать много своеобразного в каждой стране. Большое разнообразие имеется в развитии базиса капитализма в разных странах. Не меньше своеобразия представляет и развитие экономического базиса социализма, например в СССР, в Китае и в других странах народной демократии. Обобщая ход всемирной истории, Ленин особо подчеркивал *своеобразие в порядке и формах развития отдельных стран*, что нисколько не отменяет общие закономерности истории в целом.

Своеобразию в развитии базиса соответствуют и особенности в развитии надстройки. В качестве политической надстройки рабовладельческого общества в различных странах и в разное время выступала то рабовладельческая монархия (деспотические монархии древнего мира), то аристократическая, то демократическая рабовладельческая республика (Древняя Греция). В качестве политической надстройки современного капитализма в различных странах выступает то конституционная парламентская монархия (Англия, Швеция, Голландия, Бельгия), то буржуазно-демократическая парламентская республика (Франция, США), то фашистская диктатура (например, гитлеровская Германия). Да и каждая из этих форм политической надстройки имеет свои особенности в различных странах. Так, Франция и США — буржуазные республики, но между ними есть и некоторые различия, отражающие особенности экономических укладов и соотношение классовых сил внутри этих стран.

Марксизм-ленинизм раскрыл и своеобразие надстройки социалистического общества в разных странах, своеобразие диктатуры пролетариата, социалистической демократии, подчеркивая вместе с тем, что *сущность* социалистического государства одна и та же.

3. Активная роль надстройки

Буржуазные критики марксизма говорят, что марксизм дает «одностороннее», экономическое объяснение истории при помощи одного «экономического фактора», отрицая якобы влияние и роль всех других факторов — политических, идеологических, психологических, религиозных, культурных и т. д. Подобная критика марксизма свидетельствует о невежестве его критиков.

Раскрыв определяющую роль базиса в отношении надстройки, исторический материализм вовсе не отрицает активной роли надстройки, ее обратного воздействия на базис, не отрицает, а обязательно требует учитывать взаимодействие базиса и надстройки в процессе развития общества. Но взаимодействие базиса и надстройки — это не взаимодействие двух независимых друг от друга и равнозначных «факторов»: надстройка является отражением базиса, производным от него. Взаимодействие базиса и надстройки происходит на основе экономического базиса: именно базис порождает соответствующую ему надстройку и определяет направление ее развития. Только после выяснения этого, главного, мы можем правильно определить и весь характер взаимодействия базиса и надстройки и функции надстройки, ее активную роль в развитии общества, возможности и пределы ее обратного воздействия на базис.

Надстройка не есть пассивное следствие базиса или что-то вроде внешнего украшения здания общества. Если эксплуататорские классы в течение многих веков создавали и укрепляли свои политические и юридические учреждения, поддерживали религию и церковь, развивали и навязывали массам свою идеологию, то они поступали так потому, что при помощи этих средств они могли укреплять свое господство над трудящимися массами, над большинством общества. Если эксплуатируемые классы стремятся уничтожить угнетающие их учреждения господствующих эксплуататорских классов и создают свои организации, свою идеологию, то это объясняется потребностями их борьбы за свое освобождение. Если бы марксисты считали, что надстройка не играет активной роли в истории, то зачем они стали бы призывать рабочих к борьбе против буржуазного государства и реакционной буржуазной политики и идеологии, за победу диктатуры пролетариата и социалистической идеологии?

Государство — сильнейшее орудие господствующего класса. Оно концентрирует в себе экономическую и политическую мощь данного класса. Социалистическое государство концентрирует в своих руках всю экономическую и политическую мощь народа.

Государство может действовать прогрессивно, ускоряя и облегчая экономическое развитие, а может своими мероприятиями тормозить экономическое развитие, причем в этом случае

оно подорвет свою экономическую основу, и его политика неизбежно потерпит крах. Буржуазная надстройка современного, загнивающего капитализма играет сугубо реакционную роль, подавляя стремление рабочего класса уничтожить капиталистические производственные отношения, ставшие оковами развития производительных сил.

Активное воздействие на экономический базис оказывает и право, при помощи которого правящий класс закрепляет экономические порядки, на которых держится его господство. Господствующий класс воздействует на экономическое развитие путем установления законов о собственности, о труде, о наследовании имущества, о кредите, о займах, о промышленности, торговле, изобретениях и т. д.

Значит ли это, что государство и право могут определять развитие экономики и двигать его в любом направлении, отменить действие экономических законов? Отнюдь нет. Как ни пытаются, например, буржуазные правительства «планировать» развитие капиталистического хозяйства, уничтожить цикличность развития производства, кризисы перепроизводства, им этого никогда не осуществить. Хвастливые заявления и пророчества буржуазных идеологов и политиков о процветании капитализма, о «плановом капитализме» неизбежно проваливаются с каждым очередным экономическим кризисом перепроизводства. Экономические законы, открытые Марксом, нельзя отменить криками о том, что «марксизм опровергнут». Подобных криков и пророчеств было за сто лет много, а законы экономического развития, открытые Марксом, продолжают действовать с неумолимой силой.

Государство и право могут, конечно, ослаблять и несколько ограничивать сферу действия одних экономических тенденций и усиливать действие других тенденций, присущих данному экономическому строю[1]. При этом необходимо учитывать всю сложность механизма надстройки и ее действия. Буржуазное государство и право, например, выражая и защищая интересы господствующего класса, встречают противодействие и сопротивление угнетенных классов, которые защищают свои интересы и добиваются тех или иных уступок, реформ, ведя борьбу за свои конечные цели. Правящие партии буржуазии, сменяющие друг друга у власти, защищая общие интересы буржуазии против трудящихся, вместе с тем отстаивают интересы и привилегии одной части своего класса иногда за счет другой части и, естественно, встречают сопротивление этой последней.

[1] Так, например, милитаризация экономики, проводимая капиталистическими монополиями и их государством, оказывает некоторое ограниченное влияние на движение циклов капиталистического производства, на формы и темпы этого движения, но не может отменить периодически происходящих кризисов перепроизводства.

Итак, надстройка вовсе не пассивно следует за экономическим развитием, как утверждают сторонники «теории стихийности», сторонники «экономического материализма». Оказывая обратное воздействие на базис, надстройка в целом или ее отдельные части нередко вступают в противоречие с базисом или его отдельными сторонами. Как показано выше, в период социальной революции старая надстройка вступает в конфликт с новыми производственными отношениями и с потребностями развития производительных сил. Новая надстройка, ведя борьбу с остатками старого базиса, содействует их ликвидации и ускоряет развитие нового базиса и новых производительных сил.

Особенно велика активная, преобразующая, творческая роль социалистической надстройки (социалистического государства и права, социалистической идеологии) в революционном преобразовании капиталистического общества и в создании и защите социалистического общества. Деятельность коммунистических партий социалистических стран служит ярким подтверждением того, какую великую преобразующую роль в развитии общества играет социалистическая надстройка. Коммунистические партии социалистических стран являются руководящей и направляющей силой социалистических государств. Идеология и политика марксистской партии вдохновляет, организует и направляет не только деятельность учреждений новой надстройки, руководящей частью которой она сама является, но и хозяйственное строительство, все историческое творчество народных масс.

Социалистическая надстройка играет активную роль в строительстве коммунизма. Создание материально-технической базы коммунизма, новый мощный подъем всех производительных сил, создание изобилия материальных благ — все это закономерно обусловливает дальнейшие глубокие качественные изменения в экономике, дальнейшее развитие и усовершенствование социалистических производственных отношений, перерастание социалистического экономического базиса общества в коммунистический. В соответствии с этим будет развиваться и совершенствоваться и надстройка общества, работа всех ее учреждений. Высшего развития достигнет социалистическая демократия, подготовляя условия для полного отмирания государства и замены его коммунистическим самоуправлением. Полностью будут преодолены пережитки капитализма в сознании людей, пережитки буржуазной морали, религии и т. п. Принципы коммунизма, коммунистической морали войдут в быт, в плоть и кровь людей, станут нормой поведения всех людей.

Положение исторического материализма об определяющей роли базиса в отношении надстройки и об обратном воздействии надстройки на базис, об активной роли надстройки целиком и полностью сохраняет свою силу и в период перехода общества от капитализма к социализму и в коммунистическом обществе.

При этом *роль надстройки возрастает,* потому что социалистическая экономика развивается не стихийно, а строится планомерно, сознательно, под руководством коммунистической партии и социалистического всенародного государства, опирающихся в своей деятельности на марксистскую науку об объективных законах развития общества, законах строительства социализма и коммунизма. Коммунистическая партия выполняет руководящую и направляющую роль в строительстве и развитии социалистической экономики и возвышающейся над ней социалистической надстройки. Она руководит работой всех учреждений по коммунистическому воспитанию трудящихся, по преодолению пережитков капитализма в сознании людей. Она развивает социалистическую идеологию, направляет развитие социалистического искусства, воспитывает массы в духе коммунистической морали.

Руководствуясь знанием законов взаимодействия базиса и надстройки, социалистическое общество совершенствует и использует социалистическую надстройку для построения экономического базиса коммунизма, для организации творческой активности масс. Осуществленная КПСС перестройка органов управления промышленностью, сельским хозяйством, расширение прав союзных республик, разработка новой Конституции, перестройка системы народного образования, деятельности общественных организаций и культурных учреждений являются примером усовершенствования разных частей надстройки для успешного решения задач строительства коммунизма.

ГЛАВА XIV

КЛАССЫ, КЛАССОВАЯ БОРЬБА, ГОСУДАРСТВО

В отличие от общих закономерностей развития, свойственных всем общественно-экономическим формациям, борьба классов представляет собою закономерность развития не всех, а определенных формаций, при которых общество разделено на антагонистические классы. От первобытнообщинного строя, не знавшего классового деления, человечество идет через классовые формации к коммунистическому строю, при котором навсегда исчезнут классовые различия. Почему на определенных ступенях своего развития общество делится на классы? Что такое классы? Как они возникли?

Правильный ответ на эти вопросы дает возможность понять и сущность государства, его происхождение и роль в классовой борьбе.

1. Определение классов

Начнем с рассмотрения сущности классового деления общества. Если сравнить друг с другом людей, принадлежащих к различным классам, например к классам буржуазии и пролетариата в капиталистическом обществе, то можно видеть, что они различаются и по условиям своей жизни, и по роду занятий, и по своим взглядам, навыкам, стремлениям. Что же главное, определяющее все различия между классами? По каким основным признакам следует различать общественные классы и где искать причину этих различий?

Деление общества на классы нельзя объяснять биологическими, расовыми причинами, различием природы людей, как это делают многие защитники классового гнета.

Стремясь оправдать деление общества на классы «непреложными законами природы», буржуазные социологи (вроде немецкого социолога конца XIX в. Отто Аммона, французского социолога Ляпужа и др.) нередко подменяют социальные различия между классами биологическими, расовыми раз-

личиями между индивидами. Но, вопреки утверждениям сторонников таких взглядов, не существует биологических различий между людьми различных классов. Разве фабрикант и рабочий в капиталистических странах обязательно являются представителями различных рас? Разве факты не показывают, что внутри одной и той же расы — и в Европе, и в Азии, и в Америке — существует деление на общественные классы?

В отличие от расовых различий классовые различия порождены социальными, а не естественными причинами. Деление общества на классы не вечно, оно будет устранено в ходе дальнейшего социально-исторического развития с той же необходимостью, с какой в свое время возникло.

Равным образом несостоятельны все попытки вывести классовые различия из различия индивидуальных способностей людей. «Последняя основа, на которой покоится наличие классов,— это индивидуальные различия способностей» [1],— утверждал американский экономист и социолог И. Шумпетер. В действительности различия между фабрикантом и рабочим — это не различия их индивидуальных способностей, а различия их общественного положения. Чтобы правильно определить понятия «капиталист», «рабочий», нужно оставить в стороне как не относящиеся к делу все индивидуальные различия между людьми, в том числе и различия способностей отдельных лиц. Дело в том, что возможность для отдельных лиц развить свои способности определяется в классовом обществе принадлежностью к тому или иному классу, а не наоборот, как это получается у буржуазных социологов, подобных Шумпетеру. Известно, что большинство господ капиталистов отнюдь не принадлежит к самым способным людям. Чтобы занять свое место в жизни, им достаточно владеть капиталом; обладая капиталом, они могут купить, поставить себе на службу таланты и способности других людей.

Искать основу классовых различий нужно в материальных, экономических условиях жизни людей, а не в их сознании, как это делают сторонники *психологического направления* в буржуазной социологии. Как ни важно учитывать различия психологии, взглядов, мировоззрения людей, принадлежащих к разным классам, не ими определяется существование классов. Классы существуют объективно, независимо от того, сознают или не сознают это люди; их классовое сознание есть лишь более или менее ясное отражение условий их общественного бытия, их экономического положения.

Какие же именно экономические отношения определяют различия между классами? В последней, оставшейся незаконченной главе III тома «Капитала» Маркс отмечает, что на первый взгляд может показаться, будто класс образуется общностью источников его дохода. Согласно *распределительной* теории классов,

[1] *J. A. Schumpeter.* Imperialism and Social Classes. N. Y., 1951, p. 210.

наемные рабочие, капиталисты и земельные собственники отличаются друг от друга тем, что первые получают заработную плату, вторые — прибыль, третьи — земельную ренту. Однако только по этому признаку нельзя определить классы, выделить их из множества общественных прослоек и групп, которые также могут получать свой доход из различных источников. Так, например, при капитализме различны источники дохода у чиновников, получающих жалованье от государства, и у врачей, получающих гонорар за лечение от частных лиц. Но разве это дает основание считать их различными классами? Имеются различия по источникам или размерам доходов и между различными группами внутри классов: земельные собственники распадаются на владельцев виноградников, пахотной земли, лесов, рудников и т. д., но они не образуют различных классов.

Различие между классами по способам и размерам получения общественного дохода, конечно, существует, но это различие не является определяющим признаком классового деления. В этом легко убедиться, если поставить перед собой вопрос: почему существуют различные источники доходов, а следовательно, почему воспроизводятся различные классы? Почему, например, пролетарии пожизненно обречены существовать на скудный доход, получаемый ими от продажи своей рабочей силы? Это, очевидно, объясняется тем, что они лишены собственности на средства производства.

Стало быть, различие способов получения и размеров той доли общественного богатства, которой располагают классы, вытекает из их *отношения к средствам производства,* из их положения в общественном производстве. Следовательно, не способом распределения продуктов, а способом производства обусловливается разделение общества на классы и определяются различия между ними.

Из распределительной теории следует, будто борьба классов сводится лишь к борьбе за изменение способа распределения, за большую долю общественного дохода, т. е. за отдельные реформы, а не за изменение всего общественного строя. Не случайно проповедниками этой теории выступали и выступают реформисты (в свое время К. Каутский, Э. Бернштейн и др., а ныне — некоторые из лидеров правых социалистов и профсоюзов, вроде Д. Дубинского в США). Но вопреки утверждениям реформистов никаким изменением распределительных отношений нельзя устранить эксплуатацию, ибо ее основа лежит не в способе распределения, а в способе производства, в форме собственности на средства производства.

Среди немарксистских теорий классов есть и такие, которые признают, что коренное различие между классами следует искать в области производства, но не в отношении к средствам производства, а в различии функций в организации общественного производства. *Организационная теория,* одним из авторов которой является А. Богданов, утверждает, будто классы появились в результате разделения людей на «организаторов» и исполнителей. Эта теория так же, как и распределительная, дает возмож-

ность проповедовать вечность классов и их примирение. Она приводит к выводу, будто производство обязательно требует существования различных классов, которые выполняют неодинаковые функции в процессе производства и тем самым дополняют друг друга.

Различия между классами по их роли в организации общественного труда действительно существуют, но они также вытекают из различного отношения к средствам производства. Крупное машинное производство требует организаторской деятельности, управления производством, но отсюда не вытекает, что управлением должны заниматься люди, принадлежащие к иному классу, чем непосредственные производители. Маркс отмечал: «Капиталист не потому является капиталистом, что он управляет промышленным предприятием,— наоборот, он становится руководителем промышленности потому, что он капиталист. Высшая власть в промышленности становится атрибутом капитала, подобно тому как в феодальную эпоху высшая власть в военном деле и в суде была атрибутом земельной собственности» [1].

Когда те или иные производственные отношения отживают свое время и становятся препятствием для развития производительных сил, то изменяется и роль господствующего класса в общественной организации труда: он теряет свою организаторскую роль в производстве и вырождается в паразитический нарост на теле общества. Так в свое время произошло с земледельческой аристократией, а ныне происходит с буржуазией. «Монополистическая буржуазия является бесполезным наростом на общественном организме, излишней для процесса производства» [2]. Растущий паразитизм буржуазии свидетельствует о том, что этот класс отжил свое время, что он не только не нужен производству, но и прямо мешает его развитию и, следовательно, должен быть устранен.

Ни различия источников дохода, ни различная роль в организации производства сами по себе еще не определяют классов. Различия между классами определяются прежде всего их отношением к средствам производства и вследствие этого различием места, занимаемого каждым из них в исторически определенной системе общественного производства. Как мы знаем, производственные отношения в антагонистическом классовом обществе представляют собой отношения эксплуатации, господства и подчинения. Это объясняется тем, что господствующий класс обладает монополией на средства производства, т. е. ему принадлежат все или по крайней мере важнейшие средства производства, тогда как угнетенный класс лишен этих средств производства. Всюду, где одна часть общества монопольно владеет средствами производства, работник должен, помимо рабочего времени, необходимого для содержания его самого, затрачивать еще прибавочное рабочее время для содержания собственника средств произ-

[1] *К. Маркс.* Капитал, т. I, стр. 339.
[2] «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 29.

водства. Из *различного отношения к средствам производства*, как коренного, решающего признака, вытекают все остальные признаки классов, в том числе и их роль в общественной организации труда, а также различие размеров и источников их дохода. Все эти черты и признаки, характеризующие сущность классового деления общества, обобщены Лениным в следующем определении:

«Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства» [1].

Классовое деление общества имеет свою основу в экономическом строе общества, но оно находит свое отражение и в его политическом строе и в духовной жизни. Поэтому основоположники марксизма-ленинизма рассматривали класс не только как экономическую, но и как более широкую социальную категорию. Они отмечали, например, что противоположность пролетариата и буржуазии, присущая производственным отношениям капитализма, проявляется во всей социальной жизни: и в условиях быта этих классов, и в их семейных отношениях, и в том, что рабочие имеют другие идеи и представления, нравы и нравственные принципы, ведут иную политику, чем буржуазия.

2. Возникновение классов. Классовая структура общества и ее зависимость от способа производства

Основой классовых различий является различное отношение групп людей к средствам производства. Каким же образом возникло это различие? Почему одна часть общества смогла сосредоточить в своих руках важнейшие средства производства, а другая часть общества лишена их? Может быть, это объясняется тем, что одним людям удалось путем насилия отнять средства производства у других? Так утверждают некоторые буржуазные социологи, которые ищут причины разделения общества на классы в политических факторах, например в насилии, в покорении одних людей или народов другими. На позиции теории насилия стояли, например, Дюринг, Гумплович, а также Карл Каутский в последних своих работах.

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 29, стр. 388.

Конечно, переход от бесклассового общества к классовому не совершался без насилия. Но насилие лишь ускоряло и углубляло имущественное неравенство, а не создало его. Насилием невозможно объяснить возникновение классов, как нельзя объяснить грабежом возникновение частной собственности. Ведь грабеж может передать имущество одного владельца другому, но не может создать частную собственность как таковую. Вооруженные стычки между племенами, столкновения из-за охотничьих угодий и т. д. имели место задолго до появления классов, но они не приводили к возникновению рабства до тех пор, пока его не подготовило экономическое развитие общества.

Классы не могли возникнуть до тех пор, пока в результате роста производительности общественного труда не появился прибавочный продукт. Но этим была создана лишь возможность разделения общества на классы, непосредственной же причиной раскола общества на антагонистические классы было возникновение частной собственности на средства производства. Развитие производительных сил привело к общественному разделению труда и обмену продуктами. А вместе с разделением труда и обменом развивалась и частная собственность на средства производства. Благодаря созданию более совершенных орудий труда (например, переходу от каменных орудий к металлическим) общий труд перестал быть необходимостью; экономически выгодным стало производство силами отдельных семей, которые начали вести свое, обособленное хозяйство и обмениваться продуктами своего труда.

По мере того как общинная собственность уступала свое место частной собственности на средства производства, развивалось экономическое неравенство между родами и отдельными семьями. Выделялась родовая знать: старейшины, военачальники, жрецы и другие лица, занимавшие общественные должности в родовой общине, обогащались, захватывали часть общинной собственности, подчиняли себе обнищавших членов общины. Обогащение родовой знати ускорялось участившимися военными столкновениями между общинами. Войны стали постоянным промыслом. Военачальник и его дружина начали смотреть на войну и грабеж, как на более почетное дело, чем труд. По словам римского писателя Тацита, описавшего в I в. жизнь древних германцев, дружинников «легче убедишь вызывать на бой врага и получать раны, чем пахать землю и выжидать урожая; даже больше — они считают ленностью и малодушием приобретать пóтом то, что можно добыть кровью». При всех этих условиях постепенно внутри общины развивалось имущественное неравенство и классовое расслоение.

Образование классов происходило, во-первых, через выделение внутри общины эксплуататорской верхушки, состоявшей первоначально из родовой знати, а потом — из более широкого

слоя богатых людей; во-вторых, посредством обращения в рабство сначала чужеплеменников, захваченных в плен, а затем и обнищавших соплеменников, попавших в долговую кабалу.

Первая форма рабства возникла в недрах патриархальной родовой общины. Это было домашнее, или патриархальное, рабство, при котором численность рабов была сравнительно невелика: они трудились вместе со свободными членами рода или семьи под надзором старшего в роде или главы семьи.

В результате дальнейшего развития производительных сил, частной собственности и обмена на смену патриархальному рабству, еще уживавшемуся с родовыми отношениями, пришла новая форма рабства: основные работы стали выполняться рабами, на которых было возложено все бремя производительного труда. Получила значительное развитие работорговля.

Разделение общества на классы явилось в конечном счете результатом развития производительных сил и общественного разделения труда, которое привело к возникновению частной собственности, противоположности между городом и деревней, между умственным и физическим трудом. Как противоположность между городом и деревней, так и противоположность между умственным и физическим трудом проходит через всю историю классового общества.

На протяжении многовековой истории сменялись общественно-экономические формации, сходили со сцены общественной жизни одни классы и нарождались другие, изменялись взаимоотношения между классами и внутри формаций. Коренная причина всех этих изменений заключалась в изменениях, происходивших в способе производства, в производительных силах и производственных отношениях. При смене одного способа производства другим изменялись распределение средств производства между членами общества, формы собственности, а в зависимости от этого и классовая структура общества. История классового общества показывает три формы классового порабощения: рабство, крепостничество, наемный труд. Последовательная смена этих способов эксплуатации, обусловленная развитием производительных сил, означала постепенную замену личной зависимости работника его экономической зависимостью.

При рабовладельческом способе производства рабовладелец являлся собственником не только средств производства, но и работника производства, который рассматривался в качестве простого орудия производства. Римский писатель Варрон в своем трактате о сельском хозяйстве делил орудия, которыми возделываются поля, на три разряда: «орудия говорящие», орудия, «издающие нечленораздельные звуки... и орудия немые... к говорящим относятся рабы, к издающим нечленораздельные звуки — волы, к немым — телеги». Рабство — это самая грубая и жестокая форма эксплуатации.

С изменением способа производства на смену рабовладельческой форме эксплуатации явилась феодальная. При феодальном способе производства крестьянин располагал своим небольшим хозяйством, некоторыми орудиями производства. Однако феодал был собственником главного средства произ-

водства — земли, что и давало ему возможность присваивать прибавочный труд крестьянина. Крепостной отличался от раба: он не считался полной собственностью феодала, последний мог купить, продать, но (по закону) не мог убить его. Присвоение феодалами прибавочного продукта, произведенного крестьянами, осуществлялось либо в форме отработочной ренты (барщины), либо в форме ренты продуктами (оброка), либо в форме денежной ренты (когда крестьянин вносил помещику определенную сумму денег). Эти формы присвоения последовательно менялись на разных ступенях развития феодального способа производства.

В рабовладельческом и феодальном обществах производители материальных благ — рабы и крепостные крестьяне были юридически неполноправны и лично зависели от владельца средств производства. В этих обществах классовые различия при помощи государственной власти юридически закреплялись в *сословном* делении населения. Для каждого сословия законом устанавливалось особое место в государстве, те или иные права и обязанности. Поэтому классы рабовладельческого и феодально-крепостнического общества были также и особыми сословиями. Капиталистический способ производства упростил классовое деление общества, упразднил сословные привилегии. При капитализме непосредственные производители — рабочие стали юридически свободными. Но они лишены собственности на средства производства и находятся в экономической зависимости от капиталистов. Капиталистический способ эксплуатации Маркс и Энгельс назвали системой наемного рабства.

Таким образом, из характера антагонистических способов производства вытекают различные способы эксплуатации, а вместе с тем и различное расчленение общества на классы. Каждому антагонистическому способу производства свойственно особое разделение общества на классы: рабовладельческому способу производства — разделение на рабовладельцев и рабов, феодальному — на феодалов и крепостных, капиталистическому — на капиталистов и пролетариев.

Это *основные* классы соответствующих общественно-экономических формаций. Основных классов в каждой формации два. Их существование непосредственно вытекает из того способа производства, на котором основана данная общественная формация. Во взаимоотношениях и борьбе этих классов выражается основное противоречие данного способа производства и всего общества.

Наряду с господствующим способом производства в обществе могут сохраняться и остатки прежних способов производства или возникать зародыши нового способа производства в виде особых укладов хозяйства. Вследствие этого наряду с основными классами обычно имеются и *неосновные*, или *переходные* классы.

Так, в рабовладельческих обществах существовали мелкие свободные земледельцы-крестьяне, а также ремесленники. В феодальном обществе по мере развития городов росли новые общественные слои: ремесленники, организованные в цехи и корпорации, торговцы и т. д. В городах позднего средневе-

ковья цеховые мастера превратились в слой эксплуататоров, а подмастерья — в эксплуатируемую массу рабочих. Выделялись капиталистические элементы и из верхушки крестьянства.

В капиталистическом обществе долгое время существовали, а в тех странах, где сохранились значительные пережитки феодализма, и поныне существуют в качестве неосновного класса помещики — крупные землевладельцы, применяющие наряду с капиталистическими и докапиталистические способы эксплуатации крестьян.

В большинстве капиталистических стран имеются многочисленные слои мелкой буржуазии: мелкие крестьяне, ремесленники, мелкие торговцы и т. д. Экономической основой их существования является простое товарное производство. Они занимают промежуточное положение между буржуазией и пролетариатом. Их роднит с буржуазией то, что они являются частными собственниками (хотя в отличие от нетрудовой, частнокапиталистической собственности это трудовая собственность, основанная на личном труде); их роднит с пролетариатом то, что они являются тружениками и подвергаются капиталистической эксплуатации.

По мере развития капитализма мелкая буржуазия расслаивается, дифференцируется: небольшая часть ее богатеет, превращается в капиталистов, эксплуататоров, а бо́льшая часть разоряется, переходит на положение полупролетариев или пролетариев. Это закономерный процесс, вытекающий из преимуществ крупного производства перед мелким, из открытого Марксом закона концентрации и централизации капитала. Но этот процесс не приводит к полному вытеснению мелких производителей. Даже в развитых странах капитализма имеется довольно многочисленный слой мелких производителей, а в странах, капиталистически менее развитых, они составляют преобладающую массу — до 60—70% населения.

Значительную — и притом возрастающую — долю в населении капиталистических стран составляют служащие, инженерно-технический персонал и т. д., которых нередко также относят к средним слоям (их называют «новыми» средними слоями в отличие от мелких производителей — «старых» средних слоев). Однако далеко не все они могут быть действительно отнесены к средним слоям. Верхушка чиновничества, административного персонала в промышленности, торговле, кредитных организациях и т. д. тесно срастается с буржуазией и пользуется частицами ее прибылей; рост этих непроизводительных слоев связан с загниванием капитализма. Что же касается большинства служащих, то они в современных условиях все больше теряют свое былое привилегированное положение и становятся «рабочими в белых воротничках». Значительная часть инженерно-технических работников в связи с автоматизацией производства утрачивает

функцию управления и надзора за рабочими и по характеру труда сближается с основной массой рабочих. Эти процессы показывают несостоятельность утверждений современных буржуазных социологов и правых социалистов о «депролетаризации» населения; наоборот, ряды пролетариата расширяются.

Наряду со служащими, инженерно-техническим персоналом в капиталистическом обществе имеется значительное количество работников умственного труда, представителей так называемых свободных профессий (занимающиеся частной практикой врачи, адвокаты, деятели искусства и т. д.). По своему положению эта категория работников имеет много общего с мелкими производителями.

Вся масса людей, профессионально занимающихся умственным трудом, составляет *интеллигенцию.*

Интеллигенция никогда не была и не может быть особым классом. Это объясняется прежде всего тем, что она не занимает самостоятельного места в производстве материальных благ. Большая часть ее (за исключением технической интеллигенции) занята вне сферы производства материальных благ. К тому же интеллигенция не является классово однородной, она рекрутируется из различных классов и обслуживает различные классы, частично входит в них либо примыкает к ним. Сообразно с этим интеллигенция делится в капиталистическом обществе на буржуазную, мелкобуржуазную и пролетарскую. По образному выражению В. Воровского, интеллигенция «похожа на идейный парламент, где представители разных классов входят во всевозможные группировки, соответственно тому, как группируются интересы пославших их классов. Говорить поэтому о классовых чертах интеллигенции, как целого, нет никакого основания» [1]. Интеллигенция играет значительную роль в классовой борьбе. Вопрос о привлечении возможно более широких слоев интеллигенции на свою сторону имеет существенное значение для борющихся классов. Условия жизни капиталистического общества вынуждают массу интеллигенции служить господствующим эксплуататорским классам. В то же время современный капитализм не способен обеспечить широким кругам интеллигенции условия для применения ее творческих сил. Часть буржуазной интеллигенции, осознавшая гнилость капитализма, переходит на сторону рабочего класса. Рабочий класс создает и свою, пролетарскую интеллигенцию, хотя капитализм затрудняет для рабочих доступ к образованию и умственному труду.

Мы видим, что классовый состав общества отличается большой сложностью: кроме основных классов, могут существовать неосновные классы и различные промежуточные слои, различные прослойки. Нередко в обществе имеются и более или менее

[1] *В. В. Воровский.* Представляет ли интеллигенция общественный класс? Соч., т. II. Соцэкгиз, 1931, стр. 14.

многочисленные деклассированные элементы, состоящие из людей, потерявших связь со своим классом, не имеющих определенных занятий, спустившихся «на дно» (так, при капитализме люмпен-пролетариат: нищие, проститутки, воры, жулики и т. д.).

Сложность классового состава общества нередко используется буржуазными социологами для того, чтобы затушевать основное деление капиталистического общества на классы. Они подменяют его делением на социальные слои («страта» — термин, заимствованный из геологии, отсюда «социальная стратификация» — учение о социальных слоях, напластованиях и т. д.). Таких «слоев» буржуазные социологи насчитывают множество, а затем делают вывод о том, что в современном обществе грани между всеми ними подвижны. Американский философ и экономист Ст. Чейз заявляет, что в США «классы находятся в постоянном движении: люди, входящие в них, поднимаются и опускаются, как лифты в учреждении».

Но, хотя классовое положение отдельных лиц и может изменяться, этим не устраняется различие между классами как большими группами людей, образующими классовую структуру общества. И сколько бы ни твердили Чейз и ему подобные о том, что в США люди могут свободно изменять свое классовое положение, например каждый чистильщик сапог может-де стать миллионером, такой путь закрыт для миллионов людей. Всякого рода передвижки, изменения в социальном положении масс ведут их лишь вниз. Разорение мелких предпринимателей, пролетаризация крестьян и ремесленников, переход части рабочих на положение безработных и люмпен-пролетариев лишь углубляют противоположность между основными классами капиталистического общества. Вверх по социальной лестнице могут подняться лишь единицы.

В различных странах, находящихся на ступени одной и той же формации, в силу особенностей их социально-экономического развития классовый состав населения не вполне одинаков: различен, например, удельный вес рабочих, мелкобуржуазных слоев города и деревни и т. д. Лишь учитывая особенности соотношения классовых сил в данной стране и ее связи с другими странами, партия рабочего класса может выработать правильную тактику классовой борьбы.

3. Классовые интересы и классовая борьба. Классы и партии

Через всю историю общества со времени распада первобытной общины проходит борьба между классами. «Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер [1] и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов» [2],— так характеризовали Маркс и Энгельс в

[1] Здесь имеется в виду превратившийся в эксплуататора цеховой мастер позднего средневековья.— *Ред.*

[2] «Общая гибель борющихся классов», о которой говорят Маркс и Энгельс, имела место при крушении рабовладельческого строя, в котором классовая борьба рабов не привела к их победе, хотя и нанесла смертельный

«Манифесте Коммунистической партии» основные фазы классовой борьбы до возникновения капитализма. Эпоха капитализма принесла дальнейшее обострение классовой борьбы, расколов общество на два больших лагеря, на два больших класса — буржуазию и пролетариат.

Из-за чего же идет борьба между классами? Является ли она исторически неизбежной? Буржуазные историки и социологи твердят, что она представляет собою результат «недоразумения, взаимного непонимания классов», неумелой политики правящих верхов общества, «подстрекательства злонамеренных элементов» и т. д.

Многие публицистические произведения, философские и социологические сочинения, издаваемые в капиталистических странах, призывают к сотрудничеству классов. Авторы этих произведений предлагают отыскать такие «моральные ценности», такие идеи, которые были бы способны объединить враждующие классы. А когда жизнь обнаруживает тщетность таких попыток, они говорят, что надо было выработать лучшие, более приемлемые для всех классов идеалы.

Но дело, конечно, не в том, что они не могут найти подходящих идей. Думать, что можно спаять между собой классы с непримиримыми, антагонистическими интересами при помощи самых «лучших» идей или «моральных ценностей»,— значит подходить к вопросу с ложных позиций идеалистического понимания истории. В действительности не может быть прочного политического и духовного единства в обществе, где классы противопоставлены друг другу условиями своего экономического бытия, коренной противоположностью интересов.

Классовая борьба порождается противоположностью экономического положения и противоречием интересов различных классов. А если интересы противоположны, то все попытки объединить классы проповедью общей морали потерпят провал.

Что же такое классовые интересы, чем они обусловливаются? Иногда утверждают, что классовый интерес определяется сознанием членов данного класса. Но такое утверждение неправильно. Рабочий класс той или иной капиталистической страны может не сознавать своих коренных интересов и ограничиваться в данный период борьбой за те или иные частичные интересы (например, за повышение заработной платы, сокращение рабочего дня и т. п.). Но это не значит, что его классовый интерес сводится к повышению заработной платы и улучшению условий труда. По своему объективному положению, по условиям жизни рабочий класс заинтересован в освобождении от капиталистической эксплуатации, в уничтожении капитализма.

Классовый интерес определяется не сознанием класса, а положением данного класса в системе общественного производства. Так как пролетариат лишен собственности на средства

удар рабовладельческому строю. Крушение рабовладельческого строя под ударами варварских племен извне и восставших рабов изнутри привело в конце концов к исчезновению как рабов, так и рабовладельцев, место которых заняли классы феодального общества.

производства и подвергается капиталистической эксплуатации, то он по своему объективному положению заинтересован в уничтожении капитализма и является революционным классом. Напротив, буржуазия заинтересована в увековечении капиталистического строя. Буржуа и пролетарии — антагонистические классы, ибо их интересы противоположны и непримиримы. Такими же антагонистическими классами были основные классы предшествовавших капитализму формаций: рабовладельцы и рабы, феодалы и крепостные. Поэтому классовая борьба между ними исторически неизбежна.

Антагонистическими могут быть отношения не только между противоположными классами одной общественно-экономической формации, но и между классами различных формаций, сменяющих друг друга. Таковы, например, отношения между буржуазией и феодалами в ту эпоху, когда буржуазные методы эксплуатации пришли в конфликт с феодальными. Но, поскольку и тот и другой класс являются эксплуататорскими, они могли объединяться. В экономике ряда стран феодальные методы эксплуатации сращивались с буржуазными, а в области политики буржуазия и феодалы нередко блокировались, особенно тогда, когда перед ними вырастал общий противник — народные массы во главе с пролетариатом.

Если противоположность или расхождение интересов классов являются почвой для борьбы между ними, то совпадение интересов различных классов создает возможности для их совместных действий. Таких возможностей больше всего у близких по своему положению классов, например, в условиях капитализма, у рабочего класса и крестьянства. Хотя крестьянство представляет собою класс мелких частных собственников, оно так же, как и рабочий класс, заинтересовано в освобождении от гнета капитала, который разоряет деревню, высасывает из нее жизненные соки. Общность интересов определяет возможность создания прочного союза пролетариата и крестьянства, а также других слоев трудящихся. Союзниками рабочего класса становятся, как отмечается в Программе КПСС, и широкие слои служащих, а также значительная часть интеллигенции, низводимые капитализмом до положения пролетариев и осознающие необходимость перемен в общественной жизни. В этом союзе пролетариат, как наиболее революционный, организованный и сплоченный класс, является руководящим.

В классовой борьбе возможны временные совпадения интересов и глубоко различных по своей социальной природе классов, когда перед ними стоит общий противник. Так, общенациональные задачи, например борьба за национальную независимость в колониях и полуколониях, могут быть почвой для объединенных действий трудящихся масс (рабочего класса, крестьянства, городской мелкой буржуазии) и национальной буржуазии.

Внутри класса существуют слои, группы, которые иногда могут вступать в противоречие друг с другом или с коренными интересами всего класса. Так, среди класса капиталистов есть про-

мышленная буржуазия, финансисты, торговцы и т. д. В условиях государственно-монополистического капитализма выделяется монополистическая верхушка буржуазии, которая ставит себя над всеми остальными слоями этого класса. Класс пролетариев также не является совершенно однородным, хотя он и не разделен отношениями собственности; в его среде имеются рабочие различных отраслей промышленности, разных местностей, неквалифицированные и квалифицированные и т. д., со своими профессиональными или групповыми интересами.

Существование групп внутри классов иногда используется противниками марксизма для доказательства того, что классы «распадаются». Так, в проекте программы Социалистической партии Австрии, представленном на ее съезд в ноябре 1957 г., говорилось, что современное общество развивалось совершенно иначе, чем предсказывали Маркс и Энгельс в «Коммунистическом манифесте»: вместо деления общества на пролетариев и капиталистов образовалось множество классов и групп населения с разнообразными интересами, которые могут различным образом сочетаться. Аналогичный взгляд проводит один из теоретиков французских социалистов А. Филипп в книге «Преданный социализм» (1957). Единство рабочего класса, о котором говорил Маркс в середине XIX в., представляет собой в настоящее время «лишь романтическую химеру,— утверждает А. Филипп.— Вместо двух классов, находящихся на противоположных полюсах, мы имеем перед собой множество групп с самыми противоречивыми интересами...». Подобный взгляд извращает действительность, так как ставит на одну доску менее существенные различия между группами внутри классов с коренной противоположностью между классами. Интересы различных групп внутри классов являются временными, частичными, тогда как общеклассовый интерес — это интерес длительный, коренной. Поэтому групповые интересы в периоды обострения классовой борьбы отступают на задний план по сравнению с общеклассовыми. Единство рабочего класса, о котором А. Филипп говорит как о «романтической химере», выковывается, несмотря на все трудности, в ходе классовой борьбы.

Коренные интересы классов определяют их отношение к господствующему способу производства, к существующему общественному и государственному строю. Антагонистические классы ведут между собой то скрытую, то открытую борьбу за сохранение или уничтожение существующего строя и лежащего в его основе способа производства. Через непримиримую борьбу антагонистических классов осуществляется прогрессивное движение общества, смена одних общественных формаций другими, более высокими.

Буржуазные социологи и сторонники реформизма, идеологи правых социалистов отрицают закономерность классовой борьбы и утверждают, что двигателем прогресса является «сотрудничество классов», что развитие общества идет вперед тогда, когда все классы осознают «несовершенство» того или иного учреждения и своими солидарными действиями изменяют его. В революционной классовой борьбе реформисты видят проявление «ненужных» столкновений, которые способны лишь отбросить общество назад. На самом же деле не классовая борьба, а ее отрицание реформистами тянет развитие общества назад. Ведь если бы

действительно прекратилась борьба между классами, о чем мечтают реформисты (но что в антагонистическом обществе, конечно, на деле невозможно), то это означало бы, что отживающий строй был бы увековечен, а трудящиеся были бы обречены на вечное рабство. Именно революционная борьба классов является двигателем развития антагонистических обществ: она, и только она, ведет к ломке отживших учреждений, к ликвидации устаревших форм экономической жизни, мешающих развитию общества; она, следовательно, движет историю вперед. Как мы знаем, марксистская диалектика открыла источник всякого развития в борьбе противоположных сил и тенденций. В классовом обществе этот закон диалектики обнаруживает свое действие в борьбе классов.

Классовая борьба представляет собой закономерность и движущую силу развития классовых обществ. Открытый Марксом и Энгельсом великий закон исторического движения классовых обществ состоит в том, что «всякая историческая борьба — совершается ли она в политической, религиозной, философской или в какой-либо иной идеологической области — в действительности является только более или менее ясным выражением борьбы общественных классов, а существование этих классов и вместе с тем и их столкновения между собой в свою очередь обусловливаются степенью развития их экономического положения, характером и способом производства и определяемого им обмена»[1]. Этот закон, по словам Энгельса, имеет такую же важность для исторической науки, для понимания развития классового общества, как закон превращения энергии для естествознания.

Классовая борьба находит свое проявление во всех сферах жизни общества. Классы ведут борьбу за свои экономические интересы — за роль и место в области производства и распределения материальных благ. А так как на защите интересов господствующих классов стоит их государство, а экономические интересы находят свое концентрированное выражение в политике, в политических интересах классов, то борьба между ними, развертывающаяся сначала в области экономики, переносится и в область политики, перерастает в борьбу за политическую власть. Изменения форм государства, политических режимов всегда являются результатом изменения соотношения классовых сил, складывающегося в ходе их борьбы. И в области духовной жизни классового общества — в борьбе нравственных, религиозных, политических и иных идей — всегда в конечном счете отражается положение тех или иных классов, их экономические интересы.

Борьба классов находит свое наиболее оформленное выражение в борьбе политических партий. Политические партии выражают интересы классов и руководят их борьбой. По своей политической сущности и по своему составу партия представляет часть того или иного класса, притом наиболее активную часть.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные произведения, т. I. 1955, стр. 211.

Партии отличаются от классов тем, что они: 1) никогда не охватывают всего класса, а представляют собою лишь часть класса (слово «партия» происходит от латинского слова pars — часть); 2) являются результатом сознательного объединения наиболее активных представителей данного класса во имя определенных политических классовых целей, тогда как классы возникают стихийно, в результате экономического развития общества. Поэтому партия возникает позже, чем складывается класс. Благодаря партии класс осознает свои коренные интересы, политически организуется и консолидируется, а это имеет решающее значение для дальнейшего развития классовой борьбы.

Не все политические партии открыто признают себя защитниками интересов класса. Если революционная партия пролетариата выступает прямо, не имея нужды скрывать, интересы какого класса она защищает, то реакционные партии, служащие эксплуататорским классам, тщательно маскируют, прячут свое классовое лицо. Сплошь и рядом враги социализма и демократии называют себя социалистами и демократами; продажные наемники капитала объявляют себя бескорыстными защитниками труда; некоторые партии, предающие национальные интересы, именуют себя национальными партиями. Ленин учил трудящихся не давать себя обманывать подобного рода лживыми заверениями, учил вскрывать подлинное классовое лицо буржуазных и мелкобуржуазных партий, проверять партии не по их словам и заявлениям, лозунгам и резолюциям, а по их делам. В ходе классовой борьбы обнажается подлинное лицо каждой партии. «Всего яснее выступает деление всякого общества на политические партии во время глубоких, потрясающих всю страну, кризисов,— писал Ленин.—...серьезная борьба отметает прочь всякие фразы, все мелкое, наносное; партии напрягают все свои силы, обращаясь к *массам* народа, и массы, руководимые верным инстинктом, просвещенные опытом открытой борьбы, идут за теми партиями, которые выражают интересы того или иного класса»[1]. Только классовый подход дает возможность понять действительную сущность политических партий и их роль в жизни общества.

Такой же классовый подход характерен и для марксистского понимания сущности государства.

4. Государство как продукт непримиримости классов и орган классового господства

Эксплуататорские классы составляют небольшое меньшинство населения, однако они господствуют над громадным большинством. Каким же образом меньшинству общества удается

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 18, стр. 29.

удерживать в зависимости от себя большинство и господствовать над ним?

Основой господства эксплуататоров является их экономическое могущество. Собственность феодала на важнейшее в феодальную эпоху средство производства — землю, собственность капиталиста на фабрики, заводы, рудники, железные дороги, банки — вот что дает им возможность ставить в зависимость от себя трудящиеся массы.

Однако одного экономического могущества эксплуататоров еще недостаточно для того, чтобы сохранять господство меньшинства над большинством. Необходима еще организованная сила для подавления сопротивления угнетенных, для удержания их в подчинении. Такой силой является государство.

Во всех обществах, где существуют антагонистические классы, *государство* представляет собой классовую организацию политической власти, которая охраняет и закрепляет экономические устои господства того или иного класса. Оно располагает орудиями власти: армией, полицией, жандармерией, судебными органами, тюрьмами и т. п.— для обеспечения политического господства экономически господствующего класса и для подавления сопротивления других классов.

Уже из этого следует, что государство не совпадает и не может совпадать с обществом. Люди никогда не жили вне общества, но общество не всегда было организовано в государство. Государство существует не на всех ступенях истории, а лишь тогда, когда общество делится на классы.

При первобытнообщинном строе не было государства, т. е. организации политической власти. Население было тогда организовано по признаку кровного родства: люди объединялись в роды, нередко несколько родов составляло фратрию, несколько фратрий — племя. Во главе родов стояли старейшины; племя управлялось, например у греков, советом, состоявшим из старейшин родов (а позднее — из особых избранников), народным собранием, в котором участвовали все взрослые мужчины, и военачальником. Высшая власть принадлежала народному собранию. Военачальник первоначально не обладал правительственной властью в собственном смысле слова; вооруженных сил, отделенных от народа, не было, все взрослые мужчины имели оружие и в случае надобности выступали против враждебных племен.

С разделением общества на классы картина меняется. Развитие производства, разделение труда, рост торговли, увеличение населения разрушили прежнее единство рода и племени. Расселяясь в зависимости от своих занятий, члены различных родов и племен оказались перемешанными друг с другом. С развитием ремесла и торговли появились города, в которых поселилось много пришлого населения, не принадлежавшего к данному роду или племени. Вместо родового деления население стало разделяться по территориальному признаку, и в совет племени вошли уже не представители родов, а представители свободного населения, проживавшего на данной территории. При этом рабы, численность которых часто превышала численность свободного населения, не пользовались никакими правами, не участвовали в решении общественных дел.

Вместе с углублением классового расслоения и обострением отношений между богатыми и бедными, между рабовладельцами и рабами у экономи-

чески господствующего класса рабовладельцев появилась потребность в особых органах вооруженной власти, отделенных от массы населения. Первобытнообщинный строй не знал отделенной от народа армии, полиции и т. д. В классовом обществе эти орудия оказались необходимыми. Чтобы удерживать в подчинении все возраставшую массу угнетенных, потребовалась особая сила для подавления, и этой силой явилось государство. Возникли особые отряды вооруженных людей, аппарат власти, а для его содержания оказались необходимыми налоги, которых раньше общество не знало.

Важнейший признак государства — это наличие особых отрядов вооруженных людей, особой власти, которая не совпадает с населением, а принадлежит тому или иному классу.

Было бы неправильно видеть отличительный признак государства в органах управления или принудительной власти. Принудительная власть, отмечал Ленин, есть во всяком человеческом общежитии, она была и в родовом устройстве, она есть и в семье, но это не государство. Признаком государства является наличие особого разряда лиц, в руках которых сосредоточивается власть над обществом. Государство появляется тогда, когда власть отделяется от массы населения и оказывается сосредоточенной в руках того или иного класса, располагающего вооруженной силой, особыми отрядами вооруженных людей.

Почему же оказалось необходимым отделение власти от всей массы населения? Потому, что общество оказалось расколотым на непримиримые, антагонистические классы. Если бы в классовом обществе все население было вооружено, как это было при первобытнообщинном строе, то, во-первых, стало бы невозможно сохранить и закрепить условия эксплуатации одного класса другим и, во-вторых, классы истощили бы себя в непрерывной взаимной вооруженной борьбе.

Появление государства свидетельствует о том, что классовые противоречия стали непримиримыми. Борьба между классами приобрела такую остроту, что для эксплуататоров стало уже невозможным удерживать в подчинении эксплуатируемых без такого орудия, как политическая власть. Следовательно, государство есть порождение классового общества, продукт непримиримости классовых противоречий.

При рабовладельческом, феодальном и капиталистическом строе общество состоит из различных классов, а государство представляет собою политическую организацию одного, а именно экономически господствующего, класса. Благодаря обладанию государственной властью этот класс становится и политически господствующей силой. Внешне государство в эксплуататорских обществах выступает как представитель всего общества, но на деле все орудия власти — армия, полиция, жандармерия, разведка и т. д.— защищают интересы господствующего класса.

Буржуазные идеологи нередко пытаются выдать *армию* за надклассовую организацию, которая якобы стоит вне политики. В действительности же во всех обществах, разделенных на антагонистические классы, армия, как и

другие орудия власти государства, носит классовый характер. В античном рабовладельческом обществе армия состояла только из свободных людей, рабы не допускались в нее; армия служила подавлению сопротивления находившихся в стране рабов и захвату новых. Наиболее богатые слои населения в Афинах поставляли в армию всадников, люди среднего достатка — тяжеловооруженных пехотинцев, бедные должны были служить в легковооруженной пехоте и флоте. Организация армии изменялась со сменой типов государства, с изменением классового состава общества, с развитием экономики, средств производства и транспорта, средств ведения войны. Военная организация феодального общества строилась, например, в соответствии с раздроблением власти между феодалами; в распоряжении крупных феодалов было конное рыцарское войско, в которое входили военные дружины зависевших от них мелких феодалов; в феодальном обществе, особенно в последний период его развития, широко применялись также наемные армии. В капиталистическом обществе получают развитие массовые армии, которые комплектуются в большинстве случаев на основе всеобщей воинской повинности (в то же время для колониальных операций империалисты в ряде случаев применяют и наемные войска, вроде «иностранного легиона» во Франции, состоящие из всякого рода преступных и деклассированных элементов).

Для всех этих обществ характерно, что армия противостоит народу, трудящимся массам. Даже в тех случаях, как при капитализме, когда армия вербуется в своей массе из трудящихся, командные посты, особенно высшие, замещаются представителями господствующих классов. Верхушка военщины оказывает заметное влияние на государственную политику, что наиболее характерно для современных империалистических милитаристских, военно-полицейских государств, для фашистских и полуфашистских режимов, делающих ставку на армию, полицию, жандармерию, как на последний якорь спасения от гнева народа.

Защите интересов господствующего класса служит и *право*. Право, так же как и государство, носит классовый характер. Оно выражает возведенную в закон волю господствующего класса. Эта воля находит свое воплощение в обязательных для всего населения законах, нормах поведения, установленных или санкционированных государственной властью. Если при первобытнообщинном строе поведение людей регулировалось обычаем, то в классовом обществе обычая, традиции оказалось недостаточно. Появились законы, соблюдение которых обеспечивается принудительной властью государства, такими его органами, как суд, прокуратура, полиция, тюрьмы и т. д.

Кроме внутренних отношений (между классами) в классовом обществе существуют и отношения внешние (между государствами). Сообразно с этим государство выполняет две функции: внутреннюю и внешнюю. Внутренняя функция государства в рабовладельческом, феодальном и капиталистическом обществе состоит в том, чтобы удерживать в подчинении угнетенные классы, обеспечивать господство эксплуататорских классов; внешняя функция имеет своим назначением защищать территорию и интересы данного государства от других государств или

расшнрять территорию за счет другнх государств н народов. Из этих функций государства главной, определяющей является внутренняя функция, так как нменно ею вызвано к жнзнн государство и она непосредственно вытекает нз классовой структуры общества. В завнснмостн от классовой прнроды государства, а также от конкретно-нсторнческих условнй находится его внешняя полнтнка.

Со сменой общественно-экономнческнх формацнй, с коренным нзмененнем классовой структуры общества нзменяется тип государства. Так, рабовладельческое государство сменнлось феодальным, феодальное — буржуазным. Характерные черты каждого тнпа государства определяются экономнческнм строем общества. Государство, как было показано в XIII главе, представляет собой полнтнческую надстройку над экономнческнм базисом данного общества, подобно тому как право представляет собой юрндnческую часть надстройкн.

В завнснмости от особенностей развнтня различных стран, от форм перехода от феодализма к капнталнзму, от соотношення классовых снл буржуазное государство прнннмало разные формы: констнтуционная монархия, в которой главой государства является король; парламентская республнка, где рядом с выборным парламентом существует выборный глава государства — президент; республнка, в которой презндент сосредоточнвает в своих руках значнтельную власть, являясь одновременно н главой государства н главой правнтельства. Несмотря на все этн н другие разлнчня форм буржуазного государства, сущность его остается одной и той же: оно представляет собой полнтнческое господство буржуазни, ее диктатуру.

Буржуазное государство, так же как н феодальное, отражает в себе характерные черты экономнческого строя, на базе которого оно возникло. Капнталнстнческое общество — это общество товаровладельцев, в котором отношення эксплуатацнн рабочего капиталнстом прнкрыты нх формальным равенством. В акте купли-продажи рабочей снлы капнталнст н наемный рабочий внешне выступают как равноправные товаровладельцы. Такой же формальный характер носнт н буржуазная демократня, провозглашающая правовое равенство людей, за которым скрывается нх глубочайшее экономическое неравенство. Формальный характер буржуазного правового равенства метко охарактеризован нроннческим замечаннем французского пнсателя Анатоля Франса: «Закон в своей величавой справедлнвостн одннаково запрещает как богатым, так н бедным спать под мостом, просить мнлостыню на улнце и воровать хлеб».

По сравненню с феодальным государством возннкновение буржуазно-демократнческого государства представляло собой значнтельный нсторнческий прогресс. Место наследственной абсолютной монархнн заняло в большннстве капиталнстнческих

стран представительное государство, органы власти которого периодически избираются с большим или меньшим ограничением прав населения (ценз). Трудящиеся массы при феодализме не имели политических прав, при строе буржуазной демократии получили возможность участвовать в выборах органов власти, создавать свои экономические и политические организации и т. д. Все это открыло более широкие возможности для борьбы угнетенного класса за свои интересы.

Однако буржуазная демократия остается и не может не оставаться узкой, ограниченной: она является демократией только для эксплуатирующего меньшинства. Пока сохраняется частная собственность на средства производства, указывал Ленин, самая демократическая буржуазная республика неизбежно остается диктатурой буржуазии, машиной для подавления большинства. Эта машина устроена так, что она отстраняет трудящиеся массы от решающего участия в политической жизни, от управления государством. Многочисленные избирательные цензы загораживают трудящимся доступ к избирательным урнам.

Например, в разных штатах США, даже по официальным данным, существует свыше 50 различных ограничений избирательного права. Во всех штатах установлен ценз оседлости, который от участия в выборах отстраняет безработных и сезонных рабочих, вынужденных в поисках работы менять местожительство. В 13 штатах лишены права голоса лица, получающие от государства пособия; в 29 штатах — солдаты и матросы; в 19 штатах существует ценз грамотности, служащий предлогом для лишения избирательных прав значительного числа негров; в ряде штатов установлен имущественный ценз, который не допускает к выборам людей, обладающих имуществом стоимостью менее 300 долларов.

Не довольствуясь подобными ограничениями избирательных прав трудящихся, господствующая буржуазия в ряде стран, особенно там, где она чувствует для себя опасность со стороны растущей активности масс, добивается принятия таких избирательных законов, которые ограничивают представительство в парламенте для прогрессивных партий (этому служит, например, так называемая мажоритарная система выборов).

Даже в тех капиталистических странах, где формально все пользуются одинаковыми правами и свободами, возможности их использования весьма различны для имущих и неимущих. Свободой слова, печати и т. д. фактически располагают лишь те, кто имеет в своих руках здания для собраний, типографии и бумагу для издания газет, т. е. прежде всего владельцы капитала. В парламентах, как правило, подавляющая часть депутатских мест принадлежит не тем, кто представляет большинство нации, а тем, кто представляет капитал. Так, например, в составе конгресса США нет ни одного рабочего, ни одного рядового фермера. Свыше четверти мест в конгрессе занимают предприниматели и банкиры, а более половины членов конгресса составляют юристы, состоящие на службе монополий. Что же касается пра-

вительства США, то оно недаром получило в свое время прозвище «правительства миллионеров» [1].

Все эти факты показывают полную несостоятельность утверждений идеологов буржуазии, будто с возникновением демократической республики государство утрачивает классовый характер и становится представителем всего общества. Проповедники подобных взглядов стремятся скрыть классовую эксплуататорскую сущность современного буржуазного государства.

На той же позиции стоят и идеологи правых социалистов. Некоторые из них утверждают, что современный капитализм превратился в «стейтизм» (от английского слова «стейт» — «государство»), т. е. в такое общество, где нет господства какого-либо класса, а государство действует в интересах всего общества. В книге «Капитализм в современном мире» Д. Коул — один из теоретиков правых лейбористов в Англии — утверждает, что современные буржуазные государства якобы стали в некоторой степени орудием защиты интересов трудящихся и превратились в «государства всеобщего благополучия». Другой идеолог лейбористской партии — Д. Стрэчи, автор книги «Современный капитализм», усматривает противоречие между растущей в капиталистических странах концентрацией экономической мощи и все большей «диффузией (распылением) политической власти», составляющей, по его мнению, сущность демократии. Но в действительности концентрация экономической мощи означает не что иное, как господство капиталистических монополий в экономике, что отрицает Стрэчи, подменяя понятие монополии более приятным для слуха буржуазии термином олигиполии, означающим сосредоточение производства в руках немногих. А господство монополистов в экономике не может не отражаться в политической надстройке. Увеличивая свою экономическую мощь, капиталистические монополии усиливают и свое влияние на политическую жизнь, все более подчиняют себе государственный аппарат. «Диффузия политической власти» в условиях буржуазной демократии — это пустой вымысел, ибо трудящиеся массы, даже участвуя в выборах, не приобретают никакой реальной власти.

Демократический порядок выборов сам по себе не изменяет классовой сущности государства, не превращает его в орудие власти большинства. Если средства производства находятся в руках капиталистов, если капиталисты сохраняют свое экономическое и политическое могущество, то любые законы, даже те, которые приняты под давлением трудящихся, могут быть обращены против трудящихся [2]. Каковы бы ни были законы, господствующее меньшинство буржуазного общества обеспечивает

---

[1] По подсчетам прогрессивного американского экономиста В. Перло, из 272 лиц, занимающих крупные должности в администрации Вашингтона, 150 являются крупными капиталистами, а подавляющее большинство остальных «в течение всей своей жизни поддерживали тесные связи с капиталистами и служили им» (*В. Перло.* Империя финансовых магнатов. М., 1958, стр. 418).

[2] Показательна, например, судьба «антитрестовских» законов, принятых в свое время в США для успокоения общественного мнения, возмущенного произволом монополий. Эти законы не помешали росту капиталистических монополий и их засилью в экономике США. Но зато теперь они используются для борьбы против профсоюзов, которые буржуазные политики обвиняют в том, что они якобы установили «монополию» на рабочую силу.

защиту своих интересов через аппарат исполнительной власти, которая фактически независима от парламента, избираемого населением. Аппарат исполнительной власти состоит из неподотчетных избирателям чиновников, образующих привилегированную касту, всеми условиями жизни связанную с буржуазией. Этот чиновничий и военный аппарат вершит государственные дела, тогда как парламент сплошь и рядом вырождается в пустую «говорильню».

Обострение классовых противоречий внутри страны, экономической и военной конкуренции между государствами побуждает буржуазию всячески усиливать свою военно-бюрократическую государственную машину. Особенно это характерно для эпохи империализма, когда во многих капиталистических странах военно-бюрократическая государственная машина разрастается до чудовищных размеров.

Переход от свободной конкуренции к господству монополий находит свое отражение и в политической надстройке: от буржуазной демократии совершается поворот к политической реакции. Монополистический капитал стремится к экспансии, к захватам рынков, территорий слабых стран, к переделу мира путем войны. Империалистическое государство служит орудием этой политики. Во внутренней политике также происходит поворот буржуазии к реакции. Рост организованности и силы рабочего класса вызывает у буржуазии боязнь демократии, стремление избавиться от нее. Она разрывает рамки созданной ею же законности и переходит к прямому подавлению рабочего движения. Это нашло наиболее яркое выражение в фашизме.

Фашизм в отличие от буржуазной демократии представляет собой открытую террористическую форму диктатуры империалистической буржуазии. Его возникновение неразрывно связано с эпохой общего кризиса капитализма; это попытка укрепить пошатнувшиеся устои капитализма методами террора и насилия. Не случайно фашистский режим был установлен буржуазией прежде всего в тех странах, где устои капитализма были особенно поколеблены, или там, где буржуазия особенно активно осуществляла подготовку к новой мировой войне (в Италии, Германии, Японии). Но фашистские тенденции получили развитие не только в этих странах. Везде, где это возможно, реакционная буржуазия ограничивает демократию, боясь активности народных масс. Показательны, например, призывы реакционных кругов к установлению президентского правительства, независимого от парламента. Подобные призывы особенно настойчиво раздаются в тех странах, где усилилось рабочее движение.

В настоящее время в капиталистических странах появляются зловещие признаки натиска реакции и фашизма. Хотя фашизм в прежних формах скомпрометирован в глазах народов, не исключена опасность возрождения его в новых формах. Самой надежной преградой на пути фашистской опасности является единство демократических сил, в первую очередь рабочего класса.

Империализм всячески ограничивает демократию, но это вызывает противодействие со стороны масс и усиливает их демократические стремления. Отсюда вытекают две противоположные тенденции, которые с большей или меньшей силой дают себя знать в капиталистических странах: буржуазные правительства, ограничивая демократию, подчиняют свою политику интересам монополий, а трудящиеся массы стремятся сохранить и расширить свои демократические завоевания.

Если в период домонополистического капитализма буржуазное государство представляло собой комитет, управляющий общими делами всего класса капиталистов, то в эпоху империализма оно выступает как орудие монополистической буржуазии. «Государственно-монополистический капитализм соединяет силу монополий с силой государства в единый механизм в целях обогащения монополий, подавления рабочего движения и национально-освободительной борьбы, спасения капиталистического строя, развязывания агрессивных войн»[1]. Капиталистические монополии ставят себе на службу государственный аппарат. Используя косвенные методы (подкуп чиновников, депутатов, министров и т. д.), они действуют и непосредственно. Крупные капиталисты, директора банков и президенты акционерных компаний занимают посты министров, руководителей ведомств и обеспечивают проведение политики, угодной монополиям, помогают им умножать свои прибыли путем предоставления выгодных заказов, подрядов, субсидий и т. д.

В США, Англии, Франции государство изымает у населения путем налогов почти треть национального дохода и перераспределяет его через государственный бюджет в интересах монополий. Государство все больше вмешивается в хозяйственную жизнь: делает (опять-таки в интересах монополий) значительные капиталовложения в ряд отраслей хозяйства, иногда (особенно в периоды войн или подготовки к ним) осуществляет контроль над ценами на некоторые товары, регулирует распределение некоторых видов сырья и т. д.

Усиление государственно-монополистического капитализма рассматривается многими буржуазными экономистами как «революция» в функциях государства. «Государство превратилось из полисмена в позитивную экономическую силу»,— заявляет американский экономист Д. М. Кларк. «...Оно взяло на себя роль экономического руководителя и общественного служителя»,— вторит ему американский экономист Л. Л. Лорвин. Однако то, что они именуют усилением организующей роли государства как «экономического руководителя и общественного служителя», в действительности означает лишь усиление капиталистических монополий, которые подчиняют себе государственный аппарат и используют его для своего обогащения.

Буржуазное государство не способно управлять экономическим развитием, так как этому препятствуют частная собственность на средства производства и стихийный характер развития капитализма. Не государство управляет капиталистическими монополиями, а, наоборот, они управляют государством. Но, отвергая утверждения апологетов капитализма об определяющей роли государства в капиталистическом народном хозяйстве, было бы непра-

[1] «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 26—27.

вильно недооценивать влияние современного государства на развитие экономики и считать, что область хозяйства не касается государства, как это было в эпоху домонополистического капитализма. Буржуазное государство не в силах, например, устранить экономические кризисы, но, вмешиваясь в экономическую жизнь, оно может иногда оттянуть их наступление путем милитаризации экономики и тому подобных мер.

Как бы ни прогнили экономические устои капитализма, он сам не рухнет, потому что его защищает буржуазное государство. Поэтому классовая борьба пролетариата направляется не только против экономических основ капитализма, но и против защищающей их политической власти.

5. Формы классовой борьбы и классовой организации пролетариата

Свою борьбу против капитализма пролетариат ведет в трех главных формах: экономической, политической, идеологической.

Экономическая борьба является исторически первой формой классовой борьбы пролетариата. Во всех странах борьба рабочих начиналась с отстаивания ими своих экономических интересов. В этой борьбе возникли и первые организации пролетариата — профессиональные союзы, которые стали для него школой классовой борьбы[1]. Экономическая борьба имеет своей ближайшей задачей защиту повседневных интересов рабочих: повышение заработной платы, сокращение рабочего дня, улучшение условий труда и т. д. В зависимости от конкретных условий экономическая борьба может быть весьма многообразной. Важнейшим средством экономической борьбы служат стачки, частичные и всеобщие. В некоторых странах, например в Италии, в ответ на попытки предпринимателей сократить производство или закрыть предприятия рабочие иногда применяют «забастовки наоборот»: занимают фабрики и берут управление производством в свои руки, чтобы побудить хозяев не останавливать предприятия.

Экономическая борьба за повседневные нужды имеет для рабочего класса жизненно важное значение. Однако эта борьба не может принести рабочему классу избавления от эксплуатации, нужды, необеспеченности.

Идеологи капитализма твердят, будто классовая борьба пролетариата теряет смысл, ибо его положение постоянно улучшается, прибыли монополий «по каплям просачиваются вниз», во все слои общества. Однако в действительности рост заработ-

[1] О росте профессиональных союзов свидетельствуют следующие данные: в 1914 г. во всем мире насчитывалось примерно 13,2 миллиона членов профсоюзов, в 1939 г.— приблизительно 45 миллионов, а в 1961 г.— около 180 миллионов.

ной платы отстает от роста цен и производительности труда, вследствие чего норма эксплуатации систематически возрастает.

Реформисты, идеализируя капитализм, превозносят социальное законодательство, введенное в некоторых капиталистических странах, но скрывают при этом, что известные уступки вырваны рабочим классом у капиталистов в результате усиления его борьбы, а отнюдь не являются плодом «доброй воли» монополий. Даже по явно преуменьшенным данным официальной буржуазной статистики, число стачек в 27 капиталистических странах за послевоенные годы (1946—1960) составило 247,4 тысячи и значительно возросло по сравнению с периодом между первой и второй мировыми войнами (1919—1939), когда оно составляло 174,4 тысячи, а число забастовщиков за те же годы достигло 222,6 миллиона против 80,8 миллиона в предвоенные годы. Капиталисты вынуждены идти на некоторые уступки требованиям рабочих и вследствие страха перед социалистической революцией. Наличие мировой социалистической системы и достижения социалистических стран намного увеличивают силы пролетариата капиталистических стран. Прав был американский писатель Теодор Драйзер, когда в связи с появлением в 30-х годах социального законодательства в США заметил: «За все это я *благодарю* Маркса и красную Россию».

Экономическая борьба не только противодействует процессу обнищания пролетариата, но и способствует его организации для решения более широких революционных задач. Без борьбы против хищнических стремлений капитала рабочие превратились бы, по выражению Маркса, в безразличную массу измученных, обреченных на гибель бедняков. «Если бы рабочие малодушно уступали в своих повседневных столкновениях с капиталом, они несомненно утратили бы способность начать какое-либо более широкое движение»[1].

Экономическая борьба рабочего класса закономерно перерастает в борьбу *политическую*. Даже борьба за частичные экономические требования, например за сокращение рабочего дня, за установление гарантированного минимума заработной платы, за введение социального обеспечения и т. д., толкает пролетариат на путь политических действий. В современных условиях защита экономических интересов трудящихся в большой мере зависит от решения политических задач — от успехов борьбы против новой мировой войны, против гонки вооружений. Поэтому стачечная борьба часто приобретает политическое значение, тесно связывается с борьбой против подготовки империалистами новой войны, за мир, демократию и национальную независимость стран, порабощаемых империализмом США. Важным оружием пролетариата стали ныне политические стачки. В 1958 г. в поли-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные произведения, т. I, стр. 406.

тических стачках участвовало около 10 миллионов — приблизительно 43% всех стачечников, в 1959 г.— около 23 миллионов, или 56% стачечников, в 1960 г.— 41 миллион, или около 77% стачечников.

Несмотря на все значение экономической борьбы, ее недостаточно для уничтожения капиталистической эксплуатации. Для этого необходима *политическая борьба* пролетариата. Лишь путем политических действий рабочие могут бороться не только за улучшение условий продажи своей рабочей силы, но и за уничтожение самих экономических отношений, вынуждающих их продавать свою рабочую силу капиталистам. Поэтому политическая борьба является главной, решающей формой классовой борьбы пролетариата.

Политическая борьба многообразна: от участия в выборах государственных органов до массовых демонстраций, от мирного использования парламентской трибуны до революционной борьбы за власть. Главная задача политической борьбы пролетариата — это свержение власти класса капиталистов и установление своей власти, диктатуры рабочего класса, а после того как власть завоевана,— укрепление ее как орудия строительства социалистического общества.

Каковы особенности политической борьбы по сравнению с экономической? Почему и в каком смысле политической борьбе принадлежит первенство перед экономической?

Исторически политическая борьба развивалась вслед за экономической, но ей принадлежит первенство по значению, ибо она является более высокой формой классовой борьбы.

1) В экономической борьбе могут выступать против своих эксплуататоров отдельные отряды рабочего класса. В политической борьбе противостоят друг другу рабочий класс и класс капиталистов в целом.

В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс писали: «Всякая классовая борьба есть борьба политическая». Это, конечно, не означает, будто выступления рабочих отдельного предприятия, требующих прибавки к заработной плате, представляют собою политическую борьбу. Такие выступления еще не являются классовой борьбой в подлинном смысле этого слова, ибо в них принимает участие лишь небольшая частица класса. Если же в движение втягивается весь или почти весь рабочий класс, руководимый революционной партией, то оно неизбежно превращается в политическую борьбу, ибо противопоставляет рабочий класс всему буржуазному строю и защищающему интересы класса капиталистов государству.

2) В экономической борьбе рабочие отстаивают свои ближайшие, повседневные интересы, нередко частичные интересы отдельных групп рабочего класса, в политической же борьбе — свои коренные, общеклассовые интересы.

Оппортунистам свойственно противопоставлять ближайшие, временные интересы рабочих коренным, отрекаться от общеклассовых интересов во имя частичных интересов отдельных групп рабочих. Поэтому они выдвигают на первое место экономическую борьбу и пытаются свести классовую борьбу пролетариата к экономической борьбе. Один из идеологов «экономизма», оппортунистического течения в русском рабочем движении, утверждал, что раз экономические интересы классов играют решающую роль в истории, то, следовательно, экономическая борьба пролетариата должна иметь первостепенное значение для его классового развития и освобождения. Ленин заметил по этому поводу: «Это «следовательно» совершенно неуместно. Из того, что экономические интересы играют решающую роль, *отнюдь не следует* никакого вывода о первостепенном значении экономической (= профессиональной) борьбы, ибо самые существенные, «решающие» интересы классов могут быть удовлетворены *только* коренными *политическими* преобразованиями вообще; в частности, основной экономический интерес пролетариата может быть удовлетворен только посредством политической революции, заменяющей диктатуру буржуазии диктатурой пролетариата»[1]. Поэтому марксисты в противоположность оппортунистам доводят признание классовой борьбы до признания необходимости завоевания пролетариатом политической власти.

Развитой классовой борьбой в полном смысле этого слова марксисты считают лишь такую борьбу, когда она не только охватывает область политики, а и в политике берет самое существенное — вопрос о политической власти. Главным в марксизме является не просто признание классовой борьбы, а распространение его до признания диктатуры пролетариата. Именно здесь лежит водораздел между марксистским и либерально-реформистским пониманием классовой борьбы.

3) В экономической борьбе, если она ведется в отрыве от политической, у рабочих вырабатывается лишь тред-юнионистское сознание, т. е. понимание своих профессиональных интересов. В политической борьбе под руководством марксистской партии у рабочего класса вырабатывается действительно классовое пролетарское сознание, понимание своих коренных общеклассовых интересов, своей исторической миссии, революционных задач.

4) Экономическая борьба делает необходимой организацию пролетариата в профессиональные союзы. Политическая борьба требует создания марксистской политической партии, представляющей собою высшую форму классовой организации.

Рабочий класс в своем развитии проходит различные ступени классовой организации. Рост крупной капиталистической промышленности необходимо ведет к концентрации рабочего класса, способствует его сплочению и организации. Но для того чтобы быть способным низвергнуть капитализм, пролетариат должен не только объективно сложиться как класс, но и осознать свои коренные классовые интересы. Он должен, по выражению Маркса и Энгельса, стать из класса «в себе» классом

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 5, стр. 361—362.

«для себя». А превращение пролетариата в класс «для себя» предполагает его организацию в политическую партию.

Наряду с экономической и политической важнейшей формой классовой борьбы пролетариата является *идеологическая* борьба. Идеологическая борьба имеет своей задачей, прежде всего, освободить рабочих от буржуазных идей и предрассудков, внести социалистическую идеологию в массы пролетариата. Эта форма классовой борьбы приобретает в современных условиях особое значение. «Чем больше побед одерживает мировая система социализма, чем глубже кризис мирового капитализма, чем больше обостряется классовая борьба, тем больше возрастает роль марксистско-ленинских идей в сплочении и мобилизации масс на борьбу за коммунизм»[1].

Без революционной теории не может быть революционного движения. Революционная теория — это надежный компас, путеводная звезда в борьбе пролетариата за свое освобождение и за создание нового общества. Благодаря тому, что идеи социализма овладевают сознанием широких масс пролетариата, *стихийная* классовая борьба превращается в борьбу *сознательную*.

Стихийное рабочее движение само по себе не может породить теории социализма; будучи стихийным, оно неизбежно идет по пути тред-юнионизма, т. е. ограничивается борьбой за профессиональные интересы рабочих. С другой стороны, теория социализма, не связанная с практикой рабочего движения, бессильна и не может быть претворена в действительность. Вот почему основоположники марксизма-ленинизма ставили перед собой задачу — соединить теорию научного социализма с рабочим движением.

Воплощением такого соединения и является марксистская партия, которая вносит социалистическую идеологию в движение масс, озаряет его светом революционной теории. Только под руководством своей марксистской политической партии рабочий класс может выступать как единая организованная сила.

6. Роль марксистской партии в классовой борьбе пролетариата

Как уже говорилось в § 3 этой главы, в классовой борьбе руководящую роль играют политические партии. Пролетариат, как и другие классы капиталистического общества, создает свою политическую партию. Эта партия по своим целям, организации и роли принципиально, коренным образом отличается от всех других партий. Партия пролетариата строится на базе принци-

[1] «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 51.

пов марксизма-ленинизма, которые составляют ее незыблемую идеологическую основу. Она является последовательно революционной партией, смело и до конца отстаивающей интересы рабочего класса, интересы освобождения всех трудящихся от классового и национального гнета. Направляя и организуя борьбу широчайших масс народа, партия пролетариата становится великой преобразующей силой в развитии общества, колоссально ускоряет ход исторического развития. Марксистская партия является руководящей организацией пролетариата, служит ему основным оружием в борьбе за революционное преобразование капиталистического общества в коммунистическое.

Почему руководство рабочим движением не может осуществлять никакая иная организация пролетариата, кроме политической партии?

Партия рабочего класса, как и всякая политическая партия, есть часть класса. Но это не просто часть класса, а его передовая, политически организованная и активная часть, его авангард. В среде рабочего класса есть различные слои. Большинство рабочих, придавленных тяжким гнетом эксплуатации, не может в условиях капитализма подняться до того уровня классовой сознательности, каким отличается передовая часть, партия; даже профессиональная организация, более простая, более доступная сознанию неразвитых слоев рабочих, не охватывает всего пролетариата. Поэтому нельзя, не впадая в иллюзии, думать, будто в условиях капитализма (и даже в условиях перехода от капитализма к коммунизму) может исчезнуть грань между передовой частью рабочего класса и всем классом. Эта грань сотрется лишь тогда, когда коммунизм одержит окончательную победу.

Все другие организации пролетариата — его профессиональные союзы, кооперативы, культурно-просветительные объединения и т. п. служат ему необходимыми средствами в классовой борьбе, но не могут разрешить ее коренную задачу — ликвидацию капиталистических порядков и проведение социалистической революции. Только политическая партия, являющаяся высшей формой классовой организации пролетариата, способна объединить деятельность всех пролетарских организаций, направить ее к одной цели — к социалистической революции.

Исторический опыт учит, что рабочий класс не может одержать победу над буржуазией, установить свою власть и, тем более, удержать ее без руководства опытной и закаленной марксистской партии. Рабочий класс без марксистской политической партии — это, можно сказать, туловище без головы. Успешная борьба рабочего класса возможна лишь при том условии, если им руководит и его цементирует, сплачивает, организует передовой отряд, в котором собраны лучшие, наиболее сознательные и стойкие бойцы, связанные в единый боевой союз.

Сила коммунистической партии состоит в том, что она представляет собою передовой отряд рабочего класса, вооруженный научной революционной теорией и в силу этого стоящий по своей сознательности выше масс. Марксистская партия объединяет в своих рядах все самое передовое, смелое, героическое и самоотверженное, что есть в рабочем классе. Говоря о партии большевиков, ставшей образцом революционной партии рабочего класса, В. И. Ленин сказал незадолго до Великой Октябрьской социалистической революции, что она воплощает в себе ум, честь и совесть нашей эпохи.

Будучи передовым отрядом рабочего класса, партия в то же время теснейшим образом связана со всем классом. Она сильна и непобедима лишь при том условии, что неразрывно связана с массами, никогда не отрывается от масс, ежедневно умножает свои связи со всеми трудящимися.

Сила коммунистической партии состоит и в ее организационном единстве, в том, что она спаяна единством мысли и действия, единой дисциплиной, обязательной для всех членов партии. Основным организационным принципом строительства пролетарской партии является принцип демократического централизма. Этот принцип объективно обусловлен самой природой пролетарской партии и условиями ее борьбы. Он сочетает централизованное руководство с внутрипартийной демократией, железную партийную дисциплину с активностью и самодеятельностью партийных масс, с широким развитием критики и самокритики. Выработанные Лениным нормы партийной жизни и принципы коллективного партийного руководства обеспечивают боеспособность партии.

Марксистская партия, как боевая организация революционного пролетариата, не терпит в своих рядах фракционности, очищается от оппортунистических элементов, пытающихся разложить партию изнутри. Оппортунисты — это проводники буржуазной идеологии в ряды рабочего движения. Их можно сравнить с лазутчиками врага, проникающими в крепость рабочего класса, чтобы открыть врагу ее ворота. Поэтому необходимым условием укрепления пролетарской партии является борьба против оппортунизма во всех его проявлениях.

Оппортунизм — не случайное явление в рабочем движении. Он имеет социальные корни, является результатом давления буржуазии на неустойчивые слои рабочих. Выше уже отмечалось, что рабочий класс неоднороден: наряду с кадровыми, так сказать потомственными, пролетариями в его среде имеются и недавние выходцы из мелкой буржуазии, а также верхушечные слои «рабочей аристократии». Каждый поворот в развитии классовой борьбы усиливает расхождения взглядов и стремлений этих слоев, вызывая появление различных — «левых» или «правых» — уклонов и течений в рабочем движении.

На современном этапе важное значение приобретает усиление борьбы против оппортунистических течений. Коммунистические и рабочие партии ведут борьбу как против догматизма и сектантства, так и против ревизионизма, который является ныне главной опасностью в рабочем и коммунистическом движении.

Современный ревизионизм, как и ревизионизм в прошлом, представляет собою международное явление. Несмотря на особенности его проявления в различных странах, для него характерны некоторые общие черты. Это проповедь «устарелости» важнейших принципов марксизма, отрицание исторической необходимости диктатуры пролетариата при переходе от капитализма к социализму, отрицание руководящей роли пролетарской партии, отказ от принципов пролетарского интернационализма и сползание на позиции буржуазного национализма, отказ от основных ленинских принципов партийного строительства и прежде всего от демократического централизма. Ревизионисты стремятся превратить марксистскую партию из боевой классовой политической организации пролетариата в культурно-просветительную организацию, в некое подобие дискуссионного клуба. Ревизионизм, т. е. правый оппортунизм, представляет в современных условиях главную опасность потому, что он капитулирует перед империализмом, облегчает ему возможности развернуть идеологические атаки против социализма.

Рабочему классу и его партии приходится вести борьбу против буржуазии не только на поприще экономической и политической, но и на поприще духовной жизни. В этой борьбе вернейшим и испытанным оружием рабочего класса является революционная теория — марксизм-ленинизм. Это идейное оружие необходимо постоянно оттачивать, совершенствовать, очищать от ржавчины ревизионизма и догматизма.

Развитие рабочего движения во всех капиталистических странах наглядно показывает необходимость для марксистской партии добиваться теснейшего сочетания экономической, политической и идеологической борьбы. Если рабочее движение не руководствуется революционной теорией, если пролетариат не осознал своих коренных интересов и бо́льшая его часть еще находится под влиянием буржуазной и мелкобуржуазной идеологии, то он не может сбросить с себя ярмо капитала. Слабость рабочего движения в США и в некоторых других капиталистических странах состоит в том, что там большинство рабочих еще не освободилось от идеологического и политического влияния буржуазии, не осознало того положения, которое пролетариат занимает в капиталистическом обществе. Эта идеологическая слабость рабочего движения объясняется многими причинами, в частности более высоким уровнем материального положения рабочего класса в этих странах сравнительно с остальными странами капитализма, наличием значительной прослойки

«рабочей аристократии» и т. д.[1] Однако неравномерность политического и идейного созревания рабочего класса в разных странах не уничтожает общего закона о нарастании революционной борьбы рабочего класса.

Вместе с неизбежным обострением классовой борьбы в капиталистических странах растет и влияние коммунистических партий. За последние десятилетия они выросли в могучую силу, объединяющую в своих рядах наиболее сознательную часть рабочего класса. Коммунистические партии, насчитывавшие до второй мировой войны примерно 4,2 миллиона человек во всем мире, объединяют ныне в своих рядах более 40 миллионов членов. Однако наряду с коммунистами еще значительным, а в некоторых странах преобладающим влиянием в рабочем классе пользуются правосоциалистические партии. Эти партии насчитывают в настоящее время около 13 миллионов членов (в том числе свыше 6 миллионов в Англии) и имеют поддержку многих миллионов избирателей. Таким образом, налицо раскол рабочего класса между различными политическими организациями.

Расколото и профсоюзное движение. Всемирная федерация профсоюзов охватывает 101 миллион членов. В ряде капиталистических стран Европы коммунисты завоевали на свою сторону широкие массы организованных в профсоюзы рабочих. Но значительная часть профсоюзов находится под влиянием реформистов. Международная конфедерация так называемых «свободных» профсоюзов, находящаяся под влиянием американских и английских реформистских лидеров, объединяет около 50 миллионов человек, а Международная конфедерация христианских профсоюзов — 4—5 миллионов.

Чем объясняется существование в рабочем классе капиталистических стран нескольких партий? За счет колоссальной прибыли, получаемой путем грабежа колоний и экономически зависимых стран и путем установления высоких монопольных цен, империалистическая буржуазия подкупает и развращает верхушку пролетариата, создает слой так называемой «рабочей аристократии», которая и становится питательной почвой оппортунизма в рабочем движении. Социал-демократические партии, сложившиеся в рабочем классе в конце XIX и начале XX в., оказались зараженными червоточиной оппортунизма, стали на путь соглашения с буржуазией и отказа от революционной борьбы. Вследствие этого революционное крыло рабочего движения оформилось в самостоятельные, независимые от оппортунистов марксистские коммунистические партии.

Многие лидеры партий правых социалистов, а также профсоюзов представляют собой, по выражению Ленина, «обуржуазившихся рабочих». По своему образу жизни и миросозерцанию они сблизились с буржуазией. Такие лидеры рабочих сплошь и рядом срывают забастовки, заключают за спиной рабочих выгодные для капиталистов сделки, помогают реакционной буржуазии в проведении ее внутренней и внешней политики, в нападках на коммунизм. Деятельность бывшего председателя Американской федерации труда (АФТ) Грина оказалась столь выгодной капиталистам, что они наградили его золотой медалью с надписью «За успешное сотрудничество с промышленниками».

---

[1] См. об этом в книге Уильяма З. Фостера «Закат мирового капитализма». М., 1951, стр. 81—83.

В условиях углубляющегося общего кризиса капитализма, ведущего к сокращению прослойки «рабочей аристократии», неизбежно растет расхождение между правосоциалистическими лидерами, стремящимися, по их собственному признанию, быть «ревностными администраторами капитализма», и рядовыми рабочими, членами социалистических партий, тяготеющими к революционной борьбе. Давление рабочих масс может сказываться и сказывается на поведении некоторых лидеров социалистических партий.

Исторический опыт показывает, что раскол рабочего класса дает возможность буржуазии наносить поражения рабочему движению. Поэтому назревшей потребностью рабочего движения является единство. «...Единство,— указывал Ленин,— бесконечно дорого, бесконечно важно для рабочего класса. Разрозненные рабочие — ничто. Объединенные рабочие — все» [1].

В современную эпоху общая заинтересованность широчайших масс в предотвращении новой мировой войны, в ослаблении международной напряженности, в защите демократических прав, национальной независимости, в отстаивании повседневных экономических нужд трудящихся создает возможности для единства действий коммунистических и социалистических партий, несмотря на их расхождения в области идеологии. Коммунистические партии призывают к созданию единого фронта всех организаций рабочего класса, которые на деле хотят отстаивать мир и демократию, бороться против империалистического гнета, защищать независимость и национальные интересы своих народов.

Углубление противоречий империализма, и прежде всего противоречий между монополиями и интересами подавляющего большинства нации, создает условия для широкого объединения революционных сил против капитала. Подчиняя развитие производства обеспечению высокой монопольной прибыли, магнаты капитала усиливают эксплуатацию рабочего класса и трудящихся своей страны. Это создает почву для объединения широчайших масс рабочих, крестьян и других слоев трудящихся против монополистического капитала. Погоня монополий за высокой прибылью является движущей силой гонки вооружений, милитаризации народного хозяйства, подготовки новых войн. Это толкает все демократические силы, заинтересованные в предотвращении новой войны, к объединению против империализма.

Важнейшим принципом деятельности марксистской партии является пролетарский интернационализм. В отличие от борьбы всех предшествовавших угнетенных классов классовая борьба пролетариата приобретает интернациональный характер. Рабы никогда, а крестьяне сравнительно редко поднимались до объединения своих усилий даже в масштабе отдельной страны. Пролетариат объединяется не только в национальном, но и в интернациональном масштабе. Объективные условия для такого объединения порождаются капитализмом, который образует

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 19, стр. 470.

всемирный рынок и вместо прежней местной и национальной замкнутости устанавливает всестороннюю связь между народами. Развитие капитализма создает во всех странах пролетариат, которому противостоит общий враг — буржуазия. Освобождение рабочего класса и всех трудящихся от капиталистической эксплуатации может быть достигнуто лишь объединенными усилиями пролетариев всех наций. Отсюда вытекает единство интересов пролетариев различных наций, что и выражено в боевом лозунге, провозглашенном Марксом и Энгельсом более ста лет назад: *«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»*

Интернационализм — неотъемлемая черта идеологии рабочего класса; он противостоит буржуазному национализму. Национализм используется буржуазией и ее оппортунистическими прихвостнями для того, чтобы затушевать противоположность интересов пролетариата и буржуазии внутри нации, заглушить классовую борьбу пролетариата и разжечь межнациональную борьбу. Национальная рознь отвлекает внимание трудящихся от борьбы против своих угнетателей, раздробляет и ослабляет рабочее движение. Тот, кто действительно защищает интересы трудящихся, дело освобождения наций, не может не стремиться к интернациональному единству рабочего движения и к устранению национальной розни. Патриотические стремления и национальные чувства народов не противоречат интернациональному единству трудящихся, а, наоборот, сочетаются с ним, ибо подлинный патриотизм состоит в том, чтобы стремиться к освобождению своей страны и своего народа от всякого классового и национального гнета.

В своей стратегии и тактике коммунистические партии исходят из того, что законы развития капитализма и законы перехода от капитализма к социализму одинаковы для всех стран, но в каждой стране их действие проявляется с известными особенностями вследствие различия исторических и социально-экономических условий. Отрицание общности этих законов, преувеличение специфических особенностей развития капитализма в отдельных странах (например, утверждения об «исключительности» капиталистического развития в США, которое якобы не подчинено общим законам капитализма) ведет к оппортунистическим ошибкам и к забвению принципов пролетарского интернационализма. Игнорирование своеобразия действия этих законов и национальных особенностей каждой отдельной страны порождает сектантские ошибки, ведет к национальному нигилизму, также несовместимому с пролетарским интернационализмом. «Пока существуют национальные и государственные различия между народами и странами,— подчеркивал Ленин,— а эти различия будут держаться еще очень и очень долго даже после осуществления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе — единство интернациональной тактики коммунистического рабо-

чего движения всех стран требует не устранения разнообразия, не уничтожения национальных различий (это — вздорная мечта для настоящего момента), а такого применения *основных* принципов коммунизма... которое бы *правильно видоизменяло* эти принципы *в частностях*, правильно приспособляло, применяло их к национальным и национально-государственным различиям»[1].

В зависимости от конкретно-исторических условий изменяются организационные формы сотрудничества и связи между рабочими партиями разных стран. Об этом свидетельствует история трех Интернационалов и последующая история международного рабочего движения. Но каковы бы ни были эти формы, теснейшее сотрудничество коммунистических и рабочих партий различных стран необходимо для успешной борьбы за освобождение трудящихся, за ниспровержение капитализма и победу коммунизма. «Решительная защита единства международного коммунистического движения на основе принципов марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма, недопущение каких-либо действий, могущих подорвать это единство, представляют собой обязательное условие победы в борьбе за национальную независимость, демократию и мир, за успешное решение задач социалистической революции, строительство социализма и коммунизма»[2].

7. Необходимость уничтожения классов. Всемирно-историческая миссия пролетариата

Конечной целью классовой борьбы пролетариата является уничтожение капиталистического общества, основанного на антагонизме классов, и создание бесклассового коммунистического общества. Эта цель стала осуществимой в эпоху упадка капитализма.

Сознание несправедливости классового строя и призывы к уничтожению эксплуатации появились гораздо раньше, еще на заре капитализма. Уже в некоторых крестьянских движениях против феодализма, например в выступлениях Томаса Мюнцера в Германии в XVI в., выдвигалось требование создать общество, в котором не было бы эксплуатации человека человеком. Однако в прошлом все освободительные движения приводили в лучшем случае к изменению формы эксплуатации, но не могли уничтожить эксплуатацию. Это объясняется тем, что призывы к уничтожению классовых различий находились тогда в противоречии с требованиями экономического прогресса. Экономические условия для уничтожения классов в то время еще не созрели. Общество в предшествующие капитализму эпохи и в период восходя-

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 31, стр. 72.
[2] «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 44.

щего развития капиталистической формации не могло развивать свои производительные силы и культуру иначе, как при условии частной собственности, отделения физического труда от умственного и эксплуатации большинства меньшинством.

Но деление общества на классы эксплуататоров и эксплуатируемых было исторически необходимым только до тех пор, пока производительность общественного труда была относительно неразвита, пока общественный труд не мог удовлетворить насущные потребности всех членов общества. В эпоху развитого капитализма могучий рост производительных сил создал условия для того, «чтобы отмена классовых различий стала действительным прогрессом, чтобы она была прочной и не повлекла за собой застоя или даже упадка в общественном способе производства»[1]. В эту эпоху впервые призывы к уничтожению классовых различий и классового неравенства совпали с требованиями экономического прогресса, с объективной необходимостью. Современные производительные силы требуют уничтожения частной собственности и установления общественной собственности на средства производства. А это является основным условием ликвидации эксплуатации человека человеком.

Экономический прогресс требует преодоления старых форм разделения труда, с которыми связано существование классов: противоположности между городом и деревней, между умственным и физическим трудом. Противоположность между городом и деревней обрекает деревню на отставание от города в экономическом, политическом и культурном отношениях, превращает деревню при капитализме в объект эксплуатации и ограбления со стороны города. Преодоление этой противоположности дает возможность покончить с отсталостью сельского хозяйства, лучше использовать природные ресурсы и рационально разместить производительные силы на территории страны. Уничтожение противоположности, а затем и существенного различия между городом и деревней «не только возможно,— оно стало прямой необходимостью для самого промышленного производства, как и для производства сельскохозяйственного, и, сверх того, оно необходимо в интересах общественной гигиены»[2]. Экономический и культурный подъем деревни приобщает многомиллионное сельское население к активному участию в общественной жизни и тем самым ускоряет историческое развитие.

Прямой необходимостью стало в нашу эпоху уничтожение противоположности, а в дальнейшем и существенного различия между умственным и физическим трудом. При современном уровне производительных сил имеется полная возможность обеспечить свободное и всестороннее развитие уже не только меньшинству, но и всем членам общества. А это значительно ускорит

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XV, 1933, стр. 252—253.
[2] *Ф. Энгельс.* Анти-Дюринг, стр. 280.

развитие общества, так как отвечает потребностям развития производства. Замена частичного работника, превращенного капитализмом в придаток машины, всесторонне развитым работником, обладающим высоким культурно-техническим уровнем, позволит значительно повысить производительность труда.

Таким образом, развитие общества создало материальные предпосылки для уничтожения старых форм разделения труда и связанного с ними деления общества на классы, сделало это уничтожение необходимым. Как в свое время возникновение классов было прогрессивным явлением, так в наше время уничтожение классов стало условием исторического прогресса. Уничтожение классов происходит на основе уничтожения частной собственности на средства производства и несет с собой социально-экономическое и нравственное обновление общества, ибо кладет конец жажде накопления богатств, вражде, эгоизму и другим порокам классового общества.

Экономическое развитие общества не только сделало необходимым уничтожение классов, но и породило ту общественную силу, которая способна осуществить эту историческую задачу.

Из всех угнетенных классов, когда-либо боровшихся за свое освобождение, пролетариат является единственным классом, способным покончить с разделением общества на классы. Рабы могли освободить себя, уничтожив из всех форм частной собственности и эксплуатации только отношения рабства. Крестьяне, освобождаясь от крепостного права, становились собственниками своих клочков земли. Пролетарий же не может освободить себя иначе, как уничтожив частную собственность на средства производства вообще и покончив со всеми формами эксплуатации человека человеком. Поэтому пролетариат своей революционной классовой борьбой избавляет от гнета не только себя, но и всех трудящихся.

Пролетариат является самым революционным классом не потому, что он наиболее бедный и страдающий класс. Капитализм обрекает на нищету и страдания миллионы мелких крестьян и городской бедноты, многие тысячи люмпен-пролетариев, которые часто страдают не меньше, а больше пролетариев, но это не делает их более революционными. Последовательная революционность пролетариата определяется не только тем, что он является эксплуатируемым классом, заинтересованным в ниспровержении капитализма, но и тем, что он является носителем нового, более высокого, чем капиталистический, способа производства. Этим он отличается от других эксплуатируемых классов, например от крестьянства. Крестьянство связано с самой отсталой формой хозяйства — мелким производством и по мере развития капитализма расслаивается, распадается как класс. Пролетариат связан с крупным машинным производством и растет, развивается, консолидируется как класс вместе с развитием

капитализма. Он объединяется, приучается к дисциплине и организованности самими условиями своего труда на крупном производстве, а потому больше, чем какой-либо другой из трудящихся классов, способен к сплоченным, сознательным, организованным действиям.

Марксисты выделяют пролетариат как единственный последовательно революционный класс не для того, чтобы противопоставить его остальным трудящимся, а для того, чтобы показать его роль гегемона (т. е. руководителя, вождя) всех трудящихся. Маркс решительно отверг утверждения Лассаля о том, что все остальные классы составляют по отношению к пролетариату «сплошную реакционную массу». Установка Лассаля неверна и политически вредна, она обрекает пролетариат на одиночество, а следовательно, на неминуемое поражение.

Для того чтобы завоевать победу над капиталом, пролетариат должен привлечь на свою сторону широкие массы трудящихся, прежде всего крестьянство, а также и другие средние слои общества. Капитализм приносит разорение средним слоям, мелкому и среднему крестьянству, обрекает на безработицу и связанные с этим бедствия значительное число интеллигенции, угрожает народам бедствиями милитаризма и войны, гибелью завоеваний культуры. Поэтому в современную эпоху имеются возможности для привлечения на сторону пролетариата все более и более широких непролетарских масс. Только при их поддержке пролетариат может осуществить свою историческую миссию — низвергнуть капитализм и привести общество к коммунизму.

Противники марксизма с разных сторон атакуют учение об исторической миссии пролетариата. Одни из них (например, французский социолог Арон и др.) уверяют, что рабочие не думают о своей исторической миссии, а стремятся стать буржуа, достичь материальной обеспеченности, сокращения рабочего дня, продвижения по службе, ликвидации безработицы и т. д.

Но дело вовсе не в том, что думает отдельный пролетарий, который, конечно, может и не сознавать исторической миссии своего класса. Дело в том, что пролетариат по своему объективному положению, сообразно с которым он вынужден действовать, заинтересован в уничтожении капитализма. Условия, при которых живет пролетариат в капиталистическом обществе, толкают его вопреки идейному влиянию буржуазии на путь революционной борьбы. И эта тенденция исторического развития все больше пробивает себе дорогу. Она проявляется в росте стачечной борьбы, хотя и неравномерном, во всех капиталистических странах, в увеличении влияния коммунистических партий, в стремлении рабочих к единству и т. д.

Вместе с буржуазными социологами отвергают учение об исторической миссии пролетариата и некоторые лидеры правых

социалистов. Они объявляют устаревшим тезис Маркса и Энгельса о том, что пролетариату нечего терять в революции, кроме своих цепей. В современных условиях, заявляют они, пролетариату есть что терять, он обладает такими завоеваниями, как социальное обеспечение, гарантированный минимум заработной платы и т. д. Люди, боящиеся революции, хотели бы, чтобы пролетариат довольствовался крохами со стола капиталистов и не посягал на основы капиталистического строя. Но как может пролетариат удовлетвориться этими крохами? Разве он перестал быть классом, лишенным средств производства? Разве условия его материальной и духовной жизни не принадлежат классу капиталистов? Разве современное государство не является больше орудием его подавления?

Уничтожить разделение общества на антагонистические классы при сохранении основ капитализма невозможно. Существование антагонистических классов имеет своей предпосылкой частную собственность на средства производства, приводящую к глубочайшему экономическому неравенству между членами общества. Значит, уничтожение классов предполагает ликвидацию частной и установление общественной собственности на средства производства, в результате чего все члены общества будут поставлены в одинаковое отношение к средствам производства. Вот почему в «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс провозгласили, что коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности.

Некоторые современные критики марксизма и правые социалисты, ревизующие марксизм, пытаются оспорить это положение. Они доказывают, что классовые различия могут быть уничтожены и без революционного преобразования общества, что они уже исчезли или исчезают при современном капитализме, который якобы стал «народным капитализмом». Появляются книги, брошюры, статьи, авторы которых утверждают, будто в США, Англии и некоторых других капиталистических странах уже существует бесклассовое общество, исчезло деление людей на капиталистов и рабочих. Одни из авторов этих сочинений (например, известный американский капиталист Э. Джонстон) заявляют, что все стали капиталистами, другие (например, бывший председатель Конгресса производственных профсоюзов США Ф. Мэррей), наоборот, объявляют всех рабочими.

Для доказательства тезиса о том, что все стали капиталистами, обычно используется так называемая теория «демократизации капитала». Замена отдельного предпринимателя акционерной компанией, выпуск множества мелких акций расцениваются сторонниками этой теории как нарождение «народного капитализма», при котором рабочие и служащие становятся «совладельцами предприятий». И вот рабочим советуют: не

бороться против капитала, а приобретать акции, вступать в число «собственников капитала». Но, конечно, такой совет — превратить всех в капиталистов — не более осуществим, чем обещание сделать всех королями или римскими папами. Рабочий или служащий, у которого есть одна-две акции, не становится от этого капиталистом, дистанция между ним и действительными хозяевами предприятия нисколько не уменьшается. По подсчетам статистического бюро Мичиганского университета, крупные держатели акций, составляющие около 1% американских семей, имеют ⅔ общего числа акций, большая часть оставшейся трети акций принадлежит средним держателям, которые также составляют около 1% семей. Таким образом, небольшая часть семей США — около 2% — держит в своих руках почти все акции. В Англии в 1952 г. ценными бумагами владело только 6% семей. Более половины из них — это мелкие акционеры, которые получают от своих акций доход, достаточный лишь для того, чтобы покрыть затраты на текущий ремонт жилья или на отпуск. С другой стороны, небольшая кучка крупнейших держателей акций, составляющая около 1% общего числа акционеров, владеет третью всех выпущенных акций [1].

Фактическими хозяевами предприятий остается небольшая кучка крупнейших акционеров, использующих выпуск мелких акций для усиления финансовой олигархии. Продавая мелкие акции рабочим и служащим, они нисколько не раздробляют капитал, а лишь укрепляют позиции крупного капитала, который получает в свое распоряжение даже небольшие сбережения трудящихся. Что же касается мелких акционеров, которых уверяют, будто они являются «совладельцами» предприятия, то эти мнимые «совладельцы» не приобретают вместе с акциями никаких прав. Характерно, что крупнейшая монополия в американской черной металлургии «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн» при продаже рабочим акций оговаривала право аннулировать их, не оплачивая дивидендов или процентов, если рабочий уходит с работы, увольняется за проступок или временно прекращает работу без согласия администрации, т. е. участвует в стачке. И подобных «акционеров», теряющих свои акции при любом конфликте, предлагают считать «капиталистами»!

Не более убедительны и доводы тех, кто объявляет классы в капиталистических странах уничтоженными на том основании, что все стали «рабочими». Вместо капитализма, заявляют проповедники этого взгляда, в США установился «мэнэджеризм» (от слова «мэнэджер» — управляющий). Место капиталистических хозяев заняли управляющие, «хозяйственные руководители». Совершилась революция в промышленности, которая

[1] См. *С. Ааронович.* Британский монополистический капитал. М., 1956, стр. 150.

привела-де к тому, что капиталист исчез и уступил свое место управляющему. Эта теория, развитая идеологом американского капитализма Д. Бэрнхемом в книге «Эра организаторов», была затем подхвачена лидерами французских правых социалистов и английских лейбористов. «Переход капитализма к режиму организаторов будет революцией организаторов, объявленной миру вместо социалистической революции»,— писал Л. Блюм.

В кривом зеркале этой теории нашел отражение, хотя и совершенно превратное, действительный факт: утеря значительной частью капиталистов своей организаторской функции в производстве, превращение их в рантье, паразитический нарост на теле общества. Из этого факта еще раз следует вывод о том, что назрела необходимость покончить с этим паразитическим классом. Но отсюда вовсе не следует, будто капиталист перестал существовать, что он «исчез из сознания большинства людей», как утверждал лидер австрийских правых социалистов К. Реннер.

В действительности никакой «революции управляющих» не произошло и капиталисты не перестали быть хозяевами производства. Крупнейшие акционеры не только распоряжаются собственным капиталом, но и осуществляют контроль над не принадлежащими им средствами, вложенными в акционерные компании. Что же касается «управляющих», то это или сами крупные акционеры, пользующиеся привилегиями, связанными с постами директоров, членов правлений компаний, или агенты капиталистов, выполняющие их волю.

Чтобы капиталист действительно исчез, и притом не из сознания, а из самой общественной жизни, нужно лишить его собственности на средства производства.

Вопреки утверждениям апологетов капитализма его развитие ведет не к стиранию классовых различий, а, наоборот, к их углублению. В процессе капиталистического воспроизводства воспроизводятся не только производительные силы, но и капиталистические производственные отношения с присущим им антагонизмом классов. Капиталистический способ производства постоянно воссоздает и углубляет противоположность между капиталистами, владельцами средств производства, и пролетариями, лишенными средств производства. Только социалистическая революция пролетариата ликвидирует этот способ производства, заменяет его социалистическим и тем самым устраняет деление общества на антагонистические классы.

Возникновение классов было результатом стихийного развития общества, приведшего к появлению частной собственности и экономического неравенства между людьми. Напротив, уничтожение классов может быть результатом только сознательной классовой борьбы пролетариата, ведущей к торжеству социалистической революции.

ГЛАВА XV

СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КАК ЗАКОНОМЕРНОСТЬ СМЕНЫ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФОРМАЦИЙ

1. Социальные революции, их причины и значение в истории общества

В предыдущей главе были выяснены причины и значение классовой борьбы в истории. Высшим выражением классовой борьбы являются социальные революции. Революции представляют собой переломные эпохи в развитии общества, когда осуществляется переход от одной общественно-экономической формации к другой.

Переход от одной общественно-экономической формации к другой подготовляется развитием производительных сил общества и изменением других сторон общественной жизни, происходящим в недрах старого строя. Эти процессы еще не меняют существующего качественного состояния общества в целом и поэтому должны быть охарактеризованы по отношению к нему как эволюционные. Социальная революция подготовляется ими и завершает, увенчивает их. В отличие от эволюции она происходит не на основе сохранения старого строя, а уничтожает старый строй и заменяет его новым, т. е. коренным образом меняет состояние общества.

Наиболее глубокая причина социальных революций заложена в конфликте между новыми производительными силами и отжившими производственными отношениями. В знаменитом предисловии к «К критике политической экономии» Маркс указал, что на известной ступени своего развития производительные силы вступают в конфликт с производственными отношениями, которые превращаются в оковы их развития. Тогда наступает эпоха социальной революции.

Развитие производительных сил оказывает революционизирующее влияние на развитие общества в целом. Но технические перевороты могут не совпадать с периодами социальных революций, они могут происходить и до и после революций. Например, промышленный переворот в Англии, Франции и некоторых других странах происходил после победы буржуазных революций, расчистивших почву для свободного развития производительных сил капиталистического общества. В наше время назревает и частично уже началась величайшая научно-техническая революция, связанная с овла-

нием ядерной энергией, освоением космоса, с развитием химии, автоматизацией производства и другими крупнейшими достижениями науки и техники. Однако капиталистические производственные отношения мешают ее осуществлению. Игнорируя это, реформисты сочинили теорию «второй промышленной революции», которая якобы автоматически, без социалистической революции преобразует капитализм в социализм (такой взгляд проповедовал, например, на съезде западногерманской социал-демократической партии в 1956 г. К. Шмид). Но в действительности технический прогресс при капитализме только обостряет социальные противоречия и усиливает настоятельную необходимость перехода к социализму, так как создает новые производительные силы, не вмещающиеся в рамки капитализма.

В недрах старого строя обычно зарождаются и новые производственные отношения, соответствующие характеру этих производительных сил (исключением тут являются социалистические производственные отношения, о чем будет сказано ниже). Так, в недрах первобытнообщинного строя зародились частная собственность на средства производства и эксплуатация человека человеком, разложившие этот строй. В последний период существования рабовладельческого общества в Риме возник колонат, подготавливавший переход к крепостническим отношениям. В недрах феодального общества получили значительное развитие капиталистические отношения: выросли мануфактуры, торговые предприятия, банки.

Развитие новых экономических отношений подтачивает отживающий экономический строй. Однако старый экономический строй не исчезает сам, так как за старыми производственными отношениями стоят отживающие классы, которые всеми силами стараются сохранить свои позиции. Как ни был, например, подточен развитием капиталистической экономики феодальный строй во Франции в конце XVIII в. или в России в середине XIX в., все же класс помещиков, который имел громадные земельные владения, привилегии и политическую власть, всячески стремился сохранить старый строй. Необходима была социальная революция, чтобы смести старый экономический и политический строй, мешавший развитию новых производительных сил.

Конфликт между производительными силами и производственными отношениями приводит к столкновению классов. Одни классы защищают отжившие производственные отношения и выросший на их основе социально-политический строй, а другие стремятся ликвидировать их. Революционные классы уничтожают устаревшую политическую и правовую надстройку, ликвидируют старую и создают новую государственную власть. Эта власть используется ими для того, чтобы довершить ломку старых производственных отношений и закрепить новые производственные отношения. Так, буржуазная революция во Франции в 1789—1794 гг. ликвидировала феодальную собственность на землю, сословные привилегии и расчистила почву для свободного развития капиталистических отношений, которые в ту пору

играли прогрессивную роль. Таким образом, социальная революция представляет собой не только политический переворот, уничтожающий старую политическую надстройку; она разрешает экономический конфликт между новыми производительными силами и отжившими производственными отношениями, а также социальный конфликт между общественными классами.

В области политической главным признаком революции является переход государственной власти из рук одного в руки другого класса. Именно этим прежде всего революция отличается от всякого рода верхушечных переворотов, не затрагивающих основ господства того или иного класса. В эпоху абсолютизма было множество дворцовых переворотов в различных странах (например, путем дворцового переворота захватила власть Екатерина II в России). В зависимых от империализма странах нередко совершаются политические перевороты, организуемые соперничающими империалистическими кликами. Подобные перевороты нельзя назвать революциями, ибо в них отсутствует коренной признак революции: они не изменяют классовой природы власти, а производят лишь замену отдельных групп или лиц, стоящих у власти.

Однако не всякий переход власти из рук одного в руки другого класса можно назвать революцией. Если к власти вновь приходит отживающий класс, которому удается на время восстановить свое господство, то это не революция, а контрреволюция. *Социальная революция* — это такой общественный переворот, при котором ниспровергается власть отживающих классов и устанавливается власть прогрессивных, революционных классов.

Понятие революции не тождественно и с понятиями «вооруженное восстание», «гражданская война». Большинство революций было связано с вооруженными столкновениями классов, но в истории имели место и такие вооруженные восстания и гражданские войны (например, войны Алой и Белой розы в Англии), которые нельзя назвать революциями, так как их задачей не было установление нового социально-экономического строя. С другой стороны, как это будет показано ниже, возможны и такие революции, которые происходят без вооруженного восстания, без гражданской войны.

Содержанием социальной революции, в какой бы форме она ни происходила, всегда является уничтожение отжившего социально-экономического и политического строя и замена его новым строем. История знает различные типы революций, отличающиеся друг от друга по своему характеру и движущим силам.

Характер революции, ее основное содержание определяется тем, какие социальные противоречия она разрешает, к установлению какого строя она ведет. Почему, например, русская революция 1905—1907 гг. была по своему характеру буржуазной, хотя ее руководителем был пролетариат, а не буржуазия? По-

тому что перед ней стояли задачи свержения самодержавия и ликвидации остатков феодально-крепостнических производственных отношений, которые призвана решать буржуазная революция.

Движущими силами революции являются те классы, которые осуществляют революцию, преодолевая сопротивление отживающих классов. Историческая необходимость реализуется не сама собой, а через деятельность людей. В классовом обществе исторически назревшие задачи осуществляются передовыми классами. А степень способности разных классов решать эти задачи весьма различна. Истории известны примеры, когда старый строй экономически изжил себя, но в его недрах не вырос такой революционный класс, который был бы способен создать новый экономический строй [1]. В таких случаях переход от старого общественного строя к новому принимает весьма длительную, затяжную, мучительную форму. Например, в Западной Европе переход от рабства к феодализму занял несколько столетий.

Движущие силы революции зависят не только от ее характера, но и от тех конкретно-исторических условий, при которых она совершается. Нередко однотипные революции, одинаковые по своему характеру, но совершающиеся при различных исторических условиях, глубоко различаются по своим движущим силам. Например, движущей силой буржуазных революций в XVII—XVIII вв. в западноевропейских странах были крестьянство, плебейские слои городского населения, зарождавшийся рабочий класс, городская мелкая буржуазия, буржуазия. Буржуазия была не только движущей силой, но и гегемоном, вождем этих революций. А в буржуазной революции 1905—1907 гг. и Февральской 1917 г. в России буржуазия не только не была вождем революции, но и не выступала в качестве одной из ее движущих сил. Движущими силами буржуазной революции в России были пролетариат и крестьянство при гегемонии пролетариата. Такое изменение роли буржуазии в революции объясняется тем, что в условиях монополистического капитализма буржуазия капиталистических стран утратила революционность и не в силах решительно выступить против помещиков, опасаясь революционности пролетариата: она боится того, что атака народных масс на феодальную собственность может оказаться прологом к атаке на капиталистическую собственность.

Социальные революции колоссально ускоряют развитие общества. В немногие годы или даже месяцы революции совершаются более значительные, более коренные изменения в обще-

[1] История рабовладельческого общества знает многочисленные восстания рабов, которые подрывали изнутри отживший строй. Однако рабы не были способны одержать победу и утвердить новый строй не только в силу своей забитости и распыленности, но и потому, что не были носителями нового, более высокого способа производства.

ственной жизни, чем за многие десятилетия мирного эволюционного развития. Недаром Маркс называл революции локомотивами истории.

Эту роль локомотивов истории, ускоряющих ход развития общества, социальные революции выполняют, во-первых, потому, что они в корне ломают отживший строй, свергают старые классы, которые мешают развитию общества; во-вторых, потому, что они поднимают к сознательному творчеству истории новые классы, более или менее широкие массы народа.

Без революционного ниспровержения отжившего строя невозможны ни беспрепятственное экономическое развитие, ни быстрый прогресс в духовной жизни общества.

Идеологи буржуазии объявляют «нормальным» путем развития общества мирное эволюционное движение; революции представляются им отклонением от «нормального» пути, насилием над естественным ходом вещей. Немецкие буржуазные историки называли 1848 год в Германии «безумным годом». Идеолог русской либеральной буржуазии П. Струве твердил о «стихии безумия», охватившей Россию в 1905 г. Великий пролетарский писатель М. Горький обнажил духовное ничтожество подобных идеологов буржуазного либерализма в рассуждениях Клима Самгина: «Россия нуждается не в революции, а в реформах. Революцию нельзя понять иначе как болезнь, как воспаление общественного организма».

Современные буржуазные реакционеры пытаются объявить «незакономерными» революции, совершившиеся в России, а затем в Китае и других странах народной демократии. Реакционеры не желают и не могут понять, что и Россия, и Китай, и другие страны, где произошли социалистические революции, нуждались именно в революции, для того чтобы двинуться семимильными шагами по пути исторического прогресса. Только великая народная революция могла смести, подобно очистительной буре, отживший социальный строй и открыть путь для свободного развития народов.

Эпохи социальных революций — это настоящие праздники истории, когда массы народа, в обычное время придавленные классовым гнетом, поднимаются к сознательной борьбе за новый, передовой общественный строй. Чем глубже революционный переворот, тем более широкие массы народа вовлекаются в активную борьбу. И наоборот — чем большие массы народа вовлекаются в революционные действия, тем глубже и основательнее преобразования, осуществляемые этими массами. Народные массы толкают вперед развитие революции, стремясь довести до конца решение ее задач. Такую роль играли, например, выступления революционного крестьянства и плебейских элементов городов в буржуазных революциях XVII в. в Англии и XVIII в. во Франции. Эти революции, особенно французская, благодаря активному участию трудящихся масс шли дальше того, к чему стремилась буржуазия, и именно поэтому более основательно решали задачи уничтожения отжившего феодального строя. В ряде буржуазных революций народные массы выступали со своими самостоятельными требованиями, накладывали своей борьбой глубокий отпечаток на весь ход событий; такие революции называют буржуазно-демократическими. Они отличаются от

других буржуазных революций не по своему характеру, а по степени вовлечения народных масс в активную самостоятельную борьбу. Высокая активность масс характерна, например, для революции 1905—1907 гг. в России — первой буржуазно-демократической революции эпохи империализма. Выступая как руководящая сила этой революции, рабочий класс России применял в ней специфически пролетарские средства борьбы (прежде всего массовую политическую стачку).

Революционные периоды отличаются большей широтой и богатством общественной жизни, большей сознательностью, смелостью и яркостью исторического творчества масс по сравнению с периодами эволюционного развития. Это периоды, когда стихийное развитие производительных сил и производственных отношений уступает место сознательной борьбе передовых общественных сил за осуществление коренного переворота в способе производства и во всем общественном строе.

Чтобы массы поднялись на революционную борьбу, они должны осознать необходимость свержения старого строя, невозможность жить по-старому. В периоды революций особенно большое значение приобретают новые идеи, в которых отражаются назревшие исторические задачи. Новые, революционные идеи помогают мобилизации масс, сплочению их в политическую армию, способную сломить сопротивление отживающих классов общества. Поэтому политическому перевороту обычно предшествует идейный переворот, глубокий перелом в сознании, в настроении масс.

Социальные революции не делаются «по заказу», их не может вызвать в любой момент по своему усмотрению революционная группа или партия, как это полагали, например, бланкисты, подменявшие социальную революцию путчем, выступлением заговорщиков. Кроме общей коренной причины социальной революции, состоящей в конфликте между производительными силами и производственными отношениями, для революции необходимы конкретные исторические условия, которые называются *революционной ситуацией.*

Революционная ситуация характеризуется, во-первых, кризисом «верхов», кризисом политики господствующих классов, тем, что они уже не могут сохранить свое господство в прежнем виде, не могут править по-старому, во-вторых, обострением нужды и бедствий угнетенных классов, а вследствие этого и повышением их активности.

В работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» Ленин так определил условия победы социальной революции: «Лишь тогда, когда *«низы» не хотят* старого и когда «верхи» *не могут по-старому,* лишь тогда революция может победить. Иначе эта истина выражается словами: революция невозможна без общенационального (и эксплуатируемых и эксплуататоров затраги-

вающего) кризиса»[1]. Этот социальный кризис и разрешает революция. В периоды социальных революций разрешаются те многочисленные противоречия, которые медленно накапливаются в периоды эволюционного развития.

Наступление революционной ситуации не зависит от воли и желания не только отдельных групп или партий, но и целых классов. Без объективных условий, без революционной ситуации революция не произойдет. Но для того, чтобы революция произошла, и тем более для того, чтобы она увенчалась победой, одних объективных условий недостаточно. Как отмечал Ленин, революционная ситуация была в России в 1859—1861 и в 1879—1880 гг., но революции в эти годы не произошли. Революционная ситуация имелась в России и в 1905 г., но тем не менее революция потерпела поражение. Почему? Потому, что, кроме зрелости объективных условий, для победы революции необходима и зрелость *субъективного фактора*. Необходимо, чтобы революционный класс был так сознателен и организован, способен повести за собой союзников по революционной борьбе, чтобы развить революционные действия, достаточно сильные для свержения власти отживающих классов. А эта организованность, сознательность воспитывается в рабочем классе его авангардом — марксистско-ленинской партией. Только при наличии опытной, закаленной в боях партии, тесно связанной с широкими революционными массами, пользующейся их доверием и поддержкой, возможна победоносная социалистическая революция, умелое использование объективных условий и законов революции.

Опыт истории революционного рабочего движения учит тому, что победа социалистической революции невозможна даже тогда, когда есть налицо объективные условия, революционная ситуация, массовое рабочее движение, если нет руководства марксистской партии. Об этом свидетельствуют и уроки ноябрьской революции 1918 г. в Германии.

Возникает вопрос: обязательна ли революция для разрешения назревших социальных противоречий? Нельзя ли разрешить противоречия путем *реформ*, частичных уступок со стороны господствующих классов, путем постепенных преобразований? Противники революции рассматривают реформы как спасение от революции. Так, защитник реформизма английский правый социалист Г. Ласки в книге «Размышления о революции нашего времени» в 1944 г. писал: «На угрозу революции исторически известен только один ответ: реформы, которые вселяют надежду и бодрость в тех, к которым в противном случае революционеры обращаются с призывом, имеющим непреодолимую силу»[2].

Однако вопреки надеждам реформистов реформы не разре-

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 31, стр. 65.

[2] *H. Laski.* Reflections on the Revolution of our Time. London, 1944, p. 24.

шают коренных социальных противоречий, а только отодвигают их разрешение. Исторический опыт показывает, что переход от одной общественно-экономической формации к другой по своей сущности всегда представляет собой революцию, хотя может совершаться в неодинаковых формах; революционные классы могут осуществлять свои задачи более или менее решительно. Так, в Англии буржуазная революция закончилась компромиссом буржуазии с феодалами, тогда как во Франции феодализм был сметен решительным штурмом. В России замена феодально-крепостнических отношений капиталистическими затянулась на долгий срок, причем господствующие классы пытались путем реформ приспособить феодальные учреждения к развитию капитализма. Но никакие реформы не спасли и не могли спасти самодержавие в России, оно было сметено могучей народной революцией в феврале 1917 г.

Если реформы используются защитниками старого строя для его укрепления, для предотвращения его гибели, то означает ли это, что революционеры должны быть противниками всяких реформ? Конечно, нет. Реформа реформе рознь. Реформисты противопоставляют реформы революции и рассматривают их как самоцель, пытаются путем реформ отвлечь угнетенных от классовой борьбы, разложить силы революции. Революционеры рассматривают реформы в условиях капитализма как побочный продукт революционной борьбы и используют их для развития и расширения классовой борьбы, подчиняют реформы решению коренных революционных задач. Реформы отнюдь не являются результатом общего согласия, «солидарности» всех классов, как утверждают реформисты. Именно своей революционной борьбой передовые классы заставляют угнетателей идти на реформы, на частичные уступки.

Реформисты боятся революции и проповедуют идею постепенного «врастания» капитализма в социализм. Они утверждают, будто государственно-монополистический капитализм уже не есть капитализм и может быть назван «государственным социализмом». При этом они ссылаются на национализацию отдельных отраслей хозяйства, которая якобы превращает капиталистическую экономику в «смешанную экономику», состоящую из социалистических и капиталистических предприятий. Но национализация, осуществляемая буржуазным государством, не ликвидирует капиталистическую собственность, а лишь изменяет ее форму, не устраняет капиталистическую эксплуатацию. Иные из современных ревизионистов утверждают, что наряду с революционным преобразованием капиталистического общества в социалистическое происходит и процесс эволюционного перехода к социализму. Рост государственно-капиталистических тенденций в странах империализма они рассматривают как показатель того, что эти страны также идут по пути социализма. При этом буржуазное государство изображается ими, по существу, как надклассовая организация, ограничивающая устремления не только рабочего класса, но и частного капитала. В действительности же государственное вмешательство в экономику ни в коей мере не ограничивает мощь капиталистических монополий, а, наоборот, дает им в руки дополнительные средства для усиления эксплуатации рабочих, для подчинения

себе мелких и средних капиталистов, для устранения конкурентов. Государственно-монополистический капитализм отнюдь не тождествен социализму, он лишь подготовляет его материальные предпосылки. ««Близость» *такого* капитализма к социализму,— писал Ленин,— должна быть для действительных представителей пролетариата доводом за близость, легкость, осуществимость, неотложность социалистической революции, а вовсе не доводом за то, чтобы терпимо относиться к отрицанию этой революции и к подкрашиванью капитализма, чем занимаются все реформисты»[1]. Чтобы превратить государственный капитализм в социализм, нужно, как учил Ленин, снять капиталистическую верхушку. При известных условиях, а именно при наличии широкого и мощного народного движения, возглавляемого рабочим классом, против всевластия монополий, национализация и до победы социалистической революции может быть обращена против монополистической верхушки. Поэтому пролетариат ряда капиталистических стран выступает за широкую национализацию на условиях, наиболее выгодных народу. Но покончить с капиталистической эксплуатацией может только социалистическая революция.

В современную эпоху, когда сложилась и окрепла мировая социалистическая система, оказывающая все большее воздействие на ход мировой истории, когда капитализм значительно ослаблен, «рабочий класс многих стран еще до свержения капитализма может навязать буржуазии осуществление таких мер, которые, выходя за пределы обычных реформ, имеют жизненное значение как для рабочего класса и развития его дальнейшей борьбы за победу революции, за социализм, так и для большинства нации»[2]. Так, например, рабочий класс, объединив вокруг себя все демократические и миролюбивые силы, может заставить правящие круги прекратить подготовку новой мировой войны, отказаться от развязывания мировых и локальных войн, использовать экономику в мирных целях. Он может также вместе с широкими народными массами отбить наступление фашистской реакции, добиться осуществления общенациональной программы мира, национальной независимости, демократических прав. Подобные меры способны в известной мере улучшить условия жизни народа, обуздать реакционные силы. Вместе с тем они создают более благоприятные условия для дальнейшего движения вперед, помогают сплочению вокруг рабочего класса всех трудящихся для совершения социалистической революции.

После победы социалистической революции соотношение реформ и революции, как показал Ленин, существенно меняется. Одержавший победу революционный класс использует для решения стоящих перед ним задач не только революционные методы, но и реформы. Когда этого требует обстановка, реформы служат ему, чтобы маневрировать, продержаться, выиграть время, добиться передышки для подготовки наступления, чтобы

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 25, стр. 414—415.
[2] «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 37.

разложить лагерь противников революции, привлечь на свою сторону или нейтрализовать колеблющихся.

Если до завоевания власти революционный класс решает свои задачи путем действий «снизу», организуя борьбу против господствующего класса, то после победы революции он осуществляет свои задачи и путем действия «сверху», используя для этой цели новую государственную власть. Эти действия могут носить как характер отдельных реформ, так и характер глубоких революционных преобразований экономического строя, социальных отношений. Примером таких революционных преобразований могут служить аграрные преобразования в Советском Союзе и в странах народной демократии, ликвидация кулачества на основе коллективизации крестьянского хозяйства в СССР.

Мы выяснили причины, вызывающие социальные революции и превращающие их в историческую необходимость. Это дает возможность ответить и на вопрос: всегда ли будут революции?

Развитие общества, как и развитие природы, подчинено диалектическому закону перехода количественных изменений в качественные, согласно которому эволюция подготовляет революцию. Социальная революция представляет собой особую форму качественного скачка, свойственную классовому обществу. Закон социальной революции является таким же историческим законом, как и закон классовой борьбы. Подобно тому как не вечны классы, классовая борьба и государство, так не всегда развитие общества должно происходить через социальные революции. В условиях социализма противоречия между производительными силами и производственными отношениями не принимают с неизбежностью форму конфликта, потому что внутри общества уже нет классовых антагонизмов и все социальные группы заинтересованы в укреплении и развитии социалистических производственных отношений, а политическая надстройка выражает и защищает их общие интересы. Поэтому возникающие в социалистическом обществе противоречия могут разрешаться без социальной революции. Это, разумеется, не исключает качественных скачков, революционных переворотов в науке и технике, в развитии производительных сил общества; они обязательно будут иметь место, но уже не будут приводить к социальным революциям.

2. Отличие социалистической революции от других революций. Социалистическая революция и диктатура пролетариата

Социалистическая революция коренным образом отличается по своему характеру от всех предшествовавших революций, которые лишь заменяли одну форму эксплуатации другой. Она имеет своей задачей не изменение форм эксплуатации, а полное уничтожение эксплуатации человека человеком, кладет начало переходу от классового общества к бесклассовому. Вот почему она является самым глубоким переворотом в истории человечества.

Такой глубочайший переворот не может быть осуществлен без привлечения к активному историческому творчеству широчайших масс народа. Социалистическая революция приводит в движение такие гигантские массы народа, как ни одна из

революций прошлого. Движущими силами социалистической революции является пролетариат, выступающий как вождь революции, и многочисленные слои трудящихся и эксплуатируемых масс.

Буржуазия, возглавляя в XVII—XVIII вв. антифеодальные революции, не могла сплотить вокруг себя на длительный срок широкие массы трудящихся, ибо ее интересы на определенном этапе неизбежно приходят в непримиримое противоречие с интересами масс. Напротив, пролетариат, возглавляя в современную эпоху как революционно-демократические, так и социалистические преобразования, устанавливает прочный союз с широчайшими массами народа, особенно с трудящимся крестьянством, в силу общности их коренных интересов.

Задачи социалистической революции не могут быть разрешены без установления диктатуры пролетариата. Всякой революции приходится преодолевать сопротивление свергаемых ею реакционных классов, ввиду чего и в революциях прошлого новому классу приходилось устанавливать свою диктатуру, чтобы разрешить задачи революции. Так было, например, во французской буржуазной революции конца XVIII в. Пролетарская революция сталкивается с невиданным прежде сопротивлением всех сил старого мира, ибо она уничтожает всякую эксплуатацию.

Необходимость диктатуры пролетариата, ее историческое назначение определяются прежде всего тем, что социалистической революции приходится преодолевать сопротивление всех эксплуататорских классов внутри страны и защищаться от враждебных действий эксплуататорских государств. Международный империализм поддерживает свергнутые революцией эксплуататорские классы и предпринимает против стран социалистической революции агрессивные действия, пытается реставрировать в них капиталистические порядки.

Политическая власть пролетариата служит орудием его классовой борьбы против свергнутых эксплуататорских классов внутри страны и против нападения эксплуататорских государств извне.

Это означает, что пролетарское государство, как и всякое иное, имеет свою насильственную сторону. Но в противоположность всем другим государствам насильственная сторона не является главной в государстве диктатуры пролетариата и направлена она не против большинства населения, а против меньшинства (эксплуататоров).

Вследствие этого коренным образом изменяются отношения между государством, его вооруженными силами и народом. В январе 1918 г. на III Всероссийском съезде Советов В. И. Ленин привел характерные слова простой старухи, которые ему довелось услышать в вагоне Финляндской железной дороги: «...Теперь не надо бояться человека с ружьем. Когда я была в лесу,

мие встретился человек с ружьем, и вместо того, чтобы отнять от меня мой хворост, он еще прибавил мне». Века и тысячелетия трудящиеся видели в человеке с ружьем своего врага. Иначе и не могло быть, ибо вооруженные силы государства служили эксплуататорам, безжалостно подавляли трудящихся. И только с возникновением Советского государства появились вооруженные силы, которые служат народу.

Принципиально новому типу государства соответствует и новый тип *армии*. Это армия, которая, во-первых, впервые в истории является подлинно народной, служит народу; во-вторых, армия, внутри которой нет классовой розни, ибо и ее командный, и ее рядовой состав вербуются из трудящихся; в-третьих, армия, чуждая каких-либо завоевательных целей и служащая делу мира между народами. Показателен такой пример. В дни, когда молодой Советской республике пришлось отбиваться от натиска белогвардейцев и иностранных интервентов, на обсуждение правительства был предложен государственный герб, изображение которого пересекал меч. «Зачем же меч? — возразил В. И. Ленин.— Завоевания нам не нужны. Завоевательная политика нам совершенно чужда; мы не нападаем, а отбиваемся от внутренних и внешних врагов; война наша — оборонительная, и меч — не наша эмблема». Эмблемой Советского государства стали Серп и Молот — символы мирного, созидательного труда. Защите этого труда и служит Советская Армия.

Государство диктатуры пролетариата — это не обычное, а совершенно новое государство. Оно защищает интересы народа, служит не эксплуататорам, а эксплуатируемым, не имущему меньшинству, а трудящемуся большинству. Его задача — не закреплять эксплуатацию человека человеком, а, наоборот, уничтожить ее навсегда.

Враги марксизма утверждают, будто признание диктатуры пролетариата находится в противоречии с задачей уничтожения классов. «Рабочий класс стремится к уничтожению всех классов, а не к господству над другими классами»,— заявляют, например, составители программы Социалистической партии Австрии. Такое противопоставление несостоятельно. Именно потому, что рабочий класс стремится к уничтожению всякого разделения общества на классы, он должен установить свое политическое господство над эксплуататорскими классами. Политическое господство одного класса — пролетариата является необходимой переходной ступенью к социализму, где нет больше эксплуататорских классов, ликвидирован классовый антагонизм и государство становится выразителем воли всего общества.

Отвергая диктатуру пролетариата, правые социалисты противопоставляют ей «чистую» демократию. «Мы боремся за демократию, мы выступаем против всякой диктатуры»,— говорится в программе Социал-демократической партии Германии. Однако

что́ это за «демократия», видно из того, что авторы программы заявляют о своей поддержке конституции боннского милитаристско-клерикального государства, ликвидирующего и преследующего демократические организации в Западной Германии. Диктатуру пролетариата авторы программы германской социал-демократии и другие правые социалисты рассматривают как отрицание демократии. Они скрывают тот факт, что в обществе, разделенном на антагонистические классы, всякое государство по своей сущности представляет собой диктатуру того или иного класса. Все дело в том, против кого или над кем осуществляется диктатура и для кого, для каких классов существует демократия.

В противоположность эксплуататорским государствам, представляющим диктатуру эксплуататорского меньшинства над трудящимся большинством общества, пролетарская диктатура есть государство трудящегося большинства, возглавляемого рабочим классом. Это диктатура многомиллионного класса, который пользуется доверием всего трудового народа и призван сменить у власти отживающую свой век буржуазию. Диктатура над эксплуататорами, демократия для трудящихся — такова власть рабочего класса. Поэтому установление диктатуры пролетариата означает громадное расширение демократии, замену ограниченной и формальной буржуазной демократии демократией пролетарской, обеспечивающей на деле широчайшим массам политические права и реальную власть. Это подлинное народовластие, возглавляемое рабочим классом, которое с ликвидацией классовых антагонизмов перерастает в демократию для всех.

Диктатура пролетариата необходима не только для подавления сопротивления эксплуататорских классов, но и для государственного руководства со стороны рабочего класса широчайшими непролетарскими массами трудящихся.

Победивший пролетариат использует свою политическую власть для того, чтобы оторвать все непролетарские массы (ремесленников и кустарей, трудящееся крестьянство и т. д.) от буржуазии и привлечь их на свою сторону, чтобы постепенно вовлечь в социалистическое строительство и осуществить их социалистическую переделку. Эта задача решается не путем насилия, а путем убеждения, организации, примера и экономической помощи. Вот почему насильственная сторона — это не единственная и даже не главная сторона диктатуры пролетариата.

Представляя собою власть рабочего класса, диктатура пролетариата является в то же время особой формой классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся, и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся. Это, по выражению Ленина, особого вида союз между неодинаковыми экономически, политически, социально, духовно классами. Такой союз оказывается возможным потому, что пролетариат своей борьбой про-

тив капитализма выражает интересы всех трудящихся, заинтересованных в освобождении от эксплуатации.

Трудящиеся массы могут избавиться от гнета капитала и прийти к социализму только под руководством пролетариата, только при условии государственного руководства ими со стороны пролетариата, а пролетариат может удержать свою власть и привести народ к социализму лишь при поддержке непролетарских трудящихся масс, в союзе с этими массами. Вот почему высшим принципом диктатуры пролетариата является союз рабочего класса с крестьянством, союз, в котором рабочий класс является руководителем.

Диктатура рабочего класса необходима и для того, чтобы осуществить социалистическое преобразование общества.

В противоположность буржуазным революциям, которые начинались при наличии капиталистического уклада хозяйства, стихийно возникшего в недрах феодального общества, социалистическая революция не получает готового социалистического уклада. Хотя развитие производительных сил капиталистического общества всесторонне подготовляет и уже подготовило в мировом масштабе материальные предпосылки для революционного перехода к социалистическим производственным отношениям, социалистическая экономика не может зародиться в недрах капиталистического общества.

Завоевав политическую власть, рабочий класс использует ее для осуществления экономического переворота, для преобразования капиталистической экономики в социалистическую. Вот почему социалистическая революция не завершается, а начинается завоеванием политической власти. Социалистическая экономика не может зарождаться и развиваться стихийно. Поэтому государство рабочего класса выступает как организатор социалистического хозяйства.

Социалистическая революция преобразует коренным образом не только политическую и экономическую жизнь общества, но и его культуру, идеологию. Переворот в духовной культуре всего общества более длителен. Он завершается после политического и экономического переворота.

В отличие от буржуазии, которая как имущий, богатый класс имела возможность еще до завоевания политической власти создать свою культуру и многочисленные кадры своей интеллигенции, пролетариат как эксплуатируемый класс при капитализме лишен такой возможности. Правда, он создает в условиях капитализма элементы социалистической культуры, выделяет из своей среды сравнительно немногочисленный слой пролетарской интеллигенции[1]. Но решить целиком задачу создания социалисти-

[1] Загнивание и кризис капитализма и чудовищные злодеяния империализма против народов и человечности неизбежно приводят наиболее честных, мужественных и мыслящих представителей интеллигенции капитали-

ческой культуры и социалистической интеллигенции он может лишь после завоевания власти. Ввиду этого перед диктатурой пролетариата встают гигантские задачи в области создания новой культуры, подготовки кадров интеллигенции, социалистического воспитания широчайших масс.

Каждый социальный строй создает особую, свойственную ему общественную дисциплину, дисциплину труда. Как указывал Ленин, при феодализме дисциплина труда является дисциплиной палки, при капитализме организация труда держится на дисциплине голода, социализм же требует сознательной, товарищеской дисциплины работников, являющихся хозяевами производства. В воспитании социалистической дисциплины — трудовой, общественной, государственной — главную роль играет убеждение. Но рабочий класс, руководя государством и обществом, применяет и принуждение — против лодырей, тунеядцев, воров, жуликов и других злостных носителей традиций капитализма. Это принуждение осуществляется в интересах всего народа при помощи государственной власти и устанавливаемых ею законов, правовых норм, в основе которых лежат социалистические принципы распределения по труду и по правилу «кто не трудится, тот не ест». Таким образом, государственная власть пролетариата становится орудием его борьбы против сил и традиций капитализма не только в области политической и хозяйственной, но и в области идейно-воспитательной.

Как видно из сказанного, диктатура пролетариата представляет собой орудие разрешения коренных задач социалистической революции. Диктатура пролетариата имеет три основные стороны: 1) по отношению к эксплуататорским классам внутри страны она выступает как орудие подавления их сопротивления, а по отношению к эксплуататорским государствам за пределами страны — как орудие защиты завоеваний революции от внешнего нападения; 2) по отношению к крестьянству, к ремесленникам, к близкой народным массам интеллигенции и другим непролетарским слоям трудящихся она представляет собой орудие государственного руководства со стороны рабочего класса; 3) по отношению ко всему обществу она служит орудием социалистического преобразования его экономики и культуры.

Все эти стороны диктатуры пролетариата неразрывно связаны между собой, но на различных этапах ее развития может выдвигаться на первое место то одна, то другая из этих сторон. По мере укрепления нового общественного строя все больший удельный вес в деятельности социалистического государства внутри страны приобретает работа по организации хозяйства

стических стран на сторону рабочего класса, на сторону коммунизма. Таковы Теодор Драйзер в США, Ромен Роллан, Анатоль Франс, Поль Ланжевен, Жолио-Кюри во Франции, Джон Бернал в Англии, Мартин Андерсен Нексе в Дании и др.

и культуры, его воспитательная сторона, тогда как насильственная сторона все более отступает на задний план.

Диктатура пролетариата представляет собой государство переходного периода от капитализма к социализму. С завершением этого периода, с ликвидацией эксплуататорских классов и переходом крестьян, ремесленников на путь социализма, в условиях полной и окончательной победы социализма историческая миссия диктатуры пролетариата внутри страны оказывается выполненной. Государство диктатуры пролетариата перерастает в общенародное социалистическое государство (см. § 8 этой главы). Этот процесс, уже совершившийся в СССР, практически подтверждает, что «рабочий класс — единственный в истории класс, который не ставит целью увековечение своей власти» [1].

3. Условия социалистической революции в современную эпоху

Необходимость социалистической революции была всесторонне обоснована и доказана Марксом и Энгельсом и подтверждена всем последующим историческим развитием. Ныне уже значительная часть человечества освободилась от капиталистического гнета и встала на путь социализма. Величайшим переломом во всемирной истории явилась Октябрьская социалистическая революция в России, открывшая новую историческую эпоху — эпоху перехода от капитализма к социализму. Эта революция нанесла сильнейший удар по мировому капитализму, который оказался ввергнутым в состояние глубокого общего кризиса. В результате дальнейшего углубления этого кризиса от системы империализма отпал ряд стран Европы и Азии, в которых установлен народно-демократический строй и осуществляется строительство социализма.

Противники марксизма, стремясь умалить значение этих великих исторических изменений и ослабить идейное влияние марксизма, твердят, будто революции совершились не там, где им полагалось произойти по Марксу.

Французский социолог Жан Маршаль в книге «Два очерка о марксизме» (1955), канадский профессор Г. Мэйо в книге «Демократия и марксизм» (1955), лектор Оксфордского университета Джон Пламенец, автор книги «Немецкий марксизм и русский коммунизм» (1954), и другие буржуазные социологи заявляют, что Маркс ожидал социалистической революции в индустриальных странах, а революции произошли «вопреки Марксу» в крестьянских странах — в России и Китае. Все эти господа сначала приписывают марксизму догматическое утверждение, будто революции должны совершаться в раз навсегда установленном порядке, а затем легко опровергают этот выдуманный ими тезис.

[1] «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 100.

В действительности Маркс полагал, что материальные предпосылки для социалистической революции, для перехода к социализму созревают раньше всего в наиболее развитых капиталистических странах. Но ни Маркс, ни его ученики никогда не считали, будто можно заранее установить на все времена, в какой последовательности должен осуществляться социалистический переворот в различных странах. Это целиком зависит от конкретно-исторических условий[1].

В эпоху домонополистического капитализма Маркс и Энгельс выдвинули положение о том, что социалистическая революция может совершиться одновременно во всех капиталистических странах или по крайней мере в Англии, США, Франции, Германии. К этому положению, выдвинутому Энгельсом в работе «Принципы коммунизма» в 1847 г., Маркс и Энгельс добавили в дальнейшем указание на то, что революция может *начаться* в отдельных странах. Но, поскольку в тот период капитализм развивался по восходящей линии, Маркс и Энгельс считали невозможной победу социалистической революции в одной, отдельно взятой стране, ибо революция оказалась бы подавленной совместными ударами капиталистических стран.

В эпоху нисходящего движения капитализма положение изменилось. Опираясь на основные положения марксизма и обобщая новый исторический опыт, Ленин создал новую теорию социалистической революции, представляющую собой дальнейшее творческое развитие марксизма применительно к условиям эпохи империализма. Как показал Ленин, система империализма в целом созрела для социалистической революции. В эпоху империализма отдельные страны являются звеньями мировой империалистической системы, а их внутренние противоречия представляют собой часть общих противоречий империализма. Поэтому вопрос о вызревании условий, предпосылок социалистической революции в той или иной стране нужно рассматривать не только под углом зрения внутреннего развития страны, но и под углом зрения ее места в общей системе империализма. Социалистическая революция совершается раньше всего в тех странах, где внутренние противоречия наиболее остры; в силу этого они оказываются наиболее слабыми звеньями в общей цепи империализма. Можно ли сказать, что слабыми звеньями должны быть прежде всего страны наиболее высокого или, наоборот, низкого развития капитализма? Конечно, известное развитие капиталистических отношений и существование рабочего класса являются необходимой предпосылкой социалистической

---

[1] К сведению господ критиков ленинизма, Маркс в середине XIX в. допускал возможность социалистической революции в сравнительно отсталой тогда Германии, если бы революция пролетариата была поддержана здесь «вторым изданием крестьянской войны».

революции. Но нельзя установить очередность революции в различных странах в зависимости от уровня их экономического развития. Какая страна может оказаться в данный исторический период наиболее слабым звеном в цепи империализма — зависит от всей совокупности внутренних и внешних условий развития, от остроты социальных противоречий и от соотношения классовых сил.

Как показал Ленин, неравномерность темпов экономического и политического развития капиталистических стран при империализме крайне обостряется. В области экономической неравномерность выражается в том, что одни страны обгоняют другие и притом не в порядке плавного, эволюционного, а в порядке скачкообразного развития. В области политической неравномерность ведет к тому, что политические предпосылки для социалистической революции созревают не одновременно во всех капиталистических странах. Как уже говорилось в XIV главе, в некоторых наиболее развитых странах капитализма созревание сил для социалистической революции замедляется, потому что буржуазии удается расколоть рабочее движение, создавая слой «рабочей аристократии». А в ряде менее развитых капиталистических стран, где рабочий класс и другие трудящиеся испытывают двойной и тройной гнет, классовые противоречия и классовая борьба принимают более острые формы, вследствие чего эти страны политически быстрее созревают для революции.

Неравномерность развития капитализма приводит к обострению противоречий между империалистическими странами, к борьбе за передел мира и к империалистическим войнам. Учитывая изменившуюся историческую обстановку, обострение противоречий между империалистическими странами, а также между метрополиями и колониями, трудом и капиталом, Ленин в 1915 г. сделал вывод, что в эпоху империализма стала возможной победа социалистической революции первоначально в нескольких или даже в одной, отдельно взятой стране и невозможна одновременная победа социалистической революции во всех капиталистических странах. Это гениальное предвидение подтвердилось. Ослабление устоев мирового капитализма дало возможность революционным силам прорвать фронт империализма сначала в России, а затем в ряде других стран Европы и Азии.

Таким образом, переход от капитализма к социализму совершается не путем одновременного крушения капиталистической системы во всех странах, а путем отпадения от этой системы отдельных стран.

Отсюда вытекает неизбежность целой исторической эпохи перехода от капитализма к социализму в мировом масштабе. В течение этой эпохи все новые и новые страны будут стано-

виться на путь социализма, сокращая тем самым сферу господства капиталистического мира и приближая его гибель.

Процесс крушения империализма ускоряется после того, как социалистическая революция победила в одной стране и тем более в ряде стран. Существование страны социализма (и тем более мировой системы социалистических стран) означает ослабление системы капитализма и представляет собою опору для развертывания освободительного движения в других странах. Революционным силам новых стран, встающим на путь социализма, легче устоять в борьбе против сил реакции не только потому, что империалистическая система ослаблена, но и потому, что они могут опереться на поддержку социалистических стран. Новым странам уже не приходится идти к социализму по неизведанному пути, они имеют возможность использовать опыт стран социализма.

Существование социалистического лагеря открыло возможность социалистических преобразований и в таких малых странах, которые в одиночестве не располагали бы для этого достаточными силами. После победы социалистической революции в России, а затем и ряде других стран стал возможен при ее поддержке непосредственный переход отставших народов и стран от феодальных или полуфеодальных отношений к социализму, минуя стадию капитализма. Таким образом, в современную эпоху любая страна, независимо от уровня ее экономического развития, практически может стать на путь, ведущий к социализму.

Эпоха крушения капитализма и торжества социализма — это эпоха не только социалистических революций. Ленинская теория социалистической революции учит, что крушение мировой системы империализма явится результатом сочетания разнородных революционных процессов: социалистических революций, демократических революций, перерастающих в социалистические, национально-освободительных революций и т. д. Разнородность революционных процессов — это неизбежное следствие разнородности самой мировой системы империализма, которая включает как страны высокоразвитого капитализма, так и страны капиталистически менее развитые, а также колониальные и зависимые страны со значительными остатками или даже с преобладанием докапиталистических отношений. Однако разнородность революционных процессов, развивающихся в различных звеньях мировой системы империализма, не является препятствием к их соединению. Наоборот, наличие общего врага — империализма, по которому они наносят удар и с фронта и с тыла, объективно ведет к объединению их сил. Задача пролетариата — направить все эти разнородные революционные движения к единой цели, к свержению империализма. Вот почему В. И. Ленин выступал против сектантского подхода, изолирую-

щего коммунистов от широких слоев населения. «Кто ждет «чистой» социальной революции,— писал В. И. Ленин,— тот *никогда* ее не дождется. Тот революционер на словах, не понимающий действительной революции» [1].

Мировое освободительное движение, направленное против империализма, складывается из слияния в один поток социалистических революций, национально-освободительных антиимпериалистических революций, народных демократических революций, широких крестьянских движений, борьбы народных масс за свержение фашистских и иных тиранических режимов, общедемократических движений против национального гнета.

Общее направление исторического развития в современную эпоху характеризуется тем, что оно ведет к крушению системы империализма и к торжеству социализма во всех странах. Но процесс освобождения народов из-под гнета империализма, как это предвидел Ленин, осуществляется в различные исторические сроки и в многообразных формах.

«Все нации придут к социализму, это неизбежно,— подчеркивал Ленин,— но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни. Нет ничего более убогого теоретически и более смешного практически, как «во имя исторического материализма» рисовать себе будущее в *этом* отношении одноцветной сероватой краской: это было бы суздальской мазней, не более того» [2].

4. Национально-освободительные революции и крушение империализма

В общей борьбе против империализма, которая складывается из различных по своему характеру революционных движений, огромную роль играют в современную эпоху национально-освободительные, антиколониальные движения угнетенных народов.

Пробуждение этих народов неразрывно связано с новой исторической эпохой, начало которой положила победа Великой Октябрьской социалистической революции. Эта революция дала могучий толчок развитию национально-освободительного движения. Уже в первые годы Октябрьской революции Ленин прозорливо предсказывал, что в общем балансе мирового революционного движения удельный вес национально-освободительных движений будет возрастать. На III конгрессе Коминтерна он говорил: «...в грядущих решающих сражениях мировой революции

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 22, стр. 340.
[2] *В. И. Ленин.* Соч., т. 23, стр. 58.

движение большинства населения земного шара, первоначально направленное на национальное освобождение, обратится против капитализма и империализма и, может быть, сыграет гораздо большую революционную роль, чем мы ожидаем»[1]. Пробуждение колониальных народов, которые составляли в то время большинство человечества, Ленин рассматривал как новый мощный фактор всемирной истории, ускоряющий ее развитие. Народы колониальных и полуколониальных стран раньше оценивались, по выражению Ленина, «лишь как объекты, а не субъекты истории», теперь же они распрямляют плечи, поднимаются на борьбу за право самостоятельно устраивать свою жизнь. Именно с этим Ленин связывал ускорение темпов исторического развития, углубление кризиса мирового капитализма и, наконец, перспективу окончательной победы социализма над капитализмом в мировом масштабе. «Исход борьбы зависит, в конечном счете, от того, что Россия, Индия, Китай и т. п. составляют гигантское большинство населения. А именно это большинство населения и втягивается с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение, так что в этом смысле не может быть ни тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы. В этом смысле окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена»[2].

Крушение империализма Ленин рассматривал как результат соединения прежде всего социалистических революций с национально-освободительными революциями. Если социалистические революции в странах капитализма наносят удар по империализму с фронта, то национально-освободительные, антиимпериалистические движения и революции в колониальных и зависимых странах наносят ему удар с тыла, расшатывают, подрывают устои империалистической колониальной системы.

Эти два типа революций современной эпохи взаимосвязаны и взаимообусловлены. С одной стороны, успех социалистических революций оказывает решающее влияние на развитие и усиление национально-освободительных движений, создает условия, благоприятствующие успеху национально-освободительных революций. Несомненно, что главным условием нынешнего мощного подъема национально-освободительного движения и крушения колониальной системы явилось ослабление империализма в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции и образования мировой системы социализма.

Возникновение и развитие капитализма привело к образованию колониальной системы. Возникновение и развитие социализма знаменует собой наступление эры освобождения угнетенных народов, ликвидации колониальной системы. Если в 1919 г.

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 32, стр. 458.
[2] *В. И. Ленин.* Соч., т. 33, стр. 458.

население колоний, полуколоний и доминионов составляло 1230 миллионов человек — около 70% населения земного шара, то к 1961 г. оно сократилось до 85,4 миллиона человек — 2,8% населения земли. На обломках колониальных империй появились 42 суверенных государства. Конечно, нельзя забывать, что многим странам, завоевавшим *политическую* независимость, еще предстоит вести упорную борьбу за свое освобождение от *экономического* закабаления более развитыми капиталистическими государствами. Но и эта борьба облегчается, а ее успех во многом определяется существованием и ростом сил социализма.

С другой стороны, развитие национально-освободительного движения и распад колониальной системы империализма в свою очередь становятся мощным фактором ускорения движения человечества к социализму. На это обращал внимание еще Ленин, подчеркивая значение «...пробуждения новых классов к жизни и к борьбе на Востоке (Япония, Индия, Китай) — т. е. тех сотен миллионов человечества, которые составляют бо̀льшую часть населения земли и которые своей исторической бездеятельностью и своим историческим сном обусловливали до сих пор застой и гниение во многих передовых государствах Европы...» [1].

Если в свое время историческая придавленность этих народов, вынужденных терпеть колониальный гнет, помогала буржуазии развитых капиталистических стран заглушать классовые противоречия внутри своих стран, подкупать за счет колониальных сверхприбылей верхушку своего рабочего класса, то пробуждение угнетенных народов и их освобождение от колониального гнета способствуют обострению классовых противоречий и ускоряют назревание социалистических революций в странах капитализма. Хотя в настоящее время завоевание многими колониальными народами политической независимости еще не сказалось в полной мере на экономике империализма, оно уже ведет к усилению неустойчивости капиталистической системы мирового хозяйства, к обострению социальных противоречий внутри капиталистических стран. Показательны в этом смысле грандиозные забастовки, сопровождавшиеся уличными боями, в Бельгии в конце 1960 — начале 1961 г. Корреспонденция известного французского журналиста Мишеля Боскэ, посвященная событиям в Бельгии, начиналась такими словами: «Итак, это возможно. Рабочий класс Западной Европы, усыпленный, по мнению некоторых, телевидением, стиральными машинами, социальными завоеваниями и неокапитализмом, внезапно доказал, что он способен на взрывы революционного характера».

Социалистические революции и национально-освободительные революции не только взаимообусловлены. При известных условиях становится возможным перерастание революции одного

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 33, стр. 207.

типа в революцию другого типа, т. е. революции национально-освободительной в революцию социалистическую.

Такой процесс уже совершился в ряде стран Азии (Китай, Северная Корея, Северный Вьетнам). Перерастание антиимпериалистической, антифеодальной революции широких народных масс в революцию социалистическую становится возможным там, где руководящая роль принадлежит или переходит к пролетариату — последовательно революционному классу, способному в союзе с широкими народными массами довести до конца борьбу против империализма, успешно разрешить задачи не только национального, но и социального освобождения трудящихся.

В национально-освободительной борьбе против империализма, которая по своему содержанию является демократической, различные классы могут выступать единым фронтом. Единый национально-демократический фронт призван объединять все патриотические силы нации, способные вести борьбу с империализмом и остатками феодализма. Однако позиция различных классов, участвующих в этой борьбе, неодинакова. Наиболее последовательным борцом за доведение до конца национальной, антиимпериалистической, демократической революции является рабочий класс. Его союзником выступает крестьянство, кровно заинтересованное в осуществлении аграрных преобразований и ликвидации остатков феодализма, и другие демократические силы. Национальная буржуазия колониальных и зависимых стран также может быть участницей национально-демократического фронта. В ряде стран буржуазия возглавила национально-освободительное движение и после освобождения страны оказалась у власти.

В современных условиях национальная буржуазия в колониальных, бывших колониальных и зависимых странах, не связанная с империалистическими кругами, заинтересована в осуществлении основных задач антиимпериалистической, антифеодальной революции и в этом смысле играет еще прогрессивную роль. Но национальная буржуазия отличается двойственным характером и склонна к соглашательству с империализмом и феодализмом. В зависимости от соотношения классовых сил и конкретно-исторических условий различных стран эти стороны в деятельности национальной буржуазии могут быть выражены в разной степени.

Развитие национально-освободительного движения в решающей мере зависит от того, какой класс возглавляет его. Общая тенденция развития классовой борьбы в странах, борющихся или завоевавших национальную независимость, состоит в том, что после разрешения в основном общенациональных задач особенно остро встают социальные задачи (необходимость разрешения аграрного вопроса, ломка феодальных или полуфеодаль-

иых отношеиий, сокращение рабочего дня и повышеиие заработной платы рабочих и т. д.). Освободившиеся страиы сталкиваются также с иеобходимостью упрочеиия завоеванной политической иезависимости путем ликвидации экономическнх устоев господства империалистов. В отиошеиии ко всем этим проблемам особеиио сказывается противоречивость поведеиия национальиой буржуазии; боязиь революциоиных масс нередко толкает ее на путь подавлеиия рабочих и крестьяи, являющихся главиой опорой иационально-освободительиого движения.

По мере обостреиия социальиых противоречий иациональиая буржуазия проявляет все больше склоиности к соглашательству с империализмом и виутреиией реакцией. Напротив, иародиые массы, сталкивающиеся с необходимостью разрешеиия кореиных социальиых проблем, постепеино убеждаются, что наилучший путь ликвидации вековой отсталости страиы н улучшеиия условий их жизии — это путь иекапиталистического развития.

Будущее человечества во миогом зависит от того, по какому пути пойдет развитие стран, освобождающихся от колоииальиой зависимости. Вопреки расчетам идеологов буржуазин иароды, освободившиеся от колоииальиого гиета, будут все больше убеждаться, что капиталистический путь развития — это путь народных страдаиий. Сама жизиь будет показывать им преимущества иекапиталистического пути. Возможности для движеиия по этому пути в современиую эпоху колоссальио расширились. Оии связаны как с виутрениими, так и с виешиими условиями развития стран, освободившихся от колоииальиого гнета. Среди благоприятиых виутреииих условий большое зиачение имеет пробуждеиие иародиых масс, которые тяиутся к свободиой жизии, рост рабочего класса, появление в этих страиах иовых политических партий, прииимающих идеи марксизма-лениизма.

Политической формой перехода ряда стран иа иекапиталистический путь может стать государство иациональной демократии. Это, как сказано в Заявлеиии Совещаиия представителей коммуиистических и рабочих партнй (1960), во-первых, государство, последовательио отстаивающее свою политнческую и экономическую иезавнсимость, борющееся против нмпериализма н его воениых блоков, а также против проиикиовеиия в страиу нмпериалистического капитала; во-вторых, государство, отвергающее диктаторские и деспотические методы правлеиия, обеспечивающее иароду широкие демократические права и возможность добиваться осуществлеиия демократических и социальиых преобразований. Образоваиие н укреплеиие такого государства будет способствовать быстрому социальиому прогрессу страи, освобождающихся от империалистического гнета.

Государство иациональиой демократии ие представляет собой господства одиого класса. Его политическая осиова — блок всех прогрессивных, патриотнческих сил, борющнхся за доведение

до конца антиимпериалистической, антифеодальной, демократической революции. Как и всякое государство, воплощающее власть различных классов, оно носит переходный характер. При условии руководящей роли рабочего класса оно явится формой перехода к некапиталистическому развитию. «Некапиталистический путь развития обеспечивается борьбой рабочего класса, народных масс, общедемократического движения и отвечает интересам абсолютного большинства нации» [1].

Решающее условие, которое в современную эпоху создает возможность для освободившихся от колониальной зависимости народов стать на некапиталистический путь развития,— это коренное изменение соотношения классовых сил на мировой арене. Укрепление и развитие мировой системы социализма обеспечивает им могучую поддержку как в борьбе за укрепление своей политической независимости, так и в развитии национальной экономики.

Политическая и экономическая помощь социалистических государств слаборазвитым странам противодействует империалистическим проискам, направленным на утверждение новых форм колониализма. Сознание значения этой помощи все глубже проникает в умы народов, борющихся за свое освобождение. Недаром на приеме в советском представительстве в ООН в Нью-Йорке министр иностранных дел Камеруна Шарль Окала сказал, обращаясь к Н. С. Хрущеву: «Мы благодарим Вас за усилия, с которыми Вы отстаиваете нашу свободу. Мы в центре Африки знаем, что если бы не СССР, то мы разуверились бы даже в боге. Если нам в свое время дали независимость, то это было сделано не от чистого сердца. Наше прежнее рабство хотели заменить новой экономической зависимостью. Я не коммунист, но для меня важно не то, кем делается работа — коммунистами или нет. Для меня важна суть работы, а суть ваших усилий — очень ценная вещь».

Империалисты пытаются расколоть национально-освободительное движение, используя для этого, в частности, идеологию антикоммунизма. Нередко они объявляют «коммунистами» всех, кто последовательно борется за национальную независимость народов. Однако такая политика приносит лишь обратные результаты. «Империализм роет свою собственную могилу,— заявил в своем приветствии XXII съезду партии представитель от партии Суданский союз (Республика Мали) Тидиани Траоре.— Сегодня, как и вчера, всякий раз, когда какой-либо свободолюбивый народ сбрасывает свои цепи, колонизаторы поднимают вопль: «Берегитесь! Это рука Москвы, рука коммунизма!» Но это значит, что коммунизм является синонимом свободы.

Всякий раз, когда какая-либо организация стремится ликвидировать неравенство и требует справедливого распределения материальных благ, колонизаторы кричат: «Берегитесь! Это рука Москвы, рука коммунизма!» Но это значит, что коммунизм является синонимом справедливости, синонимом равенства.

---

[1] «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 49.

Всякий раз, когда какая-либо партия разоблачает дискриминацию, империалисты и колонизаторы неистовствуют: «Берегитесь, это агенты Москвы, это коммунисты!» Но это значит, что коммунизм является синонимом братства»[1].

В интересах защиты своей независимости от империализма, развития национальной экономики и сохранения мира освободившиеся от оков колониализма государства стремятся к сотрудничеству со странами социалистического лагеря. И хотя в настоящее время большинство из этих стран не являются социалистическими, завоевание ими национальной независимости ускоряет движение человечества к социализму. Крушение системы колониального рабства под натиском национально-освободительного движения расценивается в Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий как второе по своему историческому значению явление после образования мировой системы социализма. Ликвидация колониальной системы — это одна из важнейших составных частей процесса крушения империализма. Поэтому национально-освободительные антиимпериалистические революции входят в единый мировой революционный процесс, подрывающий и разрушающий капитализм. Определяющую роль в этом революционном процессе играют мировая социалистическая система и международный революционный рабочий класс.

5. Соотношение демократических и социалистических преобразований в современную эпоху

В эпоху империализма и особенно в эпоху его крушения существенно изменилась расстановка классовых сил в капиталистических странах. В результате этого в странах, где еще не произошли буржуазно-демократические революции, где сохранились феодальные или полуфеодальные отношения, сблизились демократические и социалистические преобразования, а в связи с этим расширилась социальная база социалистической революции.

В доимпериалистическую эпоху демократические преобразования были отделены от социалистических целым историческим периодом. В наиболее развитых странах капитализма демократические преобразования (ликвидация крепостничества, установление буржуазной демократии, завоевание национальной независимости) были осуществлены еще в XVIII—XIX вв. Социалистические же преобразования (ликвидация капитализма, установление социалистической демократии) в этих странах не осуществлены и поныне.

[1] «Приветствия XXII съезду КПСС». Госполитиздат, 1961, стр. 246.

Еще Маркс и Энгельс показали, что в тех странах, где осуществление демократических преобразований задержалось, а капиталистические отношения уже получили развитие, возможен прямой переход от демократических преобразований к социалистическим, осуществляемый путем непрерывной революции. Так, в 1848 г. Маркс и Энгельс допускали возможность перерастания буржуазно-демократической революции в Германии в социалистическую революцию. Победу социалистической революции они связывали с поддержкой этой революции «крестьянским хором», без которого пролетарское соло неизбежно превратится в лебединую песнь.

В эпоху крушения империализма прямой переход от демократических преобразований к социалистическим, который раньше мог рассматриваться как исключение, становится типичным для тех стран, где эти демократические преобразования еще предстоит осуществить.

Новое соотношение демократических и социалистических преобразований было проанализировано Лениным еще в годы первой русской революции. В этой революции гегемония принадлежала уже не буржуазии, а пролетариату. Гегемония пролетариата является одним из важнейших условий перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Движущей силой развития революции является союз рабочего класса и крестьянства под руководством рабочего класса. Но этот союз не остается неизменным, его классовое содержание изменяется в соответствии с этапами, которые проходит революция. Подвергнув анализу расстановку классовых сил в России, Ленин пришел к выводу о том, что в буржуазно-демократической революции союзником рабочего класса является все крестьянство, все его слои, а в социалистической революции рабочий класс опирается на беднейшее крестьянство, ведет борьбу за свержение капитализма в союзе с полупролетарскими слоями города и деревни. При этом гегемония пролетариата объединяет, связывает между собой оба этапа революции. Перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую находит отражение и в политической надстройке: установленная на первом этапе революции демократическая диктатура пролетариата и крестьянства перерастает в социалистическую диктатуру пролетариата.

Таким образом, Ленин показал, что пролетариат совершает не только буржуазно-демократическую, но и социалистическую революцию не в одиночестве, а вместе со своими классовыми союзниками. Этим была опрокинута установка оппортунистических вождей II Интернационала, которые отрицали идею гегемонии пролетариата и утверждали, будто пролетариат выступает в социалистической революции один, без союзников. Вместе с тем было опровергнуто и вытекавшее из этой установки пред-

ставление, будто социалистическая революция возможна только тогда, когда пролетариат станет большинством населения. Как показал Ленин, социалистическая революция вполне возможна и в таких странах, где пролетариат составляет меньшинство населения, но имеет союзников в лице трудящихся и эксплуатируемых масс, в лице полупролетарских слоев городского и сельского населения. Это предвидение Ленина было подтверждено победой социалистической революции в России, а затем и в других странах.

Сближение демократических и социалистических преобразований в современную эпоху и расширение социальной базы пролетарской революции видно на опыте европейских стран народной демократии. Большинство этих стран были до народно-демократической революции по преимуществу аграрными странами со средним уровнем развития капитализма (за исключением Германской Демократической Республики и Чехословакии). В ряде стран были еще значительные пережитки феодальных отношений. В период второй мировой войны эти страны потеряли свою национальную независимость, оказались либо оккупированными (Польша, Чехословакия и др.), либо на положении сателлитов фашизма, и перед ними выдвинулись на первый план общедемократические задачи. Верхушка господствующих классов этих стран (помещики и крупная буржуазия) стала на путь национального предательства и сотрудничества с фашизмом. Поэтому национально-освободительная борьба против фашистских оккупантов переплелась с классовой борьбой против внутренних реакционных сил.

Ведущей силой национально-освободительной борьбы был рабочий класс, вместе с которым в едином народном фронте выступали крестьянство, городская мелкая буржуазия, интеллигенция и даже часть национальной буржуазии. В результате разгрома фашизма и освобождения этих стран были устранены от власти сотрудничавшие с фашизмом реакционные классы — помещики и крупная буржуазия, и народный революционный фронт во главе с рабочим классом создал народно-демократический строй.

В борьбе за создание народной демократии широкие социальные силы объединялись вокруг решения общедемократических, антиимпериалистических, антифашистских задач (восстановление национальной независимости, демократизация политического строя и др.). В большинстве стран к этим задачам прибавлялись и значительные по своему объему антифеодальные задачи (за исключением Болгарии, где феодального землевладения уже почти не было, так как помещики были изгнаны еще во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг., а также Чехословакии, где до установления народно-демократического режима в сельском хозяйстве господствовала аграрная буржуазия). Наряду с демократическими преобразованиями с самого возникновения строя народной демократии осуществлялся и ряд социалистических преобразований (например, частичная национализация крупной промышленности, банков, транспорта и т. д.). Однако в полном объеме социалистические задачи выдвинулись на первый план в ходе дальнейшего развития революции. При этом революционные преобразования в каждой из стран народной демократии имели много особенностей, отличающих их друг от друга.

В силу сложившейся исторической обстановки социальная база революции в странах народной демократии оказалась весьма широкой. Даже после того как в европейских странах народной демократии буржуазия отошла от народного фронта, он остался широким объединением различных социальных сил. Надо было добиваться по крайней мере нейтрализации город-

ской мелкой буржуазии, среднего крестьянства и других слоев, которые находятся под влиянием буржуазии, думали марксисты раньше. А в новой обстановке оказалось возможным привлечь их непосредственно на сторону социалистической революции.

Коренные задачи социалистической революции во всех странах осуществляются пролетариатом в борьбе против буржуазии. Но позиции различных слоев буржуазии, как показывает опыт, не везде одинаковы. В Китае, например, на этапе антиимпериалистической, антифеодальной революции был создан единый народно-демократический фронт, который включал в себя и национальную буржуазию. Противоречия между рабочим классом и национальной буржуазией отступали тогда на задний план по сравнению с общими антиимпериалистическими и антифеодальными задачами. В отличие от европейских стран народной демократии рабочий класс Китая сохранил отношения союза с национальной буржуазией и на этапе социалистической революции. При этом большая часть национальной буржуазии вынуждена была принять социалистические преобразования. Это стало возможным прежде всего потому, что Китай, бывший ранее полуколониальной страной, освободился от империалистического гнета под руководством рабочего класса и мог обеспечить свою национальную независимость, лишь идя по пути социализма. Это объясняется также слабостью китайской национальной буржуазии, развитию которой мешало засилье иностранного империализма. На позицию национальной буржуазии оказали решающее влияние массовые народные движения против контрреволюционеров, упорная классовая борьба за ограничение капиталистического сектора. Но, хотя национальная буржуазия и была вынуждена подчиниться воле народа, социалистическая революция все же в корне противоречит ее природе и чаяниям. Поэтому осуществление задач социалистической революции неизбежно связано с более или менее острой классовой борьбой.

Демократические преобразования могут не только предшествовать социалистическим, но и осуществляться попутно с ними после завоевания пролетариатом политической власти. В Великой Октябрьской социалистической революции пролетариат в союзе с остальными трудящимися массами, осуществляя социалистические преобразования, попутно решил и общедемократические задачи, которые не смогла осуществить Февральская буржуазно-демократическая революция в России. Эта историческая закономерность, очевидно, будет проявляться и в ходе социалистических революций в других странах.

В современную эпоху значительные демократические задачи встали и во многих развитых капиталистических странах, где демократические преобразования уже были осуществлены буржуазными революциями в XVIII—XIX вв. Эти задачи — борьба

против всевластия монополий за сохранение демократии, за национальную независимость, против новых войн. В борьбе за решение этих задач рабочий класс может и должен сплотить вокруг себя широкие массы народа.

Умирающий капитализм все более обнаруживает свою враждебность демократии. Поэтому широкие социальные слои, заинтересованные в сохранении и расширении демократических завоеваний, отходят от господствующей монополистической буржуазии и примыкают к пролетариату. Рост государственно-монополистического капитализма ведет к перегруппировке классовых сил в капиталистических странах. Наряду с обострением основного классового антагонизма — между буржуазией и пролетариатом появилось новое противоречие — между монополиями и интересами подавляющего большинства нации. Капиталистические монополии выступают ныне как главный враг не только рабочего класса, но и крестьянства, всех основных слоев нации. Гнет банков и монополий, тяготеющий над крестьянством, толкает его к союзу с рабочим классом. Так как крестьянство эксплуатируют во многих странах уже не только помещики, но главным образом банки и капиталистические монополии, то экономической основой его союза с рабочим классом становится их общая заинтересованность в освобождении от господства монополий. Недовольство городской мелкой буржуазии, интеллигенции и даже некоторой части буржуазии (ее низших и средних слоев) господством монополий также ведет к расширению базы демократического, антимонополистического движения. Все это создает возможность совместных действий различных классов и групп, заинтересованных в ликвидации всевластия монополий, позволяет соединить все демократические движения, выступающие против гнета финансовой олигархии, в один могучий антимонополистический поток. А борьба за осуществление демократических задач, независимо от того, какие цели ставят перед собой ее участники, объективно все больше и больше оборачивается против капитализма. В современную эпоху всякие серьезные демократические преобразования уже не усиливают капитализм, как это было в прошлом, когда буржуазия боролась против феодализма, а, наоборот, наносят урон экономическим и политическим позициям монополистической буржуазии.

Для социалистического пролетариата борьба за демократию подчинена борьбе за социализм. Это, однако, не исключает того, что на определенных этапах истории пролетариат может выдвигать на первое место борьбу за демократию как главную задачу дня: «Общедемократическая борьба против монополий не отдаляет социалистическую революцию, а приближает ее. *Борьба за демократию — составная часть борьбы за социализм»* [1].

[1] «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 38.

6. Соотношение вооруженной борьбы и мирных форм борьбы за власть. Многообразие форм диктатуры пролетариата

В связи с изменением исторических условий изменяются не только те социальные силы, на которые может опереться рабочий класс в борьбе за социалистические преобразования, но и методы осуществления этих преобразований, в частности соотношение вооруженной борьбы и мирных форм борьбы за власть.

Вооруженная борьба для марксистов — не самоцель. Коммунисты вовсе не являются сторонниками применения оружия всегда и во всех случаях. Маркс образно назвал насилие повивальной бабкой всякого нового общественного строя. Но эту роль насилие выполняло не потому, что революционные классы стремятся обязательно прибегнуть к нему, а потому, что отживающие классы пользуются насилием, чтобы отстоять свои богатства и привилегии.

В набросках к «Манифесту Коммунистической партии» Ф. Энгельс ставил вопрос: возможно ли уничтожение частной собственности мирным путем? «Можно было бы пожелать, чтобы это было так, и коммунисты, конечно, были бы последними, кто стал бы против этого возражать... Но, вместе с тем, они видят, что развитие пролетариата почти во всех цивилизованных странах насильственно подавляется и что тем самым противники коммунистов изо всех сил работают на революцию. Если все это, в конце концов, толкнет угнетенный пролетариат на революцию, то мы, коммунисты, будем тогда защищать дело пролетариата действием не хуже, чем сейчас словом» [1].

Классики марксизма-ленинизма неоднократно подчеркивали, что рабочий класс предпочел бы мирно взять власть в свои руки, чтобы преобразовать капиталистическое общество в коммунистическое. Он заинтересован в мирном осуществлении революции потому, что такой путь уменьшает число жертв и позволяет избежать разрушения производительных сил, которое неизбежно в гражданской войне. Гражданская война и в Советской России в 1918—1920 гг., и в Китае в 1946—1949 гг. была развязана не рабочим классом и не крестьянством, а капиталистами и помещиками. Применение рабочим классом средств вооруженной борьбы зависит не от его желания, а от степени сопротивления эксплуататорских классов, которые первыми берутся за оружие. Поскольку отживающие классы не уступают добровольно своей власти, ниспровержение их господства осуществляется насильственным путем. Установив это общее положение, классики марксизма-ленинизма не исключали, однако, возможности в некоторых странах перехода власти к рабочему классу мирным путем.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, 1955, стр. 331.

На митинге в Амстердаме в 1872 г. Маркс подчеркнул, что коммунисты никогда не утверждали, будто завоевание власти пролетариатом должно осуществляться одинаковыми средствами во всех странах. Пролетариат не может не считаться с учреждениями, нравами и традициями разных стран. Маркс допускал, что в то время в США, в Англии, а предположительно и в Голландии рабочие могли добиться своей цели мирными средствами [1].

Условия и методы завоевания власти пролетариатом могут быть неодинаковыми и в одной и той же стране в различные периоды ее развития. Например, в России в период после Февральской революции и до июльских дней 1917 г. имелась реальная возможность мирного перехода власти в руки Советов. Такой возможности не было в России раньше, до свержения самодержавия. Эта возможность исчезла после июльских дней 1917 г., когда кончилось двоевластие и буржуазное Временное правительство установило свое единовластие. Поэтому пролетарская революция в России одержала победу путем вооруженного восстания [2].

Что же следует понимать под мирным переходом власти в руки рабочего класса и при каких условиях мирный путь революции возможен? На первый взгляд может показаться, что мирный переход власти в руки рабочего класса — это такой переход, который осуществляется без революции. Но такое представление неправильно. Завоевание власти рабочим классом всегда является революцией, независимо от того, осуществляется ли оно мирно или путем вооруженного восстания. Необходимость социалистической революции является общим законом перехода от капитализма к социализму.

Неправильно было бы также представлять, будто мирный переход власти в руки рабочего класса исключает борьбу классов. Нет, без классовой борьбы, а следовательно, без преодоления сопротивления классовых врагов пролетариата не могут быть осуществлены социалистические преобразования. Мирный переход власти в руки рабочего класса исключает лишь такую форму классовой борьбы и организованного насилия, как вооруженное восстание, гражданская война. Это переход, который совершается без вооруженного свержения существующей власти.

Классики марксизма-ленинизма считали возможным мирный способ осуществления революции при следующих условиях. Во-

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XIII, ч. II, стр. 669.

[2] Фактически Октябрьская революция, хотя и осуществленная путем вооруженного восстания, была почти бескровной революцией. Не завоевание пролетариатом власти, а развязанная после его победы свергнутыми классами при поддержке иностранных империалистов гражданская война потребовала многих жертв.

первых, при отсутствии в данной стране сильной военно-бюрократической буржуазной государственной машины. В 70-х годах XIX в., когда Маркс высказывал предположение о возможности мирного завоевания власти пролетариатом в США и Англии, в этих странах существовала развитая буржуазная демократия и не было многочисленной армии, чиновничества и т. п. Во-вторых, мирный переход власти к рабочему классу возможен тогда, когда большинство рабочего класса сплотилось вокруг и под руководством марксистской партии, когда рабочий класс организован, завоевал более или менее широкие демократические права и не подвергается вооруженному насилию со стороны господствующих классов. Отсутствие насилия над народом и наличие оружия в руках народа — вот чем обусловливалась возможность мирного развития революции в России в период с февраля до июля 1917 г.

Возможности мирного развития социалистической революции могут сужаться или, наоборот, расширяться вследствие изменения исторических условий, соотношения классовых сил. Эти возможности создаются подавляющим превосходством сил на стороне рабочего класса и его союзников, что в ряде случаев может вынудить буржуазию на известных условиях (например, при условии частичного выкупа у нее средств производства) подчиниться воле народа. Могут быть и такие исторические обстоятельства, когда вооруженная борьба на первом этапе революции подготовляет условия для относительно мирного развития революции на дальнейших этапах (так обстояло дело, например, в ряде стран народной демократии при переходе от демократического этапа революции к этапу социалистическому).

В современную эпоху расширились возможности использования в ряде стран мирных средств в борьбе за власть пролетариата. Это объясняется следующими причинами: а) укреплением позиций социализма на мировой арене, что облегчает освобождение народов от капиталистического и колониального гнета и осуществление социалистических преобразований; б) ослаблением позиций капитализма и усилением позиций рабочего класса; в ряде стран капиталистическая система оказывается все менее способной держаться без помощи извне, со стороны более сильных капиталистических государств[1]; в) сближением демократических и социалистических преобразований, создающим возможность для рабочего класса сплотить вокруг себя значительно более широкие слои населения, чем раньше.

---

[1] С другой стороны, следует иметь в виду союз международной буржуазии, направленный против освободительной борьбы рабочего класса. Одна из целей агрессивного Североатлантического блока (НАТО) и других военных пактов империалистов — борьба против революционного рабочего класса и национально-освободительного движения.

При мирном развитии революции в некоторых странах окажется возможным использовать для решения ее задач *парламент*. При этом во всех случаях требуется сочетание парламентской борьбы с внепарламентским народным движением.

Раньше марксисты использовали парламент как трибуну для провозглашения требований рабочего класса, для критики буржуазного строя и для обращения к широким массам трудящихся. Отстаивая против анархистов использование парламентской борьбы, марксисты вместе с тем выступали против «парламентских иллюзий» реформистов о том, будто парламентским путем можно решить задачи социалистического преобразования общества. И марксисты были правы, ибо в то время, до общего кризиса капитализма, буржуазия располагала силами, чтобы сорвать любые неугодные ей мероприятия, которые попытались бы провести через парламент трудящиеся массы.

Ныне капитализм переживает общий кризис, силы буржуазии значительно подорваны, а силы рабочего класса выросли. Поэтому парламент, который возник как инструмент господства буржуазии и укрепления капиталистического строя, при известных условиях может стать орудием социалистического преобразования общества. Необходимым условием этого является мощное внепарламентское движение масс, возглавляемое партией рабочего класса, широкое развитие классовой борьбы рабочих, крестьянских масс и средних городских слоев против крупного монополистического капитала, против реакции, за мир и социализм. Для решения этой задачи требуется устранить раскол и добиться единства рабочего движения, объединить демократические и патриотические силы в Народный фронт. «Опираясь на большинство народа и давая решительный отпор оппортунистическим элементам, не способным отказаться от политики соглашательства с капиталистами и помещиками, рабочий класс имеет возможность нанести поражение реакционным, антинародным силам, завоевать прочное большинство в парламенте, превратить его из орудия, служащего классовым интересам буржуазии, в орудие, служащее трудовому народу, развернуть внепарламентскую широкую массовую борьбу, сломить сопротивление реакционных сил и создать необходимые условия для мирного осуществления социалистической революции» [1].

Догматики, не желающие считаться с изменением исторических условий, не видят никаких возможностей для мирного осуществления революции. Современные ревизионисты, наоборот, объявляют мирный способ единственным и всеобщим способом перехода от капитализма к социализму; к тому же они рассматривают его как такой способ, при котором можно обойтись без

[1] «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 40.

классовой борьбы и диктатуры пролетариата[1]. В действительности же наряду с возможностью мирного завоевания власти необходимо иметь в виду другую возможность — немирного перехода к социализму. В тех странах, где капитализм располагает мощным военно-полицейским аппаратом, рабочий класс неизбежно столкнется с ожесточенным вооруженным сопротивлением реакционных сил и ему придется осуществлять переход к социализму немирным путем. Эксплуататорские классы добровольно власти не уступают. В каждой отдельной стране реальная возможность того или иного способа перехода к социализму определяется конкретными историческими условиями. Поэтому рабочий класс должен овладевать всеми формами и способами борьбы против буржуазии и капитализма. А какую форму борьбы ему придется применить, зависит от конкретных исторических условий данной страны и от сложившейся в канун революции обстановки.

Нельзя также полагать, что в тех странах, где открывается реальная возможность мирного перехода к социализму, эта возможность обязательно претворится в жизнь. Вполне возможен в некоторых странах и такой ход событий, при котором рабочий класс, завоевав мирным, парламентским путем власть, столкнется после этого с ожесточенным сопротивлением эксплуататорских классов, которые навяжут ему гражданскую войну.

По мере того как новые и новые страны будут вступать на путь социализма, формы перехода к социализму будут становиться все более разнообразными. Но при всех формах перехода к социализму необходимым, решающим условием его осуществления является политическое руководство рабочего класса, возглавляемое его передовой частью, диктатура пролетариата, руководимого марксистской партией. Без государственного руководства обществом со стороны рабочего класса, возглавляемого марксистской партией, переход к социализму невозможен.

Общим законом социалистической революции является ликвидация старого аппарата власти и замена его новым. В этом состоит одно из отличий социалистической революции от буржуазной. Последняя не ломала того громадного аппарата исполнительной власти, который сложился в эпоху абсолютизма, а сохранила и усовершенствовала его. Пролетарская же революция не может сохранить старый аппарат, приспособленный к целям угнетения народа (полиция, жандармерия, старая армия, чиновничество и т. д.), а должна сломать его и заменить новым. Эта замена — в зависимости от способа осуществления революции — может быть проведена в различных формах, сразу, как это было в Советской России, или постепенно.

[1] По сути дела, современиые ревизиоиисты сползли на бернштейнианские, социал-демократические позиции «мириого врастаиия капитализма в социализм».

Из многообразия форм перехода власти в руки рабочего класса, а также из различия конкретных исторических условий в разных странах вытекает и многообразие форм диктатуры пролетариата. Ленин писал: «Формы буржуазных государств чрезвычайно разнообразны, но суть их одна: все эти государства являются так или иначе, но в последнем счете обязательно *диктатурой буржуазии.* Переход от капитализма к коммунизму, конечно, не может не дать громадного обилия и разнообразия политических форм, но сущность будет при этом неизбежно одна: *диктатура пролетариата*» [1].

Истории известны такие формы диктатуры пролетариата, как Парижская коммуна 1871 г., как рожденные опытом рабочего класса России и утвердившиеся в 1917 г. Советы, как народно-демократические республики. Использование парламентского пути к социализму может привести к созданию новых форм диктатуры пролетариата, при которых преобразованный в ходе революционной борьбы парламент станет выразителем воли большинства народа.

Все формы диктатуры пролетариата едины по своему классовому содержанию. Их характеризует также ряд общих черт в организации власти: превращение представительных органов в действительно работающие органы власти (в отличие от буржуазного парламентаризма, сплошь да рядом отводящего парламенту роль простой «говорильни»); соединение в руках представителей народа и законодательной и исполнительной власти; создание единой системы народного представительства — от верховных до местных органов власти, и т. д. Вместе с тем каждая из форм диктатуры пролетариата обладает и своими, особыми чертами.

Особенности народно-демократической формы диктатуры пролетариата, отличающие ее от Советской власти, вытекают из условий ее происхождения. Странам народной демократии не пришлось начинать свое движение к социализму в одиночестве. Они получили государственную поддержку первой страны социализма. Это существенно изменило в них соотношение классовых сил в пользу рабочего класса.

О Советской России Ленин говорил: «Нам пришлось осуществлять диктатуру пролетариата в самой ее суровой форме» [2]. В обстановке острейшей классовой борьбы, развернувшейся в России после победы Великой Октябрьской социалистической революции, оказалось необходимым лишение избирательных прав эксплуататоров (помещиков, капиталистов, кулаков и т. д.) и наиболее злостных представителей старого режима (бывших жандармов и т. д.). Но такая мера вовсе не является обязательной при всех условиях. Подавление сопротивления свергнутых эксплуататоров, как показал опыт стран народной демократии, может осуществляться и без лишения их избирательных прав.

Строй народной демократии вырос из антифашистской народно-освободительной борьбы, в ходе которой в Народном (национальном или отече-

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 25, стр. 385.

[2] *В. И. Ленин.* Соч., т. 28, стр. 186.

ственном) фронте под руководством пролетариата и его партии на общей платформе борьбы против фашистских захватчиков, за национальное освобождение объединились различные партии, в том числе и мелкобуржуазные и некоторые буржуазные. Наряду с другими причинами это привело к тому, что в странах народной демократии оказалась возможной многопартийная система, которая в Советской России фактически не имела места.

В ходе развития классовой борьбы в европейских странах народной демократии те буржуазные и соглашательские партии, которые стали на путь борьбы против трудящихся, обанкротились и сошли со сцены. Зато еще более укрепилась руководящая роль марксистской партии рабочего класса, объединившей вокруг себя большинство народа. Объединение коммунистических партий с левым крылом социал-демократических партий на идейной базе марксизма-ленинизма положило конец расколу рабочего класса и усилило его руководящую роль в политической жизни своих стран, что является одним из важнейших условий диктатуры рабочего класса. И в условиях диктатуры пролетариата в ряде стран народной демократии наряду с марксистской партией, являющейся признанным руководителем народа, сохраняются другие демократические партии, которые принимают участие в управлении государством. Поэтому в этих странах народно-демократические правительства создаются на коалиционной основе. Это также отличает режим народной демократии от Советской власти, которая не была основана на коалиции различных партий (если не считать кратковременного блока коммунистов с «левыми» эсерами, которые уже через полгода после установления Советской власти подняли мятеж против нее и перешли в лагерь контрреволюции).

Массовой базой режима народной демократии является такая общественно-политическая организация, как народный фронт. Коммунистические и рабочие партии стран народной демократии ведут политику расширения и укрепления Народного фронта в интересах строительства социализма.

Различия между государственными формами диктатуры пролетариата касаются не самого главного; они не затрагивают ее классовой сущности и цели. Диктатура пролетариата во всех ее формах служит общей цели — осуществлению перехода к социализму.

7. Классы и классовая борьба в переходный период от капитализма к социализму

Социалистическая революция решает задачи политического, социально-экономического и культурного преобразования общества в течение переходного периода от капитализма к социализму. Переходный период начинается установлением политической власти пролетариата и завершается победой социалистической экономики и ликвидацией всех эксплуататорских классов, т. е. построением социалистического общества — первой фазы коммунизма.

Экономическая структура общества в переходный период характеризуется существованием многоукладной экономики. Диктатура пролетариата осуществляет национализацию крупной промышленности, банков, транспорта и таким образом создает социалистический уклад хозяйства, который вначале еще не является преобладающим во всем народном хозяйстве. Наряду с ним продолжают существовать остатки капиталисти-

ского уклада хозяйства, мелкое товарное хозяйство ремесленников, кустарей, крестьян, а кое-где и патриархальное натуральное крестьянское хозяйство. В течение переходного периода совершается переход от многоукладной экономики к монолитной социалистической экономике. Ведущей силой этого перехода является диктатура пролетариата, осуществляющая неуклонное расширение социалистического уклада и вовлечение масс в строительство социализма.

За различными укладами хозяйства стоят классы. *Классовая структура* общества в период перехода от капитализма к социализму характеризуется существованием трех классов: рабочего класса, трудящегося крестьянства, буржуазии. Основными классами переходного периода являются рабочий класс и трудящееся крестьянство; взаимоотношения этих классов определяют развитие общества, его движение к социализму. Что же касается буржуазии, то после национализации важнейших средств производства она оттесняется на положение не основного, второстепенного класса, который в ходе строительства социализма ликвидируется полностью.

Рабочий класс в результате победы социалистической революции становится господствующим классом, осуществляющим государственное руководство обществом. На социалистических предприятиях он освобожден от эксплуатации. Но до тех пор, пока существует частнокапиталистический уклад хозяйства, некоторая часть рабочих и в городе и в деревне подвергается эксплуатации, хотя и ограниченной законами социалистического государства.

Трудящееся крестьянство в переходный период от капитализма к социализму представляет собой класс мелких частных собственников, освобожденных от помещичьей эксплуатации, но еще не вполне свободных от эксплуатации со стороны кулаков и торговцев. Закономерностью для всех стран, идущих к социализму, является первоначально рост удельного веса среднего крестьянства. В результате аграрных преобразований и ликвидации класса помещиков (в СССР также частичной экспроприации кулачества в период комитетов бедноты в 1918 г.), в результате помощи социалистического государства беднейшему крестьянству численность крестьянской бедноты сокращается, многие бедняки поднимаются до уровня середняков, деревня «осереднячивается». В то же время в переходный период еще продолжается процесс классовой дифференциации, расслоения крестьянства. Но вследствие изменения объективных экономических условий и благодаря политике пролетарского государства дифференциация замедляется и уже не ведет к «вымыванию» среднего крестьянства.

Для рабочего класса трудящееся крестьянство является не классовым противником, как утверждали троцкисты, а союзни-

ком. Оба эти класса трудятся, угнетаются капитализмом и заинтересованы в уничтожении классового гнета, в победе социализма. Руководящей силой в союзе рабочих и крестьян является рабочий класс. Союз рабочего класса и крестьянства имеет своей целью не увековечение классовых различий, а их уничтожение, социалистическую переделку крестьянства через производственную кооперацию. Поэтому вовлечение крестьянства на путь кооперирования становится на определенном этапе социалистического строительства необходимым условием упрочения союза рабочего класса и крестьянства.

В отличие от трудящегося крестьянства и ремесленников, которые, являясь союзниками рабочего класса, добровольно вступают при его товарищеской помощи на путь социалистического кооперирования, *класс буржуазии* (промышленники и торговцы в городе, кулаки в деревне) является эксплуататорским классом и подлежит ликвидации. Ликвидация эксплуататорских классов осуществляется в различных странах в разные сроки и в разных формах.

В Советском Союзе классы помещиков и крупной буржуазии были ликвидированы уже в первый период Советской власти в результате национализации земли, банков, крупной и средней промышленности и транспорта. Сильнейший удар был нанесен во второй половине 1918 г. и кулачеству, у которого была изъята и передана бедноте значительная часть земли и орудий производства. Однако этим еще не была решена задача ликвидации всех эксплуататорских классов. Сохранившиеся и выросшие в известной мере за первые годы нэпа капиталистические элементы («нэпманы» в промышленности и торговле и кулаки в деревне) ограничивались и вытеснялись в ходе социалистического строительства; их существованию был положен конец в начале 30-х годов. При этом «нэпманская» буржуазия, не имевшая своей производственной базы и сравнительно немногочисленная, была в основном вытеснена экономическими средствами — развитием социалистической промышленности и торговли, а также налоговой политикой социалистического государства. Кулачество в СССР представляло самый многочисленный эксплуататорский класс, располагавший серьезной производственной базой в деревне. Его ликвидация была осуществлена на основе массовой коллективизации крестьянских хозяйств и потребовала применения серьезнейших мер внеэкономического принуждения.

Было бы ошибкой абсолютизировать и считать всеобщими те или иные методы ликвидации эксплуататорских классов. Применение тех или иных методов зависит от конкретно-исторических условий. Ожесточенное сопротивление капиталистов, саботаж бывших владельцев предприятий и верхушки инженерно-технического персонала вынудили Советскую власть ускорить национализацию промышленности и провести ее в наиболее полной и

решительной форме — путем конфискации предприятий без всякого выкупа и возмещения прежним собственникам. Однако это не означает, что такие меры должны обязательно применяться во всех странах. Еще Маркс и Энгельс предвидели, что экспроприация крупных собственников, землевладельцев и фабрикантов может быть осуществлена в различных формах. «Произойдет ли эта экспроприация с выкупом или без него,— писал Энгельс,— будет зависеть большей частью не от нас, а от тех обстоятельств, при которых мы придем к власти, а также, в особенности, и от поведения самих господ крупных землевладельцев. Мы вовсе не считаем, что выкуп недопустим ни при каких обстоятельствах; Маркс высказывал мне (и как часто!) свое мнение, что для нас было бы всего дешевле, если бы мы могли откупиться от всей этой банды»[1].

В отличие от Советской России, где собственность помещиков и капиталистов была полностью конфискована, в европейских странах народной демократии были конфискованы земли и предприятия, принадлежавшие фашистским оккупантам и их пособникам. В отношении других категорий собственников частично допускалось возмещение, хотя фактически оно было осуществлено в весьма ограниченной мере. В Китайской Народной Республике были конфискованы все предприятия бюрократического компрадорского капитала, господствовавшего ранее в экономике страны. Так возник государственный социалистический сектор хозяйства, который стал неуклонно расти дальше. Что касается предприятий национальной буржуазии, с которой китайский рабочий класс и в условиях строительства социализма сохранил союз, то их преобразование в социалистическую собственность осуществилось не путем насильственной экспроприации, а мирным путем — через превращение их в смешанные государственно-частные предприятия, через государственный капитализм.

Государственный капитализм в условиях диктатуры рабочего класса Ленин рассматривал как ступеньку к социализму, как форму ограничения частного капитализма, которая может быть использована пролетарской властью для подчинения мелкобуржуазной стихии, для внедрения планового начала в хозяйство. В СССР госкапитализм не получил широкого развития вследствие сопротивления капиталистов, надеявшихся на свержение Советской власти. В Китае и ГДР государственный капитализм стал формой постепенного преобразования частнокапиталистической промышленности и торговли в социалистическую. Через эту форму осуществлялась пролетарская политика использования, ограничения и социалистического преобразования капиталистической промышленности и торговли.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные произведения, т. II, стр. 419.

Опыт социалистического строительства в странах народной демократии показывает, что по мере укрепления позиций социализма в мировом масштабе открываются более широкие возможности для применения пролетарским государством максимально гибких форм социалистического преобразования экономики, для экономического воздействия на капиталистический уклад хозяйства в целях преобразования его в социалистический уклад.

Социалистическая революция не может не вести к развертыванию классовой борьбы между трудящимися массами и эксплуататорами. Но методы насильственного подавления сопротивления эксплуататоров могут сочетаться с методами использования буржуазии, ее знаний для строительства социалистического хозяйства. Ленин рассматривал такое «использование» буржуазии как одну из форм классовой борьбы пролетариата в переходный период. Он считал необходимым поставить на службу социалистическому строительству знания и опыт представителей буржуазии и буржуазных специалистов.

Непримиримая классовая борьба между рождающимся социализмом и гибнущим капитализмом является закономерностью и движущей силой перехода от капитализма к социализму. Эта борьба обостряется на определенных этапах переходного периода, когда решается вопрос «кто — кого». В Советском Союзе особое обострение классовой борьбы имело место в первые годы революции, когда решался вопрос о политической победе социализма, а затем в годы наступления на капиталистические элементы города и деревни, когда решался вопрос о победе социализма в экономике. Марксизм-ленинизм решительно отвергает оппортунистические теории «затухания» классовой борьбы и мирного «врастания» капиталистических элементов в социализм, которые проповедовались в СССР бухаринцами, а в странах народной демократии различными ревизионистскими и националистическими элементами. Подобные теории рассчитаны на то, чтобы притупить бдительность трудящихся и обезоружить их в борьбе с классовыми врагами. Диктатура пролетариата означает, как учил Ленин, не окончание классовой борьбы, а продолжение ее в новых формах.

Классовая борьба в переходный период от капитализма к социализму неизбежна, но степень остроты и формы этой борьбы могут быть весьма различными как в отдельные периоды развития данной страны, так и в различных странах, совершающих переход к социализму. Как отмечал Ленин, свергнутая буржуазия еще долгое время остается сильна своими международными связями, накопленными богатствами, большим опытом, знаниями. Источником ее силы является и мелкое товарное производство, которое постоянно рождает капитализм. Многие из этих факторов продолжают действовать и в тех странах, которые

вступают на путь социализма позднее. Но в этих странах, поскольку они развиваются в составе мировой социалистической системы, соотношение классовых сил становится более благоприятным для рабочего класса. Поэтому формы классовой борьбы в этих странах могут быть и являются менее острыми.

Это наглядно показало развитие европейских стран народной демократии. Существование Советского Союза оградило их от иностранной военной интервенции и помешало буржуазии развязать гражданскую войну. Насильственная сторона диктатуры пролетариата в этих странах оказалась менее резко выраженной, чем в первый период существования диктатуры пролетариата в Советской России.

Исторический опыт социалистической революции учитывают не только трудящиеся, но и их классовые противники. Поэтому в странах народной демократии, после того как основные силы реакции были разгромлены, все более значительное число людей, принадлежавших в прошлом к эксплуататорским классам, а также представителей буржуазной интеллигенции начинают сознавать, что им выгоднее перейти на позиции лояльного отношения к народной власти, чем продолжать сопротивление и подвергнуться полному разгрому. Жизнь учит и тому, что в случае ослабления диктатуры рабочего класса, возникновения внутренних трудностей или вмешательства внешней империалистической реакции остатки свергнутых классов делают попытки восстановить буржуазный строй. Это наглядно показали события в конце октября 1956 г. в Венгрии, где внешние и внутренние контрреволюционные силы использовали недовольство масс ошибками прежнего руководства партии трудящихся и организовали вооруженную борьбу против социализма. «Общая тенденция развития классовой борьбы внутри социалистических стран в условиях успешного строительства социализма ведет к упрочению позиций социалистических сил, к ослаблению сопротивления остатков враждебных классов. Но это развитие идет не по прямой линии. В связи с теми или иными изменениями внутренней и внешней обстановки классовая борьба в отдельные периоды может обостряться. Поэтому требуется постоянная бдительность, чтобы вовремя пресекать происки как внутренних, так и внешних враждебных сил, не оставляющих попыток подорвать народный строй и внести разлад в братскую семью социалистических стран»[1].

Превращение социализма в мировую систему заставляет капиталистический мир применять против него, наряду с прежними, и новые формы классовой борьбы. Одной из таких форм являются попытки империалистов разобщить социалистические страны, поссорить их между собой. Основное политическое и

[1] «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 23—24.

идеологическое оружие, используемое в этой борьбе международной реакцией и остатками внутренних реакционных сил,— это национализм. Поэтому особое значение в современную эпоху имеют последовательное проведение в жизнь незыблемых принципов пролетарского интернационализма, борьба коммунистических и рабочих партий против пережитков буржуазного национализма и национального эгоизма.

8. Классы и государство при социализме. Стирание классовых граней в процессе перехода к коммунизму. Перерастание социалистической государственности в коммунистическое общественное самоуправление

В условиях социализма коренным образом изменяется *классовая структура общества,* вследствие чего изменяется и постановка вопроса о классовой борьбе.

С победой социализма в СССР перестали существовать эксплуататорские классы. Полностью ликвидирована эксплуатация человека человеком, уничтожена основная черта классового общества, состоящая в разделении людей на такие группы, из которых одна может присваивать себе труд другой вследствие различия их места в системе общественного хозяйства. Изменение классовой структуры СССР выразилось и в том, что преобразился облик самих трудящихся. Ныне население СССР целиком связано с социалистическими формами хозяйства. В 1961 г. рабочие и служащие составили свыше 72% населения СССР, а колхозное крестьянство — около 28%.

Рабочий класс трудится на социалистических предприятиях, представляющих всенародное достояние. Вместе со всем народом он владеет средствами производства и, следовательно, уже не является пролетариатом — классом, лишенным средств производства. Рабочий класс и при социализме остается наиболее передовой, организованной силой общества. Его руководящая роль в обществе будет исчерпана лишь с построением коммунизма, когда исчезнут классы.

Крестьяне при социализме перестали быть мелкими товаропроизводителями, превратились в колхозников и основывают свое существование на социалистической собственности и коллективном труде. Если для рабочего класса характерна социалистическая тенденция, то у крестьянства прежде давала себя знать товарно-капиталистическая тенденция. Теперь же и рабочий класс и крестьянство основывают свое существование на единой социалистической системе хозяйства, которая утвердилась и в городе и в деревне. Различия между этими классами определяются существованием двух форм социалистической соб-

ственности: государственной и кооперативно-колхозной. Отсюда вытекает не вполне одинаковое отношение рабочих и крестьян к средствам производства, их не вполне одинаковая роль в организации общественного труда и различие в формах получения ими дохода.

Однако рабочие и крестьяне не только отличаются друг от друга, но и связаны друг с другом совместным трудом в социалистическом хозяйстве, общностью основных интересов и общностью цели строительства коммунизма. Союз между этими классами в условиях социализма выражает не только единство их коренных интересов, но и их прогрессирующее сближение в экономическом, политическом, культурном и идейном отношении.

С рабочими и крестьянами сблизилась в ходе социалистического строительства и интеллигенция. Если в старом обществе она вербовалась главным образом из имущих классов, то при социализме по своему составу она стала рабоче-крестьянской. Основную массу ее составляют люди из рабочего класса, крестьянства и других слоев трудящихся. Изменился и облагородился характер деятельности интеллигенции: если при капитализме основная часть ее вынуждена обслуживать угнетателей народа, потому что хозяйство и государственный аппарат принадлежат буржуазии, то при социализме интеллигенция служит народу.

Победа социализма положила начало процессу постепенного стирания граней между рабочим классом, крестьянством и интеллигенцией, который продолжается в течение всего периода перехода к высшей фазе коммунизма. Этот процесс связан с преодолением остатков старых форм общественного разделения труда — между городом и деревней, между людьми физического и умственного труда. Материальной основой этого процесса является развитие производительных сил, развитие и совершенствование производственных отношений. Он предполагает также соответствующий культурный подъем общества, который выровняет и в этом отношении деревню с городом, людей физического труда с людьми умственного труда.

Важнейшим условием окончательного стирания граней между рабочим классом и колхозным крестьянством является создание материально-технической базы коммунизма. В процессе создания этой базы сельскохозяйственный труд будет все больше превращаться в разновидность индустриального: по характеру своего труда и по своему культурно-техническому уровню крестьяне будут сближаться с рабочими.

На основе роста производительных сил совершенствуется и развивается как государственная, так и колхозная форма хозяйства. Как уже говорилось выше, это способствует сближению, а в дальнейшем и слиянию колхозной собственности с обще-

народной. Программа КПСС ставит задачу построения в основном коммунистического общества в СССР в течение двух десятилетий. В связи с решением этой задачи, с созданием материально-технической базы коммунизма во втором десятилетии произойдет постепенный переход к единой общенародной собственности, будут в основном ликвидированы существенные различия между городом и деревней, а также будет происходить ликвидация существующих еще остатков различий между классами.

Создание материально-технической базы коммунизма явится также основой преодоления в последующем существенных различий между физическим и умственным трудом. На основе комплексной механизации уже в первом десятилетии исчезнет тяжелый физический труд в промышленности, сельском хозяйстве, строительстве, на транспорте, в коммунальном хозяйстве. В течение двадцатилетия осуществится в массовом масштабе комплексная механизация и автоматизация производства. Технический прогресс будет все больше изменять характер труда непосредственных производителей, способствуя органическому соединению в их деятельности умственного и физического труда. В то же время будет расти культурно-технический уровень работников физического труда, сближающий их с работниками умственного труда. На этой основе в дальнейшем исчезнут различия между рабочими и крестьянами, с одной стороны, и интеллигенцией — с другой. Важную роль в преодолении этих различий призвана сыграть система народного образования, которая строится в СССР таким образом, чтобы обучение и воспитание подрастающего поколения были тесно связаны с жизнью, с производительным трудом, чтобы взрослое население могло сочетать работу в сфере производства с продолжением обучения и образования в соответствии с личным призванием и потребностями общества. Сокращение рабочего дня также будет способствовать росту культурного уровня и формированию всесторонне развитых членов коммунистического общества.

Стирание граней между рабочим классом, крестьянством и интеллигенцией полностью завершится их превращением в тружеников бесклассового коммунистического общества, которое уже не будет знать никаких социальных различий.

В отличие от процесса ликвидации эксплуататорских классов, который совершался в ходе революционного преобразования капиталистического общества в социалистическое, в условиях классовой борьбы, стирание граней между рабочим классом, крестьянством и интеллигенцией — это постепенный процесс, который осуществляется в условиях социально-политического и идейного единства народа и не связан с какими-либо классовыми столкновениями.

Эти коренные изменения игнорировал известный тезис Ста-

лина, согласно которому по мере роста сил социализма классовая борьба будто бы все более и более должна обостряться. Теоретически не состоятельный и противоречащий марксизму-ленинизму тезис Сталина нанес серьезный вред делу социалистического строительства, служил обоснованием нарушений социалистической законности и допускавшихся в обстановке культа личности репрессий против честных партийных и советских кадров.

Ликвидация эксплуататорских классов и установление социально-политического и идейного единства общества означают, что внутри страны уже нет почвы для борьбы между классами. Острие классовой борьбы оказывается повернутым вовне, против враждебных сил капиталистического мира, которые не прекращают своих вылазок против социализма. Остается, разумеется, необходимой борьба против засылаемых из-за границы агентов капиталистического мира, что требует неусыпной бдительности от всех трудящихся. Остается также необходимость борьбы против идейного влияния капиталистического мира. В социалистическом обществе уже нет классов, с которыми требовалось бы вести борьбу, но еще сохранились антиобщественные и преступные элементы, носители таких вреднейших традиций и пережитков старого общества, как воровство, спекуляция, взяточничество, тунеядство, хулиганство и т. д. Борьбу против этого зла вместе с государственными органами ведет общественность, передовые люди всех социальных групп советского общества, и она еще более укрепляет его идейное единство.

С победой социализма и изменением классовой структуры общества начинается новый период в развитии социалистического государства. Отпадает, отмирает функция подавления сопротивления эксплуататорских классов внутри страны, так как эти классы уже ликвидированы. Получают всестороннее развитие главные функции социалистического государства — хозяйственно-организаторская и культурно-воспитательная. Начинается процесс перерастания государства диктатуры пролетариата в общенародное социалистическое государство. Этот процесс завершается с полной и окончательной победой социализма и переходом СССР к развернутому строительству коммунизма, когда «диктатура пролетариата выполнила свою историческую миссию и с точки зрения задач внутреннего развития перестала быть необходимой в СССР»[1]. Внутри нашего общества уже нет таких классов, в отношении которых была бы необходима диктатура. Государство выступает уже не как власть одного класса, а как выразитель интересов и воли всего советского народа. Возникнув с победой социалистической революции как государ-

[1] «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 100—101.

ство диктатуры пролетариата, оно в результате неуклонного расширения своей социальной базы превратилось в подлинно общенародную организацию власти.

Диктатура пролетариата — это, как говорилось выше (см. § 2), государство переходного периода от капитализма к социализму. Общенародное социалистическое государство — политическая организация окончательно упрочившегося социалистического общества, которое идет к коммунизму. Переход от диктатуры пролетариата к общенародному государству — это не смена одного типа государства другим, а дальнейшее развитие того же типа социалистического государства. «С момента своего зарождения диктатура пролетариата носит в себе черты всеобщей социалистической демократии,— отмечал Н. С. Хрущев.— По мере развития социализма эти черты усиливаются и в результате его полной победы становятся определяющими»[1].

Общенародное государство рождается из государства диктатуры пролетариата. Рождается потому, что с выполнением внутри страны исторической миссии диктатуры пролетариата еще не исчерпаны все функции, требующие существования государства. Государство, как общенародная организация власти, остается необходимым до полной победы коммунизма.

Необходимость государства вытекает как из внешних, так и из внутренних условий развития социалистического общества. Существование капиталистического мира создает угрозу военного нападения извне. Поэтому до тех пор, пока сохраняются империализм и опасность агрессивных войн, социалистическое государство выполняет функцию военной защиты от нападения извне, а для этого нужны такие органы, как армия, разведка и т. д. Если по отношению к капиталистическим странам социалистическое государство выступает как орудие защиты завоеваний социализма, то внутри социалистического лагеря оно служит орудием политической, экономической и культурной взаимопомощи между странами.

Как показал Ленин в книге «Государство и революция», при социализме государство необходимо для осуществления функций охраны социалистической собственности от воров и расхитителей, а также для контроля над мерой труда и мерой потребления, для осуществления социалистического принципа распределения по труду. На первой фазе коммунизма труд еще не превратился для всех членов общества в первую жизненную потребность и сознание людей не достигло такого уровня, когда все добровольно соблюдают правила социалистического общежития. Государство осуществляет воспитание народа и принуждение по отношению к отдельным лицам, уклоняющимся от честного труда и от соблюдения правил социалистического обще-

[1] «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 185.

жития. Государство, как политическая организация социалистического общества, как выразитель общенародной воли, руководит планомерным хозяйственным развитием страны, осуществляет в интересах трудящихся контроль над мерой труда и потребления, обеспечивает подъем культуры и всестороннее воспитание народа, выработку в массах нового, коммунистического отношения к труду. Без государственного руководства обществом невозможны нормальное функционирование социалистического общества и переход к коммунизму.

С построением развитого коммунистического общества (и при условии победы и упрочения социализма на международной арене) государство отомрет; на место управления людьми станет, по выражению Энгельса, управление вещами и руководство производственными процессами. Тогда руководство хозяйственной и культурной жизнью общества не будет носить политического характера и будет осуществляться без государства. При социализме же это руководство носит политический характер, оно является функцией государства и служит осуществлению политики Коммунистической партии, направленной на укрепление социалистического строя, союза рабочего класса и крестьянства, братского сотрудничества между этими классами и интеллигенцией, дружбы народов, на строительство коммунизма. Хозяйственно-организаторская и культурно-воспитательная работа органов социалистического государства осуществляется в борьбе с пережитками капитализма, что также придает ей политический характер.

Итак, государство жизненно необходимо на первой фазе коммунизма.

Марксизм-ленинизм всегда вел борьбу против мелкобуржуазных анархо-синдикалистских теорий, рассматривающих политическую организацию и всякую государственную власть как зло, отрицающих значение и необходимость централизованного руководства хозяйственной и политической жизнью общества. Ленин подчеркивал, что осуществление коммунизма предполагает преодоление раздробленности, профессиональной и местной, которая является одним из источников силы капитала и бессилия труда. Вместе с тем социализм и коммунизм требуют единого планового руководства и развертывания широчайшей инициативы народа. Демократический централизм в экономике вытекает из самой природы крупного социалистического хозяйства, из общественной собственности на средства производства.

Современные ревизионисты выступают против централизованного управления экономикой, отождествляя его с бюрократическими методами управления. Между тем имеется принципиальное различие между бюрократическим централизмом, препятствующим развитию инициативы масс, и централизмом демократическим. Последний требует привлечения миллионных масс

трудящихся к управлению государством и хозяйственным строительством, всестороннего учета местного опыта и творческой инициативы масс.

Социализм есть результат творчества самих народных масс, результат их сознательной преобразующей деятельности. Вдохновителем, организатором этой творческой деятельности масс выступают коммунистическая партия и социалистическое государство. Социалистическая демократия открыла безграничный простор для творческой активности масс во всех областях жизни общества.

Демократия в социалистическом обществе представляет собой новый тип демократии, неизмеримо более высокий, чем буржуазная демократия. Это определяется прежде всего социалистическим экономическим строем, политической надстройкой над которым является социалистическая демократия. Социалистическая демократия, в противоположность формальной буржуазной демократии, не только провозглашает, но и фактически обеспечивает всем членам общества права и свободы: право на труд, на образование и отдых, избирательные права и участие в управлении государством и народным хозяйством, свободу слова, печати, свободу совести, а также реальную возможность развития личных способностей.

По мере приближения к коммунизму получает все большее развитие социалистическая демократия. Это закономерный процесс, ибо строительство коммунизма неразрывно связано с дальнейшим повышением активности масс во всех областях хозяйственной, государственной и культурной жизни общества.

Подъему творческой инициативы и активности всех советских людей способствуют принятые за последние годы меры по дальнейшему расширению прав союзных республик в хозяйственном и культурном строительстве, устранение чрезмерной централизации в планировании промышленного и сельскохозяйственного производства, перестройка системы управления промышленностью и строительством. Мероприятия Коммунистической партии по развертыванию инициативы на местах, по дальнейшему совершенствованию форм управления промышленностью и сельским хозяйством означают крупный шаг в развитии социалистической демократии.

Социалистическая демократия создает наиболее благоприятные условия для привлечения широчайших масс трудящихся к постоянному и повседневному участию в решении общественных и государственных дел. Строительство коммунизма требует дальнейшего развертывания социалистического демократизма по всем линиям: усиления роли Советов, повышения активности профсоюзов и их участия в управлении производством, действенного контроля со стороны широких масс над деятельностью государственных органов и должностных лиц, повышения значе-

ния общественного мнения во всех областях жизни советского общества.

Главным направлением в развитии социалистической государственности является всемерное развитие демократии, привлечение всех граждан к участию в руководстве хозяйственным и культурным строительством, в управлении общественными делами. В связи с этим повышается роль и расширяются функции общественных организаций, включая такую массовую государственную организацию трудящихся, как Советы. Партия осуществляет курс на постепенный переход ряда функций, выполняемых ныне государственным аппаратом, в ведение общественных организаций. При этом такая функция, как, например, охрана общественного порядка и прав граждан, выполняется параллельно государственными органами и общественными организациями (народными дружинами, товарищескими судами и т. п.), что дает возможность предупреждать проступки, наносящие вред обществу. При этом переход отдельных функций от государственных органов к общественным организациям не ослабляет роли социалистического государства в строительстве коммунизма, а расширяет и укрепляет политическую основу социалистической демократии и обеспечивает дальнейшее ее развитие.

Развертывание социалистической демократии укрепляет государственную власть и вместе с тем подготовляет условия для ее отмирания, для перехода к такому общественному порядку, когда функции общественного управления будут осуществляться без особого аппарата политической власти, без государственного принуждения.

Иные из противников марксизма обвиняют коммунистов в том, что они принимают меры к укреплению социалистического государства, его оборонной мощи, вместо того чтобы содействовать его скорейшему отмиранию. Им подпевают современные ревизионисты, утверждающие, будто вопрос об отмирании государства является главным и основным вопросом, от решения которого зависит будущее социализма. Они угрожают социализму вырождением, бюрократизацией, если не будет обеспечено быстрейшее отмирание государства.

Марксисты всегда считали необходимым, чтобы социалистическое государство искореняло бюрократизм как пережиток досоциалистических методов управления. Главным средством решения этой задачи является привлечение широких масс народа к управлению государством. Призывать же под видом борьбы с бюрократизмом к скорейшему отмиранию государства, провозглашать отказ от государства в условиях социализма, пока еще существует капиталистический мир, и тем более в условиях переходного периода от капитализма к социализму — значит обезоруживать трудящихся перед лицом их классовых врагов. Процесс отмирания государства не может быть ускорен какими-либо

искусственными мерами. Государство не будет никем отменено, оно постепенно отомрет в результате того, что отпадет необходимость в политической власти. Это станет возможным тогда, когда социалистическое государство выполнит свои исторические задачи. Поэтому нельзя противопоставлять заботу об укреплении социалистического государства процессу и перспективам его отмирания; это две стороны одной медали.

«Вопрос об отмирании государства, если понимать его диалектически, есть вопрос о развитии социалистической государственности в коммунистическое общественное самоуправление. И при коммунизме останутся некоторые общественные функции, аналогичные теперешним государственным функциям, но характер и способы их осуществления будут иные, чем на современной стадии развития»[1].

Отмирание государства означает: 1) исчезновение надобности в государственном принуждении и в тех органах, которые его осуществляют; 2) превращение функций хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной работы из государственных в общественные; 3) вовлечение всех граждан в управление общественными делами и исчезновение необходимости в органах политической власти. Когда исчезнут все следы классового деления общества, когда коммунизм одержит полную победу во всем мире, отпадет надобность и в государстве. Общество уже не будет нуждаться в особых отрядах вооруженных людей, для того чтобы обеспечивать общественный порядок и дисциплину. И тогда, как выразился Энгельс, оно сможет сдать государственную машину в музей древностей, поставив ее рядом с прялкой и бронзовым топором.

9. Коммунистическая партия — руководящая сила в строительстве социализма и коммунизма

Необходимым условием построения социализма и коммунизма является руководство марксистской партии. Как уже говорилось выше, без опытной, закаленной в боях марксистской партии пролетариат не может сбросить с себя ярмо капитализма, установить свою политическую власть. Еще более возрастает значение партии пролетариата после завоевания им государственной власти.

Ленин отмечал, что в истории революций бывали примеры, когда революционные силы брали в свои руки государственную власть, но не знали, что с нею делать, и это способствовало их

[1] *Н. С. Хрущев.* О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы. «Материалы внеочередного XXI съезда КПСС». 1959, стр. 93.

поражению. Одним из великих преимуществ пролетарской революции перед такими революциями является то, что пролетариат знает, как упрочить свою победу, как использовать свою государственную власть в интересах всех трудящихся, для торжества социализма. Этим знанием вооружает его марксистская партия.

После победы социалистической революции перед пролетариатом встает задача — упрочить завоеванную власть, подавить сопротивление свергнутых эксплуататорских классов, защитить пролетарскую диктатуру от посягательств внешних врагов. Пролетариат должен преодолеть колебания неустойчивых мелкобуржуазных слоев, повести за собой широкие массы трудящихся, вовлечь их в социалистическое строительство, развернуть работу по преобразованию экономического строя общества, организовать строительство новой, социалистической экономики и культуры. Чтобы успешно решать эти задачи, чтобы вести победоносную борьбу против сил и традиций старого общества, необходимы величайшая сознательность, выдержка, сплоченность, организованность пролетариата. «Без партии, железной и закаленной в борьбе, без партии, пользующейся доверием всего честного в данном классе, без партии, умеющей следить за настроением массы и влиять на него, вести успешно такую борьбу невозможно» [1].

Партия вносит в массы дух дисциплины и организованности, объединяет различные отряды трудящихся во имя единой цели, выполняет роль руководящей и направляющей силы диктатуры пролетариата.

Исторический опыт социалистической революции от Парижской коммуны 1871 г. до наших дней непреложно свидетельствует о том, что решающим условием завоевания, развития и укрепления диктатуры пролетариата, в какой бы форме она ни осуществлялась, является руководство пролетарской партии. Это закономерность развития социалистической революции, имеющая силу для всех стран, вступающих на путь социализма.

Свою руководящую роль коммунистическая партия осуществляет через целую систему государственных и общественных организаций, связывающих ее с широчайшими массами трудящихся. К их числу относятся прежде всего такие государственные организации, как Советы депутатов трудящихся, представляющие политическую основу СССР и объединяющие всех трудящихся (Советам аналогичны государственные организации в других социалистических странах, например народные советы в Болгарии, национальные комитеты в Чехословакии и т. д.). Важное место в политической жизни общества занимают также

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 31, стр. 27.

профессиональные союзы, кооперация, союзы молодежи и другие общественные организации. В странах народной демократии огромную роль играют организации национального (или Народного) фронта, сплачивающие в широчайший союз народные массы во главе с рабочим классом.

Через все эти организации выявляют свои стремления и волю самые различные слои трудящихся. На эти организации опирается партия рабочего класса. «Получается, в общем и целом, формально не коммунистический, гибкий и сравнительно широкий, весьма могучий, пролетарский аппарат, посредством которого партия связана тесно с *классом* и с *массой* и посредством которого, при руководстве партии, осуществляется *диктатура класса*»[1],— писал В. И. Ленин.

Перерастание диктатуры пролетариата в общенародное социалистическое государство связано с дальнейшим развитием всей этой системы массовых государственных и общественных организаций. При этом развитие всенародной социалистической демократии не ослабляет, а, наоборот, усиливает значение руководства партии, которая вырабатывает правильную политическую линию, определяет направление деятельности всех общественных и государственных организаций, объединяет их работу. Только партия, выражающая интересы всего народа, воплощающая его коллективный разум, объединяющая в своих рядах лучших людей народа, способна и призвана контролировать работу всех организаций и органов власти. Руководство партии обеспечивает решение всех государственных вопросов с позиций общенародных, а не ведомственных или групповых интересов. Поэтому всякие попытки обособить деятельность тех или иных государственных органов или общественных организаций от партийного руководства, вывести их из-под контроля партии вредны и противоречат интересам народа. Уход из-под партийного контроля неизбежно ведет к провалам в работе и к отрыву от масс. В партийном руководстве и в неразрывной связи с массами состоит источник силы всех органов социалистического государства.

Партия осуществляет руководство всеми государственными и общественными организациями через своих членов, работающих в этих организациях и входящих в их руководящие органы. При этом, разумеется, партия не подменяет собою эти организации, а, наоборот, всячески развивает их инициативу и самодеятельность, обеспечивает демократический характер их деятельности.

Идеологи буржуазии нередко утверждают, будто руководящая роль коммунистической партии в жизни общества несовме-

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 31, стр. 30.

стима с демократией. Они заявляют, что демократия обязательно предполагает существование многопартийной системы, и на этом основании отказываются признать демократический характер советского строя.

Вполне естественно, что в странах, где имеются антагонистические классы, складывается множество политических партий, выражающих интересы различных классов. Однако это не является действительным мерилом и гарантией демократии. Наличие множества партий не помешало империалистическим правительствам вопреки воле народа развязать мировую войну в 1914 г. Точно так же накануне второй мировой войны правительства Англии, Франции и США не посчитались с волей народов, отвергли предложения об организации коллективного отпора гитлеровской агрессии и тем самым развязали руки фашистским агрессорам.

Степень демократизма определяется вовсе не количеством партий в стране, а тем, кому принадлежат средства производства, кто находится у власти, какую политику проводит данная государственная власть. Социалистическое государство, руководимое коммунистической партией, доказало на деле свой подлинный демократизм, способность защищать и коренные и повседневные интересы народных масс.

Марксизм-ленинизм не отвергает принципиально возможности существования нескольких партий в период перехода от капитализма к социализму. В зависимости от конкретно-исторических условий развития той или иной страны в ней может существовать либо одна партия рабочего класса, либо наряду с нею и другие политические партии, признающие руководящую роль коммунистической партии, как это имеет место, например, в ряде стран народной демократии. При этом общей закономерностью для всех стран, строящих социализм, является руководящая роль партии рабочего класса. Именно эта руководящая роль обеспечивает подлинную демократию, ибо дает возможность наиболее полно выявить в деятельности органов государства волю народа.

В условиях советского социалистического общества, где нет антагонистических классов и утвердилось социально-политическое и идейное единство народа, отсутствует почва для существования других партий, кроме коммунистической. Коммунистическая партия Советского Союза объединяет в своих рядах передовых людей из среды рабочего класса, трудящегося крестьянства, интеллигенции, представляет собой передовой отряд трудящихся. «В результате победы социализма в СССР, укрепления единства советского общества Коммунистическая партия рабочего класса превратилась в авангард советского народа, стала партией всего народа, расширила свое направляющее влияние

на все стороны общественной жизни»[1]. Партия чутко прислушивается к голосу масс, выражает их стремления, отражает в своих решениях назревшие вопросы развития общества. Показательно, например, что все коренные вопросы хозяйственного и культурного строительства в последние годы были поставлены на всенародное обсуждение и разрешены именно по инициативе Центрального Комитета КПСС. Единство Коммунистической партии и народа есть воплощение глубочайшего демократизма советского строя.

В ходе строительства социализма и коммунизма роль коммунистической партии не уменьшается, как это утверждают ревизионисты, а, наоборот, возрастает. Это вытекает из самих закономерностей становления коммунистической общественно-экономической формации. В отличие от предшествующих формаций коммунистическое общество складывается не стихийно, а в результате сознательной и целенаправленной деятельности народных масс, руководимых марксистско-ленинской партией. Все стороны общественной жизни — политика, экономика, культура — преобразуются в процессе строительства коммунизма сознательно, по единому плану. Процесс перерастания социализма в коммунизм — естественноисторический, закономерный, но отнюдь не стихийный процесс. По мере продвижения к коммунизму расширяются рамки сознательного руководства экономическими и социальными процессами, а в связи с этим возрастает роль субъективного фактора в развитии общества. Растут масштабы и усложняются задачи коммунистического строительства, а это повышает требования к политическому и организационному руководству партии. Роль и значение партии, как руководящей и направляющей силы, возрастает и потому, что все более широкие массы народа вовлекаются в строительство нового общества. А чем шире размах этого строительства, тем большее значение приобретает руководство массами со стороны партии, которая выступает в качестве организатора творческой активности трудящихся. Период развернутого строительства коммунизма представляет собой такую ступень в развитии общества, когда наряду с созданием материально-технической базы коммунизма решающее значение приобретает коммунистическое воспитание. Партия своей идеологической работой поднимает до уровня сознания передового отряда новые и новые слои народа. Возрастание роли партии связано, наконец, и с тем, что по мере перерастания социализма в коммунизм, дальнейшего развития социалистической демократии, роста материального благосостояния и культурного уровня трудящихся, повышения их сознательности постепенно сужается сфера применения средств принуждения, средств административного воз-

[1] «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 135.

действия и расширяется значение убеждения, идейного воздействия. А именно в этих моральных факторах черпает свою силу Коммунистическая партия, представляющая собой боевой испытанный авангард советского народа, объединяющий на добровольных началах передовую, наиболее сознательную часть рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции СССР.

10. Сосуществование социализма с капитализмом и неизбежность победы социализма во всех странах

Для всей истории, предшествующей социализму, характерна неравномерность развития различных стран и народов. Различие исторических и географических условий приводило к тому, что производительные силы в различных странах развивались неодинаковыми темпами, а в связи с этим одни и те же ступени исторического развития они проходили в разное время. Например, в то время когда в Египте, Греции, Риме и ряде других стран сложился рабовладельческий строй, в большинстве стран еще существовал первобытнообщинный строй. В средние века на большей части территории Европы и Азии существовал феодальный строй, а на территории Африки, Америки, Австралии сохранялись рабовладельческие и первобытнообщинные отношения. Капиталистический строй восторжествовал у большего числа народов, чем рабовладельческий и феодальный строй, но и при господстве капитализма остались страны, в которых сохранились феодальные и дофеодальные отношения. Таким образом, закономерностью исторического развития являлась не только последовательная смена общественно-экономических формаций, но и их сосуществование в известные периоды.

Исторически неизбежно в течение известного времени и сосуществование социализма с капитализмом. Как уже отмечалось в § 3, неравномерность экономического и политического развития капиталистических стран особенно обостряется и приобретает качественно новый характер в эпоху империализма. Вследствие этого социалистические революции в различных странах происходят неодновременно. Разновременностью социалистических революций и объясняется то, что современная эпоха есть эпоха сосуществования и борьбы двух противоположных общественных систем — социализма и капитализма.

В отличие от докапиталистических формаций, которые не распространяли свое господство на все страны мира, капитализм, достигнув зрелости, превратился в мировую систему и связал весь мир единой системой мирового хозяйства, втянул все страны в орбиту капиталистической эксплуатации. Возникновение социалистической системы означает, что на смену капитализму пришла новая форма отношений, основанная не на

эксплуатации и не на колониальном господстве, а на принципиально иных началах — на содружестве и взаимопомощи свободных от всякого угнетения народов.

От победы социализма в одной стране к образованию мировой системы социализма, охватывающей сначала ряд стран, а затем все страны,— такова закономерность становления новой общественно-экономической формации. Перед второй мировой войной, когда Советский Союз был единственной страной социализма, на его долю приходилось 17% территории, около 9% населения земного шара и около десятой части мировой промышленной продукции. Ныне страны социалистического лагеря занимают уже 26% территории земного шара, на которой проживает 35,5% населения мира и производится примерно 36% мировой промышленной продукции.

В предшествующей социализму истории победа нового общественного строя у передовых народов усиливала неравномерность исторического развития, так как отставшие народы становились объектом эксплуатации со стороны господствующих классов ушедших вперед стран. Принципиально иначе влияет на ход исторического развития утверждение в ряде стран социализма.

Социалистический лагерь включает в себя страны, находящиеся на разном уровне экономического и культурного развития. Но унаследованные от капиталистического общества различия в уровне развития этих стран постепенно преодолеваются, общая линия их экономического и культурного развития выравнивается. Развитие социалистических стран в составе единой мировой системы социализма, использование ими преимуществ этой системы обеспечивают им возможность сократить сроки строительства социализма и открывают перед ними перспективу более или менее одновременного, в пределах одной исторической эпохи, перехода к коммунизму.

Ревизионисты пытаются перенести на социализм закономерности капитализма, в том числе неравномерность развития стран, конфликты в отношениях между ними, стремление к господству одних стран над другими. Однако в действительности социализм кладет конец подобным отношениям, утверждая равноправие, братскую взаимопомощь и содружество между социалистическими странами. Эти страны объединены в содружество их вступлением на общий путь социализма, общей классовой сущностью социально-экономического строя и государственной власти, потребностью во взаимной поддержке и помощи, общностью интересов и целей в борьбе против империализма, за победу социализма и коммунизма, общей для всех идеологией марксизма-ленинизма. Таким образом, взаимоотношения социалистических стран не исчерпываются принципами полного равноправия, уважения территориальной целостности, государственной неза-

висимости и суверенитета, невмешательства во внутренние дела друг друга. Неотъемлемой частью их взаимоотношений является еще и братская взаимопомощь, в которой находит свое действенное проявление принцип социалистического интернационализма. Братская взаимопомощь социалистических стран предполагает сочетание усилий каждой страны по развитию ее национального хозяйства с общими усилиями по упрочению и расширению экономического сотрудничества между ними.

Коммунистические и рабочие партии отвергают ревизионистский курс на изолированное, обособленное от мирового содружества социалистических стран строительство социализма в отдельной стране. Такой курс противоречит объективным законам развития мировой социалистической системы, в рамках которой создается наиболее целесообразное разделение труда. Растущее обобществление производства уже в настоящее время выходит за границы отдельных стран и обусловливает необходимость тесных экономических связей между социалистическими странами. Находясь в противоречии с этой объективной тенденцией развития производства, курс на изолированное строительство социализма ведет к расточительству общественного труда, снижению темпов развития производства и к зависимости от капиталистического мира. Разъединяя народы перед лицом империалистического лагеря, он создает также, как отмечено в Программе КПСС, серьезную политическую опасность для страны, которая его придерживается, питает буржуазно-националистические тенденции и в конечном счете может привести к утрате социалистических завоеваний.

Все страны, входящие в мировую систему социализма, развиваются по одним и тем же общим законам. Законы социалистической революции и развития социализма одинаковы для всех народов, так же как одинаковы и основные законы развития капитализма во всех странах. Поэтому несостоятельны попытки ревизионистов игнорировать общие законы социализма и доказать возможность движения отдельных стран к социализму по каким-то особым законам, отличным от законов, проверенных на опыте Советского Союза и других стран социализма. Как было подчеркнуто в «Декларации Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран» (1957), «опыт СССР и других социалистических стран полностью подтвердил правильность положения марксистско-ленинской теории о том, что процессы социалистической революции и социалистического строительства основываются на ряде главных закономерностей, присущих всем странам, вступающим на путь социализма. Эти закономерности проявляются всюду при наличии большого разнообразия исторически сложившихся национальных особенностей и традиций, которые следует непременно учитывать.

Такими общими закономерностями являются: руководство трудящимися массами со стороны рабочего класса, ядром которого является марксистско-ленинская партия, в проведении пролетарской революции в той или иной форме и установлении диктатуры пролетариата в той или иной форме; союз рабочего класса с основной массой крестьянства и другими слоями трудящихся; ликвидация капиталистической собственности и установление общественной собственности на основные средства производства; постепенное социалистическое преобразование сельского хозяйства; планомерное развитие народного хозяйства, направленное на построение социализма и коммунизма, на повышение жизненного уровня трудящихся; осуществление социалистической революции в области идеологии и культуры и создание многочисленной интеллигенции, преданной рабочему классу, трудовому народу, делу социализма; ликвидация национального гнета и установление равноправия и братской дружбы между народами; защита завоеваний социализма от покушений внешних и внутренних врагов; солидарность рабочего класса данной страны с рабочим классом других стран — пролетарский интернационализм»[1].

Дальнейшее движение социалистических стран к коммунизму также будет подчиняться общим для всех них основным закономерностям, которые могут быть успешно использованы лишь с учетом исторических и национальных особенностей каждой страны.

Марксизм-ленинизм ведет непримиримую борьбу как против современного ревизионизма, преувеличивающего значение национальных особенностей и противопоставляющего их общим закономерностям социалистической революции, так и против догматизма, сектантства, игнорирующих национальные особенности.

Как подчеркивал Ленин, «...при общей закономерности развития во всей всемирной истории нисколько не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития»[2]. Эти особенности необходимо учитывать, но они не отменяют основных общих закономерностей, определяющих историческую неизбежность гибели капитализма и торжества социализма и коммунизма во всем мире.

Взаимоотношения между социалистической и капиталистической системами являются отношениями борьбы, исторического соревнования. В этом соревновании уже в первые десятилетия

---

[1] «Документы Совещаний представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшихся в Москве в ноябре 1957 г.». Госполитиздат, 1957, стр. 13—14.

[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 33, стр. 437.

существования социалистического строя явно сказались его преимущества. Не случайно империализму не удалось одержать победу над Советским Союзом путем войны.

В ходе развития социалистической системы неуклонно возрастает ее могущество. Когда Октябрьская революция в России положила начало новому, социалистическому миру, он был еще слаб. Перевес сил был на стороне международного капитализма. Однако дальнейшее развитие событий и прежде всего победа социализма в СССР, разгром фашизма во второй мировой войне, в котором решающую роль сыграл Советский Союз, последовавшие вслед за тем великие революционные преобразования в ряде стран Европы и Азии существенно изменили в пользу социализма общее соотношение сил между двумя системами в мировом масштабе. Отпадение от системы капитализма большой группы стран Европы и Азии означало фронтальный прорыв цепи империализма. В результате этого перестала существовать единая всеохватывающая цепь империализма.

Если в прошлом Советский Союз был единственной страной социализма, находившейся в капиталистическом окружении, то ныне уже нет больше капиталистического окружения. Имеются две мировые системы: отживающий свой век капитализм и растущий, полный жизненных сил социализм. В связи с этим XXI съезд КПСС сделал вывод о том, что социализм в СССР одержал не только *полную*, но и *окончательную победу*. При этом под окончательной победой социализма разумеется гарантия от опасности насильственного восстановления капитализма силами международной реакции. СССР, как и любая другая социалистическая страна, не гарантирован от возможной агрессии со стороны империалистических государств. Но соотношение сил в мире настолько изменилось, что опасность реставрации капитализма в Советском Союзе исключена. В мире нет сейчас таких сил, которые смогли бы восстановить капитализм в нашей стране, сокрушить социалистический лагерь. «Объединенные силы социалистического лагеря надежно гарантируют каждую социалистическую страну от посягательств со стороны империалистической реакции. Сплочение социалистических государств в единый лагерь, его крепнущее единство и непрерывно растущая мощь обеспечивают полную победу социализма и коммунизма в рамках всей системы»[1].

Социализм не только открывает неограниченные возможности прогресса для народов, вступивших на путь строительства нового общества, но и оказывает все большее прогрессивное влияние на общий ход мирового развития. Как было отмечено в Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий (1960), главная отличительная черта нашего времени

---

[1] «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 20.

состоит в том, что мировая социалистическая система *превращается в решающий фактор развития человеческого общества.* Хотя империализм еще господствует на значительной части земного шара, он уже не в силах определять направление развития общества. Главное содержание, главное направление и главные особенности исторического развития в современную эпоху определяют мировая социалистическая система и силы, борющиеся против капитализма, за социалистическое переустройство общества.

В историческом соревновании между различными общественно-экономическими формациями в конечном счете одерживает победу передовой строй. В нашу эпоху таким строем является социализм. Источники его превосходства над старым строем коренятся в том, что он обеспечивает ускоренный прогресс общества — более быстрое развитие производительных сил, дает возможность создать более высокую производительность труда. Социализм открыл широкий простор для творчества народных масс, для всестороннего развития каждой личности.

После того как попытки империализма военным путем уничтожить Советский Союз потерпели крах, Ленин указывал, что свое основное воздействие на международную обстановку и на ход мировой истории страна социализма будет оказывать — и чем дальше, тем больше — успехами хозяйственного строительства. Именно решение экономических задач (развитие производства, подъем производительности труда, рост материального благосостояния трудящихся) обеспечит социализму победу в международном масштабе.

Идеологи империализма утверждают, будто признание марксистами неизбежности победы социализма и коммунизма во всех странах исключает возможность мирного сосуществования социалистических и капиталистических стран. Они клевещут на марксизм, приписывают коммунистам стремление «экспортировать» революцию, насильственно навязать социалистический строй всем народам.

Марксисты принципиально отвергают попытки навязать извне народам тот или иной, пусть даже самый передовой, строй. Марксисты считают, что народы сами творят свою историю по объективным законам развития общества. Буржуазный миф об экспорте революции противоречит историческому материализму и принципам пролетарского интернационализма, требующего уважать право всех народов свободно строить свою общественную жизнь.

Социализм победит во всех странах не потому, что он может быть насильственно навязан народам, а потому, что он отвечает потребностям развития общества. Маркс и Энгельс предвидели, что победа социализма в развитых странах даст такой пример отставшим в своем развитии народам, что они сами потянутся за

передовыми народами, вставшими на путь социализма. «...Об этом позаботятся уже одни экономические потребности... Одно лишь несомненно: победоносный пролетариат не может никакому чужому народу навязывать никакого осчастливления, не подрывая этим своей собственной победы» [1]. Коммунисты строго придерживаются этого взгляда основоположников марксизма. Победивший в одной или в нескольких странах рабочий класс оказывает братскую поддержку трудящимся других стран, борющимся за свое освобождение, но он не может навязывать им социалистические преобразования. Попытки «подтолкнуть» извне революцию были бы так же бессмысленны, как попытки ускорить рост растения путем вытягивания его за верхушку.

Критикуя бухаринцев и троцкистов, предлагавших разжечь пожар мировой социалистической революции путем объявления революционной войны капиталистическим странам, Ленин назвал их позицию «странной и чудовищной». В статье «Странное и чудовищное» Ленин писал: «Может быть, авторы полагают, что интересы международной революции требуют *подталкивания* ее, а таковым подталкиванием явилась бы лишь война, никак не мир... Подобная «теория» шла бы в полный разрыв с марксизмом, который всегда отрицал «подталкивание» революций, развивающихся по мере назревания остроты классовых противоречий, порождающих революции» [2].

«Экспорт» революции — это вздорный вымысел врагов марксизма. Революции не совершаются по приказу извне, так же как и по усмотрению партии или кучки заговорщиков. Как подчеркивал Ленин, капитализм рушится не потому, что кто-то хочет захватить власть. Капитализм не потерпел бы крушения, если бы к этому не вело обострение его экономических и политических противоречий, если бы капитализм не подмыла и не подрыла его собственная история.

Отвергая политику «экспорта» революции, коммунисты в то же время решительно борются против империалистического экспорта контрреволюции. Интернациональное сплочение трудящихся, мощь мировой социалистической системы обеспечивают в современных условиях возможность предотвратить или дать решительный отпор вмешательству империалистов в дела народа любой страны, поднявшегося на революцию. Если империализм оказался бессильным повернуть вспять ход исторического развития даже тогда, когда Советский Союз был единственной страной социализма, если в дальнейшем он не смог преградить путь социалистическим революциям в других странах Европы и Азии, то тем более безнадежны попытки империалистической реакции задержать поступательное развитие истории теперь, когда существует и крепнет мировая система социализма. В этом

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVII. 1935, стр. 239.
[2] *В. И. Ленин.* Соч., т. 27, стр. 49.

смысле полная победа социализма над капитализмом неизбежна. Для завоевания этой победы не требуется война.

Марксисты никогда не считали и не считают, что социальные революции обязательно рождаются из войны. Были революции, наступление которых ускорялось обострением классовых противоречий, вызванным войнами. Сами войны развязывались империалистами нередко в расчете задушить рост революционного движения, а на деле порождали революционный кризис. Но война не есть ни обязательное условие, ни — тем более — причина революции.

Социальная революция может развернуться и одержать победу без межгосударственных войн, о чем, в частности, свидетельствует пример кубинской революции, свергнувшей в канун 1959 г. режим ставленника империализма США — Батисты. Эта революция победила в обстановке углубляющегося кризиса мирового империализма в результате развертывания народной повстанческой борьбы. Начавшись как национально-освободительная, антиимпериалистическая, аграрная, она переросла затем в социалистическую революцию.

В отличие от первого и второго этапов общего кризиса капитализма, исторически связанных с мировыми войнами, развернувшийся ныне третий этап общего кризиса капитализма не связан с мировой войной. Это также подтверждает, что надвигающаяся гибель капитализма не обусловлена новой войной. Конечно, если империалисты осмелятся и развяжут мировую войну, они найдут в ней свою собственную гибель. Но война в современных условиях не является неизбежной, а гибель капитализма неизбежна. Опираясь на растущую мощь мировой социалистической системы и на поддержку других миролюбивых сил, рабочий класс в современную эпоху может с успехом вести борьбу за предотвращение мировой войны. Эта борьба не отдаляет, как утверждают догматики, а, наоборот, приближает победу социализма во всем мире. Борьба за мир сплачивает вокруг рабочего класса широчайшие массы населения капиталистических стран, самые различные слои общества, заинтересованные в спасении от ужасов новой мировой войны. Сохранение мира создает более благоприятные возможности для борьбы рабочего класса капиталистических стран за социализм, а народов колониальных и зависимых стран — за свое национальное освобождение. Борьба за мир неотделима от борьбы против тех социальных условий, тех классовых сил, которые порождают захватнические, империалистические войны.

11. Война как социальное явление. Борьба за предотвращение и исключение мировых войн из жизни общества в современную эпоху. Установление вечного мира на земле — историческая миссия коммунизма

В чем же состоят социальные причины войн? При каких условиях человечество может избавиться от них и достичь вечного мира на земле? На эти вопросы, издавна возникавшие перед философской и социально-политической мыслью, можно дать правильный ответ лишь с позиций материалистического понимания истории. Без понимания социально-экономических, классовых источников войн, без открытия в самой жизни тех социальных сил, которые способны покончить с ними, все попытки нравственного осуждения войн (например, у И. Канта в его трактате «Вечный мир» — 1795 — или у аргентинского юриста и философа Х. Б. Альберди в сочинении «Преступление войны» — 70 годы XIX в.) должны были остаться безрезультатными.

Исходным пунктом марксистского взгляда на войны является рассмотрение их, во-первых, как общественного и, во-вторых, как исторического явления. Это значит, что марксизм отвергает попытки ряда современных буржуазных социологов найти источник войн в природе человека, в якобы присущих ему агрессивных инстинктах (типичным для такого взгляда является утверждение американского философа и социолога Д. Дьюи: «Воинственность есть составная часть человеческой природы»). Равным образом марксизм отвергает утверждения буржуазных социологов насчет «вечности» войн. Иные из этих социологов доказывают вечность войн статистическими подсчетами, согласно которым за последние три с лишним тысячи лет человечество знало только 227 мирных лет, т. е. таких лет, когда нигде не происходило войн. Однако, оставляя в стороне вопрос о точности подобных подсчетов, следует сказать, что они совершенно бездоказательны. Ведь последние три тысячи лет падают на историю классового общества, и, стало быть, единственный вывод, который можно было бы отсюда сделать, состоит в том, что войны являются спутником классового общества. Но классовое общество, как мы знаем, отнюдь не вечно.

До возникновения классов, как уже говорилось в главе XIV, имели место вооруженные стычки между племенами. Однако войны в собственном смысле этого слова появляются только с возникновением частной собственности на средства производства и классового деления общества. Во-первых, вооруженные столкновения учащаются, из случайных становятся необходимыми, войны превращаются в постоянный промысел с целью грабежа, захвата рабов (характерно, что Аристотель рассматривал военное искусство как «естественное средство для приобретения собственности», как охоту на рабов); во-вторых, они

ведутся особыми отрядами вооруженных людей — сначала военными дружинами, затем армиями как орудием государственной власти.

Войны марксизм-ленинизм рассматривает как продолжение политики иными, а именно — насильственными, средствами. «Всякая война,— говорил В. И. Ленин,— нераздельно связана с тем политическим строем, из которого она вытекает. Ту самую политику, которую известная держава, известный класс внутри этой державы вел в течение долгого времени перед войной, неизбежно и неминуемо этот самый класс продолжает во время войны, переменив только форму действия»[1]. Это положение марксизма-ленинизма не только указывает на источник войн — раскол общества на антагонистические классы, но и дает ключ к оценке характера, а стало быть, и роли войн в развитии общества.

По вопросу о роли войн в развитии общества в буржуазной философии и социологии высказывалось два противоположных взгляда. Одни философы и социологи прославляли войны в качестве «двигателя культуры». Такую точку зрения развивал, например, Гегель, возражавший против теории вечного мира между государствами. Война, по мнению Гегеля, сохраняет нравственное здоровье народов, предохраняет их от гниения, подобно тому как движение ветров не дает загнивать озеру. «...Удачные войны,— добавлял к этому Гегель,— не давали развиться внутренним смутам и укрепляли государственную власть»[2]. Эта точка зрения была в дальнейшем принята на вооружение идеологами германского фашизма, а ныне усиленно проповедуется наиболее воинственными идеологами империализма, особенно империализма США. Другие философы и социологи, наоборот, подчеркивали пагубность войн для человечества, осуждали всякие войны, в том числе и войны угнетенных народов или угнетенных классов против своих угнетателей. Это позиция так называемого пацифизма. Один из героев романа известного французского писателя Роже Мартен дю Гара «Лето 1914-го года» выражает позицию пацифизма такими словами: «Я не могу принять насилие, даже если оно направлено против насилия!.. Я отказываюсь от всякой войны, независимо от того, как она будет окрещена — «справедливой» или «несправедливой»! От всякой войны, откуда бы она ни исходила и чем бы она ни была вызвана!»

Обе эти точки зрения, при всей своей противоположности, сходятся на том, что оценивают роль войн в жизни общества метафизически, безотносительно к их характеру. Но еще великий русский социалист Н. Г. Чернышевский заметил, что на вопрос о том, «пагубна или благотворна война?» вообще, «нельзя отвечать решительным образом; надобно знать, о какой войне идет речь, все зависит от обстоятельств времени и места»[3].

Научный социализм осуждает войны между государствами, «войны между народами, как варварское и зверское дело»[4], и ставит своей целью достижение такой ступени развития общества, когда человечество исключит из своей жизни всякие войны.

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 24, стр. 364.
[2] *Гегель.* Соч., т. VII, стр. 345.
[3] *Н. Г. Чернышевский.* Избранные философские сочинения, стр. 453.
[4] *В. И. Ленин.* Соч., т. 21, стр. 271.

Но, будучи проникнут диалектикой, он требует конкретно-исторической оценки роли каждой войны. История знает войны реакционные, которые закрепляли классовый и национальный гнет; эти войны являлись продолжением политики реакционных, эксплуататорских классов. Но история знает и войны прогрессивные, освободительные, которые служили освобождению народов от инонационального, чужеземного гнета или освобождению угнетенных классов от классового порабощения; эти войны являлись продолжением политики прогрессивных классов, вынужденных отвечать насилием на насилие. Историческая роль тех и других войн диаметрально противоположна.

Чтобы правильно определить характер войны, нужно раскрыть ее классовую сущность, выяснить, какой класс возглавляет данную войну, какую политику она продолжает, какие политические цели преследует. Только такой подход дает возможность правильно оценить характер войны как справедливой или несправедливой, а стало быть, определить и отношение к ней. Справедливыми коммунисты признают только такие войны, которые имеют своей целью: 1) освобождение угнетенных классов от своих угнетателей (таковы гражданские войны, например, войны рабов против рабовладельцев, крепостных крестьян против феодалов, пролетариев против буржуазии); 2) освобождение народов от национального гнета (таковы, например, в современную эпоху войны колониальных народов против империалистов); 3) защиту народов от угрозы чужеземного порабощения; 4) защиту завоеваний революции от реакционных государств.

Марксизм-ленинизм требует конкретно-исторического подхода к оценке характера каждой войны, что предполагает прежде всего установление ее связи с определенной исторической эпохой. Так, например, при оценке войны 1914—1918 гг. как несправедливой, империалистической с обеих сторон В. И. Ленин исходил прежде всего из того, что она порождена общими условиями эпохи империализма. «Чтобы понять,— писал В. И. Ленин,— почему между великими державами, многие из которых стояли в 1789—1871 гг. во главе борьбы за демократию, могла и должна была возникнуть империалистская война, т. е. по ее политическому значению самая реакционная, антидемократическая, чтобы понять это, надо понять общие условия империалистской эпохи, т. е. превращения капитализма передовых стран в империализм»[1]. Ленин показал, что в предшествующую эпоху, т. е. в эпоху 1789—1871 гг., были типичны национально-освободительные войны, направленные против абсолютизма, феодализма, чужеземного гнета. А с конца XIX — начала XX в. началась эпоха господства перезрелого капитализма, эпоха империализма, являющегося величайшим угнетателем наций.

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 23, стр. 24.

Оппортунисты из II Интернационала пытались перенести на войну 1914 г., порожденную эпохой господства реакционной, отжившей буржуазии, оценки Маркса, относившиеся к войнам прогрессивной буржуазии. Ленин расценил этот софистический и чисто догматический прием как бесстыдное искажение марксизма и подмену социалистической точки зрения буржуазной. «Нельзя понять данной войны, не поняв эпохи» [1],— подчеркивал он.

Однако конкретно-исторический подход к оценке войны требует понимания не только общего характера исторической эпохи, но и особенностей данной войны. «Эпоха,— предупреждал Ленин,— потому и называется эпохой, что она обнимает сумму разнообразных явлений и войн, как типичных, так и нетипичных, как больших, так и малых, как свойственных передовым, так и свойственных отсталым странам. Отмахиваться от этих конкретных вопросов посредством общих фраз об «эпохе»... значит злоупотреблять понятием «эпоха»» [2]. И он подвергал критике тех, кто считал, что раз эпоха была империалистической, то не могло быть никаких войн, кроме империалистических, кто отрицал, например, возможность национальных войн.

Конкретно-исторический, диалектический подход требует, наконец, учета и возможности изменения характера войны. Основное положение марксистской диалектики, учил Ленин, состоит в том, что все грани в природе и обществе подвижны и что нет ни одного явления, которое не могло бы, при известных условиях, превратиться в свою противоположность. «Национальная война *может* превратиться в империалистскую и *обратно*. Пример: войны великой французской революции начались как национальные и были таковыми. Эти войны были революционны: защита великой революции против коалиции контрреволюционных монархий. А когда Наполеон создал французскую империю с порабощением целого ряда давно сложившихся, крупных, жизнеспособных, национальных государств Европы, тогда из национальных французских войн получились империалистские, породившие *в свою очередь* национально-освободительные войны *против* империализма Наполеона» [3].

Примером изменения характера войны может быть вторая мировая война. Эта война началась в 1939 г. между Германией, с одной стороны, и Англией и Францией, с другой стороны, как война империалистическая с обеих сторон. Гитлеровская Германия поработила до этого ряд европейских стран, в том числе Чехословакию, и 1 сентября 1939 г. напала на Польшу, после чего правительства Англии и Франции объявили Германии войну.

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 35, стр. 180.
[2] *В. И. Ленин.* Соч., т. 23, стр. 25.
[3] *В. И. Ленин.* Соч., т. 22, стр. 295.

Борьба польского народа против гитлеровской агрессии была борьбой за свою независимость, борьбой справедливой. Что же касается правительств Англии и Франции, то они преследовали свои империалистические цели. Долгое время поддерживая и поощряя гитлеровскую агрессию, они рассчитывали направить ее против Советского Союза, чтобы таким образом расправиться чужими руками со страной социализма и в то же время ослабить, благодаря сопротивлению Советского Союза, гитлеровскую Германию и устранить ее, как своего конкурента на мировом рынке. Однако этот расчет потерпел крах, и империалистам Англии и Франции пришлось самим начать войну против Германии. Первое время войска Англии и Франции не вели серьезных военных операций против Германии (во Франции эта война получила в то время название «странной войны»), так как их правительства не оставляли надежды повернуть фронт войны против СССР. Однако после серьезных поражений, нанесенных Германией Англии и Франции, им пришлось заботиться не столько об осуществлении своих империалистических планов, сколько о сохранении национальной независимости. С другой стороны, усилилось давление на правительства этих стран народных масс, требовавших ведения активной антифашистской, освободительной войны. Под активным воздействием народа война со стороны Англии и Франции стала изменять свой характер. Она слилась с освободительной борьбой народов Европы, порабощенных гитлеровской Германией. В результате всего этого война стала принимать освободительный, антифашистский характер, который особенно проявился после того, как в результате нападения гитлеровской Германии на Советский Союз началась Великая Отечественная война советского народа, после того, как образовалась антигитлеровская коалиция. Цели участников этой коалиции были далеко не одинаковыми, однако наличие общего врага — германского фашизма, создавшего серьезнейшую угрозу национального порабощения многих народов, объединяло ее участников в освободительной войне.

Политика не только определяет характер войны, но и оказывает большое влияние на способы ее ведения, на стратегию воюющих держав. ««Характер политической цели» имеет решающее влияние на ведение войны...» [1] — отмечал Ленин. От этой политической цели, а следовательно. и от характера войны в решающей степени зависит и моральное состояние армии и тыла. Наряду с моральными факторами на способы ведения и исход войны решающее влияние оказывают материальные факторы, определяемые состоянием экономики. Не военная сила определяет развитие общества, а, наоборот, развитие общества определяет его военную силу, учит исторический материализм. «Ничто так не зависит

[1] Ленинский сборник, т. XII, стр. 429.

от экономических условий, как именно армия и флот,— подчеркивал Энгельс.— Вооружение, состав, организация, тактика и стратегия зависят прежде всего от достигнутой в данный момент ступени производства и от средств сообщения» [1]. Эта зависимость еще более усиливается в современную эпоху в связи с громадным развитием и усложнением военной техники. Современная война — это не только единоборство армий, но и испытание экономической мощи воюющих стран, прочности их социального строя. Минувшая война показала и в этом отношении преимущества социалистического строя, обеспечивающего социально-политическое и идейное единство народа и его армии.

Выяснение источника войн позволяет правильно решить и вопрос о путях уничтожения войн, утверждения вечного мира на земле. Единственный источник военной опасности в современную эпоху — это империализм. Однако в современную эпоху, которая является эпохой крушения империализма, имеются условия, создающие реальную возможность предотвращения войн. Как показал XX съезд КПСС, ныне войны не являются фатальной неизбежностью. Положение марксизма-ленинизма о неизбежности войн в эпоху империализма никогда не понималось марксистами в духе фатализма, считающего бессмысленной борьбу против империалистических войн. Но в прошлом, когда империализм был всеохватывающей мировой системой, когда общественные силы, не заинтересованные в войне, были недостаточно организованы и потому слабы, они, к сожалению, не могли помешать империалистам развязывать войны.

Войны имеют свои корни в экономическом строе общества, но они не порождаются экономикой автоматически. Войны, как уже было выяснено, имеют политические цели и служат продолжением политики. Политика же выражает отношения между классами и государствами, в частности соотношение сил, борющихся за мир, и агрессивных сил. Если экономические факторы, порождающие войну, развиваются стихийно, то сама война происходит не стихийно, она сознательно подготовляется определенными классами и их государствами вопреки противодействию других классов и государств. От соотношения политических сил зависит, смогут ли империалисты развязать войну или, наоборот, сторонники мира сумеют предотвратить войну и упрочить мир.

Экономические причины, порождающие войны, сохраняются и в современных условиях. Эти причины не могут исчезнуть до тех пор, пока существует империализм, ибо они вытекают из закономерностей его развития. Но сфера действия этих закономерностей ныне сужена, так как империализм уже не является всеохватывающей мировой системой. Если бы на мировой арене действовали только силы империализма, война была бы неиз-

[1] *Ф. Энгельс.* Анти-Дюринг, стр. 156.

бежна. Но этим силам теперь противостоят мощные общественные и политические силы, борющиеся против войны.

Возможность предотвращения войны в современных условиях вытекает прежде всего из того, что дело мира имеет прочную опору. Этой опорой служит мировая социалистическая система. Социалистические государства своим существованием и своей миролюбивой политикой и активной борьбой против войны мешают империалистам развязывать войны. Социалистические государства вместе с другими миролюбивыми государствами Европы и Азии образуют обширную *зону мира,* охватывающую большую часть населения земного шара. Это значит, что миролюбивые силы располагают не только идейными, но и могучими материальными средствами для предотвращения войны.

Важным фактором укрепления мира является рост экономической и оборонной мощи социалистического лагеря. Программа КПСС отмечает, что с точки зрения внутренних условий Советский Союз не нуждается в армии. Но поскольку остается военная опасность, исходящая от империалистического лагеря, необходимо поддерживать оборонную мощь Советского государства, боевую готовность его Вооруженных Сил на уровне, обеспечивающем решительный и полный разгром любого врага, который осмелится посягнуть на Советскую Родину.

Агрессивные круги, стремящиеся развязать войну, вынуждены считаться с тем, что страны социализма располагают совершенной военной техникой, а при современной технике война опасна не только для страны, подвергающейся нападению, но и для нападающей страны. Еще классики марксизма указывали на диалектику военно-технического прогресса, проявляющуюся в том, что усиление разрушительной силы оружия начинает сдерживать развязывание войны. Ленин, по свидетельству Н. К. Крупской, предвидел, что «будет такое время, когда война станет настолько разрушительной, что она вообще станет невозможной».

Возможность предотвратить войну и сорвать планы агрессоров вытекает также из того, что выросла активность, организованность и мощь общественных сил, борющихся против войны. Более сильное, чем когда-либо в прошлом, рабочее движение в капиталистических странах теперь опирается в своей борьбе против войны на поддержку небывало широкого движения сторонников мира, которое объединило сотни миллионов людей из самых различных социальных слоев. При таких условиях не являются неизбежными как войны внутри лагеря империализма — между капиталистическими государствами, так и война между империалистическим и социалистическим лагерем. В «Манифесте мира», принятом в ноябре 1957 г. Совещанием представителей коммунистических и рабочих партий, говорится: «Война не является неизбежной, войны можно не допустить, мир можно защитить и упрочить».

В результате выполнения Советским Союзом своего семилетнего плана развития народного хозяйства на 1959—1965 гг., в результате осуществления экономических планов социалистических стран Европы и Азии мировая социалистическая система будет выпускать свыше половины всей мировой промышленной продукции. Это еще более изменит соотношение сил в пользу социализма и упрочит позиции миролюбивых сил. Как подчеркнул XXI съезд КПСС, этим будет создана реальная возможность для устранения войны как средства решения международных вопросов. Еще до полной победы социализма во всем мире, при сохранении капитализма в части мира, возникнет возможность исключить мировую войну из жизни общества.

Конечно, пока существует капитализм, не исключена возможность локальных войн в той или иной части земного шара. На такие войны делают в настоящее время ставку некоторые империалистические круги, опасающиеся развязывания мировой войны. Однако возможности для развязывания империалистами и таких войн все более ограничиваются. Об этом свидетельствует, например, предостережение Советского Союза, всего социалистического лагеря, заставившее правительства Англии, Франции и Израиля прекратить локальную войну, начатую ими в 1956 г. против Египта.

Борясь против развязывания новой мировой войны и против локальных империалистических войн, как войн несправедливых, коммунистические и рабочие партии признают допустимость и выступают в поддержку национально-освободительных войн. Эти войны неизбежны, пока существует колониализм. В беседе с Н. С. Хрущевым американский журналист С. Сульцбергер спросил: «Вы несколько раз говорили о том, что Вы против войн, однако считаете справедливыми освободительные войны. Но если Вы делаете такое исключение, то не дает ли это другим странам возможность оправдать войны против коммунистических стран, назвав их также освободительными?» «Вы были бы правы,— ответил Н. С. Хрущев,— если бы наше толкование этого вопроса было таким, как Вы его сформулировали. Но это не наша позиция, это — извращение нашего понятия. Мы не признаем права какой-либо страны вести войну за освобождение другой страны. Только империалисты и колонизаторы ведут войны под лживым флагом освобождения других народов... Мы признаем право народа на борьбу за свое освобождение,— это совсем другое дело... Это священные народные войны против рабства, против колониального режима. И мы за такие войны. Мы сочувствуем народам, борющимся за свою свободу и независимость, и считаем, что они имеют право рассчитывать на помощь всех свободолюбивых народов» [1].

[1] «Правда», 10 сентября 1961 г.

Основной задачей внешней политики Советского государства было и остается обеспечение мира. Социалистическая революция в России родилась под лозунгом мира, и Советская власть в первый же день своего существования обратилась к воюющим странам с призывом о заключении мира.

Одним из конкретных выражений миролюбивой политики Советского социалистического государства является предложение *о всеобщем и полном разоружении,* внесенное Н. С. Хрущевым от имени Советского правительства в сентябре 1959 г. в Организацию Объединенных Наций. Осуществление этого предложения избавило бы все народы от опасности новой мировой войны, сняло бы с них тяжелое бремя военных расходов и имело бы величайшее значение для прогресса всего человечества.

Теоретической основой политики мира, которую ведет социалистическое государство, является положение Ленина о возможности *мирного сосуществования* социалистических и капиталистических государств. Ленинский принцип мирного сосуществования был развит Коммунистической партией Советского Союза. Всестороннее глубокое обоснование принцип и политика мирного сосуществования нашли в выступлениях товарища Н. С. Хрущева.

Идеологи империализма оспаривают возможность мирного сосуществования капиталистической и социалистической систем. Многие буржуазные социологи пишут и говорят, будто различие социальной природы государств и их идеологий делает неизбежными военные конфликты между ними. Однако исторический опыт опровергает эти домыслы и показывает, что возможны войны между государствами с одинаковым социальным строем и одинаковой идеологией (таковы войны между империалистическими государствами) и, наоборот, возможно мирное сотрудничество между государствами с различным социальным строем и идеологией (таково, например, сотрудничество СССР с рядом капиталистических государств).

Возможность мирного сосуществования государств с различным социальным строем в нашу эпоху вытекает, во-первых, из того, что имеются государства, не заинтересованные в войне. К ним относятся прежде всего социалистические государства. В социалистическом обществе нет классов или социальных групп, заинтересованных в войне. Здесь нет фабрикантов оружия, которые заинтересованы в гонке вооружений, умножающей их прибыли, нет капиталистических монополий, стремящихся к расширению рынков сбыта товаров и к завоеванию территорий для приложения своих капиталов. Развитие производства при социализме подчинено удовлетворению материальных и культурных потребностей всего общества, война не может способствовать осуществлению этой цели, она только мешает этому. Интересы строительства коммунизма требуют прочного мира.

Не заинтересованы в войне и многие несоциалистические государства. Таковы, например, государства, освободившиеся из-под колониального и полуколониального гнета, завоевавшие национальную независимость (Индия, Индонезия, Бирма, Ирак, Объединенная Арабская Республика и др.). Война может лишь создать угрозу их независимости и помешать развитию их национальной экономики. Эти государства вместе с социалистическими государствами отстаивают мирное сосуществование и невмешательство во внутренние дела других государств.

Возможность мирного сосуществования государств с различным социальным строем вытекает, во-вторых, из того, что агрессивные силы империализма, заинтересованные в войне, не всегда могут развязать ее, потому что им мешают и миролюбивые государства, и противодействие народных масс внутри империалистических стран, и, наконец, противоречия между капиталистическими государствами и между различными слоями самой буржуазии.

Две тенденции имеются в лагере капитализма; одна тенденция выражает интересы наиболее реакционных и агрессивных слоев империалистической буржуазии, стремящихся организовать военное нападение на страны социалистического лагеря, чтобы разрешить за их счет противоречия капитализма; другая тенденция выражает интересы тех слоев буржуазии, которые стремятся поддерживать и развивать мирные торговые связи со странами социалистического лагеря.

Существование двух мировых систем — социализма и капитализма — не устранило международного разделения труда, которое делает взаимовыгодной торговлю между капиталистическими и социалистическими странами. Потребность в экономических связях является одной из объективных основ мирного сосуществования этих стран. «Есть сила бо́льшая, чем желание, воля и решение любого из враждебных правительств или классов,— писал Ленин в 1921 г.,— эта сила — общие экономические всемирные отношения, которые заставляют их вступить на этот путь сношения с нами» [1].

Само собой разумеется, что всем сказанным определяется только возможность мирного сосуществования, а превращение этой возможности в действительность зависит от соотношения миролюбивых и агрессивных сил, от активной борьбы народных масс против поджигателей войны, за сохранение мира.

Мирное сосуществование социализма и капитализма отнюдь не означает прекращения борьбы между ними. Старый строй никогда не уступает места новому без борьбы. Но эта борьба не обязательно принимает характер военных столкновений, она развертывается и в экономической, и в политической, и в идеологи-

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 33, стр. 129.

ческой областях. Само мирное сосуществование социалистических и капиталистических государств является специфической формой классовой борьбы между ними. Ее исход решается экономическими, социально-политическими и идейными преимуществами нового строя.

Исходом соревнования и борьбы между социализмом и капитализмом определяется и перспектива установления вечного мира на земле. Вечный мир был в прошлом несбыточной мечтой. Упомянутое выше сочинение И. Канта «Вечный мир» начиналось такими словами: «Эта сатирическая надпись находится на вывеске одного голландского трактирщика, рядом с изображенным на той же вывеске кладбищем. К кому обращена она? Вообще ли к людям, или в частности к правителям государств, которые никогда не могут пресытиться войной, или, быть может, только к философам, мечтающим об этом чудном сне?.. Этот вопрос можно оставить нерешенным» [1]. Для того чтобы мечта о вечном мире стала реальностью, недостаточно изменений в нравственном сознании, в идейной жизни общества. Необходимы коренные изменения в его материальной жизни — надо уничтожить деление общества на враждебные, антагонистические классы. Только с победой рабочего класса во всем мире, с торжеством социализма на международной арене окончательно исчезнут социальные и национальные причины возникновения всяких войн. Уничтожение войн, установление вечного мира на земле — это историческая миссия коммунизма. Как предвидел Маркс, «в противоположность старому обществу с его экономической нищетой и политическим безумием нарождается новое общество, международным принципом которого будет — *мир*, ибо у каждого из народов будет один и тот же властелин — *труд!*» [2].

Социалистическая революция, одержав победу в мировом масштабе, приведет к окончательному торжеству новой, коммунистической общественно-экономической формации. На этой высшей ступени своего развития человечество сольется в одну семью, которая не будет знать ни классовой борьбы, ни войн между народами. Как сказано в Программе КПСС, «коммунизм выполняет историческую миссию избавления всех людей от социального неравенства, от всех форм угнетения и эксплуатации, от ужасов войны и утверждает на земле *Мир, Труд, Свободу, Равенство, Братство* и *Счастье* всех народов».

[1] *И. Кант.* Вечный мир. М., 1905, стр. 1.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные произведения, т. I, стр. 449.

ГЛАВА XVI

ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ И ЕГО РОЛЬ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

1. Общественное сознание — отражение общественного бытия. Классовый характер идеологии

Общественное сознание есть отражение общественного бытия людей[1]. Соответственно тому, какие стороны, проявления или моменты общественного бытия людей отражаются в их сознании, каков характер или способ этого отражения, общественное сознание расчленяется на отдельные специфические формы сознания (идеологические формы): общественно-политические теории и взгляды, религия, философия, искусство, мораль (нравственность). Каждая форма сознания выполняет свою общественную функцию. В понятие общественного сознания входят не только указанные идеологические формы, но и социальные чувства, настроения, переживания, привычки, нравы людей, составляющие в совокупности в отличие от идеологии общественную психологию людей данного общества или класса. К общественной психологии относятся также особенности психического склада нации и народности.

Сознание человека с самого начала есть общественный продукт и остается им, пока вообще существуют люди. Но это не значит, что сознание людей отражает только их общественное бытие, их экономические отношения и различные социальные проявления этих отношений. Оно отражает также окружающую общество природу. Естественные науки имеют объектом познания не общественное бытие людей, а внешнюю природу. В этом смысле основное содержание естествознания не относится к указанным выше идеологическим формам. Однако развитие естественных наук, как и развитие наук общественных, вызывается потребностями общественного бытия людей, их практической деятельностью, потребностью развития производства. Все науки вырастают на почве того или иного экономического строя, обслуживают этот строй и те социальные силы, которые порождаются этим строем. На естественные науки оказывает серьезное влияние мировоззрение класса и прежде всего мировоззрение господствующего класса. В этом смысле наука в целом не отличается от других форм общественного сознания и является частью общественного сознания в широком смысле слова.

[1] Определение общественного бытия см. в главе X.

Общественное бытие существует независимо от общественного сознания; общественное сознание людей порождено и обусловлено общественным бытием, отражает его. Поэтому источник общественных идей, как уже отмечалось выше, надо искать не в самих идеях, а в материальной жизни общества, прежде всего в экономических отношениях людей. С изменением экономических отношений более или менее быстро изменяются политические, юридические, философские, нравственные и другие общественные идеи, теории, взгляды и соответствующие им учреждения.

Известно, например, что люди первобытного общества не имели ясно выраженных понятий «мое» и «твое», но у них было развито сознание коллективности, единства индивида со своей общиной. Такое сознание определялось условиями материальной жизни первобытного общества: это общество не знало еще частной собственности на средства производства, люди тогда сообща добывали и сообща потребляли средства существования. Все принадлежало всем. Человек целиком зависел от общины, от состояния ее общего хозяйства, от ее успехов и неудач. Люди не могли и не стремились жить за счет других. Каковы были условия жизни людей, их общественное бытие, таково было и их сознание.

В эпоху рабовладельческого общества картина резко изменяется. В произведениях передовых мыслителей античного общества мы встречаем жалобы на жажду обогащения, охватившую верхушку общества, где люди

> Кровью сограждан себе состояния копят и жадно
> Множат богатства свои, громоздя на убийство убийство,
> С радостью лютой идут за телом умершего брата...[1]

Могла ли появиться жажда стяжания в обществе без частной собственности? Конечно, нет. История свидетельствует, что стремление к обогащению за счет других характерно только для общества, основанного на частной собственности и эксплуатации человека человеком.

Как показывает практика Советского Союза и стран народной демократии, с преобразованием общества на базе общественной собственности на средства производства, с уничтожением эксплуатации человека человеком люди постепенно теряют черты, рожденные господством частной собственности, и снова, но уже в более высоком смысле, проникаются сознанием коллективизма, духом сотрудничества, взаимопомощи, хотя пережитки собственнических нравов еще долго дают себя знать.

История показывает, что и при переходе от одной классовой формации к другой сознание людей претерпевало глубокие

[1] *Лукреций.* О природе вещей. Изд-во АН СССР, 1945, стр. 147.

изменения. Известно, что даже передовые мыслители античного мира, например Аристотель, считали рабство естественным и необходимым институтом. Так было не потому, что этим мыслителям было чуждо чувство сострадания и человеколюбия. Нет. Общество тогда держалось и могло держаться экономически только на рабском труде. А когда рабский труд перестал соответствовать потребностям экономического развития и стал заменяться более производительным трудом крепостных крестьян, тогда и в сознании людей произошли серьезные изменения: рабство стало подвергаться критике как несправедливое и требующее уничтожения. Подобным же образом в связи с упадком феодального общества и ростом буржуазных отношений у людей росло сознание неразумности и несправедливости феодально-крепостнического строя.

Социологи-идеалисты не видят зависимости общественного сознания людей от общественного бытия, от экономических отношений. Считая идеи, чувства, взгляды движущей силой истории, они, как правило, не ставят перед собой вопроса, от чего же зависят идеи, почему они изменяются и притом изменяются в определенном направлении. Когда, например, требуется объяснить, почему пал феодально-крепостнический строй и на смену ему пришло буржуазное общество, они говорят, что в сознании людей возникли идеи свободы и равенства и одержали верх над старыми идеями сословного неравенства, что и привело к преобразованию общественной жизни. Но почему в сознании людей появились идеи свободы и равенства (с их специфически буржуазным содержанием) и почему они одержали верх над старыми идеями, ответить на эти вопросы, исходя из идеалистического понимания истории, невозможно.

Чтобы понять, почему появляются новые идеи, надо обратиться к тем реальным процессам, которые происходят в экономике общества. Антифеодальные идеи выросли на почве новых, складывавшихся в недрах феодального общества буржуазных экономических отношений. Идеи свободы и равенства были идеологическим, идеализированным отражением этих новых отношений и оружием прогрессивной буржуазии, возглавлявшей борьбу народных масс. Именно потому, что эти идеи выражали назревшую историческую потребность, они могли сыграть большую (хотя и не определяющую) роль в разрушении крепостнического общества и победе нового, буржуазного строя.

Равным образом, чтобы понять, почему в XX в. на смену капитализму идет социализм, недостаточно сослаться на появление теории научного социализма. Надо ответить на вопрос, почему же появилась сама эта теория и вследствие чего она получила такое широкое распространение. А сделать это можно, только обратившись к экономическому развитию общества и взаимоотношениям классов капиталистического общества. Теория науч-

ного социализма не могла появиться в средние века, в феодальном обществе. Она появилась в эпоху капитализма, развитие которого подготовляло материальные предпосылки социализма. Внутри капитализма возникли неразрешимые для него противоречия и сформировался пролетариат, являющийся носителем нового, социалистического способа производства. В связи с этим и появилась теория научного социализма.

Идеалисты выводят общественные явления либо из человеческих идей и мнений, либо из «объективной», «абсолютной», «мировой» идеи, которая, по сути дела, представляет собой сознание, оторванное от человека и обожествленное. Несостоятельность идеалистических взглядов была полностью раскрыта Марксом и Энгельсом.

Современный идеализм в объяснении общественных явлений часто выступает в замаскированной форме. Так, распространенная во Франции социология Дюркгейма и его учеников предлагает заняться «позитивным» изучением социальных фактов: учреждений, законов, нравов и т. д. — в их эволюции. Но все материальные изменения в обществе, все социальные факты сторонники этой школы в конечном счете выводят из «коллективного сознания», которое принимает в таком случае мистический вид, а история общества рассматривается как реализация стремлений, якобы заложенных в человеческом сознании. Почему «коллективное сознание» развивается так, а не иначе, почему оно различно у различных классов общества — сторонники этой точки зрения объяснить не могут, ибо они игнорируют реальную основу общества — общественное производство, экономику и борьбу классов.

Сторонники психологического направления в современной буржуазной социологии пытаются объяснить, например, разницу между буржуазной и социалистической идеологией склонностью людей «западного мира» к индивидуализму, а людей «восточного мира» — к коллективизму. Эти различные склонности якобы извечно заложены в психике людей Запада и Востока. Но верно ли такое противопоставление? Конечно, нет. Социалистическая идеология имеет своей родиной Запад. Ее творцами были вожди немецкого рабочего класса — Маркс и Энгельс. Любая попытка делить идеологию людей на «западную» и «восточную» и искать корни той и другой в извечных особенностях человеческой психики у людей разных континентов не выдерживает критики. Чем объяснить, что «психика» людей, живущих в одной и той же стране, бывает различной? Почему и на Западе, и на Востоке есть люди, придерживающиеся прямо противоположных идеологических позиций, и внутри общества идет идеологическая борьба? Достаточно поставить этот вопрос, чтобы убедиться, что вечных особенностей психики, разделяющих людей на особые идеологические направления, не существует. Имеются особенности психического склада у людей, принадлежащих к различным нациям, но эти особенности не определяют их идеологии. Буржуазным производственным отношениям в любой части земного шара соответствует буржуазная идеология и психология, социалистическим — социалистическая. Как буржуазная идеология родилась еще в недрах феодального общества в связи с ростом буржуазных экономических отношений, так социалистическая идеология пролетариата возникает в недрах буржуазного общества в связи с антагонистической природой капиталистического способа производства и борьбой рабочего класса против капитализма, за новое, социалистическое общество.

В современной буржуазной социологии и поныне имеет хождение тезис о тождестве общественного бытия и общественного

сознания. Посредством такого отождествления буржуазные социологи стремятся затушевать борьбу материализма и идеализма. Критикуя этот антинаучный взгляд, выдвинутый в свое время махистом Богдановым, В. И. Ленин писал: «Общественное бытие и общественное сознание не тождественны,— совершенно точно так же, как не тождественно бытие вообще и сознание вообще. Из того, что люди, вступая в общение, вступают в него, как сознательные существа, никоим образом *не следует*, чтобы общественное сознание было тождественно общественному бытию. Вступая в общение, люди во всех сколько-нибудь сложных общественных формациях — и особенно в капиталистической общественной формации — *не сознают* того, какие общественные отношения при этом складываются, по каким законам они развиваются и т. д.»[1].

Общественное сознание не может быть тождественным бытию — оно вторично, производно от бытия. Оно не может отражать какие-либо изменения в общественном бытии раньше, чем они появились в самой жизни. Будучи отражением бытия, сознание обычно отстает от развития бытия. Теоретическое сознание, конечно, может открыть законы изменений бытия, предвидеть общее направление общественного развития и таким образом служить людям руководством для действия. Но при этом оно опирается на факты самой жизни, на реальные изменения в условиях общественного бытия, которые оно может охватить лишь в главном, основном.

Марксизм борется не только против идеализма, но и против вульгарно-материалистических взглядов. Суть последних состоит в утверждении, что в любых общественных идеях нужно видеть прямое и непосредственное отражение экономических отношений. Между тем в идеологии экономические отношения чаще всего отражаются не непосредственно, а лишь в конечном счете. По поводу ранней буржуазной философии Энгельс писал, что ее связь с материальными условиями особенно запутана и затемнена промежуточными звеньями. «Но все-таки она существует. Как вся эпоха возрождения, начиная с середины XV века; так и вновь пробудившаяся с тех пор философия были в сущности плодом развития городов, т. е. бюргерства. Философия лишь по-своему выражала те мысли, которые соответствовали развитию мелкого и среднего бюргерства в крупную буржуазию. Это ясно выступает у англичан и французов прошлого века...»[2]

То же самое относится к искусству. С тех пор как оно превратилось в самостоятельную отрасль духовной деятельности, его

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 14, стр. 309.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные произведения, т. II, стр. 377.

связь с материальной жизнью общества стала далеко не такой непосредственной, как в первобытном обществе. Для того чтобы понять, например, смысл изображения животных или растений в наскальной живописи первобытных людей, достаточно знать, какую роль играли эти животные и растения в хозяйственной жизни тогдашних людей. А если взять образ «Зеленщицы», созданный знаменитым французским художником конца XVIII и начала XIX в. Ж. Л. Давидом, то в нем мы не найдем прямого отражения хозяйственной деятельности людей, их общественно-экономических отношений. В образе парижской торговки зеленью художник создал обобщенный тип людей третьего сословия, поднявшихся на революцию. В этом образе нашли свое отражение психология народных масс революционной эпохи, подъем их самосознания. Но для того, чтобы понять исторический смысл борьбы народа, породившей это революционное самосознание, мы в конечном счете должны будем обратиться к анализу экономических отношений тогдашней Франции.

Общественное сознание во всех его формах в классовом обществе всегда носит классовый характер. Каждый общественный класс вырабатывает свои взгляды, идеи и теории. Его социальные чувства, настроения и привычки, идеи и воззрения порождаются условиями его жизни и отвечают его классовым интересам. Ленин учил за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями видеть, вскрывать интересы тех или иных классов.

Идеология в классовом обществе и есть совокупность общественных (политических, философских, религиозных и др.) взглядов определенного класса, выражающих его положение и интересы. Она вырабатывается образованными представителями этого класса, его идеологами: философами, социологами, юристами, экономистами, писателями, поэтами и т. д. Идеологами класса могут быть не только представители этого класса, но и выходцы из других классов. Буржуазная идеология на заре своего возникновения разрабатывалась не только людьми, связанными своим происхождением с буржуазией, но и выходцами из дворянства. Творцы идеологии пролетариата вышли из буржуазной интеллигенции. Вообще, между идеологами класса и его рядовыми членами может существовать значительная разница по образованию и другим индивидуальным особенностям. Маркс писал, что идеологи мелкой буржуазии не обязательно являются лавочниками или поклонниками лавочников. «Представителями мелкого буржуа делает их то обстоятельство, что их мысль не в состоянии преступить тех границ, которых не преступает жизнь мелких буржуа, и потому теоретически они приходят к тем же самым задачам и решениям, к которым мелкого буржуа приводит практически его материальный интерес и его общественное положение. Таково и вообще отношение между

политическими и *литературными представителями* класса и тем классом, который они представляют»[1].

В классовом обществе господствующими идеями являются идеи господствующего класса. Угнетенные массы нередко воспринимают вопреки своим интересам политические, правовые и моральные взгляды господствующего класса, его мировоззрение. Почему это происходит? Потому, во-первых, что класс, распоряжающийся средствами материального производства, распоряжается в силу этого и средствами духовного производства; во-вторых, всей обстановкой, условиями жизни угнетенным классам вместе с существующими экономическими отношениями навязываются идеи, представления, взгляды господствующего класса. Весь сложный идеологический аппарат стоящих у власти классов защищает и пропагандирует их идеологию. Но безраздельное господство идей того или иного класса сохраняется лишь до тех пор, пока экономические основы власти этого класса остаются сравнительно прочными. Когда же экономические отношения превращаются в тормоз развития производительных сил, когда в старом обществе возникают материальные предпосылки или элементы нового общества, тогда появляются новые идеи, которые служат оружием передовых общественных сил в борьбе за новое общество.

Все доныне существовавшие классы видели в своей идеологии выражение общих интересов всего общества. Класс, боровшийся за свое освобождение, в особых условиях своего освобождения видел общие условия спасения всего общества. Исторические условия борьбы делали передовой класс по крайней мере на известное время выразителем интересов всего общества, всего народа. Этим объясняется тот факт, что, например, идеологи французской буржуазии в XVIII в., выступая против феодализма во имя свободы и равенства, разума и справедливости, искренне считали себя защитниками интересов всего человечества. Победа буржуазной революции показала, что означали на деле требования великих просветителей XVIII в. Свобода оказалась свободой эксплуатации и конкуренции, равенство и справедливость воплотились в фальшивом формальном равенстве прав, в буржуазной юстиции, охраняющей классовые интересы богатых против бедных. Требования и лозунги просветителей, таким образом, были во многом иллюзией. Причиной этой иллюзии было то, что противоречия нового, молодого и растущего буржуазного общества находились еще в самой начальной стадии. В иллюзорной форме эти требования выражали прогрессивное содержание, реальные общественные потребности борьбы против отжившего феодального строя, против его идеологии и его учреждений. В этой борьбе представители революционной буржуазии сыграли очень

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 8. 1957, стр. 148.

крупную роль. Они идеологически подготовили буржуазную революцию. Возводя прогрессивные, хотя и ограниченные, классовые требования буржуазии на уровень общенародных требований, просветители XVIII в. способствовали росту энтузиазма и энергии масс, сметавших отжившие феодальные устои.

Классовый характер идеологии не всегда исключает наличие в ней общечеловеческого, общенародного содержания. Такое содержание имелось в мировоззрении передовых мыслителей прошлого, в великих произведениях искусства. Творцы этих произведений смогли подняться выше ограниченных интересов своего класса и, обращаясь к живым родникам народной мудрости и народного творчества, сумели отразить в своих трудах правду жизни и интересы народных масс.

Современная буржуазия развитых капиталистических стран, давно ставшая реакционной и антинародной силой, продолжает, однако, выдавать свои эгоистические классовые интересы за общенародные и свою политику и идеологию — за общенациональную. Ее идеологи лицемерно восхваляют капиталистический строй и буржуазное государство, создают теории и мифы, оправдывающие власть «избранных» над народом или прикрывающие классовые антагонизмы. Лицемерие господствующих классов в сфере политической и идейной растет тем больше, чем больше приходят в упадок основы их власти и чем больше их интересы приходят в столкновение с интересами народа, общества. Современная буржуазия прибегает к фальшивым фразам о свободе и равенстве, морали и демократии, чтобы затушевать реальное господство капиталистических монополий. За вывеской «свободного мира» скрывается мир эксплуатации и бесправия, политической реакции и милитаризма.

Из всех классов лишь пролетариат не нуждается ни в иллюзиях, ни в лицемерии, ибо условия его освобождения как класса есть вместе с тем действительные условия освобождения всего общества от эксплуатации и классовых антагонизмов. Именно потому, что пролетарская социалистическая идеология выражает интересы класса, призванного навсегда устранить эксплуатацию и классовый антагонизм, она по своей сущности является идеологией всего будущего человечества. Она не только отказывается от превратных религиозных и идеалистических воззрений на действительность, но и находит объяснение этим воззрениям в экономических отношениях старого общества. Идеология пролетариата является подлинно научной. Возникнув в условиях капиталистического общества как оружие революционной борьбы рабочего класса с капиталом, она получает свое дальнейшее и многогранное развитие после победы рабочего класса, в ходе строительства нового общества на основе роста и укрепления социалистических производственных отношений.

Итак, общественное сознание определяется общественным бытием, является его отражением. Но общественное бытие, как

мы выше отмечали, отражается в общественном сознании в различных формах: религии, философии, искусстве, морали и т. д. Чем объяснить многообразие форм общественного сознания и каково отношение между ними?

2. Формы общественного сознания

На ранних ступенях развития общества не существовало того расчленения общественного сознания, которое характерно для классового строя. Однако уже в первобытном обществе в ходе борьбы с природой у людей накапливаются элементарные знания о явлениях природы, способах добывания пищи и т. д., формируются и передаются из поколения в поколение нравы и обычаи, составлявшие мораль первобытного строя. На определенной ступени развития этого строя возникают религиозные представления людей, вера в сверхъестественные силы. К первобытному обществу восходят также ранние зачатки искусства (рисунок, песня, танец и т. д.), которые воспроизводили те или иные моменты жизни и деятельности людей. Примитивному общественному бытию людей того времени, крайне низкому уровню производительных сил соответствовало примитивное сознание, которое еще как бы вплеталось в материальное производство и почти не расчленялось на отдельные формы. Первоначальные сведения об окружающем мире, обычаи, зачатки искусства, а в последующем и религиозные представления — все это в древнейших памятниках духовной культуры (в наскальных изображениях, в обрядах и верованиях, сохранившихся у отсталых племен), как правило, содержалось вместе, не отделяясь друг от друга. Такие формы сознания, как философия, наука, политическая и правовая идеология, тогда еще не существовали.

Лишь с развитием производства и с появлением разделения труда на умственный и физический общественное сознание все больше и больше дифференцируется на самостоятельные области, или формы сознания.

С появлением классов возникает государство и право, а в связи с этим появляется *политическая и правовая идеология*, выражающая взгляды господствующего класса на политическое устройство общества, на природу и функции государства и права, на вопросы войны и мира и т. п. Эта идеология разрабатывается особыми группами людей в специальных трудах по теории государства и права, в программах политических партий, конституциях и т. д. В противовес идеологии господствующих эксплуататорских классов у классов угнетенных в ходе борьбы возникают свои политические и правовые взгляды. Так, политической идеологии буржуазии в капиталистическом обществе противостоит политическая идеология рабочего класса,

выраженная в трудах марксистов, в программе и других документах марксистской партии, борющейся за социализм. Если современная буржуазная идеология призвана оправдать и обосновать эксплуатацию трудящихся, национальный и колониальный гнет, всевластие монополий и финансовой олигархии, стремящихся ликвидировать демократические завоевания трудящихся и разжечь новую мировую войну, то идеология рабочего класса есть идеология борьбы против капитала, идеология международной солидарности трудящихся в борьбе за мир, демократию и социализм.

Первая — антинаучна и реакционна, вторая — строго научна и последовательно революционна. В СССР и других странах социализма политические и правовые идеи рабочего класса получили развитие и широчайшее распространение, общенародное признание. Они находят свое выражение в конституциях и законодательстве этих стран, в различных документах государственной власти.

Политическая и правовая идеология оказывает громадное влияние на политическую борьбу классов, на всю общественную жизнь, на все другие формы общественного сознания: философию, мораль, искусство и т. д.

С потребностями развития производственной деятельности и обмена было связано, как указывалось выше, возникновение научных знаний о природе. В дальнейшем возникает такая особая форма общественного сознания, как *философия*. Она возникает как антипод религиозному мировоззрению (материализм) или как логическое обоснование и защита религии (идеализм). Философия очень долгое время включала в себя всю совокупность знаний об окружающем мире. Понадобились века накопления и систематизации знаний, чтобы от философии начали отпочковываться отдельные отрасли *науки* со своими особыми предметами исследования. В основе развития научных знаний лежит развитие производства и всей общественной практики.

Открывая законы природы и общества, проверяя истинность своих открытий практикой, наука в свою очередь оказывает большое влияние на практическую деятельность людей. Она дает возможность предвидеть явления и события, возможность влиять на объективный ход их развития. Известно значение гениальных открытий и предвидений Маркса, Энгельса и Ленина для борьбы рабочего класса за свое освобождение, для строительства коммунизма. Известно значение гениальных открытий Д. И. Менделеева для развития химической науки и промышленности, открытий Ч. Дарвина для биологии и сельскохозяйственной практики. Наука открывает все новые источники энергии, создает искусственные вещества, которых нет в природе (но, конечно, из материалов самой природы и на основе ее законов).

Использование достижений науки зависит от характера экономических отношений, от социального строя. Если в условиях капитализма направление научной деятельности диктуется интересами всесильных монополий, использующих открытия науки ради получения большей прибыли, для укрепления власти капитала и для милитаристских целей, то в условиях социализма наука служит народу, подъему его благосостояния и культуры. Социализм открывает безграничные возможности для прогресса науки, обеспечивает возрастание ее роли в жизни общества. Страна победившего социализма первой открыла эру использования атомной энергии в мирных целях, первой проложила путь в космическое пространство.

История знает немало примеров, когда научные исследования как в области естествознания, так и в области общественной науки подвергались запретам, а ученые — гонениям, поскольку эти исследования противоречили классовым интересам и предрассудкам эксплуататорских классов. Научные открытия и результаты исследований получают часто неправильное истолкование вследствие влияния на ученых той или иной реакционной философской школы. Это значит, что для своего плодотворного развития наука нуждается в правильной философии, какой в наше время является марксистская философия. Социализм, ставя науку на службу народу, вместе с тем освобождает ее от всех идеологических пут, которые при капитализме тормозят ее развитие.

Современный период развернутого строительства коммунизма в СССР, задача создания материально-технической базы коммунизма, дальнейшего развития экономики страны и все более полного удовлетворения растущих материальных и духовных потребностей народа открывают безграничный простор для расцвета всех отраслей науки.

«Дело чести советских ученых,— говорится в Программе КПСС,— закрепить за советской наукой завоеванные передовые позиции в важнейших отраслях знания и занять *ведущее положение в мировой науке* по всем основным направлениям» [1].

Искусство, как сказано выше, появилось уже на ранних ступенях развития первобытного общества в тесной связи с процессом труда, с развитием общественной практики людей.

Люди создали искусство потому, что оно было им действительно нужно, оно отвечало потребностям борьбы с природой, оно сплачивало их коллектив, вызывало у них полезные эмоции. В коллективном труде формировались эстетические вкусы и потребности людей, представления о прекрасном.

Известно, что первые следы искусства относятся к тому периоду, когда человек уже умел производить орудия из камня,

[1] «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 129.

кости и рога, владел членораздельной речью, вел коллективную охоту на крупного зверя, когда в общественном производстве уже существовало первоначальное разделение труда между мужчиной и женщиной. От этой эпохи сохранились изображения на скалах и в пещерах, произведения из камня, кости, рога. Тогда же зародились пантомима, танцы, первоначальная музыка.

На первых порах искусство было составной частью еще нерасчлененного познания человеком окружающего мира. По мере того как развивалось разделение труда и изменялись формы общественной жизни, искусство все больше выделялось в особую форму духовной деятельности. Искусство, как и наука, прошло длительный процесс исторического развития, разделяясь на отдельные виды (архитектура, живопись, скульптура, музыка, танец, литература и т. д.).

В отличие от философии и науки, отражающих мир в форме понятий, законов, искусство отражает действительность в живой конкретно-чувственной форме художественных образов. В этих образах находят свое выражение положение людей, их взгляды и стремления, их чувства и настроения, действия и поступки. В каждую эпоху развития классового общества искусство отражает интересы борющихся классов, служит идейным оружием в их борьбе.

Произведения искусства, правдиво отражающие действительность (прежде всего жизнь человека, общественную жизнь), проникнутые передовыми идеями, имеют большое познавательное значение и способны оказывать громадное идейное и нравственное влияние на людей, воспитывать их, формировать их мысли и чувства, побуждать к определенным действиям. Такими были, например, в античном обществе произведения Фидия, Эсхила, Софокла, Эврипида; в эпоху Возрождения — произведения Данте, Рафаэля, Леонардо да Винчи; в эпоху буржуазных революций в Европе — творчество Шекспира, Рембрандта, Давида и др.

Современное реакционное буржуазное искусство порывает с прогрессивным наследием прошлого и является проводником безыдейности, формализма, антигуманистических идей. Против этого искусства выступают передовые писатели и художники во всех странах мира, и прежде всего писатели и художники, связанные с социалистическим движением рабочего класса. Социалистическое искусство продолжает традиции передового искусства прошлого, усваивает и творчески обогащает их для создания новой, высшей художественной культуры, социалистической по своему содержанию и национальной по форме.

Метод социалистического реализма в искусстве, будучи продолжением и развитием лучших традиций реалистического искусства прошлого, требует *правдивого, конкретно-исторического художественного изображения действительности в ее револю-*

ционном развитии. Он отнюдь не исключает художественной романтики, выражающей героику наших дней, пафос народных устремлений в будущее, мечту о будущем. Он требует лишь того, чтобы романтика опиралась на правду жизни, на закономерное и революционное развитие действительности. Метод социалистического реализма открывает перед художниками всех видов искусства широкий простор для свободного творчества в интересах народа, для разнообразия жанров, стилей и художественных средств, для проявления таланта каждого художника, его индивидуальных особенностей.

Важнейшим идейно-творческим принципом искусства социалистического реализма является принцип пролетарской, коммунистической партийности. В служении искусства делу освобождения трудящихся от всякого гнета, делу коммунизма — высшее выражение его народности, его связи с жизнью, с интересами и чаяниями народных масс. Деятели искусства видят в социалистической идеологии, в идейном руководстве Коммунистической партии важнейшее условие художественного развития общества. Советские писатели и другие деятели искусства видят свою задачу в укреплении связи с жизнью, в правдивом и высокохудожественном отображении богатства и многообразия социалистической действительности, ярком воспроизведении нового, подлинно коммунистического и обличении всего того, что тормозит движение общества вперед. Искусство призвано развивать в советском человеке качества строителя нового мира, служить источником радости и вдохновения для миллионов людей, выражать их волю, чувства и мысли, служить средством их идейного обогащения и нравственного воспитания.

Социалистическое искусство развивается под идейным руководством Коммунистической партии и служит народу, его борьбе за коммунизм. В. И. Ленин говорил: «Искусство принадлежит народу. Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс. Оно должно быть понятно этим массам и любимо ими. Оно должно объединять чувство, мысль и волю этих масс, подымать их. Оно должно пробуждать в них художников и развивать их»[1].

Мораль, как и искусство, является одной из самых ранних форм общественного сознания. Теологи и идеалисты часто ссылаются на «вечную мораль», чтобы доказать независимость сознания людей от их общественного бытия. Мораль выводится ими либо из «велений бога», либо из каких-то иных внеисторических источников (абсолютного разума, абстрактного самосознания и т. д.). Они утверждают, что мораль не связана с реальными потребностями и интересами людей данной эпохи; больше

[1] Цит. по кн.: *К. Цеткин.* Воспоминания о Ленине. Госполитиздат, 1955, стр. 14.

того, она противоположна этим интересам, как вечное — временному, возвышенное — низменному, небесное — земному.

Такое понимание морали марксисты отрицают, как антинаучное и пригодное лишь для обмана масс. «Всякую такую нравственность, взятую из внечеловеческого, внеклассового понятия, мы отрицаем,— отмечал В. И. Ленин.— Мы говорим, что это обман, что это надувательство и забивание умов рабочих и крестьян в интересах помещиков и капиталистов»[1].

В современной буржуазной этике существуют различные «школы» позитивистского типа (логический позитивизм, семантика, прагматизм и др.), которые сводят моральные нормы и оценки только к выражению субъективных чувств, эмоций, желаний, вкусов личности или определенной группы. Так, представители логического позитивизма (Карнап, Айер, Стивенсон и др.) утверждают, что при наличии двух противоположных оценок одного и того же поступка мы не можем решить вопрос о том, какая из этих оценок справедлива и какая несправедлива, ибо, по их мнению, никакого объективного критерия для решения этого вопроса нет. Выбор поведения и его моральной оценки есть дело личного вкуса и интереса. Сторонники прагматизма сводят этот критерий к пользе или выгоде принятого субъектом решения в данной ситуации. С точки зрения подобных этических концепций можно оправдать любое действие, любой произвол и аморализм интересами субъекта, его выгодой и т. д.

Субъективизм и релятивизм в вопросах морали нашли свое яркое выражение также в этике экзистенциализма. Представители этой школы (Ясперс, а также Ж. П. Сартр и др.) утверждают, что «моральные ценности» абсолютно независимы от экономических и социальных условий. Изолированная личность «свободно» творит мир, создает свою сущность, в том числе «моральные ценности», за которые она одна лишь несет ответственность. Моральные ценности экзистенциалисты сводят к тем индивидуальным решениям, которые личность принимает в каждой уникальной ситуации, опираясь только на собственное сознание. Они поэтому категорически отрицают моральные нормы, принципы, имеющие значение объективной истины. Допущение таких моральных норм и принципов, по их мнению, было бы подавлением «свободы» личности. Подобно позитивистской этике этика экзистенциалистов оправдывает крайний индивидуализм и даже аморализм в поведении и является выражением кризиса современной буржуазной мысли.

Мораль вырастает из потребности общества в правилах, регулирующих поведение людей. Уже на ранних стадиях развития общества существовали нравы и обычаи, которыми регулировались отношения людей друг к другу, к своим соплеменникам или другим племенам. В классовом обществе мораль вырастает в сложную систему принципов, правил и норм поведения, выражающих экономическое, общественное положение и интересы определенного класса. В свете этих правил происходит оценка поведения людей, их моральных качеств и т. д. в категориях добра и зла. Принципы, нормы и правила поведения носят характер общественных (в классовом обществе — классовых) требований к поведению человека, к его поступкам по отношению к другому человеку, а также по отношению к обществу, к своему

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 31, стр. 266.

или к враждебному классу, к государству, родине и т. д. Мораль действует на общественную жизнь посредством этих требований, которые поддерживаются общественным мнением (всего общества или определенного класса), одобряющим или порицающим те или иные поступки людей. Человек, воспитанный в духе определенной морали, постоянно сам оценивает свои поступки, испытывая угрызения совести за нарушение общепринятых (в кругу данного класса или всего общества) норм нравственности.

Господствующей моралью в обществе является мораль стоящего у власти класса, охраняющая (как и право) те устои, на которых зиждется данное общество. На страже такой морали стоит общественное мнение, система воспитания. Мораль эксплуататоров поддерживается авторитетом религии, которая представляет моральные требования эксплуататорского класса как нерушимые заповеди бога. Эта мораль навязывается всему обществу через церковь, школу, печать, а также условиями жизни трудящихся масс. Но именно потому, что положение угнетенных классов и положение эксплуататоров противоположны, в противовес морали эксплуататоров трудящиеся массы вырабатывают свои нравственные принципы, свое понимание добра и зла, справедливого и несправедливого, хорошего и плохого. Теоретическая разработка вопросов морали *(этика)* в классовом обществе стала делом философии.

История общества показывает, что правила морали, представления людей о добре и зле «так менялись от народа к народу, от века к веку, что часто прямо противоречили одно другому»[1]. Даже те моральные правила, которые, казалось бы, в «неизменном» виде переходят от одной эпохи к другой, на деле исторически обусловлены, т. е. отнюдь не являются вечными. Например, моральная заповедь «не укради», которую якобы сам бог дал людям на вечные времена, может иметь место лишь до тех пор, пока существует воровство — явление, связанное с существованием частной собственности. В обществе коммунистическом, где на базе общественной собственности на средства производства будет обеспечено изобилие предметов потребления, где люди будут получать все необходимое для жизни по потребностям, воровство исчезнет. А это значит, что не будет никакой надобности и в указанной моральной норме.

В капиталистическом обществе соответственно двум основным классам существуют две основные системы морали: буржуазная и пролетарская. Для буржуазной морали характерен принцип индивидуализма и эгоизма. Он соответствует общественным отношениям, основанным на частной собственности на средства производства, где каждый смотрит на другого преимущественно как на объект использования и рассматривает всех

[1] *Ф. Энгельс.* Анти-Дюринг, стр. 87.

других людей и все общественные связи как средство для достижения своих частных целей[1]. Этот принцип выражается в ходячих правилах, распространенных в буржуазном обществе: «человек человеку волк», «своя рубашка ближе к телу», «моя хата с краю» и т. п. Подобные правила составляют обиходную «мораль», которой реально следуют в своем поведении люди, воспринявшие буржуазные нравы.

Господствующий эксплуататорский класс имеет потребность защищать интересы каждого собственника от посягательств со стороны неимущих, а также защищать свои общие интересы от угнетенных масс. Он нуждается поэтому в моральных заповедях, которые воспитывали бы уважение к частной собственности, к существующей власти, к издаваемым ею законам. В роли морального наставника людей в классовом обществе, с тех пор как оно существует, выступает религия. В религиозных заповедях, которые якобы бог дал для всех людей и на вечные времена, наряду с утверждением некоторых элементарных норм общежития морально освящаются основные устои господства того или иного класса эксплуататоров.

Религиозная мораль как в прежние времена, так и в современном буржуазном обществе претендует на «обуздание индивидуализма», на воспитание «социальных чувств», на согласование личных интересов с общественными. Но эти претензии не имеют под собой оснований. Главная идея всякой религиозной морали — идея личного спасения — является своеобразным выражением индивидуализма и эгоизма. Что же касается религиозной проповеди братства между людьми, любви к ближнему и т. д., то эта проповедь лишь прикрывает эгоизм и обманывает массы утопической мечтой о братстве и любви между эксплуататорами и эксплуатируемыми, ничуть не способствуя борьбе против пороков буржуазного общества.

Пролетарская мораль соответствует условиям жизни и борьбы рабочего класса, борьбы, требующей солидарности, взаимопомощи, заботы об общем благе, подчинения личных интересов общественным. Марксистско-ленинская партия помогает формировать нравственное сознание рабочего класса, дает ясное выражение принципов новой морали. Революционная мораль пролетариата, особенно после завоевания им политической власти, оказывает огромное влияние на нравственное развитие общества. С переходом к социализму новая мораль получает всестороннее развитие, обогащается новым содержанием и становится моралью строителей коммунистического общества.

---

[1] Индивидуализм имел прогрессивное, гуманистическое содержание, когда он выражал протест личности против сковывающих ее феодальных пут. Он стал реакционным принципом, когда им выражается лишь стремление к личной наживе, к карьере, к обогащению за счет других.

В противоположность эгоистическим взглядам и нравам эксплуататоров, их классовой морали коммунистическая мораль выражает интересы и идеалы всего трудящегося человечества. Она является самой справедливой и благородной моралью человечества. Высшим принципом этой морали является борьба за коммунизм, *преданность коммунизму*. «В основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма»,— говорил В. И. Ленин. В новом обществе на основе отношений товарищеского сотрудничества и взаимопомощи происходит преодоление частнособственнических, индивидуалистических пережитков в сознании и поведении людей. Новые люди отбрасывают старое житейское правило буржуазного общества — «каждый за себя, бог за всех» — и утверждают в жизни правило, пригодное для тружеников социалистического общества,— «каждый за всех, все за одного» — правило *сотрудничества и коллективизма*, дружбы и взаимопомощи. В борьбе за счастье народа люди приучаются видеть главное условие своего личного счастья, в общих интересах — свой главный личный интерес. В социалистическом обществе люди всеми условиями жизни и деятельности воспитываются в духе такой морали. Человек здесь — не одинокое существо, он постоянно чувствует заботу о себе со стороны общества, государства. Поэтому у людей изживается стремление к наживе, к частной собственности и развивается чувство коллективизма. «Коммунисты отвергают мораль буржуазного общества, где понятие «мое» является высшим принципом, а богатство одних возможно лишь за счет разорения других, где культивируется растлевающая психология эгоизма, стяжательства, жажды обогащения. Коммунисты противопоставляют миру частной собственности общественную собственность, буржуазному индивидуализму — принцип товарищества и коллективизма» [1].

Коммунистическая мораль является могучей силой воспитания, потому что она способствует объективному процессу переделки «природы человека» новыми социальными условиями, поддерживает то новое в отношениях между людьми, которое растет в жизни. Она черпает содержание нравственных понятий и чувств, представлений о добре и зле не в «вечных заповедях» бога, а в объективно назревших потребностях борьбы за новое общество, за самые возвышенные и справедливые идеалы, за счастье трудящихся, за мир между народами.

Из условий и потребностей этой борьбы, из задач строительства нового общества вытекают обязанности членов общества, их общественный *долг*, в ней формируется их *совесть*, т. е. сознание (понимание и чувство) моральной ответственности за

---

[1] *Н. С. Хрущев.* Отчет Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XXII съезду партии. Госполитиздат, 1961, стр. 101.

свое поведение, за судьбы других людей, за судьбы Родины и человечества. Сознательные борцы за коммунизм рассматривают свои обязанности и свою ответственность за их выполнение не как нечто навязанное извне, а как дело своей жизни, дело внутреннего убеждения, т. е. как свой *моральный долг*, как дело своей *совести*.

Борьба за коммунизм, строительство коммунизма осуществляются в рамках исторически сложившихся отечеств. Любовь к Родине, к ее языку, к достижениям ее культуры является неотъемлемым элементом нравственного сознания рабочего класса, борющегося против капитала. Она неотделима от интернациональной солидарности рабочих и трудящихся в борьбе за общее дело, от ненависти к угнетателям Родины и других народов. В социалистических странах любовь трудящихся к своей Родине неотделима от их преданности к общественному строю социализма. С образованием мировой системы социализма любовь к социалистической Родине сливается с преданностью всему содружеству социалистических стран. Мы любим свою Родину, заботимся о ее процветании, дорожим дружбой народов СССР, но мы любим также народы братских социалистических стран, стремимся укрепить отношения дружбы и взаимопомощи между этими странами по правилу пролетарской солидарности: «каждый за всех, все за одного». Вместе с тем социалистический патриотизм и интернационализм означают братскую солидарность с трудящимися всех стран, со всеми народами в борьбе за мир и прогресс, нетерпимость ко всем проявлениям расовой и национальной неприязни, к реакционной идеологии расизма, национализма и космополитизма.

Преданность коммунизму, солидарность, сознание общественного — патриотического и интернационального — долга строители коммунизма проявляют прежде всего в *добросовестном труде на благо общества, в бережном отношении к общественной собственности*. «Коммунизм начинается там,— писал В. И. Ленин,— где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд, забота *рядовых рабочих* об увеличении производительности труда, об охране *каждого пуда хлеба, угля, железа* и других продуктов, достающихся не работающим лично и не их «ближним», а «дальним», т. е. всему обществу в целом...» [1]

В заботе не о себе и не о «ближнем» только (как учит, например, религиозная мораль), а о «дальнем», т. е. обо всех тружениках, об общественных интересах, и состоит нравственное содержание коммунистического отношения к труду, к общественной собственности, к дисциплине труда и т. д. Это отношение к труду проявляется в социалистическом соревновании трудящихся, в росте различных форм коммунистического труда,

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 29, стр. 394.

например коллективов коммунистического труда, члены которых стремятся к повышению производительности труда, овладевают новейшей техникой и передовыми методами труда, а также борются против уродливых пережитков прошлого, сохранившихся у известной части трудящихся (пьянство, нарушение правил социалистического общежития и др.). Социализм, применяя принцип оплаты по труду и создавая таким образом материальную заинтересованность работников в результатах труда, развивает в то же время моральные стимулы к труду, воспитывает взгляд на труд как на дело общественного значения, как на дело долга и чести. Сочетая материальные и моральные стимулы к труду, социализм учит относиться к труду как к потребности здорового человека, воспитывает привычку и потребность трудиться на общую пользу.

Коммунистическая мораль учит солидарности и взаимопомощи в труде между работниками, учит непримиримости к тунеядству, стяжательству и паразитизму. *«Кто не работает, тот не ест»* — основное правило социализма, выражающее глубоко народную сущность нового общества. Коммунистическая мораль воспитывает уважение к любому виду полезного труда, чувство чести, гордости коллектива за трудовые успехи, способствующие движению общества вперед. «Мы должны всякий труд, как бы он ни был грязен и труден, построить так, чтобы каждый рабочий и крестьянин смотрел на себя так: я — часть великой армии свободного труда и сумею сам построить свою жизнь без помещиков и капиталистов, сумею установить коммунистический порядок» [1]. Это новое самосознание тружеников, сознающих себя членами великой армии труда, хозяевами и строителями нового общества, и есть сознание, чувство *чести и достоинства* людей социалистического общества. Это чувство проявляется не только в труде, но и в битвах с врагами при защите социалистического отечества. Советский воин, принимая присягу, обязуется защищать Родину «мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами».

Коммунистическая мораль требует внимания, заботы и уважения к человеку, как величайшей ценности, существующей в мире. «Человек человеку волк»,— гласит древнее изречение, характеризуя отношения между людьми в условиях частнособственнического общества. *«Человек человеку — друг, товарищ и брат»* — таково требование социалистического гуманизма, утвердившегося в нашей стране. Оно порождено развитием отношений товарищеского сотрудничества и взаимопомощи между людьми — строителями коммунизма. Гуманизм в широком смысле слова сливается с коммунизмом, ибо высшая цель пар-

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 31, стр. 274.

тии — построение коммунизма означает также наиболее полное воплощение в жизнь лозунга партии: *«Все во имя человека, для блага человека»*. Коммунистическая мораль непримиримо враждебна всем формам угнетения человека, всему тому, что унижает человеческое достоинство. Она не терпит пошлости, ханжества (лицемерия), хулиганства, клеветы и т. п. Она гуманистична в высшем смысле этого слова, ибо выражает отношения такого общественного строя, где понятие «человек» равно применяется к мужчине и женщине, к людям любой нации, любого цвета кожи, любой профессии, где общество, требуя от каждого труда по способностям, заботится о каждом человеке, об улучшении условий его труда и быта, о развитии всех его способностей и дарований, о развитии подлинно человеческих отношений между людьми как в труде, так и в быту.

При социализме женщина стала свободным и полноправным членом общества. Наравне с мужчиной она имеет доступ ко всем видам деятельности. Коммунистическая мораль решительно осуждает пережитки буржуазных нравов в отношениях между полами, она требует серьезного отношения к любви, браку, семье. «Революция,— говорил В. И. Ленин в беседе с К. Цеткин,— требует от масс, от личности сосредоточения, напряжения сил... Несдержанность в половой жизни — буржуазна: она признак разложения. Пролетариат — восходящий класс. Он не нуждается в опьянении, которое оглушало бы его или возбуждало. Ему не нужно ни опьянения половой несдержанностью, ни опьянения алкоголем... Самообладание, самодисциплина — не рабство; они необходимы и в любви» [1].

Коммунистическая мораль решительно отвергает так называемую «свободную любовь» в буржуазном смысле этого слова, т. е. мимолетную любовь, которая считает стеснительными «брачные узы», оправдывает супружеские измены и т. д. Этой «свободной любви» социализм противопоставляет «брак с любовью», т. е. прочный брак, основанный на нравственной чистоте отношений между супругами, предполагающий *любовь между супругами, взаимное уважение в семье, заботу о детях, об их воспитании* достойными сыновьями и дочерьми социалистического общества. Общество в возрастающей мере оказывает помощь семье в воспитании детей.

Социалистическая общественность сурово осуждает попытки оправдывать легкомысленное отношение к семье, разврат, многоженство и т. д. ссылкой на то, что быт есть «частное дело». Стремление оторвать домашний быт, личную жизнь от общественной жизни, от общественного контроля является пережитком буржуазного взгляда. Общественность требует и в быту соблюдать нормы коммунистической морали, борется с проявлениями

[1] Цит. по кн.: *К. Цеткин*. Воспоминания о Ленине, стр. 50.

моральной неустойчивости, ибо такая неустойчивость наносит ущерб и самому работнику и окружающим его людям, общественным интересам. Опыт показывает, что голос общественности, моральная сила общественного мнения спасают многих людей от морального разложения в быту и возвращают их в ряды борцов за великое дело коммунизма. Вместе с тем общество отвергает мелочное вмешательство в личную жизнь.

Важнейшие моральные требования нашего общества, его нравственные принципы кратко сформулированы в точных и ясных положениях *морального кодекса строителя коммунизма,* содержащегося в Программе КПСС. Этот кодекс включает следующие нравственные принципы:

— преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, к странам социализма;
— добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест;
— забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния;
— высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушениям общественных интересов;
— коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый за всех, все за одного;
— гуманные отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку — друг, товарищ и брат;
— честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни;
— взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей;
— непримиримость к несправедливости, тунеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству;
— дружба и братство всех народов СССР, нетерпимость к национальной и расовой неприязни;
— непримиримость к врагам коммунизма, дела мира и свободы народов;
— братская солидарность с трудящимися всех стран, со всеми народами.

Эти принципы отнюдь не являются абстрактными требованиями, навязанными людям извне. Они соответствуют природе социалистического строя, задачам строительства коммунизма и вошли в быт миллионов тружеников, стали их совестью. Вместе с тем они являются тем ориентиром, на который должны равняться все труженики нашего общества, вся наша молодежь, готовясь стать достойной сменой нынешнего поколения строителей коммунизма.

В совокупности моральный кодекс охватывает все основные виды нравственных отношений: отношение личности к обществу, к общественным интересам, связь личности с коллективом; отношение к Родине и другим народам; отношение к труду и об-

щественному достоянию; отношение человека к человеку; отношения в семье.

Органически входят в кодекс и некоторые простые нормы нравственности, существующие в обществе в течение тысячелетий.

«Простые нормы нравственности и справедливости, которые при господстве эксплуататоров уродовались или бесстыдно попирались, коммунизм делает нерушимыми жизненными правилами как в отношениях между отдельными лицами, так и в отношениях между народами. Коммунистическая мораль включает основные общечеловеческие моральные нормы, которые выработаны народными массами на протяжении тысячелетий в борьбе с социальным гнетом и нравственными пороками» [1].

Буржуазные идеологи говорят, что коммунистическая мораль является отрицанием всей предшествующей морали, что марксисты отрицают всякую преемственность в развитии морали, моральный прогресс, накопление общечеловеческих моральных ценностей. Это не так. Марксизм утверждает, что в морали передовых классов, в их этических системах, выражавших в той или иной мере потребности общественного развития, интересы народных масс, имелось положительное содержание, которое не уничтожалось в последующие эпохи, а развивалось новыми передовыми общественными силами.

Народ — творец лучших моральных ценностей человечества. Он творил их в ходе упорного труда и в борьбе за свое освобождение. Честность, правдивость, простота, скромность, уважение к старшим, трудолюбие, взаимное уважение в семье — эти и другие моральные нормы вырабатывались трудящимися в течение веков. В прошлые исторические эпохи общечеловеческое содержание морали особенно ярко выступало в периоды подъема массовых народных движений за свободу, когда люди жили широкими общественными интересами и подчиняли все личное этим интересам. В такие эпохи формировались лучшие моральные качества людей — их верность общему делу, взаимопомощь, мужество, героизм, самопожертвование и т. д. В органической связи морального прогресса общества с историей народных масс, их труда, их борьбы за освобождение состоит важнейшая закономерность в развитии морали.

Реакционная буржуазия в нашу эпоху попирает даже общепризнанные элементарные нормы морали, проявляя цинизм, аморальность, жестокость. Она культивирует звериные инстинкты в людях, поднимает на щит человеконенавистничество и разбой. Это особенно характерно для идеологии и практики фашизма.

Строй социализма, развиваясь к коммунизму, напротив, все больше раскрывает свою гуманистическую природу, преодоле-

[1] «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 119.

вает пережитки эгоистических привычек и традиций, приучает людей к добровольному соблюдению простых норм нравственности, правил человеческого общежития. Соответственно коммунистическая мораль все больше раскрывает свое общечеловеческое содержание. В период развернутого строительства коммунизма роль коммунистической морали все больше возрастает. Коммунизм, строительство коммунизма предполагает воспитание человека высокой сознательности, высоких моральных качеств, все большее расширение сферы действия нравственных начал (по сравнению с административными) в регулировании взаимоотношений между людьми.

Религия, как и другие формы общественного сознания, порождена определенными условиями общественного бытия людей. Вопреки утверждениям теологов и идеалистов давно уже доказано, что идея бога не является врожденной идеей и что вообще никаких врожденных идей — ни религиозных, ни моральных, ни философских, ни иных — не существует.

Как показывают исторические исследования, религия существует не вечно. На ранних стадиях развития первобытного общества религии не было. Представления первобытных людей еще не выходили за пределы самого непосредственного отражения их отношений к природе и к членам первобытной общины. Крайне суровые условия жизни, бессилие в борьбе с природой, страх перед ее стихийными и грозными силами, от которых зависела жизнь людей, темнота, незнание действительных причин явлений породили религию — фантастические представления о сверхъестественных существах, управляющих судьбами людей, веру в богов и поклонение им.

С возникновением классового общества и его противоречий к силам природы, господствовавшим над людьми, присоединились не менее грозные социальные силы, которые причиняли людям еще большие бедствия, чем наводнения, землетрясения, эпидемические болезни и т. п. Эти социальные силы были для людей столь же таинственными и загадочными, как и господствовавшие над ними стихийные силы природы. В классовом обществе основными корнями религии стали отношения эксплуатации и социального гнета. Господствующие эксплуататорские классы используют религию, церковь в качестве духовного орудия закрепления классового гнета, эксплуатации. «Рабы, повинуйтеся господам своим» — эта религиозная заповедь именем бога внушает угнетенным покорность и смирение перед угнетателями.

История религий показывает, что представления людей о богах на различных ступенях общественного развития были различны. В родовом обществе существовала такая форма религии, как тотемизм, т. е. вера людей в свое родство с определенными животными или растениями и поклонение им. Эта ранняя форма религии фантастически выражала отношение людей к тем

животным и растениям, которые играли существенную роль в жизни и деятельности родовой общины; кровнородственные отношения внутри рода первобытный человек переносил и на окружающую природу, на животных и растения.

На более поздних стадиях родового строя, в период его разложения и образования классов, возник культ племенных богов как фантастическое отражение новых условий общественного бытия. Племенные боги не были ни едиными, ни всемогущими, их почитание ограничивалось пределами данного племени. Гомеровские боги, населявшие Олимп, как простые смертные люди, пируют, ссорятся, любят, сражаются, устраивают козни друг против друга, кичатся своими победами и т. д. Они сильны, но не всемогущи и от людей отличаются лишь бессмертием.

В процессе образования племенных союзов и ранних государств из племенных богов выделяется верховное божество с подчиненными ему другими божествами. Соответственно общественной иерархии создается иерархия богов, деление их на более могущественных и менее могущественных.

В крупных восточных деспотических монархиях вместо многих богов создается культ единого бога, на которого переносятся атрибуты других богов; бог объявляется единым и всемогущим. По словам Энгельса, «единый бог никогда не был бы осуществлен без *единого царя*... единство бога, контролирующего многочисленные явления природы, объединяющего противоположные силы природы, есть только копия единого восточного деспота, который видимо или действительно объединяет сталкивающихся в своих интересах людей» [1].

Однако и в монотеистических религиях (монотеизм — единобожие) сохраняются, как правило, черты политеизма (многобожия). В христианской религии, возникшей в I в. н. э., в эпоху упадка Римской империи, единый бог представлен в трех лицах. Наряду с ними почитаются божья мать, ангелы, апостолы, святые и т. д. Мифический образ главного христианского бога Христа со времени возникновения христианства претерпел также весьма серьезные изменения. Различные социальные классы и группы переносили на этот образ свои представления о божестве. По словам Кальтгофа, «образ Христа являет то черты греческого мыслителя, то римского цезаря, затем он приобретает черты феодального сеньора, цехового мастера, измученного крепостного крестьянина и свободного горожанина» [2].

Религия продолжает существовать и в капиталистическом обществе с его высокоразвитой техникой, ибо капиталистическое общество не устраняет, а даже усиливает социальные причины существования религии. Ленин так писал о социальных корнях религии в капиталистическом обществе: «Социальная придавленность трудящихся масс, кажущаяся полная беспомощность их перед слепыми силами капитализма, который причиняет ежедневно и ежечасно в тысячу раз больше самых ужасных страданий, самых диких мучений рядовым рабочим людям, чем всякие из ряда вон выходящие события вроде войн, землетрясений и т. д.,— вот в чем самый глубокий современный корень религии» [3].

Религия используется эксплуататорскими классами как средство духовного порабощения масс. Религия утешает угне-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXI. 1932, стр. 45.

[2] Цит. по кн.: *К. Каутский*. Происхождение христианства. Соч., т. X. М.—Л., 1930, стр. 29.

[3] *В. И. Ленин*. Соч., т. 15, стр. 374—375.

тенных, примиряет их с господством эксплуататоров, внушает смирение, послушание и покорность своим господам, пренебрежение к земным благам во имя «вечного блаженства» на небесах. Проповедуя массам отречение от земных благ, религия требует от господ лишь дешевой благотворительности, которая, по выражению одного старого социалиста, «ложками возвращает отдельным лицам то, что у масс загребает целыми лопатами».

Религия и церковь не допускают свободного размышления. Они требуют безусловного повиновения «воле бога». Первый грех, по библейскому мифу, состоял в том, что человек вкусил плодов от запрещенного древа познания, т. е. начал размышлять. Он, таким образом, нарушил волю бога. Толкователями воли бога считаются жрецы, священники, служители церкви. Повиновение воле бога, таким образом, есть повиновение церкви, в которой господствующие классы всегда видели средство защиты своих классовых интересов. Когда же угнетенные массы по-своему начинали толковать «волю бога», вкладывая в нее свои представления, господствующая церковь свирепо преследовала эти толкования, как ересь. В средние века католическая церковь учредила тайный суд (инквизицию) для борьбы против «еретиков» и предала сожжению на костре многие тысячи людей, в том числе и многих выдающихся мыслителей, а также их произведения.

Наука и религия непримиримы. Религия и церковь были и продолжают оставаться врагами научного познания, что не мешает, однако, Ватикану и другим религиозным организациям заигрывать с наукой, делать фальшивые попытки «примирить» ее открытия с религиозными догматами.

Церковь освящала рабство и крепостничество, предавала анафеме (проклятию) тех, кто стремился к уничтожению социального гнета. Она оправдывает строй капиталистического рабства. В 1931 г. тогдашний глава католической церкви папа Пий XI в своей энциклике объявил капитализм и наемный труд установлением, соответствующим воле бога. «Рабочие да примут без злобы место, которое указало им божественное провидение»,— говорилось в этой энциклике. В энциклике 1961 г. нынешний папа Иоанн XXIII также отстаивает систему капитализма, используя идейный арсенал современных буржуазных теорий «народного капитализма».

Католическая церковь — это мощная, разветвленная религиозная и политическая организация, обладающая огромными капиталами, движимым и недвижимым имуществом. Ее центр, Ватикан,— это акционерная компания, корпорация по духовному порабощению и эксплуатации многих народов. Ватикан поддерживал фашистские режимы и поддерживает всяческую реакцию, выступает вдохновителем реакционных заговоров. Через христианские, католические партии и другие организации Ватикан осуществляет свою реакционную политику. В целях усиления своего влияния на рабочих и борьбы с коммунизмом церковь выдвинула фальшивую идею так называемого «христианского социализма», широко пользуется социальной демагогией, выполняя на деле роль духовной дубинки в руках эксплуататорских классов.

Передовая философская и научная мысль с давних пор вступила в борьбу против религии. В дело освобождения сознания людей от религиозных предрассудков внесли значительный вклад философы-материалисты древности, в особенности Демокрит, Эпикур и Лукреций Кар, отвергнувшие религиозный миф о сотворении мира богом, о вмешательстве богов в жизнь природы и людей, о бессмертии души и т. д. Традиции их продолжили материалисты нового времени, в особенности Спиноза и французские материалисты XVIII в. Последние, как уже гово-

рилось выше, были решительными борцами против религии и церкви и сделали особенно много для освобождения умов от власти религиозных предрассудков. Но критика религии старыми материалистами еще не опиралась на материалистическое понимание истории. Старые материалисты видели источник религии главным образом в невежестве людей и в обмане их служителями церкви. Они не понимали того, что религия имеет глубокие объективные причины, коренящиеся в общественном бытии людей, и рассчитывали преодолеть религию путем одного лишь просвещения.

Марксизм принял знамя воинствующего атеизма старых материалистов. Вместе с тем борьбу с религией он поставил на научную почву. Он показал, что борьба против религии в классовом обществе не может быть сведена к одному просвещению. Борьба против религии должна быть прежде всего борьбой против тех социальных условий, которые порождают религию, против тех социальных сил, которые ее поддерживают ради упрочения своего господства, ради угнетения масс.

Хотя условия капиталистического общества способствуют консервированию религиозных предрассудков (ибо сохраняются социальные корни религии), хотя господствующий класс поддерживает и культивирует эти предрассудки, все же в настоящее время и в капиталистических странах религии нанесены мощные удары борьбой рабочего класса и успехами в развитии науки. Научно-атеистическая пропаганда, которую ведут передовые философы и ученые, способствует освобождению сознания трудящихся от религиозных предрассудков.

В СССР, где социализм уже победил, где нет эксплуататорских классов и нищеты масс, социальные корни религии подорваны. Большинство трудящихся освободилось от религиозных предрассудков. Но все же в сознании многих людей эти предрассудки продолжают существовать. Они существуют по укоренившейся привычке, как пережитки, оставшиеся от старого общества, а также в силу влияния религиозных организаций, имеющих за собой многовековую давность. Преодолению этих пережитков препятствует недостаток знаний о закономерностях развития природы и общества, о причинах тех или иных природных и социальных явлений.

В СССР существует полная свобода совести: свобода отправления религиозного культа и свобода научно-атеистической пропаганды. Поскольку социальные корни религии подорваны, основной формой борьбы с религией при социализме является борьба идеологическая, т. е. научно-атеистическая пропаганда, распространение научного мировоззрения и разъяснение вреда религиозных пережитков. «Необходимо... терпеливо разъяснять несостоятельность религиозных верований, возникших в прошлом на почве придавленности людей стихийными силами природы

и социальным гнетом, из-за незнания истинных причин природных и общественных явлений. При этом следует опираться на достижения современной науки, которая все полнее раскрывает картину мира, увеличивает власть человека над природой и не оставляет места для фантастических вымыслов религии о сверхъестественных силах»[1]. Конечно, научно-атеистическая пропаганда должна быть тесно связана с практикой строительства коммунистического общества.

Рост и укрепление социализма, повышение материального и культурного уровня жизни трудящихся, систематическая и умелая, без всякого оскорбления чувств верующих научно-атеистическая пропаганда постепенно, шаг за шагом приведут к полному преодолению религиозных предрассудков.

Рассмотрев различные формы общественного сознания, мы видим, что эти формы вызваны к жизни определенными общественными условиями и различаются в зависимости от того, какой именно общественной потребности они служат, а также в зависимости от того, какую область или сторону общественного бытия они отражают (сквозь призму определенных интересов и т. д.), каков способ этого отражения и каков способ воздействия на общественную жизнь, на сознание людей.

В различные исторические эпохи на первый план выдвигались различные идеологические формы. В феодальном обществе господствовала религия, подчиняя себе философию, юриспруденцию, мораль, естествознание и т. д. В этом обществе экономические и все другие общественные установления преподносились господствующим классом как созданные богом, вечные и неизменные.

В капиталистическом обществе на первый план выдвинулась политическая и правовая идеология. Все общественные отношения рассматриваются господствующей буржуазной идеологией как созданные государством и основанные на «человеческом», или «естественном», праве. Развитие товарообмена и кредита в условиях конкуренции требует сложных договорных взаимоотношений и, следовательно, детальной разработки правовых норм. Поскольку эта разработка осуществляется по инициативе и под воздействием государства, создается представление, что правовые нормы обязаны своим возникновением не экономическим отношениям, а государству, его учреждениям. Превращение государства и права в самодовлеющие сущности является одним из проявлений свойственного буржуазному мировоззрению фетишизма.

В социалистическом обществе ведущей формой общественного сознания является наука: марксистско-ленинское научное мировоззрение, конкретные, специальные науки о природе и об-

[1] «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 122.

ществе. Применение науки становится решающим фактором могучего роста производительных сил общества. Поэтому Программа КПСС определяет направление теоретических исследований в области важнейших наук, прежде всего математики, физики, химии, биологии. Программа подчеркивает, что общественные науки составляют научную основу руководства развитием общества. Вся общественно-политическая и хозяйственная жизнь социалистического общества основана на познании и сознательном использовании законов природы и общества. На научных основах строится политика Коммунистической партии, которая играет направляющую роль по отношению ко всем формам идеологии. Рядом с наукой такие формы общественного сознания, как искусство и мораль, играют и будут играть огромную и все возрастающую роль в жизни социалистического общества, в коммунистическом воспитании людей.

3. Общественная психология и идеология. Общественное и индивидуальное сознание

До сих пор мы говорили преимущественно об общественной идеологии и ее формах. Но в понятие общественного сознания наряду с идеологией, выступающей в различных формах, входит, как сказано выше, также общественная психология людей данного общества или данного класса, особенности психического склада данной нации и т. д.

Общественная психология есть совокупность чувств, настроений, переживаний, привычек, мыслей, иллюзий и т. д., вырабатывающихся стихийно, вырастающих у людей непосредственно под влиянием повседневных условий их существования. Материальные и политические условия существования в данном случае еще не осмыслены как условия существования данного общества или класса, мысли о них еще не выражены в сколько-нибудь обобщенном виде. Эти чувства выражаются в классовых симпатиях и антипатиях, в ненависти к одним социальным группам, доверии к другим и т. д. Социальные чувства и мысли людей, рожденные условиями существования данного класса, не могут не носить классового характера. Мы различаем, например, пролетарскую психологию и буржуазную психологию, говорим о наличии у того или иного класса своего классового чутья, классового «инстинкта» (который, конечно, нельзя отождествлять с естественными инстинктами) и т. д.

От психологии классов надо отличать *национальные* особенности психики, характерные для людей данной нации. Это особенности склада характера, вкуса, эмоциональности и т. д., сложившиеся под влиянием ряда общих условий исторического развития данной нации. Они отличаются очень большой устой-

чивостью[1] и накладывают свой отпечаток, национальный колорит на всю область общественного сознания, на культуру данной нации. Так, говоря о различии между французским материализмом XVIII в. и английским материализмом XVII в., Маркс писал: «Различие *французского* и *английского* материализма соответствует различию между этими нациями. Французы наделили английский материализм остроумием, плотью и кровью, красноречием. Они придали ему недостававшие еще темперамент и грацию»[2]. На современной философии «инструментализма» (разновидности субъективного идеализма — прагматизма) нетрудно обнаружить не только печать ее буржуазного происхождения, но и некоторые специфически американские черты. Особенно ярко психические черты нации, национальное своеобразие быта и нравов ее отдельных слоев проявляются в искусстве, которое всегда выражает также особенности художественного восприятия действительности, исторически выработавшиеся эстетические вкусы и т. д. Особенности, накладывающие печать национального своеобразия на произведения искусства, относятся главным образом к *национальной форме,* в которой выступает идеология и вообще культура, а не к идейному содержанию. Последнее в классовом обществе является классовым.

Классовая психология (т. е. чувства, мысли и настроения класса, рожденные стихийно, в силу условий его существования) находит свое выражение в общественных теориях, создаваемых идеологами класса. В теоретических построениях идеологов мелкобуржуазных партий отражаются противоречивая природа мелкой буржуазии, ее индивидуалистическая психология, ее колебания между буржуазией и пролетариатом.

Огромное влияние на идеологию, на все ее формы оказывают преобладающие в данном классе социальные настроения, имеющие более или менее устойчивый характер. Для восходящих классов характерны настроения бодрости, оптимизма, веры в будущее. Для классов, уходящих с исторической сцены, наоборот, характерны настроения пессимизма, отчаяния, бегства от жизни и т. д. Нетрудно видеть отражение этих настроений, например, в области искусства. В эпохи подъема общественных движений в произведениях искусства страстно звучат гражданские мотивы, выражающие бодрые настроения и мысли масс, борющихся за свое освобождение. В эпоху упадка определенного общественного строя искусство господствующего эксплуататорского класса окрашивается в пессимистические тона, сосредоточивает свое внимание на узко личных переживаниях, проникается

---

[1] Это не значит, что они не изменяются. Крупные изменения в исторических условиях жизни наций, в их быте и т. д. производят изменения и в национальной психике, в национальном характере.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 2. 1955, стр. 144.

эротическими мотивами, отдает обильную дань формалистическим увлечениям. Примерно так же обстоит дело и в области философии. Философские системы, созданные идеологами восходящей буржуазии, проникнуты оптимизмом, бодростью, жизнерадостным свободомыслием, тогда как у идеологов реакционной буржуазии (Ницше, Шопенгауэр, Шпенглер, Кроче, Тойнби, Сантаяна) ясно выражены, напротив, настроения упадка, пессимизма, ненависти к передовым силам общества.

Все сказанное означает, что для понимания идеологии определенного класса в тот или иной исторический период недостаточно знать экономические отношения. Необходимо знать также *общественную психологию* данного класса, преобладающие в нем настроения. По словам Плеханова, без понимания общественной психологии «нельзя сделать ни шагу в истории литературы, искусства, философии и проч.»[1].

Общественная идеология класса возникает не как обобщение психологии класса, не как простое систематизирование того, что бродит в головах членов этого класса. Идеология предполагает осмысливание реальных общественных отношений, социальных процессов, борьбы классов. Идеология того или иного класса, возникая как отражение определенных общественных отношений, опирается на предшествующее развитие данной идеологической области, на предшествующий идеологический материал, который видоизменяется в соответствии с экономическим положением и интересами данного класса, в связи с состоянием борьбы классов.

Значит ли это, что между идеологией пролетариата и его психологией нет связи. Нет, не значит. Научная идеология пролетариата ясно выражает то, что смутно и неясно чувствует пролетариат, то, к чему он тянется и влечется стихийно. *Условием* возникновения идеологии пролетариата было развитие стихийного движения рабочего класса, его выступление со своими требованиями, в которых уже имелись проблески классового сознания. До тех пор, пока это лишь проблески, предчувствия, а не ясное знание, не глубокое понимание целей движения, до тех пор, пока это по преимуществу *психология,* рабочий класс идейно еще находится в значительной мере в плену буржуазной идеологии. История показывает, что рабочий класс во всех странах, пока он не имел своей идеологии, разработанной Марксом, Энгельсом, Лениным, своей партии, вносящей социалистическую идеологию в его ряды, находился под идейно-политическим влиянием буржуазии. С появлением марксистской партии, с распространением научного социализма рабочий класс все больше осознает свои классовые интересы и освобождается из-под

---

[1] *Г. В. Плеханов.* Избранные философские произведения, т. II, 1956, стр. 248.

власти буржуазных идей; психология рабочих, особенно их передовой части, под влиянием социалистической идеологии приобретает черты большей зрелости и осознанности. Стихийное, «инстинктивное» влечение рабочих к социализму поднимается на уровень социалистической сознательности. Но, разумеется, необходима революционная борьба, необходимо коренное изменение условий жизни рабочего класса, чтобы целиком освободить его от буржуазного влияния. Только после свержения власти капитала, только на основе социалистической диктатуры рабочего класса может быть решена задача полного и окончательного освобождения психологии рабочих от старых привычек и традиций.

Это тем более относится к непролетарским слоям трудящихся, наиболее зараженным предрассудками буржуазного общества. По отношению к непролетарским слоям рабочий класс и его коммунистическая партия выступают в роли организатора и воспитателя. Лишь после социалистической революции может быть в полной мере «осуществимо просвещение, воспитание, организация самых широких трудящихся и эксплуатируемых масс вокруг пролетариата, под его влиянием и руководством, избавление их от эгоизма, раздробленности, пороков, слабости, порождаемых частной собственностью, превращение их в свободный союз свободных работников» [1].

Марксистская партия, руководя борьбой рабочего класса и широчайших масс трудящихся, не может не учитывать разницу в психологии разных классов и социальных групп, а также изменения в психологии, происходящие под влиянием изменений в общественном бытии, под влиянием крупных исторических событий. Ленин не раз отмечал различие в психологии рабочих и мелких хозяйчиков, говорил о влиянии мелкобуржуазной психологии на рабочих и указывал на большую опасность этого влияния. Мелкие товаропроизводители, писал Ленин в 1920 г., «окружают пролетариат со всех сторон мелкобуржуазной стихией, пропитывают его ею, развращают его ею, вызывают постоянно внутри пролетариата рецидивы мелкобуржуазной бесхарактерности, раздробленности, индивидуализма, переходов от увлечения к унынию» [2].

Даже после того, как решена задача преобразования крестьянского хозяйства в социалистическое, остатки мелкобуржуазной психологии в силу отставания сознания людей от их бытия продолжают существовать. «*В артели не завершается, а лишь начинается дело* создания новой общественной дисциплины, дело обучения крестьян социалистическому строительству,— предупреждал XVI съезд ВКП(б).— В колхозах крестьяне оконча-

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 31, стр. 163.
[2] Там же, стр. 27.

тельно изживают мелкособственническую психологию, жажду частнохозяйственного накопления, унаследованную от поколений мелких частных собственников, лишь в результате годов упорной работы над подведением под колхозы базы крупного механизированного хозяйства, упорной работы над созданием кадров из среды колхозников и культурного подъема всей колхозной массы». Колхозы стали настоящей школой социалистического воспитания, в которой претерпели глубокие изменения взгляды и психология многомиллионных масс крестьянства, и являются ныне для крестьянства, как отмечает Программа КПСС, школой коммунизма.

Общественный строй социализма создает новую, социалистическую психологию людей, органически и неразрывно связанную с идеологией. Это единство социалистической психологии и идеологии ярко выступает, например, в области морали. Нравственные принципы строителей коммунизма (коллективизм, добросовестное отношение к труду, гуманизм и др.) являются выражением формирующейся новой психологии людей, их новых чувств, переживаний и взглядов и сами, в свою очередь, служат средством формирования новой общественной психологии, превращаются в черты характера миллионов людей.

В сложном процессе переделки психологии масс, целых классов сказываются, поскольку речь идет об отдельных людях, принадлежащих к этим классам, и особенности их индивидуального сознания. В каком же соотношении друг с другом находятся *общественное* и *индивидуальное* сознание?

Ясно, что неправильно отрывать индивидуальное сознание (сознание личности) от общественного сознания, как это делают буржуазные социологи. Общественное сознание существует не вне отдельных индивидов, а в их головах. Индивидуальное сознание есть сознание индивида, живущего в обществе и связанного с определенным классом, и потому по своей сущности, идейному содержанию оно является выражением общественного, классового сознания.

Внутри каждого класса существуют различные слои, каждый из них наряду с общими имеет и свои, особые черты сознания, которые было бы неправильно сводить к «индивидуальному» сознанию. Но это не значит, что у людей того или иного класса или определенной социальной группы нет индивидуальных особенностей сознания, вытекающих из конкретных условий жизни каждого человека: особенностей воспитания, разнообразных политических и идеологических влияний, которые данный человек получает на протяжении своей жизни в общении с другими людьми, при чтении книг и т. д. Известно, что люди одного класса в частностях, в подробностях неодинаково переживают социальную действительность, по-разному реагируют на исторические события. Как нельзя выводить индивидуальное сознание

только из условий жизни данного лица (игнорируя главное — общественное бытие класса, борьбу классов и т. д.), так невозможно игнорировать и особенности индивидуального сознания, хотя они и не имеют решающего значения. Иначе нельзя объяснить многое, например, в образе мыслей и поступках тех или иных лиц, в особенности когда последние вступают в конфликт со своим классом.

Горький в образе Фомы Гордеева показал человека, которому стало «тесно» в рамках своего класса и который бросил в лицо купечеству слова правды о той страшной жизни, которой оно живет. О том, как он пришел к этому протесту, Фома мог сказать немногое: «Жил я... Смотрел... Нарвало у меня в сердце. И вот — прорвался нарыв...» Конечно, решающее значение имело здесь влияние общественного бытия, общественных противоречий. Но как они отразились в сознании Фомы Гордеева, почему именно он отважился на протест — это связано с особенностями его жизни и сознания, раскрытыми в романе Горького.

В период обострения социальных противоречий некоторая часть членов господствующего класса, лучшая часть его интеллигенции отрекается от него и переходит на позиции революционного класса. Это явление имеет свои социальные причины, оно отражает приближающуюся гибель старого строя. Однако непосредственные причины такого перехода у отдельных лиц могут быть весьма различными и связаны именно с индивидуальными особенностями их жизни, их сознания.

Марксистская партия не может не учитывать в своем отношении к интеллигенции в капиталистическом обществе этих особенностей. Разнообразны пути, которыми отдельные ученые, инженеры, деятели искусства и т. д. приходят к социализму. Некоторые из них приходят к социализму через прямое участие в борьбе рабочего класса; другие идут к нему через данные своей науки, осмысливание которых требует правильного, марксистского мировоззрения; третьи, выражаясь словами Маяковского, бросаются в коммунизм «с небес поэзии», ибо коммунизм дает выход их гуманистическим чувствам; иные в раннем детстве столкнулись лицом к лицу с проявлениями социальной несправедливости и т. д. Учитывая различные условия, приводящие представителей буржуазной интеллигенции к сближению с социалистическим движением рабочего класса, марксистские партии привлекают их под свое знамя, к великому делу борьбы за коммунизм.

В борьбе с пережитками капитализма в сознании людей в социалистическом обществе также необходимо учитывать особенности индивидуального сознания тех или иных лиц. Существование этих пережитков, их живучесть объясняются рядом причин, о которых речь будет идти дальше. Но почему тот или иной пережиток встречается именно у этих, а не у других лиц той же общественной группы, прослойки, профессии и т. д., можно объяс-

нить, лишь учитывая и индивидуальные особенности их жизни и сознания. Поэтому необходима дифференцированная работа по коммунистическому воспитанию трудящихся не только применительно к особенностям отдельных групп, но и к особенностям отдельных лиц, особенностям их индивидуального сознания и поведения.

В теоретической работе в области общественных наук и в политической деятельности также нельзя не считаться с индивидуальными особенностями сознания. Если от них можно отвлечься в социологических обобщениях (при характеристике идеологии классов и т. д.), то в исторической науке при выяснении роли тех или иных исторических деятелей нельзя не учитывать индивидуальных особенностей характера этих деятелей, поскольку эти особенности накладывают отпечаток на ход исторических событий. С этими особенностями необходимо считаться также при подборе и расстановке кадров для практической деятельности.

4. Относительная самостоятельность развития общественных идей

Из того, что общественное сознание определяется общественным бытием, вовсе не вытекает, будто оно не имеет никакой самостоятельности в своем развитии. Нет, дело обстоит не так. История развития общественного сознания, его идеологических форм, возникших на основе общественного разделения труда, показывает, что в рамках общей зависимости сознания от бытия общественное сознание имеет известную относительную самостоятельность.

Сознание есть отражение бытия и изменяется вслед за изменением общественного бытия. Но это изменение не происходит мгновенно. Опыт показывает, что *сознание многих членов общества может какое-то время не соответствовать изменившемуся бытию.* Старые общественные идеи и теории, представления и чувства обладают большой живучестью и сохраняются значительное время после того, как породившие их материальные условия коренным образом изменились. Кроме силы привычки живучесть старых идей объясняется и заинтересованностью определенных общественных слоев в их сохранении.

Но сознание может не только отставать от общественного бытия. Оно может и опережать практическую деятельность людей, т. е. *отражать необходимость изменения общественного бытия, и тем самым содействовать этому изменению.* Это становится возможным тогда, когда выдающиеся деятели науки, искусства открывают еще скрытые за поверхностью явлений тенденции, видят направление общественного развития или по крайней мере более или менее ясно осознают потребности своего времени. Тогда они получают возможность ставить перед обще-

ством, перед передовым классом назревшие вопросы общественной жизни, предвосхищать или предвидеть будущее. В общественных теориях выдающихся идеологов буржуазии (например, в «Общественном договоре» Руссо) в идеализированной форме, как говорил Маркс, предвосхищалось буржуазное общество. Картины будущего социалистического общества, созданные великими утопистами XIX в., возникли «из первого исполненного предчувствия порыва пролетариата к всеобщему преобразованию общества». Марксизм, открыв законы развития общества, сделал возможным научное предвидение в общественных науках.

Относительная самостоятельность развития общественных идей состоит, далее, в том, что общественные идеи каждой новой исторической эпохи имеют *преемственную связь* с идеями прошлых эпох. Образованные представители определенного класса, разрабатывая его идеологию, не начинают с «пустого места», а опираются на идейный материал, созданный их предшественниками, причем отбрасывают одни идеи, усваивают и перерабатывают другие.

В силу этой исторической преемственности невозможно объяснить все содержание идеологии данной эпохи только на основе данных экономических отношений. На формирование христианской религии оказали влияние не только социально-экономические отношения рабовладельческой Римской империи, но и другие религии, в частности религиозные мифы восточных народов о страдающих, умирающих и воскресающих богах: египетском боге Осирисе, персидском боге Митре, мифы буддийской религии, а также философские учения неоплатонизма и стоицизма. В современной христианской религии сохраняется содержание, унаследованное от первобытных времен. Было бы бессмысленным искать экономическое обоснование религиозных мифов о рождении Христа, о его чудесах, о его воскресении в условиях современного общества. Эти мифы переходили по традиции от одной эпохи к другой.

В каждой форме идеологии преемственная связь имеет свои особенности. В религии, которая является самой консервативной идеологической формой, преемственность выражается в виде воспроизведения традиционных, окаменевших догматов, мифов и обрядов (с приспособлением к новым условиям); в философии и науке — в сознательном использовании или более или менее радикальной критической переработке и дальнейшем развитии рационального содержания идейного наследия предшествующих эпох.

Отношение к старому наследию в различные исторические эпохи со стороны идеологов различных классов не одинаково. Что именно отбрасывается и что воспринимается из накопленного идейного материала, это зависит от исторической ступени развития данного общества, от экономического положения и ин-

тересов данного класса. Этим определяются и направление, в котором происходит изменение полученного в наследство идейного материала, и глубина этого изменения. Научный социализм Маркса и Энгельса возник как качественно новая ступень развития философской и общественной мысли на основе критического усвоения, преодоления недостатков и коренной переработки великих философских, исторических, экономических и социалистических учений начала XIX в.

Имея в виду преемственность в развитии идей, марксистская партия учит бережно относиться к идейному наследию прошлого, учит *критически усваивать и развивать ценные достижения старой культуры, ее лучшие традиции,* отбрасывая все отжившее и реакционное.

В искусстве различных эпох имеются преемственность развития и непреходящие ценности, которые сохраняют познавательное значение и способны в течение веков оказывать большое идейно-эстетическое влияние на людей, служить передовым общественным силам нашего времени в их борьбе за светлое будущее. Искусство социалистического реализма, основанное на принципах народности и партийности, сочетает смелое новаторство в художественном изображении жизни с использованием и развитием всех прогрессивных традиций искусства прошлых исторических эпох.

Передовая мораль современного человечества — коммунистическая мораль также, как мы видели, усваивает и развивает то положительное содержание, которое имелось в морали прошлых эпох.

Все это значит, что в передовых философских и общественных теориях, в искусстве и морали прошлого, служивших определенным классам и носивших печать классового происхождения, имелось общечеловеческое содержание, поскольку эти классы были в свое время прогрессивными и выражали в той или иной мере интересы народных масс.

В социалистической идеологии пролетариата ее *классовое* содержание по своей сущности является в то же время *общечеловеческим,* ибо в лице пролетариата впервые в истории выступает класс, последовательно и до конца революционный, свободный от классовой ограниченности, историческая миссия которого состоит в создании самого справедливого общественного строя.

Преемственность в развитии общественных идей дает возможность понять идейное влияние одних стран на другие, в том числе и стран экономически отсталых на более развитые. Энгельс отмечал, что экономически отсталая в XVIII в. Франция могла играть в философии «первую скрипку», например, по отношению к Англии. Экономически отсталая Германия в конце XVIII и в XIX в. занимала в области философии ведущее место по отно-

шению к Франции и Англии. В XX в. ведущую роль в философии, в дальнейшем развитии марксистской теории заняла Россия, как родина ленинизма.

Для того чтобы идейное влияние одной страны на другую было плодотворным, необходимо, чтобы в этой последней была социально-экономическая почва, на которой могли бы взрасти семена идей, принесенных извне. Франция XVIII в. могла усваивать идеи передовой английской философии XVII в. и двигать их дальше, ибо этого требовали интересы борьбы с феодальным строем и его идеологией. Марксизм стал распространяться в России не раньше, чем в ней сложился пролетариат. В конце XIX в. капитализм в России стал особенно бурно развиваться, и в силу ряда исторических условий центр международного рабочего движения стал перемещаться в Россию. Вследствие этого марксизм в России получил особенно быстрое распространение и новое развитие.

Однако марксизм не просто был перенесен с Запада в Россию, как только в ней созрели для этого необходимые условия. Идейное развитие в самой России подготовляло почву для распространения марксизма. Ленин отметил, что в течение полувека, примерно с 40-х до 90-х годов XIX столетия, передовая мысль России в условиях невиданно дикого гнета царизма жадно искала правильную революционную теорию, тщательно изучая передовую революционную мысль других стран. «Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы. Благодаря вынужденной царизмом эмиграции, революционная Россия обладала во второй половине XIX века таким богатством интернациональных связей, такой превосходной осведомленностью насчет всемирных форм и теорий революционного движения, как ни одна страна в мире»[1].

Свое дальнейшее развитие идеи марксизма получили в ленинизме, который является марксизмом новой эпохи. Марксистско-ленинские идеи стали путеводной звездой для рабочего класса и трудящихся всех стран мира в их борьбе за социализм.

Относительная самостоятельность развития идеологии выражается, далее, в том, что формы идеологии *находятся во взаимодействии как между собой, так и с политической и юридической надстройкой.* Все формы идеологии испытывают на себе серьезное *влияние политической борьбы классов* (которая сама обусловлена экономическим развитием) и сами в свою очередь оказывают влияние на политическую и юридическую надстройку.

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 31, стр. 9.

Ленин писал, что борьба партий в философии «в последнем счете выражает тенденции и идеологию враждебных классов современного общества». Духом партийности, классовым, политическим содержанием проникнуты и другие формы общественного сознания в классовом обществе.

Каждая форма общественного сознания оказывает то или иное влияние на другие формы и испытывает на себе их влияние. Нельзя понять многого во французском искусстве конца XVIII—начала XIX в., не учитывая влияния на него философии просветителей. Нельзя понять философии средних веков без знания роли религии в ту эпоху. Научная, материалистическая философия нового времени формировалась в борьбе против религии и в тесной связи с ростом научных знаний, в особенности достижений естественных наук. Марксистская философия в XX в. поднялась на новый этап своего развития, опираясь на общественную практику и на достижения естественных и общественных наук. Она сама оказывает могучее влияние на все области современной науки.

Попытки вывести все элементы содержания той или иной общественной теории или произведений искусства непосредственно из экономического базиса, не учитывая посредствующих звеньев, как уже сказано в XIII главе, являются вульгаризацией исторического материализма. Таким же искажением исторического материализма является попытка вывести развитие идеологии непосредственно из материального производства, из техники, из уровня производительных сил. Если бы, например, развитие искусства точно соответствовало уровню материального производства, то искусство средних веков было бы выше античного искусства.

Но дело обстоит сложнее. Античное искусство, созданное в условиях сравнительно невысокого развития производительных сил, дало тем не менее высокохудожественные произведения (древнегреческий эпос, лирика, драма, скульптура, архитектура и др.). Почвой для расцвета древнегреческого искусства явились развитие рабовладельческой демократии и патриотический подъем в борьбе за независимость страны. На греческое искусство сильное влияние оказала мифология, в которой действительность была «бессознательно-художественным образом» переработана народной фантазией. Как говорил Маркс, «греческая мифология составляла не только арсенал греческого искусства, но и его почву».

Феодальное общество было неблагоприятно для развития искусства в силу господства церкви и религиозной идеологии с ее проповедью аскетизма, отречения от земных радостей и т. д. Это не исключало, однако, появления и в эту эпоху замечательных произведений устного народного творчества, ремесленного производства, зодчества и т. п., которые были шагом вперед в разви-

тии искусства. Упадок феодализма в Европе и рост новых экономических отношений, предполагавших освобождение личности от крепостных пут и духовной диктатуры церкви, вызвали огромный интерес к великим творениям классической древности. «...В вырытых из развалин Рима античных статуях перед изумленным Западом предстал новый мир — греческая древность; перед ее светлыми образами исчезли призраки средневековья...» — писал Энгельс.

С подъемом общественных движений, направленных против феодализма, а не непосредственно с ростом техники связаны расцвет искусства в XIV—XVI вв. в Италии, Испании, Франции, Англии, Германии и других европейских странах, появление гениальных творений Данте, Сервантеса, Рабле, Шекспира и других великих художников слова, творений, воплотивших в себе с особой полнотой национальный гений своих народов.

Точно так же блестящий расцвет литературы и искусства в России XIX в., отмеченный именами Пушкина, Глинки, Репина и других деятелей, не может быть выведен прямо из технико-экономического уровня ее развития. Он может быть понят в связи с ростом освободительного движения в России, направленного против крепостничества, с ростом национального самосознания русского народа, при учете исторической преемственности в развитии литературы и искусства, идейных влияний других стран и т. д.

Капитализм в его современной стадии, создав высокую технику, не только не создал благоприятных условий для развития искусства, а, наоборот, разлагающе действует на искусство. Капитализм превратил способности и таланты людей в «меновую стоимость», сделал искусство предметом купли-продажи и поставил его в зависимость от капитала, т. е. от вкусов и запросов буржуазной публики. Произведения великих западноевропейских писателей XIX в. Стендаля, Бальзака, Гюго, Диккенса и других могли вырасти на почве капитализма лишь как прямое или косвенное выражение протеста против обезличивающих условий капиталистического общества, его волчьей морали, его преступлений против гуманизма.

Все это говорит о невозможности выводить искусство прямо и непосредственно из уровня технического или экономического развития. Изменение всех идеологических форм определяется развитием материального производства, экономики, но оно определяется ими лишь в конечном счете. Экономика (изменение экономических отношений, потребности экономического развития общества) определяет то направление, в котором развивается общественное сознание и изменяется накопленный идейный материал. В этом состоит определяющая роль экономики по отношению к развитию идеологии.

Отсюда следует, что, как ни велико значение преемствен-

иостн, традиций и т. п. в развитии идеологии в любой ее форме, все же развитие идеологии иельзя понять, не обращаясь *в конечном счете* к экономнческому разврнтию общества, к жизни, труду народных масс, к борьбе классов за свои экономическне интересы.

Равным образом, как ин велико бывает значение ниднвидуального геиня мыслителя или художннка в разработке идеологии или в художествеином творчестве, иельзя нн одну область идеологии объявить продуктом лнчиой гениальиости. Когда некоторые современные буржуазные теоретнки в областн эстетикн утверждают, что искусство не завнснт ни от чего, кроме воли художника, что жнвопнсь ие отражает действнтельный мир, а создает его, что великий художинк замурован в своем «музее воображеиия», они повторяют старые, давио раскритикованные идеалнстические теории. Отрицая связь искусства с общественной жизиью, проповедуя безыдейиость нскусства, оии хотят, чтобы искусство отвлекало иародные массы от борьбы за их насущные интересы.

Относнтельная самостоятельность в развитии общественного сознания, общественных идей выражается особенио ярко в *обратном воздействии всех форм идеологии на экономическую основу общества, на развитие всей общественной жизни.*

5. Роль идей в общественном развитии

Средн противников марксизма распространено ошибочное утверждение, будто марксизм отрицает роль ндей в общественной жизни и сводит всю нсторню к действию одной экономики. На деле отрицаиие роли ндей свойствеино материализму вульгарному, а не диалектическому.

Вульгариый, или «экономическнй», матерналнзм действительио ограиичнвается тем, что констатирует зависнмость идей от экономических условий, причем, как мы виделн выше, н эту завнснмость понимает крайие упрощенио, выводя ндеи иепосредственно нз экономики лнбо нз техники, либо даже нз того, какое питание получают люди.

Для вульгарного материалиста достаточно констатировать, что рабочий мыслит иначе, чем буржуа, в силу разницы в материальных, экономических условиях жизни; на этом его анализ заканчнвается. С точки зрения вульгарного материализма, экономика автоматическн, из себя рождает философские и другие идеи[1]. Вульгарный материалист ие в состоянии понять, почему

[1] Так, например, последователь махиста А. Богданова — Шулятиков прямо выводил философские категории «материя» и «движение» из взаимоотношений основных классов капитализма (материя — пролетариат, движение — буржуазия). Ленин охарактеризовал эти рассуждения как «карикатуру на материализм в *истории»*.

и как возможны такие явления, когда рабочий мыслит по-буржуазному или когда отдельные люди господствующего класса идейно порывают с ним. Почему, например, Л. Н. Толстой, связанный своим происхождением и положением с дворянством, создал произведения, в которых он поднялся значительно выше интересов своего класса, отразил положение и взгляды патриархального крестьянства, его протест против гнета и эксплуатации. Ответить на подобные вопросы нельзя, не обращаясь к сложной картине социальной борьбы, в частности идейной борьбы в соответствующий период, не признавая активной роли идей в общественной жизни, их влияния на отдельных лиц и на различные слои населения.

Будучи не в состоянии ответить на подобные вопросы, вульгарные материалисты открывают широкие возможности идеалистам спекулировать на «вечных идеях», «не зависимых» от жизни и «определяющих» действия людей всех классов. Идеализм в объяснении общественных явлений берет реванш там, где материализм становится на путь одностороннего, упрощенного, примитивного анализа общественных явлений.

А практический вред вульгарного материализма состоит в том, что он обрекает людей на пассивность. Раз экономические законы все делают сами, автоматически, а люди и их сознание не играют никакой роли, то незачем и познавать экономические законы, поднимать сознательность масс и т. д. Если, например, социализм с необходимостью должен прийти на смену капитализму, то, по взглядам вульгарных материалистов (и по представлениям о марксизме, характерным для буржуазных критиков марксизма, знакомых с марксизмом понаслышке), бесполезно развивать социалистическое сознание рабочих, пытаться идеологической борьбой влиять на объективный процесс развития общества к социализму. Если экономические законы капитализма порождают войны, то, с точки зрения вульгарного материализма, война неотвратима и бесполезно против нее бороться. Короче говоря, с этой вульгарной, чуждой марксизму точки зрения, человечество бессильно перед неотвратимым, фатальным ходом истории, не может влиять на него. Оно может лишь созерцать этот ход.

Коренной теоретический порок вульгарного материализма в общественных науках состоит в непонимании диалектики исторического процесса. Вульгарные материалисты не понимают, во-первых, что историческая необходимость, объективные законы действуют в обществе не сами по себе, а лишь через деятельность людей. Законы общественного развития, как уже отмечалось выше,— это законы деятельности людей. Познавая законы общественного развития, конкретные условия их действия (соотношение классовых сил и др.), люди, передовые общественные силы приобретают могучее оружие для сознательного пре-

образования действительности в соответствии с назревшими потребностями развития общества. Они могут ускорить преобразование старого общества в новое, могут сплотить массы трудящихся для борьбы за мир, против империалистической войны и не допустить ее и т. д. Во-вторых, вульгарные материалисты рассматривают экономический базис общества и его надстройку с позиций метафизически, механически понятой причинности: причина и следствие рассматриваются ими как два неизменных противостоящих полюса, и упускается из виду диалектическое *взаимодействие* между ними. «Эти господа,— писал Энгельс о подобного рода вульгаризаторах,— часто намеренно забывают о том, что, как только историческое явление вызвано к жизни другими, в конечном итоге экономическими причинами, так оно тоже воздействует на окружающую среду и даже может оказывать обратное действие на породившие его причины»[1].

Исторический материализм учит, что общественные идеи, порожденные экономическим развитием, также могут оказывать серьезное воздействие на экономическое развитие, на политическую борьбу, на всю общественную жизнь. «Политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художественное и т. д. развитие,— писал Энгельс,— основано на экономическом развитии. Но все они также оказывают влияние друг на друга и на экономическую основу»[2].

Активная роль общественных идей возможна именно потому, что сами идеи имеют корни в материальной действительности. Идеализм, отрывая идеи от действительности, делает их роль мистической, не поддающейся пониманию. Как могут идеи воздействовать на реальную жизнь, если они с ней не связаны и не имеют с ней ничего общего? Исторический материализм, выводя идеи из материального источника, дает возможность правильно понять их роль в том мире, из которого они произошли.

Буржуазные идеологи, утверждающие, что марксизм отрицает роль идей, сознательно клевещут на марксизм.

Как может марксизм отрицать роль идей, когда вся жизнь основоположников марксизма была посвящена выработке революционной теории и ее распространению в массах? Известно, что Ленин и другие ученики Маркса и Энгельса никогда не забывали о дальнейшей разработке марксистской теории, даже в дни наиболее острых классовых битв. В годы напряженной борьбы против империалистической войны (в 1916 г.) Ленин написал свою теоретическую работу об империализме как высшей стадии капитализма, уделял большое внимание вопросам философии, как об этом свидетельствуют его «Философские тетради». В 1917 г., в период непосредственной подготовки Октября,

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные письма, стр. 463—464.
[2] Там же, стр. 470.

Ленин написал книгу «Государство и революция», в которой получили развитие многие вопросы марксистской теории государства, в частности вопрос об отношении социалистической революции к буржуазному государству, о сущности, задачах и путях развития социалистического государства. Эти факты показывают, как высоко оценивают марксисты активную роль идей.

Марксизм учит, что общественные идеи бывают разные. Есть идеи передовые и есть идеи реакционные. И те и другие играют активную роль в общественной жизни, но эта роль глубоко различна. Передовые идеи, выражающие интересы передовых общественных классов и потребности общественного развития, служат прогрессу, помогают обществу разрешать вставшие на очередь исторические задачи. Передовые идеи, если они овладели умами миллионов людей, ускоряют общественное развитие.

Реакционные идеи служат интересам сил, стремящихся сохранить старые общественные порядки; они тормозят развитие общества. Рано или поздно противоречия между реальными потребностями жизни народа и отживающими идеями разрешаются в пользу народа, в пользу передовых идей. Но до этого реакционные идеи могут принести и приносят немало вреда народам. Поэтому нельзя рассчитывать на фатальную победу новых идей над старыми. Необходима борьба за новые идеи, за новые идеалы, за их распространение в массах.

Новые общественные идеи возникают тогда, когда экономическое развитие ставит перед обществом новые задачи. Однако сами по себе новые идеи не выводят и не могут вывести людей за пределы старого общества. Только проникнув в массы, овладев их сознанием, они становятся великой движущей силой. Теория становится материальной силой, когда она овладевает массами, учит марксизм. Угнетенные массы благодаря передовым идеям осознают свое положение, свои коренные интересы и под руководством передовых классов и их политических партий выходят на арену сознательного исторического творчества, их стихийная борьба поднимается на уровень сознательной борьбы. Революционные периоды отличаются наиболее высоким уровнем сознательной борьбы. В эти периоды роль идей проявляется с особой силой. Новые общественные идеи, став достоянием масс, организуют и сплачивают их для борьбы против отживающих сил, задерживающих общественное развитие.

Историческая роль новых идей не всегда одинакова. Она зависит: 1) от характера общественных отношений, на основе которых появляются новые идеи; 2) от исторической роли того класса, который выступает под знаменем новых идей; 3) от степени правильности, точности отражения в идеях назревших потребностей общественного развития; 4) от степени их распространения в массах и влияния на массы.

В первые века нашей эры, в период упадка рабовладельче-

ского общества, новые идеи, выступая в религиозной форме (христианство), овладели сознанием рабов и обездоленных масс Римской империи. В новой религии, пришедшей на смену древним религиям, содержался протест против рабства и насилия, против богатства и роскоши власть имущих. Но христианство, как и всякая религия, не в состоянии было указать массам путь освобождения от рабства. Оно утешало отчаявшиеся массы проповедью избавления от земных страданий в фантастическом потустороннем мире, в вымышленном царстве небесном.

Идеи просветителей XVIII в., направленные против христианских идей средневековья, сыграли революционную роль. Они стали знаменем народных масс, мобилизовали массы для свержения старого строя. Идейная критика феодального строя, его учреждений и идеологии подготовила критику этого строя силой оружия. Новые идеи нашли свое выражение не только в ученых (философских, политических, моральных и т. п.) трактатах, но и в живописи, литературе, музыке. Они действовали на умы и чувства масс, возбуждали гнев народа против сил реакции, внушали уверенность в победе.

При всем различии той роли, которую играют новые общественные идеи в различные исторические эпохи, их появление и их борьба со старыми идеями всегда были выражением глубоких социальных переворотов, назревавших или уже происходивших в обществе. «Когда древний мир клонился к гибели, древние религии были побеждены христианской религией. Когда христианские идеи в XVIII веке гибли под ударом просветительных идей, феодальное общество вело свой смертный бой с революционной в то время буржуазией»[1].

Идеология одного и того же класса может претерпевать существенные изменения в зависимости от изменения положения этого класса в обществе. Пока буржуазия вела борьбу с феодализмом, а противоречия капиталистического способа производства еще не развернулись, буржуазные идеологи были способны к относительно объективному исследованию общественных явлений. С приходом буржуазии к власти, с ростом социальных противоречий роль буржуазной идеологии изменилась. «Бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой»[2] капитализма. Эти слова Маркса, характеризующие состояние политической экономии со времени установления политического господства буржуазии, относятся и к другим областям буржуазной общественной науки. С переходом капитализма в стадию империализма буржуазная идеология

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Манифест Коммунистической партии. Госполитиздат, 1958, стр. 58.

[2] *К. Маркс.* Капитал, т. I, стр. 13.

приобретает особенно реакционный характер. Ее главной задачей становится «уничтожение» революционной идеологии пролетариата. В настоящее время идеологи империалистической реакции сделали своим знаменем антикоммунизм, содержанием которого является клевета на социалистический строй, фальсификация марксизма-ленинизма и политики коммунистических и рабочих партий. Под флагом антикоммунизма реакция преследует все передовое и революционное, стремится расколоть ряды трудящихся, парализовать их волю к борьбе за мир, демократию и социализм. Неизбежным порождением монополистического капитала является идеология фашизма — идеология крайнего шовинизма и расизма, рассчитанная на разжигание националистических конфликтов, травлю целых национальностей и народностей, на затемнение классового сознания рабочего класса и отвлечение его и его союзников от борьбы с империализмом. Так буржуазная идеология пришла в непримиримое противоречие с потребностями общественного развития и стала силой, тормозящей развитие общества. Она не в силах выдвинуть идеи, которые могли бы увлечь народные массы.

Если для идеологов передовой буржуазии была характерна вера в социальный прогресс и творческие силы человека, в его разум, в торжество науки над религиозными и иными предрассудками, в торжество свободы и равенства, национальной независимости и мира между народами, то современная буржуазная идеология в значительной мере утратила эти черты. В идеологическом арсенале буржуазии возрастающую роль играет клерикализм, эксплуатирующий религиозные чувства трудящихся, их суеверия и предрассудки. Идеологи реакционной буржуазии вместо равенства защищают господство «касты сильных» («высшей расы», элиты), вместо национальной независимости — колониализм и порабощение народов капиталистическими монополиями, вместо мира — войну. Веру в человеческий разум они заменили проповедью иррационализма и агностицизма, идею прогресса — идеей «стабильности», идею свободы — идеей «порядка», идею достоинства человека — идеей врожденной испорченности человека и т. д. Буржуазная философия, общественные науки, искусство, мораль, этика, проникаясь этими идеями, переживают глубокий упадок.

Развитие капитализма порождает не только реакционные идеи, выражающие интересы буржуазии, но и революционные идеи, выражающие интересы пролетариата и других прогрессивных сил, стремящихся покончить с капитализмом.

Социалистическая идеология вскрывает все противоречия капиталистического общества, доказывает его преходящий характер и неизбежность смены капиталистического общества социалистическим. Она служит пролетариату *«для того,—* подчеркивал Ленин,— *чтобы он как можно скорее и как можно легче покончил со всякой эксплуатацией»*. Неотъемлемой чертой этой идеологии, вытекающей из условий борьбы рабочего класса, является интернационализм, солидарность рабочих всех стран в борьбе за свое освобождение, сочетание национальных интересов рабочего

класса каждой страны с задачами всемирного рабочего движения, борьбой народов против колониального гнета, за национальную независимость, за демократию и мир во всем мире.

Если идеология передовых классов прошлого, несмотря на отсутствие научного материалистического понимания истории, могла оказывать огромное революционизирующее влияние на общественную жизнь, способствовала устранению старого и созданию нового общества, то тем большую силу и качественно новый характер воздействия приобретает социалистическая марксистская идеология, чуждая всяких иллюзий и утопизма, дающая трудящимся ясное понимание условий и перспектив их борьбы. Ее могучее влияние на общественную жизнь определяется: 1) научным характером социалистической идеологии, ее истинностью, правдивостью, 2) тем, что она выражает интересы самого революционного класса, который, освобождая себя, освобождает и все общество от всех форм эксплуатации. «Непреодолимая привлекательная сила, которая влечет к этой теории социалистов всех стран, в том и состоит, что она соединяет строгую и высшую научность (являясь последним словом общественной науки) с революционностью, и соединяет не случайно, не потому только, что основатель доктрины лично соединял в себе качества ученого и революционера, а соединяет в самой теории внутренне и неразрывно. В самом деле, задачей теории, целью науки — прямо ставится тут содействие классу угнетенных в его действительно происходящей экономической борьбе»[1].

Марксистско-ленинская теория является основой подлинно научного мировоззрения, не совместимого ни с какой реакцией, ни с какими предрассудками. Это мировоззрение является методом познания и преобразования действительности, научным основанием политики марксистской партии, ее стратегии и тактики, новой морали, социалистического искусства.

6. Роль марксистско-ленинской идеологии в борьбе за победу коммунизма. Коммунистическое воспитание трудящихся

В условиях социализма роль передовых идей, их воздействие на все стороны общественной жизни и деятельности людей возрастает более чем когда-либо в прошлом. Это объясняется прежде всего экономическим строем социализма, характером законов развития социалистического общества. При социализме люди впервые получают объективную возможность — и чем дальше, тем во все большей мере — созидательно, на основе науки, планомерно направлять общественное развитие.

Социализм делает отношения людей между собой и их отношения с природой прозрачными и ясными, лишенными мистиче-

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 1, стр. 308.

ского тумана. Он создает объективные условия для освобождения сознания масс от превратных, фантастических представлений о действительности, от свойственного буржуазному сознанию фетишизма. Все это в огромной степени увеличивает действенность сознания. Основоположники марксизма назвали социализм царством свободы, где люди, познав закономерность, необходимость, господствуют над ней и сознательно строят свои общественные отношения, т. е. заранее знают необходимость того или иного изменения в общественных отношениях и осуществляют это изменение, «прежде чем оно будет навязано им помимо их сознания и воли»[1].

Конечно, и при социализме сознание не может сразу и непосредственно отражать все изменения в общественном бытии, все его стороны. Как ни прозрачны и разумны производственные отношения социализма, законы их развития не лежат на поверхности явлений, и обыденное сознание, стихийно складывающееся под влиянием экономических отношений, не в состоянии открыть эти законы. Их может открыть лишь теоретическое мышление, опирающееся на практику.

Роль марксистско-ленинской теории особенно возрастает в условиях перехода к коммунизму, так как «построение коммунизма,— говорится в Программе КПСС,— дело рук народа, его энергии, его разума». Сознательная деятельность трудящихся масс направляется Коммунистической партией, которая придает всей работе по строительству коммунизма организованный, планомерный, научно обоснованный характер. Сила Коммунистической партии состоит в том, что она, руководствуясь марксистско-ленинской теорией, знанием законов развития общества, правильно улавливает назревшие потребности общественного развития, ясно формулирует задачи, стоящие перед народом. На каждом новом этапе она умеет найти то *главное звено*, ухватившись за которое можно успешно решить все задачи данного периода. Поскольку идеи, призывы, задачи, выдвигаемые партией, правильно выражают назревшие потребности общественного развития, они становятся достоянием широких народных масс и оказывают могучее влияние на развитие общества. Такое могучее влияние на жизнь общества в наши дни оказывает Программа Коммунистической партии Советского Союза.

Для мобилизации масс на выполнение тех или иных практических задач недостаточно, чтобы идеи правильно отражали социальную действительность и выражали коренные интересы трудящихся. Необходимо, чтобы эти идеи были широко распространены и восприняты трудящимися и сами массы на собственном опыте убедились в правильности этих идей. Социалистический строй создает все условия для пропаганды марксизма-ленинизма

[1] *Ф. Энгельс.* Анти-Дюринг, стр. 326.

в массах. Это стало возможно потому, что все средства пропаганды находятся в руках народа.

Пропаганда марксистско-ленинской теории, идейно-воспитательная работа призваны в современный период способствовать решению важнейших вопросов коммунистического строительства: 1) созданию материально-технической базы коммунизма, 2) формированию коммунистических общественных отношений, 3) воспитанию нового человека. Высокая коммунистическая идейность, непримиримость к враждебной идеологии, неразрывная связь теории с жизнью, творческое применение теории, связь идеологической работы в массах с организацией масс на решение важнейших политических и хозяйственных задач — важнейшие черты ленинского подхода к идейно-воспитательной работе.

Партия подчеркивает громадное значение работы по коммунистическому воспитанию трудящихся, борьбы с буржуазной идеологией и ее пережитками в сознании трудящихся. Коммунистическая партия считает главным в идеологической работе на современном этапе «воспитание всех трудящихся в духе высокой идейности и преданности коммунизму, коммунистического отношения к труду и общественному хозяйству, полное преодоление пережитков буржуазных взглядов и нравов, всестороннее, гармоническое развитие личности, создание подлинного богатства духовной культуры. Особое значение партия придает воспитанию подрастающего поколения»[1].

Опыт нашей страны и других стран социализма показывает, что социалистическое общество открывает громадные возможности для воспитания новых людей, для формирования у них благородных качеств преданности общему делу, трудолюбия, коллективизма и сотрудничества. Можно сказать, что вся совокупность объективных условий способствует формированию в людях социалистического общества новой психологии, новых взглядов, новых норм поведения. Все изменения в материальной жизни общества, которые осуществляет социалистический строй, развиваясь к коммунизму, имеют в виду человека, его благо.

Однако из того, что новые люди воспитываются всем укладом нашей жизни в ходе борьбы за коммунизм, не следует, что идеологическая, идейно-воспитательная работа теряет свое значение. Как мы уже говорили, социалистическая идеология не возникает стихийно из экономических отношений. Ни труд производителей материальных благ, ни практическая общественная деятельность сами по себе не создают идейных основ нашего мировоззрения. Наша идеологическая работа, опираясь на объективные условия, благоприятствующие формированию новых людей, должна воспитывать их в духе научных основ мар-

[1] «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 117.

ксистско-ленинского мировоззрения, нашей политической идеологии, нашей морали.

Идейно-воспитательная работа в свою очередь оказывает активное влияние на изменение условий общественной жизни. Чем успешнее будет наша работа по воспитанию новых людей, чем больше будет расти творческая активность и инициатива строителей коммунизма, тем быстрее пойдет работа по созданию материально-технической базы коммунизма, тем сильнее будут утверждаться в жизни коммунистические формы труда и новые коммунистические отношения между людьми. Отсюда следует, что одним из важнейших показателей эффективности нашей воспитательной работы являются производственные успехи, рост трудовой активности масс. В. И. Ленин говорил, что коммунистическое воспитание состоит в том, чтобы «отдавать свою работу, свои силы на общее дело... Только в такой работе превращается молодой человек или девушка в настоящего коммуниста. Только в том случае, если они этой работой сумеют достигнуть практических успехов, они становятся коммунистами»[1].

Коммунистическое воспитание — это многосторонний процесс формирования человека, его взглядов и чувств, его воли и характера, его действий и поступков. Оно включает в себя прежде всего утверждение *коммунистического мировоззрения*, глубокую убежденность в идеалах коммунизма, сознательное отношение к общественному долгу, *социалистический интернационализм и патриотизм*, готовность защищать свою Родину, не щадя своей жизни. Овладение этим мировоззрением отнюдь не сводится к заучиванию выводов марксистской науки. Ленин говорил, что «без работы, без борьбы книжное знание коммунизма... ничего не стоит» и что нельзя усвоить марксистскую, коммунистическую науку, «не усвоив себе той суммы знаний, последствием которых является сам коммунизм»[2].

Важнейшей стороной коммунистического воспитания является *трудовое воспитание*, развитие коммунистического отношения к труду, к общественному производству. Партия ставит трудовое воспитание в центр всей работы по коммунистическому воспитанию. Задача трудового воспитания состоит в том, чтобы каждого члена нашего общества, каждого молодого человека утвердить в сознании невозможности жить без труда, воспитать моральные стимулы к труду, привычку работать по способностям, высокую коммунистическую дисциплину, нетерпимость к тунеядству и безответственности. Каждый член нашего общества должен считать труд на благо общества своей священной обязанностью, уважать как умственный, так и физический труд, добровольно трудиться, показывая образцы заботы о росте про-

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 31, стр. 272.

[2] Там же, стр. 260, 261.

изводительности труда, об охране и умножении общественной собственности. «В коммунистическом обществе,— говорится в Программе КПСС,— человек не может не трудиться. Этого не позволит ни его сознание, ни общественное мнение. Труд по способности станет привычкой, первой жизненной потребностью всех членов общества».

Коммунистическое воспитание есть также *нравственное воспитание*, упрочение принципов коммунистической морали, составляющих моральный кодекс строителя коммунизма. Необходимо добиваться того, чтобы эти принципы стали внутренней потребностью всех советских людей, чтобы все люди добровольно соблюдали правила общежития.

Нравственное воспитание, как говорил В. И. Ленин, должно состоять не в том, чтобы произносить усладительные речи о нравственности. Оно должно быть связано с участием в общем труде, в общей борьбе за коммунизм. В такой борьбе человек является не пассивным объектом воспитания, а приучается сам усваивать коммунистические взгляды, вырабатывать коммунистическое поведение, приучается к солидарности и дисциплине.

В нравственном воспитании трудящихся, нашей молодежи все большее значение приобретает сила передового примера в труде, во всей общественной и личной жизни, активное использование морального веса и авторитета общественности для борьбы с нарушителями норм и правил социалистического общежития.

Коммунистическое воспитание предполагает *рост культуры, овладение основами наук, общее и политехническое образование.* Наша страна находится на завершающем этапе культурной революции, когда создаются все необходимые идеологические и культурные предпосылки коммунизма. Важнейшая задача этого этапа, как говорил Н. С. Хрущев на XXII съезде КПСС, состоит в том, чтобы поднять культурно-технический уровень всех рабочих и крестьян до уровня интеллигенции, с тем чтобы устранить в основном существенные различия между умственным и физическим трудом. Страна должна в ближайшее десятилетие осуществить общее и политехническое среднее (одиннадцатилетнее) образование для всех детей школьного возраста, соединяя обучение с производительным трудом.

В соединении обучения с производительным трудом, в политехнизации школы партия видит не только путь к прочному овладению знаниями и подготовки к общеполезному труду, но и средство воспитания молодежи в духе требований коммунистической нравственности.

Неотъемлемой стороной коммунистического воспитания является *эстетическое воспитание*, призванное содействовать развитию эстетических чувств, идей, суждений и вкусов, пробуждению и развитию художественных способностей трудящихся.

Важное место в коммунистическом воспитании молодежи занимает также *физическое воспитание* (в частности, спорт), которое наряду с укреплением здоровья способствует формированию таких качеств строителей нового мира, как воля к победе, смелость, самообладание.

Коммунистическое воспитание имеет в виду *всестороннее развитие человеческой личности, воспитание человека, в котором гармонически сочетаются духовное богатство, моральная чистота и физическое совершенство.* В таком развитии человека основоположники марксизма видели цель исторического прогресса, подлинное богатство общества. Принципом нового общества, писал Маркс, будет «полное и свободное развитие каждого индивидуума» [1].

Развернутому строительству коммунистического общества серьезно мешают пережитки капитализма в сознании людей. Их существование объясняется отставанием сознания от общественного бытия, а также влиянием капиталистического мира, который стремится поддерживать эти пережитки. Да и в самом бытии людей, в их экономических отношениях еще долгое время сохраняются некоторые следы старого общества (например, экономическое и культурное отставание деревни от города, существенные различия между физическим и умственным трудом и др.). Социализм уничтожает свойственные старому обществу антагонистические противоречия между личными и общественными интересами, но еще не в состоянии в первое время полностью уничтожить возможности проявления частнособственнических, индивидуалистических пережитков. В условиях тех или иных трудностей эти пережитки оживляются и могут получить значительное распространение. Сохранению частнособственнических пережитков может способствовать нарушение социалистического принципа оплаты по труду. Нарушения ленинской национальной политики равноправия и дружбы народов могут питать националистические пережитки. Ослабление большевистской критики снизу способствует оживлению пережитков бюрократизма и ведет к нарушению принципов социалистической демократии. Недостатки идейно-воспитательной работы также способствуют сохранению пережитков старого общества.

В борьбе с пережитками капитализма в сознании людей общественность пользуется методом убеждения, идейного влияния, стремясь предотвратить нарушения правовых и моральных норм общества. Общественные организации играют все возрастающую роль в обеспечении общественного порядка. В деятельности карательных органов государства, применяющих принуждение по отношению к преступникам, все большее значение приобретают меры предупреждения преступлений, морального

[1] *К. Маркс.* Капитал, т. I, стр. 597.

влияния на людей, которые могут соскользнуть на преступный путь. Это отнюдь не означает, что уже в настоящее время отпала необходимость в правовом принуждении, в контроле за соблюдением законов. Нет. Партия считает необходимым обеспечить совершенствование и строгое соблюдение социалистической законности, применять строгие меры наказания к лицам, совершающим опасные для общества преступления, нарушающим правила социалистического общежития, не желающим честно трудиться.

Все средства воспитательной работы — система народного образования, общественные науки, литература, искусство, кино, пропаганда, печать, радио, телевидение,— все культурные учреждения призваны в современных условиях повысить свою роль в коммунистическом воспитании трудящихся.

Воспитательная работа коммунистической партии, государства, комсомольских, профсоюзных и других общественных организаций должна быть дифференцирована применительно к отдельным слоям трудящихся и к отдельным людям. Особое значение партия придает коммунистическому воспитанию и образованию молодежи. Под руководством партии в нашей стране выросло замечательное поколение самоотверженных строителей социализма и героических защитников Родины. Но теперь дело идет о подготовке нашей молодежи к жизни в коммунистическом обществе. Партия учит формировать молодое поколение с ранних лет, беречь и закалять его, следить за тем, чтобы не было моральных калек — жертв неправильного воспитания и дурного примера, людей, зараженных настроениями аполитизма, безыдейности, скептицизма и т. д. Партия учит воспитывать в молодежи высокое чувство достоинства и чести граждан социалистического государства, членов великой армии труда, строителей коммунизма. Она учит воспитывать юношей и девушек на героических традициях революционной борьбы, на примерах самоотверженного труда рабочих, колхозников, интеллигенции, на великих идеях марксизма-ленинизма.

ГЛАВА XVII

РОЛЬ НАРОДНЫХ МАСС И ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ

Выше, в X—XVI главах, мы рассмотрели основные закономерности и движущие силы общественного развития, выяснили закономерности развития производительных сил и производственных отношений, базиса и надстройки, роль идей в развитии общества, законы классовой борьбы и революции. Есть еще одна проблема, без рассмотрения которой нельзя правильно понять исторические события и ход общественного развития. Это проблема взаимоотношения народных масс, классов, партий и вождей, вопрос о роли народных масс и личности в истории. В предшествующих главах мы уже с различных сторон подходили к этой проблеме и даже частично освещали ее. Теперь необходимо рассмотреть этот вопрос специально, в целом.

Социологи-идеалисты субъективистской и психологической школ считают, что главным двигателем истории являются выдающиеся личности, вожди, полководцы, короли. С точки зрения этих социологов, народ — это пассивная и инертная масса. Роль народа в истории, по мнению субъективистов, ничтожна и всецело зависит от роли выдающихся личностей или избранной «элиты» — аристократов мысли.

Исторический материализм считает главной силой истории народ, передовые классы, трудящиеся массы. Исторические личности могут сыграть ту или иную роль в истории, лишь опираясь на *определенные классы и слои народа,* выражая их интересы и вместе с тем потребности исторического развития общества. Проблема роли народных масс и личности в истории приобрела особо важное значение в современную эпоху, когда на арену всемирной истории выступили в качестве активной силы в борьбе за социализм и в национально-освободительном движении сотни миллионов людей.

1. Народные массы — решающая сила развития общества и творец истории

Историю творят люди, но не по произволу и как кому вздумается, а при конкретных исторических условиях и обстоятельствах, которые определяют их сознание, волю и действия. Материальной основой всего общественного развития, как было уже показано, является способ производства материальных благ, производительные силы общества. Трудящиеся массы во все эпохи были главной производительной силой общества. История общества поэтому есть прежде всего история трудящихся масс, история народов, а не история отдельных выдающихся личностей.

Но что такое народ? Народ в широком смысле слова в классовом обществе состоит из различных классов и социальных групп с разными интересами. Внутри народа есть передовые и отсталые элементы, авангард и масса, есть противоречия между различными классами, группами и слоями. В связи с изменением экономических условий изменяется и классовый состав народных масс и социальный характер самого народа. Народ не есть нечто неизменное, он живет, развивается, борется и растет, закаляется в борьбе за свободу. Народ в узком смысле слова — это прежде всего трудящиеся массы.

Основным ядром народных масс во все эпохи являются трудящиеся массы: рабы и плебеи в рабовладельческом обществе, зависимые или крепостные крестьяне и ремесленники при феодализме, рабочие и крестьяне в условиях капитализма. В антагонистических формациях трудящиеся массы противостоят господствующим эксплуататорским классам и их государству как силам враждебным. В социалистическом обществе народ составляют все слои и члены общества: рабочие, крестьяне, интеллигенция, связанные единством социалистических производственных отношений и вытекающей из них общностью коренных интересов.

Идеологи эксплуататорских классов рассматривают народные массы как нечто аморфное, безликое, неизменное и неспособное к самостоятельному историческому творчеству. Но это клевета на массы, ибо даже в условиях беспощадного угнетения и эксплуатации именно массы в конечном счете были главной движущей силой истории.

В процессе производства материальных благ трудящиеся производят и воспроизводят материальную жизнь общества, совершенствуют орудия производства, накапливают производственный опыт и тем создают *базу* для развития науки, техники, искусства. Даже в антагонистических формациях, где трудящиеся обречены на изнурительный физический подневольный труд, где наука, культура являются монополией эксплуататорских клас-

сов, усовершенствования технологии производства и орудий труда имеют одним из своих источников производственный опыт работников.

Даже в периоды медленного, эволюционного развития и в периоды политического застоя и реакции, когда массы политически спят, т. е. не участвуют сколько-нибудь заметно и активно в политической жизни, когда они дают «спокойно» эксплуатировать себя, трудовая деятельность народных масс двигает вперед развитие общества, определяет ход истории, прогресс всей цивилизации.

Движущей силой истории классовых общественных формаций является борьба классов и прежде всего борьба трудящихся масс за более прогрессивный общественный строй.

В период социальных революций народные массы поднимаются на сознательную и активную историческую деятельность, ломают сопротивление реакционных классов, стремящихся увековечить отживший общественный строй. Своей борьбой они разрешают коренные противоречия общественного развития, расчищают путь новому, более прогрессивному общественному строю, мужественно защищают его от реакционных сил. Народ — подлинный творец истории.

По мере развития общества от низших ступеней к высшим, в ходе классовой борьбы *растет сознательность и организованность народных масс,* а вместе с тем и их *роль* в развитии общества.

Рабы своей борьбой и восстаниями подорвали рабовладельческий строй, привели его к гибели и подготовили условия для перехода к феодализму. Восстания крепостных крестьян в соединении с борьбой буржуазии, которая тогда была угнетенным классом, привели к падению феодального строя. Но ни рабы, ни крепостные крестьяне не могли создать такой общественный строй, при котором трудящиеся были бы свободны от эксплуатации и угнетения. Для этого не было тогда материальных условий. Капитализм впервые создал предпосылки для перехода к такому строю — к социализму. Пролетариат является таким угнетенным, эксплуатируемым классом, который по своему положению в обществе способен стать вождем и организатором всех трудящихся в их борьбе за освобождение от всякого угнетения и эксплуатации и построить бесклассовое коммунистическое общество. Эта способность не дана от природы, а вырастает исторически, из материальных условий крупного капиталистического производства, в котором занят рабочий класс. И рабочий класс уже доказал, что он способен стать вождем всех трудящихся. Под его руководством, во главе с его революционным авангардом в лице коммунистической партии трудящиеся массы СССР и стран народной демократии покончили с гнетом помещиков и капиталистов, установили свою власть на огромной части земного шара и успешно строят социализм и коммунизм.

«Вместе с основательностью исторического действия будет, следовательно, расти и объем массы, делом которой оно является»[1],— писал Карл Маркс в «Святом семействе». Это значит, что, чем глубже революционное преобразование общества, тем более широкие массы сознательно и активно участвуют в нем. Ленин назвал это положение одним из самых глубоких историко-философских положений марксизма[2] и раскрыл и другую сторону этого закона: «Чем глубже преобразование, которое мы хотим произвести, тем больше надо поднять интерес к нему и сознательное отношение, убедить в этой необходимости новые и новые миллионы и десятки миллионов»[3].

Практика социалистической революции, как самого глубокого переворота в истории общества, наглядно показывает расширение объема масс, участвующих в революционном преобразовании, по мере углубления этих преобразований.

В буржуазных революциях главная задача трудящихся состояла в выполнении задачи разрушения старого строя. В социалистической революции угнетенные массы трудящихся во главе с пролетариатом и его партией выполняют не только задачу разрушения отжившего старого строя, но и задачу созидания нового общественного строя.

Во всех антагонистических формациях, за исключением революционных периодов истории, трудящиеся стоят как бы «вне политики», им «не до политики», ибо они придавлены материальной нуждой[4]. Полностью развертываются творческие силы народных масс только в эпоху социализма. «Социализм может быть построен только тогда,— говорил Ленин,— когда в 10 и 100 раз более широкие массы, чем прежде, станут сами строить государство и строить новую хозяйственную жизнь»[5]. Социализм и коммунизм строит под руководством рабочего класса и его марксистско-ленинских партий вся масса трудящихся, весь народ.

Социалистическая революция поднимает к активному и сознательному историческому творчеству «наинизшие низы общества» — самые широкие массы трудящихся, пробуждает угнетенные массы во всем мире и тем в огромной степени ускоряет весь ход мировой истории.

«Основная причина этого громадного ускорения мирового развития,— писал Ленин,— есть вовлечение в него новых сотен

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 2, 1955, стр. 90.

[2] См. *В. И. Ленин.* Соч., т. 2, стр. 491.

[3] *В. И. Ленин.* Соч., т. 31, стр. 467.

[4] Это не значит, однако, что народные массы вообще не участвуют в историческом движении, в борьбе классов. Речь идет здесь о том, что они отстраняются от активного участия в решающих вопросах политики, в управлении государством.

[5] *В. И. Ленин.* Соч., т. 28, стр. 380.

и сотен миллионов людей»[1]. Когда пробуждается и приходит в движение большинство угнетенного, эксплуатируемого трудящегося человечества, то остановить это движение не в силах самые могущественные империалистические державы, указывал Ленин.

Чем объясняется небывалое в истории расширение «объема масс», активно и сознательно участвующих в социалистической революции, в строительстве социализма и коммунизма? Прежде всего тем, что социализм освобождает трудящихся навсегда от всякого социального гнета и эксплуатации.

В антагонистических обществах трудящиеся, создавая материальные блага, двигали вперед развитие производительных сил, но они были эксплуатируемой, угнетенной силой. В социалистическом обществе целью производства является максимальное удовлетворение материальных и культурных потребностей всего общества, что полностью совпадает с интересами непосредственных производителей материальных благ.

По мере роста знаний, опыта, культуры масс обогащается само *содержание* исторического творчества масс. Социализм открыл возможность непрерывного роста материального благосостояния и культурного уровня масс. Это является источником неиссякаемой активности и творческой инициативы трудящихся во всех областях общественной жизни.

Социалистический строй создал возможность невиданных ранее быстрых темпов развития хозяйства и культуры. Капитализму понадобились столетия для того, чтобы победить феодальный строй в экономически наиболее развитых странах Европы и Америки. И хотя к концу XIX в. капитализм достиг высшей стадии и стал мировой системой хозяйства, он не мог преодолеть остатки феодальных и других докапиталистических способов производства в большей части Азии и Африки. А социалистическому Советскому Союзу понадобилось меньше двух десятилетий, чтобы создать первоклассную социалистическую индустрию, крупное механизированное сельское хозяйство, совершить культурную революцию. И все это в труднейшей обстановке враждебного капиталистического окружения.

При социализме народные массы впервые в истории становятся сознательными творцами общества. Социалистический строй шаг за шагом втягивает в сознательное историческое творчество все население, все слои общества. Не все слои трудящихся способны сразу в одинаковой степени участвовать в строительстве социализма. В начале переходного периода от капитализма к социализму этой способностью в наибольшей степени обладает рабочий класс. Он выступает вождем, организатором всех трудящихся, постепенно сплачивая, организуя и вовлекая в

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 33, стр. 313.

строительство социализма городскую и сельскую бедноту, ремесленников, среднее крестьянство, интеллигенцию, буржуазных специалистов и т. д.

Женщины, половина человечества, вдвойне угнетены в антагонистических формациях. Социализм раскрепощает их, делает равноправными с мужчинами и все шире втягивает во все области строительства.

Империализм подавляет народы, обрекает их не только на социальный, но и на национально-колониальный гнет. Социализм освобождает все народы от классового и национального угнетения, делает их равноправными. А это значит, что на арену истории в период социализма в качестве активных творцов истории, берущих свои судьбы в собственные руки, выходит огромное количество ранее забитых, бесправных племен и народов.

Эксплуататорское государство враждебно массам, подавляет их политическую активность и инициативу. Социалистическое государство, напротив, максимально развязывает революционную энергию, инициативу и творческие способности масс. Социалистическое государство создается самими массами рабочих и крестьян под руководством коммунистической партии. «Советская власть,— говорил Ленин,— есть путь к социализму, найденный массами трудящихся и потому — верный и потому — непобедимый» [1].

Классовое антагонистическое общество обрекает трудящиеся массы не только на экономический и политический, но и на *духовный гнет,* на неграмотность и бескультурье. Но, несмотря на это, и под гнетом эксплуататоров трудовой народ создавал не только материальные, но и великие духовные ценности. Основоположник литературы социалистического реализма А. М. Горький писал:

«Народ — не только сила, создающая все материальные ценности, он — единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных, первый по времени, красоте и гениальности творчества философ и поэт, создавший все великие поэмы, все трагедии земли и величайшую из них — историю всемирной культуры» [2]. В своих сказках, песнях, поэмах народ создал замечательные художественные образы Прометея, Геракла, Антея, Ореста и Пилада, Фархада и Ширин, Дон-Кихота, Фауста и Мефистофеля, богатырей русских былин, героев «Бхараты» и «Рамаяны», «Калевалы» и т. д. Идеи и образы многих произведений великих художников всех времен и стран почерпнуты из сокровищницы коллективного художественного творчества народа. Многие изумительные произведения искусства, хранящиеся в музеях, дворцах, храмах и особняках имущих классов, созданы руками и гением мастеров, вышедших из народа.

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 29, стр. 225.
[2] *М. Горький.* Собрание сочинений, т. 24. 1953, стр. 26.

История культуры показывает, что великие подъемы в развитии духовной культуры связаны с массовыми историческими движениями, с освободительной борьбой народов. Как отмечено в XVII главе, расцвет русской общественной мысли, литературы и искусства в XIX в. был обусловлен борьбой народных масс против царизма и крепостничества. Возникновение и развитие марксизма-ленинизма — высшего достижения всей мировой культуры — неразрывно связано с возникновением и развитием рабочего класса и его революционного движения.

Ум миллионов, говорил Ленин, создает нечто неизмеримо более великое, чем предвидение самого гениального человека, и притом во всех областях материальной и духовной жизни общества. Но в классовом обществе народы находятся под гнетом нужды, лишены благ создаваемой ими материальной и духовной культуры. Строй эксплуатации и угнетения душит, мнет и губит миллионы талантов в народе, отравляет его сознание опиумом религии и т. д. Эксплуататорские классы не только подавляют массы, но и обманывают их при помощи своей идеологии, используют их энергию, энтузиазм и патриотические чувства в своих классовых эгоистических и реакционных интересах. Все это ограничивает историческое творчество народных масс. Понятно поэтому, какой коренной перелом происходит в положении, в размахе исторического творчества и в роли народных масс при социализме и коммунизме.

В период развернутого строительства коммунизма происходит дальнейший подъем материального благосостояния и культуры всего народа, расцвет всех его физических и духовных сил, способностей и талантов, а следовательно, и рост его творческой активности и инициативы. На новую, высшую ступень поднимается творческое соревнование масс.

Опыт миллионов строителей социализма и коммунизма оказывает свое влияние на развитие всех сторон духовной жизни общества, помогает обогащать марксистско-ленинскую науку об обществе, двигать ее вперед. Опыт десятков миллионов строителей социализма в СССР дал исторические образцы, на которые могут опираться и опираются все страны, вступившие на путь социализма. В свою очередь народные массы в других социалистических странах, используя этот опыт, творчески обогащают его в соответствии с новыми историческими условиями, национальными особенностями своих стран. Конкретные формы экспроприации и подавления эксплуататоров, национализации или частичного выкупа предприятий, формы использования буржуазных специалистов и национальной буржуазии, формы обобществления производства в сельском хозяйстве, формы социалистического соревнования и участия рабочих в управлении производством — все это подсказано для теории практическим опытом масс и проверяется, отбирается этим опытом. Усовер-

шенствование социалистических форм хозяйства, социалистического государственного аппарата, культурных учреждений — все это теория черпает из практики, из жизненного опыта масс.

Успехи народных масс в социалистических странах, успехи строительства коммунизма в СССР, обогащая новым историческим опытом все народы, тем самым оказывают огромное влияние на рост революционной сознательности, организованности и исторической инициативы народных масс в других странах.

После Великой Октябрьской социалистической революции и после победы революции в Китае и в других странах народной демократии в колониях и зависимых странах наблюдается мощный подъем национально-освободительного движения против колониализма. Выросло невиданное ранее массовое движение сторонников мира, растут демократические организации рабочих, крестьян, молодежи, женщин, интеллигенции, усиливается влияние рабочего класса, марксистских рабочих партий в этих организациях. Эти демократические движения, обусловленные общим кризисом капитализма и ростом сил социализма, играют величайшую роль в судьбах современного человечества, в частности в борьбе за предотвращение новой мировой войны.

2. Роль личности в истории

Признание народных масс решающей силой исторического развития не означает отрицания или умаления роли личности в истории. Чем активнее участвуют народные массы в исторических событиях и движениях, тем острее встает вопрос о руководстве этими движениями, о роли вождей, политических партий.

Противники марксизма (от народнических социологов Лаврова и Михайловского, неокантианцев Виндельбанда, Риккерта, Штаммлера и до современных «критиков» марксизма) утверждают, что, признавая объективную закономерность в развитии общества, марксизм тем самым якобы отрицает роль личности в истории, превращает людей в марионеток исторической необходимости и якобы приходит к фатализму. Но в действительности между признанием объективной закономерности и роли личности в истории нет противоречия. Напротив, именно отрицание и незнание объективной закономерности превращает людей в марионеток, в рабов непознанной необходимости и разных случайностей. Лишь познав объективные законы истории, люди могут действовать *сознательно, свободно,* со знанием дела. Лишь зная законы развития общества, люди могут *предвидеть* ход истории.

Если люди не хотят считаться с объективными законами и обстоятельствами, то они терпят неудачи или попадают в незавидное положение Дон-Кихота, сражающегося с ветряными мельницами. Народники, например, хотели вопреки объектив-

ным законам истории остановить развитие капитализма, не допустить роста рабочего класса и распространения марксизма в России. Но ход истории, развитие капитализма, рост рабочего движения опрокинули теорию народников и привели к победе марксизма.

Марксизм не отрицает роль личности, а выясняет научно вопросы: *почему* те или иные личности действуют в данную эпоху так, а не иначе? Почему стремления людей сталкиваются между собой и что из этого получается? При каких условиях личности обеспечен успех и ее действия не потонут в море действий противоположных? Ответ на эти вопросы требует изучения, в каких общественных условиях живут и действуют данные личности, к какому классу они принадлежат, каковы объективные условия деятельности масс, классов, партий и отдельных личностей в данную эпоху.

Ход истории определяется не идеями и желаниями выдающихся личностей, а развитием способов производства материальных благ, борьбой классов, народных масс.

Объективный ход истории сильнее воли и желаний не только отдельных личностей, но и целых партий, классов, какой бы властью они ни обладали. Классы, партии и личности, пытающиеся остановить или задержать ход истории, в конце концов терпят поражение.

В чем же тогда заключается роль личности в истории? В зависимости от степени понимания условий и задач общественного движения, в котором она участвует, личность может своими действиями ускорить или замедлить движение, облегчить или затруднить достижение целей движения. Личность, стоящая во главе движения, может помочь ему избежать лишних жертв, а своими ошибками она может принести ущерб движению, привести к ненужным жертвам, к временным неудачам и поражениям или ускорить поражения, если они были исторически неизбежны.

Личность может, следовательно, сыграть как *прогрессивную, положительную,* так и *реакционную, отрицательную* роль. История знает и таких деятелей, роль которых была весьма противоречива: они сыграли прогрессивную роль в одном отношении и реакционную — в другом отношении. Наполеон, например, сыграл прогрессивную роль в истории буржуазной Франции, защищая завоевания буржуазной революции и нанося поражения феодальным монархам Европы; но его захватническая политика привела в конечном счете к поражению и национальному унижению Франции, к реставрации Бурбонов, к торжеству реакции.

Деятельность выдающихся личностей подчинена объективным законам и вместе с тем вносит элемент случайности в ход событий. Раскрывая закономерность исторического процесса, исторический материализм не отрицает роль случайностей. Случайности

имеют свои причины и являются дополнением и особой формой проявления исторической необходимости. «История имела бы очень мистический характер, если бы «случайности» не играли никакой роли,— писал Маркс.— Эти случайности входят, конечно, сами составной частью в общий ход развития, уравновешиваясь другими случайностями. Но ускорение и замедление в сильной степени зависят от этих «случайностей», среди которых фигурирует также и такой «случай», как характер людей, стоящих вначале во главе движения»[1]. Бывает, что во главе движения, когда оно еще не окрепло, оказываются люди случайные, чуждые данному движению или отражающие лишь его слабость, отсталость. В дальнейшем движение отбрасывает таких людей со своего пути, но они могут на время замедлить движение, толкнуть на ложный путь, привести к лишним жертвам. В появлении и выдвижении отдельной исторической личности есть много случайного, и она сама, ее действия открывают путь многим другим случайностям в истории.

То, что во главе буржуазно-помещичьего государства в России в 1917 г. стоял умственно ограниченный царь Николай II, а во главе буржуазного Временного правительства хвастун и самовлюбленный позер Керенский,— это исторические случайности, которые облегчили победу революции. Во главе эксплуататорских классов России могли стоять, конечно, и более умные и дальновидные деятели, которые затруднили бы победу революции. Но решают в истории не случайности и не отдельные личности, а прежде всего борьба классов, народных масс.

Характеризуя роль личности в истории, марксизм исходит из диалектико-материалистического понимания единства случайности и необходимости, их связи и взаимодействия в ходе истории. В письме к Штаркенбургу Энгельс писал: «То обстоятельство, что вот именно этот великий человек появляется в данной стране, в определенное время, конечно, есть чистая случайность. Но если мы этого человека устраним, то появляется спрос на его замену, и такой заместитель находится,— более или менее удачный, но с течением времени находится. Что Наполеон, именно этот корсиканец, был тем военным диктатором, который стал необходим Французской республике, истощенной войной,— это было случайностью. Но если бы Наполеона не было, то роль его выполнил бы другой. Это доказывается тем, что всегда, когда такой человек был нужен, он находился: Цезарь, Август, Кромвель и т. д. Если материалистическое понимание истории открыл Маркс, то Тьерри, Минье, Гизо, все английские историки до 1850 г. служат доказательством того, что к этому стремились многие, а открытие того же самого понимания Морганом пока-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные письма, стр. 264.

зывает, что время для этого созрело и это открытие *должно* было быть сделано»[1].

Одновременно с Марксом к этому открытию пришел и Энгельс. Гениальность Маркса и Энгельса и состояла прежде всего в том, что они дали ответ на те великие вопросы, которые были поставлены всем развитием человечества, человеческой мысли, науки.

Субъективные идеалисты, в частности волюнтаристы, утверждают, что если бы в данное время не появилась та или иная великая личность, то история пошла бы совсем иначе. Подобный взгляд исходит из ложного мнения, будто появление выдающихся исторических личностей не обусловлено потребностями развития общества. С точки зрения субъективных идеалистов, получается, что если бы не появился Пифагор и не открыл теоремы о сторонах прямоугольного треугольника, то человечество до сих пор не знало бы ее. Если бы не родился Колумб, то до сих пор Америка не была бы открыта европейцами. Если бы не было Ньютона, то человечество до сих пор не знало бы закона всемирного тяготения. А если бы не было Ползунова, Уатта, Стефенсона и Фултона, то до сих пор не было бы паровой машины, паровоза, парохода и человечество до сих пор передвигалось бы только на телегах и парусных судах. Выходит, что история общества и развитие науки зависят целиком от случайности рождения или смерти того или иного человека. Эти нелепые антинаучные взгляды тем не менее держатся отчасти благодаря тому «оптическому обману», который возникает перед исследователем, когда он рассматривает появление и роль великих личностей в истории абстрактно, в отрыве от конкретных исторических условий борьбы классов и народных масс, от развития производства, науки, техники и т. д.

Эту ошибку хорошо показал Плеханов на примере того же Наполеона. Выступив в роли «хорошей шпаги», т. е. военного диктатора, спасавшего буржуазную Французскую республику от ее врагов (Бурбонов, с одной стороны, революционных масс, санкюлотов,— с другой), «Наполеон тем самым устранил от этой роли всех других генералов, из которых иные может быть сыграли бы ее так же или почти так же, как и он... Благодаря этому и происходит тот оптический обман, о котором мы говорим. *Личная* сила Наполеона является нам в крайне преувеличенном виде, так как мы относим на ее счет всю ту *общественную силу*, которая выдвинула и поддерживала ее. Она кажется чем-то совершенно исключительным, потому что другие, подобные ей, силы не перешли из *возможности* в *действительность*. И когда нам говорят: а что было бы, если бы не было Наполеона, то наше *воображение* путается и нам кажется, что без него совсем не могло бы совершиться все то общественное движение, на котором основывались его сила и влияние»[2].

Когда развитием общества выдвигаются задачи в той или иной области, то они привлекают внимание многих выдающихся

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Избранные письма, стр. 470—471.

[2] *Г. В. Плеханов*. Избранные философские произведения, т. II, стр. 327.

умов и до тех пор, пока задача не будет решена. Когда это удается, их внимание направляется на другие задачи. Если бы данный талант умер, не решив своей задачи, то эту задачу выполнили бы другие.

Дилетанты полагают, что великие научные открытия делаются под влиянием случайных причин или гениального «прозрения», таинственной интуиции. На самом деле эти открытия — не только результат выдающихся способностей, дарований, но и результат упорного труда, плод больших исследований. Гениальность — это не только творческая одаренность, но и огромное трудолюбие, настойчивость и упорство в достижении поставленной цели. По мнению дилетантов, Ньютон открыл закон всемирного тяготения под влиянием случайного наблюдения за падением яблока с яблони, а Уатт изобрел паровую машину, наблюдая за крышкой чайника с кипящей водой. Все кажется очень легко и просто! В действительности же эти и другие великие открытия, составляющие эпоху в науке, являются результатом развития практики множества людей, предшествующих исследований, наблюдений и их обобщения и синтеза. Разумеется, такие обобщения может сделать не всякий, а лишь выдающийся ученый, с творческим умом, но обязательно овладевший всеми необходимыми знаниями своей эпохи. В своих исследованиях ученый опирается на труды своих предшественников, продолжает и завершает их, проверяет критически их теории, гипотезы, догадки. В современную эпоху над одинаковыми проблемами работают многие ученые и научно-исследовательские институты, лаборатории, оснащенные сложнейшей техникой. Значит, и в области науки двигают дело вперед не одни крупные, выдающиеся ученые, но и масса рядовых ученых.

В области искусства также недостаточно одних природных талантов и дарований: нужны общественные условия для их развития. Чтобы творить на уровне требований своей эпохи, художник должен овладеть мастерством, знанием, искусством, которое создано человечеством до него. Все выдающиеся художники черпают вдохновение в великой сокровищнице народного творчества, выражают чувства и думы, чаяния народа. Только поэтому они и создают великие произведения, сохраняющие непреходящее познавательное, художественное, воспитательное значение для последующих поколений.

Марксизм вовсе не считает, что при коммунизме все люди должны быть равны во всех отношениях, равно потреблять и иметь одинаковые способности, таланты и дарования. Ленин писал: «Буржуазные профессора за понятие равенства пытались нас изобличить в том, будто мы хотим одного человека сделать равным другим. В этой бессмыслице, которую они сами придумали, они пытались обвинить социалистов. Но они не знали по своему невежеству, что социалисты — и именно основатели сов-

ременного научного социализма, Маркс и Энгельс — говорили: равенство есть пустая фраза, если под равенством не понимать уничтожения классов»[1].

Уничтожение классов означает уничтожение экономического, социального неравенства, равное для всех освобождение от эксплуатации, ликвидацию монополии имущих классов на образование, создание для каждого человека равных условий для всестороннего и свободного развития всех его творческих способностей. В антагонистических общественных формациях благоприятные условия для развития личности имеются лишь у людей привилегированных классов. Коммунизм представляет такое общество, в котором «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех».

Каждая общественная формация имеет свою систему обучения, воспитания и выдвижения людей на руководящие посты, что, разумеется, не исключает случайных отклонений и нарушений системы. В капиталистическом обществе и в этой области действуют законы конкуренции, причем буржуазия выдвигает на руководящие посты таких людей, которые служат ее интересам. Социалистическое общество обучает и воспитывает кадры с теми качествами, которые нужны народу, и выдвигает их на те посты, где они по своим способностям и подготовке могут принести наибольшую пользу обществу. Здесь действуют принципы социалистической демократии и социалистического соревнования талантов.

А как обстоит дело с выдвижением исторических личностей? Может быть, здесь действует чистая случайность? Но ведь давно замечено, что выдающиеся, великие личности выдвигаются прежде всего и преимущественно в переломные периоды истории, в эпохи крутых поворотов и социальных конфликтов, народных движений и революций. Эпоха французской буржуазной революции выдвинула таких деятелей, как Дантон, Робеспьер, Сен-Жюст, Марат и др., а накануне этой революции появилась плеяда великих просветителей, материалистов и атеистов, которые подготовляли умы французов к революции, к борьбе против феодализма и абсолютизма. Борьба с крепостничеством и самодержавием в России выдвинула таких крупных мыслителей и революционеров, как Радищев, декабристы, Герцен, Белинский, Чернышевский, Добролюбов, выдающихся ученых, писателей, художников, музыкантов. Появление на исторической арене революционного пролетариата породило таких гигантов революционной мысли, какими были Маркс, Энгельс, Ленин и их соратники, ученики и последователи в разных странах.

Таланты имеются у каждого народа, у каждой нации и у каждой расы, нужны лишь условия для их развития. А эти условия определяются характером общественного строя. Если бы феодализм продержался во Франции лишних лет 20—30, то вряд ли мы знали бы, что в недрах французской нации были такие таланты, как Дантон, Робеспьер, Марат, Сен-Жюст, Наполеон и другие, выдвинувшиеся из ремесленников, наборщиков, актеров и парикмахеров, офицеров и унтер-офицеров. Путь к выдвижению им открыла революция.

Разумеется, выдвижение личности обусловливается не только потребностями общества, но и способностями, талантами, личными качествами людей, которые нужны обществу, классу в дан-

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 29, стр. 329.

ный момент для решения назревших исторических задач. Выдающиеся исторические личности — это те, кто раньше, яснее, глубже других поняли новую историческую обстановку, потребности общественного развития и возглавили движение масс.

Великий человек, писал Плеханов, является «начинателем, потому что он видит *дальше* других и хочет *сильнее* других. Он решает научные задачи, поставленные на очередь предыдущим ходом умственного развития общества; он указывает новые общественные нужды, созданные предыдущим развитием общественных отношений; он берет на себя почин удовлетворения этих нужд. Он — герой. Не в том смысле герой, что он будто бы может остановить или изменить естественный ход вещей, а в том, что его деятельность является сознательным и свободным выражением этого необходимого и бессознательного хода. В этом — все его значение, в этом — вся его сила. Но это — колоссальное значение, страшная сила»[1]. Это не *личная* сила отдельного человека, а сила *объективной* логики истории, сила общественного движения.

Тип исторических деятелей в общем отражает природу того общества и того класса, которому они служат, историческую ступень развития этого общества и класса, обстановку, в которой им приходится действовать. Для победы капитализма над феодализмом понадобились восстания крестьян против феодалов и буржуазные революции, гражданские войны и битвы народов. Эти движения породили великих мыслителей, философов, политических деятелей, которые выдвигали передовые идеи свободы, равенства и братства, вдохновляли народ на борьбу с феодальным строем, средневековьем, деспотизмом. Но как только буржуазное общество победило феодализм и буржуазия стала у власти, на смену революционным деятелям пришли такие буржуазные деятели, которые проявляют все большую враждебность к революции и народным массам. Загнивание и кризис капитализма еще больше усиливают враждебность буржуазных деятелей к народу. Современная буржуазия выдвинула, например, таких реакционных деятелей, как Муссолини, Гитлер, Маккарти, Трумэн, Чан Кай-ши, Ли Сын Ман. Это законные детища и олицетворение современного капитализма и буржуазии.

Враждебность современной буржуазии и ее идеологов к массам трудящихся проявляется и в распространении идеалистической теории «героев и толпы», идей «технократии», расизма, «элиты» и т. д. Еще в XIX в. ненависть эксплуататорских классов к массам цинично выступила в реакционной философии Ницше, воспевавшего «сверхчеловека», человека-зверя, попирающего права других и идущего к власти и богатству через насилия и убийства. Ницше третировал народ как массу обломков негодного материала, на почве которого родится «сверхчеловек». Не удивительно, что фашизм в Италии и Германии взял себе на вооружение эту реакционную идеологию и использовал ее для воспитания банд убийц. Такая же человеконенавистническая

[1] *Г. В. Плеханов.* Избранные философские произведения, т. II, стр. 333.

расистская идеология используется фашистскими организациями ку-клукс-клана в США.

Расовые теории Гобино, Ляпужа, Хаустона Чемберлена, использованные гитлеровцами, изображают трудящихся как низшую расу, а эксплуататорскую верхушку общества — как «элиту», как отборную, чистую и высшую расу господ. Социальные дарвинисты изображают трудящихся как «скопище неудачников», биологически неполноценных и потому потерпевших поражение в борьбе за существование. Угодливые историки американского бизнеса (Аллан Невинс и др.) изображают массы как балласт, доставляющий много забот «благодетелям» — Рокфеллерам, Морганам, Фордам и другим магнатам монополистического капитала, которые в описании этих историков выглядят как герои прогресса США. Многочисленные авторы книг и статей пережевывают антинаучные идеи о том, что история общества есть история смены разных типов «элиты» (т. е. эксплуататорского меньшинства), что цивилизация двигалась вперед только тогда, когда массы подчинялись «элите», а не тогда, когда восставали против нее.

Социалистическую демократию, власть большинства трудящихся идеологи реакционной буржуазии третируют как «демократию количества», а диктатуру монополистического капитала, финансовую олигархию, власть кучки миллиардеров изображают как «демократию качества». Классовый смысл всех этих теорий сводится к тому, что они на разные лады пытаются обосновать и оправдать подавление масс, устранение их от участия в политической жизни, сохранение власти в руках эксплуататорских классов, их верхушки.

Социалистические революции развенчали все эти теории. Практика неопровержимо доказала, что трудящиеся массы, руководимые революционной марксистской партией, способны не только свергнуть господство эксплуататоров, но и построить новое, социалистическое общество, управлять государством и народным хозяйством, строить новую культуру без эксплуататорских классов. Под влиянием этого опыта лучшие деятели из среды буржуазной интеллигенции, понявшие историческую обреченность капиталистического строя, переходят на сторону народных масс, борющихся за мир, демократию и социализм.

3. Роль вождей рабочего класса в революционном движении

Эпоха империализма и перехода от капитализма к социализму поставила перед рабочим движением практическую задачу осуществления социалистической революции. В связи с этим со всей остротой встал вопрос о роли и задачах партии пролетариата и его вождей в революционном движении. Основатель и вождь революционной партии пролетариата, организатор Вели-

кой Октябрьской социалистической революции, В. И. Ленин обобщил опыт революционного движения и подробно разработал вопрос о взаимоотношении вождей, партии, класса и масс.

Вожди рабочего класса — это не герои-одиночки, а руководители партии рабочего класса, которая выступает как коллективный вождь и организатор трудящихся масс. Победа рабочего класса, трудящихся масс в освободительной борьбе во многом зависит от того, какая партия руководит их борьбой. Только под руководством боевой, смелой и опытной революционной партии, вооруженной марксистской теорией, рабочий класс может победить в борьбе за социализм.

Ни один класс в истории не достигал господства, учил Ленин, если он не выдвигал своих передовых представителей, способных организовать борьбу своего класса и руководить им. Это относится и к рабочему классу. Без дальновидных, мудрых и опытных вождей, выдвигаемых и воспитываемых партией, рабочий класс не может добиться освобождения.

Опытные вожди рабочего класса вырастают и закаляются в революционной борьбе масс. Марксистская партия, ее вожди, обобщая опыт всего рабочего движения, классовой борьбы масс, дают трудящимся ясную цель и перспективу, указывают путь движения к конечной цели, разрабатывают стратегию и тактику борьбы. Партия и ее вожди избавляют массы от ошибок, ведущих к поражению, к лишним жертвам. Они определяют момент решающего выступления на основе трезвого научного марксистского анализа конкретной обстановки; изучают и разрабатывают наиболее эффективные методы и формы борьбы. Великими вождями рабочего класса являются Маркс, Энгельс и Ленин.

Ленин подверг критике «левых коммунистов», которые под флагом критики предательства вождей II Интернационала договорились до анархистского противопоставления масс и вождей, партии и вождей. Разъясняя марксистское понимание взаимоотношения вождей, партии, классов и масс, Ленин в книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» писал: «Всем известно, что массы делятся на классы;— что противополагать массы и классы можно, лишь противополагая громадное большинство вообще, не расчлененное по положению в общественном строе производства, категориям, занимающим особое положение в общественном строе производства;— что классами руководят обычно и в большинстве случаев, по крайней мере в современных цивилизованных странах, политические партии;— что политические партии в виде общего правила управляются более или менее устойчивыми группами наиболее авторитетных, влиятельных, опытных, выбираемых на самые ответственные должности лиц, называемых вождями»[1].

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 31, стр. 24.

Пролетарские вожди руководят массами, но они и учатся у масс, служат массам, живут их интересами и чутко прислушиваются к их критике. Сила вождей. рабочего класса — в их связи с массами, в силе массового движения. В случае, если руководители начинают отрываться от масс, зазнаваться или обюрокрачиваться, партия и массы поправляют их. А если вожди изменяют массам, то партия и массы лишают их своей поддержки, снимают их с тех постов, на которые они были выдвинуты, и заменяют преданными народу руководителями.

На протяжении своей вековой истории международное рабочее движение выдвинуло, кроме Маркса, Энгельса и Ленина, много талантливых, выдающихся руководителей и организаторов. Коммунистические и рабочие партии социалистических и капиталистических стран выдвинули из своей среды руководителей, которые умело сочетают теорию с практикой революционного движения, применяют принципы марксизма-ленинизма к конкретным условиям общественного развития своих стран, двигают вперед теорию и практику марксизма-ленинизма.

От вождей революционной партии пролетариата требуются знание законов истории, глубокое понимание задач борьбы в данной исторической обстановке, прозорливость и дальновидность, несокрушимая вера в творческие силы масс, революционная смелость, мужество и бесстрашие в борьбе с врагами пролетариата, непоколебимая стойкость и преданность делу коммунизма, делу освобождения трудящихся.

Особенно велика и ответственна роль партии и ее руководителей в период социалистической революции и диктатуры пролетариата, в период строительства социализма и коммунизма. На плечи коммунистической партии и ее руководящих кадров в этот период ложатся гигантские организационные задачи по руководству массами в деле социалистического переустройства труда, быта, жизни миллионов людей в обстановке острой классовой борьбы. Партия руководит массами на всех участках строительства социализма и отбивает ожесточенные атаки свергнутых эксплуататорских классов и всей международной реакции. Вместе с гигантским расширением задач растут и силы, на которые опирается партия, потому что в ходе социалистического строительства просвещаются, сплачиваются и организуются массы, выдвигаются десятки и сотни тысяч организаторов.

Социалистическое общество развивается по плану. Это усиливает роль партии и государства, роль руководителей в строительстве и развитии нового общества. Вместе с тем это повышает их ответственность перед народом. От правильности руководства зависит успех деятельности миллионов людей, а ошибки руководства могут иметь серьезные последствия для жизни миллионов. Поэтому особое значение имеет коллективное

руководство партии. Только коллективное руководство в состоянии предупредить ошибки, односторонние и поспешные решения. Для обеспечения правильного руководства необходимы также критика и самокритика, особенно критика снизу, со стороны масс, развертывание инициативы и активности масс в строительстве социализма и коммунизма.

Исторический материализм, подчеркивая большое значение вождей, руководителей партии и народных масс, отвергает анархистское отрицание всяких авторитетов. Вожди партии, ее руководящие кадры, их опыт, знания, авторитет создаются многими годами революционной борьбы и являются достоянием партии и рабочего класса в борьбе за коммунизм. Поэтому коммунистическая партия высоко ценит своих руководителей. Вместе с тем марксизм решительно борется против идеалистической теории культа личности, против суеверного, слепого преклонения перед авторитетами. Ленин подверг сокрушительной критике теорию культа личности, которую пропагандировали в России народники и эсеры. Ленин последовательно осуществлял принципы коллективного руководства партией и революционным движением. Он подчеркивал значение съездов партии и ее Центрального Комитета как органов коллективного руководства. ЦК КПСС включает в себя наиболее опытных, дальновидных, преданных народу и проверенных на практической работе руководителей разными отраслями партийной, государственной, хозяйственной и идеологической деятельности. Демократический централизм в организации партии и в управлении социалистическим государством и хозяйством обеспечивает правильные взаимоотношения масс, партии и руководителей.

Коммунистическая партия Советского Союза преодолела культ личности, который возник и распространился в последний период деятельности И. В. Сталина.

Культ личности Сталина возник при особых исторических условиях, в которых проходило строительство социализма в СССР (обстановка враждебного капиталистического окружения и вытекавшая отсюда необходимость централизации руководства и временных ограничений демократии и т. д.). Решающую роль при наличии этих условий сыграли субъективные факторы, и прежде всего отрицательные качества Сталина как руководителя — грубость, нелояльность к товарищам по работе, склонность к злоупотреблению властью. В письме, адресованном XII съезду партии, В. И. Ленин предупреждал партию: «Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью». Ленин отмечал, что «Сталин слишком груб», нелоялен к товарищам по работе, капризен, увлекается администрированием, т. е. обладает недостатками, нетерпимыми у руководителя на таком посту. Ленин предложил поэтому подумать о перемещении Сталина с этого высокого поста и замене его другим руководителем, без таких недостатков. «Это обстоятельство,— писал Ленин,— может показаться ничтожной мелочью», но с точки зрения предохранения партии от раскола по разным субъективным причинам, неожиданно и ненароком в той обстановке это, подчеркивал Ленин, «*не мелочь*, или это такая мелочь, которая может по-

лучить решающее значение»[1]. Партия сумела избежать опасности раскола, привести страну к победе социализма, но невыполнение съездом партии данного Лениным совета явилось ошибкой съезда, которая дорого обошлась партии и народу. А ошибка эта объясняется всей обстановкой и тем, что Сталин вначале как будто готов был учесть критику Ленина в свой адрес, но впоследствии, укрепив свое положение, начал действительно злоупотреблять властью, нарушать ленинские, коммунистические принципы партийной жизни и партийного руководства, насаждать культ своей личности, который открывал возможность безнаказанно злоупотреблять властью, обманывать партию и народ.

Культ личности в корне чужд марксизму-ленинизму и социалистическому строю, ибо он принижает роль народных масс, партии, ее коллективного руководства, воспитывает массы в духе пассивного ожидания, что все за них сделают вожди, а у руководителей порождает кичливость, зазнайство, нетерпимость к критике и игнорирование масс, их инициативы и опыта. Он растит льстецов, подхалимов, бюрократов, карьеристов, людей безыдейных, пренебрегающих интересами народа. Культ личности ведет к распространению догматизма и начетничества в теории, к отрыву теории от практики. Обстановка культа личности дала Сталину возможность поставить себя вне критики, обмануть высокое доверие партии, народа, нарушить правильные взаимоотношения между вождем, партией и массами, принципы коллективного руководства, ленинские нормы партийной жизни, нарушить и советскую законность, следствием чего явилась гибель преданных партии, Советской власти и народу честных людей. Тяжелые поражения Советской Армии на начальном этапе Отечественной войны, неблагоприятное положение в сельском хозяйстве в течение послевоенного периода, нарушения ленинской национальной политики во многом также явились следствием культа личности, оторванности Сталина от народа, незнания им действительного положения дел в стране. За все это партия и народ осудили Сталина.

Культ личности Сталина был решительно разоблачен на XX съезде КПСС, потребовавшем полностью и до конца преодолеть и искоренить все его последствия. Итоги деятельности партии по преодолению культа личности были подведены на XXII съезде КПСС, принявшем меры против его возрождения когда-либо в будущем. XXII съезд КПСС завершил идейный разгром антипартийной фракционной группы Молотова, Кагановича, Маленкова и др., лично и непосредственно виновных в тяжелых извращениях и преступлениях, связанных с культом личности Сталина, ожесточенно выступавших против ленинского курса и решений XX съезда, пытавшихся повернуть партию на опасный путь порочных методов руководства, применявшихся ими в период культа личности Сталина.

Враги социализма клеветнически утверждают, будто культ личности Сталина порожден природой советского социалистического строя. Этими утверждениями они хотят очернить социалистический строй, который на самом деле несравненно демократичнее любого самого демократического буржуазного строя. Культ личности — явление, совершенно чуждое социалистическому, советскому строю; он чужд природе марксистской партии и учению марксизма-ленинизма.

Культ личности Сталина и связанные с ним извращения и нарушения принципов руководства, нарушения советской законности нанесли серьезный ущерб развитию отдельных сторон жизни Советского государства, но он не мог изменить социалистическую природу советского строя, природу социалистического государства. Думать, что «отдельная личность могла изменить наш общественно-политический строй, значит впасть в глубокое противоречие с фактами, с марксизмом, с истиной, впасть в идеализм. Это значило бы приписывать отдельной личности такие непомерные, сверхъестественные

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 36, стр. 544, 545, 546.

силы, как способность изменить строй общества, да еще такой общественный строй, в котором решающей силой являются многомиллионные массы трудящихся»[1].

Сила советского социалистического строя состоит в том, что, несмотря на культ Сталина и на все трудности строительства социализма в стране, которая была окружена врагами, он пробуждал и пробуждает могучую инициативу народных масс, успешно движущую общество вперед, к коммунизму. В этом выражается подлинный демократизм советского строя. Несмотря на культ личности и вопреки этому культу, пробужденная социалистическим строем энергия народных масс под руководством партии продолжала творить великое дело строительства нового общества. И здесь жизнь, практика строительства социализма снова и снова подтвердила великую истину марксизма о решающей роли народных масс.

Успехи в построении социализма в СССР пришли не самотеком, они достигнуты благодаря громадной организаторской работе партии, которая воспитывала и воспитывает свои кадры и массы в духе преданности делу коммунизма. Коммунистическая партия, советское общество и государство сильны сознательностью масс. Деятельность партии направлена на то, чтобы всемерно развертывать инициативу, активность и самодеятельность масс во всех областях общественной жизни.

Руководство Коммунистической партии — главное и решающее условие роста сознательности, организованности и непобедимости рабочего класса, трудящихся масс в их борьбе за мир, демократию и социализм. Поэтому всякий, кто так или иначе пытается умалить, ослабить и подорвать направляющую и организующую роль партии, ее влияние на массы, ее монолитное единство, сознательно или бессознательно помогает врагам рабочего класса, трудящихся масс и социализма.

Попытки ослабить роль Коммунистической партии как руководящей силы в системе социалистической демократии, означают на деле подрыв руководящей роли рабочего класса как организованной политической силы, подрыв его союза с крестьянством. Не случайно поэтому все враги коммунизма — от самых ярых империалистов и до современных ревизионистов — воюют против руководящей роли партии в системе социалистического государства. Но именно поэтому рабочий класс, трудящиеся массы должны всемерно сплачиваться вокруг партии — испытанного, верного вождя, организатора и руководителя, защищать ее от всяких атак врагов, укреплять ее ряды, влияние и авторитет, ибо Коммунистическая партия, ее руководство — залог всех успехов трудящихся в борьбе за мир, демократию и социализм.

---

[1] «О преодолении культа личности и его последствий». Постановление Центрального Комитета КПСС. Госполитиздат, 1956, стр. 19.

ГЛАВА XVIII

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ФИЛОСОФИИ И СОЦИОЛОГИИ

В главах, посвященных основным проблемам марксистской философии, давалась и критика современных буржуазных течений в философии и социологии. В заключение необходимо дать общую характеристику основных направлений современной буржуазной философии и социологии, против которых ведет идейную борьбу марксизм-ленинизм.

1. Характерные черты современной буржуазной философии и социологии

Духовная жизнь классового общества на протяжении веков была наполнена борьбой философского материализма, растущего и развивающегося научного мировоззрения против различных форм фидеизма и связанных с религией теорий идеализма, против учений о непознаваемости мира.

После революционного переворота в философии, совершенного Марксом и Энгельсом, философский материализм, освобожденный от прежней односторонности и непоследовательности, превратился в величайшую силу в борьбе рабочего класса за социализм, стал орудием построения коммунистического общества. Что же касается идеализма, то он со второй половины XIX в. непрерывно деградировал, терял всякое положительное содержание, которое еще имелось в его классических системах.

Наше время характеризуется грандиозными успехами в развитии производительных сил, все большим покорением стихийных сил природы, величайшими открытиями естествознания. Эти открытия наносят новые и новые удары по религиозно-идеалистическому мировоззрению, агностицизму; свидетельствуют о полной несостоятельности связанных с метафизикой и идеализмом представлений, укоренившихся в течение веков в мышлении людей. Они подтверждают вновь и вновь истинность диалектического материализма.

Однако было бы неправильно делать вывод, что успехи современной науки механически устраняют идеализм и тем самым якобы делают излишней аргументированную критику и борьбу против идеализма. В действительности дело обстоит далеко не так. В новейших достижениях науки идеалисты стремятся найти новые доводы для защиты своих устарелых воззрений. Быстрые темпы развития современного естествознания, безостановочная смена одних естественнонаучных теорий другими, процесс ломки старых понятий и выработки новых научных понятий, соответствующих все более глубокому проникновению в микромир и все более широкому охвату макромира,— все это при незнании диалектики сделало популярными среди ученых капиталистических стран идеи, абсолютизирующие относительность знания, условность научных терминов и т. п.

Так, на протяжении более чем полувека среди математиков, естествоиспытателей и философов-идеалистов пользуется популярностью теория конвенционализма, выдвинутая еще в начале XX в. французским математиком Анри Пуанкаре. Согласно этой теории, абсолютизирующей относительность истины и отвергающей ее объективность, все основные принципы науки являются результатом конвенции (соглашения) между учеными и не имеют объективного содержания. Распространенность этой идеалистической теории среди естествоиспытателей объясняется в значительной мере и тем, что ее гносеологические корни заложены в особенностях развития современного естествознания. Незнание многими естествоиспытателями диалектики приводит к абсолютизации момента относительности в науке, к релятивизму.

Другой характерной особенностью современной научной мысли является все большее развитие математики и математической физики, развитие математической логики. Идеалисты используют все это и пытаются доказать истинность «чистой» мысли, лишенной объективного содержания. Отдельные ученые, не разбирающиеся в гносеологических корнях идеализма, могут добросовестно заблуждаться, делая идеалистические выводы из данных современного естествознания, но современная идеалистическая философия в целом, являясь близнецом и разновидностью религии, имеет с ней общие корни в антагонистической природе капитализма, в господстве над людьми стихийных общественных сил. Объективным назначением всех идеалистических школ и школок в философии, независимо от того, что думают об их целях те или иные их приверженцы, является борьба против диалектико-материалистического мировоззрения, защита религиозного мировоззрения и того строя, духовным ароматом которого являются философский идеализм и религия. Важной особенностью современного идеализма является принижение разума, антиинтеллектуализм, противопоставление разуму инстинкта, интуиции и якобы иррациональной воли.

Все это свидетельствует о духовном оскудении современного капиталистического общества, о глубоком кризисе буржуазной идеологии, о ее враждебности научному мировоззрению и делу общественного прогресса.

Если одни из представителей современной буржуазной философии (христианские спиритуалисты, экзистенциалисты) третируют науку как якобы поверхностный взгляд на мир, то другие идеалисты (к ним относятся и официальные философы Ватикана — неотомисты) уверяют, что они стоят за науку, а их философия будто бы даже «помогает» науке развиваться по «правильному» пути. Эта «помощь» состоит, в частности, в том, что философы-идеалисты, подрывая самые устои научного знания (понятие причинности, закономерности и т. д.), утверждают, будто они освобождают мировоззрение от представлений, несовместимых с современным научным развитием. Другие «во имя науки и только науки» предлагают, по сути дела, ликвидировать философию, отказаться от попытки создать научное мировоззрение, не ставить и не решать вопроса об отношении сознания к материи. Некоторые из них утверждают, что понятия материального и психического с точки зрения современной науки лишены всякого смысла, ввиду чего спор между двумя основными направлениями философской мысли — материализмом и идеализмом — якобы устарел. По существу же все эти якобы возвышающиеся над материализмом и идеализмом философы воюют с материализмом и только с ним. Все эти буржуазные философы, кичащиеся своей связью с наукой, на самом деле паразитируют на науке, используют в интересах идеализма трудности в развитии современного научного знания (таков, например, «физический» идеализм).

Для привлечения сторонников из среды интеллигенции многие современные философы-идеалисты стараются показать, будто они пекутся о человеке, будто основная проблема их философии — это якобы «проблема человека». На первый план наряду с гносеологическими проблемами выдвигаются вопросы морали, проблемы так называемой социальной этики. В своей проповеди, обращенной к современной буржуазной интеллигенции, одни субъективные идеалисты под видом анализа проблем жизни современного человека прославляют самый грубый индивидуализм, культ одиночки. Они ведут своего читателя по дороге морального и интеллектуального одичания, ибо индивидуум, отгородившийся от общества, перестает быть человеком. Но, как ни льстят буржуазные философы индивидуалисту, одиночке, они не в состоянии предложить своему герою ничего обнадеживающего, оптимистического. Они твердят ему о «трагедии бытия», о страхе перед бытием, перед познанием, внушают ненависть к народу, именуемому «толпой». Человек, искусственно заключенный в непроницаемую скорлупу своего «я», становится

перед «неразрешимыми загадками бытия», лишается радости познания, радости плодотворной человеческой деятельности. Он обречен на «томление», и самое бытие его превращается в «трагическую бессмыслицу». Семена этой пропаганды падают на почву, взрыхленную империализмом, загнивающим капитализмом. Для западного интеллигента, пережившего ужасы фашизма, знающего, что такое безработица, испытывающего страх перед кризисом, «трагедия бытия», «томление» — не пустые слова, они воскрешают и закрепляют привычное психологическое состояние, вызываемое слепыми силами капитализма.

Другие субъективные идеалисты выступают против пассивного отношения к жизни, призывают своих сторонников действовать, даже превозносят действие и деятельность, но творческое дерзание человека они сводят к простой удаче, успеху, предлагают на все смотреть как на средство, инструмент для достижения этого успеха, а идеалом объявляют преуспевающего бизнесмена, дельца.

Если живущий в условиях капитализма интеллигент, спасаясь от этого гнетущего культа одиночества, аморализма и нигилизма, бежит прочь от школ субъективного идеализма, задумывается над проблемами мироздания, его подстерегает другая ловушка: объективный идеализм, тесно связанный с религией. На сцену выступают философы-фидеисты, которые уверяют, что надежное прибежище можно найти лишь в вере в абсолют, в бога. Переряженные в философов богословы заявляют, что они борцы против нигилизма и морального релятивизма субъективно-идеалистических направлений, что они за вечные истины и нормы морали, открываемые «божественным откровением». В действительности же нормы религиозной морали являются лишь превращенными в абсолют нормами, выработанными тысячелетиями господства эксплуататорского строя, который воспитывал уродливый индивидуализм и рабскую приниженность человека.

Сторонники большинства школ современного идеализма уверяют, будто их философские системы покоятся на уважении духовных «ценностей», без которых не может существовать человеческое общество. Однако на самом деле они обесценивают духовную жизнь человечества, возводя моральные ценности в «божью волю», в «божественный разум», выдумывая «потусторонний» критерий для моральной оценки деятельности человека и предавая анафеме подлинный критерий, который исходит из объективных интересов социального и духовного прогресса человечества, идущего к уничтожению строя эксплуатации человека человеком и к построению общества, которое обеспечивает всестороннее развитие и личности и коллектива. Эти школы современного идеализма возвеличивают худший вид духовного рабства — преклонение человека перед вымышленной «высшей сверхъестественной силой».

Пропаганда субъективного идеализма имеет своей целью оторвать интеллигенцию от народа, воспитать слой интеллектуальной «элиты», «избранных», убежденных проводников антинародной политики империализма. Призывы к действию во имя выгоды и успеха — основа политической философии авантюризма, политики «с позиции силы», провозглашающей, что с помощью насилия, произвола будто бы можно по желанию перекраивать географическую карту, менять общественный строй различных стран и народов, преграждать человечеству путь к социализму. Школы объективного идеализма, являющиеся современной разновидностью богословия, поставляют философские аргументы для сторонников «крестовых походов» против коммунизма, свободомыслия, социального и культурного прогресса.

Современные идеологи империалистической буржуазии прославляют частнособственнические отношения как вечную норму человеческих отношений. Они стремятся подвести теоретическую базу под избитые утверждения буржуазной пропаганды, объявляющей капитализм строем «социальной интеграции», или единения, переносят действительные социальные конфликты в область сознания, подчас усматривая корни их в различном понимании людьми одних и тех же слов.

Даже в тех случаях, когда буржуазные философы говорят о возможности другой, некапиталистической формы общества, они в сущности имеют в виду тот же капитализм, но в идеализированном, принаряженном виде.

Идеологи империализма больше всего боятся, что интеллигенция, изверившись в «абсолюты» полуфилософских, полубогословских теорий, вырвавшись из удушающей атмосферы субъективно-идеалистических школ, найдет дорогу к марксизму, к диалектическому материализму — великому и всепобеждающему мировоззрению научного коммунизма. Именно поэтому современные, наиболее активные защитники разных течений идеализма наперебой критикуют и «опровергают» марксизм, являются проповедниками антикоммунизма, пытаются опорочить марксизм-ленинизм и его благородные идеи, защитить капитализм. При этом, однако, за марксизм, за современный философский материализм чаще всего они выдают нелепую стряпню, не имеющую ничего общего с учением Маркса, Энгельса, Ленина. Самоновейшие критики марксизма ополчаются по сути дела против старого, механистического материализма, приписывая его недостатки марксистской философии. Если же они признают отличие диалектического материализма от предшествующей материалистической философии, то обычно отрицают материалистический характер марксистской диалектики, выдавая философию марксизма за разновидность гегельянства. Камень преткновения для всех нынешних «критиков марксизма» — высокие, подлинно гуманистические идеалы научного коммунизма, последователь-

ное выражение им требований социальной справедливости, его великая жизненная правда. Только искажая до неузнаваемости положения диалектического материализма, они одерживают «победы» над этим вымышленным «марксизмом». Сколько-нибудь серьезной и глубокой полемики против диалектического материализма современный идеализм не ведет, да и не может вести. Его критика марксизма, как и весь современный антикоммунизм,— лишь красноречивое свидетельство нищеты философии буржуазии [1].

Не следует, разумеется, считать, что все сторонники идеализма на Западе непосредственно связаны с пропагандой политической философии современного империализма. Некоторые из них стремятся порвать с политикой агрессии и «холодной войны», встают в ряды борцов за мир и мирное сосуществование, трезво оценивая опасность новой мировой войны. Для сознания этой группы интеллигенции Запада характерно известное противоречие между философскими основами их мировоззрения и теми политическими выводами, которые из этих основ делаются.

Важная особенность нашей эпохи состоит в том, что значительные группы интеллигенции порывают с идеалистическими схемами, тянутся к марксистской философии, становятся под ее овеянное славой и истиной знамя. Во Франции, Италии, Англии многие научные работники объединяются вокруг марксистских органов печати (например, журнала «Ла Пенсе» во Франции), вступают в активную борьбу против тлетворного влияния идеализма на научную мысль, разоблачают идеалистические, теоретические предпосылки политического курса реакции. Коммунистические партии капиталистических стран выступают защитниками прогрессивных традиций западной философской мысли, ведут последовательную борьбу против философского оправдания аморализма и нигилизма, против иррационализма и мистики.

Ныне буржуазная идеология, получившая столь сокрушительные удары со стороны самого передового мировоззрения — диалектического материализма, пытается бороться против него не только на своей самостоятельной почве, но и маскируясь под марксизм, под социализм, выступая как ревизионизм. Полвека тому назад Ленин, характеризуя успехи марксизма в борьбе против мелкобуржуазной идеологии, писал: «Домарксистский социализм разбит. Он продолжает борьбу уже не на своей самостоятельной почве, а на общей почве марксизма, как ревизионизм» [2]. Опасность ревизионизма состоит в том, что он, при-

[1] Чтобы подкрепить ряды терпящих поражение буржуазных философов-идеалистов, в поход против диалектического материализма ныне включились не только папа римский, но и высокопоставленные государственные мужи буржуазного общества: президенты, премьер-министры и просто министры, дипломаты и генералы.

[2] *В. И. Ленин.* Соч., т. 15, стр. 19.

крываясь лжемарксистской фразеологией, стремится протащить буржуазные взгляды, впрыснуть яд идеологии гниющего капитализма борцам за лучшее будущее человечества.

Особенно настойчиво пытаются идеологи империализма распространить проникнутые идеализмом буржуазные взгляды на понимание истории общества и тем самым затруднить рабочему классу и всем трудящимся возможность правильно ориентироваться в условиях современной экономической, политической и идейной борьбы. В этом направлении действуют правые лидеры социалистов, давно порвавшие с марксизмом и целиком перешедшие на позиции идеализма, защиты империализма и антикоммунизма. О философских позициях западно-германской социал-демократии красноречиво говорит один из ее идеологов — Карло Шмид, который заявляет, что она является «возмущением немецкого идеализма против материалистического мира» [1]. Правые лидеры социал-демократов выступают проводниками наиболее реакционных идеалистических взглядов буржуазных философов и социологов на общественную жизнь.

Современная буржуазная социология, как и философия, существенно отличается от прежних учений об обществе, созданных в ту пору, когда буржуазия была еще восходящим классом и когда ее идеологи пытались открыть объективные законы общественного развития. С тех пор как буржуазия стала реакционным классом, ее идеологи со страхом отворачиваются от самой проблемы общественного закона.

В XX в. в буржуазной социологии стали особенно модными различные субъективно-идеалистические школки и течения, которые отрицают необходимость даже на идеалистический лад ставить проблему закономерностей общественного развития.

Для всей современной буржуазной социологии характерно стремление уклониться от главного, существенного в социальном развитии, уйти от анализа основных проблем общественного бытия, сосредоточить внимание лишь на второстепенном в общественной жизни людей. Одни буржуазные социологи абсолютизируют какую-либо одну черту исторического процесса, другие представляют общество как совокупность различных равнозначных черт или взаимодействующих факторов, но и те и другие отказываются признать за экономикой, за способом производства определяющую роль в общественной жизни. Большинство буржуазных социологов приписывает эту роль сознанию, идеям, психическим отношениям индивидов.

Все направления буржуазной социологии настойчиво стремятся зачеркнуть существование общественно-экономических формаций. Они готовы подменить понятие общественно-экономической формации понятием цивилизации, культуры, лишь бы

[1] *Carlo Schmid.* Politik und Geist. Stuttgart, 1961, S. 277.

представить общественный процесс в идеалистическом освещении. Способ производства, производительные силы, производственные отношения — эти ключевые понятия общественной науки — не существуют для современной буржуазной социологии. Но вследствие этого социологами утерян объективный критерий при подходе к явлениям общественной жизни. В буржуазной социологии в той или иной мере господствует пресловутый субъективный метод.

Борьба между материализмом и идеализмом в понимании общества состоит сейчас прежде всего в том, что материализм отстаивает объективную закономерность развития общества и возможность ее научного познания, а идеализм — господствующее направление в буржуазной социологии — отрицает объективные закономерности исторического процесса, проповедует в различных формах субъективизм, а также открытый или прикрытый иррационализм в понимании явлений общественной жизни.

Теории и направления современной буржуазной социологии проникнуты политическими идеями буржуазии и стремятся теоретически подкрепить эти идеи.

После Великой Октябрьской социалистической революции, а особенно после образования мировой системы социализма в буржуазной литературе стали встречаться жалобы на образовавшийся в капиталистическом мире «вакуум больших идей». Когда в битвах второй мировой войны была разгромлена фашистская политическая идеология, а коммунизм одержал новые всемирно-исторические победы, для буржуазного мировоззрения наступило время трудных испытаний.

Торжество марксистско-ленинской идеологии во всех областях знания, огромные успехи материалистического понимания явлений общественной жизни, широкое распространение идей научного коммунизма поставили перед буржуазией вопрос о необходимости ее перевооружения в развернувшейся идеологической борьбе.

Буржуазия ничего не может противопоставить великим идеям коммунизма, марксизма-ленинизма. Идеологи буржуазии заговорили о том, что для капиталистического мира надо составить некую «новую» идеологическую платформу, или, говоря словами одного американского социолога, сделать «перевод старых идей с помощью нового словаря».

В послевоенный период теоретики буржуазии занялись попытками заполнить «идейный вакуум», образовавшийся в мировоззрении буржуазии, создать политическую и социальную философию современного капитализма. Их интерес к социологии в связи с этим значительно оживился, удельный вес этой дисциплины в капиталистическом мире возрос. Усилилась идеалистическая обработка данных о современных явлениях общественной жизни

и истории общества, будто бы опровергающих (в который раз!) марксизм.

Об усилении внимания к социологии говорят, например, следующие факты: в США социология преподается почти в каждом университете; множеству лиц присуждаются ученые степени по социологии и социальным наукам; издаются многочисленные социологические журналы; работают ассоциации социологов.

Центральной задачей современной буржуазии является защита капитализма. Чтобы сохранить этот отживающий строй, обрекающий народные массы на эксплуатацию, угнетение, безработицу и разрушительные войны, буржуазия ведет наступление против марксистско-ленинской идеологии, восхваляет капитализм, называя его «свободным миром», миром «свободного предпринимательства», пропагандирует буржуазный индивидуализм, противопоставляя его коллективизму рабочего класса, клевещет по адресу коммунизма.

Антикоммунизм, антимарксизм — главная направленность политической философии современной буржуазии, прославляющей мир частнособственнических отношений в качестве «наилучшего» устройства человеческого общества. Современная политическая философия буржуазии, таким образом, должна служить ярко размалеванным рекламным щитом, который прикрывает убожество, противоречия и язвы современного капитализма. Соответствующие задания ставятся и перед многими представителями буржуазной социологии.

Буржуазия старается показать, будто проникнутое идеализмом представление о капиталистическом мире не вымышлено, а создается трудами ученых, путем скрупулезных исследований социологов. На самом деле это не так. Категории политической философии современной буржуазии не выведены путем научных исследований. Наоборот, эти мертворожденные категории социального мышления буржуазии держат в плену огромную армию ученых, в том числе и честных исследователей, толкают их по ложному пути, опутывают их сознание и обрекают их исследовательскую работу на бесплодие. Догмы политической философии буржуазии уродуют социологические исследования, направляют внимание ученых на разработку таких категорий и понятий, которые должны в кривом зеркале отразить действительные общественные явления. Если буржуазные социологи и говорят о язвах современного капитализма, то они относят эти язвы к абстрактной «природе человека», к его психологии, к «культурному наследию» и т. д. И все же нередко в современной буржуазной социологии появляется критика капиталистических порядков. Ряд социологов (например, Рисмэн в США) обращает внимание на уродливые последствия буржуазного индивидуализма, на оскудение личности человека, на ведущие к этому условия труда в современном капиталистическом производстве.

Эти общие черты современной буржуазной философии и социологии не исключают многообразия оттенков, направлений, течений современного идеализма в подходе к явлениям природы и общества.

2. Современный субъективный и объективный идеализм

Кто же является властителями дум современной буржуазии, какие философские и социологические школы выражают мировоззрения и настроения, характерные для господствующего класса нынешнего капиталистического мира? Сами буржуазные идеологи, отвечая на подобный вопрос, перечисляют в первую очередь те школы, сторонники которых хотя и не относят себя к последователям субъективного идеализма, однако на деле под новыми названиями, рассчитанными на дезориентацию читателей, возрождают именно это направление философии. Такими течениями современной буржуазной философии являются в первую очередь прагматизм, неопозитивизм, экзистенциализм.

Разоблачая один из излюбленных методов современных субъективных идеалистов, В. И. Ленин писал, обращаясь к сторонникам подобных школ: «На словах вы устраняете противоположность между физическим и психическим, между материализмом (который берет за первичное природу, материю) и идеализмом (который берет за первичное дух, сознание, ощущение),— на деле вы сейчас же снова восстановляете эту противоположность, восстановляете ее тайком, отступая от своей основной посылки!» [1]

Различные современные школы субъективного идеализма все идут по этой дороге: на словах они устраняют противоположность между физическим и психическим, на деле провозглашают примат сознания, воскрешают самые грубые формы идеализма. Так поступают прежде всего представители различных направлений *прагматизма*. Лидером этого течения в последнее время был американский философ Джон Дьюи (1859—1952), который называл свою теорию инструментализмом. Он ратовал за уничтожение разрыва между психическим и физическим, воспевал «науку» и «научность» в подходе к философии. Вместе с тем он утверждал, что идеи, теории лишены какого-либо объективного содержания и являются лишь инструментами для совершения полезных индивиду действий. В своей теории познания Дьюи исходил из опыта, но истолковывал опыт субъективно-идеалистически. Никаких объективных закономерностей, объективной истины, да и самой объективной реальности инструментализм не признает. Недаром некоторые современные идеалисты ищут «аргументов в пользу инструментализма» у епископа Беркли [2].

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 14, стр. 43.

[2] «Contemporary British Philosophy». London, N. Y., 1956, p. 373.

Философия инструментализма сводится к рассуждениям о наиболее целесообразном использовании средств, «инструментов» для того, чтобы достигнуть «максимального приспособления» средств к целям. Дьюи и его последователн провозглашают, что средство «нстнннo», если оно приводит к желаемым результатам, к успеху, к выполнению задуманного. Никакой онтологии (учения о бытии) Дьюи не признавал и сам себе ставил в заслугу «попытку перевести старые хорошо нзвестные вопросы нз плоскости онтологии в плоскость исследования» [1]. Но и все «исследование», все познание инструменталисты сводят к комбннации условных «истнн», условных терминов. Как же с такой точки зрения отличить знание, науку от вредного заблуждения, нллюзий? Инструменталнзм стирает качественное различие между истиной и заблуждением. Один из учеников Дьюи [2], разбирая утверждения о существовании духов, богов, пншет, что утверждение об их существовании должно быть рассматриваемо не как ложное, а как лишенное смысла или противоречивое. Итак, нет ложных утверждений, непримиримо враждебных истине, науке, ибо нет и объективной истины. В лучшем случае прагматисты признают, что существуют суждення, «лишенные смысла» или «противоречивые». Все это, разумеется, прямые и откровенные уступки фидеизму. В последние годы жизни Дьюи склонялся к некоторому компромиссу между ннструментализмом и другим субъективно-идеалистическим направлением, семантической философией, являющейся видоизменением неопозитивизма — «нового позитивизма».

Сторонники *неопозитивизма* первоначально объединились в Венском кружке, органнзованном в 1922 г. под руководством австрийского физика н фнлософа Шлика. В дальнейшем неопозитивизм распространнлся средн философов и естествоиспытателей многнх стран, особенно США и Англии.

Неопознтнвисты претендуют на то, чтобы «сделать фнлософию научной», очистив ее от всякой «метафизики». Но до них с такнми же претензиями выступали и другие философы-идеалисты — позитнвнсты и махисты. Особенностью неопозитивизма является лишь мысль о прнменении «логического аналнза» к языку. Однако и эта мысль заимствована ими у субъектнвного идеалиста Витгенштейна, автора книгн «Логнко-философский трактат» (1921). Задача «философии науки» в понимании неопозитивнстов состонт в устраненни философских «псевдовопросов», к числу которых онн относят основной вопрос философнн, вопрос об объективной истине, об объективных закономерностях природы н общества, о причинных связях явлений и т. п.

[1] *John Dewey and Arthur Bentley*. Knowing and the Known. Boston, 1949, p. 328.

[2] Сидней Хук в сборнике «American Philosophers at Work». N. Y., 1956, p. 239.

Вместо этих важнейших научных проблем, над разрешением которых трудились на протяжении столетий выдающиеся мыслители, неопозитивисты предлагают ограничиться «логическим анализом» языка, что является, с их точки зрения, единственной задачей «философии науки». Неопозитивист Шлик утверждал, например, что, раскрывая смысл традиционных философских проблем, «философия науки» должна отбросить бессмысленные вопросы, а те, которые окажутся действительными проблемами, следует передать для решения представителям конкретных наук. «Таким образом,— заявлял Шлик,— судьба всех философских проблем такова: некоторые из них исчезнут, когда будут показаны ошибки и заблуждения, касающиеся нашего языка, а другие окажутся обычными научными вопросами... Эти замечания, я думаю, определяют все будущее философии» [1].

Выступая в качестве поборников «философии науки», неопозитивисты на деле стремятся ликвидировать философию. Разновидностью ликвидаторства в философии являются рассуждения английского неопозитивиста А. Айера, с точки зрения которого все знания дают нам специальные науки — физика, химия, биология и др., а поэтому-де философия не нужна или, во всяком случае, роль философа не велика. «Единственное, что он, конечно, может сделать,— это действовать как своего рода интеллектуальный полицейский, следя за тем, чтобы никто не нарушил границы, перейдя в область метафизики» [2]. К области же «метафизики», границы которой не дозволено переступать, неопозитивисты относят вопросы об отношении мышления к бытию, о познаваемости мира, о причинности и т. д. Именно об этих проблемах писал столь ценимый неопозитивистами субъективный идеалист Витгенштейн: «Большинство предложений и вопросов, высказанных по философским проблемам, не ложны, а бессмысленны... И поэтому не следует удивляться, что глубочайшие проблемы на самом деле вовсе *не* являются проблемами» [3].

Упразднение философских проблем, ликвидация научного мировоззрения может означать лишь возврат вспять, к религии, к донаучному состоянию духовной жизни людей. Неопозитивисты выступают на словах против «метафизики», за науку, на деле же они борются против научного мировоззрения, подрывают самые основы научного мышления и, следовательно, наносят серьезный вред именно развитию науки, отказывая ей в праве и возможности познать объективную истину.

Новейшим, самым «модным» направлением неопозитивизма

---

[1] См. *L. Beck*. Philosophical Inquiry. N. Y., 1956, p. 244.
[2] «The Revolution in Philosophy». London, 1957, p. 78—79.
[3] *L. Wittgenstein*. Tractatus Logico-Philosophicus. London, 1955, p. 63.

является *семантическая философия* [1]. Семантическая философия идет еще дальше других направлений субъективного идеализма по пути формализма и схоластического рассмотрения понятий, устранения из них объективного содержания. В настоящее время существует несколько школ и школок семантической философии, в том числе «академическая школа» (Карнап, Тарский), школа «общей семантики» (Коржибский, Хаякава), школа Ричардса и Огдена. Представители этих школ вносят различные оттенки в семантическую философию и отличаются друг от друга своими политическими взглядами, но идеологическая сущность этих школ одна.

Главным представителем семантической философии является Рудольф Карнап, прежде состоявший членом неопозитивистского Венского кружка, а затем ставший одним из ведущих буржуазных философов США. Карнап выдвинул «теорию построения понятий», согласно которой все, с чем имеет дело наблюдатель, ученый, образуется посредством познавательной деятельности субъекта, вырабатывающего понятия и тем самым объекты познания. Задача философии сводится к анализу понятий, удалению из них «метафизического» смысла (к такой формулировке их содержания, которая не указывала бы на существование внешнего мира, ибо его признание именуется «метафизикой»).

Подобный анализ требует обращать внимание не на реальное значение понятий, а лишь на формальные правила их словесных выражений и сочетаний. «Логический синтаксис языка» — так озаглавил Карнап одну из своих работ, в которой он с помощью формального метода рассматривает принятые в науке термины и их сочетания. Карнап считает, что проблемы философии относятся не к объективному бытию, а к семантической структуре языка науки [2]. При этом представители семантической философии стоят на точке зрения конвенционализма; тот же Карнап категорически заявляет: «Быть реальным в научном смысле — это значит быть элементом системы...» [3]

С точки зрения семантической философии современные научные достижения показывают, что «именуемое «объектами» или «объективным» является не чем иным, как простыми нервными конструкциями внутри нашего черепа...» [4] Итак, человеческий мозг создает весь бесконечный мир!

Даже среди некоторых сторонников идеализма такое направление вызвало возражения, ибо с точки зрения семантической философии нельзя отличить подлинное знание от пустых или

[1] Семантическую философию следует отличать от семантики как части математической логики, а также от семантики (семасиологии) как лингвистической дисциплины, изучающей смысловую сторону языка.

[2] См. *R. Carnap*. Introduction to Semantics. USA, 1946, p. 250.

[3] См. «*Semantics* and the Philosophy of Language». USA, 1952, p. 210.

[4] *A. Korzybski*. Science and Sanity. USA, 1945, p. XX.

даже вредных вымыслов, химер. Человечество, разумеется, давно заблудилось бы в потемках, если бы оно руководствовалось подобной философией, для которой правила карточной игры и законы физики, по существу, ничем не отличаются друг от друга. Именно так рассуждают сторонники субъективного идеализма, принижающие науку своим отрицанием ее объективного содержания, называющие законы науки просто логическими выводами из условно, по соглашению между учеными, принятых предпосылок. По словам австрийского неопозитивиста Шлика, универсальный закон или теория есть «правило или набор инструкций для выведения определенных суждений из других определенных суждений» [1]. Ум человека, познающий все новые и новые тайны природы, вскрывающий основу основ общественной жизни, анализирующий самую мысль, эти философы изображают лишь как «кипящий в действии пустом», говоря словами Пушкина.

В эпоху возникновения научного мировоззрения передовые мыслители шли на костры и пытки, отстаивая истину. Тогда буржуазия была восходящим классом. Современной империалистической буржуазии нет дела до вопроса «что есть истина». Ей нет дела и до направления научного исследования, ибо, как говорил основатель прагматизма Джемс, истинно все то, что полезно. А реакционным кругам буржуазии, например, полезно, чтобы наука из силы творящей превратилась в силу разрушающую, служила подготовке войны.

Но передовое человечество желает, чтобы наука вдохновлялась великими и благородными идеями социалистического гуманизма, служила народу и прогрессу. Человечество не может допустить, чтобы наука была «освобождена» от вдохновляющего ее мировоззрения и сведена к набору правил и инструкций, указывающих, как ставить эксперименты, как делать из них логичные выводы. Научные эксперименты, вполне соответствующие правилам логики и выработанным инструкциям, совершали и гитлеровцы в лагерях Майданека. Но это было величайшее злодейство!

Некоторые представители современного субъективного идеализма почувствовали пустоту неопозитивистских теорий, утверждающих, будто философская мысль осуждена вечно скользить по поверхности явлений, не проникая в их сущность. Исправить дело взялись сторонники *феноменологии* (от греческого слова «феномен» — явление), которые попытались с позиций субъективного идеализма истолковать отношения между сущностью и явлением. Идя вслед за основателем этой школы немецким философом Гуссерлем (1859—1938), они изъявили готовность признать, что каждый факт включает в себя в качестве составляю-

[1] «Contemporary British Philosophy», p. 373

щей его части сущность, которая постигается «интуитивно». Но они объявили и сущность и явление лишь состоянием сознания и тем самым лишили всякого реального содержания обе эти категории. Сторонники этого направления предложили при исследовании философской мысли ввести так называемый феноменологический метод, который состоит в том, что вопрос о реальном существовании тех или иных вещей или явлений берется «за скобки», исключается из рассмотрения философа. Феноменологист отказывается решать, что из данных сознания адекватно (соответствует) реальности, а что есть лишь кажимость. Таким образом, эта теория замыкается рамками сознания, и всякий, кто станет на точку зрения феноменологии, в конечном итоге не сможет провести никакой черты, отделяющей реально существующее от вымысла, истину от иллюзии.

Марксисты выступают за науку, открывающую истину, за науку, чей путь отмечен подвигами служения народу. Вместе со всеми прогрессивными людьми марксисты выступают против превращения науки в орудие злодеяния или в занятие, подобное спорту, разгадыванию головоломок и т. д. Другими словами, все прогрессивные силы выступают за научное мировоззрение, освещающее человечеству дорогу вперед.

Современный субъективный идеализм указывает человечеству путь не вперед, а назад. Путь субъективного идеализма — это путь полного отхода от завоеваний прогрессивной мысли, даже от прежних, имевших относительно прогрессивное значение положений классических систем идеализма, путь усугубления всего реакционного, что было когда-либо в идеалистической философии. Яркой иллюстрацией этой идейной деградации современной буржуазной философии служит современный экзистенциализм.

Отправной пункт философии *экзистенциализма* — понятие существования (от лат. exsisto), которое понимается как «человечески-конкретное существование». Иначе говоря, с точки зрения экзистенциалистов, существование невозможно без восприятия, переживания существования. Оно, следовательно, есть существование определенного единичного субъекта: вне субъекта нелепо-де говорить о существовании. «Если я называю не-я миром,— пишет немецкий экзистенциалист Ясперс,— то я могу понять это не-я лишь вместе со мной»[1]. В этом положении нет ни крупицы нового по сравнению с тем, что писал когда-то епископ Беркли. «Новое» в экзистенциалистском субъективном идеализме разве только то, что субъект рассматривается экзистенциалистами не как субъект познания, а как страдающее существо, полное забот, страха и т. п. Один из основателей экзистенциализма, немецкий философ Хайдеггер, понимает человече-

[1] *K. Jaspers.* Philosophie. B. I. Berlin, 1932, S. 62.

ское существование так: оно берется из «ничто» и приходит к «ничто», т. е. к смерти. Так субъективный идеализм опустошает личность, сводит жизнь человека, полную деятельности, борьбы и творчества, к простому умиранию. «Философствовать означает учить умирать»,— резюмирует теорию экзистенциалиста Ясперса буржуазный историк философии Бохенский. Немудрено, что Ясперс стал одним из проповедников атомной войны и массовой гибели людей.

К Ясперсу и ему подобным относятся слова Н. С. Хрущева, сказанные им на XXII съезде КПСС: «Самые оголтелые империалисты, действуя по принципу «после нас хоть потоп», открыто заявляют о своем стремлении затеять новую военную авантюру. Идеологи империализма, запугивая народы, пытаются насаждать своеобразную философию безнадежности и отчаяния. Они истерически кричат: «Лучше смерть при капитализме, чем жизнь при коммунизме». Им, видите ли, не по душе процветание свободных народов. Они боятся, что и в их странах народы пойдут по пути социализма. Ослепленные классовой ненавистью, наши враги готовы обречь все человечество на военную катастрофу. Но возможностей для осуществления агрессивных замыслов у империалистов становится все меньше. Они ведут себя подобно тому дряхлому и жадному старцу, у которого силы иссякли, физические возможности ослабли, но алчные желания сохранились» [1].

Было время, когда философы буржуазии претендовали на звание учителей жизни, ныне они — проповедники смерти и разложения. Давно было сказано, что философия есть «эпоха, схваченная в мысли»; в философии Ясперса схвачена в мысли эпоха загнивающего капитализма.

По мнению сторонников экзистенциализма, «существование» предшествует «сущности» человека. Камень самым своим существованием уже становится камнем и не перестает им быть, пока существует, но человек, начинающий свое «существование», еще не есть то, чем он может быть, он «выбирает» свою «сущность» впоследствии. Однако лишенный по воле экзистенциалистов бытия как общественное существо, лишенный света объективного знания, осужденный постоянно брести в потемках, человек, несмотря на свое право «выбирать сущность», переживает постоянную «трагедию бытия», испытывает «томление». Он конструирует мир по своему желанию, но все время имеет дело с «шифрами» в форме чувственного созерцания, научных понятий или религиозных верований, и все эти «шифры» говорят ему о наличии «трансцендентного», к которому он может приблизиться лишь интуитивно. Некоторые экзистенциалисты (Г. Марсель) щедро вводят в свою философию христианское богословие, рели-

---

[1] «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 12.

гию, которая-де и должна вывести человека из состояния «томления». Другие (Хайдеггер, Сартр) остаются на позициях «пессимистического атеизма», но и они своим учением указывают дорогу не к научному знанию, а к мистике.

Признаком деградации современного идеализма является не только широкое распространение различных школ и направлений субъективно-идеалистического толка, но и слияние объективного идеализма с богословием. Наиболее известными объективно-идеалистическими направлениями являются ныне персонализм и неотомизм.

Персонализм, распространенный в США (Флюэллинг, Хоккинг, Брайтмэн), во Франции (Мунье) и ряде других капиталистических стран, рекламируется его сторонниками как «философия личности» (лат. «персона», откуда и название школы). С точки зрения персонализма вселенная представляет собой иерархию личностей: личностями являются все тела природы, живые существа, человек и, наконец, абсолютная персона — бог. Объявляя принцип индивидуальности космическим принципом, персоналисты провозглашают, что «права человека, утверждение человеческой личности и свобода являются краеугольными камнями существования» [1]. Но все эти декларации не более как рекламная витрина, за которой скрывается диаметрально противоположное содержание. На самом деле персоналисты проповедуют и освящают рабство, приниженность человеческой личности, ибо над индивидуумами они ставят «божественную волю», божественную личность, слабым отсветом которой и является, по их учению, действительная личность. Они проповедуют смирение и покорность перед «божьей волей», сковывая тем самым волю и разум человека.

Философия персоналистов — это пропаганда духовного самосовершенствования и обновления вместо борьбы за новую, достойную человека жизнь. «Необходимо бороться не за новый мир, а за новую душу» [2],— пишет Флюэллинг. Переводя те же мысли на язык политики, Флюэллинг заявляет: «Опасность в настоящее время исходит не столько от существования бомб, сколько от порочности людей» [3]. Итак, нечего бороться против ядерного оружия, надо заняться вместо этого переделкой «греховной человеческой природы» с помощью воспитания смирения и покорности «божественной воле».

Такие же рецепты дают персоналисты и для преодоления социального зла, порождаемого капитализмом. Они говорят о «равенстве личностей», но это лишь равенство «духовных сущностей», равенство «в боге», «по духу», а отнюдь не реальное

---

[1] См. журнал «The Personalist», Summer 1956, p. 233.
[2] Статья Флюэллинга в журнале «The Personalist», Winter 1956, p. 11.
[3] «The Personalist», Summer 1956, p. 234.

экономическое и социальное равенство реальных людей. Но о таком «равенстве» говорили еще Сенека и отцы церкви во времена рабовладельческого Рима, признавая «духовное равенство» раба и рабовладельца. Нынешние идеалисты ничего нового не придумали для освящения и увековечения капиталистического рабства.

Богословием, наряженным в пышную мантию философской и наукообразной терминологии, является и другое распространенное течение современного объективного идеализма — *неотомизм*, возрождающий учение католического богослова Фомы Аквинского (1225—1274), возведенного католической церковью в святые. По имени этого средневекового схоласта получило свое название и новое течение (лат. Thomas — Фома).

Один из видных представителей неотомизма, Коллинз (США), в работе под характерным заглавием «Бог как функция в современных системах философии» [1] утверждает, будто «святой Фома четко видел различие между богословской мудростью и философской мудростью или человеческой философией», и далее так поясняет свою мысль: «богословская мудрость начинает с рассмотрения бога и от этого отправляется к изучению творений, поскольку они относятся к богу и имеют сходство с божественным»; «в философской мудрости или человеческой философии начало кладется изучением самих чувственных сотворенных вещей, которые исследуются в соответствии с их собственными причинами, и только в конце достигается постижение бога». Как видим, разница невелика: богословие начинает с бога, а философия должна кончать богом.

Одной из главных идей неотомистской философии является идея «гармонии» веры и знания, т. е. религии и науки. Неотомисты заявляют, что им удалось преодолеть противоречия между наукой и религией, примирить их, установив границы их компетенции. На деле же неотомистский принцип «гармонии» веры и знания подчиняет науку религии; религиозные догмы рассматриваются неотомистами как сверхразумные, полученные от бога, высшие истины. В своем послании по случаю 25-летия так называемой Папской академии наук папа Пий XII предписывал науке раскрывать совершенство бога; руководимое такой «наукой» сознание должно «постигать философские аргументы, которыми христианская мудрость обычно доказывает существование бога».

Неотомисты, подобно персоналистам, заявляют, что в центре их философии находится человек. Они пространно разглагольствуют о «ценности личности», уверяя, что им известен путь, как избежать двух «опасных крайностей» — индивидуализма и коллективизма. На деле претензия встать над индивидуализмом и

[1] В сборнике «American Philosophers at Work». N. Y., 1956, p. 197.

коллективизмом сводится к проповеди покорности «божьей воле», к пропаганде религиозной морали. Неотомисты делят человека, как и полагается богословам, на бренное тело и нетленную душу, но изобретают для этого религиозного деления новые термины и понятия. Они утверждают, что человек является, с одной стороны, индивидуумом, бытие которого подчинено законам физическим и историческим, а с другой стороны, он личность, стремящаяся к богу и познающая его. Коллинз, таким образом, в известной степени прав, утверждая, что неотомизм начинает с философии, а кончает самым заурядным богословием.

Тот же метод лежит в основе рассуждений неотомистов о природе. Французский неотомист Ж. Маритэн написал книгу о «философии природы», стремясь подогнать современные научные данные под схоластические схемы Фомы Аквинского и создать таким путем «метафизику современного естествознания», подобно тому как это делали схоласты. Неотомисты утверждают, что они изучают «сущность чувственного и изменяющегося бытия», но на поверку оказывается, что эта «сущность» «неизменна, непознаваема» и является неким духовным субстратом, связывающим воедино природу и ее «творца».

Занимаясь вопросами мышления, неотомисты также прикрывают религиозные догмы фразеологией, заимствованной из психологии. Они превозносят «самонаблюдение», истолковывая при этом психологические процессы как «внутреннее прозрение», и приходят к психологическому «обоснованию» богословского учения о «божественном откровении».

Неотомизм является по преимуществу философией католической реакции. Католические институты и университеты в Западной Европе и Америке служат его теоретическими центрами, Ватикан направляет деятельность неотомистов. Щедрая поддержка капиталистов и немалые средства, находящиеся в распоряжении самой католической церкви, создают солидную материальную базу для пропаганды неотомизма. Неотомисты издают более двух десятков журналов, ежегодно публикуют сотни книг. Неотомизм тесно связан не только с церковью, но и с деятельностью католических партий во Франции, Италии, Западной Германии. Политическая программа неотомизма — установление с помощью проповеди «христианского» устройства общества некоего «профессионально-сословного строя» наподобие феодальной иерархии, чтобы отвлечь трудящихся от классовой борьбы, внести в их сознание буржуазную идею «классового мира». Неотомизм, так же как христианский персонализм и другие богословско-философские течения, входит в идеологию современного клерикализма, клерикальных партий и организаций, поддерживаемых монополистическим капиталом и эксплуатирующих в его интересах религиозные чувства трудящихся, их суеверия и предрассудки. Коммунистические партии Франции и

Италии ведут критику католических теоретиков, разоблачают их клеветнические выпады против марксизма и коммунизма, показывают классовую сущность католических теорий как орудия империалистической реакции.

Глубокий упадок буржуазной философской мысли находит особенно яркое проявление в современных буржуазных теориях общественного развития, в учениях об историческом процессе.

3. Современная буржуазная философия истории

«Конец XIX века,— пишет французский историк философии Брейе,— был свидетелем упадка философии истории. Эта философия имела своей целью показать современное положение человечества как фазу некоего развития и тем самым объяснить человека самому себе. В начале XX века сама история как знание о прошлом стала объектом атак...»[1]

Поход против истории как науки начали неокантианцы (Риккерт, Виндельбанд), утверждавшие, что историческое всегда будто бы единично, индивидуально, не содержит в себе повторяющегося и поэтому не допускает обобщений. Немецкий философ Дильтей пошел еще дальше и объявил историческую науку лишь результатом субъективного переживания ученого-историка, который на свой лад толкует известные ему мысли прошлого. История с этой точки зрения есть лишь перечень событий, оценка которых каждым историком дается по-своему. Современный французский историк социологии и публицист крайне правого толка Р. Арон, пропагандируя взгляды Дильтея, заявляет: «Каждая эпоха, каждый коллектив заново создают себе прошлое...»[2]

Эту точку зрения разделяют многие современные буржуазные историки. Так сказались на их взглядах господствующие в буржуазном мировоззрении с начала XX в. субъективно-идеалистические течения. Подобная философия истории ведет к ликвидации исторического научного знания, ибо наука, которая исключает из своего поля зрения объективные закономерности, проповедует абсолютный релятивизм и отрицает объективную истину, перестает быть наукой.

Исторический материализм признает историческую, классовую обусловленность общественных и философских взглядов историка, но в то же время утверждает, что возможна объективная, достоверная, истинная историческая наука, которая преодолевает влияние предвзятых точек зрения и классовые предрас-

[1] *Émile Bréhier*. Transformation de la philosophie française. Paris, 1950, p. 149.

[2] *R. Aron*. La philosophie de l'histoire. Сборник L'activité philosophique contemporaine en France et aux Etats Unis. Paris, 1950, vol. II, p. 327.

судки. Эту общественную науку создают идеологи передового класса, освобождающего общество от пут эксплуатации. Такой наукой является марксизм-ленинизм. Именно поэтому марксизм-ленинизм имеет возможность, анализируя буржуазную историографию, отделить все то, что объясняется в ней классовой ограниченностью кругозора буржуазного историка, от подлинного завоевания научной мысли. При всей исторической, классовой ограниченности идеи французских историков эпохи реставрации о классах и классовой борьбе были достижением науки, прокладывавшим ей путь вперед.

Ныне буржуазные социологи и философы, исходя из субъективно-идеалистических предпосылок, на разные лады твердят, будто нельзя познать объективную истину исторического процесса. Итальянский философ Кроче утверждал, что любое историческое суждение опирается на практическую потребность своего времени, которое диктует отбор исторических фактов и их освещение исследователем. Таким образом, делает он вывод, всякая история является «современной историей». Примерно так же рассуждал американский философ Дьюи, который, подчеркивая значение принципа отбора исторического материала и «упорядочения» этого материала ученым, утверждал, что история оказывается «историей настоящего», «историей того, что считается важным для настоящего». Такая точка зрения получила название презентизма (от лат. praesens — настоящее) и имеет многих сторонников, особенно в США.

Несомненно, что историческая наука не стоит на месте, она развивается. Наши знания о прошлом становятся глубже и точней. Подобно человеку, поднявшемуся на высокую гору, историк в нашу эпоху имеет возможность видеть прошлое дальше и глубже, чем историк XVIII или XIX в. Несомненно также, что классовая позиция буржуазных историков не помогает им вскрыть действительные очертания исторического процесса, а, наоборот, заставляет их искажать прошлое, например, закрывать глаза на роль масс, выпячивать деятельность героев, видеть в истории проявление духа или «божественной воли» и т. д. Однако из факта отступления буржуазных историков от истины в угоду корыстным классовым интересам отнюдь нельзя делать философский вывод, будто никакой исторической истины нет и быть не может.

Современная буржуазная философия истории идет не вперед, а назад от завоеваний философской мысли XVIII—XIX вв. Она возрождает старые, отжившие идеалистические взгляды на общественный процесс. На примере видного английского ученого Арнольда Тойнби, посвятившего свой основной труд общим проблемам философии истории[1], мы видим, какие изменения

---

[1] *A. Toynbee.* A Study of History.

претерпевают прежние философско-исторические концепции буржуазии.

Тойнби отрицает единство исторического процесса. Обрушиваясь на старую философию истории, он употребляет такое сравнение: конструировать единый исторический процесс развития человеческого общества — это все равно что приставлять бамбуковые палки друг к другу; в результате такой операции получится длинная палка, но ведь никто не поверит, что так рос бамбук. Тойнби считает, что так поступают, когда соединяют историю Греции, историю Рима или историю других стран и народов в единый исторический процесс. По Тойнби, всемирная история распадается на отдельные цивилизации, каждая из которых имеет свою историю, свое рождение и смерть. Английский историк Стенли Кессон, воспринявший теорию Тойнби, предлагал всемирную историю именовать «лабораторией экспериментальных цивилизаций»[1].

Тойнби придает лишь видимость единства историческому процессу с помощью теории круговорота, цикличности. Эта теория получила широкое распространение в 20-х годах XX в. после выхода книги немецкого реакционного философа Шпенглера, пророчившего «закат западной культуры». По теории Тойнби, одна цивилизация, достигнув расцвета, клонится к упадку, умирает; ей на смену идет другая цивилизация, которая начинает тот же путь; исторический процесс совершается, таким образом, по кругу. Гибель цивилизации происходит в результате раскола «социального целого», в результате нарастания острых социальных конфликтов. Но развитие цивилизации, по Тойнби, в конечном счете зависит от развития сознания, идей; главенствующую роль играют при этом религиозные идеи. Здесь Тойнби повторяет старые-престарые и давно опровергнутые азы идеализма.

Основной вывод из теории Тойнби заключается в том, что если рухнет капиталистический строй, то история пойдет не вперед, а вспять. Надо ли после этого добиваться крушения эксплуататорского капиталистического строя?

Так теории, отрицающие исторический прогресс, обнажают свое истинное классовое лицо. Назначение этих реакционных теорий состоит в том, чтобы отвести взоры человечества от светлого будущего, лишить общественную деятельность людей величественной перспективы построения нового общества. Удел человечества — штопать и ремонтировать здание капитализма, под крышей которого ему будто бы суждено вечно жить.

Тойнби не одинок в своих философско-исторических построениях. Многие современные буржуазные философы ушли от понятия социального прогресса, ополчились против самой идеи прогрессивных изменений в жизни общества.

---

[1] *S. Casson.* Progress and Catastrophe. London, 1937, p. 114.

В книжках историков и социологов нередко можно встретить рассуждения о том, что идеи старой философии истории были иллюзиями и сгорели в огне действительности, что никуда не годятся ни схемы французских просветителей XVIII в., которые говорили о конечном торжестве разума, ни философско-историческая схема Гегеля, ибо в ней речь идет о развитии.

Видный американский социолог Огборн в 20-х годах нашего столетия заявил, что с терминами «прогресс», «эволюция», «развитие» надо покончить, так как эти понятия основаны на признании неизбежности последовательных стадий развития общества. Огборн, выступивший за изгнание этих понятий из современной социологии, предложил придерживаться «строго научного» термина «социальные изменения» [1]. В обществе происходят изменения, но, в каком направлении они идут, мы этого якобы не знаем и знать не можем, не следует и задавать такой вопрос. Эта теория стала для буржуазной социологии знамением времени.

Введение в обиход современной буржуазной социологии и философии истории понятия «социальное изменение» открыло широкий путь для идеалистического истолкования исторического процесса. Оперируя этим понятием, ученые, как пишет западногерманский социолог Борх, превращают великий поток исторического становления «в беспрерывное течение социальных изменений, которые состоят из бесконечно большого числа бесконечно малых частичных процессов» [2]. Это справедливое замечание: с помощью понятия социальных изменений исторический процесс дробится на мельчайшие частичные процессы, лишается единства, разрывается на клочки. Линия социального процесса распадается на отдельные точки, разбросанные в пространстве. Французский философ Брейе говорил в этой связи, что современная философия истории учит не представлять себе исторический момент как точку на какой-то прямой. Добавим: не только на прямой, но и на кривой, например на спирали. Дело здесь не в отрицании прямолинейности общественного развития, а в отрицании самой теории поступательного развития. «Распалась цепь времен», как говорил Гамлет — герой Шекспира. Но распалась не только цепь времен; связь явлений общественной жизни распалась не только, так сказать, по вертикали, но и по горизонтали, в пределах данного этапа истории общества. В сознании буржуазного социолога общественная жизнь на каждой ступени исторического развития раскололась на ряд бесконечно малых самостоятельных частных процессов.

Буржуазно-субъективистские взгляды на ход общественного развития отразились в теоретических рассуждениях современных

[1] *W. Ogburn.* Social Change. 1922; см. также его статью в «Энциклопедии социальных наук» Social Change (vol. 3, p. 330—334).

[2] *H. von Borch.* Grundlagen der Geschichtssoziologie; *A. Weber.* Einführung in die Soziologie. München, 1955, S. 201.

ревизионистов, отрицающих единые, общие для всех стран закономерности перехода от капитализма к социализму; ревизионисты рассматривают этот переход как совокупность отдельных разных «путей», которыми человечество, по их мнению, вразброд, врозь должно двигаться к социализму.

За последнее время многие буржуазные социологи, однако, заметили, что, изгоняя теорию общественного развития, превознося эмпиризм и неопозитивизм в подходе к общественным явлениям, они только содействовали росту интереса у западной интеллигенции к марксизму-ленинизму, который дает научные ответы на теоретические вопросы, выдвигаемые науками об обществе, содержит общую теорию социального развития. Буржуазные социологи увидели, что они не только «потеряли инициативу» в области социальной теории, но, как они сами признают, утратили всякое право заявлять, будто они ведут теоретическое исследование проблем общественного развития.

Вместе с тем оказалось, что, отступая от эмпиризма, буржуазные идеологи не могут сказать ничего нового. Они пытаются извлечь из сундуков старые теории эпигонов идеализма конца XIX — начала XX в. Так, в настоящее время усиленно рекламируются труды немецкого социолога Макса Вебера, который признавал значение для науки понятия социальной структуры, закономерности исторического процесса и т. д. Но, признавая различные социальные структуры, М. Вебер оговаривался, что это лишь «идеальные типы» — результат деятельности ума ученого, а законы, в том числе и экономические,— это лишь идеальные типы связей между явлениями, которые ученый логически устанавливает. Для современных буржуазных идеологов теория М. Вебера именно этим очень удобна: она представляет собой суррогат действительной теории, более замаскированную форму отказа от познания законов общественного развития, чем эмпиризм, позитивизм.

В качестве теории общественного развития многими буржуазными социологами предлагается также теория американского профессора Ростоу, изложенная им в книгах «Процесс экономического роста» и «Стадии экономического роста». Чувствуя, что марксистское учение об общественно-экономических формациях как закономерных стадиях развития общества одерживает все новые победы, привлекает большое внимание западных ученых, Ростоу изобрел свой «заменитель» теории общественного развития. Он излагает надуманную схему, отправным пунктом которой является чрезвычайно расплывчатое понятие «традиционного общества». Ростоу старается объединить этим ничего не значащим термином различные этапы в истории общества — первобытнообщинный строй, рабовладельческое общество и феодализм. По его теории, в недрах этого «традиционного общества» созревают «предварительные условия для начала сдвига». Среди

этих «предварительных условий» фигурируют различные явления общественной жизни — развитие наукн, торговли и прикрываемое расплывчатым понятием «экономической активности» вызревание капиталистических отношений. Самый «сдвиг», по Ростоу, заннмает лет 10—20, в России он приходится, например, на *1890—1914* гг. Затем следует этап «созревання», занимающий примерно 60 лет, после чего «индустриальное общество» вступает в «эру массового потребления». Не трудно заметить, что Ростоу старается смешать все формации, перепутать различные социальные структуры, чтобы затем с помощью таких понятий, как «индустриальное общество» или «эра массового потребления», попытаться «объединить» капитализм и социализм. По сути дела, Ростоу на свой лад тянет все ту же песню апологетов эксплуататорского строя, утверждая, что капнтализм якобы не будет заменен новым общественным строем, что, вступив в «эру массового потребления», капнталистический строй будет развиваться и впредь. Чтобы «доказать» это недоказуемое положение, Ростоу замалчивает классовую структуру общества, эксплуатацию и классовую борьбу.

4. Теории «факторов» и «сфер» общественной жизни

Еще в конце XIX в. значительная группа социологов придерживалась теории множественности факторов, определяющих изменения в общественной жизни. Социологи этого направления отрицали, что общественное бытие определяет развитие общественного сознания, что развитие производительных сил и производственных отношений определяет структуру общества и ход его развития. Эти социологи не прочь были признать заслугу марксизма, который-де разработал вопрос о значении экономического фактора, но они считали марксизм «односторонним» и выступали против монизма исторического материализма, за «множественность факторов».

На III Международном социологическом конгрессе, который был посвящен проблеме «социальных изменений» и состоялся в 1956 г., это направление даже иазывали «ведущим» в современной социологии. Западногерманский социолог фон Визе заявил в своем докладе, что на смену прежнему, характерному для середины XIX в. «однопричинному объяснению истории» ныне пришла «многолинейная интерпретация» общественных явлений [1]. Однако дело здесь не в защите идеи сложности и многообразия исторического процесса, а в попытке раздробить его на отдельные процессы, слабо связанные или совсем не связанные друг с другом. Обоснованию теории «множественности факторов» на

[1] «Transactions of the Third World Congress of Sociology, vol. I, p. 5.

конгрессе был посвящен также доклад видного английского социолога М. Гинсберга, который утверждал, что нельзя одни факторы считать более важными, чем другие. «Социальные изменения,— говорил он,— часто вызываются слиянием или сочетанием элементов, возникших из различных источников, но пересекающихся в одной точке»[1].

Сторонники такого взгляда на общественную жизнь особенно грешат эклектизмом. Вместе с тем их взгляд проникнут метафизичностью, ибо они отказываются видеть основу исторических явлений, сводя их к механической совокупности различных факторов. Подобные теории лишь прикрывают идеалистический взгляд.

В настоящее время среди буржуазных социологов представление о различных факторах единого общественного процесса все больше заменяется представлением об отдельных, обособленных друг от друга сферах, или процессах, общественной жизни. Так, в Западной Германии социолог Альфред Вебер[2] и другие разработали теорию разных сфер, или систем, общественной жизни: «социальной, технологически-цивилизаторской и культурной». Вебер утверждает, что эти сферы, или системы, общества (или структуры), подобно сферам греческого астронома Птоломея, вращаются каждая сама по себе. Социолог якобы призван изучать точки совпадения, «констелляции» этих систем. «По-видимому, идут по правильной дороге, когда эволюцию, установленную Марксом, разделяют на отдельные социологические сферы бытия»[3],— пишет А. Вебер, утверждая, что надо отказаться от понятия общей эволюции (развития) общества и изучать отдельные сферы и их взаимное расположение по отношению друг к другу.

Так, отказываясь от марксистского разграничения явлений общественной жизни на базисные и надстроечные, разорвав противоречивое единство этих явлений, современные буржуазные социологи создают самые запутанные схемы соотношения различных сфер общественной жизни людей. Общественная жизнь при этом произвольно рассекается на частные процессы, или на отдельные факторы и сферы, а движение этих сфер считается подчиненным сознанию.

Некоторые социологи, разделяя исторический процесс на отдельные процессы, сферы или факторы и задавая себе вопрос о взаимных отношениях этих сфер, особо выделяют проблему развития и роли техники. Они указывают на огромное значение технических усовершенствований и нововведений в общественной жизни. Огборн усматривает основную причину социальных изменений именно в изобретениях и пишет о значении этого

[1] «Transactions of the Third World Congress of Sociology», vol. I, p. 17.
[2] См. *A. Weber.* Einführung in die Soziologie. München, 1955.
[3] *A. Weber.* Das Weltbild unserer Zeit. Nürnberg, 1954, S. 125.

фактора: «Механические изобретения дают импульсы к социальным изобретениям (нововведениям), а социальные изобретения стимулируют механические изобретения» [1]. Он признает некоторую взаимозависимость социальных явлений и техники. Но чем же определяется развитие техники, какова роль социальных отношений в этом развитии? На такой вопрос Огборн и его единомышленники ответа не дают. Они сводят развитие техники в конечном счете к развитию духовных сил и способностей человека, повторяя азбуку идеализма.

По мнению Огборна, своеобразным законом взаимодействия факторов в общественной жизни является отставание духовной культуры от развития техники. Выдвинутое Огборном положение ныне вошло в обиход многих социологических теорий. Подобную мысль развивает американский социолог Льюис Мэмфорд, который говорит об «опасности» чрезмерного развития техники, о «губительности» увлечения техническим прогрессом.

Основной порок этого направления в социологии состоит в том, что его сторонники берут технику вне социальных отношений, вне отношений собственности и сводят развитие техники к развитию духа. Между тем никакого развития техники вне социальных отношений не существует.

Сторонники теории о примате технического фактора, технических изобретений в общественной жизни не могут установить, в чем же заключается и почему существует связь между изменениями в технике и социальными изменениями, в чем сущность самих социальных изменений. Тот факт, что в эпоху империализма технический прогресс нередко сопровождается регрессом в других областях, особенно в области духовной жизни людей, которую безжалостно уродует капитализм, буржуазные социологи объяснить не могут. Огборн и его единомышленники не видят или не желают видеть, что производственные отношения капитализма отжили свой век и что именно в этом заключается разгадка «отставания культуры» от техники в современном капиталистическом мире.

Атомная энергия используется империалистами не в интересах человечества, а для изготовления средств массового убийства людей. Социологи этой группы склонны винить в этом науку, технику, а не капитализм, придающий развитию техники уродливое, противоречащее интересам общества направление.

Взгляд на технику как на особый фактор, как на такую сферу, изменения в которой опережают изменения в других сферах общественной жизни, лежит в основе социологического направления — так называемой *индустриальной социологии*. Это направление ставит вопрос о «приспособлении» человека к «механической и технической среде», и социологи придумывают раз-

[1] См. *Elmer*. Contemporary Social Thought. Pittsburgh, 1956, p. 183.

личные средства, чтобы «человек» (имеется в виду индустриальный рабочий) лучше и быстрее «приспосабливался» к условиям современного капиталистического предприятия и не думал о коренном изменении эксплуататорских общественных отношений. По мнению этих социологов, социальные конфликты происходят из-за того, что люди плохо «приспосабливаются», их духовная культура отстает; индустриальная социология стремится ускорить это «приспособление». Представители этого направления, одним из родоначальников которого является американский социолог Элтон Мейо, написавший сочинение об «индустриальной цивилизации» и ее «проблемах», работают в различных фирмах, состоят консультантами капиталистических компаний, производят обследования организации труда на заводах, выясняют причины конфликтов и способы их улаживания, составляют предпринимателям рекомендации о «регулировании» их отношений с рабочими.

В одной из программных статей этого направления, опубликованной в «Журнале социологии обучения» в ноябре 1950 г., говорится, что «социологическое исследование в области промышленности, для того чтобы иметь практическую ценность, должно дать основные принципы, лежащие в основании приспособления и конфликта». Речь здесь идет о том, что восторжествовать должно «приспособление» людей к создавшемуся положению, перестройка их сознания, и конфликты тем самым были бы ликвидированы. Автор статьи признает, что известные круги ждут от этой отрасли социологии «лекарств против взрывов, конфликтов и классовых антагонизмов». Тот же журнал в декабре 1955 г. выступил со статьей, в которой предупреждал, что «у рабочих просыпается сознание необходимости самого широкого участия в общественном развитии», поэтому в профсоюзы следовало бы направить социологов-консультантов, которые просветили бы профсоюзных лидеров и помогли бы им «установить между группами рабочих и хозяев отношения сотрудничества».

С помощью теории о преодолении «отставания сферы культуры от сферы техники» представители индустриальной социологии надеются, по выражению одного социолога, «распознать сеть условий, в которых может запутаться современный человек». Вернее было бы сказать, что с помощью такой теории буржуазия надеется сделать прочнее ту сеть социальных отношений, которой опутан современный рабочий в капиталистическом мире.

Вместе с тем в работах по индустриальной социологии встречаются описания таких условий современного капиталистического производства, которые ведут к «деспиритуализации» труда рабочего, к ликвидации его духовного содержания.

Наравне с «индустриальной социологией» существуют такие направления, как «социология городов» и «сельская социоло-

гия», основанные также на предположении о существовании замкнутых, отделенных друг от друга сфер общественной жизни. Первая исследует состав населения городов, вопросы городского строительства и т. д. Вторая изучает настроения фермеров, вопросы организации их труда и т. п. В работах обоих этих типов ставятся вопросы об отношении данной части общества (населения определенного района) к окружающей среде, главным образом к географической. По образцу соответствующей биологической дисциплины, рассматривающей взаимовлияние организма и окружающей среды, это направление социологии часто называют *социальной экологией*. Исследователи принимают в расчет географическую среду (климат, почву и т. п.), а отчасти и экономику данного района, политические учреждения, культурные традиции его жителей, рассматривают взаимодействие «естественного», или «пространственного», и «социального», или «культурного», факторов. Некоторые из таких комплексных обследований могут, разумеется, содержать интересный фактический материал. Однако субъективный метод в отборе сведений и материалов, отсутствие объективного критерия, отрицательно сказывается на этих работах; их выводы часто определяются не научными данными исследования, а предвзятой социально-политической философией исследователя. При этом под «социальным» (или «культурным») фактором обычно понимается сознание людей, их психика.

Совершенно очевидно, что различные сферы жизни капиталистического общества нельзя изучать вне антагонистических классовых противоречий, которые пронизывают все стороны общественной жизни эксплуататорского общества, вне единства и противоположности производственных отношений и производительных сил, на основе чего и складывается единство общественной жизни, целостность исторического процесса на данном этапе и связь его с предшествующей и последующей эпохами. В общественной жизни людей нет и не может быть таких частных закономерностей, которые не связаны с основными, общими законами развития данной общественно-экономической формации; нет никаких уголков общественной жизни, где эти законы не проявлялись бы в той или иной форме; нет никаких разрозненных факторов, которые не были бы проявлением закономерностей, свойственных этой формации.

5. Психологическое направление в социологии

Основное направление всей современной буржуазной социологии — психологическое: в основу изучения общества кладется либо индивидуальная психика, либо коллективная психика. Соответственно этому психологическое направление разделяется на отдельные школы, или учения.

От философского «исповедания веры» приверженцы психологической социологии обычно уклоняются, подчеркивая, что они пекутся не о философском, а лишь о «научном содержании» своих трудов. Однако идеалистические исходные положения проступают во всех их системах. «Теоретические основы,— пишет западногерманский социолог Арндт,— лишь редко появляются сегодня открыто, они определяют, однако, схему понятий, метод и терминологию» [1].

Философская основа подавляющего большинства школ психологического направления в социологии — субъективный идеализм. Некоторые социологи, стоящие на крайних субъективно-идеалистических позициях, берут за основу психику индивидуума и доходят до утверждения, что реально существуют лишь социальные ситуации, переживаемые отдельным субъектом. Общественные отношения, следовательно, подменяются переживаниями личности. Основными социологическими понятиями являются в этом случае «я» и «мне» (или «меня»), т. е. человеческая психика «сама по себе» и она же «обращенная вовне». Представители этого направления не доходят до полного солипсизма: что-то «вовне» сознания индивидуума имеется, но не оно для них главное в общественной жизни.

Социальная ситуация с позиций такого направления — это в первую очередь принятие личностью той роли, которая предписывается ей социальным окружением. Так полагают американский социолог Мид и западноевропейские социологи, находящиеся под влиянием философии экзистенциализма. Понятие «социальной роли», как основное понятие, широко применяют и другие социологи, придерживающиеся психологического направления.

Объективная причинность общественных явлений, с точки зрения социологов, стоящих на позициях субъективного идеализма, не существует; причинность сводится ими к психологической мотивации действий субъекта.

Другие социологи психологического направления не идут столь далеко. Они признают некоторую реальность общественных явлений и общественных связей. Таковы, например, сторонники *аналитической социологии* — американские социологи Талькотт Парсонс и Флориан Знанецкий.

Парсонс, считающийся одним из виднейших социологов в США, пишет, например, что мотив выгоды, который играет столь господствующую роль, не является психологической категорией: система свободного предпринимательства такова, что все, кто ведут дела, должны иметь своей целью выгоду, для того чтобы существовать и измерять свои успехи. Парсонс разработал

[1] *H. Arndt.* Die Soziologie in den Vereinigten Staaten. См. *A. Weber.* Einführung in die Soziologie. München, 1955, S. 426.

теорию «социального действия», причем сосредоточивает внимание на социальных явлениях, которые влияют на деятельность людей и в конечном счете определяют их «социальную роль». Но социальные явления, влияющие на человеческую деятельность, он в конечном счете сводит к явлениям сознания, к представлениям, господствующим в обществе.

Знанецкий также заявляет, что современная социология основана на изучении социального взаимодействия людей. Однако, утверждает он, из этого взаимодействия надо исключить все действия с другими объектами, кроме человека. Таким образом, получается, что средства производства и отношение людей к средствам производства не имеют никакого значения в социальном взаимодействии людей. Производство выпало из поля зрения социолога, социальные отношения «очищены» от обременяющей их материи, от их действительного содержания. К чему же в таком случае сводится сущность общественных отношений с точки зрения сторонников этого направления?

Отвечая на этот вопрос, американский социолог Юбеик заявляет, что под термином «социальное» надо понимать «такой ряд явлений, при котором индивидуальное сознание благодаря взаимоотношениям с мышлением других становится интериндивидуальным сознанием». «Ничье сознание» провозглашается, таким образом, основой общественных связей и отношений.

Видный американский социолог Л. Бернард, также сторонник психологического направления, утверждает, что современная социология стремится отыскать «психологический базис» общества. Это замечание Бернарда следует понимать в том смысле, что большинство современных буржуазных школ социологии считает, будто психические отношения — основа общественных связей.

Каждая «социальная роль», пишет Знанецкий, исполняется внутри определенного социального круга людей; они признают ту или иную личность наиболее пригодной для исполнения данной роли. Выбор «социальной роли» — «важнейший акт внутригрупповых отношений» — определяется психическими отношениями, складывающимися между личностью и группой; восприятия других индивидуумов, которые составляют то или иное коллективное мнение об индивидууме, определяет его «социальный престиж».

Несостоятельность данной теории обнаружить нетрудно. Ведь если стать на эту точку зрения, то получится, что люди признали Рокфеллеров наиболее пригодными для исполнения той роли, которую они играют в общественной жизни США, поэтому и возникла эта могущественная монополистическая клика. По существу идея престижа есть возрождение старой идеалистической теории о том, что «мнения правят миром». Но что же управляет мнениями? На этот вопрос идеализм ответить не может.

Что касается причинности социальных явлений, то она в конечном итоге сводится социологами этого направления к психическому импульсу, получаемому от «внешней среды» и побуждающему человека действовать. Дело мало меняется от того, что некоторые социологи обобщают эти психические импульсы, именуя их в целом «общественной энергией».

«Современная социологическая мысль, вероятно, начинается там, где основой социологического исследования становятся три проблемы: 1) природа социального процесса или процессов, 2) структура и классификация социальных групп и 3) взаимоотношения между индивидуумом, группой и социальными процессами»[1],— говорится в книге американских социологов Г. Беккера и А. Боскова «Современная социологическая теория». Но, спрашивается, каким образом можно ответить на эти вопросы, если игнорировать классовую структуру общества и классовые антагонизмы, которые и определяют основу социальных процессов, наличие социальных групп и взаимоотношения между группами и т. д. Психологические изыскания на этот счет теряют научную основу, а рассуждения о «социальных конфликтах», т. е. о классовых антагонизмах, сводятся к таким находящимся в противоречии с действительностью «выводам»: «Социальный процесс отражает постепенный переход конфликта в согласие»[2]. Современные буржуазные социологи признают, что в капиталистическом обществе имеет место, как они говорят, «социальная дезорганизация» вместо любезной их сердцу «гармонии интересов». Но объясняют они эту «дезорганизацию» теми или иными состояниями индивидуальной психики и рекомендуют различные психологические рецепты, предполагающие усиление влияния буржуазных иллюзий на сознание трудящихся. Вместе с тем в трудах некоторых социологов этой школы имеется большой фактический материал по социальной психологии, о настроениях и психических состояниях людей, задавленных «машинной, механической цивилизацией», т. е. условиями современного капитализма.

6. Неопозитивистский эмпирический метод в социологии

Большинство современных буржуазных социологов считает, что социологию надо строить лишь на данных опыта и даже эксперимента, причем опыт, эмпирические данные, они сводят к «психическому опыту» индивидуума, оставляя втуне объективные процессы и явления. «Эмпирический метод», который в большом ходу у современных буржуазных социологов, вполне

---

[1] *Г. Беккер* и *А. Босков*. Современная социологическая теория. ИЛ, 1961, стр. 25.

[2] Там же, стр. 27.

соответствует основному психологическому направлению их работ. Поэтому и статистика понимается многими современными социологами по-своему.

Статистика, разумеется, имеет большое значение для общественных наук, но многие современные социологи и к статистике подходят произвольно, субъективно, что сказывается и в выборе объектов измерения и в системе подсчета и обобщения данных.

Социологи, оперирующие «эмпирическим методом», чаще всего стоят на философских позициях неопозитивизма и прагматизма — разновидностей субъективного идеализма, прикрывающихся вывеской научного знания и щеголяющих словечком «опыт».

Как понимают буржуазные социологи-неопозитивисты и прагматисты опыт, эксперимент, показывают их многочисленные работы, в которых устанавливается система опросов населения, разрабатываются вопросники и способы подсчетов полученных ответов. Возьмем, например, характерную для этого направления работу американского социолога Р. Эллиса, напечатанную в журнале «Американское социологическое обозрение» за октябрь 1957 г. и посвященную социальному расслоению по данным обследования, произведенного автором на острове Ямайка. Лишь мимоходом автор отмечает, что среди обследуемого населения ему попалось несколько человек, годовой доход которых равнялся 18 тысячам долларов, в то время как другие получали только 100 долларов. Казалось бы, анализ статистических данных, показывающих отношение различных групп населения к средствам производства, анализ форм собственности и эксплуатации должен был заинтересовать исследователя. Но не так представляет себе исследование социального неравенства в современном капиталистическом мире неопозитивистская социология. Эллис разработал анкету, в которой содержится вопрос, есть ли, по мнению опрашиваемого, социальные слои на Ямайке и сколько их, а также вопрос, каких друзей выбирает опрашиваемый. Таким путем можно получить некоторые данные об уровне классовой сознательности у различных слоев населения, но нельзя рассчитывать извлечь какие-либо объективные данные о классовом расслоении. Автор с серьезным видом указывает, что один семидесятилетний старик ответил отрицательно на вопрос о существовании социальных слоев, другие насчитали три таких слоя, третьи прямо говорили о существовании классов. Далее, пользуясь различными «коэффициентами» в статистических подсчетах, автор приходит к выводу, что на Ямайке насчитывается четыре класса: высший, высокий средний, средний и низший средний, что там имеется «система социального неравенства, похожая на американскую систему статуса, определяемого престижем». Эллис забывает, однако, сказать, что же такое общественный престиж. Кто, как и чем измеряет престиж — десятками

тысяч долларов годового дохода или, может быть, борьбой за свободу и независимость страны, за демократические права трудящихся? Не говорит Эллис и о том, куда девался на Ямайке рабочий класс. Подобные эмпирические исследования, в основу которых положены предвзятые точки зрения, далекие от науки, не могут служить делу истинного познания.

Для социологов, оперирующих «эмпирическим методом», весьма характерно заявление американского социолога Джона Кьюбера, который пишет: «То, что отдельный исследователь может назвать «мифом и предрассудком», но что реально для личности, которая рассматривает это как «истину», имеет объективную реальность». Так Кьюбер рекомендует рассматривать «культурные явления», оставив в стороне вопрос об объективной истине. Но он путает разные вещи. Предрассудки и заблуждения вполне реальны, с ними приходится считаться в исследованиях и в идеологической борьбе, но от этого они отнюдь не становятся истиной.

Прагматический релятивизм не помогает, а лишает ученого возможности разобраться в явлениях идеологии и культуры. Так же как и неопозитивизм, он оперирует субъективными данными, мнениями н взглядами отдельных лиц; эти данные в свою очередь обрабатываются исследователем с позиций субъективизма. «Социальные явления,— пишет видный американский социолог Элмер,—различны, а точка зрения на частные ситуации в их отношении к принципам индивидуальна, углов зрения может быть столько же, сколько людей делают наблюдения»[1]. В этом субъективизме — суть эмпирического метода.

Субъективный метод в социологии, раскритикованный Лениным, оживает в работах нынешних буржуазных социологов. Этот метод лишает социологические работы главнейшего качества, присущего научному исследованию,— достоверности.

7. Буржуазные социологи о «социальной стратификации» современного капитализма

Одной из ведущих проблем общественной жизни, которыми занимаются буржуазные социологи различных направлений, является «стратификация» современного общества, определение его социальных слоев (страта — термин, заимствованный из геологии) или групп. В словарь современной буржуазной социологии прочно вошел термин «социальная группа». Его особенно настойчиво вводил в обиход недавно умерший патриарх американской социологии Эдуард Росс. По мнению Росса, общество состоит из совокупности социальных групп. Общественная жизнь

[1] *Elmer*. Contemporary Social Thought. Pittsburgh, 1956, p. 157.

индивидуума — это его жизнь в группе и участие в межгрупповых отношениях.

Но неправильно было бы думать, что буржуазные социологи ведут речь об основных социальных группах классового общества — общественных классах. Современное капиталистическое общество с позиций субъективного метода рассекается самым произвольным образом: группы берутся по территории, по профессии, по сходству занятий и т. д. При такой классификации в число, например, сталелитейщиков попадают и короли стали и рабочие. Флориан Знанецкий, который был президентом Американского социологического общества, пишет о социальном составе американского общества, обходя существование классов, но отмечая две сотни отдельных религиозных групп (каждая со своей специализированной подгруппой); около 50 этнических разновидностей эмигрантов и их потомков с различными культурами; множество клубов, профессиональных и коммерческих групп; некоторое число правительственных групп; научные, литературные и артистические ассоциации.

Для американской высшей школы было предложено такое деление общества на социальные группы: «Общины и их группы; семейные группы; группы, созданные для отдыха; религиозные и моральные группы; группы по воспитанию; группы по роду занятий их членов; культурные и расовые группы; гражданские группы и политические организации». Скрытая цель подобного выделения групп — привить ложную идею единства, гармонии капиталистического общества и затушевать существующие в нем классовые противоречия.

Видный социолог Морено утверждает, что общество в конечном счете состоит из «микрокосмов», к числу которых относятся семейные, возрастные, профессиональные, производственные и потребительские группы, объединения друзей, религиозные, политические, спортивные ассоциации и т. д. Он предлагает изучать процессы, происходящие внутри этих групп, заявляя, что с помощью такой *микросоциологии* будет объяснена структура современного общества.

Марксисты не отрицают, что в современном капиталистическом обществе есть различные социальные группы, слои и прослойки, а также разного рода политические, экономические и культурные организации. Но их истинный социальный смысл и значение могут быть вскрыты лишь в той мере, в какой будут установлены место этих групп в классовой структуре общества и их роль в классовой борьбе. Изучение любых реально существующих социальных групп не отменяет, а предполагает классовый анализ общества.

При рассмотрении современными буржуазными социологами «внутригрупповых» и «межгрупповых» отношений важное место занимает довольно расплывчатое понятие «социальный конт-

роль»[1]. Если понятие кооперирующихся «социальных групп» должно заслонить действительные классовые антагонизмы и привести к мысли об «интеграции», единстве и сплочении как основном направлении общественной жизни капитализма, то и понятие «социальный контроль» должно заменить научные представления об эксплуатации и о политическом насилии, господствующих в условиях капиталистического строя, где имущее меньшинство господствует над большинством населения, а заодно затушевать различные формы идеологического воздействия со стороны господствующих классов на массы народа.

«Социальный контроль» — это «регулирующие нормы», которые вносит «группа» для того, чтобы «регулировать» отношения своих сочленов. В понятие такого «контроля» включают обычаи, нравы, влияние общественного мнения и, как правило, лишь на последнем месте указывают те средства, которые применяются как открытое или скрытое насилие. Понятие «контроля» должно охватить и совет старейшин первобытнообщинного строя и... комиссию по расследованию антиамериканской деятельности в США. Таким образом, делается попытка заменить пустой абстракцией представление о реальных классовых отношениях в сфере права, политики, морали.

Росс, Бернард и многие другие социологи посвятили обоснованию понятия «социальный контроль» объемистые работы. Один из современных американских социологов, говоря о значении их работ, заявляет: «Социальный контроль — основная проблема и логический конец социологии и всех социальных наук». Первоначально, согласно этим воззрениям, огромную роль в установлении «социального контроля» играли религия и другие предрассудки, они являлись «санкцией социального поведения» и направляли социальные действия человека, а теперь все это якобы замещено наукой и общественным мнением. Некоторые социологи указывают при этом на огромную роль, которую играет обработка общественного мнения — буржуазная пропаганда, влияющая на социальные действия людей. К формам «социального контроля» относят также воспитание, которое дает «направление человеческой деятельности».

К идеям «социального контроля» прибегают буржуазные социологи и в том случае, когда они говорят о возможности «планирования» производства в капиталистическом обществе.

В конечном счете мысль о «социальном контроле» исходит из идеалистического представления о некоем «групповом» или «межгрупповом сознании», о «межгрупповой воле» как «регулирующей» силе в социальных отношениях. Вместе с другими аналогичными представлениями современной буржуазной социологии она создает неверную, извращенную картину капитали-

[1] См. *E. Ross*. Social Control, 1901.

стического общества как бесклассового общества, как гармонической совокупности индивидуумов, а не антагонистических классов. Исключив классы и классовую борьбу из системы социальных отношений, буржуазная социология пропагандирует «социальный контроль» как прикрытие для действительного механизма власти и влияния господствующего класса в современном капиталистическом мире.

Утверждать, что эксплуатация и насилие в капиталистическом обществе «отмерли», не замечать возросшей, а не уменьшающейся роли полиции, суда, армии в империалистическом государстве — это и значит заниматься апологетикой, оправданием диктатуры монополий, объявлять современный государственно-монополистический капитализм «государством всеобщего благосостояния», пекущимся якобы об общем благе. Этим путем и составляются «теории» на потребу пропаганде антикоммунизма.

Многие буржуазные социологи, не отрицая понятия «общественный класс», стремятся так извратить это понятие, чтобы оно служило не средством познания, а орудием фальсификации науки и затушевывания капиталистической действительности. Некоторые теоретики утверждают, что в современном капиталистическом обществе происходит процесс постепенного слияния различных слоев общества в «единый средний класс», что совершается поглощение всех классов этим «единым средним классом». Разница между рабочим классом и мелкой, а также средней буржуазией якобы совершенно стерлась.

Такой взгляд особенно охотно пропагандируют социал-демократические теоретики в целях обоснования реформизма. Как уже отмечалось в главе XIV, реформисты до неузнаваемости искажают марксистско-ленинскую теорию, заявляя, что согласно марксизму средний класс якобы должен был уже давно исчезнуть. Нечего и говорить, что в данном случае буржуазные социологи сражаются не с марксизмом, а со своей собственной выдумкой. На самом деле марксисты утверждают, что развитие капиталистического производства ведет к вытеснению независимых мелких товаропроизводителей и к преобладанию крупных капиталистических форм собственности. Мелкая буржуазия вытесняется, но одновременно она и воссоздается. Известно, что кое-какие производственные функции монополистическому капиталу невыгодно брать на себя. Монополии оставляют эти функции в сфере деятельности мелкого производителя, мелкого предпринимателя. Таковы, например, некоторые ремонтные, вспомогательные работы и т. п.

Далее, при империализме, как известно, особенно разрастается обслуживающий персонал, который обычно причисляется буржуазными социологами к категории «средний класс». В эту категорию они зачисляют также инженерно-техническую интел-

лигенцию и административные кадры. Если учесть всю разнородность социальных слоев, произвольно объединяемых буржуазными социологами в понятии «средний класс», то становится явной нелепостью утверждение о том, будто он поглощает все другие классы.

Наличие средних слоев в обществе не устраняет и не смягчает противоположности между антагонистическими классами. Да и сами эти средние слои подвергаются гнету монополий. Молот крупного капитала ударяет не только по рабочему классу, но и по средним слоям. Это создает ряд общих интересов у рабочего класса и у средних слоев как в области внутренней, так и внешней политики. Рабочий класс, коммунисты защищают эти средние слои — мелких ремесленников, мелких торговцев — от посягательств жадных и хищных монополий.

В современную эпоху создаются объективные предпосылки для объединения под руководством рабочего класса и его революционной партии самых широких слоев населения для борьбы за мир, в защиту национальной независимости и демократических свобод, за улучшение жизненных условий трудящихся, за ликвидацию всевластия монополий, предающих национальные интересы.

Этого пуще огня боятся идеологи современного империализма и лидеры реформистов. Из их теорий следует, что рабочий класс никак не может руководить широкими слоями населения в борьбе против всевластия монополий, ибо сам пролетариат якобы «растворился» в мелкой и средней буржуазии. А отсюда, очевидно, надлежит сделать вывод о том, что не революционная партия рабочего класса выражает коренные интересы большинства населения капиталистических стран, а буржуазные или социал-реформистские группы и партии. Последние якобы защищают интересы мифического «единого среднего класса» и поэтому должны-де занимать авансцену политической жизни.

Вот почему в буржуазной социологии большое место уделяется вопросу о стирании классовых граней. Буржуазные социологи при этом приводят факты, показывающие, что иной раз мелкий буржуа живет примерно так же, как рабочий (в смысле получаемых доходов и т. д.). Но от этого, разумеется, классовая природа мелкой буржуазии не меняется.

Пользуясь фальшивой методологией, католический писатель Бертран-Серре, автор полемической работы против марксистского учения о классах[1], утверждает, будто постепенно происходит процесс исчезновения и самой буржуазии. Под буржуазией, рассуждает он, можно понимать лишь группы людей, которые ведут определенный образ жизни, но подобный образ жизни характерен и для многих рабочих в Америке.

---

[1] *R. Bertrand-Serret*. Le Mythe marxiste des «classes». Paris, 1955.

Обуржуазивание верхушки рабочего класса, конечно, происходит в такой империалистической стране, как США, где капиталистическая прибыль выкачивается со всего мира и где имеет место систематическое подкармливание верхушки рабочего класса. Но из этого только софист может сделать вывод, будто изменяется сама природа рабочего класса, будто исчезает класс буржуазии.

Современные буржуазные социологи спекулируют и на таком факте, как распространение акций и облигаций того или иного капиталистического предприятия среди рабочих. Они заявляют, что благодаря этому рабочие становятся-де «совладельцами» предприятия. Такие обоснования теории «среднего класса» — чистая мистификация. В главе XIV уже говорилось, что если рабочий имеет несколько акций, то это не делает его владельцем предприятия, ибо не дает ему ни малейшей возможности оказывать влияние на ход дела и не приводит к действительному участию в прибылях. В США, кстати сказать, как указывает американский социолог Райт Миллс, 98,6% рабочих обрабатывающей промышленности акций не имеют [1].

Другое извращение, которое допускают буржуазные социологи, оперируя понятием класса и классовых отношений, состоит в том, что эти отношения сводятся к так называемой социальной мобильности, социальной подвижности индивидуумов. Утверждается, что в современном капиталистическом обществе появилась неограниченная возможность перехода людей из одного класса в другие, возникли так называемые «открытые классы», «открытое общество», что старый капитализм, основанный на эксплуатации рабочих, отмер, что возник якобы совершенно «новый» капитализм.

Капитализм, конечно, представляет большую мобильность, чем феодализм с его многочисленными сословными перегородками. Но классовые перегородки при капитализме не исчезают, а классовые противоположности возрастают. Если на ранних этапах развития капитализма в господствующий класс проникали и представители дворянства, и деревенские кулаки, и т. п., то сейчас попасть в число монополистов США не легче, чем было в эпоху абсолютизма мещанину получить дворянство.

Теперешние классы, утверждают многие буржуазные социологи,— это группы людей, которые отличаются друг от друга лишь своими «социальными функциями». Капитализм-де сам разрушил прежнюю классовую структуру, благодаря чему воцарилось общество, нынешнее название которому то ли «народный капитализм», то ли «государство всеобщего благосостояния». Но капиталистическая эксплуатация исчезла не в капиталистическом мире, а лишь в писаниях буржуазных социологов.

---

[1] *C. Wright Mills.* The Power Elite. N. Y., 1956.

Идеологи капитализма строят самые удивительные гримасы для того, чтобы прикрыть глаза и не замечать эксплуатации, существования эксплуататорской верхушки в современном буржуазном обществе. Если они и признают, что в современном капиталистическом обществе существует неравенство, то спешат оговориться, что это неравенство относится главным образом к тому, что касается силы духа, силы ума. В этом смысле люди неодинаковы от природы, и якобы на этой психологической базе неодинаковой одаренности людей вырастает верхний слой общества, так называемая «элита», слой «избранных». Поскольку основой всех общественных отношений объявлены психические отношения, у социолога появляется возможность утверждать, что сфера психических отношений как бы выталкивает наверх отдельных индивидуумов, которые выделяются одаренностью.

Теория «элиты» восходит своими историческими корнями к старой, давно опровергнутой марксизмом теории «героя и толпы», которую проповедовали еще субъективные социологи типа Карлейля, а после разгрома Парижской коммуны — французский реакционный социолог Габриэль Тард. Теория «элиты» является вместе с тем новейшей трансформацией гитлеровско-фашистской теории о «слое господ», только вместо биорасистского «обоснования» ей дают «психологическую базу».

Некоторые социологи стараются доказать, что «элита» современного капитализма — это слой директоров, управляющих, инженеров, техников. Сторонники *теории технократии* говорят, будто марксисты отстали, проглядели один из самых важных процессов развития современного капиталистического общества, в котором власть сосредоточивается в руках инженеров, техников, директоров, управляющих и т. п.

Эту теорию, как уже говорилось в главе XIV, широко разрекламировал американский публицист Дж. Бэрнхем — один из наиболее старательных агентов империалистической реакции, а также многие американские теоретики.

Эта теория поддерживается и современными реформистами, которые стараются придать ей некое экономическое «обоснование». Лейбористский деятель Англии Кросмэи пишет, что в капиталистическом обществе руководство и экономический контроль якобы перешли к новому классу — классу не имеющих собственности руководителей, а класс собственников будто бы потерял свою традиционную капиталистическую функцию.

Такую же теорию пропагандирует и профессор Колумбийского университета (США) В. Фридмэн, который утверждает, что «в современном индустриальном обществе все больше господствует не собственник, а управляющий»[1].

[1] См. «Transactions of the Third World Congress of Sociology», vol. II, p. 177.

Конечно, на современном предприятии рабочий видит инженеров, управляющих, техников, с ними он имеет дело. Роль технической интеллигенции непрерывно возрастает. Но управляющий управляющему рознь. Среди инженеров и директоров есть крупные капиталисты, располагающие большим количеством акций и получающие тантьемы и дивиденды, а есть инженеры, являющиеся по своему социальному положению служащими. Социал-реформисты пытаются уверить рабочих, что эти служащие якобы и есть хозяева предприятий. Они «забывают» сказать, что подлинные хозяева — это те, которые замкнулись в скрытых от глаза простого человека кабинетах. Эти воротилы капиталистического общества, устранившиеся от участия в производственном процессе, являются паразитами и присваивают себе львиную долю доходов.

Буржуазные теоретики, чувствуя, что капиталистическая система дискредитировала себя, а притягательная сила великих идей социализма в огромной степени возросла и продолжает расти, пытаются убедить народ, будто капитализм в корне «изменился». Они стремятся подкрасить капитализм под социализм. Некоторые из этих теоретиков заявляют, будто найден какой-то «средний путь» между социализмом и капитализмом. Такую теорию развивают неотомисты, так называемые «христианские социалисты», ряд социал-демократических теоретиков, ее поддерживают и некоторые ревизионисты, изобретая несуществующий «третий» путь. Идеологи буржуазии хотели бы скрыть тот неопровержимый факт, что закономерный исторический процесс ведет к крушению эксплуататорского строя, к победе социалистических общественных отношений.

8. Некоторые проблемы международных отношений в освещении буржуазной социологии

Помимо проблем, связанных с внутренней структурой капиталистического общества, современные буржуазные социологи касаются и вопросов международных и межгосударственных отношений. Господствующая идея большинства их работ — идея создания «национальной общности» или «национальной кооперированности». Под этими лозунгами скрывается политика сколачивания военных блоков в капиталистическом мире.

В обоснование Атлантического агрессивного блока (НАТО) написан ряд книг, в которых вопреки фактам, наперекор истории авторы стремятся доказать, будто еще в XVIII или XIX в. создалась «атлантическая цивилизация», «атлантическая духовная общность». Французский историк Пирен эту фальшивую идею положил в основу своей «всемирной истории». При этом доказывается, что центр цивилизации переместился в США,

вследствие чего экономическая, политическая и духовная зависимость западноевропейских стран от американского капитализма якобы неизбежна.

В ряде социологических работ пропагандируется экспансия США в Западной Европе и подчеркивается, что «новый», американский капитализм, якобы лишенный классовых конфликтов, несет «оздоровление и спасение» «старому», европейскому капитализму. Последний должен пойти на выучку к магнатам Уолл-стрита. Подобные идеи проводит американский социолог Страус-Хюпе в своей книге «Зона безразличия». Английский историк Эренберг вскоре после войны писал о новой «эпохе возрождения», которая на этот раз приходит на опустошенный битвами европейский континент не из Италии Леонардо да Винчи и Рафаэля, а из Нью-Йорка Моргана и Рокфеллера.

Писания социологов, ставящих своей целью пропаганду империалистической экспансии, в той или иной степени связаны с проповедью космополитизма, с отрицанием национального суверенитета и патриотизма. Извращая действительный ход исторического процесса, социологи и историки, придерживающиеся таких взглядов, утверждают, будто источник войн и мировых конфликтов не в агрессивной политике империалистических держав, а в существовании суверенных государств. Идеологи буржуазии прибегают к софистике, утверждая, что уничтожение на земле суверенных государств при сохранении капитализма приведет к «замирению», к установлению «американского мира» («пакс американа»), подобно тому как во времена Римской империи ее легионы устанавливали повсюду, где они появлялись, «римский мир» («пакс романа»).

Фальшивые идеи об устарелости и архаичности национального суверенитета лежат и в основе выступлений некоторых социологов в защиту колониализма. Таковы работы американского социолога Г. Кона[1]. С позиций подобных теорий национально-освободительное движение объявляется «пройденным этапом» исторического процесса, а «взаимозависимость» колонизаторов и народов колоний провозглашается велением исторической судьбы. Зависимость от империалистических держав прославляется как прогрессивный путь «европеизации» или «американизации» колоний, которые на этом пути обретут все блага «социальной мобильности», «общественной гармонии» и «народного капитализма». Подобная пропаганда буржуазных социологических теорий применительно к странам Востока должна, по замыслам ее организаторов, противостоять тем антикапиталистическим настроениям, которые усиливаются у народов, познавших колониальное рабство.

---

[1] *H. Kohn.* Nationalism. Its Meaning and History. N. Y., 1955.

На разные лады, открыто, а нередко завуалированно, проповедуется тезис о том, что капитализм — это социологическая норма общественной жизни, а отпадение от системы капитализма — это нарушение нормы, патологическое явление. С помощью «социальной психологии», фрейдизма и других подобных течений стряпаются реакционнейшие идеи о «массовых психозах» и иные клеветнические измышления, направленные против революционного движения трудящихся масс, против их борьбы за светлое будущее, за уничтожение эксплуатации человека человеком. Идея «социальной терапии» выдвигается в обоснование расправы реакционных классов с революционным движением, в оправдание подготовки интервенции против стран социализма или государств Востока, добившихся политической независимости. В целях раздувания «холодной войны» широко использовались и по сей день используются психорасизм, неомальтузианство, геополитика и некоторые другие реакционные социологические теории.

Различные буржуазные социологические теории используются для оправдания империалистической политики «с позиции силы». Философское обоснование этой антинародной политики ищут и находят в современном волюнтаризме и субъективном идеализме, утверждающем, будто можно повернуть колесо истории вспять. Сторонники этого взгляда в гонке вооружений и в войне видят единственное средство разрешения мировых проблем и путь к спасению капитализма.

Однако прогрессивная идея мирного сосуществования двух систем — капитализма и социализма — все же завоевывает умы и буржуазных философов и социологов. Наиболее дальновидные из них вырываются из плена догм антикоммунизма и приходят к мысли, что надо бороться против новой войны, которая представляет величайшую угрозу человечеству.

* *
*

Проникнутые идеализмом представления об обществе, как это видно из приведенных примеров, никогда не играли столь вредной роли, как в нашу эпоху.

Распространяя неправильные идеи о направлении и сущности процесса развития общества, реакционная буржуазия стремится отравить сознание трудящихся, лишить рабочий класс уверенности в его возможностях освободить себя и все человечество от всех видов социального и духовного гнета. Реакционные социологические идеи лежат в основе современного антикоммунизма. Под влиянием идеалистических концепций по ложному пути направляются немалые силы интеллигенции капиталистических стран, в том числе многих честных ученых, изучающих вопросы общественной жизни. Буржуазные представления о сущности и

характере общественных явлений оказывают влияние и на некоторых неустойчивых людей в коммунистических и рабочих партиях, заражают умы тлетворным духом ревизионизма.

Задача марксистов-ленинцев заключается в том, чтобы смело вступать в бой с буржуазными теориями, искажающими действительность, изучать данные о классовых отношениях современного буржуазного общества и, вооружившись конкретными знаниями, разоблачать господствующие в нем идеалистические догмы, которые являются теоретическим обоснованием политического, экономического и духовного господства капитала.

Марксизм-ленинизм потому и является всепобеждающим учением, что он, глубоко и правильно отражая жизнь, дает возможность успешно вести борьбу против всего отмирающего, косного, тормозящего общественное развитие, помогает рабочему классу и всем трудящимся добиться освобождения от классового гнета и прийти к победе правого дела коммунизма, к установлению самого справедливого общественного строя и прочного мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы рассмотрели основные вопросы марксистской философии. Сделаем теперь некоторые выводы.

1. Марксистская философия, как было показано выше, возникла не в стороне от столбовой дороги развития философии. Она явилась закономерным результатом всего предшествующего развития передовой философской и научной мысли. Марксистская философия в критически переработанном виде вобрала в себя все ценное, научное, передовое, что было достигнуто в результате более чем двухтысячелетнего развития философии. Вместе с тем возникновение диалектического и исторического материализма знаменовало качественный скачок, глубочайшую революцию в области философии. Марксистская философия возникла как мировоззрение самого передового класса современности — рабочего класса. Она всегда была и остается в полном соответствии с развивающимся естествознанием и общественными науками, она враждебна всем формам идеализма, мистики, поповщины. Марксистская философия представляет собой высшую ступень развития философской мысли.

Созданные Марксом и Энгельсом, развитые на основе новых данных науки и нового исторического опыта Лениным и его учениками, диалектический и исторический материализм за сто с лишним лет своего существования убедительно доказали правоту своих положений, получили широкое распространение и приобрели всемирно-историческое значение.

Будучи единственно научным методом познания, диалектический материализм завоевывает все более прочные позиции в естествознании. В 1908 г. В. И. Ленин написал свое знаменитое произведение «Материализм и эмпириокритицизм», в котором дал гениальный анализ новых открытий науки, ознаменовавших величайшую революцию в естествознании. С тех пор развитие науки о природе необычайно обогатило наши знания, показав, что нет границ проникновению человеческого разума в тайны вселенной. Вместе с тем развитие науки на каждом шагу подтверждает истинность материалистической диалектики, правоту диалектико-материалистического подхода к явлениям, так глубоко и всесторонне разработанного в ленинском произведении.

Как ни сложен и извилист путь познания, но в настоящее время не подлежит сомнению, что единственно верным и надежным компасом на пути безостановочного движения человеческого познания являются не идеализм и его разновидность — позитивизм и не метафизика, а подлинно научная философия современности — диалектический материализм. Эта философия предохраняет науку от блужданий и путаницы в объяснении явлений, помогает найти правильное теоретическое истолкование их. Она не ставит никаких границ человеческому познанию, не абсолютизирует те или иные достижения науки, а требует безостановочного движения вперед, раскрытия все новых и новых сторон процессов окружающего нас мира, ради увеличения власти человека над природой, ради прогресса человечества. Теоретически мыслящие ученые — естествоиспытатели, наблюдающие ломку старых научных понятий, находят и найдут в марксистской философии и в ее применении к отдельным отраслям знания верный путь к решению вопросов, которые ставит прогрессивный процесс научного познания.

2. Марксистско-ленинская философия испытана не только в ходе бурного развития современного естествознания, но и во всемирно-исторической практике нашей великой эпохи. Теория исторического материализма, которую Ленин называл величайшим завоеванием научной мысли, впервые открыла наиболее общие законы общественного развития и положила конец хаосу и произволу, которые царили до того во взглядах на историю. Благодаря созданию исторического материализма история общества, изучение ее общих законов, изучение различных видов общественных отношений, изучение отдельных форм общественного сознания в их историческом развитии впервые было поставлено на почву науки. Буржуазные социологические теории за истекшее столетие возникали и бесследно исчезали, не выдержав испытания временем, всемирно-исторической практикой. Только диалектический и исторический материализм выдержал это испытание и получил полное подтверждение своей истинности.

Социализм, превратившийся в середине XIX в. из утопической мечты о будущем в научную теорию, ныне стал реальным фактом действительности для сотен миллионов людей. Со времени Великой Октябрьской социалистической революции в России началась новая эпоха всемирной истории. Эта эпоха, «основное содержание которой составляет переход от капитализма к социализму, есть эпоха борьбы двух противоположных общественных систем, эпоха социалистических и национально-освободительных революций, эпоха крушения империализма, ликвидации колониальной системы, эпоха перехода на путь социализма все новых народов, торжества социализма и коммунизма во всемирном

масштабе»[1]. Победа социалистических революций сначала в России, а затем в ряде других стран Европы и Азии, успехи национально-освободительного движения, ведущего к полному распаду колониальной системы империализма,— все это является неопровержимым свидетельством истинности, правоты и неодолимой силы марксизма-ленинизма, предсказавшего за целое столетие неизбежность крушения капитализма и торжества социализма.

3. Марксистская философия является теоретической основой всей стратегии и тактики марксистских партий. О связи тактики рабочего класса с диалектико-материалистическим мировоззрением В. И. Ленин писал: «Основную задачу тактики пролетариата Маркс определял в строгом соответствии со всеми посылками своего материалистически-диалектического миросозерцания. Лишь объективный учет всей совокупности взаимоотношений всех без исключения классов данного общества, а, след., и учет объективной ступени развития этого общества и учет взаимоотношений между ним и другими обществами может служить опорой правильной тактики передового класса. При этом все классы и все страны рассматриваются не в статическом, а в динамическом виде, т. е. не в неподвижном состоянии, а в движении (законы которого вытекают из экономических условий существования каждого класса). Движение в свою очередь рассматривается не только с точки зрения прошлого, но и с точки зрения будущего и притом не в пошлом понимании «эволюционистов», видящих лишь медленные изменения, а диалектически... На каждой ступени развития, в каждый момент тактика пролетариата должна учитывать эту объективно неизбежную диалектику человеческой истории»[2].

Марксистская партия, авангард рабочего класса и всех трудящихся, руководя борьбой за новое общество и строительством нового общества, учитывает эту диалектику истории. Она видит в истории общества не только медленные изменения, но и качественные скачки, противоречия и борьбу, отрицание старого и победу нового. Она учит поддерживать новое, развивающееся — то, чему принадлежит будущее, учит в жизни и в политике смотреть вперед, а не назад, учит не реформистской тактике приспособления к капитализму, а революционной тактике свержения капитализма через развитие классовой борьбы пролетариата, через социалистическую революцию. Оппортунисты видят в истории только процесс медленных, постепенных изменений, отрицают противоречия и поэтому проповедуют вместо классовой борьбы классовый мир, вместо революционной тактики реформистскую, полностью отказываясь от идеи социалистической ре-

[1] «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 5.
[2] *В. И. Ленин.* Соч., т. 21, стр. 58, 59.

волюции и диктатуры пролетариата. Марксистские партии решительно критикуют идеологические позиции и правооппортунистическую практику социал-демократизма, разоблачают правых лидеров социал-демократии, перешедших на сторону буржуазии, отказавшихся от социалистических требований рабочего класса.

Руководствуясь требованием строгого учета конкретно-исторических условий (соотношения классов в национальном и международном масштабе, опыта революционных движений и т. д.), марксистская партия не терпит никакого доктринерства в политике, не связывает себя с той или иной формой борьбы, а использует все формы, целесообразные в данных условиях.

В условиях социализма, когда миллионные массы сознательно творят историю, когда инициатива и самодеятельность масс бьет ключом, умение видеть новое и поддерживать его приобретает особо важное значение. Сила Коммунистической партии Советского Союза состоит в том, что она, опираясь на глубокое знание закономерностей коммунистического строительства, внимательно изучая жизнь и творчество масс, умеет находить решающие звенья в цепи исторического развития, раскрывать перспективы, мобилизовать массы, вовремя выбирать наиболее гибкие и эффективные для каждого исторического этапа формы руководства экономической, политической и культурной жизнью страны, решительно отметая консерватизм и рутину, благодушие и самоуспокоенность.

Дух новаторства, свойственный марксистским партиям, есть выражение революционной диалектики, которая является душой марксистского учения.

4. Марксистско-ленинская философия есть живое учение, которое не терпит застывших догм, подвергается проверке, дополняется, обогащается и развивается дальше на основе опыта массового движения. В творческом применении марксистской теории к жизни, к практике состоит не только ее сила, но и источник ее развития. Марксистские партии во всех странах борются против догматизма и начетничества, видя в них тормоз для развития марксистско-ленинской теории и ее творческого применения.

Когда буржуазные идеологи утверждают, что марксизм по своей сущности является учением догматическим, они преднамеренно клевещут на марксизм. «Не может быть догматизма там, где верховным и единственным критерием доктрины ставится — соответствие ее с действительным процессом общественно-экономического развития...»[1] По своей сущности марксизм враждебен догматизму, ибо важнейшим принципом марксизма является связь теории с практикой, проверка теоретических положений на практике, развитие теории на основе обобщения

---

[1] *В. И. Ленин*. Соч., т. 1, стр. 280.

практического опыта миллионов. Именно связь теории с практическим опытом масс делает марксизм живым, творческим учением и не дает ему превращаться в свод застывших догматических положений, которые надо лишь зазубрить и разъяснить. «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса,— писал Ленин,— как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни... Эта теория дает лишь общие *руководящие* положения, которые применяются *в частности* к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России»[1].

Коммунистические партии в соответствии с традициями и всем духом ленинизма вели и ведут последовательную и непримиримую борьбу в политике и в теории на два фронта: против догматизма и ревизионизма. Группа Маленкова, Молотова, Кагановича и др.— это группа догматиков, оторвавшихся от жизни и от народа; эта группа раскольников и фракционеров тянула партию назад, боролась против ее ленинской политики, пыталась подорвать единство партии, ревизовать ее решения. С точки зрения теоретической эта антипартийная группа изменяла диалектике, составляющей живую душу марксизма, требующей учета всего нового, возникающего в жизни, конкретного подхода к решению назревших вопросов. Разоблачив и идейно разгромив эту группу, КПСС еще теснее сплотилась вокруг своего Центрального Комитета под знаменем марксизма-ленинизма.

Добиваясь умелого применения марксизма к конкретным условиям развития различных стран, коммунистические партии учат хранить в чистоте принципы марксизма, касающиеся главных закономерностей социалистической революции и социалистического строительства, общих для всех стран. Они борются со всеми формами ревизии марксистско-ленинского учения, его коренных основ.

Ревизионизм всегда был и ныне остается проявлением буржуазной идеологии в рабочем и коммунистическом движении, парализующим революционную энергию рабочего класса и подрывающим веру в социализм. Борьбу против ревизионизма марксистские партии рассматривают как свой долг и как важнейшее условие успехов рабочего и коммунистического движения. Принципы, законы марксистско-ленинской философии, марксистский диалектический метод являются надежным средством против застоя мысли, против односторонности и субъективизма, характерных для ревизионизма и догматизма.

Ошибки в политике, различные уклонения от правильной политической линии имеют не только классовые, но и теоретические

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 4, стр. 191, 192.

корни. Разоблачая различные оппортунистические уклоны в рабочем движении, Ленин вскрывал не только классовые, но и теоретические корни уклонов, показывая, что теоретическая сущность оппортунизма состоит в подмене диалектики эклектикой или софистикой, в отходе от диалектико-материалистического анализа общественных явлений, который заменяется субъективизмом или буржуазным объективизмом.

Одной из важнейших задач коммунистических и рабочих партий является применение диалектического материализма в практической работе, воспитание кадровых работников и широких масс в духе марксизма-ленинизма.

Марксистские партии всех стран требуют от своих кадров глубокого усвоения марксистско-ленинского мировоззрения. Усвоение марксистско-ленинской теории, органическое соединение ее с практикой помогают успешнее решать задачи руководства революционной борьбой и строительством нового общества. Марксистские партии следуют завету Энгельса, который писал: «Социализм, с тех пор как он стал наукой, требует, чтобы с ним и обращались как с наукой, то есть чтобы его изучали» [1].

Диалектический и исторический материализм, как теоретическая, философская основа научного коммунизма, дает возможность глубже понять коренные проблемы социализма и коммунизма.

5. Марксистская философия ведет непримиримую борьбу со всеми школами и направлениями реакционной философии, стремящейся отравить сознание трудящихся мистицизмом и идеализмом, дезориентировать массы, чтобы подчинить их буржуазии.

Буржуазная философия и социология не в состоянии дать правильный ответ на вопросы, которые волнуют все прогрессивное человечество. Буржуазная теоретическая мысль запуталась в неразрешимых для нее противоречиях.

Коренные проблемы, поставленные всем ходом исторического развития,— это уничтожение эксплуатации человека человеком, социального и национального гнета, безработицы, необеспеченности и нищеты трудящихся масс, чудовищного бремени милитаризма, международной напряженности, опасности новых империалистических войн, обеспечение прочного мира и братских отношений между всеми народами.

Только исторический материализм и марксизм-ленинизм в целом дает научный, правильный ответ на коренные вопросы современности. В этом причина растущего влияния марксистско-ленинской философии. Поэтому стоустая критика марксистской философии со стороны ее врагов была и остается безуспешной. В огне критики, в ходе борьбы марксистская философия еще больше закаляется, совершенствуется, развивается.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные произведения, т. 1, стр. 605.

Марксистская философия продолжает традиции воинствующего материализма, нетерпимого к лжи и предрассудкам, уверенного в победе истины над ложью, разума над предрассудками. К этой борьбе она привлекает всех передовых мыслителей капиталистических стран, которые испытывают серьезную тревогу за судьбы народов, за судьбы культуры, за судьбы мира и человечества. Философы-немарксисты могут быть в одних рядах с марксистами там, где надо определить свое отношение к империалистическому культу грубой силы и войны, к реакционной «философской» проповеди презрения к человеку и человеческому разуму, к проповеди и практике угнетения во всех его формах, будь то угнетение классовое, национальное, расовое или угнетение одного пола другим.

Гуманистические принципы являются результатом огромного исторического опыта народов и гигантской работы мысли передовых умов человечества. Они выстраданы многовековой историей, ценой жертв, которые понесли народы в борьбе за свое освобождение, мучительными исканиями лучших решений тех задач, которые ставила перед мыслителями жизнь народов.

Коммунизм есть высшее воплощение гуманизма. Он навсегда спасает человека от того интеллектуального и морального искалечения, которое неотделимо от строя эксплуатации. Во имя всестороннего развития каждой человеческой личности, во имя счастья каждого человека социалистические страны развивают производительные силы, стремясь облегчить труд, сделать человека в полной мере властелином природы, удовлетворить его растущие материальные и культурные потребности.

На благо человека в социалистическом обществе поставлены все достижения науки, культуры. Свободные от цепей капитала, люди здесь не знают над собой никакой власти, кроме власти своего собственного объединения. Социалистическое общество проявляет постоянную заботу о человеке, со дня его рождения до глубокой старости. Все это ведет к необычному расцвету каждой человеческой личности, чего не знала предшествующая история общества. Марксистско-ленинская философия служит делу борьбы рабочего класса, всего человечества за высший, за самый гуманный общественный строй — за коммунизм.

Великая задача марксистской философии — вооружать рабочий класс, все передовые силы, борющиеся против империализма, научным мировоззрением, знанием законов, движущих сил и перспектив общественного развития.

Программа Коммунистической партии Советского Союза научно обосновала для всего человечества путь в будущее. Это будущее — ***коммунизм***.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

ОСНОВЫ МАРКСИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ. Изд. 2-е. М., Госполитиздат, 1962. 656с. (Акад. наук СССР. Ин-т философии.)
На обороте тит. л. авт.: Ф. В. Константинов, чл.-кор. АН СССР, В. Ф. Берестнев, д-р философ. наук, Г. Е. Глезерман, д-р философ. наук [и др.].

1 М+1 МИ

Редактор *Э. Струков*

Художественный редактор *С. Голубев*
Технический редактор *Н. Трояновская*

Сдано в набор 15 марта 1962 г. Подписано в печать 25 мая 1962 г. Формат 60 Х 90[1]/16. Физ. печ. л. 41. Услови. печ. л. 41. Учетно-изд. л. 42,37. Тираж 300 тыс. (100 001—200 000) экз. А02577. Заказ № 3572. Цена в бумажном переплете 95 коп., в коленкоровом 1 р. 05 к.

Госполитиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата Министерства культуры СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.